

Солодарь Цезарь Дикая полынь

Ф А Н А Т И К И

ВЕСНОЙ 1919-го

Улица моего детства в Виннице

Одним концом упиралась она в район бульвара и садов, где в чистеньких двухэтажных домах в окружении модных врачей, нотариусов и адвокатов проживал цвет еврейской буржуазии. Наиболее шикарные из этих домов почтительно именовали у нас особняками. А особняком из особняков заслуженно считался белоколонный трехэтажный дом на пригорке, окруженный каменным забором с причудливыми, какими-то пузатыми столбами.

Там жил один из самых крупных городских богачей по фамилии Львович — акционер сахарозаводческих компаний, владелец паровых мукомолен, известный хлеботорговец. Даже мы, мальчишки, пересказывая друг другу прочитанные "сыщицкие" романы, так описывали миллионеров из натпинкертоновских небылиц: "Нью-йоркский банкир был набит золотом, как Львович!"

Старшие, правда, чаще говорили: "Скуп, как Львович, — у него и снега зимой не выпросишь". Говорили с оглядкой — уж очень многие зависели от Львовича, как говорится, с потрохами, подрабатывая и прирабатывая, но отнюдь не зарабатывая на сносную жизнь в многочисленных владениях Львовича. А многие не имели права забывать, что на деньги Львовича содержится духовная школа для бедняцких детей, именуемая в городе "Талмудторой".

Подпевалы богача неустанно твердили: "А когда надо похоронить нищего, разве не Львович подбрасывает пару-другую рублей людям из "Хевре-кадишим"? А когда надо сколотить приданое бедной невесте, разве не у Львовича берет пятерку "Гимнас коло"? Так по-еврейски назывались "Братство религиозного погребения" и "Благотворительное общество изыскания приданого для неимущих невест".

Бедняцкие семьи, испытавшие на себе покровительство филантропов из этих, поддерживаемых местным раввином, учреждений, надолго попадали к ним в кабалу.

Но об этом я узнал значительно позже. А в ту пору на меня завораживающе действовало связанное с именем Львовича красивое и столь ласковое на слух слово "благотворитель". В сочетании со знакомым нам по книгам великосветским словом "вилла" — так называли у нас особняк сахарозаводчика — слово "благотворитель" одурманивало винницких ребят.

Другой конец моей улицы приводил в квартал еврейской бедноты, вернее, ужасающей нищеты. В незапамятные времена там ухитрились наклепать одноэтажные приземистые домишки так, что состояло они в основном из одних подвалов. За подслеповатыми окнами ютились в них многодетные семьи. И с первыми же лучами весеннего солнца жизнь бедняков выплескивалась на замусоренные узенькие улочки, где с трудом удавалось разъезжаться двум встречным повозкам, именовавшимся у нас фурами.

В дореволюционное время этот район, называемый Иерусалимкой, считался классическим образцом проклятой "черты" оседлости, учрежденной царизмом для бесправной еврейской бедноты. "Черта" представляла собой царский вариант разработанного монархическим правительством Пруссии закона о лишении немецких евреев права свободного передвижения из одного места страны в другое.

Любой уголок Иерусалимки был кричащим символом беспросветной нищеты. Вот

почему в послереволюционные годы каждый кинофильм, обнажающий пресловутую "черту", обязательно снимали "на натуре" среди нищего хаоса Иерусалимки. Кому знакомы прекрасные улицы и парки сегодняшней Винницы — цветущего областного центра Советской Украины, живописного города, опоясанного затейливой лентой Южного Буга, — тем трудно, просто невозможно даже представить себе, что такая чудовищная "натура" могла в действительности существовать.

Самым близким мне человеком с Иерусалимки был словоохотливый и неунывающий портной Хаим Пекер, подгонявший под меня саржевые костюмчики, из которых вырос мой старший брат. В наших краях общительный голодранец Пекер был еще известен и тем, что четверо его пошедших в мать детей были огненно-рыжими, а другая четверка, в которой возобладали отцовские гены, отличалась смоляно-черными волосами.

Не шибко имущие заказчики изредка доверяли Пекеру только "перелицовку" и "штуковку", и неудивительно, что восемь детей портного — мал мала меньше — питались впроголодь.

Сегодняшнему советскому читателю трудно поверить, что такие бедняки вроде Хаима Пекера могли существовать. О нет, они были, они существовали, они чахли от голода во многих городах и местечках до установления на Украине Советской власти, раз и навсегда сломавшей проклятую "черту". Настроения и мирозерцание этих несчастных людей отражает протяжная грустная песня, не раз слышанная мною в детстве от нищего портного. Вот она в моем точном переводе:

Ой, если еврей-бедняк имеет дочку
Пусть она красавица на весь белый свет,
Никто не берет ее в невесты.
А почему?
Потому что у отца денежек нет.
А если еврей-богатея имеет дочку
Пусть она косая и страшна на вид,
Сам раввин приходит к ней сватом.
А почему?
Потому что папаша деньгами набит.
Ой, если еврей-бедняк задолжает
Домовладельцу пару монет,
Его на улицу выбрасывает пристав.
А почему?
Потому что у бедняка денежек нет.
А если еврей-богатея не заплатит
В казначейство большой налог,
Присяжный поверенный его выручает.
А почему?
Потому что у богача денег мешок...
Львович и Пекер.

Сочетание имен высокомерного богача и горького бедняка казалось на нашей улице совершенно противоестественным. И все же именно такое сочетание привело к тому, что вместе со многими моими юными сверстниками я впервые призадумался над словами "сионизм", "сионисты". Призадумался в такие минуты и в такой обстановке, что эти, дотоле мне неведомые слова вынужден был воспринять с недетской тревогой, как смутное предвестие чего-то очень тяжкого и мрачного.

Это было весной 1919 года.

Части Красной Армии настойчиво очищали Украинскую землю от войск Петлюры, одного из самых зловещих организаторов буржуазно-националистического движения на

Украине в 1918–1920 годах. В предвидении своего бесславного конца петлюровцы жестоко и оголтело расправлялись с трудовым людом, конечно, и с еврейским.

Из Каменец-Подольска приехал тогда в Винницу пожилой сотник по прозвищу Герман. Несколько лет провел он в кайзеровской Германии и императорской Австрии, где прочно связался с тамошними антисемитскими кругами. Западноевропейское "реноме" сразу же подняло авторитет господина сотника в петлюровских кругах. Подумать только, ведь он познал азы антисемитизма не где-нибудь, а в самой кайзеровской Германии, эксплуататорским классам которой принадлежит первооткрытие в использовании антисемитизма как средства политического воздействия на определенные слои общества. Там еще в 70-х годах XIX столетия смекнули, что антисемитизм — действенная форма расизма, что он является средством насаждения национальной розни и отвлечения трудящихся масс от борьбы за свои жизненные интересы.

Вернувшись на Украину, Герман стал насаждать среди петлюровцев практику молниеносных, но по-деловому, "на европейский лад" организованных погромов с наименьшей затратой времени и с наибольшей прибылью. Именно так он организовал массовый грабеж еврейского населения в Каменец-Подольске.

Грабили также и поляков, и русских.

С приездом Германа по еврейским кварталам Винницы поползли леденящие сердце черные слухи: петлюровцы готовят погром. Их местное командование поспешило официально опровергнуть эти слухи как заведомо клеветнические.

А после ужасного погрома то же командование столь же официально сообщило, что громилами были не войска местного гарнизона, а "нерегулярные" курени, тайком, дескать, ворвавшиеся в Винницу из окрестных местечек.

Прибежав на Иерусалимку, я увидел разоренный дотла подвал Пекера. Грабить в этом нищенском жилище было нечего, и погромщики, чтобы отвести душу, в щепья изрубили жалкую мебель, распотрошили постели и покалечили скудный портновский инвентарь. Семье портного удалось спастись: как и многих жителей Иерусалимки, ее укрыли у себя крестьяне пригородного села Пятничаны.

А как же белоколонный особняк Львовича? Погромщики старательно обошли его. И мы, ребяташки, увидели, как через несколько часов после погрома Львович важно выехал из своего двора в известной всему городу лакированной коляске на резиновых шинах. Расхаживавший напротив, у здания почты, петлюровский стражник поспешил откозырять почтенному богачу.

Как же так?

Даже меня и моих беспечных и вихрастых партнеров по "пряткам-жмуркам" удивила подобная, мягко говоря, странность. Погромщики ведь искали золото, деньги, ценности. Всего этого было вдосталь у Львовича. Ничего этого и в помине не было у Пекера. И все же петлюровцы ворвались в сырой подвал портного и не рискнули даже постучаться в резные двери сахарозаводчика.

Почему?

Первый правдивый ответ мы получили из уст четырнадцатилетнего типографского ученика Гриши Каца, подростка с чахоточным румянцем на щеках и огненными искорками в глазах, раз и навсегда зажегшимися в дни, когда Гришин старший брат-рабочий обувной фабрики "Ястреб" участвовал в разгоне буржуазной городской думы. Накануне прихода петлюровцев Яков привлек на сторону большевиков группу рабочих самой крупной в городе типографии. И тайком от хозяев они выпустили листовки с ленинскими декретами о национальной политике Советской власти. Это вызвало яростный гнев украинских буржуазных националистов, богатой части польского населения и, конечно, сионистов. Сейчас Якова Каца ревностно разыскивали петлюровские ищейки.

Юный возраст Гриши не избавлял его от подозрений петлюровцев он это знал. И все же Гриша открыл глаза ребятам с нашей улицы на "странное поведение" погромщиков. Ларчик раскрывался просто.

Богатейшие винницкие евреи через местных сионистских заправил передали петлюровскому командованию крупную денежную сумму. Этак они единым махом и выкупили себя, и запродали с потрохами еврейскую бедноту погромщикам.

Немалую толику полученных у богачей денег сионистские лидеры припрятали на нужды своей организации. Сделано это было с полного согласия договаривающихся сторон. Не возражал даже деловитый "европеец" Герман.

Сперва мы не поверили Грише.

Да разве может это быть? Неужели петлюровцы, ярые антисемиты, способны поддерживать евреев-сионистов, а те охотно дружат со злейшими врагами евреев? Такое не укладывалось в нашем сознании. Но все было именно так. И винничане смогли наглядно убедиться в этом через несколько дней.

Пришло известие: Симон Петлюра, глава украинской директории, созданной коалицией контрреволюционных партий, получил от Антанты заверение в поддержке. Столь важное событие местные петлюровские вожаки решили ознаменовать военным парадом.

Усыпив бдительность родителей, мы, мальчишки, сумели проникнуть на главную Николаевскую улицу, где проходил парад. Неподалеку от древних крепостных стен гимназического двора стояли деревянные подмости для почетных лиц.

Рядом с принимавшим парад петлюровским атаманом и его свитой, щеголявшей желто-голубыми лампасами, винничане неожиданно увидели шумливого и развязного франта лет сорока в штатском. Это был прибывший в Винницу специально на парад сионистский деятель Пинхас Краснер.

Облеченный высоким титулом министра директории по еврейским делам, он был командирован сюда петлюровской ставкой. Восторженно и вместе с тем по-сановному снисходительно приветствовал Краснер проходившие перед подмостками войска. А в их шеренгах среди насильно мобилизованных рядовых браво маршировали вчерашние погромщики — палачи еврейской бедноты, отданной сионистами им на расправу. Только много лет спустя мы поняли, что тогда, подростками, впервые в жизни увидели ядовитые плоды сионистской практики.

БЛИЗ ОРКЕСТРОВОЙ БЕСЕДКИ

В ту пору в городе действовали две соперничавшие между собой сионистские группировки. Не помню уже, в чем заключались разногласия, но названия я запомнил: "Цеире цион" и "Поалей цион". Яростно понося одну другую, они всячески стремились привлечь на свою сторону подростков, чтобы под своим попечительством создать скаутские отряды националистического толка.

И вот цеиреционовцы пригласили еврейских ребят на торжественный сбор в честь создания первого скаутского отряда. Тогда поалейционовцы немедленно назначили свой сбор на тот же день и час, близ той же самой оркестровой беседки на городском бульваре.

— Сами не пойдем и уговорим ребят из других дворов тоже не ходить на скаутский сбор, — поспешили мы уверить Гришу Каца. К нашему удивлению, услышали в ответ:

— Нет, вам надо послушать сионистских агитаторов. Тогда сами увидите, правду я вам говорю про них или нет.

Когда только ребята столпились у оркестровой беседки, нас строго-настрого предупредили:

— Если заметите, что нас слышит, не дай бог, не еврей, сразу же крикните! Пусть он даже близко не подходит!

Можете представить себе, как после этого предупреждения учащенно забились сердца ребят с нашего двора: ведь мы привели сюда украинского парнишку Костика Березовского. Прослышав, что всем, кто придет на бульвар, дадут подарок, мы уговорили Костика пойти с нами — недавно умер от сыпняка его отец, и Костик больше других нуждался в подарке.

На бульваре многие еврейские ребята с других улиц узнали украинского мальчика, но

никто не раскрыл организаторам сбора нашей тайны.

И вот начался торжественный сбор. Он, правда, сразу же превратился в крикливый спор. Лидеры обеих группировок запальчиво обрывали один другого, язвительно намекали на какие-то махинации с денежными пожертвованиями, обменивались колкостями, а порой и нецензурными ругательствами. Подогреваемые криками и вспышками, приверженцы лидеров то и дело затевали потасовку.

Драки могли сорвать сбор. Испугавшись этого, взрослые кое-как уняли драчунов. И самый главный цеиреционовец торжественно провозгласил, что мы обязаны на всю жизнь запомнить этот происходящий в 6579-м по священному летосчислению году сбор.

— И хотя собрались мы на чужой для нас земле, — тут же подхватил поалейционовец, — вы, еврейские дети, здесь, наконец, услышите праведное слово о священной земле предков.

Не дав нам опомниться, оба оратора, только несколько минут тому назад визгливо нападавшие друг на друга, стали неожиданно для нас выкрикивать одни и те же лозунги. Да, дословно одни и те же!

Перебивая один другого, они усердно старались внушить юным слушателям, что петлюровская директория, деникинцы и даже наступавшие на Украину белопольские оккупанты ближе и дороже евреям, нежели безбожники-большевики. Деникинцев и петлюровцев еще можно, дескать, понять: они стоят на национальных позициях, а для большевиков подумайте только! — национальность никакого значения не имеет, они смеют приравнять еврея-доктора с высшим образованием к неграмотному мужику из Пятничан.

Отсюда вытекала воинственная директива: если гражданская война заставит еврейских юношей взять в руки винтовки, то нацелить их нужно только на тех, для кого нет никакой разницы между людьми различных национальностей.

И цеиреционовец и поалейционовец патетически ссылались на "самого Жаботинского", когда объясняли ребятам, почему сионисты сочли необходимым войти в "самостийные правительства" гетмана Скоропадского, а затем Петлюры. Сказало это было неспроста: Владимир Жаботинский слыл тогда вождем сионистов на Украине, и им казалось, что его именем можно внушить еврейскому юношеству "святую обязанность" немедленно доносить властям о действовавших в городе большевистских подпольщиках.

Тогда, на винницком бульваре, я впервые услышал лживые фразы о "всемирной еврейской нации".

Только впоследствии я, естественно, узнал, что эта насквозь фальшивая, шовинистическая концепция, вконец развенчанная марксистско-ленинским учением, составляет краеугольный камень сионистской идеологии, что после создания государства Израиль ее топорно и демагогически пытаются приспособить к современным условиям, что в классовых интересах своих капиталистических хозяев сионизм всячески старается отождествить понятия "нация" и "национальность".

Кто-то из сионистских ораторов, назойливо толкуя нам о "всемирной еврейской нации", то и дело твердил: "особая", "особая", "особая". Это услышал проходивший по бульвару наш полунищий сосед, сапожник Арон Дихель.

— А мне сдается, — сказал он, — что я с моей чахоточной женой мы совсем особые от барона Ротшильда с его банками и фабриками. Если он захочет привести из-за границы в подарок моей жене бутылку молока, то я в моей каморке даже поговорить с ним не смогу: он не знает по-украински, а я совсем не кумекаю по-французски. А идишь во всех странах тоже не одинаковый. Нет, не одной мы с Ротшильдом нации, да еще особой!

Не удивляйтесь, читатель, что то сборище на винницком бульваре, столь отчетливо запечатлевшееся в памяти парнишки, до сих пор вспоминается весьма пожилому человеку во многих подробностях. На то имеются глубокие причины.

Скажу прежде всего о самой существенной. Все без исключения сионистские агитаторы тогда, на винницком бульваре, много и крикливо говорили о Палестине, которая ждет, мол, не дождется всех евреев со всех концов света. А в моем сознании любое

упоминание Палестины неумолимо пробуждало тогда тягостную для сыновнего сердца картину: обильные слезы моей матери над грустными письмами ее родных, эмигрировавших в 1910 году в Палестину и горько-горько раскаивавшихся в этом. В их письмах призывались все кары небесные на голову банкиров Ротшильдов — попечителей "всемирного израильского союза", в ту пору сманивавшего евреев в Палестину. В тенета ротшильдовских агентов попадали, как признавали сами сионисты, наиболее "отчаявшиеся" — те, у кого оставался единственный выход: селиться на палестинских землях, за бесценок скупленных еврейскими банкирами у вынужденных уйти из родных мест арабов.

Я слышал, как мама горестно повторяла фразу из письма своего отца: "Мы собирались стать в Яффе колонистами, а нас заставляют быть урядниками колонизаторов и угнетать старожилов".

Вот почему так жадно внимал я у оркестровой беседки каждому слову сионистских ораторов о Палестине. Вот почему так больно ранили детское сердце их призывы. Вот почему я запомнил те минуты навсегда.

И еще одно немаловажное обстоятельство. Тот сбор будущих скаутов не мог не врезаться в мою память еще из-за дикого скандала, затронувшего всех нас, друзей Гриши Каца.

В самый разгар сбора кто-то из взрослых, подозрительно приглядевшись к Грише, ткнул в него пальцем и визгливо прервал очередного оратора:

— Замолчите! Нас подслушивает брат большевика Каца! Яков Кац скрылся — и большевики из евреев на фабрике "Ястреб" притихли! Но большевизмом запахло на суперфосфатном заводе. Гарантирую, это они, большевики из украинцев, подослали сюда еврейского паренька!

Поднялся невообразимый шум. Раздались выкрики:

— Бей его!

— Пусть его братец узнает, как настоящие евреи поступают с большевистскими агентами!

— Не достоин он называться евреем!

Кое-кто уже занес было кулак над Гришей. Но ребята с нашей улицы, тесно сгрудившись, поспешили прикрыть друга.

И тут послышался умиротворяющий, еле слышимый голос одного из самых влиятельных в сионистской среде организаторов сбора:

— Не трогайте его! Парень не виноват — его сбил с панталыку сумасшедший Яков. Я сейчас все объясню пареньку, увидите, он меня поймет. — Вплотную подойдя к Грише, долговязый человек, прозванный в городе "вечным студентом", вкрадчиво обратился к нему: — Слушай меня внимательно, Гершелэ... Да, да, Гершелэ — еврей не Григорий, еврей только Герш... Твоего несчастного брата одурманили большевики. И он вместе с ними кричит: "Беднота должна бороться с буржуазией!" Может быть, и должна, но к нам, евреям, это не относится. Разве богатый еврей когда-нибудь даст умереть с голоду бедному еврею? Да еще на своей земле? Конечно, нет. А твой брат совсем забыл, что он еврей, и кричит: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Но, подумай, разве же может соединиться еврей-пролетарий с татаринком-пролетарием? Может быть, еще с турком-пролетарием? Глупости! Нет, мы с тобой, паренек, будем кричать так: еврей всех стран, соединяйтесь!

Мог ли я тогда предвидеть, что пятьдесят лет спустя увижу в сионистской прессе Израиля варьируемый на все лады призыв "Еврей всех стран, соединяйтесь!""? Именно так озаглавил свою статью в газете "Наша страна" один из самых фанатичных и иступленно нетерпимых к коммунистическим идеям сионистский публицист Эфраим Гордон. Его регулярные субботние беседы изливают мутные потоки ненависти к евреям социалистических стран. И, как видите, матерый националист совсем не брезгует старым, притупившимся и заржавленным оружием из арсенала сионистской пропаганды. Лозунг "Еврей всех стран, соединяйтесь!" можно частенько встретить и на страницах сионистских газет, издающихся не в Израиле, а в США, странах Латинской Америки и Западной Европы.

Этот лозунг закономерно вытекает из сионистского утверждения о "двойном гражданстве" (или более сдержанно — о двойной лояльности) любого человека еврейской национальности. Где бы ни родился он и жил, Израиль считает себя вправе числить его своим гражданином и предъявлять к нему вытекающие из обязанностей своего гражданина требования. Подробнее об этом "законе" я скажу ниже.

А сейчас вернемся к скаутскому сборищу на винницком бульваре.

Сняв с головы потрепанную студенческую фуражку и вытирая обильный пот, разгорячившийся агитатор победоносно оглядел ребят и подчеркнуто ласково спросил Гришу:

— Теперь, мой дорогой, ты меня понял, правда?

— Правда.

Неожиданный ответ Гриши заставил нас в изумлении застыть.

— Я понял, — продолжал Гриша. — Водовоз Шая, конечно, захочет соединиться с заводчиком Львовичем, но Львович с Шаем — нет!

Ребята прыснули со смеху: уж больно диковинным в их воображении предстало единение напыщенного Львовича в черном сюртуке и шелковом жилете с вечно босым Шаем, от рассвета до темна развозившего в огромной грохочущей бочке воду по закоулкам Иерусалимки.

Сионистский миротворец в студенческой фуражке сердито насупился. Мальчики "из хороших семей" снова угрожающе двинулись на Гришу. Его защитники тоже мгновенно изготовились к драке.

Но это могло сорвать сбор, на который так уповали устроители. И они поспешили утихомирить мальчишек:

— Спокойно, без драки! Пусть этот большевистский агент убирается к таким же, как его брат! Он еще будет валяться у нас в ногах, увидите!

Взяв за руку бледного Костика Березовского, Гриша с подчеркнутой неторопливостью удалился.

Когда стихли разговоры о "большевистском агенте", нам в самых возвышенных тонах объявили, что отныне каждый из присутствующих здесь ребят имеет право носить звание скаута еврейской национальной скаутской дружины. Тому, кто не опозорит это звание, будет открыта дорога в партию сынов Сиона. Она могуча, она действует во всех странах мира, ибо все евреи, где бы они ни жили и чем бы ни занимались, братья по духу и по крови. А кто из них сколько зарабатывает, это уже "абашертэ зах", то есть "веление судьбы".

Затем огласили список тех, кому доверялось командовать звеньями скаутской дружины. Название звеньев были самые причудливые и заманчивые, вроде "Лев пустыни", "Серый волк", "Дикий голубь". В списке командиров оказались сыновья наиболее богатых родителей.

А под конец нам посулили:

— На первом занятии звеньев каждому из вас подарят парусиновую шапочку скаута и шелковые ленточки на левое плечо — под цвет названию звена. И еще каждый получит учебник древнееврейского языка в кожаном переплете.

ЛОВЦЫ ЮНЫХ ДУШ

На занятия звена "Дикий голубь", где командиром стал хиловатый с виду сынок владельца большой лавки под заманчивой вывеской "Гастрономия, бакалея и колониальные товары из Одессы", я не пошел.

Это не осталось не замеченным. Через несколько дней моего отца неожиданно навестил почтенный владелец упомянутой лавки. Забылась его фамилия, но память сохранила прочно прилипшее к нему прозвище "кошерный пристав": бородкой и усами он походил на одного из винницких приставов царских времен и, важно надувая щеки, недвусмысленно гордился столь возвеличивающим его сходством.

"Кошерный пристав" многозначительно откашлялся и с укоризной сказал моему отцу:

— Плохой вы еврей, если не понимаете, что в такое время скаутские отряды не детская забава. Они организуются по указанию самого Жаботинского — запомните это раз и навсегда! — Молчание отца принудило лавочника перейти на снисходительный тон: — Ой, извините, я все понимаю! Ваш шалопай обманул вас и не пошел в скауты без вашего ведома, не так ли? Тогда потолкуйте с ним при помощи хорошего ремня...

Откровенное стремление отца поскорее избавиться от непрошеного гостя окончательно вывело лавочника из себя. Потеряв самообладание, он на пороге угрожающе крикнул:

— Раз вы не знаете, то узнайте и запомните, хорошенько запомните: нашими цеиреционовцами руководит не какой-нибудь там меламед или мишурес [Меламед — учитель религиозной школы, мишурес — мелкий маклер.]. Нет, организовать скаутские отряды велел человек, который был в Москве на конференции "Цеире цион". И он лучше нас с вами знает, что нужно делать и мне и вам!

Ни отец, ни тем более я еще не знали тогда, что разъярившийся лавочник проболтался нам о секретной конференции сионистов, уделившей основное внимание планам борьбы с молодой Советской властью. О решениях этой конференции с радостью узнали и белогвардейские полководцы и лидеры правительств, посылавших интервентские полчища в нашу страну. Именно на этой конференции в мае 1918 года были произнесены и впервые задокументированы слова, уже более шестидесяти лет находящиеся на вооружении у деятелей международного сионизма:

"Социализм стоит сионизму поперек дороги".

Прошло много лет после визита к нам лавочника-политикана. И я услышал от отца:

— Когда ты только родился, помню, попалась мне в руки какая-то книжка о политической жизни России после разгрома революции 1905 года. Там, между прочим, говорилось, как в месяцы разгула реакции, когда всяческие черносотенные организации душили все прогрессивное и заодно устраивали погром за погромом, особенно неистовствовали две наиболее реакционные газеты — "Московские ведомости" и "Россия". И, представь себе, в редакциях обеих газет первую скрипку играли люди нашей национальности, сторонники сионизма. Я не запомнил названия книжки и фамилии автора, не могу простить себе этого!

Сорок с лишним лет спустя мне все же удалось установить название книги и имя автора. Называется книга "Новый строй", издана в 1909 году в Москве типографией "Товарищества русского печатного и издательского дела". Написал ее Виктор Обнинский.

Он яростный бард конституционной монархии и национализма. Его, всячески прославлявшего "единство" разных наций под эгидой монархии, уж никак не заподозришь в стремлении опорочить сионизм. И Обнинский действительно рассказал о наличии сионистских элементов в руководстве черносотенных газет, прославлявших душителей первой русской революции, призывавших к еврейским погромам. Какие тут возможны комментарии!..

Вернемся, однако, в Винницу. После неудачного сионистского сборища на городском бульваре наш город еще несколько месяцев стонал под пятой украинских контрреволюционеров разных мастей. И все они прекраснейшим образом уживались с сионистами. Правда, и те, и другие скрывали, что Жаботинский заключил с петлюровским представителем Славянским договор о создании на Украине "еврейских повстанческих отрядов" в помощь войскам Антанты, замышлявшей новый поход на нашу страну. Агент английской разведки Петерсон благословил этот договор от имени западных империалистов.

Окончательное освобождение от всякого рода националистических "самостийных" правителей и их войск вскоре принесла моему родному городу Красная Армия.

Накануне своего бегства из Винницы остатки петлюровских банд вкупе с белопольскими оккупантами намеревались устроить "прощальный" погром. Наученная горьким опытом сионистского "заступничества", дрожала еврейская беднота, предвидя, что и на сей раз ее оставят без всякой защиты. Но большевистское подполье города сумело

своевременно сообщить об этом командованию 24-й Самаро-Симбирской дивизии, с боями продвигавшейся к Виннице. И войны прославленной дивизии, носившей гордое название Железной, вышибли контрреволюционных погромщиков из города на два дня ранее намеченного теми "организованного отступления".

Навстречу самаро-симбирцам вышел под красным знаменем революционный отряд молодежи — украинские, русские, еврейские, польские парни. Их объединил комсомол — это гордое, полное радостных надежд слово в те дни впервые прозвенело над улицей моего детства.

И тогда же мне впервые довелось побывать в особняке Львовича там разместился политотдел Железной дивизии, где мальчишкам выдавали большевистские плакаты для расклейки по городу. Плакаты были напечатаны слепым шрифтом на синеватой, шершавой, так называемой рафинадной бумаге. Пламенные призывы большевиков стучались в наши взволнованные сердца, и мы их тут же запоминали. А плакатами, ленинскими словами прославляющими равноправие всех наций и клеймящими антисемитизм, мы обклеили все столбы оркестровой беседки на городском бульваре.

Смелый рейд Железной дивизии спас от ограблений, увечий и даже смерти немало винничан, в том числе и тех, кто так и не решился уговорить своих ребят пренебречь парусиновой скаутской шапочкой и учебником древнееврейского языка в кожаном переплете.

Лихорадочная организация скаутских отрядов была далеко не местной инициативой винницких сионистов. Только весной 1943 года совершенно неожиданно узнал я об этом в Москве.

Получив во фронтовой газете краткосрочный отпуск, я с большим воодушевлением работал тогда в столице с выдающимся композитором Исааком Осиповичем Дунаевским над циклом пионерских песен "Письмо на фронт". Меня восхищали точные и меткие замечания талантливого музыканта по поводу стихов. Иногда стоило по его совету заменить одно лишь слово — и песня сразу становилась полнозвучней и, главное, увлекательней для мечтавшей о нашей победе над гитлеризмом детворы.

Однажды, знакомясь с первым наброском стихов для песни "Походная-пионерская", улыбающийся Дунаевский вдруг нахмурился. Несколько раз повторив вслух задержавшую его внимание строку, он серьезно заметил:

— Строчка совсем из другой оперы, чужеродная, совсем не пионерская. Не обижайтесь, но от нее отдает чем-то скаутским.

Перечитав написанное, я искренне согласился с композитором и, не ограничившись одной только строкой, тут же написал совсем новое четверостишие. И когда заулыбавшийся Исаак Осипович одобрил исправление, я пошутил:

— Как могла приبلудиться к моим стихам такая строчка! Ей-богу, Исаак Осипович, скаутом никогда не был, хотя вербовали меня весьма-весьма усердно.

И вкратце рассказал Дунаевскому, как ретиво винницкие сионисты сколачивали скаутский отряд. После небольшой паузы композитор, как бы поразмыслив над услышанным, сказал:

— Моя юность прошла в Харькове, там не было такого обилия сионистов, как в Виннице. Но и у нас они под фальшиво-романтической дымкой пытались отравить мозги детворе. Я-то по возрасту в скауты не годился, но за младшее поколение нашей семьи повоевать с сионистскими агитаторами пришлось. И основательно. Да, свои скаутские отряды сионизм насаждал по всей Украине. Что ж, это давно известно: националисты всех мастей усердно ловят в свои сети юношество, у них всегда наготове специальные ловцы юных душ... и особенно налегают они на скаутизм. Тонкий расчет: понимают, что у мальчишки закружится голова, когда узнает, что скаут по-английски означает разведчик! Заманчиво звучит это для него, грезящего приключениями. Где уж тут как следует задуматься над тем, кому служат бойскауты, мальчишки-разведчики!

Наш разговор, видно, разбередил в композиторе волнующие воспоминания юности.

Оторвавшись от рояля, он продолжал:

— Люди моего поколения помнят, как и петлюровцы и деникинцы ставили винницких сионистов в пример их единомышленникам в других городах Украины... Известен ли вам такой случай? Весной 1920 года даже до Харькова докатилась тревожная весть: в размещившейся на Правобережье знаменитой 45-й Волынской дивизии украинские националисты спровоцировали восстание галицийских бригад. Это намеренно было приурочено к развернутому наступлению белополяков. Мятежники ворвались в Винницу. И контрреволюционная пресса стала восхвалять винницких сионистов: какие, мол, молодцы! Поддержали повстанцев да еще призвали местное население помочь им одеждой и продовольствием...

Совсем недавно я смог убедиться, что незаурядная память Дунаевского и в этот раз не подвела его. Архивные комплекты украинских буржуазно-националистических газет полностью подтвердили рассказ композитора.

Из этих газет я узнал еще, что к удовольствию контрреволюционеров директива винницким сионистам "материально и морально" поддержать взбунтовавшихся предателей исходила от ближайшего окружения Жаботинского. Директива была особенно категоричной в том пункте, где говорилось об уничтожении комиссаров и политработников дивизии как о первой задаче повстанцев. Помочь этому гнусному делу Жаботинский призывал в первую голову молодежь.

Да, неспроста свои отрывочные воспоминания о гражданской войне на Харьковщине Исаак Осипович закончил словами:

— Ох, уж эти мне сионистские ловцы юных душ! Жестокие, беспринципные петлюровские дружки.

Примерно то же самое о сионистских методах вовлечения ребят в скаутские отряды услышал я и от замечательного советского еврейского поэта Льва Моисеевича Квитко. Автор хрестоматийных стихотворений "Письмо Ворошилову", "Лошадка", "Лучок", ставших в переводах С. Маршака, М. Светлова, С. Михалкова достоянием всей многонациональной советской детворы, не раз вспоминал, как сионисты в Умани и Белой Церкви чуть ли не силком сгоняли еврейских подростков в свои скаутские отряды.

— Сионисты творили это, опираясь на фанатичных иудаистов, рассказывал Квитко, — прежде всего на раввинов. Вспоминается поздняя осень девятьсот восемнадцатого. В Умани и окрестных городках уже знали, что я, начинающий восемнадцатилетний поэт, пишу обличающие еврейский национализм стихи. И мне с трудом удалось проникнуть на собрание еврейской молодежи, где выступили три или четыре раввина, приехавшие из Одессы со съезда раввинов большинства городов и местечек Украины. Они торжественно возвестили, что на том съезде "наместников Иеговы на земле" было наложено проклятие (по-древнееврейски — хэрэм) на каждого еврея, поддерживающего Советскую власть и сочувствующего большевикам — ведь они, безбожники, призывают еврейских трудящихся Украины, подумайте только, соединиться с трудящимися украинской, русской, польской и других "чуждых евреям" национальностей. Рассказали это нам в мистическом тоне со зловещими намеками на то, как в древности истинные евреи расправлялись с вероотступниками. И все-таки на большинство участников собрания совершенно не повлияла угроза быть проклятыми раввинами. Через несколько же дней на вечерах молодежи я читал свои стихи (многие вошли в мою первую книгу "Красная буря") и видел, как моим, теперь я понимаю, не совсем зрелым, но созвучным настроению аудитории стихам горячо аплодируют парни и девушки, угрюмо молчавшие на встрече с раввинами.

В памяти Льва Моисеевича Квитко жили и печальные воспоминания о жестоких, как он подчеркивал, и насильственных попытках сионистов втянуть с помощью еврейского нэпманства еврейскую молодежь Украины в махрово сионистскую молодежную организацию "Маккаби", проводившую свою националистическую, враждебную коммунистическим идеям деятельность под защитным флагом спортивного союза, стремящегося якобы только к физической закалке молодежи. Кстати, филиалы "Маккаби",

руководимые израильским центром этой организации, и поныне действуют в странах Запада под эгидой заправляемых сионистами еврейских общин. Знакомясь с действиями сегодняшних маккабистов в Чикаго, Брюсселе, Амстердаме, Мехико, Западном Берлине, я воочию убеждался: до чего же схожи их грязные дела с тем, что творили их предшественники на Украине.

Вот такая симптоматичная получается "цепочка" из трех звеньев:

В двадцатые годы маккабисты представляли основные кадры еврейской жандармерии, созданной сионистами при войсках "головного атамана самостийной Украины" погромщика Петлюры. Создана была эта жандармерия под смехотворным предлогом защиты еврейского населения от... петлюровских же погромов.

В пору фашистского нашествия многие питомцы "Маккаби" пошли служить в орудовавшие под протекторатом гестапо еврейские полицейские отряды на территории гетто Львова, Черновиц, Проскурова, Кременчуга. Это о них, молодых предателях, рассказывал осужденный советским судом гестаповец Питер Христиан Краузе моему другу и земляку, известному советскому писателю Владимиру Беляеву: "Если бы у нас в гестапо не действовали агенты из числа попавших в гетто сионистов, никогда бы не смогли мы поймать и уничтожить такое количество евреев, живших по фальшивым документам и под чужими фамилиями. Мы выпускали агентов на волю, они бродили по улицам, а за ними шли наши сотрудники. Опознавая евреев, агенты подавали условный знак, и тогда в дело вступали мои "чистые" сотрудники..."

В полной мере проявили холуйский раж и причинили немало зла еврейской бедноте Львова маккабистские полицаи из "юдише орднунг Лемберг". Они поработили евреев, не имевших валюты и ценностей, чтобы откупиться от гестаповцев или хотя бы раздобыть свидетельство об угодной оккупантам работе. Когда же в начале 1942 года гестапо потребовало от юденрата (действовавшего под эгидой гитлеровцев и сионистского еврейского совета) выдачи первых обреченных на смерть жертв, сионистские предатели отобрали около шести тысяч самых неимущих, самых бедных, а зачастую попросту нищих евреев. Мало того, в истреблении отобранных юденратом бедняков участвовали маккабистские молодчики из "юдише орднунг".

Ныне маккабисты в западных странах либо примыкают к террористическим бандам кахановского толка, либо блокируются с самыми реакционными (стало быть, и антисемитскими!) молодежными организациями пронацистского направления — ведь сионистские воспитатели неустанно внушают им, что антисемитизм является существенным питательным источником сионизма, что антисемитизм — испытанное средство понуждения еврейских трудящихся к эвакуации на "землю отцов". А в Израиле они последовательно военизируют свои спортивные клубы.

Такова она, многолетняя маккабистская эстафета!

ОДНА ПОВАДКА, ОДНИ АППЕТИТЫ

И снова возвращаюсь к беседе с Дунаевским. Уже поправив на пюпитре нотные наброски и положив руки на клавиши, он вдруг воскликнул:

— А помните, как засуетились сионисты, когда в двадцатых годах к нам начала проникать пресловутая АРА? Американская организация — она под флагом "помощи Европе" сплавляла нам залежавшиеся товары. А заодно добивалась концессий на нефть и уголь. Помните, как всюду по Украине гуляли тогда куплеты на мелодию "Ойра, ойра"?

Присылает АРА, АРА

Нам подгнившие товары.

И недаром АРА, АРА

Спекулянтам — лучший друг!

— Оказалось, — усмехнулся Исаак Осипович, — не только спекулянтам. Сионисты всех мастей прославляли американскую "помощь" ради закабаления. "Гувер несет нам

спасение", — шумели они. Для Жаботинского и Герберт Кларк Гувер оказался лучшим другом — к этому уже нечего добавить!..

Я упомянул о деятельности сионистов только на Украине, где прошла моя юность. Не менее воинственны были они и в других краях нашей Родины.

Сошлюсь на выдающегося дирижера Самуила Абрамовича Самосуда общением с этим талантливым и всесторонне интересным человеком я обязан работе в Большом театре над либретто оперы Дмитрия Кабалевского "В огне".

Предреволюционные и послереволюционные годы Самуил Абрамович провел в Петрограде, будучи солистом оркестра б. Мариинского театра оперы и балета.

— Летом и осенью 1917-го, накануне Октябрьской революции, рассказывал Самосуд, — в нашем театре частенько проходили самые разнообразные митинги. Было это обычно днем. За кулисами репетировали певцы и балерины, а со сцены в зал неслись громкие слова ораторов. Кого только не пришлось мне там слышать! И меньшевиков, и эсеров, и кадетов. Однажды, выйдя в фойе, я услышал взрыв негодующих возгласов. Поспешил в ближайшую ложу бенуара, набитую царскими чиновниками. Двое, помню, были в расшитых мундирах сенаторов. А в зале на созванном эсерами митинге я увидел немало военных моряков — офицеров и матросов. Выступал в эти минуты приглашенный устроителями митинга сионист. Осуждая большевиков, он назвал февральский переворот не революцией, а трагедией, которую надо, пока не поздно, остановить. Зал ответил топотом ног. Еще призывал оратор не губить то хорошее, что было присуще царскому режиму. Тут в зале началось невообразимое, особенно протестующе загудели моряки. А в ложе один сенатор вразумительно сказал другому: "Коли русский еврей выступает в роли защитника государя императора, стало быть, он более верный слуга престола, нежели мы с вами, ваше превосходительство". Я поинтересовался, кто он такой, этот сионистский оратор. Мне назвали фамилию адвоката, юрисконсульта крупного петроградского банка. Из его уст я впервые услышал имя Жаботинского...

Когда над всей Украиной заалели советские красные флаги, Жаботинский понял, что нет ему больше места на украинской земле. Но Советская Украина и ее свободные граждане еврейской национальности не забыли кровавых плодов иезуитского единения ревностного идеолога еврейского буржуазного национализма Жаботинского и ставленника украинского буржуазного национализма Петлюры, вдохновителя жестоких расправ с евреями. И никого не удивило, что сионистский вожак в 1926 году проливал горючие слезы по поводу смерти своего брата по духу, убитого в Париже.

"Да будет тебе земля пухом... из еврейских перин!"

Такое последнее напутствие трупы палача Петлюры произносит рыдающий Жаботинский на карикатуре, помещенной тогда в одной из одесских газет.

Но, вспомнив восторги дружка Жаботинского — петлюровского министра Пинхаса Краснера на параде погромщиков в Виннице, я убедился, что в горькой шутке одесского карикатуриста нет ни крохотной доли неправды.

Ведь и предательская деятельность Краснера, и все позорные деяния винницких сионистов были далеко не случайными и не изолированными эпизодами. Нет, все это в точности совпадало с тем, что по указке Жаботинского и его сообщника Гессена творили на захваченной Петлюрой украинской земле сионистские организации, творили повсюду — и в городах и в местечках.

Вот почему в 1970 году во взволнованном письме большой группы работников народного хозяйства, культуры и науки Советской Украины людей еврейской национальности можно было прочесть:

"Мы хорошо знакомы с тем, какую позорную роль сыграли верховоды сионистов в годы гражданской войны, идя на сговор с Деникиным и Петлюрой, с Пилсудским и Врангелем, с организаторами кровавых еврейских погромов".

А мой друг, известный украинский писатель Натан Рыбак, хорошо знакомый с историей борьбы за Советскую Украину, пришел к такому выводу:

"Сионисты сотрудничали с буржуазной Центральной радой и петлюровской Директорией, в которой имели даже своих министров. И это было закономерно, ибо интересы буржуазии были им ближе, нежели интересы трудового народа. Сионист Жаботинский вел даже активную деятельность по созданию сионистских воинских частей для оказания помощи петлюровским войскам. И это в то время, когда петлюровцы устраивали кровавые погромы во многих городах и местечках... Удивляться нечему. У волков одна повадка и одни аппетиты".

ОСЕНЬЮ 1941-го

Более двух десятилетий не приходили мне на память те нелегкие дни весны 1919-го, когда впервые увидел я волчью повадку и приметил волчьи аппетиты сионистов. Не вспоминал их фанатических заклинаний и истошных выкриков.

Сам себя теперь спрашиваю: отчего же так?

И убежденно отвечаю: жизнь, наша советская жизнь, не давала повода к таким воспоминаниям.

Пришел, однако, день, когда в памяти с предельной рельефностью всплыло сборище на винницком бульваре и отчетливо, в колоритных подробностях, вспомнились оголтелые речи заправил обеих местных сионистских организаций.

Пусть забылись имена сурово взиравших на насупившихся ребят ораторов, пусть забылось, чем они внешне отличались друг от друга. Но вспомнилось главное. Вспомнилось, как и тот и другой, словно придерживаясь извечного ритуала, произносили слова нараспев, молитвенно, с мистическим оттенком, явно рассчитывая поразить и подавить наивно восприимчивую к эффектам полудетскую аудиторию.

И потревоженная острым толчком память безошибочно подсказала смысл тех истерических фраз, вернее, заклинаний. Она воспроизвела сгусток, спрессованное содержание того, что десятки подавленных еврейских ребят слышали тогда близ оркестровой беседки:

"Еврейская нация избрана богом, мы первый народ среди народов. И каждый, кто принадлежит к рассеянной ныне по всему свету нашей всемирной нации, должен быть готов к тому, чтобы под бело-голубым знаменем пойти с мечом на всех недостойных, мешающих евреям соединиться на священной земле предков. Борьбу эту надо начинать сегодня — в какой бы стране ни жил еврей, чем бы он ни занимался, ибо в любой стране вечен и неизбежен антисемитизм".

Вспомнились в тот день и другие, отдававшие расовой идеологией призывы, услышанные в отроческие годы от сионистов. Надо ли все приводить здесь? Ведь на разный лад они отражали одну и ту же националистическую и античеловеческую теорию сионизма.

Почему же махрово шовинистические откровения провинциальных сионистов столь подробно вспомнились, мне только двадцать два года спустя? Какой же острый и властный толчок ощутила моя память, мгновенно воскресившая впечатления давнего отрочества? И почему произошло это именно в тот сентябрьский день 1941 года под опаленной военным пожаром Вязьмой, в полуразрушенном школьном здании, где расположился разведотдел штаба стрелковой дивизии?

Потому что в тот день, присутствуя вместе с другими писателями-фронтовиками при допросе четырех пленных эсэсовцев, я своими ушами явственно услышал перепев того, что твердили сионисты весной 1919-го.

Еще верившие в гитлеровский бред о "блицкриге", в предстоящий "на днях" по стратегическому плану фюрера захват Москвы, пленные фашистские выкормыши держали себя на допросе нагло и вызывающе. А самый молодой из них, гитлерюгендовский активист, пытаясь обосновывать генеральные задачи развязанной Германией войны, завопил:

— Мы, немцы, избранная нация! Мы призваны уничтожить всех, кто мешает очищению и расцвету самой исключительной, самой чистой расы арийской! А для этого

надо уничтожить презренных полулюдей — евреев. И мы обязаны сделать это во всех странах, куда пришли.

Вариации на знакомые темы! Старые песни на новый лад!

Да, это был перепев того, что когда-то говорили винницкие сионисты. С той лишь разницей, что тогда прославлялся культ надуманного антинаучного понятия — семитской расы, а теперь пленный фашист истерично вопил о культуре расы арийской.

Меня потрясло разительное совпадение человеконенавистнических излияний гитлерюгендовца с высказываниями, услышанными мною на сионистских митингах в Виннице.

И в эти секунды мне привиделось, что на вопросы батальонного комиссара отвечает не приземистый юнец в форме эсэсовского лейтенанта, а долговязый человек в потрепанной студенческой фуражке, что вот-вот начнет он ссылаться на своего хваленого идеолога Жаботинского.

Под впечатлением оголтелых выкриков молодого эсэсовца и нахлынувших воспоминаний долго я не мог прийти в себя. А ночью в полуразрушенном здании вяземской почты, в ожидании телефонной связи с "Комсомольской правдой", я написал стихи, опубликованные потом фронтовой газетой. Вполне сознаю их поэтическое несовершенство. И все же должен привести здесь строки, показывающие, какие мысли возбудил во мне фанатичный бред пленного гитлерюгендовца:

Он белоруску юную замучил,
Литовский город затопил огнем,
Поил мотор награбленным горючим,
Себя поил награбленным вином.
Мой дом хотел он смять паучьим танком,
Замучить он хотел и расстрелять
Мою жену — елецкую крестьянку,
Мою еврейскую задумчивую мать...

Тогда я еще не знал, что в те же сентябрьские дни 1941 года в винницком гетто гитлеровцы зверски умертвили мою мать.

А когда до меня после освобождения Украины дошла эта страшная весть, мог ли предположить я, что за истребленных гитлеровцами евреев сионистские правители Израиля будут получать под видом репараций регулярные субсидии!

С кем же заключили сионисты договор? С явным покровителем неонацистов Аденауэром, тем самым, кто рабски умолял гитлеровского министра внутренних дел Фрика признать его, Конрада Аденауэра, заслуги перед нацизмом еще до захвата Гитлером власти в Германии.

Этим актом сионисты после войны переступили последнюю грань цинизма и кощунства! Что же касается Аденауэра, то он с легкой душой согласился на выплату Израилю репараций, ибо прекрасно отдавал себе отчет в том, на что будут истрачены эти деньги.

Больно и тяжело мне подумать, что на марки, заплаченные сионистским фарисеям за труп моей матери, был, возможно, снаряжен летчик, сбросивший первую бомбу на мирные ливанские поселки и убивший крохотных детей. Окровавленные сребреники, выкачанные израильскими друзьями освенцимских и майданековских палачей, накоплены, быть может, от продажи золотых зубов, вырванных гитлеровцами у жертв винницкого гетто. Многие мои сверстники и друзья, не поверившие в отрочестве сионистским увещаниям и отказавшиеся сделать хоть бы один шаг к национализму, тоже были среди замученных в винницком гетто жертв. На их трупах фашисты тоже создавали свои накопления, о которых напоминают получаемые Израилем репарации. Поистине все возвращается на круги своя!

Возмущения сделками между сионизмом и неонацизмом мне довелось слышать не

только в нашей стране. Немало гневных слов о "черном договоре" слышал я от граждан Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Австрии, Голландии, Дании, Бельгии. Близкие и родные этих людей были умерщвлены гитлеровцами за колючими оградами гетто и в газовых камерах концлагерей.

После встречи с пленным эсэсовцем под Вязьмой у меня появилось еще немало реальных поводов снова и снова вспоминать братание сионистских главарей с контрреволюционными погромщиками Деникина, Петлюры, Скоропадского, Булак-Булаховича.

Да, не раз получал я наглядную возможность убедиться, что в дни войны предательские акции сионистов в отношении евреев многократно повторялись в еще более чудовищных формах, в удесятеренных масштабах. Злодеяния сионистов стали не только масштабней, но и изощренней. И за эти злодеяния расплатились жизнью десятки и сотни тысяч людей еврейской национальности.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ НАЦИСТСКИЕ АРХИВЫ

Мог ли я не вспомнить давнюю сделку винницких сионистов с петлюровскими погромщиками, скажем, в мае 1945 года, когда капитулировал фашистский гарнизон Берлина?

Ведь после первого же, самого беглого осмотра архивов "дома Гимmlера", как называли в Берлине здание гитлеровского министерства внутренних дел близ моста Альт-Моабит, наши офицеры обнаружили документы, раскрывающие первый этап кощунственных переговоров агентуры международного сионизма с руководителями министерства. Хранились в "доме Гимmlера" и пространные обзоры сионистской прессы в предвоенные годы.

На том этапе кельнский банкирский дом "Заломон Оппенгеймере унд К^о" вел переговоры с гитлеровцами об "окончательном решении еврейского вопроса" путем массового террора против еврейского населения. И вот документированные результаты: во время войны сионистские агенты успешно выкупали у гитлеровцев и переправляли за границу еврейских коммерсантов и промышленников, которые обладали солидными текущими счетами в банках нейтральных стран и могли щедро оплатить посредничество сионистов. Выкупалась и нужная для переброски в Палестину молодежь. А десятки тысяч "обыкновенных" евреев были брошены сионистскими заправилками на произвол гитлеровцев.

Обо всем этом рассказали мне наши офицеры после падения фашистского Берлина в полуразрушенном "доме Гимmlера".

Совсем за другим пришел туда я, военный корреспондент. Хотел своими глазами увидеть этот важнейший опорный пункт отборных гитлеровских войск, преграждавших нашим частям путь к рейхстагу. И, записывая рассказы наших офицеров о содержании разрозненных остатков гимmlеровских архивов, я видел на другом берегу Шпрее-канала пламеневшее над рейхстагом Красное знамя Победы. Оно красноречиво говорило: армия Советской страны, разгромив гитлеризм, спасла десятки миллионов людей разных национальностей, в том числе и еврейской, от порабощения и физического уничтожения немецким фашизмом! А офицеры показывали мне все новые и новые документальные свидетельства обогранных кровью сделок между нацизмом и сионизмом.

Тогда, в "доме Гимmlера", я впервые услышал много имен сионистских агентов, якшавшихся с Гимmlером и его подчиненными. Назову хотя бы Луи Хагена (Леви). Его активная антисемитская деятельность была отмечена не только гитлеровцами, но даже и Ватиканом: Хагена наградили папским орденом святого Сильвестра. Об откровенно противоеврейском характере деятельности этого нацистского разведчика можно судить по такому его донесению своим нацистским хозяевам: "В национальных еврейских кругах очень довольны радикальной германской политикой в отношении евреев (имеются в виду жестокие преследования немецких евреев, заставившие многих бежать из гитлеровской

Германии. — Ц.С.), потому что с ее помощью увеличивается еврейское население в Палестине, так что в недалеком будущем можно будет рассчитывать на перевес евреев над арабами".

Обвинительным приговором немецким сионистам звучит это циничное признание одного из их агентов, связанных с гитлеровцами!..

В "доме Гимmlера" в те часы дежурил наш связист, молодой сержант. В своем берлинском блокноте я нашел такую запись о нем:

"Комментарии офицеров к найденным в архиве документам и выдержкам из сионистских газет слышит и сержант Зиновий Мильруд. От внезапного волнения он то бледнеет, то багровеет и нервно потирает лоб. Вопрошающе смотрит на меня лихорадочными глазами. Его родители убиты в черновицком гетто, и мне кажется, он сейчас не понимает, как я способен по нескольку раз переспрашивать офицеров и методично записывать их рассказы о таких ужасах.

Другой радист сменяет Зиновия Мильруда у рации, и он уходит вместе со мной. После длительного молчания говорит:

— Я думал, у сионистов одна забота — выполнять религиозные обряды и бывать в святых местах Палестины. А получается, они оплачивают свою политику еврейской кровью, еврейскими жизнями! Сейчас я, наконец, понял, почему евреи у Вислы проклинали сионистов...

У Вислы?!

Оказывается, рота младшего лейтенанта Хайретдинова из 47-й дивизии, сражавшейся в Польше вместе с частями Армии Польской, наткнулась в лесу под Вислой на четырнадцать умиравших от голода евреев. Они чудом вырвались из варшавского гетто и очутились в самом пекле боя.

Старший из беженцев, седобородый старик, обращаясь к младшему лейтенанту Хайретдинову, то и дело повторял:

— Клянусь, гитлеризм в тысячу раз хуже татарского ига! В те давние годы татарам и присниться не могло то, что сегодня творят с людьми немецкие фашисты!

Командир роты приказал Зиновию и двум рядовым укрыть беженцев подальше от передовой и обеспечить их продовольствием. Когда советские воины прощались с беженцами, старик спросил Мильруда:

— Кто ваш командир?

— Младший лейтенант Красной Армии, — услышал он в ответ.

— А по национальности?

И узнав, что Хайретдинов — татарин, старик опустил голову и тихо сказал своим спутникам:

— Хоть бы мои внучата не повторяли ошибки их деда и не судили о людях по национальности. — И добавил, обращаясь к Мильруду: Передайте вашему командиру, что сегодня, на шестьдесят четвертом году жизни, я понял, как нас обманывали и обманывают сионисты. Никогда я больше им не поверю, что другие народы — враги евреев! Я проклиная сионизм!"

В августе 1945 года мне снова довелось попасть в Германию в составе писательской бригады, работавшей над документальным сборником "Штурм Берлина". Именно тогда в нацистском государственном архиве Потсдама были найдены подлинники почтительных и весьма деловых донесений сионистских активистов руководителям гестапо.

Эти донесения не оставляют никакого сомнения в том, что просионистские организации в третьем рейхе, особенно "Палестинское бюро в Германии" и "Организация евреев Германии", были полномочными филиалами палестинской сионистской верхушки и сотрудничали с нацистскими разведывательными учреждениями.

Столь же благосклонны были палестинские сионисты к гитлеровским резидентам на своей территории, в частности к Райхерту — он орудовал под вывеской "Германского бюро информации в Палестине".

Поводов для взаимных контактов было немало. Скажем, такой, как совместные заботы гитлеровской разведки и сионистских организаций о создании в Германии "еврейских лагерей перевоспитания". По замыслу, согласованному с руководителем отдела гитлеровской разведки по еврейским делам фон Миндельштайном, питомцы таких лагерей — еврейские юноши должны были впоследствии широко использоваться в Палестине. Для чего?

По смыслу достигнутого соглашения ответ может быть только один: для проведения вооруженных операций по захвату земель палестинских арабов. Видимо, это был один из первых практических шагов, приведших к тому, что широкое распространение получил печально известный термин "сионистский штурмовик".

Словом, после разгрома немецкого фашизма у меня, совершенно не проявлявшего тогда особого интереса к теории и практике сионизма, помимо моей воли появилось немало реальных поводов вспоминать то и дело предательские деяния украинских сионистов в двадцатые годы. Правда, те деяния могли показаться невинными забавами в сравнении с дикарскими акциями мирового сионизма, творимыми в странах Европы в годы второй мировой войны и тотчас после нее.

"ПЫЛЬ БОЛЬШОГО СВЕТА"

Впрочем, если быть точным, сионисты еще накануне второй мировой войны сумели урвать с помощью нацистов изрядный куш. Прделано это было с иезуитской убежденностью, что для достижения поставленной цели хороши самые грязные средства. А цель-то была одна — выкачать побольше иммигрантов в Палестину, куда евреи из Европы уезжали весьма неохотно.

И сионисты смекнули: чем чаще захватившие власть в Германии фашисты будут учинять еврейские погромы, чем бесчеловечней будет осуществляться то, что Луи Хаген именовал "радикальной германской политикой в отношении евреев", тем большее число неимущих евреев вынуждено будет бежать оттуда в Палестину. Вот почему, когда все прогрессивное человечество возвысило гневный голос протеста против еврейских погромов в третьем рейхе, палестинские сионисты во главе с будущим премьером государства Израиль Бен-Гурионом сочли за благо... промолчать.

А немецкие сионисты, охотно сыграв на руку нацистам, пошли еще дальше! Выполняя личное задание Геринга, они согласились опровергнуть перед лицом общественного мнения Европы страшные вести об еврейских погромах в фашистской Германии. Популярнейшие ораторы из немецких сионистских организаций специально выехали в Прагу, Лондон, Париж и другие европейские столицы для публичных выступлений "на заданную тему".

В те дни над десятками тысяч немецких евреев был занесен фашистский топор, многие семьи уже успели получить официальные извещения о "неожиданной и скоростижной" смерти их близких в концлагерях. Выехавшие на гастроли сионистские адвокаты гитлеризма хорошо это знали. И все же покорно продекларировали перед чехословаками, французами, англичанами дословно то, что было написано в геринговских шпаргалках.

— Мне было тогда двенадцать лет, — услышал я в Чехословакии от инженера Юлиуса Хладкиса, проведшего детство в небольшом городе Йилгаве. — Мой отец узнал, что в чехословацкую столицу приезжают делегаты еврейских организаций из Германии, где власть захватили нацисты, и твердо решил поехать на несколько дней в Прагу. Ведь до нашего городка уже тоже докатились вести о зверских расправах фашистов над немецкими евреями, и отец хотел узнать правду. Мама была против его поездки. Она понимала, что неожиданный отъезд врача вызовет справедливые нарекания пациентов. Но отец настоял на своем. Он поехал в Прагу. Там ему удалось дважды слышать выступления делегатов из Берлина. Вернулся он нервный, возбужденный, с воспаленными глазами. "Либо я сошел с ума, — рассказал он матери, — либо берлинские сионисты послали в Прагу отъявленных провокаторов! Они уверяют пражан, что немецкие евреи вовсе не бегут из гитлеровского

рейха, а уезжают по-хорошему, что у национал-социалистов и сионистов немало общих взглядов, особенно по национальному вопросу. По словам этих делегатов, национал-социализм гитлеровцев неприемлем только для тех евреев, которые упрямо считают Германию своей родиной, а себя чуть ли не немцами..." Отец оглядел беспокойным взглядом всю нашу семью и воскликнул: "Но разве у нас, у меня и у тебя, у наших детей, может быть какая-нибудь иная родина, кроме Чехословакии! Здесь мы родились, научились мыслить, здесь мы стали людьми! А эти господа из Берлина внушают мне, что мы должны бросить свою родину, бросить Чехословакию и бежать в Палестину! Почему?"

Помню, — закончил свой рассказ Хладкис, — отца потряс и такой довод берлинских агитаторов: палестинские сионисты не сочли нужным последовать примеру тех, кто бойкотировал товары из нацистской Германии. Такой бойкот, объяснял нам отец, ослаблял экономическую мощь немецкого фашизма. И тем не менее импорт германской продукции в Палестину тогда систематически возрастал. Именно в связи с такой политикой палестинских сионистов мой отец впервые услышал имя Бен-Гуриона. На него с большим почтением ссылались приехавшие нацистские адвокаты — так их тогда окрестили в Праге...

Меня неизменно удивляло: как это выехавшие из Берлина на гастроли по Европе сионистские адвокаты нацизма обошли Будапешт — ведь там, да и в других городах Венгрии, имелись довольно значительные еврейские общины. Почему же, однако, берлинские сионисты не послали своих пронацистских агитаторов в Венгрию? Почему, наконец, Геринг не заставил их это сделать?

Убедительный ответ на эти, казавшиеся мне загадочными, вопросы я получил в Будапеште только недавно от нескольких венгерских историков и публицистов. Загадка оказалась совсем не таинственной и весьма легко объяснимой.

— В Будапеште не было никакой нужды в приезжих сионистских защитниках нацизма, — сказал мне Дьердь Верташ, один из старейших прогрессивных литераторов Венгрии, еще перед второй мировой войной обличавший реакционное существо сионизма. — Еврейское буржуазно-националистическое движение в Венгрии при поддержке венгерских реакционных националистов к тому времени настолько окрепло, что сумело выделить подобных защитников из собственной среды. Назову, к примеру, раввина Леви, руководителя сионистской организации города Сегед. Он усердно доказывал своим землякам, что немецкие евреи тихо и мирно уживаются с нацистами. Что ж, Леви недаром прошел надежную школу провокаций и обмана еще в мрачную пору белофашистского террора хортистов, затопивших в крови первую Венгерскую советскую республику. Уже тогда он клятвенно заверял приезжавших в Венгрию иностранцев, что никакого террора хортисты, видит бог, не осуществляют, а на них, невинных агнцев, клеветают сочувствующие коммунистам венгры.

Мне стало известно имя еще одного будапештского заступника немецких фашистов — сиониста Шамы Штерна. Орудовавшие в Будапеште эсэсовские палачи впоследствии учли заслуги Штерна перед нацизмом. В будапештском гетто он получил пост председателя угодничавшего перед оккупантами "еврейского совета". Штерну предоставили даже приятную возможность беседовать лично с одним из главных доверенных фюрера по депортации евреев в лагеря Адольфом Эйхманом в комфортабельных апартаментах отеля "Астория". Стоит ли после этого удивляться, что Шамы Штерна не оказалось среди сотен тысяч уничтоженных гитлеровцами венгерских евреев!

Но у нацистов нашлись в Венгрии адвокаты покрупней и познатней, нежели сегедский раввин Леви и "господин председатель" Штерн. Неблаговидную роль восхваления нацистского режима охотно взяли на себя крупнейшие венгерские магнаты еврейского происхождения — династии фабрикантов и банкиров Вайс, Корин, Гольдбергер. Не случайно материальные интересы этих металлургических, текстильных и прочих королей спустя несколько лет были прочно ограждены захватившими Венгрию немецко-фашистскими оккупантами.

Об этом рассказ пойдет дальше. Сейчас же вернемся к печальным для евреев Западной

Европы итогам гастролей сионистских прислужников Геринга.

Рвение берлинских сионистов помогло их палестинским собратям осуществить коварный план заманивания евреев из Европы в Палестину: за первые три года фашистского владычества из Германии и прилегавших к ней стран удалось переселить (или, как гораздо точнее выразился тогда один австрийский публицист, — выгнать) на земли палестинцев десятки тысяч еврейских семей. А ведь эти люди могли эмигрировать в другие страны, где нашли бы применение своим профессиям и школы для своих детей.

За такое "переселение" евреев в Палестину нацистам щедро заплатили финансирувавшие сионизм богачи из Франции, Голландии и других западноевропейских стран. Ну и, конечно, все ценное имущество и валюта тоже были конфискованы у переселенных.

Не одни только деньги, однако, прельстили гитлеровцев: они точно рассчитали, что расширение и укрепление сионистской агентуры в Палестине посеет смуту на этой арабской территории, находившейся тогда под мандатом Великобритании. А такая смута, естественно, была весьма на руку правителям третьего рейха. И, наконец, под маской иммигрантов гестапо получило легкую возможность наводнить Палестину своими шпионами. Словом, как видите, переселение западноевропейских евреев в Палестину приносило гитлеровцам реальные выгоды — вот почему они столь охотно сблизивались с сионистами, ратовавшими за массовый переезд евреев из Европы на принадлежавшие арабам палестинские земли.

Правда, для переселенных не нашлось в Палестине ни жилья, ни работы. Детям негде было учиться. Резко возросла смертность среди еврейской бедноты. Негде и некому было лечить "новоселов", раненных во время вооруженных набегов на поселения палестинцев.

Но сионисты не обращали внимания на подобные "мелочи" и громогласно радовались победной статистике: количество еврейских поселенцев на арабских землях Палестины возросло чуть ли не втрое!

Кто же стал тогда одним из самых предприимчивых координаторов позорных действий немецких нацистов и палестинских сионистов? Небезызвестный Леви Эшкол, впоследствии один из предшественников Голды Меир на посту израильского премьера. В тридцатых годах он был руководящим сотрудником той самой секции "Палестинского офиса", которой сочли возможным доверить "экспорт" терроризованных немецких евреев в Палестину. Гестапо не только не преследовало ретивого экспортера отчаявшихся людей, но заботливо ограждало его от каких бы то ни было препон со стороны полиции. Ведь Эшкол по существу делал именно то, что было до малейших деталей согласовано с самим Адольфом Эйхманом!

Совсем недавно я получил еще одно, весьма убедительное подтверждение этому в Вене. Оказывается, некоторые австрийские газеты писали об этом в 1938 году. Цитируя изданную тогда в белогвардейском Харбине книгу Жаботинского "Еврейское государство", венские журналисты указывали, что его установки о положительной роли преследования евреев для "катализа" (проще говоря, понуждения) их выезда на землю предков успешно реализуются сионистскими колониальными трестами "Керен каемет ле Исроэль" и "Керен Гаесод". А эти тресты успешно и беспрепятственно делали свое дело в Берлине под маркой филиалов "Палестинского бюро".

За последние годы обнаружено немало документов, подтверждающих тесные связи просионистской "Государственной организации евреев в Германии" с гестапо. Чтобы ощутить, насколько эта связь была обоюдовыгодной и практически действенной, достаточно вникнуть только в один из документов — он связан с отправлением из фашистского Берлина делегации на 21-й сионистский конгресс в Женеве.

Было это накануне второй мировой войны. Одного из делегатов — сотрудника "Палестинского бюро в Берлине", именуемого господином Николаи, послали на конгресс, как явствует из документа, "с ведома тайной государственной полиции". А поскольку господин Николаи являлся еще и гестаповским агентом, его покровители из "Государственной организации евреев в Германии" почтительно ходатайствовали перед

гестапо "об отмене ежедневных донесений" господина Николаи на время его участия в работе сионистского конгресса.

Тут уж не убавить, не прибавить — более веского довода и не придумаешь! И своему секретному агенту господину Николаи гестапо, конечно, предоставило возможность заниматься делом, одинаково важным и для нацизма и для сионизма.

Если в Германии я только читал о господине Николаи, то в Голландии я неожиданно услышал о нем от старика, долгое время работавшего шеф-поваром в одном из популярных еврейских ресторанов Амстердама. От нацистской расправы его спасли бойцы Сопротивления, переправившие молодого тогда кулинара в подполье. И он запомнил, с каким негодованием говорили подпольщики о приехавшем накануне нацистской оккупации Нидерландов представителе немецких сионистов Николаи. С рвением собаки-ищейки искал он связей с руководителями несионистских еврейских организаций Амстердама, но, к счастью, те были заранее предупреждены о готовящемся визите провокатора из Берлина.

Остается только напомнить, что "Палестинским бюро в Берлине" управляли приближенные одного из тогдашних лидеров сионизма Хаима Вейцмана. Того самого, кто считал, что спасать западноевропейских евреев от гитлеровского террора нецелесообразно, ибо "они — пыль, экономическая и моральная пыль большого света..." Эту "пыль", составлявшую около шести миллионов безразличных сионизму евреев, Вейцман и его приспешники считали бесполезной для будущего Израиля. Им нужна была молодежь, отравленная ядом фанатического национализма, пригодная к вооруженным вылазкам против коренного населения Палестины.

Человеконенавистнические откровения нацистского пособника Вейцмана! С какой горечью мне говорили о них десятки лет спустя многие евреи, выехавшие из разных европейских стран в Израиль. Ведь тех из них, чьи волосы уже тронула седина, а разум еще не отравила шовинистическая идеология, в Израиле как раз и сочли "пылью большого света"...

ИМ БЕЗРАЗЛИЧЕН "ФЛАГ ПАРТНЕРА"

Среди имен сионистов, сотрудничавших с явными и самыми зловными врагами социализма и коммунизма, с теми, кто поставил евреев по существу вне закона, на этих страницах уже названы крупнейшие сионистские идеологи и лидеры: Жаботинский, Вейцман, Эшкол, Бен-Гурион. Когда пойдет разговор о сегодняшнем международном сионизме, несомненно, придется этот список продолжить.

И у неискушенного читателя может возникнуть недоуменный вопрос: неужели же рядовые сионисты столь легко прощают своим руководителям такие несмываемые черные пятна в их биографиях?

А у некоторых читателей может зародиться даже такая догадка: может быть, сионистским массам попросту неведомы эти пятна — в противном случае неужели они не потребовали бы к ответу своих лидеров, запятнавших себя активным сотрудничеством с врагами?

На эти вопросы я — во избежание упреков в тенденциозности отвечу словами упоминавшегося уже израильского публициста Эфраима Гордона. В традиционной субботней беседе 21 августа 1973 года, озаглавленной "Без комплекса неполноценности!", Гордон со свойственной его писаниям запальчивостью говорил:

"Да, Герцль бывал у турецкого султана и уговаривал германского кайзера. Да, Леви Эшкол в экономическом плане вынужден был контактоваться с третьим рейхом. Да, Бен-Гурион был курсантом военного училища в Турции, когда там полыхала ненависть к палестинским евреям. Да, Вейцман ставил на чужую карту. Да, Жаботинский заигрывал с Муссолини. Что же это доказывает? Ведь на все это энтузиасты сионизма шли ради своего дела. Нам важен не "флаг партнера", а ощутимые плоды ради Эрец Исроэль!"

Словом, еще один, не очень-то даже завуалированный вариант позаимствованного у

иезуитов канона о том, что цель оправдывает средства. А кто с этим не согласен, кто думает иначе, тот, мол, подвержен позорящему истинного сиониста "комплексу неполноценности".

На кого же, интересно, ссылается Эфраим Гордон, оправдывая контакты сионистов с яростными врагами евреев? Не на рядовых функционеров, а на сионистских идеологов, начиная с Теодора Герцля. У Гордона действительно есть основания прятаться за широкую спину патриарха: не кто иной, как Герцль, откровенно назвал антисемитизм "движением, полезным для развития еврейской индивидуальности". Стоит добавить, что помимо переговоров с германским кайзером и турецким султаном, поощрявшими антисемитскую политику своих правительств, Герцль в 1903 году обсуждал с великобританским министром колоний Дж. Чемберленом вопрос об еврейской колонизации Уганды — английского владения в Африке. Что касается первого президента Всемирного еврейского агентства Вейцмана, то Гордон имеет, очевидно, в виду лихорадочные попытки Вейцмана добиться организации отрядов еврейских вооруженных сил в составе великобританской армии в 1943 году — именно тогда, когда англичане в противовес еврейским переселенцам пытались закрепить свое господство в подмандатной Палестине. При желании Гордон мог бы, правда, найти в деятельности почтенного президента более поразительные, мягко говоря, влияния и политические кульбиты "ради Эрец Исраэль" и во вред евреям. А заигрывание Жаботинского с Муссолини, упоминаемое вскользь Гордоном, имело логическое продолжение. Выученик Жаботинского — нынешний руководитель наиболее реакционной сионистской группировки "Херут" Менахем Бегин публично заявил: "Мы ищем еврейского Муссолини. Помогите нам найти его". Что ж, "Херуту", члены которого с гордостью именуют себя "пионерами" в борьбе против социализма, марксизма и коммунизма, действительно не хватало, пожалуй, "вождя" типа Муссолини!

Теперь Бегину уже не приходится искать нового Муссолини сионистского толка. Своими жестокими расправами с палестинцами, своими беспощадными оккупантскими акциями и другими "подвигами" из арсенала дуче Бегин в ранге премьер-министра неоспоримо доказал, что вакансия на позорнейший титул прочно заполнена. Впрочем, пенсионер Лев Фельдман из Кирова небезосновательно считает: не только на титул Муссолини!

На опубликование отрывков из "Дикой полыни" старый кировчанин, пенсионер, ветеран войны и труда, откликнулся "Открытым письмом премьер-министру Бегину". Привожу письмо дословно, не сократив и не изменив ни единого слова:

"Послушайте, рейхсфюрер Бегин! Вы, видимо, решили доказать своей правительственной практикой, что еще более, чем ваши предшественники, являетесь тель-авивским Гитлером. И действительно, чем вы лучше бесноватого Адольфа? Вы терроризируете арабов, вплоть до стариков, женщин и детей, как в свое время Гитлер зверствовал над евреями. По его же примеру вы нагло хозяйничаете на оккупированных территориях. Даже ваш покровитель, высший чин США, для отвода глаз все-таки вынужден иногда выдавливать из себя слова неодобрения в ваш адрес.

По некоторым "показателям" вы уже переплюнули бывшего нацистского обер-диктатора: он не заставлял немцев воевать, а вы мобилизуете женщин в армию. Он не охал по поводу положения евреев в СССР, а ваш режим прибегает к самым разнузданным антисоветским поклепам, якобы печалась о судьбе советских евреев и лживо суля им земной рай на израильской территории. Глупцы, что вам поверили, уже сбежали в большинстве из израильского ада. Многие из них каются, просят разрешения вернуться в СССР, готовы целовать советскую землю.

Еще бы! Только в нашей стране и других социалистических странах уголовно преследуется национальная рознь, у нас все евреи де-юре и де-факто абсолютно полноправные граждане. Советское государство дало бесплатное высшее образование моим трем дочерям и двум сыновьям. А ведь я — рядовой беспартийный советский человек. Простому израильскому труженику может только присниться, что его дети стали инженерами, учителями, а у меня это все наяву.

Я знаю, что переубеждать вас, господин Бегин, напрасный труд. Пословица давно гласит: "Черного кобеля не отмоешь добела". Свое открытое письмо адресую вам лишь для ясности, чтобы вы знали, почему я, советский еврей, гневно проклиная вас. Да! Я, бывший фронтовик, вижу в вашем лице законченного профашиста с мандатом израильского премьер-министра.

Если бы евреи, павшие жертвами германского фашизма, смогли воскреснуть, они тоже сказали бы вам и вообще сионистскому режиму: будь навеки проклят за то, что идешь по стопам гитлеровцев, и знай, что, как их, вас, агрессоров, ждет неминуемый крах!

Ее величество старушка История учит: обязательно в конечном счете побеждает тот, кто прав, а справедливость на стороне арабских народов.

Уверен, что под моим письмом подписались бы фронтовики всех национальностей".

Имеются ли основания у читателя Фельдмана для столь резких формулировок в адрес Бегина? Несомненно. Ведь сионистская пропаганда не только не пытается скрыть сделки и сговоры многих своих идеологов и основателей сионизма с теми, кто считал истребление евреев своим кровным делом, но даже возводит такие предательские контакты в ранг подвига.

Многие из таких контактов уже давно раскрыты. Получили огласку и кровавые итоги тех циничных сделок между сионистами и нацистами. Но не всем, возможно, они известны.

И я считаю себя обязанным перед читателями хотя бы вкратце коснуться здесь этих зловещих преступлений, тем более что о многих подробностях этих преступлений мне рассказывали в странах, где они были совершены. И не только рассказывали, но зачастую и показывали документы, обличающие сионистских деятелей в откровенной продаже еврейских масс фашистским палачам.

Разве имею я право не упомянуть, как адмирал Вильгельм Канарис, шеф контрразведки верховного главнокомандования фашистской Германии, в своей деятельности опирался на сионистскую агентуру. После войны были опубликованы в ФРГ материалы, подтверждающие активные связи широко разветвленной сети международного сионизма с гитлеровской контрразведкой.

Сионистские активисты сотрудничали с нацистами и на земле оккупированной Чехословакии. Особенно усердствовала группа, объединившаяся под названием "Бетар". Кстати, некто Кашпар пытался подпольно возродить эту организацию уже в 1948 году в Словакии, присвоив ей наименование "Иерохимель".

Среди продавшихся нацистам чехословацких сионистов особенно усердствовал Леопольд Гере, директор пражского "Переселенческого фонда евреев". Впрочем, в Чехословакии это учреждение, легально функционировавшее под опекой гестапо, называли по-иному — "фонд убийц за счет убитых". Так оно по существу и было: Гере организованно передавал гитлеровцам наиболее ценное имущество еврейского населения, обреченного на гибель. Но за это Гере с ведома гестапо снабжал сионистских активистов фальшивыми документами, гарантировавшими им безопасность.

Нельзя, наконец, не упомянуть об "инициативе" матерых сионистов Штерна и Фримана. В конце 1944 года, когда гитлеровцы уже истребили десятки тысяч евреев, эти военные специалисты разработали и представили в Берлин детальный план засылки специального немецкого флота в Средиземноморье. По замыслу сионистских стратегов этот флот с еврейскими командами на судах должен был выступить против морских сил антигитлеровской коалиции.

Может быть, Гере, Кашпар, Штерн, Фриман и им подобные действовали в одиночку, на свой, как говорится, риск и страх? Может быть, главные сионистские организации стояли в стороне от этого? Может быть, их в первую голову волновала трагическая участь евреев в захваченных гитлеровскими оккупантами странах?

Нет, нет и нет!

Не эта, самая жгучая и нестерпимая, беда евреев волновала представителей сионистских организаций Америки, Европы и Палестины, собравшихся 11 мая 1942 года на

чрезвычайную конференцию в Нью-Йорке. Участникам конференции было совсем не до того.

Трагический парадокс! В Европе фашистские палачи предавали мученической смерти сотни тысяч людей только за принадлежность к еврейской национальности, а конференция евреев, придерживавшихся сионистской идеологии, совершенно забыла об этом. В резолюциях конференции нашло отражение совсем иное: немедленная организация еврейского государства на территории всей Палестины, неограниченная иммиграция нужного такому государству еврейского контингента, создание еврейской армии для вооруженных действий против коренного палестинского населения.

И через полгода — в самый разгар второй мировой войны! — такую, с позволения сказать, программу нью-йоркской конференции целиком поддержал верховный политический орган сионизма той поры Иерусалимский комитет генерального совета всемирной сионистской организации.

Это было, по существу, директивой всем сионистским организациям и деятелям. И, получив такую установку, европейские сионисты были рады стараться. Они еще решительнее отмежевались от боевых действий групп Сопротивления, от героической борьбы партизанских отрядов.

Не случайно по прошествии многих лет один из видных лидеров современного сионизма Элиазар Ливнэ вынужден был выдать из себя признание, заклеившее сионистских вожakov периода второй мировой войны. По его словам, они считали своим долгом вовсе не борьбу за спасение максимального числа беззащитных евреев от фашистской расправы: "Если бы наша главная цель состояла в том, чтобы помешать ликвидации евреев, если бы мы вошли в контакт с партизанскими базами, то мы бы спасли многих..."

Как можно судить по многочисленным сделкам с нацистами, главная цель сионистов состояла совсем в другом: в вывозе из Европы не еврейской "пыли", а сионистских активистов и прошедшей в германских лагерях "трудовое перевоспитание" просионистской молодежи. Словом, сионисты ратовали за спасение тех, кто бы мог впоследствии вести вооруженную борьбу с арабами за создание еврейского государства на их земле.

Все это проделывалось, надо подчеркнуть, в самый разгар наступления гитлеровских войск на двух фронтах. И в те дни, когда Советская Армия наносила решающие удары по гитлеровским войскам, еврейские буржуазные националисты, располагавшие значительными материальными средствами, намеренно избегали каких бы то ни было контактов с партизанскими отрядами, которые отважно действовали в тылу гитлеровских захватчиков.

Движение Сопротивления сионисты тоже преступно игнорировали.

СТАРЕЙШИЙ ИЗ ПРЕДАТЕЛЕЙ

Только ли игнорировали? Только ли проявляли предательское безразличие? О нет, порою — прямое пособничество гитлеровцам в безжалостном подавлении всех ростков Сопротивления!

Когда беседуешь об этом с польскими гражданами еврейской национальности, они с особенным негодованием поминают предательскую деятельность сионистской боевой организации "Факел". Презренные факельщики разжигали не пламя партизанской борьбы против оккупантов, а запланированные фашистами пожары в оккупированных городах. Они рьяно выполняли также шпионские и диверсионные задания оккупантов.

В роли идейного вдохновителя молодчиков из "Факела" ретиво подвизался патриарх польского сионизма Носсиг. Он был известен среди сионистов всей Европы тем, что еще задолго до второй мировой войны организовал в Варшаве "Генеральное общество колонизации земель Палестины". На подачки богачей ему удавалось время от времени отправлять эшелоны бедняков в Палестину и чаще на Кипр — ведь кое-кто из сионистских заправил тогда считал, что Палестину в роли земли предков прекрасно смогут заменить Кипр

или Уганда.

И вот в 1944 году тысячи узников варшавского гетто получили неопровержимые доказательства: Носсиг, убеленный сединами националист, многие годы агитировавший их стать колонизаторами палестинских земель, оказался верным прислужником гестапо. Неспроста в черные дни фашистской оккупации он имел пропуск на право разъезда по всему так называемому Варшавскому генерал-губернаторству.

Эти разъезды помогали Носсигу разнюхивать лазейки для провокационного проникновения в подпольные группы Сопротивления и партизанские отряды. И затем во время поездок он собирал своеобразные статистические материалы, чтобы солиднее обосновать составленный им вкупе с гестаповцами план. Не знаю официального названия этого плана, но, по существу, в нем планировалось уничтожение в лагерях и гетто больных, пожилых и материально не обеспеченных евреев — ну какой, скажите, был смысл бороться за их спасение, если в Палестине они стали бы только обузой для сионистов! И чем внушительнее выглядели цифры этого людоедского плана, тем больше оснований было у Носсига хлопотать за "отдельных лиц", особенно ценных для будущего еврейского государства с сионистским правительством.

Узники варшавского гетто узнали о предательстве Носсига. И как только Носсиг оказался на территории гетто, заточенные там евреи предали его справедливому суду.

Тридцать лет спустя я услышал в Польше от Фриды Рушковской подробности этого судебного разбирательства — по необычайности процессуального ритуала, возможно, единственного в истории.

Предателя судили со строгим соблюдением всех правил и норм гласного процесса. Не без труда раздобыли чистую школьную тетрадку, чтобы вести протокол суда, происходившего в толпе обреченных на гибель людей. Десятки из них могли бы стать свидетелями обвинения и назвать имена своих близких, предательски выданных подсудимым в руки гестаповцев.

У обвиняемого был защитник, в своей речи он просил суд учесть преклонный возраст Носсига. Но его речь не встретила сочувствия узников гетто. Они считали, что преклонный возраст преступника как раз и лишает его возможности хоть чем-нибудь искупить свои неопишимо тяжкие злодеяния перед польскими евреями.

Судебное заседание пришлось дважды прерывать — стоявшие на дежурстве ребятишки своевременно предупреждали участников этого справедливейшего суда о приближении охранников. Последнее слово подсудимого заняло вдвое больше времени, нежели речь обвинителя и оглашение приговора, вынесенного именем жертв фашизма.

— Все, кто выслушал приговор, даже самые дряхлые старухи, вспоминает Фрида Рушковская, — тихо, но внятно повторили вслед за председательствующим: "Смерть предателю и убийце!"

Сиониста Носсига, патриарха среди предателей, долгие годы "безразлично" относившегося к нацистскому флагу своих неизменных партнеров, казнили там же, на скорбной земле гетто.

Сотрудничали с нацистскими оккупантами и некоторые сионисты в Голландии. К такому выводу приводят страницы некоторых книг, вышедших там к 30-летию освобождения страны от нацистских оккупантов. Называя имена голландцев еврейского происхождения, честно боровшихся с фашистами в рядах отрядов Сопротивления, эти книги недвусмысленно говорят и о противодействии сионистов такой борьбе.

— Поименные разоблачения еще впереди, — слышал я в Амстердаме, Гааге, Роттердаме. — Но уже сейчас по работам профессора Пресса, автора книги "Евреи в пропасти", и профессора Ганса, автора "Истории евреев в Нидерландах", понятно, что в годы оккупации среди голландских сионистов было немало вайнребов.

Почему же фамилия сионистского деятеля Вайнреба стала нарицательной, когда речь заходит о голландских коллаборационистах? Потому, что, спасая более ста своих богатых родственников и видных сионистов, Вайнреб предал в руки гестапо многих евреев, укрытых

голландцами от оккупантов, подобно родителям Анны Франк.

Преступления Вайнреба неслыханно отвратительны. Он понуждал к сожительству женщин, суля им спасение от гестапо. Он присваивал ценности, взятые у своих жертв для передачи гестаповцам в виде выкупа. Он предавал в первую голову людей, имевших основания рассчитывать на его личную признательность.

Когда Вайнреба после второй мировой войны разоблачили, в сионистской среде нашлись его рьяные защитники. По их настоянию журналистка Рената Рубинштейн "испекла" даже целую книгу, обелявшую предателя. Но все-таки дело дошло до суда. Вайнреба признали виновным.

— Сколько же он пробыл в тюремном заключении? — поинтересовался я.

— Час или два, — совершенно серьезно ответила мне проживающая в Гааге израильская подданная Дора Моисеевна Баркай, к беседам с которой я еще вернусь. — Конечно, грешки за Вайнребом имеются. Но поскольку мы живем в гуманистической стране, власти сочли возможным ограничиться высылкой его из Голландии.

Выслали предателя в... Израиль. Однако там раздались голоса протеста — и ему пришлось ретироваться в Швейцарию.

На берегу Женевского озера Вайнреб превратился в новоявленного историка сионизма. На этой ниве он стал процветать, благо над ним дружески простер свою покровительственную длань сам господин Розенбаум — видный израильский финансист, организовавший в Швейцарии "Банк де креди энтернасьональ".

Правда, под конец моего пребывания в Голландии туда пришло из Швейцарии огорчительное для друзей Вайнреба известие: Розенбаума посадили за решетку, он совершал мошеннические операции с миллионами долларов, переправленных ему израильскими раввинами в виде вкладов их верующих сограждан.

Ничего, Вайнребу не впервые отречься от дружков, на этом он собаку съел. Отречется и от Розенбаума. Выкрутится, надеются его друзья в Голландии.

"ПРЕСТУПЛЕНИЯ РАСКРОЮТСЯ — ЭТО НЕИЗБЕЖНО"

— Гиммлеровский ставленник Шелленберг вел переговоры с сионистами, с организацией раввинов Северной Америки! Представляете? А главный палач евреев Кальтенбруннер в своих показаниях Международному трибуналу говорил об этом походя, словно оно само собой разумелось!

Такие взволнованные слова услышал я осенью 1946 года от известного советского писателя и криминалиста Льва Романовича Шейнина. Он возвратился из Нюрнберга, где в Международном трибунале был одним из советских представителей обвинения на процессе главных военных преступников.

— За долгие годы следственной и прокурорской работы я сталкивался со столь многими изощренными преступлениями, — продолжал Шейнин, — что приучил себя ничем не выдавать в зале суда своего потрясения. Но в Нюрнберге, поверьте, не раз с огромным напряжением удерживал себя в рамках внешнего спокойствия, обязательного для официального участника процесса. Ценой больших усилий сдержался я и тогда, когда речь зашла о беспредельно циничном и казавшемся невероятным союзе военных гитлеровских преступников с агентами сионизма. Союз убийц с теми, кто именовал себя братьями их жертв! До того потряс меня этот союз, что временами я отвлекался от течения процесса.

Подумать только, какие эпизоды мелькали в ходе судебного разбирательства! Переговоры на нейтральной швейцарской территории о цене, которую Гиммлер счел бы сходной за обязательство сионистов убедить мировую общественность в гуманном обращении фашистов с евреями. Переговоры о поставках сионистами военного имущества гитлеровскому командованию. Да еще с непременным условием: такое имущество должно быть использовано обязательно на Восточном фронте, то есть против советских войск. Неспроста ведь оговаривалось, что грузовые тягачи, например, будут оснащены

металлическими цепями тогда русские снега не будут им преградой. Такие позорные соглашения благословляла сионистская верхушка в Палестине. И помогала осуществлять! У нацистов были в Палестине верные дружки — ведь еще перед войной гитлеровцам удалось просунуть своих надежных агентов в руководящие органы еврейских банков и крупнейших промышленных фирм в Палестине. Сами достаточно замаранные связями с нацистами, сионистские лидеры делали хорошую мину при плохой игре: притворялись, что не замечают экономических связей своей промышленности с нацистами, делали вид, что им якобы ничего не известно о заказах своих фирм на оборудование для гитлеровских войск. О таком неслыханном предательстве сионистов нужно будет подробно рассказать!

Лев Романович лелеял мысль рассказать об этом в задуманном им большом историческом романе "Позор империи". По замыслу писателя роман должен был прежде всего показать, как рабочий класс и прогрессивная интеллигенция дореволюционной России сорвали реакционные планы царизма, связанные с "делом Бейлиса". Инспирированный царским правительством в 1913 году судебный процесс над киевским евреем Бейлисом, обвиненным в убийстве христианского мальчика с ритуальной целью, закончился — вопреки рьяным усилиям ближайшего окружения царя — полным оправданием обвиняемого. Руководимая В.И. Лениным партия большевиков резко осудила "дело Бейлиса" как выражение шовинистической и антисемитской политики царизма. И в то же время многие видные сионисты скорбели по поводу оправдания Бейлиса. Это кажется невероятным, но их больше устраивал обвинительный приговор. Он давал сионизму новый повод трубить о вечности и надклассовой неизбежности антисемитизма, спастись от которого можно, дескать, только бегством на "землю отцов". Шейнин мечтал, помню, пронизать свой роман гневными публицистическими реминисценциями, перекликающимися с современностью. И одну из наиболее пространных реминисценций Лев Романович намеревался посвятить позорным сделкам сионистов с нацистами в дни войны, видя в том логическое продолжение предательской позиции международного сионизма в "деле Бейлиса". Смерть прервала работу талантливого писателя над романом, в котором должна была быть показана целая цепь сионистских преступлений против еврейского населения России.

— Факты непосредственных контактов нацистов с сионистами всплывали на Нюрнбергском процессе как бы попутно, — говорил мне Лев Романович. — Во-первых, потому, что многие из них к тому времени еще не были раскрыты. А во-вторых, главные преступления гитлеровских военных заправил, естественно, затмевали на том процессе все попутные детали. Но то, что сегодня предстает перед нами в виде разрозненных деталей, выстроится впоследствии в большую систему грозного обвинения! Не подлежит никакому сомнению, что на последующих процессах, когда на скамью подсудимых сядут непосредственные подчиненные главных преступников, о зловещих сделках немецких фашистов и еврейских буржуазных националистов разговор пойдет в полный голос. Преступления раскроются — это неизбежно!..

Раскрылись!

НАЦИСТАМ ТРЕБУЕТСЯ СИОНИСТСКИЙ ЛИДЕР

Чтобы рассказать об одном из самых нечеловеческих преступлений сионизма в годы войны, я должен прежде представить читателю Курта Бехера.

Зловещее имя этого нацистского палача я впервые услышал летом 1944 года. Наши войска, безостановочно устремляясь на запад, освобождали от фашистской нечисти истрадавшуюся белорусскую землю.

Партизанские вожаки и руководители подпольных партийных организаций, рассказывая военным корреспондентам о преступлениях оккупантов, упоминали и изощренные зверства эсэсовского полковника Курта Бехера. И в роли уполномоченного "Тотенкампфштандарт" подразделения, ведавшего лагерями смертников, и в командном составе особой эсэсовской конной части "Фегелейн-бригад" Бехер проявил себя

инициатором и исполнителем многих кровавых расправ с белорусами, заподозренными в связях с партизанами. Особенно рачительно и методично выполнял он приказ гитлеровского командования о поголовном истреблении советских граждан еврейской национальности. А после войны стало известно и о зверствах Бехера на польской земле.

Невежественный приказчик по закупке конского фуража, с трудом одолевший четыре класса начальной школы в Гамбурге, Бехер сразу же по вступлении в нацистскую партию умудрился пролезть в эсэсовскую "элику". Образцово пройдя "практику" в первом из фашистских концлагерей, в Дахау, он вскоре стал выполнять особые поручения самого Гимmlера. Эсэсовцы со злобой называли Бехера выскочкой и с завистью любимчиком самого рейхсфюрера СС.

И когда весной 1944 года гитлеровцы, оккупировав Венгрию, решили осуществить массовое уничтожение венгерских евреев, Гимmlер выделил в помощь Адольфу Эйхману именно штандартенфюрера Курта-Александра-Эрнеста Бехера. Этот преступник к тому времени завоевал репутацию не только исполнительного палача, но и специалиста по "экономическим" вопросам, проще говоря, по выкачке ценностей и имущества с оккупированных территорий.

На Восточном фронте дела у гитлеровцев шли тогда из рук вон плохо. Советские войска совместно с чехословацкими и польскими частями и при поддержке партизан наносили гитлеровцам поражение за поражением. И Гимmlер, замысливший секретные переговоры о сепаратном мире с нашими западными союзниками, счел невыгодным для себя отягчать свой кровавый послужной список новыми массовыми истреблениями мирного населения. Вот почему он настойчиво требовал от Эйхмана и Бехера: депортация полумиллиона венгерских евреев должна быть осуществлена "без лишнего шума и волнений" среди обреченных, вывезти их в лагеря "надо скрыто и без эксцессов".

Впоследствии, в июле 1947 года, Бехер, давая показания следователям Международного трибунала, вынужден был признать, что перед поездкой в Будапешт он получил от Гимmlера такое указание:

— Сумейте быстро забрать у венгерских евреев все, что можно у них забрать, и даже больше. Чтобы без эксцессов провести акцию, обещайте их лидерам что угодно.

Итак, Гимmlер не хотел "излишнего шума и волнений". Но и медлить ему тоже не хотелось: ведь советские войска все стремительней приближались к венгерской земле, стонавшей под двойным игом гитлеровцев и "правительства" фашиста Салаши. И не случайно Бехер, прибыв в Будапешт, как показал на своем процессе Эйхман, сразу же сказал ему:

— Надо торопиться. Депортировать и обезвредить более полумиллиона венгерских евреев надо за пять-шесть недель.

Эйхман и Бехер сошлись на одном: первый должен поскорее заняться депортацией, а второй — инкассацией — так цинично именовали в сионистских кругах изъятие у депортированных валюты, ценностей, имущества.

Но чтобы действительно избежать "излишнего шума и волнений", Эйхману и Бехеру требовался умелый, верный и влиятельный пособник из еврейской среды. Требовался, как они выражались, лидер.

В мелких провокаторах и угодниках нужды не ощущалось — вспомним хотя бы "господина председателя" еврейского совета в будапештском гетто, упоминавшегося уже сиониста Шаму Штерна. Нет, нацистам нужен был помощник покрупнее, этаким еврейским квислинг во всевенгерском масштабе. Где и как его найти, да еще в кратчайший срок?

Нашли. К неудовольствию ближайших эйхмановских агентов нашли не они, а те, кто окружал Бехера. Его выученики оказались прозорливей эйхмановцев: нацелились не на раввина, а сразу же на сионистских деятелей.

КАСТНЕР, ПОСОБНИК ШТАНДАРТЕНФЮРЕРА

Так на арене появился Режé Кастнер. Получив титул руководителя "Комитета по спасению евреев", он решительно гарантировал Эйхману и Бехеру "организованный и спокойный" вывоз венгерских евреев в лагеря смерти "без эксцессов", столь нежелательных тогда для Гиммлера.

Какова же была плата, которую потребовал от нацистов неудачный журналистик из провинциального Колошвара, более преуспевший в роли деятельного функционера столичной организации сионистов, Режé Кастнер?

Позвольте, почему — Режé? Так вправе спросить меня читатели. Ведь в публикациях о сотрудничестве сионистов с нацистами и даже во многих официальных документах Кастнер именуется Рудольфом. И все-таки настоящее имя матерого предателя — Режé. А в Рудольфа он превратился при весьма любопытных обстоятельствах.

Однажды штандартенфюрер Бехер, пребывая в состоянии умиления и разнеженности, похвалил Кастнера в присутствии своих приближенных:

— Изворотлив он, наш шалун Руди. Скажи ему только — всюду лазейку найдет. И пролезет.

Руди, как известно, уменьшительное от Рудольфа. И милостивые слова своего нацистского шефа Кастнер с готовностью воспринял как указание именоваться впредь Рудольфом.

Какую же плату потребовал Режé-Рудольф от нацистов за свое небывалое — даже по сионистским масштабам — предательство?

Точно такую же, как и все сионистские деятели, вступившие тогда в сделки с гитлеровским режимом: разрешение на отправку в Палестину наиболее влиятельных сионистов и раввинов, а заодно и богачей, обязавшихся перевести со своих банковских счетов в банках нейтральных государств крупные суммы в сионистскую кассу. Ну и, конечно, родных и близких Кастнера.

Сначала Кастнер и его ближайший помощник Бранд представили Эйхману и Бехеру список на две тысячи двести человек. Начался торг, обстоятельный и кропотливый. И Кастнер угодливо пожертвовал "менее ценными" для палестинских сионистов семьями — теми, кто ему казался не вполне подходящим для непосредственного участия в лихорадочной колонизации арабских земель.

Список сократили до 1684 человек. В Палестину, как заверили Кастнера и Бранда эсэсовцы, эти люди будут вывезены через нейтральную Швейцарию.

Стоит напомнить, что в кастнеровский список не вошел никто из томившихся в гетто видных деятелей литературы и искусства, в частности такие популярные венгерские писатели, как Миклош Радноти, Ендре Геллери Андор, Антал Фаркаш и многие другие. Усилия к спасению этих талантливых людей прилагали не сионисты из среды эсэсовских любимчиков, а венгры-антифашисты, вроде будапештского врача Ласло Пешта или портного Бала Дьюла, укrywшего у себя в пору немецкой оккупации 36 евреев.

Отпустить в Швейцарию 1684 избранника нацисты обещали Кастнеру, однако лишь после того, как начнется с его помощью "спокойная" депортация евреев из будапештского гетто в Освенцим и Маутхаузен.

Кастнер покорнейше согласился и на это. Громогласно заявил он Штерну и всем другим сионистским деятелям, вошедшим, разумеется, в его особый список:

— Я верю Эйхману и Бехеру, и вы должны им верить. Они выполняют свое обещание. Надо выполнить и наше.

И началось "выполнение" данного нацистам обещания. Сгруппировавшиеся вокруг Кастнера сионисты упорно и методично уговаривали обреченных на смерть людей точно в назначенный срок являться на сборные пункты, без утайки сдавать агентам "экономического советника" Бехера все ценности и валюту и спокойно грузиться в железнодорожные эшелоны. По уверению сионистских агитаторов, эти эшелоны держат, мол, путь не к газовым камерам, а в места, специально отведенные германскими властями для проживания евреев. Недаром же вывоз именуется депортацией, то есть изгнанием, высылкой. Нацисты вовсе не

намереваются, дескать, уничтожить венгерских евреев. И каждый в отдельности глава обреченной на смерть семьи строжайше предупреждался, что любая попытка нарушить установленный фашистами порядок депортации пойдет только во вред женщинам и детям.

— Вас спасет только покорность и образцовый порядок, — такова была излюбленная фраза кастнеровских приспешников.

Некоторые участники отрядов венгерского Сопротивления не поверили заверениям сионистской верхушки и решили все-таки попытаться спасти увозимых на гибель детей. Но агенты Кастнера, пронюхав об этом, успели предупредить гестаповскую охрану эшелонов.

Видное место среди кастнеровской агентуры занял член совета будапештской еврейской общины Бейло Беренд. На этот пост он попал по рекомендации... хортистских чиновников, оценивших его усердие в городе Сигетваре, где он был главным раввином. Незадолго до бегства из Будапешта остатков разгромленного гитлеровского гарнизона хортистский протезе Бейло Беренд поспешил скрыться.

Тут я вынужден сделать небольшое отступление и сказать, что более тридцати лет спустя предатель сам подал о себе весть венгерской общественности. Произошло это не совсем обычным образом. Венгерский писатель Дьердь Молдова опубликовал в 1975 году роман "Гимн святой Имре" — первую часть трилогии, рассказывающей о судьбе еврейского юноши в хортистской, а затем — оккупированной гитлеровцами Венгрии. Писатель широко пользовался фактическим материалом. И неудивительно, что в одном из весьма неблагоприятных персонажей романа нетрудно было разглядеть черты таинственно исчезнувшего Бейло Беренда. Описаны в романе и некоторые его провокации. Неожиданным заступником "доброго имени" Беренда оказался американский сионистский деятель — некий мистер Болтон. Он обратился к венгерскому суду с ходатайством осудить писателя за клевету на Беренда. Когда началось рассмотрение дела, закончившееся полным крахом жалобщика, оказалось, что за Беренда заступился не кто иной, как... сам Беренд, принявший в Соединенных Штатах фамилию Болтон. Вот уж действительно на воре шапка горит!

— Сионисты вели себя во время нацистской оккупации ужасно, услышал я от историка Илоны Беношовски, заточенной в будапештское гетто, под фальшивым документом интернированной иностранки. — Они обманули много евреев, и те даже не пытались спасти своих детей от отправки в лагерь смерти.

Многие из тех, с кем я беседовал в Венгрии, рассказывая о предательстве сионистов, прежде всего называют имя главного организатора этого страшного предательства — Кастнера. Запуганные люди, стоявшие уже на краю могилы, верили кастнеровским рассказам и выдумкам.

Наиболее "сильнодействующим" аргументом Кастнера в беседах с его жертвами был такой: нацисты сдержат свое обещание и дадут вам возможность уехать — ведь дали же они возможность уехать в Аргентину и Португалию семьям нескольких евреев-коммерсантов.

Кастнер предпочел не уточнять, что "коммерсантами" — то были самые именитые и крупные магнаты, вроде одного из владельцев знаменитых чепельских металлургических заводов Вайса и главы объединения венгерских банкиров Корина, небезосновательно слывшего к тому же одним из ближайших советников самого кровавого диктатора Хорти. Кстати, перед отъездом из Венгрии магнаты успели наилучшим образом отрекомендовать Кастнера командованию гитлеровских войск и салашистскому правительству. Такая рекомендация окрылила Кастнера, и он совсем уж перестал считаться с мнением тех немногих несионистов, которые входили в состав совета будапештского гетто.

Впоследствии Кастнер лицемерно хвастал, что вдвоем с Брандом вел с Эйхманом переговоры об освобождении... 100 000 евреев в обмен на нужные гитлеровцам грузовики и медикаменты.

Под предлогом раздобыть грузовики и медикаменты он действительно послал Бранда в Турцию, а сам в сопровождении выступившего в роли "инкогнито" Бехера направился в Швейцарию. Я не оговорился: именно в сопровождении Бехера! Председатель "Комитета по спасению евреев" от нацистской расправы и один из главных организаторов этой расправы

настолько к тому времени сконтактовались и сблизились, что Бехер охотно поехал с Кастнером в роли сопровождающего.

И поныне сионистская пропаганда старательно муссирует легенду о том, как ловко Кастнер, дескать, водил за нос эсэсовцев под предлогом поставки им грузовиков и медикаментов. Документы же неоспоримо говорят о совершенно противоположном: Кастнер скрывал от обитателей гетто истинное содержание своего договора с Эйхманом и Бехером. Они же в действительности посулили ему дать свободу только маленькой кучке угодных сионистам людей.

Руководитель одного из венгерских архивов Элен Каршаи ознакомил меня с телеграммой Визенмайера, германского посла при правительстве Салаша, адресованной гитлеровскому министру иностранных дел Риббентропу. Ссылаясь на беседы с главными эсэсовскими представителями в Венгрии, посол 22 июля 1944 года спешит успокоить Риббентропа в ответ на его запрос: "Будапештский еврей Бранд получил поручение достать в Турции дефицитные для Германии товары, взамен чего будет разрешен выезд нескольким евреям".

Несколько! А сионистская пропаганда по сей день продолжает шуметь о том, что Кастнер вкупе с Брандом ратовали за спасение ста тысяч человек и сумели даже втянуть Эйхмана и Бехера в длительные переговоры по этому поводу.

СООБЩНИКИ ДЕЛЯТ СРЕБРЕНИКИ

Бранд из Турции в Будапешт не вернулся. А Кастнер и Бехер, как можно было предвидеть заранее, потерпели в Швейцарии фиаско и вернулись ни с чем. Впрочем, о Бехере этого сказать нельзя: "экономический советник" открыл в швейцарских банках текущие счета на свое имя и сделал первые вклады. Довольно внушительные — ведь угоняемые в газовые камеры узники будапештского гетто покорно сдавали бехеровским агентам ценности и валюту "без утайки", в точности так, как их вразумлял Кастнер. Немалую толику награбленного Бехер присвоил себе, заложив в швейцарских банках прочный фундамент для дальнейшего приумножения своих богатств.

А с помощью Кастнера богатства штандартенфюрера росли со сказочной быстротой! Вскоре же после возвращения из Швейцарии аккуратнейший Режé-Рудольф вручил ему валюту, "инкассированную" с 1684 сионистских избранников, ожидавших обещанной отправки в Швейцарию. Нетрудно представить себе, какую кругленькую сумму урвал Бехер, если минимум платы "за душу" составлял 1000 долларов. Правда, молодчики из бехеровского окружения утверждали, что штандартенфюрер проявил благородство и закрыл глаза на "шалость" изворотливого инкассатора Руди, оставившего некоторую часть выкупа себе.

Вскоре те, кто вошел в кастнеровский список, действительно были отправлены из Венгрии. Но не в нейтральную Швейцарию, а в оккупированную Голландию и в концентрационный лагерь Берген-Бельзен. Надул Курт-Александр-Эрнест своего верного "шалуна" Руди. Но это, как мы видим, совершенно не охладило их теплых отношений.

В конце 1944 года избранников, правда, вывезли из Берген-Бельзена в Швейцарию. Но опять-таки не в результате договора между Кастнером и Бехером, к тому времени уже успевших унести ноги (и опять-таки вдвоем!) с венгерской земли, по которой победоносным шагом шли советские воины-освободители. Вывести элиту сионистов в Швейцарию неожиданно приказал сам Гиммлер. Начав секретные переговоры о сепаратном мире, он вынужден был сделать жест гуманизма, на который могли бы сослаться его уполномоченные по переговорам. Это впоследствии признали на допросах гауптштурмфюрер СС Стапенхорст и прочие подручные Бехера по ограблению Венгрии и истреблению сотен тысяч ее мирных жителей.

В прах развеянной оказалась и сионистская легенда о спасении Кастнером и его подручными 16000 венгерских евреев — "самых обыкновенных людей", как

многозначительно подчеркивают его заступники. По кастнеровскому якобы ходатайству, утверждают сионисты, эти люди были выпущены из гетто и отправлены в Австрию, где они каким-то чудом сумели спастись.

Что же произошло в действительности?

Гитлеровским гауляйтерам в Австрии срочно потребовалась рабочая сила для военной промышленности и строительства оборонительных укреплений. И генералу Винкельману, одному из командиров оккупационных войск в Венгрии, из Берлина по линии военного ведомства было приказано немедленно отправить в Австрию около 20 тысяч узников гетто для работы "на износ". Приказ выполнялся столь срочно, что эшелоны с угоняемыми в газовые печи людьми прямо на ходу изменяли маршрут и переправлялись в Австрию. Ни Кастнер, ни его подручные, естественно, никакого отношения к отбору людей для отправки в Австрию не имели и иметь не могли. Быстрое продвижение советских войск к Будапешту помешало Винкельману полностью выполнить приказ: на каторжные работы в Австрию было отправлено только 16 тысяч узников гетто.

Большинство из них действительно было спасено. когда и кем — я расскажу ниже. Но отнюдь не Кастнером и его сподвижниками.

Советские войска, преодолевая сопротивление гитлеровцев, в ноябре 1944 года подошли вплотную к окраинам венгерской столицы, и Кастнер вынужден был прекратить свою предательскую деятельность. Председатель "Комитета по спасению евреев" удрал, когда в будапештском гетто оставалось еще более 150 000 человек.

О разгроме фашистской Германии Кастнер узнал уже в Палестине, куда благополучно вывез свое обильное имущество, свою семью и своих соратников по будапештским кровавым провокациям.

Окруженный ореолом храбрейшего из храбрых, сумевшего с риском для жизни "перехитрить" эсэсовцев и вывезти из будапештского гетто тысячи евреев, Режё-Рудольф с головокружительной быстротой стал делать карьеру в сионистских кругах Палестины. А с возникновением государства Израиль Кастнер начал уверенно продвигаться вверх по чиновничьей лестнице как ответственный сотрудник министерства торговли. В этом восхождении немалую роль сыграл солидный капиталец, вывезенный "шалуном" Руди из Венгрии.

Не оборвалась, однако, цепь предательств Режё-Рудольфа, первые звенья которой связаны с его непосредственным участием в гибели сотен тысяч узников будапештского гетто. Он и после войны предавал евреев, позорно торгуя памятью тех, кого ранее отдал на расправу гитлеровцам. И очень симптоматично, что и новые, послевоенные преступления Кастнера опять-таки связаны с грязной жизнью и палаческой деятельностью штандартенфюрера Курта-Александра-Эрнеста Бехера.

Не буду интриговать читателя и сразу скажу: Бехер живет и процветает в Федеративной Республике Германии. И хотя отставной штандартенфюрер неоспоримо принадлежит к тем, о ком многие его соотечественники с негодованием говорят: "Убийцы живут среди нас", он процветает и с помпой отпраздновал двадцатипятилетний юбилей своей богатейшей торговой фирмы, помещающейся в Бремене на Слеводштрассе, 56. Бехеровская фирма имеет филиалы не только в городах ФРГ, но и за границей, особенно в странах Южной Америки. И не только гауптштурмфюрера Стапенхорста, но и многих других бывших эсэсовцев, чьи руки обагрены кровью, Бехер надежно укрыл от правосудия под кровом своего солидного торгового предприятия.

А ведь палач уже находился в полушаге от скамьи подсудимых, и казалось, ничто и никто не сможет выгородить его и увести от справедливого возмездия.

НАЦИСТСКОГО ПАЛАЧА СПАСЛИ СИОНИСТЫ

18 мая 1945 года австрийские партизаны в Вейсенбахе арестовали Бехера и передали оперативной группе американских войск № 801 СК. У арестованного отобрали чемодан и

большую коробку. В чемодане нашли много ценностей и валюты, а коробка была до отказа набита зубными протезами и коронками из золота.

Вот этот страшный золотой "клад" и позволил разоблачить самые свежие преступления эсэсовского штандартенфюрера: истребление евреев в газовых печах лагеря Мелк. Правда, на первом же допросе в Ноттенбурге закоренелый расист поспешил объявить о своем доброжелательном отношении к евреям по этой, дескать, причине, что свой тернистый жизненный путь начал в роли подмастерья у заботливого гамбургского ремесленника еврейской национальности Фридриха Хенса.

Следователь Оливер Берглунд, однако, сумел точно установить участие Бехера в варварских акциях, осуществленных за колючей проволокой не только в Мелке, но и в Маутхаузене. Не зная о зверствах Бехера, в Польше, Белоруссии и Венгрии, следователь счел нужным предать арестованного суду в Линце, где-предстоял процесс палачей Мелка и Маутхаузена.

До начала процесса оставалось несколько месяцев.

Узнав об аресте Бехера, министерство юстиции Венгерской Народной Республики потребовало доставить в Будапешт этого гиммлеровского доверенного, совершившего столько тяжких преступлений на венгерской земле. Американские военные власти согласились на это при условии, что после дачи показаний Бехер будет возвращен им.

Чтобы только перечислить вкратце преступления, в которых Бехера уличили на допросах в Будапеште, потребовалось бы несколько страниц. Непосредственное руководство вывозом в лагеря смерти более полумиллиона венгерских евреев. Активное содействие салашистским фашистским отрядам "Скрещенные стрелы" в расправах с прогрессивными слоями населения Венгрии. Разграбление народного хозяйства страны, в результате чего в Германию было вывезено более 55 тысяч вагонов, груженных машинами, ценным сырьем, продовольствием. Обескровил Бехер и знаменитую чепельскую металлургию и машиностроение. Он организовал демонтаж крупнейших венгерских предприятий и возглавлял все хищнические операции, именовавшиеся гитлеровцами транзакцией. Как специалист по коневодству, особенно досконально провел штандартенфюрер конфискацию и вывоз всего богатейшего наличия лошадей, включая животных самых ценных пород. И т. д. и т. п.

Бехер признал себя виновным почти во всех перечисленных в обвинительном акте преступлениях. Но неизменно подчеркивал, что он только выполнял воинские приказы своего командования, причем с ведома салашистского правительства.

Если к преступлениям, совершенным Бехером в Венгрии, присовокупить те, в которых его уличил следователь Берглунд, то становится очевидным, что гиммлеровского любимчика ждала скамья подсудимых на одном из процессов фашистских военных преступников в Нюрнберге.

Однако, когда по требованию американских военных властей Бехера вернули в Германию, он ускользнул даже от суда в Линце, хотя числился там в списке подсудимых.

Какие же силы выступили на защиту штандартенфюрера?

Сионистские.

Прежде всего следствию было предъявлено пространное письмо банкира Ференца Корина, да, того самого — уже знакомого нам сионистского мецената Корина, который вкупе с другими еврейскими магнатами спокойно вывез из оккупированной нацистами Венгрии всю свою семью и многочисленную родню. Свое письмо, характеризующее Бехера как друга и заступника евреев, Корин продиктовал дочери Эржебет еще в июле 1944 года в Пуркерсдорфе под Веной. Следует объяснить происхождение этого, изобилующего самыми лестными эпитетами, письма. Когда нацисты при содействии сионистов начали массовую депортацию венгерских евреев в лагеря смерти, предусмотрительный Бехер неожиданно заявил, что не выпустит ни в одну нейтральную страну 47 родственников металлургического магната Вайса, пока не получит от Корина документальное свидетельство о гуманном отношении "экономического советника" к евреям. Корин согласился. Более того, он придал

своему письму форму официального обращения депутата хортистского парламента и президента банковского синдиката к самому диктатору Хорти.

А в 1946 году, узнав, что Бехер находится под следствием, Корин дополнительно прислал в Нюрнберг официально заверенные в Нью-Йорке показания, решительно опровергающие участие штандартенфюрера в массовом истреблении венгерских евреев. Это кажется невероятным — ведь находившийся под арестом Бехер тогда уж ничем не мог угрожать процветающему за океаном банкиру. Но дальновидный делец Корин рассчитал так: реабилитированный "экономический советник" сможет впоследствии помочь магнатам получить компенсацию за вывезенное в Германию оборудование их предприятий. (Расчет, кстати, оказался безошибочным. Вот только один пример. 24 января 1964 года, исходя из объяснений видного коммерсанта Курта-Александра-Эрнеста Бехера, правительство ФРГ выплатило в Фюрсте бывшим акционерам венгерской металлургической компании "Вайс Манфред" крупную денежную компенсацию в долларах. Эсэсовская рука банкирскую руку моет!)

И все же документов за подписью Ференца Корина оказалось мало даже для тех, кто всячески стремился замариновать суд над Бехером. Кому же дано перешеголять именитого банкира?

И тут на смену магнату приходит видный сионистский деятель. На арене снова появляется Режé-Рудольф.

Из Тель-Авива он спешно присылает подробные письменные показания. Если верить Кастнеру (а кое-кто из следственного аппарата хотел, очень хотел ему верить!), штандартенфюрер Бехер только тем и занимался в оккупированном Будапеште, что энергично спасал заточенных в гетто евреев. И не отнимал у них ценностей и имущества. И никаких денег за выпущенных из страны 1684 сионистских избранных не получал.

Но ведь в канцелярии следственного аппарата под № 8255-1М уже хранились присланные министерством юстиции Венгерской Народной Республики обвинительные материалы, обличающие непрерывную цепь страшных преступлений Бехера в оккупированной Венгрии, ведь в этих материалах было и подписанное Бехером признание своей вины. Как выйти из такого неприятного для покровителей штандартенфюрера положения?

И тогда покровители гиммлеровского выученика делают решающий ход в своей нечистой игре. Они вызывают Кастнера в Нюрнберг. А тот рад стараться: немедленно прилетает из Тель-Авива и дает следственному суду пространные показания в защиту Бехера.

Сансация! И некоторые американские военные юристы, занимающиеся делом Бехера, делают поворот на сто восемьдесят градусов.

Разве же можно не поверить легендарному смельчаку, прославившему сионизм своей бесстрашной борьбой в оккупированной гитлеровцами стране, человеку, о котором в сионистских кругах рассказывают легенды!

И Кастнеру опять поверили те, от кого тогда зависела судьба Бехера.

Я обязан отметить, что среди американских и западногерманских юристов многие энергично выступали против прекращения дела Бехера. Назову главного гессенского прокурора доктора Бауэра, сумевшего с помощью архивных материалов и свидетельств представителей венгерской общественности аргументированно опровергнуть ложные показания Кастнера [Незначительная часть этих материалов была опубликована цюрихской газетой "Си унд эр". Очень многие документы я видел в фотокопиях у некоторых венгерских историков.]. То ли из-за неожиданной смерти доктора Бауэра (при весьма странных обстоятельствах, как сказано было в газетах), то ли по иным причинам, но огромные кипы документов, припирающие к стене военного преступника Бехера, доселе безмятежно покоятся в архивах прокуратуры Франкфурта-на-Майне.

Итак, с помощью своих сионистских дружков Бехер очутился на свободе. В швейцарских банках лежали и обрастали процентами валютные вклады на его имя. Но пока

он не прошел процесса денацификации (а это в ФРГ дает полное освобождение от ответственности за любые злодеяния при фашистском режиме), он не мог снять со своего текущего счета ни доллара. Миллионер в ожидании денацификации фактически был нищим. До того нищим, что задолжал квартирной хозяйке за комнату, и почтенная фрау собиралась выставить некредитоспособного квартиранта на улицу.

Но свет не без добрых людей. Добрым для Бехера человеком вновь оказался, конечно, Кастнер. Он стал регулярно отправлять из Израиля товарные посылки на имя Бехера. Реализуя содержимое посылок на черном рынке, "нищий миллионер" получил возможность безбедно существовать в ожидании решения суда о его денацификации. И решение последовало. Бехер дождался своего часа!

А Кастнер — видный член правящей партии МАПАИ — продолжал тем временем в Израиле делать карьеру правительственного чиновника. По возвращении из Нюрнберга он занял пост первого помощника министра торговли и промышленности Дови Йосефа.

КАСТНЕР ОРУДОВАЛ НЕ В ОДИНОЧКУ

Нашлись, однако, честные люди, попытавшиеся раскрыть правду о Кастнере и показать израильскому населению истинное лицо предателя.

Еще в 1950 году сын одного из умерщвленных по плану Эйхмана и Бехера венгерских евреев прислал из Аргентины письмо израильским властям и привел точные факты преступных связей нынешнего помощника израильского министра с уполномоченным Гимmlера в оккупированной Венгрии. Но в Тель-Авиве положили под сукно это взволнованное, проникнутое страшной правдой письмо. И аргентинский бедняк, тщетно умолявший израильских руководителей вызвать его для дачи показаний, вынужден был умолкнуть.

Прошло еще два года. Престарелый выходец из Венгрии, иерусалимский житель Гринвальд обратился с письмами о злодеяниях Кастнера к руководителям наиболее религиозного крыла сионистского блока — партии "Гамизрахи".

Эти письма израильские чиновники и руководители МАПАИ уже не положили под сукно. О нет, они тут же посадили на скамью подсудимых... Гринвальда. Покровители "храбрейшего из храбрых" во главе с министром Дови Йосефом мигом состряпали против Гринвальда обвинение в попытке злостно оклеветать видного правительственного чиновника, имеющего неопределимые заслуги перед сионизмом.

Но тут подняли свой голос родственники жертв будапештскогоговора сионистов с нацистами. О приведенных Гринвальдом вопиющих фактах вынуждена была заговорить молчаливая дотоле израильская пресса. Газеты многих стран мира сообщили об этом чудовищнейшем предательстве сионизма в годы второй мировой войны.

Руководители МАПАИ рассчитали, что в такой обстановке наиболее верный тактический ход для них — отступление. И удачливый "шалун" Руди из грозного обвинителя превратился в растерявшегося обвиняемого. В 1952 году в Иерусалиме он предстал перед судом.

Хотя сионистская верхушка всячески "сдерживала" судей, вина Кастнера полностью подтвердилась. В одном из документов ЦК Коммунистической партии Израиля, устанавливающим, что "в годы второй мировой войны сионистское руководство искало пути к нацистским главарям для реализации целей сионизма за счет еврейских народных масс", мы читаем о суде над Кастнером:

"Кастнер и его коллеги прекрасно знали, что нацисты собираются отправить венгерских евреев в лагеря смерти, в газовые камеры, но предпочли скрыть это в обмен на обещание нацистского палача Эйхмана дать возможность нескольким сотням евреев, главным образом сионистам и просионистским богачам, эмигрировать в Палестину. Выступления свидетелей на суде доказали, что Кастнер и его сообщники позаботились о том, чтобы "успокоить" еврейские массы. Они усыпили их бдительность и облегчили нацистам их

работу — отправку венгерских евреев в лагеря смерти. Если бы евреи в Венгрии знали то, что знает Кастнер, они, надо полагать, восстали бы или бежали, чтобы присоединиться к движению Сопротивления".

Точнее не скажешь!

Сионистские заправилы Израиля занервничали, засуетились: а вдруг обмякший герой, чтобы хоть частично выгородить себя, станет на суде называть имена своих сообщников и именитых сионистов из Палестины, поощрявших его контакты с эзсовцами! Ведь он и так уже начал выбалтывать засекреченные подробности аналогичных, правда, более мелких сделок сионистов с нацистами в других оккупированных странах. А тут еще многие европейские газеты высказало небезосновательные предположения, что Кастнер никак не мог единолично, без высокого покровительства и одобрения сионистских заправил так зловеще предать сотни тысяч евреев.

И на "священной земле отцов" сочли за благо пожертвовать разболтавшимся храбрецом. Агент израильской политической полиции тайно прикончил Кастнера. А сионистские заправилы на торжественных панихидах проливали крокодиловы слезы по "славному сыну сионистской семьи".

Сионисты и поныне причисляют Режё-Рудольфа Кастнера к сонму национальных героев. Всячески скрывая истинную причину, по которой сами же отправили своего героя на тот свет, они неистово проклинают безымянного "фанатика", застрелившего заслуженного националиста "без всяких оснований".

Преступления Кастнера в будапештском гетто сионистская пропаганда категорически отвергает. Больше того, и сейчас еще из Израиля в западные страны периодически выезжают специальные докладчики для того, чтобы информировать еврейское население о подвиге председателя "Комитета по опасению венгерских евреев", заставившего (!) нацистов сохранить жизнь тысячам евреев. Мне приходилось в Австрии, Бельгии, Голландии, США, ФРГ беседовать с теми, кому довелось слушать подобные "информации" израильских докладчиков.

Один из них, венский техник-электрик, рассказывает:

— Докладчик из Иерусалима по фамилии Дрейер долго убеждал нас, что это антисемиты придумали историю предательства Кастнера, чтобы скомпрометировать сионистское движение. Человек из Иерусалима закончил свою речь торжественными словами: "Еврейская молодежь должна учиться у Кастнера мужеству и верности делу нации!" Он ждал аплодисментов. Но почти все двести пятьдесят человек, собравшиеся в зале имени Герцля, хмуро молчали. А потом из задних рядов послышался голос: "А почему Кастнер в Нюрнберге защищал фашистского штандартенфюрера?" Дрейер, видимо, не ожидал такого вопроса. Он строго предложил тому, кто задал вопрос, встать, представиться собранию и объяснить, почему он задает такой вопрос. Но люди зароптали — и докладчик вынужден был отвечать. Он путался и сбивался. Многозначительно говорил о каком-то таинственном психологическом надломе. Затем стал намекать на то, что этот надлом, превративший верного сиониста в защитника одного из палачей еврейского населения Венгрии, произошел не без влияния антисемитов. И закончил так: "Человек, задавший мне такой вопрос, заражен бациллой антисемитизма".

К такому же псевдозначительному тону, полному мистических полунамеков на какие-то "тайны", прибегает и сионистская пресса, только лишь заходит речь о нюрнбергской странице черной биографии предателя.

Жалкие бредни, тщетные уловки!

Все, кто хотя бы бегло знаком с трагедией будапештского гетто, прекрасно понимают, что никакой таинственной загадки в нюрнбергском преступлении Кастнера нет. Просто Бехер знал о будапештских преступлениях Кастнера такие позорные подробности, каких не знал никто другой. И хотя Режё-Рудольф уже безмятежно процветал в Израиле, Бехер цепко держал своего пособника в лапах. А Руди, смекнув, что штандартенфюрер не из тех, кто постесняется в любой подходящий момент припереть его к стенке, немедленно прислал из

Тель-Авива нужны Бехеру письменные показания. Затем прилетел в Нюрнберг, чтобы лично предстать перед следственным судом в защиту палача. И наконец, под занавес, откупался от Бехера доходными посылочками.

Итак, Кастнер в высоком ранге израильского правительственного чиновника и видного сионистского функционера помог военному преступнику, именитому эсэсовцу уйти от возмездия и стать богатейшим предпринимателем в ФРГ. Прославленный еврейский националист в Нюрнберге снова обагрил свои руки кровью сотен обманутых им евреев, доставленных с его помощью в газовые камеры "без лишнего шума и волнений".

Есть возможность сравнительно подробно рассказать о Курте Бехере семидесятых-восемидесятых годов. Судьба Бехера весьма, к сожалению, типична для судеб очень многих укрывшихся от правосудия и ныне благоденствующих нацистских палачей. И хотя руки некоторых из них обагрены еврейской кровью, сионистские службы и организации стараются "не замечать" их. Почему? Ответить на это постараюсь в разделе "Неонацисты".

УЗНИКОВ ГЕТТО СПАСЛИ СОВЕТСКИЕ ВОИНЫ

А кто же в действительности вырвал из рук гитлеровцев и спас от смерти сотни тысяч венгерских евреев?

Прославляя "спасителей" кастнеровского толка, современный международный сионизм всячески старается скрыть истину. Не может же сионизм всенародно признать, что спасение многим смертникам принесла Советская Армия!

Обратимся к фактам.

Начало января сорок пятого. Наши войска, форсировав Дунай, завязывают бои в Пеште. Все ближе и ближе подходят они к району гетто. Там остается еще более 70 тысяч узников. Вывезти их в лагерь смерти эсэсовцы уже не могут. И они решают превратить гетто в подобный лагерь.

Но будапештские коммунисты-подпольщики немедленно сообщили об этом командирам наступающих советских частей. И тут же у самой линии боев загремели наши репродукторы: советские офицеры почти без интервалов и с разных пунктов предупредили эсэсовцев, что за уничтожение беззащитного мирного населения последует самое беспощадное возмездие. Только это и остановило гитлеровцев. А наши войска с боями приближаются к гетто.

— Только беззаветная храбрость советских воинов, в частности из частей войск генерал-лейтенанта И.М. Афонина, предотвратила гибель десятков тысяч венгерских евреев. Советские войска помешали гитлеровцам взорвать гетто. В те часы советские офицеры и солдаты не медлили ни одной минуты. И в боях за освобождение гетто показывали чудеса храбрости.

Эти слова я услышал от начальника военно-исторического института и музея венгерской Народной армии полковника Эрвина Липтои.

А студент-филолог Будапештского университета Лайош Вага рассказал мне:

— Вот уже более тридцати лет будапештцы из уст в уста передают быль о двух советских солдатах, дошедших от Волги до Дуная. Мой отец в двенадцать лет услышал эту быль от моего деда, а мне рассказал ее, когда я впервые собрался на пионерский сбор. У нас на факультете все ее знают... Итак, два русских солдата — один совсем еще молодой, а другой уже с сединой — переправились через Дунай со своей частью в Пешт. Там еще шли жестокие бои за каждый уголок. Заглянув в подозрительный подвал булочной, русские выковыряли спрятавшегося за мешки с мукой салашистского вояку из "Скрещенных стрел". Он упал на колени и взмолился о пощаде. Молодой солдат с грехом пополам понял завывавшего от страха салашиста: гитлеровцы вбили ему в голову, что советские воины расстреливают пленных на месте. Вояка из "Скрещенных стрел" умолял не убивать его, а поскорее доставить к самому главному советскому командиру. Зачем? А он может сообщить очень важное известие. Какое? Немного поколебавшись, салашист рассказал, что бежавшие

эсэсовцы и гестаповцы приказали под угрозой смерти карательным командам "Скрещенных стрел" уничтожить оставшихся в гетто людей. Не щадить никого: ни стариков, ни детей. Как раз сейчас идет подготовка к выполнению злодейского приказа: обитатели гетто сгоняются в строения, которые будут взорваны и подожжены со всех сторон. Выслушав это, седой солдат сказал салашисту: "Мы, простые советские воины, скажем тебе то же самое, что и наш лейтенант, и полковник, и сам маршал Толбухин. Ты такое слово знаешь — ультиматум? Так вот. Ползком, бегом, но только поскорей добираться до своих "стрел" и предупреди: если будут убивать беззащитных людей, никого из ваших карателей не пощадим. Никого! Не послушаются — пусть на себя пеняют! Хотя не дадим им даже времени попенять".

Советские солдаты заставили салашиста поползти в тыл, туда, где считанные минуты оставались до кровавой расправы над несчастными. И салашист добрался-таки до своей команды, сгонявшей десятки людей в здание летнего кинотеатра. "Нам предъявили ультиматум!" — торопливо крикнул он карателям. Взбешенный начальник карательной команды выхватил пистолет. Но подчиненные, спасая собственную шкуру, опередили его и мгновенно изрешетили автоматными очередями. А затем все каратели быстро пустились наутек из "опасной зоны"... Вот такая быль передается много лет из уст в уста в нашем Будапеште, — закончил свой рассказ будущий филолог Лайош Вага. — Когда-нибудь я расскажу ее своим детям...

Что ж, эта бесхитростная быль честным голосом благодарных будапештцев подтверждает десятки документов, свидетельствующих, как в тяжелых боях за освобождение Пешта советские воины делали все возможное и невозможное, только бы вырвать узников гетто из кольца смерти.

Так поступали и наши командиры и рядовые бойцы.

В музеях народной Венгрии нельзя без волнения смотреть на фотоснимки, сделанные в огненном водовороте освободительных боев: не остывший от горячей схватки советский солдат помогает подняться с земли обессилевшему еврею-старичку, еще не успевшему осознать радость нежданного освобождения. А неподалеку уже разворачивают свои "летучки" наши медсанбаты. И через несколько минут там будет оказана медицинская помощь изможденным узникам гетто.

Накануне празднования 40-летия Победы, когда сионистская пропаганда на все лады голосила о равнодушии советских войск к узникам гетто и гитлеровских лагерей смерти, я ознакомился с рассказом активного участника освобождения Будапешта, полковника в отставке Владимира Людвиговича Барановского, бывшего дивизионного инженера 151-й Краснознаменной Жмеринско-Будапештской дивизии:

— Уже в середине января стало известно, что на нашем пути слева находятся какие-то кварталы, сплошным забором изолированные от остальной части города. От командира дивизии Дениса Прохоровича Почивайлова я узнал, что это созданное фашистами гетто. Оказывается, представители временного революционного правительства Венгрии сообщили нашему Политуправлению, что там находится гетто, где вместе с еврейским населением Будапешта томятся и политзаключенные венгры, также обреченные на уничтожение. 17 января Герой Советского Союза генерал Афонин приказал осуществить удар в сторону гетто. Удар непременно требовался внезапный. Жестокость врага была известна: он не оставлял живыми своих узников. В одном городке под Будапештом фашисты расстреляли из пулеметов много тысяч узников гетто перед самым приходом Советской Армии. Медлить было нельзя. Ночью наши саперы перерезали все кабели и провода, ведущие в гетто — ведь через них могли быть приведены в действие взрывные механизмы. Рано утром 18 января наши солдаты гранатами уничтожили пулеметные гнезда фашистов и взломали стену гетто. Фашисты не успели осуществить свой зверский замысел. Но сопротивление оказывали. Большинство из наших людей, кто освобождал будапештское гетто, погибли в последующих боях за венгерскую столицу.

Поначалу узники даже не верили, что пришло спасение, — продолжает В.Л. Барановский. — Но наши солдаты показывали им красные звезды на своих ушанках.

Объясняли подавленным людям: вы свободны! Потом на улицах появились наши полевые кухни. Запахло едой. И голодные, изнуренные люди начали понимать, что мы хотим их накормить... На нашем боевом пути было немало спасенных нами людей. Но когда мы с боями шли освобождать тот или иной лагерь, то не знали заранее, кто там французы, русские, евреи, украинцы или немецкие коммунисты. Это узнавали потом. А тут задача с самого начала была ясна: мы обнаружили геноцид и спасти обреченных — это был наш долг воинов-интернационалистов!..

Вот вам, читатель, свидетельство участника освободительных боев наших войск, участника освобождения будапештского гетто. Оно еще раз доказывает, насколько лживы рассказы современных "крестоносцев" о равнодушии наших доблестных воинов к судьбе узников фашизма.

Бывая в Будапеште, я всегда прихожу на улицу Дохань, где стояла зловещая стена, отгораживавшая узников гетто от мира, от человечества. Долго гляжу на мраморную доску, золотыми буквами увековечившую подвиг советских воинов, спасших 70 тысяч обреченных на смерть узников.

Не помню случая, чтобы у этого памятного места не было скопления людей, пришедших поклониться павшим жертвам гитлеризма и тем, кто спас живых.

Так было и в один из сентябрьских дней 1976 года, когда из подъехавшего автобуса высыпала шумная группа туристов. Почти у всех были фотоаппараты. Подошли к мраморной доске. Но, ознакомившись с надписью, подчеркнуто небрежно поспешили отойти. А пожилая женщина с объемистым блокнотом даже презрительно махнула рукой. Мне удалось выяснить у гида, каких туристов он сюда привез. Оказывается, они приехали из США и посланы в туристский вояж за счет одной из влиятельнейших и богатейших сионистских организаций — "Бнай брит". Еще при посещении еврейского музея они предупредили, что любой экспонат, рассказывающий о роли советских воинов в спасении узников гетто, — они считают... фальсифицированным, что заточенных в гетто никто не хотел спасать, тем более — "антисемитски настроенные советские люди".

Что ж, американские сионисты остались верны своим повадкам даже в такой необычной обстановке. Все, кто там был, молча смотрели повлажневшими глазами на памятную мраморную доску, а бнай-бритовцы голосисто требовали от гида поскорее повести их туда, где сохранились покосившиеся лачуги будапештской еврейской бедноты.

Кто-то из венгров, знавших английский язык, гневно бросил им: "Ошибаетесь, теперь в Будапеште нет ни бедноты, ни лачуг!.."

"ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧЕРНОГО В БЕЛОЕ"

А кто спас венгерских евреев, отправленных на каторжные работы в оккупированную Австрию?

— Чудо, — отвечает на этот вопрос сионистская пропаганда.

— Если тогда я действительно видел чудо, то его свершили советские пехотинцы, — уточняет вывезенный в Австрию гитлеровцами житель Сегешвара Лео Кашнер.

Да, только неожиданный и молниеносный бросок нашей пехоты заставил поспешно бежавших гитлеровцев пренебречь приказом их командования о поголовном уничтожении измученных узников.

Очень интересные подробности смелого броска воинов-освободителей помнят спасенные тогда люди. Среди них — известный венгерский писатель Пал Бардош. Кстати, он из тех депортированных, кого в Сегеде сионистские руководители местной еврейской общины, усердно выполняя указания Кастнера и его помощников, уговаривали не нарушать "спокойного порядка" депортации.

Не любят сионисты вспоминать и о спасении советскими воинами более полутора тысяч венгерских евреев на венгро-австрийской границе. В Балфе, Хидегшеге, Кёрменде и других городках согнанные в эшелоны люди ожидали экстренной отправки в Маутхаузен.

Но обходный рейд наших танкистов вызвал панику среди гестаповских конвоиров. Позабыв об эшелонах, они бежали. Очень многие из спасенных людей были в таком тяжелом состоянии, что буквально несколько часов отделяли их от смерти на почве истощения. И опять-таки первую помощь им оказали врачи и сестры из наших медсанбатов.

Почему же эти и им подобные факты с такой старательностью утаивает сионистская пропаганда? Почему ее злобные опровержения вызывает любое упоминание о том, как советские воины спасали узников гетто?

Иного и не приходится ожидать от международного сионизма. Ведь его лидеры, историки и публицисты из кожи лезут вон, только бы доказать равнодушие всех народов мира к судьбе депортированных нацистами евреев. И если сионистский историк Ицхак Арад сегодня осмеливается утверждать, что "все народы были равнодушны к беде евреев на оккупированных территориях", то его ученица Цинтия Озик так развивает это античеловеческое утверждение: "Сегодня весь мир хочет видеть евреев мертвыми".

В Тель-Авиве на семинаре студентов исторического факультета пошли еще дальше. Там под руководством профессора Циммермана подбирают "исторические обоснования конкретной вины народов Европы" в том якобы, что гитлеровцам с их помощью удалось осуществить массовое истребление еврейского населения на оккупированных территориях. Материалы семинара предусмотрительно монтируются таким образом, чтобы отвлечь внимание читателей от сделок сионистских лидеров с нацистами в пору войны.

Такие "обоснования" имеют дальний прицел: их кладут в основу повседневного преподавания истории юному поколению израильтян. И не только в школьных аудиториях, но и с помощью художественной литературы, музейных экспозиций, лекционной пропаганды.

В "образцовом" кибуце "Тель-Ицхак", например, создан музей специального назначения "Масуа" ("Сигнальный костер"). У него единственная задача: внушить школьникам, что во время мировой войны не сионисты вступали в контакты с гитлеровцами, а делали это якобы все европейские народы, бросившие еврейское население на произвол судьбы. Руководителям израильских органов просвещения так пришлось по душе провокационные отблески "сигнального костра", что отдаленный кибуцный музей используется в масштабах всей страны. По календарному графику непрерывно привозят в "Тель-Ицхак" школьников из разных городов. В течение нескольких дней они изучают музейную экспозицию. Под занавес каждый школьник должен пространством сочинением ответить на вопрос "Чему научил меня "Масуа"?".

Вот строки из сочинения яффского девятиклассника: "Нет, оказывается, в целом мире народа, который по-доброму к нам относился. Я это запомню. И каждому инородцу должен сказать, что к его народу тоже не буду относиться хорошо. И постараюсь стать сильным и мужественным — потому что они все вместе против нас, а мы должны надеяться только на себя". Вот сионистского воспитания достойные плоды!

Налицо очередная попытка создать видимость "глобального антисемитизма". Старое, но далеко не грозное, а заржавленное и притупившееся оружие! Правда, делается попытка обновить его, модернизировать. С этой целью в арсенал сионистской пропаганды включено кощунственное утверждение: нацисты истребляли исключительно одних евреев, все остальные нации понесли во время второй мировой войны потери только на полях сражений. По уверению сионистской прессы это доказывают исследования историка Давидовича. Оказывается, не было трагедий Хатыни, Лидице, Варшавы, не было расправ с советскими военнопленными в Дахау и Маутхаузене, не было массового истребления белорусов и украинцев, поляков и болгар, чехов и словаков.

"Все остальные народы" против евреев — так утверждает сионистская пропаганда. Особенно злобно клеветает она на народы социалистических стран. Это вполне закономерно: лидеров сионизма приводит в бешенство то, что именно в социалистических странах, как подчеркивает Центральный Комитет Коммунистической партии Израиля, "уничтожены социальные и политические основы антисемитизма". И не случайно в своих легендах о

Кастнере сионистская пропаганда дошла до предела: придумала "самоотверженную борьбу" этого предателя в защиту евреев не только с нацистами и хортистами, но и с венгерским народом!

Что ж, сионисты имеют всевозрастающий опыт махинаций, именуемых в самом Израиле "превращением черного в белое". Пораженный непрерывным конвейером подобных махинаций, один из руководителей корпуса наблюдателей ООН на Ближнем Востоке Карл Хорн восклицает: "Никогда я не мог себе представить, чтобы правду могли исказить так цинично и с такой ловкостью!"

Но сионистские фанатики именно таковы.

ДЛЯ ТАКИХ ГОРЕ БЫВАЕТ И ЧУЖИМ

Клеветнические выдумки сионистских "историков" об извечной вражде "всех остальных народов" к евреям вызвали особенно много горячих откликов негодующих читателей. Остановлюсь на письме О.П. Шляховецкого из Андижана.

За свою восьмидесятитрехлетнюю жизнь он познал поистине священную дружбу сынов многих советских народов, и эта дружба, опаленная огнем войны, сохранила ему жизнь.

Закончив в столице Советской Украины театральный институт, актер в первые же дни войны уходит на фронт. Осенью сорок первого попадает в плен к немецко-фашистским захватчикам. Раненого, его заключают в подобие "лазарета для военнопленных", где надсмотрщики заподозрили в нем еврея.

"И мне на помощь пришла подпольная партийная организация, она работала в лазарете и вокруг него, — пишет Шляховецкий. — Ко мне прикрепляют пленного бойца, по национальности татарина. Ему поручено тайком и к тому же быстро обучить меня разговорному татарскому языку, а мне сказано при всех регистрациях выдавать себя за татарина. И когда в лагере гитлеровцы провели генеральную массовую проверку с целью выявления евреев, у них даже не возникло подозрения, что я не татарин. Затем надо мной взял шефство азербайджанский товарищ, которому гитлеровцы разрешили работать по его специальности врача. Рискуя жизнью, он связал меня с товарищами из партизанского отряда, а те укрыли меня в Житомире на сеновале в доме двух женщин польской национальности. Женщины понимали, что ежечасно могут поплатиться жизнью, но продолжали меня прятать до того момента, когда связные партизан переправили меня в партизанский отряд, действовавший в лесах Житомирщины... До сих пор не теряю и никогда не потеряю дружбу со своими украинскими и русскими товарищами из партизанского отряда. А бывший командир отряда Григорий Петрович Мищенко, ныне доцент Киевского университета, прислал мне нагрудный знак "Партизан Житомирщины". Вспоминаю и верных друзей по Кировограду. Оттуда я в составе группы рабкоров выезжал в Москву. Это было еще в 1928 году, но разве могу я забыть ободряющие, теплые слова, которые услышал от Марии Ильиничны Ульяновой, старейшей правдистки... Судьба забросила меня в Андижан. Как друга встретили меня узбекские товарищи, направили на интересную работу сначала в уйгурский театр, затем в узбекский. До ухода на пенсию я работал в городском Доме культуры. К какой бы национальности ни принадлежали мои сотоварищи по работе, все мы друг для друга были настоящими советскими людьми, настоящими интернационалистами. Уверен, что то же самое могут сказать и мои дети: дочь, окончившая на Украине педагогический институт, и работающий в Москве сын-врач... Ничего удивительного в моей судьбе и жизни нет. Дружеская поддержка, помощь и выручка, которую мне оказали советские люди разных национальностей, — это норма нашего социалистического общежития. И надо больше жизни ценить и беречь Родину, где люди так живут..."

Искреннее, насыщенное подлинной правдой письмо из Андижана напомнило мне беседу в Гааге с яркой сионисткой Дорой Моисеевной Баркай. Когда она расточала ахи и охи насчет того, что "всюду и везде в мире — а я объехала десятки стран — все против евреев", мне хотелось гневно бросить ей в лицо:

— Вот вам, госпожа "защитница" евреев, короткий, без убийственных для вас подробностей, рассказ, как две русские женщины с риском для жизни спасли от фашистских захватчиков моего друга, честнейшего человека, талантливого врача Исаака Соломоновича Жорова! Было это в тяжелую для Советской Родины военную весну 1942-го. Профессора Жорова, военного хирурга, впоследствии одного из старейшин советской школы анестезиологии, по приказу командарма Ефремова перебросили самолетом на оккупированные врагом дальние подступы к Подмоскovie. Профессору приказано было наладить и возглавить медицинскую помощь нашим раненым воинам, укрытым местным населением от фашистов. Исаак Соломонович сумел организовать в тылу врага настоящий полевой госпиталь. Пронюхали об этом гитлеровцы. Они бросили специальные подвижные группы, чтобы захватить Жорова, главного хирурга армии генерала Ефремова, части которой не давали покоя оккупантам. Фашисты сулили за голову профессора щедрую награду. Но его надежно укрыла в картофельной яме за огородами жительница деревни Анохино Евдокия Белова. Колхозница отдавала себе отчет в том, что рискует жизнью своих детей. Помогавшей ей медицинской сестре Юлии Гращенковой пришлось вынести допросы и пытки фашистских карателей. После одного ночного допроса фашисты объявили Гращенковой, что ее сейчас расстреляют. Над головой больной женщины просвистели пули. Но она молчала, как не проронила ни единого слова и Евдокия Белова, когда оккупантские лазутчики шныряли в десятках шагов от прикрытой прошлогодней ботвой картофельной ямы. Две русские женщины выдержали тяжелые испытания и спасли от фашистов еврея, советского офицера, коммуниста! Запомните это, госпожа Баркай! Хотя, знаю, вы все равно будете изрекать фальшивые сентенции о мифической неприязни народов мира к евреям...

Все же я не сказал этого напичканной античеловечными расовыми убеждениями Доре Моисеевне в пространной беседе, о которой читатель прочтет в других главах. Я понял, что унижу себя, если стану доказывать фанатичной националистке, насколько органичны для советских людей высокие интернационалистские чувства. Ни в понятие "друг", ни в понятие "враг" не вкладывают они никаких национальных признаков. Об этом простыми, идущими из глубины сердца словами просто и проникновенно сказала на праздновании семидесятилетнего юбилея профессора Исаака Соломоновича Жорова русская крестьянка Евдокия Семеновна Белова...

Как и Юлия Гращенкова, она совершила безусловно самоотверженный поступок. И вместе с тем обе женщины поступили так, как обычно принято у советских людей. Еще и еще раз подтверждает это правдивое письмо О.П. Шляховецкого. Вдребезги разбивает оно (а я ведь не привел здесь многих других читательских писем) античеловечные концепции цитировавшихся сионистских "историков", а заодно и махрово шовинистическую продукцию некоторых израильских поэтов, поточно тачающих массовые песенки с таким, примерно, припевом: "Весь мир против нас, так ответим ему, брат мой, тем же!"

Впрочем, лидеры сионистской пропаганды несколько "гуманнее" авторов таких стишков. Они требуют от евреев меньшего — всего лишь холодного равнодушия и полнейшего безразличия к горю "всех остальных народов", к любой обрушившейся на них несправедливости.

Вот почему иронические, даже издевательские насмешки над "странными" евреями, принимавшими близко к сердцу трагедию попавшего под пяту пиночетовцев народа Чили, или бандитские обстрелы мирных никарагуанских селений, или леденящий душу апартеид в ЮАР, уже давно не сходят со страниц сионистской печати. Таким "мягкотелым" она преподносит циничное назидание: побоку всяческие переживания по поводу нееврейских бед, пусть вас волнует только то, что касается евреев и Израиля!

Как выразился докладчик на собрании молодежной организации "Егуд габоним" в Антверпене, "если евреи будут оплакивать чужие болячки, им придется остаться при своих собственных". В Роттердаме сионистский агитатор Фальцман, ходивший по домам с подписным листом на пожертвования в пользу новых израильских военизированных поселений, попутно убеждал: "Настоящий друг Израиля не станет разминиваться на мысля о

таких несчастьях в мире, от которых еврейскому государству ни тепло, ни холодно".

Резкий нагоняй получили и шестнадцать эмигрировавших из Латинской Америки во Францию еврейских семей. Они, видите ли, посмели опубликовать протест против зверств клики Пиночета. Сионисты назвали их поведение политической тупостью. А из Израиля на страницах сионистских газет пришло такое наставление: "Проникнуться болью надо только за свой народ! Лучше бы вы пришли в израильское посольство в Париже и предложили свою кровь для наших воинов, чем плакать о чилийцах!"

Проповедников таких дикарских взглядов имел в виду Константин Симонов, когда в стихах о мужественном сопротивлении вьетнамского народа американским агрессорам писал:

Чужого горя не бывает.
Кто это подтвердить боится,
Наверно, или убивает,
Или готовится в убийцы.

Да, или убивает, как летчики, сбрасывавшие на ливанскую землю взрывные устройства в ярком облачении детских игрушек, или готовится в убийцы, как участники карательной операции "Литани", которых бывший начальник израильского генерального штаба Мордехай Гур напутствовал: "Не нужно быть вегетарианцем. Нам не нужны пленные..."

Для таких фанатиков горе бывает и чужим. Особенно если это горе "неполноценной" расы. И международный сионизм глух к стонам ливанских женщин и детей, чьи страдания стали во сто крат горше после того, как американские морские пехотинцы, реализуя сговор США с Израилем о "стратегическом сотрудничестве", начали вкупе с израильской солдатней творить геноцид на земле Ливана. Под прикрытием разрушительного огня морской артиллерии США оккупанты совершили в древнем Баалбеке, Сайде и Тире преступления, равные по жестокости тому, что творилось в Сабре и Шатиле, в сионистском Бухенвальде — концлагере Ансар. И сионистские фанатики только злобно радовались, когда линкор-убийца "Нью Джерси" (это прозвище он по заслугам получил в пору американских зверств во Вьетнаме) обрушивал огонь мощного калибра на ливанские школы, больницы, мечети.

Израильская и американская военщина понимают друг дружку.

"СПРОСИТЕ РАНЬШЕ — СКОЛЬКИХ МЫ СПАСЛИ!"

С присущим ему клеветническим толкованием отметил международный сионизм 40-летие Победы над гитлеровским фашизмом. Многочисленные "исторические изыскания" были направлены на то, чтобы по указке организаторов антисоветского "крестового похода" принизить роль и значение советского народа и его Вооруженных Сил в разгроме фашизма. И уж совершенно отрицают сионисты освободительную миссию советских войск, спасших от неминуемой гибели десятки тысяч узников фашизма в лагерях смерти и гетто.

Мне уже довелось рассказывать читателям, что сами сионисты ничего не предпринимали для спасения еврейских узников фашизма. Наоборот, повторяю, они намеренно срывали попытки отдельных смельчаков помочь заточенным в гетто евреям бежать оттуда.

Расскажу вкратце, как сионисты осенью 1944 года предательски погубили двадцатитрехлетнюю Анику, дочь венгерского писателя Бэла Сенеша. Будучи в эмиграции, Аника по поручению коммунистов сумела сплотить группу еврейских молодых людей в боевой отряд парашютистов. Отважным парашютистам, вылетевшим из Югославии, удалось приземлиться на оккупированной гитлеровцами венгерской земле. Гестаповцы и хортисты не сумели обнаружить смельчаков. Но свое черное дело поспешил сделать сионистский "комитет спасения" во главе с нацистским наймитом Кастнером. Он выдал карателям всех, кто прилетел на помощь узникам будапештского гетто. Анику Сенеш гитлеровские дружки

Кастнера мучительно пытали и расстреляли.

После разоблачения преступных связей кастнеровцев с нацистскими оккупантами сионистская пропаганда поспешила сострять легенду о "фанатичной сионистке" Ханне Сенеш, хотя в Венгрии появились новые доказательства того, как сионисты во главе с Кастнером предали отважную девушку гестаповским карателям.

То, что сионисты сделали с Аникой Сенеш и ее друзьями, далеко не случайность. Сионизм сознательно предал забвению заточенных в лагерях и гетто евреев. Почему? Потому что понимал: истощенные, больные, изможденные узники "не товар" для Палестины, там они не в состоянии взять на себя обязанности волевых колонизаторов и жестоких угнетателей арабского населения.

"Хочу, чтобы убили миллион польских евреев", — писал в своем дневнике Аба Ахимеир, ближайший помощник Арлосорова, крупного сионистского лидера. Ахимеир хладнокровно рассчитал, что истребление миллиона польских евреев заставит оставшихся в живых переехать в Палестину.

Когда гитлеровцы оккупировали Польшу и Литву, им стали пособлять предатели сионистской закваски. Откровенно сотрудничать с оккупантами в Варшаве начал руководитель сионистских групп так называемого "правого" направления Авраам Гайнцвах. В Вильно по его примеру пошел сионист из крыла "левых" Яков Генс, начальник еврейской полиции гетто. Стоило оккупантам узнать о существовании в гетто движения Сопротивления во главе с коммунистами, как Гене по их приказу заманил коммуниста Ицика Виттенберга к себе в кабинет и выдал его гестаповцам.

И это делалось, несмотря на то, что, по признанию сионистского историка Исаяи Транка, в восточных районах оккупированных стран географическая близость гетто к партизанским базам обеспечивала возможность спасения многих заточенных там евреев.

В 1942 году Советское правительство трижды довело до сведения мировой общественности чудовищные факты зверств фашистских оккупантов, в частности, официально сообщило о геноциде в отношении еврейского населения. 19 декабря был опубликован подкрепленный большим фактическим материалом советский документ "Осуществление гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы".

А сионисты, верные своим фанатичным стремлениям захватить и колонизировать Палестину, продолжали вопить о равнодушии к судьбе евреев со стороны "всех остальных народов". Сионистская пропаганда упорно подчеркивала "преувеличенность" советских сообщений о гитлеровском геноциде в отношении евреев. Дав Жозеф, руководитель политического департамента головной организации международного сионизма, выступающей под "беспартийным" псевдонимом "Еврейского агентства", цинично оправдывал сокрытие от человечества истинных масштабов гитлеровских зверств: "Если мы объявим, что нацисты убили миллионы евреев, нас с полным основанием спросят, где же тогда те миллионы евреев, для которых, по нашему утверждению, нам после окончания войны понадобится обеспечить национальный очаг на земле Израилевой".

А советские воины-интернационалисты, воины-освободители, продвигаясь с боями на запад, продолжали, не щадя жизни, освобождать узников гитлеровских застенков.

Я уже рассказывал, как советские воины предприняли смелые, стремительные рывки для спасения почти ста тысяч венгерских евреев. В истории второй мировой войны это далеко не единичный факт.

Дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник Д.А. Драгунский вспоминал на пресс-конференции возглавляемого им Антисионистского комитета советской общественности:

"Наша 55-я гвардейская танковая бригада на всем боевом пути освобождала города, села, концентрационные лагеря, в которых томились жертвы фашизма: русские, поляки, чехи, французы, евреи, англичане, американцы и другие.

При освобождении танкисты обнимали узников, плакали вместе с ними — это были слезы радости и боли за своих родных и близких, погибших в немецких лагерях смерти. Им

отдавали хлеб, сахар, делились всем тем, что имели.

В лесах между Болеславцем и Любанью на территории Польши в подвале огромного сарая мои разведчики обнаружили обросших, полуживых людей — это были польские евреи, чудом спасшиеся от фашистской расправы. Танкисты раскрыли подземелье, вытащили 250 голодных, истощенных, полуживых людей. Там же были и десятки разложившихся уже трупов.

Две недели мы держали спасенных в своем медицинском подразделении, им была оказана немедленная медицинская помощь. Медики, повара, солдаты не отходили от них и поставили их на ноги. Потом все были отправлены в освобожденные города.

И таких примеров было очень много и на территории Белоруссии, Украины и Польши, когда советские войска освобождали узников фашистских концлагерей всех национальностей, в том числе евреев".

В необычайно впечатляющей документальной книге "Низвержение в ад" известный французский писатель Владимир Познер устами самих спасенных рассказывает о спасении советскими войсками большой группы узников Освенцима.

Я же хочу ознакомить читателя с несколько сокращенной записью рассказа полковника в отставке Григория Давыдовича Елисаветского. Он командовал полком, принесшим освобождение еще живым (вернее сказать, полуживым) заключенным этого ада из адов, созданных гитлеровским карательным механизмом:

"Наша 60-я армия спешила овладеть районом Освенцима. Промедление могло привести к увеличению жертв среди узников. К тому времени мы уже многое знали о трагизме положения узников гитлеровских концлагерей. Но то, что мы увидели, услышали из уст чудом оставшихся в живых узников, превзошло границы всего возможного, доступного пониманию.

Суббота, 27 января 1945 года — день, когда войска 60-й армии под командованием генерал-полковника (ныне генерала армии) П.А. Курочкина сломали сопротивление противника и овладели гитлеровским комбинатом смерти. Часть, которой командовал я, освобождала лагерь Биркенау (Бжезинка), в котором были расположены газовые камеры и печи крематория. Там оказалось несколько бараков, наполненных евреями, предназначенными к уничтожению.

Бараков около пятисот. Они — словно зрительное воплощение дьявольского фашистского плана истребления целых народов. Обходим территорию опустошенного лагеря. Всюду запорошенные снегом трупы: женщины, дети, старики, застреленные в упор. А вот ужасная картина: мертвая женщина с прижатым к груди младенцем. Поспешно отступая, буквально перед нашим приходом фашисты угнали около 80 тысяч узников, видимо, рассчитывая еще использовать их рабский труд. Отстающих расстреливали в упор, чтобы не оставлять свидетелей зверств. Несчастную женщину с ребенком тоже настигла автоматная очередь гитлеровского выродка. Часть угнанных узников наша армия догнала. Конвой перебили. Многих узников спасли.

В одном бараке мы увидели: в сумраке на трехъярусных нарах, как в складе на стеллажах, лежали полуживые изможденные люди, смотревшие на нас с испугом. Это были евреи из ряда стран, до травмированного сознания которых мы пытались довести, что они уже свободны, что им нечего бояться. Удалось это сделать только тогда, когда я заговорил с ними на идиш: "Я советский офицер, мы пришли вас освободить".

В бараках мы нашли несколько тысяч до крайности истощенных дистрофией, искалеченных физически и морально людей. Они находились на грани жизни и смерти. Их надо было срочно спасать. Мчусь с докладом к командующему армией. Генерал Павел Алексеевич Курочкин выделил в мое распоряжение два госпиталя..."

Вынужден прервать Григория Давыдовича и дать существенную справку: генерал Курочкин счел возможным выделить два госпиталя для лечения освенцимских узников в тот самый момент, когда его войска вели решающие бои за овладение обреченным нацистами на разрушение Краковом.

"Передать невозможно, что делали наши люди, врачи, медсестры, офицеры, солдаты, — продолжает Г.Д. Елисаветский. — Они не ели, не спали, отхаживали людей, боролись за каждую жизнь. К сожалению, многие уже были обречены. Не удалось спасти и норвежского паренька лет девятнадцати, которого принесли в госпиталь всего в глубоких ранах. Из многих тысяч "подопытных" он остался в живых. Его прятали узники. Не могу забыть его грустных глаз. Как молил он о спасении!

Исполинскими усилиями наших медиков удалось вырвать у смерти 2819 человек. Это был воистину подвиг.

И вот, после виденного мною и пережитого, я узнаю о различного рода насквозь лживых, клеветнических публикациях, оскорбляющих священную память советских воинов, отдавших жизнь за избавление народов Европы от коричневой чумы. Я вправе заявить во всеуслышание, что советские офицеры и солдаты сделали все возможное и даже сверхвозможное для освобождения, а потом и возвращения к жизни узников концлагерей, в частности, Освенцима!"

Особенно азартно муссируют сионистские пропагандисты версии о равнодушии Советской Армии к судьбе населения, загнанного в фашистские гетто. А ведь среди этих, с позволения сказать, пропагандистов можно встретить и таких, кого спасли советские воины, освобождая оккупированные территории нашей страны, Польши, Германии, Венгрии, Чехословакии.

Для наших воинов, воспитанных в духе социалистического интернационализма, чужого горя, повторяю, не бывает. Не щадя крови и жизни, шли они с освободительными боями вперед, освобождая поработанных нацизмом людей любой национальности. И зачастую только после тяжелого боя узнавали национальность спасенных ими людей. А иногда, так и не успев узнать, шли дальше на запад. Шли на штурм других фашистских застенков.

Через несколько часов после капитуляции Берлина записал я рассказ старшего сержанта Н. Пескова, командира комсомольской штурмовой группы, шедшей на захват дворца кайзера Вильгельма на Шлоссплац. Рассказав мне, как младший сержант Алексеенко, не добравшись еще до крыши кайзеровского дворца, укрепил "для поднятия боевого духа" красный флаг в окне второго этажа, Песков воскликнул:

— А ведь Алексеенко и на освобождение пленных первым ринулся.

— Каких пленных?

— Вернее, не пленных, а каторжников, В глубоких подвалах почти без воздуха гитлеровцы заставляли их по двадцать часов в сутки делать какие-то части для минометов. Обнаружили мы эту каторгу по дороге к кайзеровскому дворцу. С разрешения комбата задержались там на двадцать пять минут. Охрана-то была сверху, с ней мы быстро покончили. А когда ворвались в подвал, каторжники сразу даже не поверили, что они свободны.

— Какой они были национальности?

— Извините, — смущенно ответил старший сержант, — не успели расспросить. Надо было дальше спешить. Рядовой Вахолдин, он у нас в роте первый весельчак, дает голову на отрез, что разобрал несколько французских слов молодой, но совершенно седой женщины. А санитарка Дуся Цивирко — она сразу принялась за свое медицинское дело — сумела кое-как поговорить со словаком. Но каких именно национальностей людей мы освободили, точно сказать не могу. Знаю одно: спасли семьдесят шесть узников фашизма. И пошли на штурм кайзеровского дворца!

Старший сержант Песков и его боевые товарищи из комсомольской штурмовой группы, подобно десяткам тысяч советских воинов-освободителей, имеют право с гордостью сказать словами поэта-фронтовика: "Не спрашивайте — скольких мы убили, спросите раньшеескольких мы спасли!.."

ЖЕРТВЫ МАРШЕВЫХ ПРОГУЛОК

Послушная своим вашингтонским хозяевам, сионистская пропаганда, конечно, хранит гордое молчание о том, как во время второй мировой войны непрерывные отсрочки начала военных действий на втором фронте стоили жизни многим и многим тысячам заключенных фашистских лагерей. Даже вступив уже на германскую территорию, войска второго фронта не прибегали к стремительным броскам, к непосредственному соприкосновению с противником, к быстрому продвижению вперед. Хотя сопротивление фашистов, сосредоточивших основные силы на восточном фронте, было не столь уж сильным. А порой союзные войска продвигались вперед просто по следам отступавших без боя фашистских войсковых частей. Это позволяло гитлеровцам в последний час перед отступлением уничтожать узников лагерей смерти и их многочисленных филиалов.

Точно помню день, когда я впервые услышал об этом: 6 мая 1945 года в городке Клейтце по ту сторону Эльбы. Вместе с фронтовыми корреспондентами Борисом Горбатовым, Всеволодом Ивановым, Александром Веком, Леонидом Кудреватых, Мартыном Мержановым мне довелось стать свидетелем встречи американских офицеров с группой наших офицеров во главе с генералом М. Сиязовым.

На том берегу нас встретили автомобили с американскими провожатыми. Горбатова и нас с Мержановым усадил в свою машину щеголеватый адъютант командира танковой части. Отрекомендовался актером одного из американских мюзик-холлов. Сравнительно сносно говоря по-русски, адъютант на ходу стал засыпать нас всякими "подковыристыми" вопросами. Разглядев по звездочкам на погонах в Горбатове старшего по воинскому званию, питомец мюзик-холла стал обращаться преимущественно к нему. Горбатов слушал американца сдержанно, не поворачивая к нему головы и подчеркнуто коротко отвечал. Обнаглевший хлыщ не без насмешки спросил:

— Вы не находите, что несколько поздновато взяли Берлин? Уже две недели мы с нетерпением ждем вас у этой унылой речушки Эльбы. Мы рассчитали, что вы возьмете Берлин раньше. Нехорошо так испытывать терпение союзников, нехорошо. Ведь мы...

— Не смейте так "шутить"! — оборвал вскипевший Горбатов распоясавшегося актеришку. — "Рассчитали"! А вы не рассчитали, какая разница между кровопролитными боями и маршевой прогулкой?! Поглядели бы на наши танки после сражений с фашистами! А ваши вот стоят без единой вмятины, даже без царапин. Такое впечатление, что вы с них не снимали чехлов...

Нарядный адъютант покраснел и больше с вопросами к Горбатову не обращался. И только уже за обедом он тихонько сказал мне на идиш:

— Я не сержусь на вашего подполковника за то, что он выругал меня. Между нами говоря, мы иногда ползли как улитки. Иногда чересчур долго отдыхали, — покажите мне человека, который отказался бы от хорошего отдыха. А в это время наци иногда устраивали погромы в лагерях и успевали-таки скрыть следы казней.

Так я впервые услышал о жертвах маршевых прогулок.

Прошло двадцать семь лет. Олимпиада в Мюнхене. Первое воскресенье сентября. Близ Мюнхена, в Дахау, где в марте 1933 года фашисты начали массовые расправы в своем первом концентрационном лагере, проходит интернациональный антифашистский митинг олимпийской молодежи. До сих пор не могу без волнения вспоминать об этом митинге, который в тесном "единстве" пытались сорвать западногерманские неонацисты, бандеровское отребье и молодые сионисты.

Молодой норвежский спортсмен, приехавший на Олимпиаду туристом, сдерживая слезы, рассказывает журналистам:

— Если бы американские генералы поставили перед своими войсками задачу — захватить Дахау штурмом, мой отец, возможно, остался бы в живых. Я теперь точно знаю: отца вместе с шестью норвежцами убили за сорок шесть часов до прихода американцев.

Наконец 1981 год. Западный Берлин. Еврейская чета (жену, по моим записям, зовут Песей) делится со мной тем, что много лет гложет им душу:

— Четверо наших родных погибли в лагере Флоссенбург в Баварии, недалеко от

границы с Чехословакией. Мы, правда, точно не знаем, в каком филиале их убили. Ведь флоссенбургский лагерь имел семьдесят филиалов и внешних рабочих команд; даже еще больше! Потом нам рассказывали местные жители из немцев, что американцы сильно запоздали с захватом Флоссенбурга. Еще девятнадцатого апреля фашисты начали эвакуацию. Но американские военные пришли только двадцать третьего. Кто знает, сколько людей было уничтожено за эти четыре дня. Может быть, среди них были и наши родные с двумя маленькими дочками...

Вспоминаю эти три мимолетных, но столь памятных эпизода — и еще чудовищней представляются мне попытки американских "крестоносцев" и их сионистских прихвостней принизить, умалить роль Вооруженных Сил Советского Союза в разгроме вермахта третьего рейха в целом и в освобождении узников гитлеризма, в частности.

БЫВШИЕ

БЕЖЕНЦЫ

К платформе Западного вокзала Вены подошел поезд. Как всегда, люди заторопились из вагона, но эти шестеро вышли, вернее, выпрыгнули на перрон первыми.

Никто их не встречал.

В их глазах нетрудно было прочесть смутную радость людей, еще не совсем верящих, что они избавились от чего-то гнетущего, страшного. Где я видел людей с такими глазами?

Не весной ли сорок пятого на подступах к осажденному Берлину? Навстречу нашим стремительно наступающим колоннам брели только что освобожденные советскими воинами узники гитлеровских застенков — югославы, датчане, голландцы. Их глаза светились радостной надеждой: предстояла скорая встреча с родиной!

Но такой уверенности не было, да и не могло быть у людей, которых я увидел в тот вечер на перроне венского вокзала. Они знали только одно: никакая сила не сможет вернуть их в Израиль, откуда они бежали кружным путем, прибегнув к многочисленным ухищрениям. Страшная сионистская действительность позади. А что впереди? Примет ли их Родина, которую они, по их словам, так необдуманно покинули?

Нет, не покинули. Предали, ибо я веду речь о тех, кто лживо придумал "воссоединение семей" и прочие высокие мотивы.

Только сейчас, с роковым опозданием механик Лазарь Чудновский и бухгалтер Ева Шварцман, уроженцы города моей юности — Киева, начали осознавать, что, отказавшись ради выезда в Израиль от советского гражданства, они предали Советскую Родину.

Свою первую ночь в Вене они с семьями провели на вокзале. С опаской поглядывали на расхаживавшего по залу полицейского. Однако не он потревожил их.

Приметили беженцев два агента "Сохнута" — местного филиала сионистского агентства, официально ведающего лишь иммиграционными делами. На самом деле сотрудники этого агентства не выпускают из поля зрения ни одного еврея, попавшего на австрийскую землю. Теперь они не были столь показательно улыбочивы и предупредительны, как полгода тому назад, когда здесь же, в Вене, встречали этих бывших киевлян, направлявшихся на "землю обетованную". Сейчас сохнутовцы хмуро и угрожающе увещевали Лазаря Львовича:

— Не подавайте прошения о возвращении вам советского подданства. В Вене богатая сионистская община, она подыщет вам жилье и работу. Вам надо прийти в себя. Наверное, вы еще одумаетесь и вернетесь в Израиль. Если же, не дай бог, не захотите, то разве мало на свете стран? Вам помогут перебраться в Австралию, в Канаду, в Новую Зеландию. А может быть, вам привалит счастье, и вы попадете в Америку. Только не ссорьтесь с нами и не ходите в советское консульство!

Но именно в консульском отделе нашего посольства я наутро снова видел Чудновских

и Шварцманов. Чтобы быть первыми в очереди на прием, они пришли к дверям консульства еще на рассвете.

— А где же багаж? — поинтересовался я.

— При нас. Чемоданы, с которыми мы прибыли на тель-авивский аэродром Лод, растаяли. Пришлось все привезенное из Киева распродать, иначе мы никогда в жизни не расплатились бы с долгами. Ох как много всяческих долгов было записано у каждого из нас в голубой книжечке "теудат оле"!

Я уже знал, что этот "документ" сразу же под расписку получает на руки каждый оле и каждая ола — так в Израиле именуют новоприбывших мужчин и женщин. И с этой минуты начинается их закрепощение, продуманное и жестокое.

За несколько недель я повстречал более ста бывших советских граждан, которые, подобно Чудновским и Шварцманам, недолго пробыв в Израиле, бежали оттуда.

Беженец — горькое слово. Беженцы — это те, кто стремится убежать от тяжелой, неотвратимой беды. От вражеского военного нашествия. От разрушительного стихийного бедствия. От безжалостной, страшной эпидемии.

Люди, встреченные мною, тоже бежали от неотвратимой беды. От пропитанного духом наживы и агрессии злобного сионизма. От прикрытого религиозной завесой оголтелого шовинизма. От душевной черствости и нечеловеческого равнодушия, свойственных обществу, где человек человеку волк.

Они бежали с чужбины. Да, горькой чужбиной оказалось для них израильское государство, где им сулили новую родину.

Сейчас эти люди плачут. Сейчас они заверяют, что готовы любой ценой искупить свой отказ от советского гражданства, что согласны жить в любом уголке Советской страны, что беспокоятся не за себя, а за будущее своих детей. От многих приходится слышать:

— О себе я уже не думаю. Мне бы только вернуть ребенка в нормальную обстановку. Разве я могу примириться с тем, что мой ребенок обязан из-под палки изучать талмуд! Что в единственный выходной день субботу я не могу вывезти его поближе к зелени, ведь раввинат запретил работу общественного транспорта в субботние дни! Что мальчика через несколько лет призовут в армию агрессора!

Те, от кого я слышал такие возгласы, умалчивали о самом существенном. Они не рассказывали мне, как дети уже не раз спрашивали их:

— Зачем ты, отец, искалечил мне жизнь? Зачем ты увез меня с Родины, где я должен был стать настоящим человеком, на постылую чужбину, где мне все ненавистно!

А ведь дословно так написал тринадцатилетний Сема Лушнер своему отцу, когда ночью пытался из Ашкелона удрать на Кипр, а оттуда на советском судне вернуться в Одессу, которой он грезит во сне и наяву. Дети осуждают родителей...

ТВОРЦЫ СОБСТВЕННОГО НЕСЧАСТЬЯ

— О чем же вы думали, покидая родную страну?

...Разные ответы на свой вопрос услышал я.

Одни ссылались на психоз, даже на своего рода заразную лихорадку.

— "Израиль, Израиль, Израиль", — только и твердили нам добровольные советчики, — объясняет свой отъезд Клара Розенталь, фельдшер из молдавского города Бельцы. — Из Израиля приходили письма о "голубой жизни" на "священной земле предков". Одну из истинных причин происхождения этих писем я поняла слишком поздно, хотя и в первые же часы пребывания на израильской земле. Я встретила известную Бельцам учительницу музыки Марию Лазаревну Вайсман. Едва узнала ее — так за короткий срок постарела и опустилась она. Оказывается, музыкальные школы есть только в столице и Марии Лазаревне приходится в Израиле перебиваться частными уроками. От случая к случаю. Каждый такой урок доводит ее до слез. Родители учеников считают себя вправе бестактно давать преподавательнице указания, по часам контролируют время ее прихода и ухода. "Зачем же

вы, Мария Лазаревна, — спросила я ее, писали в Бельцы, что живете в Израиле превосходно? Ведь ваши письма ходили по рукам и губили людей!" Учительница побледнела и схватилась за сердце: "Мне было стыдно перед своими земляками. Помните, в Бельцах я была человеком, я ходила с поднятой головой. И ученики и родители приветливо улыбались мне. В Израиле я стала ничтожеством. Никому я здесь не нужна. Я опустила голову. Я в полной мере ощутила комплекс неполноценности — тот самый, который на советской земле представлялся мне невозможным, придуманным. И мне было стыдно признаться в этом..."

Другие, отвечая на мой вопрос, объясняли свою роковую ошибку стадным чувством.

Двадцативосьмилетний Абрам Питилашвили, ранее работавший в Тбилиси радиотехником, так и сказал мне: "Видели, как иногда в горах бегут бараны? Один за другим спешат, один за другим пробираются в ущелье, один за другим валяются в пропасть. Нас молодых, погубили старики. Письма из Израиля разворошили в них националистические и религиозные чувства. Но перекладывать свою вину на стариков тоже несправедливо: тем и в голову не могло прийти, что эти письма — подложные, написаны под диктовку, что большинство их — заурядные фальшивки".

Были, впрочем, и письма отнюдь не восторженные. Но попробуй разберись, каким верить, а каким не верить! Ведь многим не верили. Но каким?

Уехавшая из Латвии Рива Москович, пробыв в Израиле несколько месяцев, пишет сыну, что не надо ему приезжать к ней, что здесь он жить не сможет. Но сын уже до предела напичкан сионистскими посулами. И смысл его ответного письма таков: мать, которая хулит "священную землю отцов", мне не нужна! И он уезжает в Израиль. Но матери там не застанет: ей удалось бежать.

Лейзер Шайкевич получает от жившего в Израиле брата письмо. Брат недвусмысленно советует оставаться в родной ему Буковине. Но "дальновидного" Лейзера на мякине не проведешь. Он так комментирует письмо соседям: "Брат всегда хитрил со мной. Я понимаю, ему там хорошо, и он не хочет, чтобы и мне было хорошо. Дураков нет — я таки поеду!"

Третьи не отвечают на мой вопрос, они просто не решаются сказать, о чем думали, отказываясь от советского гражданства. Ведь, уезжая из Советского Союза, они откровенно разглагольствовали об ожидающих их в Израиле меде и млеке. И с большим опозданием Моисей Матусович Гитберг, инженер-металлург, оставивший в Днепропетровске жену и пятнадцатилетнего сына, понял теперь: "Один известный западный юрист сравнивал посылку враждебной информации на территорию иностранного государства с посылкой артиллерийского снаряда. Какая правда в этих словах!" [Гитберг, очевидно, имеет в виду высказывание видного американского юриста-международника С. Биро, сделанное еще в 1945 году.]

Многие очень поздно постигли эту правду. Механик Абрам Гиршович Гец, бывший рижанин, сейчас сокрушенно восклицает:

— Будь проклят этот "Голос Израиля" и другие брехливые радиоголоса! Сколько несчастья приносят они людям!

Но тут же грустно добавляет:

— Конечно, чужие голоса — поганые голоса, однако надо иметь свою голову на плечах. А я на какой-то момент потерял ее...

Итак, о чем же все-таки думали эти люди, покидая родную страну?

Из ответов на этот простой вопрос мне запомнились слова одесского обувщика Рувима Львовича Блувштейна, бежавшего из Израиля с восемнадцатилетним сыном, которого собирались призвать в израильскую армию:

— О чем я думал, покидая Одессу? На свое горе, я тогда не думал. Думать я начал поздно, только в Израиле, когда моему сыну объявили: ты будущий солдат нашей армии и обязан воспитать в себе ненависть к арабам. И я впервые с ужасом подумал: что я наделал, куда я привез своего сына!

Рассуждения о "второй родине", на которые так щедро сионистская пропаганда, напомнили мне слова Льва Абрамовича Кассиля, замечательного писателя и советского

патриота:

— Для тех, кто воспитан советским строем, не может быть никакой второй родины. У советского человека может быть только одна родина. Понимаете, только одна!

Прошло немало лет с того дня, как в Англии я услышал эти слова Кассиля. Но до сих пор помню, как твердо и безапелляционно отчеканил их писатель, обычно высказывавшийся мягко и даже с какой-то долей застенчивости. Непримируемость и страстность, прозвучавшие в голосе взволнованного Кассиля, сразу заставили стушеваться и замолкнуть того, к кому он тогда обращался. И почтенный английский господин еврейской национальности по фамилии Бук, один из самых богатых жителей города Сандерленда, уже не посмел больше и заикнуться насчет того, что откуда бы, мол, ни приехал еврей в Израиль, он ощутит эту страну как свою вторую родину.

Впрочем, самому себе сандерлендский коммерсант отводил только роль сионистского проповедника. Он и не помышлял об отъезде в Израиль, ибо почитал себя обязанным перед потомками добиваться дальнейшего расцвета своей торговой фирмы в Англии. Но евреи, менее связанные с собственностью, обязаны были, по мнению мистера Бука, немедленно воспользоваться сионистским "законом возвращения на землю отцов". По этому, с позволения сказать, закону любой еврей может претендовать на жилище близ священной горы Сион.

— А не еврей, родившийся и живущий близ горы Сион, — гневно воскликнул Кассиль, — обязан очистить место для новоприбывшего? Какое варварство! Ведь это же перепев антисемитской политики нацистов: они считали, что евреям нет места в третьем рейхе, в покоренных им странах — это место займут арийцы...

И сейчас, терпеливо выслушивая жалобы и стенания бежавших с "земли обетованной" людей, я часто вспоминал гневные слова Льва Кассиля о "второй родине". Я еще и еще раз убеждался: все беды и горести этих людей — закономерный результат того, что они предали свою Родину.

...С некоторыми из тех, кого я встретил в Вене, мне пришлось беседовать дважды и трижды. Многие просили меня ознакомиться с их записями и, как они говорят, исповедями. Все они — каждый по-своему, каждый на памятных и подчас жестоких примерах — воочию убедились, что капиталистический уклад жизни, сдобренный теориями расового превосходства, не для них, не для их детей.

Но я покривил бы душой, утверждая, что все без исключения стали жертвами одной только лживой и разнузданной сионистской пропаганды. Нет, некоторые оказались жертвами прежде всего собственных иллюзорных представлений о капиталистическом обществе. И прежде всего те, кто мечтал "сделать карьеру". Мечтал о "свободном предпринимательстве".

Роман Кацобашвили, бывший повар "Рицы" — одного из самых популярных ресторанов на Черноморском побережье, — обуян желанием вернуться в Грузию. Его многочисленные заявления — письменные и устные — полны грустных фактов и подробностей, сделавших для него жизнь в Израиле мучительной и бессмысленной. Склонен даже поверить и пылким словам Кацобашвили о тоске по жене, с которой он, однако, мгновенно разошелся, чтобы облегчить себе возможность уехать в Израиль. Но не может он утаить роившихся тогда в голове и подтачивавших сердце всяческих эфемерных планов. Ему мерещилось, как он, замечательный кулинар, пышущий здоровьем человек, энергичный работник, всю "развернется за границей".

А двадцатипятилетний московский музыкант Михаил Бранзбург убедил себя, что только за границей он сможет в совершенстве овладеть ударными инструментами и стать выдающимся оркестрантом. Решив оставить жену и дочурку, он шепнул уезжавшему в Израиль тромбонисту Александру Кофману: "Устрой мне вызов от липового родственника". Вызов незамедлительно прибыл с загадочной для Бранзбурга подписью: "Сомполински Загава" — мужчины или женщины, мифического двоюродного брата или несуществующей троюродной сестры.

Правда, все находящиеся в Вене беженцы из "земли обетованной" считают, что Бранзбургу повезло: он встретил бежавших из Израиля людей и, побеседовав с ними, отказался туда ехать. С трудом сдерживая раздражение, я слушал лицемерно кроткие рассуждения наглого музыканта: "За ребенка я спокоен — в Советской стране никогда, что бы ни натворили папа или мама, девочку из детского садика не отчислят".

Кое-кто из моих собеседников, желая проявить предельную откровенность, рассказывает мне о накапливавшихся у них "обидах" на советское общество. Теперь с роковым для них опозданием эти "обиды" представляются им смехотворными.

Для бывшего киевлянина Николая Фавелевича Петрова-Штейна начало "обидам" на Советскую власть положило недостаточное внимание дирекции завода к написанным им, как он выражается, рабковским сигналам. Правда, сейчас Николай Фавелевич понимает, что некоторые из его сигналов дурно пахли клеветой.

Более подробно и с нескрываемым самоосуждением рассказывает о своих "обидах" зубной врач Александр Исаевич Каганов:

— Мое падение, да, именно падение, началось с того, как я отреагировал на оскорбительную грубость управдома соседнего дома, где я прогуливался со своей собачкой. Сейчас я кажусь себе сумасшедшим! Но тогда, предварительно обработанный всякого рода слухами и радиопередачами враждебных станций, я оказался достаточно "созревшим", чтобы отождествить грубияна управдома с... Советской властью! И когда на следующий день мне близ синагоги предложили устроить вызов в Израиль, я согласился...

Кстати, именно "близ синагоги" встретили многие из моих собеседников услужливых людишек, предложивших им "устроить вызов" в Израиль. Об этом рассказывали мне и бывший москвич Каганов, и бывшие рижане, кишиневцы, львовяне.

КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

Кое-кто уезжал в Израиль уже с репутацией убежденного сиониста. Такие мнили себя "борцами" и даже "победителями", гордясь тем, что не скрывали от Советских сограждан своих враждебных взглядов и открыто распространяли сионистскую клевету на наш образ жизни. Еще по дороге в Израиль захлеб торопились публично заявить о выпавшем на их долю счастье — отъезде из Советской страны. Для них, своих идейных единомышленников, израильские власти создавали более или менее благоприятные условия даже досрочно выдавали им постоянные паспорта "кавувы".

Их в Израиле принято именовать "идеалистами" в отличие от "материалистов" и так называемых "промежуточных". "Идеалисты" вначале даже как-то свысока смотрели на откровенно жаждавших роскошной жизни "материалистов" и особенно "промежуточных", намеревающихся и капитал приобрести и невинность соблности.

Однако и недавние "идеалисты", причем самые отъявленные, тоже обивают пороги советского консульства в Вене. Назову, например, бывших ленинградцев — юриста Григория Соломоновича Вертлиба и его жену математика-программиста Софью Моисеевну Вайсман, помпезно встреченных в марте 1971 года "братьями во Сионе". Израильское радио присвоило Вертлибу титул "руководителя еврейской общины", ибо он стоял во главе нескольких сионистски настроенных евреев, желавших выехать в Израиль. Эта возглавляемая им группа, как признал Вертлиб, "занималась распространением литературы, убеждающей евреев, что их место в Израиле".

Вертлиба, естественно, встретили в Израиле подчеркнуто радушно: в числе нескольких избранников он был на продолжительном приеме у самой Голды Меир и нескольких министров. Его направляли в Париж и Рим для публичных выступлений "в защиту советских евреев". В отличие от большинства его попутчиков, Вертлибу сразу же дали сравнительно приличную квартиру, а также работу ему и жене.

Но вскоре Вертлиб убедился, как далека печальная израильская действительность от пленявших его ранее сионистских идеалов. В нем созрело решение покинуть "землю

обетованную". Он ушел с работы. Однако, прекрасно понимая, что нельзя открыто признаться в желании вернуться в Советский Союз, вынужден был прибегнуть, как он выражается, к камуфляжу: исподволь завел разговоры о поездке якобы к родственникам в Западную Европу.

И вот весной 1972 года, бросив все привезенное из Ленинграда имущество, Вертлиб с женой и пятилетним ребенком бежал из страны, о которой, по собственному признанию, мечтал целых двадцать лет.

Почему?

Многогранная исповедь Вертлиба дает ответ далеко не однозначный.

"Материально мы не нуждались", — сразу же признает он исключительное положение, созданное ему израильскими сионистами. Да, весьма исключительное! Ведь по точным цифровым расчетам самого Вертлиба, на средний для израильтянина заработок никак невозможно свести концы с концами семье хотя бы с одним ребенком. Особенно, когда глава семьи не комбинирует, не прибегает к обману, не живет на "чэдэ", то есть на чужие деньги.

Итак, если на некоторых беженцев, обреченных израильским строем на полунищенское существование, мог в какой-то степени повлиять материальный фактор, то решение Вертлиба было продиктовано совершенно иными причинами. Какими?

"Израиль — государство, где давно забыты какие-либо идеалы дружбы и нормальных отношений между людьми. Да, собственно, какие могут быть отношения между работодателем, который имеет завод, виллу и 3–4 машины, и евреем из Марокко или Ирака, который имеет крохотную квартирку (а часто не имеет и таковой) и живет с пятью-шестью детьми в убогом квартале для "черных"? Какие, собственно, могут быть отношения между бюрократом в каком-нибудь учреждении, основная мечта которого досидеть до пенсии и который знает, что уволить его практически невозможно, — с одной стороны, и "новым оле" из Советского Союза, который десятки раз ходит на прием, получая один и тот же ответ: "Савланут" (терпение) и "ихье тов" (будет хорошо)?"

Вертлиб приводит типичный разговор между чиновником учреждения, обязанного заботиться о новопривывших, и бывшим советским гражданином:

— Работы нет и не предвидится. Но будет хорошо.

— Как же хорошо, если бюро труда не дает работы?

— Нужна протекция — и будет хорошо.

— У меня и квартиры нет.

— Терпение. А почему ты хочешь жить в Хайфе? Поселись в Димоне.

— Но в Димоне нет работы для инженера.

— Зато там можно выцарапать жилье.

— На черта мне жилье, если там никогда не будет работы для инженера?

— А разве обязательно работать инженером? Вот все вы приезжаете и требуете, требуете, подавай вам и работу и квартиру.

И в конце исповеди горькое признание:

"Тяжело человеку в 40 лет осознать, что вся его жизнь была бесплодна и посвящена ложным идеалам. Но еще более страшной, на мой взгляд, должна быть жизнь у тех, кто так же, как и я, полностью разочаровался в израильской действительности, но не находит в себе сил и мужества открыто рассказать другим евреям обо всем, что происходит".

Земляк и единомышленник Вертлиба — радиотехник Бенцион Григорьевич Товбин также был принят в Израиле с распростертыми объятиями. Там знали, что он тоже любыми способами осуществлял свое давнишнее стремление навсегда поселиться в этом государстве. В отличие от преобладающего числа бывших советских граждан, Товбин, имеющий реноме проверенного сиониста, без всяких проволочек получил работу, связанную с частым пребыванием в иностранных портах. А сейчас, покинув Израиль, он с горечью говорит:

— Не преувеличу, если скажу, что в Израиле мы подчас ощущали себя явно бывшими людьми.

Кстати, поражает уверенность, вернее, самоуверенность, с какой испрашивают

разрешение вернуться в СССР многие из беженцев. Взрослые люди, умудренные немалым житейским опытом, они наивно полагают, что стоит им только попросить, как перед ними тотчас же поднимется пограничный шлагбаум.

"Да, отказался, мол, от советского паспорта, но я же хочу назад!.. Да, оформил, мол, развод с женой, которая не пожелала уехать в Израиль, но я же готов возвратиться к ней!.. Да, оставил детей, но я же согласен снова стать их отцом!"

И летят в города и веси Советского Союза письма такого примерно содержания:

"Дорогая жена! Теперь я понял, что любил и люблю тебя одну..."

"Дорогие дети! Я понял, что без вас жить не могу..."

А один молодой человек даже консультировался со мной, как с литератором, достаточно ли слезно и проникновенно изложено его покаянное письмо в Латвию к бывшему тестю, которого он несколько лет поносил и оскорблял за неверие в израильский рай. Кстати, ничто не помешало молодому человеку оставить брошенного ребенка на попечение духовно ему чуждого тестя.

Разумеется, я не смогу подробно рассказать обо всех повстречавшихся мне в Вене беженцах, хотя со многими беседовал, повторяю, не один раз.

ТОЛЬКО ФАКТЫ, ТОЛЬКО ДОКУМЕНТЫ

В раскаяние некоторых не веришь — уж очень они усердствуют!

Не мог я поверить патетическим тирадам одного бывшего работника тбилисской торговой сети. Если ранее свой отъезд из Советской страны он пространно мотивировал необходимостью воссоединить "небывало огромную" семью, то сейчас докатился до нетерпимых в советском обществе антисемитских излияний — не может, мол, жить среди людей своей национальности.

После того как другие присутствовавшие при этом бывшие граждане Советской Грузии выставили за дверь своего явно переусердствовавшего друга, я спросил его жену:

— Вы слышали, о чем только что кричал ваш муж? Мне после этого подумалось, что в Израиле он с такой же горячностью кричал, как тяжело ему жить среди грузин. Или я ошибаюсь?

Женщина долго молчала. А затем, вызываяще оглядев остальных беженцев, отчетливо ответила (только уже не мне, а им):

— Разве только он один? А каждый из вас не поддакивал ли басням о тяжелой жизни евреев в Грузия?.. Почему вы молчите? Скажите писателю, что я лгу! Скажите!

Никто из них мне этого, конечно, не сказал...

А иные, сияясь во что бы то ни стало доказать свое раскаяние, с автоматическим пафосом охаивали и чернили все (без исключения!) израильское и всех (без исключения!) израильтян. Разве мог я поверить в искренность этих людей!

В самом деле, Исааку Букштейну почему-то одинаково антипатичны и владелец машиностроительного завода в Хайфе и фрезеровщик этого завода, обреченный заводладельцем на безработицу за свои антиссионистские взгляды. Оба они — израильтяне, и оба, с нынешней точки зрения Букштейна, плохи. За одиннадцать месяцев жизни в Израиле Букштейн так и не удосужился ничего узнать ни об одной из многочисленных забастовок, не слышал он даже о повседневной антивоенной деятельности израильских коммунистов. Только от меня узнал Букштейн об активной работе израильских комсомольцев. Впрочем, мои слова об этом слушал со скептической усмешечкой.

А что же тогда можно сказать о человеке, дважды предавшем Советскую Родину? Речь идет о бывшем самтредском шофере и спортсмене-тяжелоатлете Давиде Шамилашвили. Одним из первых "бежал он с "земли отцов" в Вену и иступленно, на коленях умолял работников нашего консульства помочь ему вернуться в Грузию. Рыдал, угрожал умертвить жену и покончить самоубийством. Выкрикивал десятки имен честных советских граждан, готовых якобы за него поручиться. Кричал, что согласен на любую работу, на любое место

жительства — только бы в Грузин!

И в то же самое время, как потом выяснилось, Шамилашвили деловито торговался с сохнутовцами о выгодных для него условиях, на которых согласен вернуться в Израиль. И не просто вернуться, а стать верным сохнутовским надсмотрщиком над "мутящими воду" бывшими гражданами Советской Грузии. Торг длился долго. И в конце концов Шамилашвили добился от сохнутовцев того, что посчитал для себя главным: сионистские агенты обязались купить для него автомобиль-такси.

Сейчас Шамилашвили в Израиле усердно отработывает сионистскую подачку. Он не только доносит на своих бывших земляков, но расправляется с наиболее строптивыми при помощи элементарного рукоприкладства — как видите, в Израиле закалка тяжелоатлета нашла весьма своеобразное применение! Мне назвали имена десятков людей, избитых дважды предателем за антисионистские высказывания, за попытку бежать из сионистского государства.

Мне встречались беженцы из Израйля, с наивной подлинкой полагавшие, что высказываниями антисемитского толка и злыми ухмылочками над людьми своей национальности они смогут хоть на крохотную толику искупить свой постыдный отъезд из социалистических стран в Израиль.

И хотя эти люди действительно не выдержали образа жизни в Израиле и ни за что туда не вернутся, не хочу я воспроизводить их рассказы, рассчитанные на дешевую сенсацию и наполненные клеветой на всех жителей этого государства.

Я говорю в своей книге только о том, что подтверждается либо документами, либо вынужденными признаниями израильской прессы, а чаще всего рассказами многих, порознь беседовавших со мной беженцев. Делаю это с чистой совестью: каждый, кто делился со мной на чужбине своими горестями и надеждами, знал, что беседует с писателем, который выступит на страницах "Огонька". И я точно пересказываю читателям увиденное и услышанное.

Трудно, конечно, быть бесстрастным рассказчиком, когда на тебя скорбно глядят потухшие глаза двенадцатилетней Дали и семнадцатилетнего Яши Шамелашвили. Дети покинули Израиль без матери, с которой приехали туда из Сухуми. Медико Шамелашвили осиротила своих детей 9 апреля 1973 года: она вскрыла себе вены и повесилась. Большеглазая Дали не подозревает, что именно ее безудержные слезы стали последней каплей, переполнившей чашу терпения матери. Рыдающая девочка прибежала с уроков и сказала ей, что в школу ни за что никогда больше не пойдет. Дали не могла больше сносить изощренных издевательств учительницы, с фарисейской грустью твердившей, что, к ее большому сожалению, евреи из Грузии оказались неполноценными людьми. Учительнице послушно подпевали и самые "прилежные и благонравные" соученики Дали из семей сабров — привилегированных старожилков.

Так же встретили в израильском городе Ашкелоне и пятнадцатилетнего Юру Ковригара. На Украине Юре предсказывали большую будущность математика, собирались направить мальчика в специальную школу. В Ашкелоне молодые сионисты, глумливо установив, что мальчик принадлежит к "необрезанным нечестивцам", раструбили об этом по всему городку. И сами учителя тут же предупредили родителей Юры, что не потерпят в своей школе "урла" — такова оскорбительная кличка "необрезанных".

Трудно, конечно, не поддаваться эмоциям, когда на тебя обрушивается половодье слез...

И все же пересилю себя — буду прежде всего репортером, регистратором, документалистом.

Итак, только факты, только цифры, только документы, за которыми скрываются подлинные судьбы людей, обездоливших себя отъездом на чужбину.

Многие из них, правда, не понимают или не хотят понять всей катастрофической сущности того, что кроется за отказом от советского гражданства. При мне возник такой диалог двух бежавших из Израйля врачей, бывших советских граждан.

— Даже не верится, — возмущенно воскликнул тот, что помоложе, но в Лодде тотчас же по приезде меня спросили, давно ли я стал диссидентом!

— Увы, — ответил более пожилой, — мы с вами заслужили это. Что означает английское слово "диссидент"? Отступник. А мы ведь отступились от родной страны, от народа, с которым росли, учились, работали. Зачем же удивляться, что в Израиле увидели в нас диссидентов?

— И все-таки никто не имеет права называть меня диссидентом, упрямо твердил молодой врач. — Особенно после того, как я раскаялся!

Я слушал его и думал: да" так и не понял этот человек, что не в термине корень, а в содеянном, в отречении от Родины!

ЧЕРНАЯ "ГОЛУБАЯ КНИЖЕЧКА"

Первый и обязательный документ, немедленно вручаемый каждому новопривышему, едва ступит он на израильскую землю, — это уже упоминавшаяся "теудат оле" — проклятая голубая книжечка. Тощенькую и с виду весьма неприятную, иммигранты по-разному, но с одинаковой ненавистью называют ее и черной книжкой и патентом на кабалу.

Немало таких книжечек перелистал я. Обычно встречал стандартные записи:

"Стоимость авиабилета от Вены до аэропорта Лод".

"Страхование багажа".

"Доставка багажа".

"Пособие до момента нахождения источника заработка".

"За лечение после шестимесячного пребывания в стране".

"Отсроченная квартирная плата".

"Срочная ссуда" (уже, конечно, с процентами. — Ц.С.).

Такие и подобные им записи — это норма, обыденность.

Но стоит только сохнутувским агентам пронюхать, что у человека появилось желание покинуть страну, как в его голубой книжечке появляются новые записи. Делается это так. Человека вызывают сразу же в несколько мисрадов — учреждений. И неизменно предупреждают:

— Иметь при себе долговой документ!

Для чего? Для того, чтобы, скажем, Иосифу Шамелашвили, отцу двух детей, потерявших в Израиле мать, сказать:

— Мы забыли отметить в твоей "теудат оле" 1180 лир за страховку багажа[В восьмидесятых годах лиру заменил шекель, обесценивающийся еще более стремительно и катастрофически.]. Тебе придется вернуть эти деньги!..

"Тыкают", между прочим, не из дружеских побуждений: дело в том, что в иврите отсутствует местоимение "вы". А объясняться в учреждениях на идиш, как и по-русски, строжайше запрещено. Невероятно: язык, на котором создали литературные шедевры Шолом-Алейхем и Менделе Мойхер-Сфорим, на котором писали Давид Бергельсон и Лев Квитко, на котором сегодня пишут у нас и в других странах мира еврейские писатели, этот язык оказался для израильского государства неполноценным. И чуть ли не антигосударственным!..

Итак, какие же новые записи поспешно вносятся в долговые книжки тех, кто задумал покинуть Израиль?

Давида и Евгению Ковригар в "Сохнуте", например, спросили:

— Забыли, сколько бутылочек лимонада выпили в замке Шёнау? Мы помним точно.

И тут же последовала соответствующая запись в голубой книжечке.

А Исааку Ваншенкеру незамедлительно напомнили в дирекции школы:

— Твой ребенок учился у нас во втором классе. С тебя причитается 1026 лир... Ох, извини, я ошибся: с тебя только 984 лиры, ведь твой ребенок, оказывается, учился в первом классе. Тогда, учти, еще брали за право учения в начальных классах.

Такую же сумму вписали в голубую книжечку Фриды Т. Этой женщине еще не удалось расплатиться с долгами и покинуть Израиль, вот почему я не вправе называть ее подлинного имени и места жительства.

Постараемся уточнить, за какое же именно обучение своей девочки обязана Фривда Т. внести 992 лиры.

...Оставалось несколько дней до начала учебного года. Дочурка впервые пойдет в школу. Как не шить ей новое платье! И Фрида взяла в долг под проценты еще триста лир у "благодетеля" их улицы — мелкого ростовщика. На эти деньги, кроме платья, девочке купили ранец, тетрадки, ручку.

Увы, первый школьный день, обычно столь памятный на всю жизнь, принес отнюдь не радостные волнения. Девочку в праздничном платье посадили в школе не за парту, а на грязный пол. На полу она раскрыла и свою первую в жизни тетрадку.

На полу?! Да! Денег, пожертвованных американским филантропом на постройку и оборудование новой школы, не хватило на мебель. Последние девять тысяч лир были истрачены на портрет мецената и каменную плиту с перечислением его заслуг перед израильскими братьями.

Портреты филантропов, преимущественно американских, кстати, частенько украшают стены израильских учебных заведений. Из-за одного такого портрета основательно подмочил свою политическую репутацию молодой оле Гриша Фаин.

Впервые войдя в лабораторию технической школы, он заметил на стене портрет. Изображенный отнюдь не лучшим художником, человек на портрете какими-то едва уловимыми черточками смутно напоминал Альберта Эйнштейна.

— Не очень-то удачный портрет Эйнштейна, — заметил Гриша.

— Какой там еще Эйнштейн! — вспыхнул староста курса. — Неужели мы в нашей школе повесим портрет антиизраильца! Эйнштейн не очень поддерживал создание нашего государства. Он посмел насмешливо отказаться от поста первого президента. Мало того, Эйнштейна еще, видишь ли, очень беспокоило, что будет с арабами, когда Палестина станет израильским владением! Видишь, как иногда крупный ученый может презреть долг националиста... А перед тобой портрет поистине замечательного человека. Хоть он живет за океаном, в Балтиморе, но кровно заинтересован в развитии нашей науки. Это на его деньги создана лаборатория, в которой ты сейчас находишься. Он тебе не Эйнштейн!

Резкое неприятие великим ученым идеологии буржуазного еврейского национализма сионистская пропаганда поспешила без зазрения совести отнести за счет... аполитичности Альберта Эйнштейна. Поистине хорошая мина при плохой игре! Уж кому-кому, а сионистским пропагандистам хорошо известно, что "аполитичность" выдающегося физика не помешала ему дать убийственную для сионизма характеристику экстремистской программе партии "Херут", возглавляемой ныне Менахемом Бегинном. "Смесью ультра национализма, религиозного мистицизма и ощущения расового превосходства" назвал Эйнштейн программу партии, исповедующей тотальный терроризм.

Вернусь к Фриде Т. Ее дочурке пришлось несколько месяцев постигать азы учения на принесенной из дому старенькой табуретке. На единственном новом стуле восседала учительница с неизменной сигаретой во рту. Так учили девочку. А за это время триста лир, взятых матерью у ростовщика, превратились в 470...

Не одной Фриде приходится соглашаться на кабальные условия ростовщиков, представителей древнейшей, весьма распространенной в современном Израиле профессии.

Процветают в этой стране и профессиональные гаранты-поручители, к которым олим прибегают, когда вынуждены обращаться за ссудой в банк. Поручитель берет за свои услуги не меньше, чем матерый ростовщик. Достойным представителем этой новейшей профессии стал в Ашкелоне выходец из Бессарабии престарелый Борух Вольфович. По совместительству он еще регулярно доносит на замышляющих отъезд из Израиля своих клиентов. Такое патриотическое рвение высоко ценит израильская жандармерия — шируд бегакоз, вкратце именуемая "шинбет".

Для бывшего одессита Царика поручительство — вторая профессия. Основной источник его заработка — восторженные письма в Одессу о привольной и зажиточной жизни олим в Израиле, а заодно оперативная фабрикация вызовов от мифических родственников.

И вот в лапы таких отпетых зарабатывающих на чужой беде спекулянтов попадают олим, когда, подобно Фриде Т., им требуются деньги на неотложные нужды. Если Фриде даже удастся выплатить долг по голубой книжке, то разве простят ей ростовщики неуплату зверских процентов, почти удвоивших ее долг?

Словом, для многих, кто намерен бежать из Израиля, даже долгожданный штамп "нифра" в голубой книжке еще не означает полного раскрепощения от кабальных долгов.

В долговых тенетах катастрофически запутались и бывшие граждане других социалистических стран. Тбилисский шофер Яков Цацаношвили познакомился в Лоде с семьей рабочего подсобных предприятий аэропорта, приехавшей из Польши девять лет тому назад. Когда Яков пожаловался главе этой семьи на то, что за какой-нибудь год пребывания в Израиле его одолели непомерные долги, тот горько усмехнулся:

— Первые три года я выбивался изо всех сил — все надеялся как-нибудь выкарабкаться из долго. А теперь махнул рукой! Вижу, вырваться отсюда не удастся. И не один я такой — вот через дорогу живет фармацевт, бывший болгарский гражданин. Его так опутали долговыми записями в голубой книжечке, что он только плачет тайком от жены. А жена тайком от него...

Учтя горький опыт семьи бывшего польского гражданина, Лия, жена Цацаношвили, в Тбилиси занимавшаяся только домашним хозяйством и воспитанием детей, пошла на поденку. С ее помощью муж с трудом расплатился с долгами.

Кроме официальных голубых, многие олим познакомились и извели "прелесть" книжечек других цветов. В них записаны долги лавочникам.

— Кто действительно рад нашему приезду, так это лавочники, рассказывает фотограф из Бендер Яков Моисеевич Файерман, вынужденный в израильском городе Пардескаце стать мусорщиком. — Лавочники не попрекают нас тем, что мы сразу же хотим жить в настоящих домах, как привыкли в Советской стране. Они не голосят, как другие старожилы, что мы за гроши согласны на любую работу и тем самым, голодранцы, такие-сякие, отбиваем у них заработка. Им наплевать, ходим ли мы в синагогу или не ходим. Для них мы прежде всего новые покупатели. И не очень разборчивые — не возражаем, если сахарный песок слегка подмочен, а хлеб — позавчерашней выпечки. Ведь они продают нам в долг. И владельцы протоварных магазинов тоже рады — без кровати или, на худой конец, топчана не обойдешься! И вот в этих магазинах нам, как и многосемейным рабочим-старожилам, вынужденным залезать в долги, тоже отпускали товары в кредит, "на книжку".

— Зато делали надбавочку на цену каждой покупки, — уточняет жена фотографа Эстер Гершовна. — Конечно, — вздыхает она, — если бы муж имел там пенсию, какую получал в Бендерах, мы бы за продукты платили наличными. А в Пардескаце приходилось влезать в долги.

Долги, долги, долги. Как же добыть деньги, чтобы погасить долги? Ведь без этого не убежишь из Израиля!

Люди идут на самые вредные для здоровья работы, где положен укороченный трудовой день, но соглашаются работать сверхурочно.

И все же чаще всего приходится прибегать к продаже вещей, привезенных с собой. Для местных спекулянтов скупка таких вещей за полцены стала выгодной профессией. Неспроста в местных газетах изо дня в день помещаются объявления подобных скупщиков, вроде предприимчивого Володи Блума, неизменно подчеркивающего, что он из Бразилии. Во многих объявлениях проявляется особый интерес к изделиям советских художественных промыслов, золотым и серебряным вещам, пуху для подушек, телевизорам советского производства.

— Сколько унижений испытываешь, когда скупщики обращаются с тобой, как с собакой, — рассказывает Евгения Ковритар. — Но приходится стиснуть зубы и молчать —

ведь мы в их руках. И отдаешь обручальное кольцо за гроши...

Не у каждого, однако, к моменту отъезда остаются вещи для продажи. Много вещей новоприбывшие вынуждены продавать значительно раньше, как говорят в Израиле, "ради куска хлеба для детей".

А что прикажут сохнутовцы делать бывшей советской пенсионерке Хае Гробман из Черновиц, если она осталась без отправленных багажом вещей? Документально установлено, что вещи одинокой женщины в Израиль прибыли. Есть подозрение, что по ошибке или по сговору они выданы постороннему человеку. Одиннадцать месяцев ходит и ходит старуха из инстанции в инстанцию города Холона, да все безрезультатно.

Что ж, видно, никогда уже штамп "цифра" не украсит голубой книжечки Хай Гробман, которую сохнутовцы, как она утверждает в своих прошениях, относят к оле второго сорта: она ведь не сумела прихватить с собой кого-нибудь из молодых, способных стать для "великого" Израйля дешевой рабочей силой и пушечным мясом.

ЗВУЧНОЕ СЛОВО "АБСОРБЦИЯ"

Мои собеседники назвали имена многих бывших жителей Черновиц, Вильнюса, Сухуми, Бухары, которые не могут вырваться из Израйля прежде всего потому, что не погасили кабальных долгов.

В долговой капкан попали и несколько бывших киевлян, о которых вспоминает Ева Шварцман:

— За какие-нибудь полтора-два месяца залезли, горемыки, в огромнейшие долги. Проливают слезы, но не смеют даже заикнуться об отъезде из Израйля. Они вынуждены оставаться там на положении всосанных. Поглощенных!

"Всосанных"? "Поглощенных"? Эти странные слова приводят меня в недоумение. И мне разъясняют:

— Еще в замке Шёнау всем нам говорили, что о нас в Израиле будет заботиться министерство абсорбции иммигрантов. Оно, уверяли нас и в самолете, ведает устройством олим. Абсорбция! Это звучное, прямо какое-то научное слово обнадеживало нас, завораживало. Что же мы на деле услышали по приезде от чиновников министерства с таким таинственным названием? "Работу вам могут дать частные предприниматели, а мы можем их только просить. Так что не капризничайте, соглашайтесь на то, что вам предложат. И, пожалуйста, не интересуйтесь, сколько за такую же работу платят старожилам — вам будет спокойнее". Когда мы рассказали киевлянам, ранее нас прибывшим в Израиль, как чиновники министерства абсорбции отмахиваются от нас, словно от назойливых мух, над нами горько посмеялись: "А вы разве не знаете, что означает слово "абсорбция"? Всасывание, поглощение. Дело министерства — всосать нас, поглотить. Вот мы и подтруниваем грустно сами над собой; мы здесь всосанные, из нас здесь высасывают последние соки".

Аппарат министерства абсорбции действительно понимает свой долг перед новоприбывшими довольно оригинально: разъединять семьи, вызванные в Израиль под высоким предлогом воосоединения.

"Сортировку" приезжающих начинают сразу же на аэродроме Лод.

Там на глазах у Абрама Питилашвили разлучили семью бывших жителей Бухары.

— Родителей отправим в Хайфу, а молодых людей поближе к марокканским евреям. Марокканцы, правда, не очень вас любят. Они говорят, что вы избалованы. Так что в первые дни могут затеять ссоры с вами, даже драки. Зато у них вы научитесь рожать побольше детей. А им вы докажете, что из Бухары приезжают не дикари — привозят телевизоры, умеют обращаться с холодильником.

Если новоприбывший заявляет чиновникам, что его родственники проживают, скажем, в Безр-Шеве, автоматически следует ответ:

— В Безр-Шеве нет нужды в рабочей силе, поедешь в Марморек.

А через несколько минут в Беэр-Шеву направляют тех, кого родственники ожидают в Мармореке.

С какой целью это делается? Только ли для первой острастки, только ли для того, чтобы сразу же показать, что все решает администрация? Нет, некоторых мотивов такой сортировки чиновники даже не скрывают от протестующих олим. Родственники, дескать, будут отрывать друг у друга много дорогого времени, а вот без родственников новоприбывшие скорее изучат иврит и освоятся с непривычной обстановкой. Появление больших семей новоприбывших может, мол, еще больше разозлить старожилов, и без того испытывающих тяжелый жилищный кризис.

И только некоторые чиновники решаются прямо сослаться на закон "О распылении населения", принятый кнессетом еще в 1950 году. Заставить молодежь селиться только в пустыне и малообжитых районах — вот какую цель преследовали законодатели. В дальнейшем этот закон пытались использовать и для быстреего заселения оккупированных арабских земель. Однако старожилы упорно не подчинялись закону и не соглашались расставаться с детьми.

Но в последнее время власти, лихорадочно спеша заселить оккупированные территории, ретиво взялись за применение закона. "Приток новых олим должен быть направлен на новые территории, напомнил редактор усопшей газетенки "Трибуна" Даниэль Амальрис, заслуженно прозванный читателями Аморалисом, — потому что именно там определяются будущие границы Израиля. Мы потеряли много ценного времени, — забил тревогу этот писака в статье под сенсационным названием "Раковая опухоль, которую мы сами питаем". — Мы упустили прекрасный человеческий материал, который мы могли направить в Галилею, Негев, в Рашат Аголан, Синаи и на восток от Иерусалима. И однажды история накажет нас за это!"

Видимо, чтобы избежать наказания истории и больше не упускать "человеческий материал", ныне на аэродроме Лод еще усерднее, нежели родственников, разъединяют бывших земляков, подчас не знающих ни иврита, ни идиш.

— Такое расселение превратило мою семью в семью слепцов, — понял это на своем горьком опыте бывший тбилисец Илья Иосибашвили. — Мы ни к кому не могли обратиться, у всех был предлог нам даже не отвечать.

Глубоких стариков и старух, разлученных с молодыми родственниками, безжалостные чиновники заранее обрекают на нищету. Это, в частности, испытала на себе семидесятилетняя Нина Исааковна Алишакова. Она стала нищей.

Как же реагируют на такое явление высшие израильские власти?

Об этом можно судить по интервью генерального директора ведомства интеграции Пинхаса Дагана. Помещенное в "Трибуне" несколько лет тому назад, оно и ныне характеризует отношение сионистских руководителей к элементарным нуждам переселенцев. Вынужденный сквозь зубы признать, что грубость и бюрократизм чиновников вызывают многочисленные жалобы олим, так что те вынуждены прибегать к поискам "покровителей" из среды старожилов, этот высокопоставленный чиновник первопричину всего видит в одном: "Еще не решена психологическая (!) проблема поселения рядом детей и престарелых родителей".

Пока сионистские "психологи" решали эту проблему, многие, очень многие бывшие советские граждане были насильно, в порядке зловещей абсорбции, поселены на оккупированных землях. За три месяца до кровопролитных боев, вызванных в октябре 1973 года израильской агрессией, президент Эфраим Кацир торжественно сообщил, что очередная группа — сорок пять семей бывших советских граждан — поселена на Голанских высотах и в Питхат-Рафияхе.

Какова судьба этих людей, которых новая война застала на захваченных арабских территориях, где происходили жестокие бои? Не погребены ли эти люди под развалинами домов? Впрочем, не один только господин редактор Амальрис считает их не столько людьми, сколько человеческим материалом. А стоит ли израильским ястребам печалиться о

материале?

И хотя эшелолы новопривывших, как известно, весьма редуют, израильское правительство упорно продолжает заселять именно новоиспеченными израильтянами поселки, наспех созданные близ самых огнеопасных пограничных пунктов, на отторгнутых у арабских государств землях. В декабре 1975 года израильское министерство информации официально объявило о создании 22 новых поселений близ Голанских высот, на сирийской земле. И четыре поселения целиком предназначены для олим из Румынии и Бухары, хотя многие из них уже успели кое-как обосноваться в Ашкелоне, Араде, Шхеме и других сравнительно обжитых населенных пунктах. Даже в израильских газетах промелькнули сообщения о том, что некоторые из "абсорбированных" семей отнеслись к этому переселению как к ссылке и "переезжали с плачем и большими сомнениями".

Что ж, все это закономерный результат продуманной политики израильского правительства в вопросе расселения новопривывших.

ВЫНУЖДЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ

У "абсорбированных" была одно время смутная надежда на второй съезд олим из СССР, где, как трубила всю израильская печать, можно будет откровенно поговорить об их бедах и перспективах. Что ж, некоторым из моих собеседников довелось стать непосредственными свидетелями попытки министерства абсорбции провести в Беэр-Шеве этот съезд. Попытка эта безнадежно провалилась: начавшийся съезд пришлось прекратить и отложить на неопределенный срок.

Только ли потому был изнутри торпедирован, как выразился министр абсорбции, съезд, что на первых же минутах вспыхнули ожесточенные споры и даже потасовки между теми, кто приехал к богатым родственникам, и теми, кому приходится жить впроголодь? Только ли потому возникли на съезде беспорядки, что делегатские мандаты достались многим подставным лицам, считавшим, что убийство религиозными фанатиками молодого выходца из Латвии — "мелочь", не заслуживающая внимания делегатов? Только ли потому сорвался съезд, что ему предшествовал "черный четверг" в Ашдоде, когда доведенные до отчаяния сотни бывших граждан Советской Грузии воздвигли баррикады, чтобы наконец был услышан их голос протеста против того, что самим сионистским законам пришлось назвать "страшным результатом этнической дискриминации"?

Конечно, все это сыграло свою роль. Но главное — это безнадежный пессимизм, неверие в будущее, безысходное отчаяние, сразу же определившие атмосферу съезда. Как раз накануне открытия съезда руководящие сотрудники министерства абсорбции вынуждены были на пресс-конференции признать, что значительное число олим из СССР заражено желанием покинуть Израиль. Одновременно советнику министерства Эфраиму Ахкраму пришлось признать: "Не менее 23 процентов небольшого числа репатриантов из стран Западной Европы и Америки спустя некоторое время покидают Израиль". Если бы не обтекаемая формулировка, то цифру пришлось бы увеличить по крайней мере до 65 процентов — это было уже тогда широко известно [В восьмидесятых годах эта цифра непрерывно увеличивается, и официальная израильская статистика, попросту скрывает ее].

В такой безрадостной обстановке открылся, а затем быстро и закрылся этот съезд. И те, кто действительно был делегирован бывшими советскими гражданами, сразу же заговорили о презрительном отношении к ним предпринимателей и унижающем человеческое достоинство отношении чиновников, о трагическом положении детворы и отсутствии элементарно пригодных под жилье домов. Даже израильская пресса вынуждена была отметить "главенствующие в зале съезда пораженческие настроения" людей, глубоко разочарованных жизнью в Израиле.

Предполагалось, что Голда Меир выступит "под занавес". Но, пытаясь предотвратить провал съезда, она поспешила произнести речь сразу же после того, как в кулуарах случилось несколько инфарктов с особенно отчаявшимися олим. Именно там скончался

приехавший из Риги Александр Друз, над которым "за строптивость" долго и методично издевались сохнутовцы.

Слова госпожи премьер-министра нелегко было расслышать из-за непрерывных выкриков из зала. Вот почему, не полагаясь на память моих собеседников, я воспользуюсь выдержкой из официального отчета:

"Мне очень больно слышать, с каким упоением и энтузиазмом здесь говорят, что все у нас плохо. Сердце мое переполняется болью, когда я думаю, что в России узнают, что происходит здесь".

Требуется ли лучшее доказательство неизбывной ненависти к печальной израильской действительности, которую принесли с собой на съезд обманутые люди, только еще начавшие вкушать прелести "рая на земле предков"? И требуется ли лучшее доказательство того, на какие ухищрения и провокации идут сионисты — только бы скрыть от человечества и прежде всего от народов социалистических стран истинное положение вещей.

Просматривая израильскую прессу, я вначале поражаюсь странной легкости, с какой самые высокопоставленные лица, вплоть до министров, спешат после провалившегося съезда признать и даже осудить грубость, черствость и изощренный бюрократизм чиновников по отношению к олим из социалистических стран. Своими недоумениями я поделился с известным австрийским публицистом Гансом Волькером, глубоко изучившим трагические проблемы, порожденные пресловутой абсорбцией.

— Самих олим тоже вначале поражает и подкупает подобная самокритика израильских заправил, — услышал я в ответ. — Но потом олим начинают понимать, где тут, как говорится, собака зарыта. Начинают догадываться, что эта "самокритика" — обдуманый коварный прием. Израильским руководителям больше всего на свете не хочется признать перед всем миром, что бывших граждан социалистических стран в Израиле катастрофически разочаровывает сама суть, сама природа израильского образа жизни — и в целом и в мельчайших деталях. Сионистские идеологи ведь прекрасно знают: когда олим начинают вспоминать, что они потеряли, и осознавать, что приобрели, настоящее представляется им мрачным, а на фоне воспоминаний о потерянном — совсем беспросветным. Поэтому сионизм готов свалить все на бюрократизм своих чиновников, на отсутствие жилья, на невозможность получить работу по специальности, словом, на что угодно, только бы не признать своего морального, нравственного поражения, не признать, что для тех, кто жил в социалистической стране, израильская жизнь невмоготу! И еще до смерти не хочется израильским руководителям признать одно — особенно убийственное для их государства — обстоятельство: некоторые профессии, нужные и распространенные во всем мире, даже в так называемых развивающихся странах, отданы в Израиле на откуп людям без должной подготовки и квалификации — таким, кому можно платить жалкие гроши, кто согласен выполнять свою работу, как говорится, между прочим...

Точность этого замечания Ганса Волькера я оценил после того, как выслушал грустный рассказ бывшего румынского гражданина Рахмиеля Константиновского:

— В Лоде, только мы вышли из самолета, нас подвергли положенному допросу сохнутовцы. Я — портной, жена никакой специальности не имеет, и поэтому, когда нас спросили о профессиях, я поспешил не без гордости ответить, что дочь у нас библиотекарь со специальным образованием. Сохнутовец посмотрел на меня так, словно я свалился с луны: "Я вас спрашиваю о настоящей профессии, а вы мне морочите голову каким-то библиотекарем! Скажите лучше, умеет ли ваша дочь делать что-нибудь такое, за что полагается получать жалованье?" Я повторил: дочка имеет диплом библиотекаря и по этой специальности работала десять месяцев до того самого дня, как мы ее заставили поехать с нами на "родину отцов". И тогда другой сохнутовец, видимо, чином постарше, сказал мне: "Если бы она имела даже пять дипломов и работала библиотекарем хоть тридцать лет, такой специальности у нас не существует, зарубите это у себя на носу! Следить за тем, чтобы читатели не воровала книги, и записывать, кто какую книгу на сколько дней берет, — для этого никакого диплома не требуется, на это годится любая девчонка, и не придется платить

настоящее жалование". Дочь пыталась возразить сохнутовцу. Она говорила о рекомендательных списках, об умении составлять аннотации, но сохнутовец ее не слушал. "Раз больше ничего делать не умеешь, прикрикнул он на нее, — мы запишем в регистрационном бланке "неквалифицированная чернорабочая". Дочка расплакалась, и после долгих уговоров сохнутовец согласился зарегистрировать ее ночной сиделкой. Это была первая из многих горьких пилюль, которые мне пришлось проглотить в Израиле.

В разговор вмешивается жена Константиновского:

— Вскоре мы узнали, что в Израиле не регистрируют новоприбывших и с другими специальностями. Мы встретили там своего бывшего земляка, он в Яссах несколько лет работал киномехаником. Закончил специальные курсы, а потом еще учился для повышения квалификации. А в Ашкелоне на бирже труда ему сказали: "Не хитри, найдется немало умных, чтобы получить такую чистенькую работу. Вот если бы ты сказал, что привез достаточно денег, чтобы купить собственный кинотеатр, это другое дело. В кинобудке надо не работать, а только подрабатывать. И никаким киномехаником мы тебя не регистрируем. Мы видим тебя насквозь: ты хочешь с этой специальностью числиться вечным безработным, а потом потребовать, чтобы тебя обучили настоящей профессии за казенный счет. Нет тут таких дурачков!" И этот молодой человек кем, вы думаете, работает? Грузчиком в порту.

КТО УБИЛ МИРОНА ГЕНДЛЕРОВА

Стремление во что бы то ни стало разъединить семью приводит иногда к чудовищным последствиям.

Мне довелось ознакомиться с показательным в этом смысле документом — собственноручным письмом израильского публициста А.И. Клейнера, по настойчивым вызовам которого с Украины приехало более двадцати совершенно незнакомых ему людей. В нарушение установленного порядка Клейнер позволил себе написать письмо министру абсорбции по-русски, ибо сей сионистский деятель за многие годы пребывания в Израиле писать на иврите так и не научился. Дословно, не меняя ни одной запятой и сохраняя все подчеркивания отправителя, привожу отрывки из этого письма:

"Посылая тысячи вызовов евреям в СССР, мы в каждом из них повторяем, что надеемся на гуманность советских властей, которую-де они обязаны проявить, понимая, насколько человеколюбие обязывает сделать все для объединения разрозненных семей".

Так пишет израильский публицист, но я не могу не проиллюстрировать точной цифровой справкой истинную подоплеку этого "човеколюбия по-израильски". Из 72 беженцев, с которыми я беседовал на эту тему в Вене, только 19 выехали в Израиль по вызову известных им родственников. 28 человек до получения вызова ничего не знали о своих израильских родственниках, а для всех остальных вызовы были сфабрикованы от придуманных родственников.

Оттолкнувшись от фарисейских рассуждений о человеколюбии, раскаявшийся "вызывала" Клейнер переходит к фактам:

"А вы, господин министр, и руководимый вами аппарат, думаете ли об объединении семей? _Стыдно и душевно больно видеть_, что о той гуманности, которую мы справедливо требуем от советских властей, здесь _никто и не помышляет_. Более того, прибывающие сюда семьи здесь часто _разъединяют_. Это звучит дико, но, к великому сожалению, _это так_. Приведу примеры: из Киева прибыла семья Аранович — отца и мать отправили в Нагарию, а сына с невесткой — в Ашдод: надо добавить, что невестка в последних месяцах беременности и особо нуждается в материнском взоре. Что же получилось? Вместо того чтобы осваивать жизнь в Израиле (а вам известно, как это нелегко), семья вынуждена обивать всевозможные пороги (а аппарат абсорбции в совершенстве усвоил метод отсылки от одного ко второму), чтобы добиться обратного воссоединения.

Еще пример — пример классической алии [Модное в израильской пропаганде словечко,

которым обозначают "возвращение" евреев всего мира "к Сиону". — Ц.С.]. Из Украины выехала в Израиль семья, состоящая из четырех поколений: прабабушка, возраст — 82 года, правнучка возраст 3 года, 2 человека второго поколения. Что здесь с ними сделали? Прабабушку Миндлю Иделевну Хазине и внука инженера Гильбурда Моше отправили в Цефат, остальных трех членов семьи третьего поколения отправили в Ашкелон. Не знаю, куда точно отправили дочь Миндли с мужем, но знаю, что они не вместе. Теперь они все заняты помыслами о воссоединении. Боюсь, что они не особенно благодарны мне за посланные им вызовы.

Третий случай — это уже трагедия, которая и заставила написать меня это письмо..."

Нет, об этом "случае" — о трагедии Мирона и Брони Гендлеровых — я не вправе рассказывать словами Клейнера, это было бы кощунством! Ведь в письме министру абсорбции Клейнер выгораживает себя и умалчивает о том, что сам он не мог не предвидеть страшный и бесчеловечный финал этой трагедии.

Родственники Мирона Гендлерова переехали на территорию нынешнего израильского государства еще задолго до второй мировой войны. И поныне им живется не очень сладко. Потому-то и не решались они вызвать к себе Мирона и его жену Броню. Эту миссию охотно взял на себя "сердобольный" Клейнер, хотя прекрасно знал, что Мирону при его тяжелой инвалидности требуются особые условия, особый уход.

Проживая перед гитлеровским нашествием на Польшу в Белосгоке, Мирон был схвачен оккупантами и брошен в Освенцим. Чудом бежав из нацистского лагеря смерти, он в рядах польский воинов сражался против фашистов. Долго пролечившись в нашем прифронтовом госпитале, остался в Советском Союзе.

"Там, — с деланным изумлением признает Клейнер, — все же Мирону дали хорошую квартиру, автомашину с ручным управлением, большую пенсию, кроме того, его обучили специальности ротаторщика, он прилично зарабатывал (сверх пенсии) до момента вызова в Израиль".

В Израиле Гендлеровы соглашались на самое неприхотливое жилище только бы в Иерусалиме или Тель-Авиве, где проживают их родственники. Но сохнутовцы и чиновники мисрад аклита (местного отделения министерства абсорбции) решили, что поселить малоценный "человеческий материал" в крупном городе — это слишком дорогая роскошь. Они заставили Гендлеровых уехать в неблагоустроенный еще городок Тират-Кармель. Там, не имея подле себя ни одного близкого человека, не зная ни единого слова на иврите, вынужденный экономить каждую монетку, безработный Гендлеров впал в депрессивное состояние.

Родственники пытались разжалобить чиновников министерства абсорбции. Пытался протестовать и Клейнер, припертый к стене укорами Гендлеровых, которым он обещал в Израиле жизнь, "подобную жизни в эдемском саду". Он пытался убедить чиновников министерства, что Гендлеровых "в виде исключения" надо действительно воссоединить хоть с кем-нибудь из семьи.

"Но, — вынужден сейчас признать Клейнер, — стальную стену бюрократизма и равнодушия нам пробить не удалось. Один из руководящих работников министерства, которого я лично (по-видимому, незаслуженно) уважал, когда я ему выразил свое возмущение этим твердокаменным равнодушием к судьбе несчастного еврея, мне ответил: "Ну что же, если он хочет жить вместе с родственниками, пусть они купят ему квартиру".

Клейнер умалчивает, как одна из его бурных размолвок с Гендлеровым довела того до нервного припадка. Он был глубоко потрясен, узнав, как эмиссары израильского сионизма в западноевропейских странах охотно блокируются с теми, в чьем идеологическом арсенале не последнее место занимает антисемитизм. Клейнер, однако, злобно и упорно отрицал это.

— Напрасно! — хотелось бы мне, автору этих записей, бросить в лицо клеветнику сионистской выучки. Я припомнил бы ему только один эпизод, происшедший на моих глазах в дни Мюнхенской олимпиады.

В воскресенье, 3 сентября 1972 года, близ Мюнхена, на лагерной площади в Дахау, где

гитлеровцы замучили в каторжном застенке сотни тысяч узников, в том числе евреев, была сделана открытая попытка сорвать интернациональный траурный митинг молодых олимпийцев. С кем же сблокировались для этой гнусной цели баварские сионисты и прибывшее к ним пополнение? С неонацистами из профашистских западногерманских групп и с остатками украинского националистического отребья, прославляющего имена Петлюры и Бандеры.

Следовательно, Гендлеров имел все основания не верить Клейнеру.

А вскоре, потеряв последнюю надежду на элементарное внимание к своей тяжелой судьбе, Мирон с трудом добрался до Хайфы, чтобы бросить в лицо своему "благодетелю" Клейнеру:

— Душегуб! Продажный наемник! Зачем вы затащили меня в этот ад? Выхода у меня нет. Так жить я больше не могу! И не буду!

Через несколько дней Гендлеров скончался. Инфаркт — гласил врачебный диагноз.

"У меня другое соображение по этому вопросу (у Мирона было абсолютно здоровое сердце), — прозрачно намекает министру Клейнер, но так или иначе _эта смерть на совести_ некоторых работников мисрад аклита в Хайфе и министерства".

Свое письмо министру абсорбции Клейнер писал, "чувствуя себя ответственным" за судьбу вдовы Мирона Гендлерова.

Вдова не могла вернуться в Тират-Кармель, где все ей напоминало о гибели мужа. Пять месяцев скиталась она по разным городам и чужим квартирам, куда из жалости ее пускали на несколько дней. Она обращалась к министру Натану Пеледу, к его заместителю Гилелу Ашкинази, ко многим чиновникам.

Тщетно!

Особенно изощренно издевалась над больной вдовой личная секретарша заместителя министра Хая Грабская. Ревностная чиновница приказала вахтеру не пускать Броню Гендлерову в здание министерства и пригрозила несчастной женщине принудительной высылкой в Тират-Кармель под конвоем.

Угрозу эту не привели в исполнение только по одной причине: Гендлерова сошла с ума и попала в психиатрическую лечебницу.

ЦЕНА ДУШИ — ДВЕСТИ ЛИР

Рая встретила свою сестру Броню, приехавшую в Петах-Тиква вместе с мужем Львом Яковлевичем Капланом, неприкрыто насмешливым восклицанием:

— А-а, с приездом, два новых мученика для "Сохнута"!

— Ты же писала, что нас ждет здесь райская жизнь, — ответила ошеломленная Броня.

— А почему другие приезжают сюда мучиться? — злорадно откликнулась Рая.

— Ты же знаешь, как хорошо мы жили в Вильнюсе, — продолжала сестра. — Квартира у нас была просторная. Лева несколько месяцев в году прирабатывал к пенсии. Оба сына помогали нам, хотя мы отказывались от их денег...

— Здесь тебе не придется отказываться, — оборвала сестру Рая. Здесь ты будешь мучиться. Но зато на земле наших предков. Это должно быть тебе утешением, если не забыла еще, что ты еврейка.

Разрыдавшись, Броня выбежала во двор. Равнодушные к ее слезам соседи занимались своими делами: кто развешивал белье для просушки, кто сколачивал сломанный столик, кто торопливо дочитывал купленную в складчину газету. И только один старик старался утешить олу.

— Зачем сестра так сделала? — восклицала сквозь слезы Броня.

— Как зачем? — с горькой усмешкой ответил ей старик. — Она ведь заработает на вас.

— Политический капитал? — попытался уточнить подошедший Лев Яковлевич.

— Почему политический? За то, что вы вдвоем приехали сюда по ее вызову, она получит денежную премию. Двести лир за душу.

После паузы старик продолжал:

— Политический капитал Рая тоже заработает на вас. Она ведь слывет активной сионисткой.

— Не может быть, — недоверчиво заметил Каплан. — Рая никогда не интересовалась политикой.

— Она и теперь интересуется не политикой, а деньгами. Она "кэсэф-сионистка".

"Кэсэф" на иврите означает деньги. И людей, старательно рекламирующих свои сионистские убеждения с одной только целью извлечь из этого материальные выгоды, в Израиле величают "кэсэф-сионистами".

Потом Капланы узнали, что они далеко не первые, кому материально стимулируемые Рая с мужем послали вызов. Правда, муж Раи с достоинством утверждал:

— Не думайте, эти деньги не из казенного кармана. Нет, нет! Нам платят из благотворительных средств частных филантропов...

Ну, в точности, как в грустном анекдоте, бытующем среди тех, кто, побывав в Израиле, не пожелал стать гражданином этого государства:

"Кого можно назвать истинным сионистом? Еврея, который за деньги другого еврея сумел вызвать в Израиль третьего еврея".

Впрочем, Рая и ее супруг могут обидеться, если им скажут, что они сионисты. Сейчас среди сионистов более модно именовать себя социалистами. Один из наиболее распространенных аргументов подобной трансформации звучит так: смотрите, мол, Голда Меир ездила в Европу не на сионистские конгрессы, а на конференции социалистического интернационала, причем не рядовым гостем, а влиятельным участником!

Утверждая, что премии за "вызванных" платит не государство, муж Раи не солгал. Действительно, израильский так называемый "общественный комитет помощи советским евреям", организующий в массовом масштабе вызовы в Израиль от мифических родственников, субсидируется частными организациями и щедрыми заокеанскими меценатами. Одна из активисток хайфского филиала этого комитета, Дора Фишер, проболталась своим подопечным, что львиную долю субсидий составляют "благотворительные пожертвования из-за рубежа".

На сребреники этих "благотворителей" сионисты мошенническим путем, применяя заранее обдуманый обман, из одной страны в другую заманивают и перепродают людей для удешевления в Израиле рабочей силы, для пополнения армии агрессора.

И подобное возрождение зверских повадок работорговцев эти "благотворители" еще смеют прикрывать разглагольствованиями о Декларации прав человека, принятой Организацией Объединенных Наций...

Возвращаясь к чете Капланов. Они вскоре убедились: все, о чем писала им проживающая в Израиле "кэсэф-сионистка", оказалось чистой выдумкой. Принадлежащий ей "роскошный ресторан" оказался крохотной и смрадной столовкой для рабочих близлежащей фабрики. Значительную прибыль владелица выгадывала на том, что полицейские сквозь пальцы смотрели на непрерывные нарушения санитарных правил и порядка торговли: этим они оплачивали Рае слежку за рабочими, среди которых было несколько коммунистов.

Льву Яковлевичу тут же было дано задание: прислушиваться ко всему, о чем говорят рабочие, особенно если за столиками сидят коммунисты. А своей не очень-то здоровой сестре Рая определила непосильную роль "девушки для всего" — на задымленной и совершенно не проветриваемой кухне.

Капланы решили покинуть Израиль как можно скорее, пока долговая петля еще не совсем затянула шею.

Капланы бомбардируют слезными письмами сыновей — слесаря в Вильнюсе и музыканта в Минске, которые настойчиво предостерегали родителей от шага, погубившего их жизнь.

— Ах, почему я не послушалась сыновей! — безуспешно пытается сдержать поток слез

Броня Каплан. — Лучше бы я попала под автобус, чем ехать в Израиль! — И тихо, но с большой внутренней убежденностью добавляет: — Как много там недобрых людей! Жизнь, видно, учит этому. Кто знает, может быть, и я там стала бы такой же...

— Мне стыдно написать сыновьям, что израильское государство оценило их родителей по двести лир задушу, — признается Лев Яковлевич.

Беседуя с Капланом, я еще не знал, что будь он квалифицированным работником дефицитной для Израиля специальности да еще молодым, за его вызов заплатили бы не двести, а даже целых триста лир!

ЖЕНЫ "НЕЧЕСТИВЫЕ"

За вызов Ици Гиршовича Меирсона его родственникам не заплатили, вероятно, и двухсот лир. В самом деле, зачем "великому" Израилю нужен немощный человек! Это в Риге Меирсон мог весьма неплохо жить, получая пенсию инвалида Отечественной войны и выполняя на фабрике "Садарс" легкую работу да еще при укороченном рабочем дне.

Но родственники в Израиле с иезуитским упорством изводили его старую мать:

— Неужели ты сможешь спокойно умереть, зная, что твой Иця женат на латышке? Неужели ты не исполнишь веление нашей веры и не разлучишь их?

Старушка пыталась переубедить окружавших ее религиозно настроенных израильтян. Иця живет с женой двадцать восемь лет, напоминала им она. Именно заботам жены обязан он тем, что перестал быть лежачим больным.

Такие человеческие доводы не тронули правоверных фанатиков. Они в конце концов заставили старушку написать Ице, что она приговорена врачами к смерти и хочет, чтобы родной сын закрыл ей глаза после кончины.

И сын незамедлительно выехал к матери.

Но приехал он к ней — какой позор для сына израилева! — с женой-иноверкой. Не решилась жена отпустить полуслеплого мужа одного на далекую чужбину.

Скандал выплеснулся на улицу.

Ицю с "нечестивой" женой родственники не пустили на порог своего дома. И безжалостно потребовали:

— Прогони ее! Разведись! Тебе не потребуется даже тревожить для этого раввина — ваша загговская бумажка здесь не имеет никакой цены.

Меирсон пытался усюветить родственников:

— Разве могу я оставить жену? Мы прожили вместе более четверти века! И как она будет жить одна на чужбине?

Последовал спокойный, деловой ответ:

— Не пропадет. Если подмажет щеки и как следует укоротит юбку, сможет подработать проституцией.

Иця Меирсон с женой пытались покинуть Израиль на следующий день. Но выданная ему "Сохнутом" пресловутая "голубая книжечка" была уже испещрена долговыми записями. Учтено было все — от билета на самолет из Вены в Израиль до обедов в "курортной тюрьме", как принято было называть в Вене замок Шёнау.

Чтобы как-нибудь просуществовать, Меирсон пытался устроиться на работу. Некий мелкий фабрикант сжалился над ним и согласился взять его в ночные сторожа. Разумеется, с пониженной зарплатой. Меирсон с радостью согласился.

Но его правоверные родственники многозначительно предупредили "филантропа":

— Неужели вы решитесь взять на работу еврея, осквернившего себя браком с иноверкой? А поглядят ли вас за это по головке?

Иця работы не получил. От голода в стране правоверных его спасла "иноверка", не гнушавшаяся никакой — самой черной, самой изнурительной поденщины.

Встретившись с Меирсоном в Вене, я спросил его, на какие средства живет он в этом городе.

— Если бы не жена, — прослезился он, — меня уже не было бы в живых...

Спустя несколько дней я побывал в печально известном доме на Мальцгассе, где

ютилось большинство беженцев[Ныне эти ужасавшие туристов трущобы, прозванные самими жителями австрийской столицы "позором Вены", снесены.]. Окруженный шумливой толпой плачущих взрослых и стайкой детей с недетской печалью в глазах, я заметил немолодую женщину, молчаливо стоявшую в сторонке. Это была жена Меирсона.

Я спросил ее, как ей удастся в Вене прокормить себя и мужа. Она просто ответила:

— Мне никакая поденка не страшна. Я крестьянка. — И, впервые за всю беседу вздохнув, закончила: — Нельзя представить себе, как издевались над нами в Израиле!

Да, помимо всех обычных прелестей "земли обетованной", Меирсоны еще сполна испытали на себе фанатически яростное неприятие сионистами смешанных браков.

О крайней степени этого неприятия можно судить по словам, услышанным новоприбывшими в городе Димоне от представителя местной общины:

— Смешанные браки можно лечить только хирургически: разорвать пополам и нечестивую половину отбросить!

Потому-то, видно, земляк Меирсона Иосиф Подкамень сначала не очень афишировал в Израиле, что оставил в Риге жену-латышку.

Правда, кое-кто из сообразительных родственников советовал ему сыграть на этом обстоятельстве и, как говорится, сделать карьеру:

— Напиши письмо в газету, что ты уехал в Израиль еще и для того, чтобы навсегда разойтись с женой-иноверкой. Это привлечет к тебе внимание. И ты даже сможешь вступить в какую-нибудь влиятельную партию.

Подкаменю посчастливилось найти работу по своей специальности механика по ремонту и наладке ткацких машин. Это действительно редкое везение. Например, в городе Митдал-Хаэмин девушку, закончившую железнодорожный техникум, послали на проводочный завод, а фельдшером — на плантации цитрусовых.

Высокая квалификация Подкаменя пришлась по вкусу владельцам ткацкой фабрики, его упорно не хотели отпускать из Израиля. Помимо обычных угроз сохнутовцев и зловещих предостережений насчет того, что в Советском Союзе каждого возвратившегося из Израиля якобы ждет тюрьма сроком минимум десять лет, на Подкаменя пытались воздействовать еще таким аргументом:

— Сегодня мы распоряжаемся вашей судьбой, а через несколько лет вы будете распоряжаться чужими судьбами. У вас золотые руки, в Израиле вы в конце концов откроете собственное дело.

Но Иосифу было не до этих посулов. Его уже волновало другое: как же он мог поддаться увещаниям "добренских" советчиков, что жена-латышка не может быть верным другом мужу-еврею, что настоящую жену-друга он найдет только в Израиле? А там родственники уже нашептывали ему:

— Только у нас жена действительно неотделима от мужа. Оставшись вдовой, она даже не имеет права выйти замуж без разрешения мужниного брата или его родственников!

Вокруг Подкаменя уже стали роиться непрошеные свахи. Его приглашали на сборища сионистов, подчеркивая, что среди них немало одиноких женщин. Широко рекламируемое израильской прессой бюро сватовства под названием "голда" прислало к Иосифу своего назойливого агента.

И Подкамень бежал из Израиля. Бежал, оставив в полном недоумении и "ласковых" хозяев, и фанатичных родственников.

В Вене свободное время Подкамень посвящает переписке с женой. Она работает на одном из рижских заводов, составляющих славу латвийской промышленности. В обшарпанной комнатухе на Мальцгассе, где Подкамень снимает угол, читает и перечитывает он письма из Риги и тут же строчит ответы — не очень короткие.

— Знаете, — говорил мне со вздохом Иосиф Подкамень, — около дома на Мальцгассе меня иногда подлавливают сохнутовцы и агенты венской сионистской организации. Они меня стараются убедить, что если меня пустят в Советский Союз, то все равно попаду под суд. Они не знают, что самым страшным судом я уже осужден. Самим собой.

"МАМА, КТО ЭТИ ТЕТИ?.."

В тот весенний вечер сорокалетний инженер Игорь Израилевич Злоцкий, бывший сотрудник московского Гипрокино, вышел на улицы Тель-Авива в далеко не отличном настроении. Только что ему объявили, что утром он должен отправиться в город Натанья для шестимесячного обучения языку иврит в тамошнем ульпане — так называются эти специальные курсы для олим.

— Вам повезло, — бодро сказал Злоцкому чиновник мисрада. — Не будь вы строителем, вам еще не одну неделю пришлось бы ожидать направления в ульпан. Правда, должен вас предупредить, — доверительно продолжал чиновник, — директор ульпана недавно специально протелефонировал нам, чтобы к нему присылали поменьше олим из Советского Союза. Во-первых, они своим мрачным настроением действуют ему на нервы, а во-вторых, господин директор просто... не очень уважает советских евреев. А вы, как назло, из самой Москвы. Так что постарайтесь произвести на него хорошее впечатление.

Но к тому моменту израильский образ жизни успел уже произвести на Злоцкого столь отвратительное впечатление, что он сейчас думал не о директоре натанийского ульпана.

Инженер досадовал на самого себя: как же он не догадался, что письмо, полученное им от богобоязненной тещи, о том, что у его бывшей жены Галины, уехавшей в Израиль, отнялись ноги от тоски по оставленному мужу, что Галя без него угасает, — все это было продиктовано хитро задуманным планом. Мать и дочь решили любой ценой заполучить в Израиль Игоря, с которым, кстати, Талина Эйнаховна легко и без всяких переживаний развелась перед отъездом к матери...

...Подавленный невеселыми мыслями, Злоцкий вышел на каменную набережную Гаяркон. Он даже не замечал мелкого, назойливого дождя, разогнавшего прохожих.

Вдруг кто-то преградил Злоцкому дорогу. Подняв глаза, Игорь Израилевич увидел немолодую, ярко накрашенную женщину, до предела декольтированная, она пыталась соблазнительно улыбаться.

— Пойдем со мной, — услышал Злоцкий ее жалобный голос, — я тебя развеселю. — Сказано это было, кстати, на идиш: тель-авивские проститутки, как лица неофициальные, не считают для себя обязательным зазывать клиентов на иврите.

Но успел Злоцкий опомниться, как послышался голос более юной конкурентки:

— Зачем такому красивому мужчине старуха! Он пойдет со мной. Она взяла Злоцкого под руку. — Правда?

Тут же к Злоцкому поспешили еще две женщины. Злоцкий резко выдернул руку и побежал. Вслед ему неслись восклицания, дословный перевод которых печатные страницы не выдерживают.

И лишь самая юная проститутка, пытаясь догнать ускользнувшего клиента, кричала:

— Ты, наверно, сейчас занят. Приходи сюда в пятницу вечером. Я буду ждать!

Уже потом Злоцкому объяснили, что пятничный вечер — это своеобразные часы "пик" для женщин вроде той, что пыталась его догнать на набережной Гаяркон. В эти часы вплоть до субботней полуночи все на израильских улицах замирает. Покорные законам религии, владельцы закрывают рестораны, магазины, кинотеатры. Автобусы не ходят. Делом заниматься нельзя. А проститутки стараются максимально использовать эти часы.

— Получается, религиозные правила распространяются на все, кроме проституции, — удивился по прибытии в Израиль бывший житель Ташкента Урман. — Куда смотрит всеильный раввинат? Подумайте, как я могу объяснить моей восемнадцатилетней дочери, что у вас поощряется проституция?!

Хитро подмигнув, тель-авивский парикмахер из старожиллов успокоил наивного оле:

— Скажите вашей дочери, что даже в священных книгах говорится о наложницах. Правда, тем платили дорогими тканями и драгоценными камнями, а не лирами. А что касается субботнего дня, то священные книги запрещают в день субботний прикасаться

только к жене своей и рабыне. Насчет проституток там ничего не сказано.

Лею Шор из Кишинева поразила покорность, с которой коренные израильтянки мирятся с проституцией, все шире и шире растущей.

— Ничего не поделаешь, мужчины есть мужчины, — слышала не раз Лея. — Проститутка в конце концов не такое дорогое удовольствие. Гораздо хуже будет, если мужчина заведет себе любовницу — вот это дорого обойдется жене и детям.

Откуда все-таки у большинства израильтянок такое смиренное терпение к явлениям, посягающим на их семейный очаг? Ответом на этот вопрос могут стать документальные признания депутата кнессета Хайки Гроссман. В них говорится, как министерство религии (а это одно из самых влиятельных израильских учреждений) настойчиво узаконивает любые изуверские наставления талмуда о полной зависимости женщины от мужчины.

"Имеется немало молодых вдов, — отмечает Хайка Гроссман, — мужья которых пали в шестидневной войне и которые ради "халицы" (разрешения от родных покойного мужа на вторичное вступление в брак) вынуждены платить разоряющий их выкуп родственникам покойного. Они делают это по совету раввина, так как у них нет другого адреса для разрешения этой проблемы, неведомой ни одному другому государству". В упомянутом документе говорится и о трагическом положении брошенных мужьями "агун" (соломенных вдов), лишенных права даже помыслить о создании новой семьи, и об унижительной для женщины церемонии "явум" — бездетная вдова по принуждению становится "ущербной" (то есть законно бесправной) женой брата покойного мужа.

Может быть, более независима в Израиле женщина с высшим образованием, так называемая академаим? Убедительный ответ дает такое, к примеру, объявление в газете "Наша страна":

"Для моей дочери, 27 лет, рост 1,6, разведенной, _очень красивой_, с высшим образованием, с собственной квартирой и машиной, _ищем_ хорошего человека высшим образованием в возрасте до 35 лет. Просим писать нам по адресу: Раанана, почт. ящик 138".

Только горькую улыбку может вызвать упоминание о высшем образовании невесты, рекламируемой с целью выгодной продажи. Ведь это объявление словно нарочно помещено под интервью советника министерства-абсорбции, где он отмечает "весьма тяжелые осложнения" в трудоустройстве академаим, особенно женщин, и предсказывает, что в ближайшее время следует ожидать катастрофически массовой безработицы среди олим с высшим образованием и опять-таки "особенно среди женщин".

Значит, далеко не случайно в числе женщин, чьи фотографии можно увидеть в альбомах наиболее уважаемых домов свиданий, есть немало академаим!

А министерство религии продолжает утверждать, что моральным устоям общества угрожает вовсе не проституция, а смешанные браки, столь обычные для семей бывших советских граждан.

Можно ли после этого удивляться стремительному росту проституции в Израиле?

Выборочные социологические обследования показывают, как резко с каждым годом увеличивается число подростков, вступающих в связь с проститутками. Вот как в городе Герцлие компания местных школьников "мило подшутила" над стариком, бывшим жителем Черновиц, приехавшим в Герцлие по делу. Старик попросил показать ему гостиницу поскромнее, где с него недорого возьмут за ночлег. Юнцы участливо вызвались проводить почтенного незнакомца в самую дешевую гостиницу города. Поблагодарив провожатых, старик спокойно вошел в вестибюль.

Тут же он был окружен стайей полуголых молодых женщин. Испуганный старик метнулся к стойке, за которой стоял пожилой человек — то ли владелец, то ли приказчик. Он деловито осведомился у старика:

— Вам комнату на время? Или на всю ночь?

Как не трудно догадаться, молодые шутники привели старика в замаскированный под гостиницу публичный дом.

Об этих и подобных им эпизодах беженцы рассказывали не для зубоскальства. Ведь

многие приехали в Израиль с молодыми дочерьми. Можно себе представить состояние родителей девушек, лишенных возможности учиться и не сумевших найти работу.

— Не мог же я держать дочь целый день взаперти в четырех стенах, да еще обшарпанных, — невесело вспоминает Михаил Урман. — Когда она говорила мне, что пойдет прогуляется, у меня сердце замирало!

Встревоженные родители к тому же успели приметить юрких маклеров, оценивающим взглядом рассматривающих новоприбывших девушек. Один из таких "посредников", готовых "устроить судьбу" девушки, как-то подкатился к супругам Шор:

— Неужели вашей дочери всего пятнадцатый год? Ей-богу, ее сложению позавидует двадцатилетняя. Наверно, девушке хочется модно приодеться и потанцевать в шикарном ресторане. Не мешайте же ей в молодости порезвиться...

Нелегко в такой обстановке воспитывать детей. Что могла ответить Клара Розенталь своей дочурке Тане, когда девочка засыпала ее вопросами:

— Мама, кто эти тети с папиросками? Почему они стоят по вечерам на улице? Почему хватают за руки почти каждого дядю? Разве их дочкам не страшно дома, когда мамы на улице?

А что могла сказать своей двенадцатилетней дочке женщина из Черновиц, когда на глазах девочки произошел такой случай?

Поезд шел из Беэр-Шевы в Хайфу. Среди пассажиров набитого до отказа общего вагона было несколько молодых женщин в воинской форме. Девочка с восхищением разглядывала блестящие пуговицы и яркие нашивки на их мундирах.

Взрослых же, в том числе и Зельмана Хаимовича Шаптеваня, бывшего сотрудника кишиневского "Молплодоовоща", поразило другое: именно эти девушки на глазах у детей с откровенной вульгарностью заигрывали с молодыми пассажирами. А затем уединялись с ними в купе, с грохотом защелкнув дверной замок. Одна пара сменяла другую.

Наконец какой-то пожилой мужчина не выдержал и возмущенно воскликнул:

— Какие бесстыдницы! Хоть бы детей постыдились!

И тут в разговор вмешалась молодая женщина, нехотя оторвавшаяся от увлекшей ее книжки:

— А что тут страшного! Армейские девушки могут себе это позволить. Не так часто им дают отпуск. А главное, в их воинский паек входят такие, слава богу, проверенные противозачаточные средства, которые в обычных аптеках не всегда купишь. А если и можно достать, то цена ой как кусается! Нам они не по карману.

БОЛЬШИЕ ГОРЕСТИ МАЛЕНЬКИХ СЕРДЕЦ

Адрес получателя: город Беэр-Шева, Шикун далед (Рамбан), 44, Уманской Майе.

Адрес отправителя: Тель-Авив, секретариат премьер-министра государства Израиль.

Дрожащими пальцами Майя Уманская распечатала долгожданный пакет. Пробежала глазами несколько строчек. Бессильно опустила руки.

Почему бухгалтер Уманская, оставившая с двумя дочерьми родной Киев, вынуждена была обратиться лично к госпоже Голде Меир?

Четырехлетняя дочь Майи, и без того не очень-то здоровая, сильно простудилась и опасно заболела. Зная, что олим имеют в течение первых шести месяцев право на льготное лечение, Майя отвезла дочку в госпиталь.

Девочку там оставили. Но шесть дней спустя вызвали мать.

— У вашей дочки заболевание хроническое, заберите ее домой.

Мать обомлела. Куда она может взять больного ребенка? Ведь у нее нет квартиры в самом скромном понимании этого слова. Зима. Погода меняется чуть ли не каждый день: то из пустыни Негев дуют сухие ветры, то моросит холодный дождь. А простуда грозит девочке серьезными осложнениями.

Уманская отказалась забрать больную дочку из госпиталя. Тогда госпитальная

администрация вызвала полицейских. И те немедленно выдворили больного ребенка из здания госпиталя.

К кому бы ни обращалась обезумевшая от горя мать, все только разводили руками: хронических больных бесплатно в госпитале не лечат, порядок есть порядок!

Уманская обратилась в кнессет — израильский парламент. Вскоре прибыл ответ, полностью повторявший то, что женщина слышала в местных учреждениях.

Соседки посоветовали Майе:

— Напиши лично Голде Меир! Она не только премьер-министр, но и мать. Она отзовется на твое безвыходное положение, она поможет тебе.

Что ж, мать "помогла" матери.

Секретариат госпожи Меир известил Уманскую, что госпожа премьер-министр не располагает, к сожалению, возможностями сделать исключение из существующих правил, введение которых вызвано весьма недостаточной еще сетью лечебных учреждений.

В коридорах министерства здравоохранения, куда обращалась Майя Уманская, можно было встретить грустного пожилого мужчину, с отчаянием бросившегося из одной комнаты в другую. Что же привело его, приехавшего из Венгрии продавца, в министерство?

Продавца с семьей поселили в одном из поселков близ Мертвого моря. Вскоре одновременно заболели двое детей. Врачи определили:

— На детей губительно влияет здешний климат. Им надо жить в более зеленой зоне.

А один из врачей доверительно добавил:

— Честно говоря, сердечно-сосудистой системе ваших детей вообще не подходит климат нашей страны.

Отец обратился с заявлением в иммиграционные органы: либо переселите меня в один из озелененных городов, либо разрешите выехать из Израиля.

Над ним злорадно посмеялись:

— Какой ты умник! Еще до тебя барон Ротшильд говорил, что под наше государство выбрали территорию с неважным климатом. Барон считал, что Израилю лучше было бы расположиться на земле Уганды. Но теперь уж не умничай: если ты приехал в Израиль, то будь любезен жить там, где Израиль находится.

— Мои дети могут стать инвалидами, — взмолился отец.

— А ты закаляй их, — посоветовали ему. — Не надо воспитывать неженков.

Как и Майя Уманская, отец двух больных детей не нашел поддержки и в министерстве здравоохранения...

Многие олим приехали в Израиль с детьми. Большинство родителей, как рассказывает Борис Левит, рассуждали так:

— Дети легко отвыкают и еще легче привыкают. Им будет легко акклиматизироваться.

Оказалось, труднее, нежели взрослым. Но всего труднее детям, родившимся в социалистической стране, свыкнуться с моральным климатом Израиля.

Юра Мамествалов родился 12 апреля 1961 года. И, естественно, он гордится тем, что носит имя первого в мире космонавта, покорившего космическое пространство в день его рождения. Какое отчаяние овладело мальчиком, когда в израильской школе его имя было признано "нееврейским"! Мальчику предложили выбрать себе другое, истинно еврейское имя, Юра, конечно, отказался. Тогда учительница сказала ему:

— В моем классе ты будешь не Юра, а Юдко. Потрясенный мальчик несколько дней не ходил в школу.

Приблизительно то же самое и по такому же поводу пришлось выдержать и подростку из Львова Юре Ковригару.

Одиннадцатилетним близнецам Игорю и Олегу Кароль из Минска пришлось превратиться в Игала и Эли. Мальчики взволнованно спрашивали взрослых:

— Разве наших имен надо стыдиться?..

Дети, приехавшие из Советской страны, с нескрываемым ужасом глядят на своих сверстников, обучающихся в религиозных школах. Их внешний вид производит зловещее

впечатление на ребят. Мальчики обязаны носить черные сюртуки и шляпы. А девочки даже в жару облачены в платья до пят и черные чулки.

Но именно при религиозных школах созданы интернаты. И по материальным соображениям некоторые семьи принуждены отдавать детей в такие школы. Это вызывает отчаянный протест ребят. Когда Рите Шор показалось, что ее пошлют учиться в религиозную школу, с ней случился истерический припадок.

А сколько горьких слез пролили минувшей осенью детишки, привезенные на "землю отцов" из Советского Закарпатья! Сочтя их родителей наиболее "податливым материалом", власти срочно создали ульпан — интернат специально для этих детей. В официальном объяснении было сказано, что он создается "для изучения иврита и иудаизма детьми в возрасте от 6 до 14 лет". Родителям отданных в религиозную кабалу детей были обещаны кое-какие материальные блага. На широковещательные объявления родители не откликнулись — и тогда по заранее подобранным адресам стали ходить представители раввината в сопровождении вербовщиков из специализированного ульпана. И напуганные дети несколько дней кряду боялись высунуть нос на улицу — вдруг схватят вербовщики да насильно увезут в ненавистный интернат!

Подобные факты показывают, что своих новых граждан религиозные власти Израиля настойчиво пытаются с юных лет отторгнуть от всего человеческого, от полнокровной, содержательной жизни.

О том, какой махровый шовинизм процветает в Израиле, можно судить по тем мучительным унижениям, на которые приходится идти матерям-иноверкам ради того, чтобы их детей считали рожденными от еврейки и признали полноправными израильскими гражданами. Ранее проживавшая в Риге Любовь Гордина встретила в Израиле молодую женщину, вынужденную омыться в ритуальной бане при нескольких мужчинах представителях раввината. После этого унижительного ритуала, без проведения которого ее не сочли бы обращенной в иудаизм, женщина поседела.

Откуда бы ни привезли ребят — из Литвы, с Украины, из Грузии, никак не могут они примириться с отсутствием в школьной программе русского языка. И с горьким сожалением, даже со слезами вспоминают оставленные на родине любимые русские книжки.

Мальчик из Ташкента привез с собой в Натанью "Записки охотника" Тургенева. И началось паломничество к нему малышом, которых, как и его самого, родители лишили родины. Книжку выпрашивали на ночь, хоть на несколько часов, предлагали за нее залог.

Чтобы хоть как-нибудь утолить тоску своей тринадцатилетней дочери Лизы по русскому языку, Исаак Ваншенкер купил для нее номер газеты "Трибуна", издававшейся на русском языке. Девочка интересуется спортом и сразу же начала читать футбольное обозрение. Но через несколько минут с раздражением вернула отцу газету:

— Если бы я в пятом классе так написала диктант, то получила бы жирный кол! Это не русская газета, это газета грамматических ошибок.

Израильские школьники зачастую не верят рассказам новоприбывших ребят о советской школе, о пионерских лагерях, о развлечениях и досуге. Та же Лиза Ваншенкер как-то поделилась со своими одноклассниками:

— Дома мы один раз в месяц ходили всем классом в какой-нибудь театр на утренники. Хотела бы я знать, какой новый спектакль выпустил наш ТЮЗ — туда мы ходили особенно часто!

Школьники, искренно уверенные в том, что Лиза привирает, что никаких театров специально для детей нигде нет и в помине, рассказали о Лизиной "брехне" классному наставнику. А тот, придя в класс, благодушно "успокоил" своих учеников:

— Лиза не лгунья. Она просто большая фантазерка. Фантазирует, фантазирует, а потом сама начинает верить своим фантазиям. Ничего, это у нее пройдет.

Лиза спорила, доказывала, горячилась. Но весь класс только дружно смеялся над ней. А кличка "фантазерка" так и осталась за девочкой, мучительно травмированной таким отношением к ее правдивым словам.

Привезенные в Израиль из социалистических стран дети никак не могут воспринять новый смысл таких слов, как "забастовка", "хозяин", "биржа труда". Особенно раздражает ребят равнодушие школы к фактам, с их точки зрения, потрясающим.

В городе Холоне по наущению фабриканта был избит один из местных коммунистов, призывавших рабочих к забастовке. Узнав об этом, двое приехавших из Советского Союза ребят предложили своим соученикам написать от имени всего класса письмо в газету. И очень переживали, встретив отказ.

Так искажается представление ребят о нравственных обязанностях, травмируется их сознание, калечатся их души.

Ребята непрерывно слышат разговоры взрослых о войне — это убийственно влияет на них.

Война! Расплата! Месть!

Такие зловещие призывы разносит израильское радио. Они тягостно отражаются на самочувствии и настроении детей.

— Для наших ребят, родившихся на советской земле, слово "мир" было едва ли не одним из первых услышанных ими слов, — делится своими мыслями Клара Розенталь. — О мире им рассказывали в школе. О борьбе за мир читали они в детских журналах, слышали по радио и телевидению. И вдруг все совершенно противоположное: война, война, война! И дети заметно нервничают. Вспоминают рассказы родителей про дни гитлеровского нашествия, про воздушные тревоги, бомбежки. Один мальчик из Кишинева возбужденно напомнил маме, что надо поскорее узнать, где находится в Пардескаце ближайшее бомбоубежище... Как вы знаете, врачи установили, что многие новоприбывшие взрослые заболевают в Израиле нервным расстройством. Может быть, во мне говорит не только медик, но и мать, но я утверждаю: это в полной мере (а возможно, и в большей!) относится и к детям.

Врач-невропатолог Иосиф Григорьевич Бурштейн, не знающий о моей беседе с Кларой Розенталь, полностью подтверждает и развивает ее выводы:

— Многие взрослые люди, угнетенные неожиданной для них тяжелой израильской действительностью, впадают в депрессию. Это не раз приводило их к самоубийству. Так покончили с жизнью москвич Семен Ладыженский, москвичка Каплан, несколько женщин из Грузии. Дети же реагируют на подстерегающие их огорчения по-иному: повышенной возбудимостью, болезненной недоверчивостью, безотчетным страхом перед окружающим.

Словно подтверждая выводы врача, маленькая Далико Шамелашвили простодушно рассказывает:

— А вы знаете, в Израиле дети почему-то очень боятся офицеров. Те ходят важные, хмурые, ни на кого не глядят. Сначала я смеялась над своими новыми подружками: что вы, у нас даже генералов никто не боялся!.. А потом я тоже старалась не попадаться на глаза офицерам...

Еще раньше, до того, как израильтяне стали панически опасаться гибели своих отцов, сыновей, мужей в Ливане, мне пришлось слышать от взрослых беженцев, что израильские офицеры вышагивают по улицам с какой-то подчеркнутой надменностью и высокомерием, как бы подчеркивая свое кастовое величие.

И Далико по-своему выразила это:

— Идут офицеры, а кажется, что идет война...

Эти впечатляющие слова девочки, чья мать покончила на израильской чужбине самоубийством, я вспомнил, слушая взволнованную речь генерального секретаря Всемирного Совета Мира Ромеша Чандры на закрытии Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве.

Выдающийся деятель международного движения за мир показал многотысячному залу пачку адресованных конгрессу открыток и листочков с надписями, рисованными буквами и незамысловатыми детскими рисунками. Просто и выразительно сказал Ромеш Чандра, что во многих уголках земли дети инстинктивно чувствуют устрашающую опасность войны и

болезненно реагируют на нее.

Такое горькое чувство особенно свойственно детям в Израиле. Они ощущают сгустившиеся над этой страной черные тучи войны. Они утрачивают ребячью жизнерадостность. Они совсем не знают подлинного детства.

Даже на самых маленьких обрушивает уклад израильской жизни горестные новшества. Ну что в самом деле может ответить мать на бесхитростный вопрос своей крохотной дочурки:

— Мамочка, а почему ты меня не отводишь в детский садик?

Не станет же мать объяснять ей, что на новом месте плата за пребывание ребенка в детском саду по карману только весьма зажиточным родителям. А таких естественных "почему" у детишек накапливаются десятки.

— Почему мне здесь еще не купили ни одной игрушки, ни одной книжки?

— Почему я ни разу не была здесь в детской поликлинике? Помнишь, врач говорил, что если я к ней не приду со здоровым горлышком, то оно у меня заболит.

— Почему мы продали дома наш телевизор, а здесь не покупаем новый? Я же должен смотреть "Спокойной ночи, малыши".

Что можно ответить детишкам — тем, кто еще недавно принадлежал к единственному в Советской стране поистине привилегированному классу? На чужбине они непрестанно ощущают все новые и новые обиды, и большие горести подтачивают их маленькие, но такие чуткие сердца.

СУДЬБА ДИНЫ БРЕСЛАВ

Мужчина и женщина, пожилые и изможденные, делают последнюю тщетную попытку задержать автомашину. Но, повинаясь воле клиента молодого человека с нервными, резкими движениями, шофер включает скорость, и вот такси уже мчится по запруженным машинами улицам Вены в направлении аэропорта.

Мужчина и женщина долго смотрят вслед. Смотрят скорбно: от них увезли единственную дочь.

...Четыре месяца тому назад Эли Абрамович Бреслав с женой и дочерью Диной бежали из Израиля, ради которого оставили родную Ригу.

В латвийской столице Бреслав заведовал большим магазином хозяйственных товаров. Он не без гордости сказал об этом израильским чиновникам иммиграционного пункта в порту Лод. И услышал в ответ:

— У нас вам ничем заведовать не придется. Ищите новую профессию.

Новую профессию Бреслав приобрел довольно скоро: через каких-нибудь три недели стал грузчиком. Дине, не очень-то здоровой и хрупкой девушке, тоже пришлось вкусить прелести этой специальности. Она, правда, мечтала об учебе, но мечта оказалась несбыточной: право на бесплатное обучение в Израиле имеют только дети до 14 лет. Дина с горечью сказала отцу:

— Помнишь, я предупреждала тебя об этом еще в Риге! А ты мне сердито ответил, что не надо быть душой и верить газетной пропаганде.

Дина в отчаянии решила поступить в ульпан — на краткосрочные курсы, где новоприбывших обучают языку иврит. Опять неудача. За несколько дней до того, как девушка обратилась в ульпан, туда пришло распоряжение из Тель-Авива: принимать на курсы только олим с высшим и в особых случаях со специальным средним образованием.

Никому не было дела до бедствующей семьи Бреслав. Даже родственники забыли их, предварительно предупредив:

— У нас не принято ходить в гости друг к другу. И еще запомните, что каждая семья должна надеяться только на себя. Даже если вы все трое сразу заболете, никого вам разжалобить не удастся. Старайтесь откладывать хоть несколько монеток на черный день.

Бреславы, впрочем, считали, что черные дни пришли к ним сразу же после приезда в

Израиль. Но самым черным оказался тот, когда Эли Абрамович заметил, что его дочь весьма заинтересовались местные сионисты.

Неожиданно Дине предложили оставить черную работу и подумать о подготовке к какой-нибудь доходной профессии. Девушку настойчиво приглашали на всякого рода собрания и митинги.

Бреслав спросил одного из новых знакомцев дочери:

А мне можно пойти вместе с Диной на собрание?

— Вас уже не перевоспитаешь, — со снисходительной откровенностью ответил ему молодой сионист. — Вы сами даже не замечаете, что насквозь пропитаны враждебными нам взглядами. А вашу дочь мы превратим в настоящую израэлитку.

Методы превращения в настоящую израэлитку становились день от дня все более крутыми. Мать и отец с тревогой ощущали, как явственно отдаляется от них дочь, становится черствой и насмешливо безразличной к их сетованиям на тяжелую и непривычную жизнь. Это окончательно подтолкнуло Эли Абрамовича к решению немедленно оставить Израиль.

К удивлению Бреслава, местные власти сравнительно благодушно отнеслись к такому решению. Что ж, если в его голубой книжечке появится штамп о погашении всех долгов, то Бреслав может убраться на все четыре стороны вместе со своей женой.

— С женой? А дочь? — Единственная дочь!

— У дочери другая дорога. Она останется в Израиле. Сначала отбудет воинскую повинность. Затем выйдет замуж. Родит детей. И ваши внуки будут настоящими сабрами. Понимаете, что это значит для них? Бреслав к тому времени уже не раз видел, как кичатся своей "первосортностью" сабры, родившиеся на территории Палестины. — Может быть, ваш внук когда-нибудь станет шофером администрации концерна, а внучка выйдет замуж за директора. Представляете себе, какую ветвь может дать дерево вашей семьи!

Тут Бреслав понял, как был прав один из его соседей — польский еврей, непрестанно проклиная родственников, которые вызвали его в Израиль. Он горько предупреждал Бреслава:

— Им нужны не мы, а наши дети. И часто даже не дети, а наши внуки.

Бреславам все-таки удалось покинуть Израиль вместе с дочерью. После коротких, но нелегких скитаний по разным странам и городам они попали в Вену. И там обратились в советское консульство с ходатайством разрешить им вернуться на Родину, преданную ими с такой легкостью.

...Ноля Ициксон, двадцатилетний бывший рижанин, считавший себя профессиональным гитаристом, приехал в Израиль несколько ранее Бреслава. И с первого же дня не брезговал никакими средствами, чтобы его не коснулись недоверие и настороженность, неизменно проявляемые израильскими властями ко всем олим из Советского Союза.

Быстро разучил угодные сионистам песенки вроде той, которой, как говорят в Израиле, особенно восхищалась сама Голда Меир, "Весь мир против нас. Но все те, кто против нас, пусть сгорят в преисподней", говорится в этом "произведении искусства". Стал цитировать человеконенавистнические антиарабские призывы Моше Даяна. Придумывал всяческие небылицы о жизни советских евреев, ласкавшие слух не только сохнутовцев, но даже самих шинбетовцев.

Играя при них жалкую роль сводника и осведомителя, Ициксон услужливо знакомил их с олим из прибалтийских советских республик. Правда, подобное рвение тогда еще мало отразилось на материальной благополучии пронирыливого музыканта. Как выражается мать Дины Бреслав, Ноля всегда производил впечатление "обшарпанного и полинявшего".

Он, собственно, и познакомил Дину с местными сионистскими активистами. А затем смиренно отошел в тень.

И вдруг в один из сентябрьских дней небывало погожей венской осени Ноля Ициксон появился в жалком жилище Бреслава.

То ли гонца специально принарядили для вояжа в Вену, то ли он получил наконец долгожданные тридцать сребреников за ревностное служение сионистским хозяевам, но Бреславы не сразу узнали в приехавшем к ним франте "обшарпанного и полинявшего" Нолю.

— Я специально приехал за Диней, — огорошил он родителей девушки.

— Разве вы ее жених?

Ициксон не считал нужным отвечать на столь банальный вопрос. Он стал пространно доказывать родителям Дины, что она обязана вернуться на "землю предков". И многозначительно намекнул:

— Если даже вам разрешат вернуться в Советский Союз, то Дину там ждут особенные неприятности.

Этот провокационный довод не подействовал, однако, на Бреславов. И тогда Ициксон стал разглазывать о своей страстной любви к Дине.

— Но в Израиле вы в последние дни даже не стремились увидеть ее.

— Я проверял свое чувство, — с дешевой патетикой ответил сионистский курьер.

Мать спросила Дину:

— Ты его любишь?

Дочь, уйдя от прямого ответа и опустив глаза, грустно твердила одно:

— Он прав, я вынуждена вернуться в Израиль. Вынуждена! Я не могу вернуться в Латвию.

И зарыдала.

Через полтора часа после того, как Ициксон с улыбкой победителя увез Дину в аэропорт, ее отец сказал мне:

— Мы с женой по собственной вине потеряли Родину. Но у нас есть надежда вновь увидеть ее. Только что мы потеряли дочь. Как, по-вашему, есть у нас надежда когда-нибудь увидеть ее?

Что мог ответить я отцу, чью дочь уволок сионистский агент, вторично увез в стан фанатиков и злобных врагов той земли, где она появилась на свет и впервые увидела мирное небо над своей головой.

"ТЫ ОБЯЗАН НЕНАВИДЕТЬ АРАБОВ!"

— Много, очень много не могут простить проживавшим ранее в СССР евреям сионисты да и вообще израильские старожилы — ватики и сабры.

Так сказал мне известный австрийский публицист Ганс Волькер, о беседах с которым я уже упоминал.

— Старожилы, скажем, откровенно возмущены налоговыми льготами, которые израильская администрация первое время предоставляет новоприбывшим, — продолжал Ганс Волькер. — Эти льготы весьма мизерны, но нельзя забывать, что по высокому размеру налогов Израиль прочно удерживает первое место в мире. Поэтому жители дорожат самыми крохотными льготами. Раздражает коренных израильтян и то, что бывшие советские граждане никак не могут привыкнуть к платной медицинской помощи. Ну и, естественно, не могут привыкнуть к тому, что надо платить врачу из собственного кармана.

Или вот такая еще, чрезвычайно характерная особенность. Бывшим гражданам Советского Союза в диковинку, что работу им предоставляет не государство, а частные предприниматели, что частника приходится покорно просить, а иногда даже унижаться перед ним. Новоприбывшие всем своим существом протестуют против таких порядков, кажущихся им просто дикими. А старожилы возмущают такие, как им кажется, причудливые капризы людей, привыкших к советскому образу жизни.

Крайне злит ватиков и сабров, — рассказал далее Волькер, — и чрезмерная, на их взгляд, "культурная жажда" приезжих из Советского Союза. Насмешливо выслушивая сетования на то, что мало библиотек, что билет в кинотеатр стоит неслыханно дорого, что негде послушать интересную лекцию, старожилы говорят об олим: они с жиру бесятся, эти

избалованные Советской властью "аристократы"!

Но знаете, что больше всего и прежде всего не могут простить бывшим советским гражданам сионисты? Попытаюсь сформулировать это кратко и точно, — говорит австрийский публицист. — Отсутствие у олим из Советского Союза ненависти к арабам. Поверьте, я пришел к этому выводу после долгих и внимательных наблюдений. Сионисты внушают новоприбывшему: "Ты обязан ненавидеть арабов!" А он искренно удивлен: "За что? Почему?.."

"За что? Почему? Мне не за что их ненавидеть. И не мог я внушать такой ненависти и своим детям. Не мог!"

Не раз довелось и мне слышать это от многих беженцев. И горе тем, кто в Израиле не сумел скрыть подобные настроения от сионистов.

В переполненный автобус вошли несколько арабов. И двадцативосьмилетний Абрам Питилашвили поспешил уступить место сгорбленной, с трудом передвигавшейся "иноверке".

Тут же на него накинута группа молодых людей.

— Вы недостойны называться израильтянином! — запальчиво крикнула ему девушка с портфелем, судя по всему, студентка. — Эти скоты нагло пользуются тем, что мы пока не всегда еще в состоянии перевозить их в отдельных автобусах!

— Представляю, как вы воспитываете своих детей, — язвительно сказал Абраму Питилашвили спутник студентки.

Такие же нападки и тоже в автобусе обрушились на бывшего одессита Семена Хуновича Полонского. В чем же выразилась его вина перед израильским обществом? Он велел своему десятилетнему сынишке уступить место беременной арабской женщине.

Больше всего поразила Полонского злоба, прозвучавшая в замечании пожилого израильтянина:

— Чтоб эту ведьму задавил автобус прежде, чем она успеет родить еще одного разбойника!

"Ведьма", впрочем, не решилась сесть на предложенное ей место. И неудивительно: израильтяне приучили арабов видеть в неожиданных проявлениях вежливости только подвох, насмешку, издевательство.

Всех новоприбывших в Израиле буквально с первых же часов убеждали (а по выражению Иды Левит, "инструктировали"): каждому встречному арабу надо показать свое презрение.

Бывший артист Мособлконцерта Леонид Толчинский, устроившийся на временную работу в дешевом ночном кабаре, позволил себе в какой-то репризе сказать "евреи и арабы". Крамольника немедленно вышвырнули из кабаре.

Даже семидесятилетний Арон Абрамович Куролапник был нещадно обруган владельцем бензоколонки за симпатии к арабам. А "симпатии" бывшего киевлянина выразились вот в чем: очищая от грязи заправлявшуюся горючим машину, он чересчур вежливо, как счел хозяин, объяснил проходившему мимо арабскому юноше, как выйти на шоссе дорогу.

Для воспитания ненависти к арабам используются и улыпаны. Как? Ведь там изучают только иврит. Но...

— Учебные тексты так ловко подобраны, — поясняет инженер Злоцкий, — что, по существу, обучающиеся проходят в улыпане еще один предмет — антиарабизм. Даже самые малоуспевающие учащиеся выходят из улыпана с обширным запасом и безукоризненным произношением антиарабских ругательств на безукоризненном иврите.

С особым размахом ненависть к арабам прививают школьникам.

Приведу только два коротких, но весьма красноречивых отрывка из учебника для старшеклассников, точнее, из главы, где дается исторический обзор израильско-арабских войн:

"Народ Израиля — избранный среди народов по расе, воспитанию и климату, в котором он развивается".

"Раса народа Израиля — самая чистая из рас, ибо создана путем отбора всего лучшего во всех поколениях".

И затем следует вывод: арабов надо уничтожать!

А в детских садах ребяташки под руководством воспитательниц хором поют такую песенку-считалочку:

А ту-ту, ту-ту, ту-ту,

Хааравим ямуту!

Вот точный перевод второй строчки: "Пусть арабы умрут!"

Согласитесь, читатель, не так уж сильно отличается эта песенка от тех, какие при нацистском режиме заставляли распевать германских школьников про евреев.

Таня, дочка Клары Розенталь, как-то, возвратясь из школы, тут же начала зубрить стихотворение. Мать удивилась. К тому времени она уже знала, что израильские педагоги не очень-то жалуют поэзию. Какое же стихотворение учительница приказала Тане выучить назубок к следующему дню? Заглянув в учебник, мать ужаснулась:

— Это был набор зарифмованных лозунгов, призывавших истреблять арабов. А вывод категорический и ясный: пока рядом с тобой живут арабы, ты не будешь знать спокойной жизни.

В письмах из Израиля родным, живущим в Советском Союзе и других социалистических странах, самая запретная тема — это здешняя ненависть к арабам. Александру Шапошнику, ранее работавшему в Одессе рубщиком мяса, сохнутовец пригрозил:

— Я знаю, ты много себе позволяешь в письмах. Запомни и скажи другим: за одну строчку о притеснениях арабов вы тут же узнаете, какая это прелесть — наручники! Будет лучше, если ты напишешь, как спокойно живется у нас арабам.

Иногда новоприбывшие все-таки рискуют откровенно заговорить на эту зловещую тему с людьми, неспособными, по их мнению, на донос. Отважился на это и Марк Исаакович Перельштейн, приехавший из Узбекистана и получивший сравнительно приличную работу в дилонской транспортной конторе. Он спросил своего сослуживца, несказанно гордящегося перед олим тем, что родился на израильской земле:

— Евреи столько выстрадали из-за разгула гитлеровского расизма. Неужели вы совсем потеряли совесть и смеете подходить к арабам с расистскими мерками?

Сослуживец вопреки ожиданиям Перельштейна не вскипел, не стал пугать его разоблачением недостойных истинного израильянина взглядов, а терпеливо, словно непонятливому школьнику, попытался растолковать ему:

— Ты ошибаешься. Какие же мы расисты, если признаем даже черных! Ты же видишь вокруг себя сефардов — этих чернокожих евреев, похожих на скотов. Как они тупы, как недоразвиты! Видит бог, иногда просто не хватает сил сдержаться и не заехать в морду тупоголовому сефарду, у которого столько же разума, сколько у буйвола! Но приходится быть терпеливыми, приходится скрепя сердце даже понемножку им помогать. Мы не ограничиваем для них въезд в наше государство. Потому, что они хотят быть полезными нам, хотят в меру своих жалких силенок помочь нам укреплять Израиль. И так как мы еще пока не Америка и у нас для самой поганой работы еще нет своих пуэрториканцев, мы стараемся приобщить сефардов к нашей стране. Благо они довольствуются малым. Иное дело арабы. Мы знаем только, что они наши исторические враги. Мы не верим, что в их среде могут вырасти прогрессивные люди... Я бы лучше умер, чем согласился пойти к арабскому врачу. Нам и арабам вместе на земле тесно. Либо мы, либо они.

Сионистам, к счастью, не удалось привить всем жителям Израиля такие откровенно звериные взгляды. Тому же Перельштейну один пожилой ватик, бухгалтер по профессии, сын которого был ранен в шестидневной войне, с возмущением говорил:

— Читаю о гитлеровских лагерях смерти, где истребляли евреев, и с ужасом убеждаюсь, что для живущих у нас арабов мы ненамного человечнее гитлеровцев. Разве поголовный расстрел стариков в арабской деревне Яллу чем-нибудь отличается от того, что

творили гитлеровцы в еврейских кварталах Каунаса или Минска? Мой сын видел, как расправлялись наши солдаты с пленными арабами. Не пожелаю своему заклятому врагу, чтобы такое ему приснилось!

Но подобные слова в Израиле произносят шепотом, с оглядкой по сторонам.

Те из иммигрантов, кто готов любой ценой сделать в Израиле карьеру, сообразили, что антиарабизм — верная "козырная карта" на скользком пути к преуспеянию.

Правда, не сразу, но сообразил это и "писатель" Григорий Свирский.

Приехав в Израиль с самыми радужными и далеко идущими "творческими планами", сей неудавшийся литератор с ходу предложил издательствам чуть ли не полное собрание своих не принятых советскими издательствами сочинений. К огорчению Свирского, израильские издательства тоже сочли его "прозу" малохудожественной и недостойной типографского станка. Весьма ограниченный спрос и скудный гонорар встретили и новые, его произведения: скетчи, монологи и радиокомпозиции, где автор обрушивает свой гнев на советских евреев, не помышляющих об отъезде в Израиль. Дело в том, что еще до приезда Свирского страна была наводнена подобной литературой.

Неудачи оказались даже на внешнем облике Свирского. Познакомившийся с ним врач из Минска Иосиф Григорьевич Бурштейн рассказывает:

— Я увидел небритого, раздражительного человека. Одежда, в которой он приехал из Москвы, износилась, обтрепалась. Да и сам он производил впечатление какого-то потрепанного, обветшавшего. В кругах бывших советских граждан знали, что Свирский получил субсидию для работы над циклом рассказов о "мучениях" жителей Биробиджана. Каждая глава была оснащена эпиграфом из писаний клеветника Солженицына. Но рассказы, по мнению заказчиков, не удались, а субсидию Свирский к моменту нашей встречи уже успел проесть. Однако через несколько недель Свирского нельзя было узнать: он подтянулся, оживился. И, главное, уже не норовил выпить чашечку кофе за чужой счет и не стрелял сигареточки. Общие знакомые открыли мне причину такого сказочного превращения: Свирский целиком посвятил свое творчество глумлению над арабами. Даже сумел придумать "исторические" корни вековой вражды арабских и славянских народов. И, конечно, сразу же стал желанным и признанным автором!

Признанным, кстати, не только Израилем, но и антисоветчиками из других капиталистических стран. С первого дня новой войны на Ближнем Востоке радиостанция "Свобода" доверила Свирскому ответственные обязанности ее специального корреспондента в Иерусалиме. Поистине, всяк знак находит свое место, а бурьян — свой овраг. Опасаясь, видимо, потерять золотоносную жилу, Свирский своими небылицами о "зверствах" египетских и сирийских войск оставил далеко позади всех шовинистских израильских писак. Словом, военный пожар способствовал его обогащению.

И все же антиарабские писания Свирского, хотя их печатали и передавали по радио даже на русском языке, мало влияли на советских олим.

Об этом красноречиво говорит признание Семена Хуновича Полонского:

— Как ни трудно живется в Вене, но какое счастье, что я не должен больше лицемерно внушать своему мальчику: сынок, ради своего отца постарайся, чтобы все думали, что ты в самом деле считаешь арабов не людьми, а зверями. А в Израиле я не мог смотреть своему сыну в глаза, но вынужден был так учить его... Вам это покажется невероятным, но ведь по одному неосторожному слову мальчика мне могли пришить обвинение в симпатии к арабам. А для израильского жителя это — самое тяжелое обвинение!

От престарелого Арона Абрамовича Куролапника я услышал:

— Я-то хорошо знаю, как гитлеровцы внушали немцам: если ты настоящий ариец, ты обязан ненавидеть евреев. Мог ли я, потерявший в гитлеровских гетто, немало родных, представить себе, что услышу из уст евреев такие же расистские наставления в отношении арабов! Меня и сейчас бросает в дрожь, когда я вспоминаю плакаты и песенки, газетные статьи и речи на митингах. Все сводилось к бесчеловечному приказу: "Ты обязан ненавидеть арабов!"

ДЛИННЫЕ РУКИ "СОХНУТА"

Даже на земле западноевропейских стран многие беженцы из Израиля все равно смертельно боятся, как они выражаются, длинных рук "Сохнута". Мне довелось читать в шведских и австрийских газетах, как терроризируют сохнутовцы в Риме бежавших из Израиля бывших граждан социалистических стран. Особенно беспощадно расправляются агенты "Сохнута" со многими из тех, чьи имена упоминает иностранная пресса, рассказывая о тяжелой и беспросветной жизни олим на "земле предков".

Передо мной подавленный человек. Даже в комнате он пугливо озирается по сторонам, то и дело вздрагивает. Когда же направляется к двери, то заметно волочит левую ногу.

Его зверски избили венские сохнутовцы. Он, видите ли, посмел рассказать корреспонденту шведской газеты "Квельспостен", как сестра из Хайфы прислала ему в Советский Союз письмо, превозносившее в самых восторженных тонах тамошнюю жизнь. Когда же он прибыл в Израиль, сестра поразилась: такого письма она брату не посылала. Даже официальный вызов от ее имени, мотивированный стремлением к "объединению" семьи, тоже оказался сфабрикованным.

Отдадим должное шведскому журналисту: он предусмотрительно обозначил фамилию обманутого иммигранта и город, где живет его сестра, только начальными буквами. Однако венские сохнутовцы сумели обнаружить "клеветника" и расправились с ним. Особенно возмутило громил, как посмел он сказать шведскому журналисту, что даже религиозно настроенные люди не могут привыкнуть к израильским порядкам.

— Теперь ты на своей шкуре почувствуешь израильские порядки, цинично сказал сионистский агент, бросив свою окровавленную жертву на улице. — И поймешь, что от нас нигде не скроешься.

Не раз пытались сохнутовцы расправиться и с бывшим тбилиским шофером Маместваловым. Он-то совершил уж особенно тяжкое, по их понятиям, преступление: передал шведским журналистам любительский фотоснимок прощального семейного ужина перед отъездом семьи Маместваловых в Израиль. "На фото видно, — отметила шведская газета, как столы ломаются от блюд и вин". Угроза расправы продолжает висеть над Маместваловым.

Неудивительно, что некоторые беженцы, с которыми беседуют корреспонденты венских газет, тоже просят не называть их подлинных имен — не ровен час, отомстят сохнутовцы.

Сохнутовцы не только избивают "изменников". Есть и другие методы мести. Газета "Фольксштимме" сообщила читателям, что беженец, чья фотография в газете иллюстрировала его рассказ о причинах бегства из Израиля, на следующий же день потерял в Вене работу. И безвозвратно. А работа-то была из черных чернейшая да еще оплачивалась по пониженной ставке. Но раз сохнутовцы включили еврея в свой черный список, ни одна венская фирма, к которой причастны сионисты, на работу его не возьмет.

Вот почему "Фольксштимме" часто вынуждена не называть настоящих имен беженцев. Именно так поступила газета, рассказав о письме, привезенном делегатом от трехсот двух семей грузинских евреев. Эти люди мечтают вырваться из израильского, как они пишут, концлагеря. Что ни семья, то четверо-пятеро детей. Следовательно, речь идет о несчастной доле по крайней мере двух тысяч человек. Главы всех семей поименно названы в этом письме, фотокопия с которого хранится в редакции "Фольксштимме". Каждый собственноручно подписал письмо.

Надо отметить, что оно было привезено в Вену еще до того, как в израильском городе Ашдоде выросли баррикады, воздвигнутые забастовавшими евреями из Грузии!

Баррикады! Это был массовый, внушительный протест обманутых людей, во весь голос заявивших об издевательствах над ними. Как известно, незначительные уступки, на которые вынуждены были пойти израильские власти, не удовлетворили забастовщиков. И нетрудно

себе представить, что после ашдодских событий число подписей под письмом значительно бы возросло.

Особенно горько и взволнованно повествуется в этом письме о безвыходном положении молодежи. Юноши и девушки, воспитанные в Советской Грузии, никак не могут свыкнуться с чудовищным для них образом жизни. Непонятно им, как могут стать трудноразрешимой проблемой посещение кинотеатра, покупка книги, желание учиться и работать одновременно.

Сын одного из подписавших письмо, восемнадцатилетний юноша, дошел до отчаяния. Убедившись, что из-за него, достигшего призывного возраста, власти не выпустят всю семью, юноша с помощью сочувствовавшего ему израильского грузчика пробрался на иностранный теплоход и спрятался в трюме. Перед отплытием судна его, однако, обнаружили и передали в руки портовой полиции. После этого полиция взяла его под гласный надзор.

Письмо трехсот двух семей грузинских евреев, в складчину собравших средства на тайную поездку своего делегата в Вену, еще раз убедительно доказывает: не одни только кабальные долги задерживают бегство многих олим из Израиля. Далеко не одни долги!

Можно в конце концов продать последние вещи, сэкономить на питании и погасить долги. Но тогда власти приводят в действие зловещий механизм более жестких, более непреодолимых препон.

Военнообязанных не выпускают.

Получивших жилье, пусть убогое и жалкое, не выпускают.

Самую неквалифицированную работу на самом малозначительном предприятии неожиданно провозглашают "связанной с обороной государства", и человека, выполняющего такую работу, тоже не выпускают.

И все же наиболее сильнодействующие средства борьбы с мечтающими покинуть "землю обетованную" — это запугивание и провокации. Этим уже занимается пресловутый "шинбет", причем не местные его отделения, а преимущественно центральный шинбетовский мисрад. Где бы ни проживал заговоривший об отъезде олим, для вящего эффекта его обычно вызывают "на разговор" в Тель-Авив.

Вот как, например, разговаривали с бывшим одесситом Рувимом Львовичем Блувштейном.

Допрашивавший его жандарм вызвал себе на подмогу двух полицейских.

— Я знаю, почему ты хочешь удрать, — в раздражении перешел он на идиш. — Твоему сыну скоро минет восемнадцать. А ты рассчитываешь забрать у государства солдата! Не позволим!

Блувштейн ответил, что все равно в Израиле не останется. Тогда по приказу шинбетовца полицейские, сковав Блувштейну руки наручниками, стали избивать его. Один из полицейских с методическим усердием царапал ему щеки. Когда потерявший сознание Блувштейн пришел в себя, ему сказали:

— Теперь хорошенько подумай.

И отпустили, заставив сначала тщательно умыться, чтобы хоть как-нибудь скрыть следы допроса.

Жена избитого Блувштейна робко напомнила шинбетовцу:

— Мы не взяли с собой денег на обратные билеты из Тель-Авива. Нас предупредили, что вы оплачиваете проезд тем, кого вызываете к себе.

— Если они оказываются настоящими израильтянами, — услышала в ответ женщина. — А тебе придется научиться просить милостыню. Притворись женой забастовщика — и соберешь на билеты.

По такому же сценарию, включая удары по лицу наручниками, был проведен разговор и с Михаилом Урманом. Его обвинили в стремлении увезти с собой дочь. А ей вскоре предстояло отбывать воинскую повинность.

ПОКИНУТЬ ИЗРАИЛЬ УДАЕТСЯ ДАЛЕКО НЕ ВСЕМ

Вызывали в контрразведку и парикмахера Владимира Матвеевича Рейзина, приехавшего с женой и шестилетним сыном из Одессы и поселенного в городе Герцлие. Поводом к вызову был донос какой-то незнакомой Рейзину девушки. На улице она услышала, как тетка жены Рейзина, вызвавшая их в Израиль, жаловалась знакомой на то, что "этот мерзавец Володя хочет увезти семью в Советский Союз".

Жене пришлось дать подписку, что она останется у тетки и не отдаст шестилетнего Руслана "изменившему родине отцов" мужу. В отместку сохнутовцы помещали Рейзину получить визу на выезд из Израиля. Он добрался в Австрию кружным путем.

С Ильей Исаевичем Иосибашвили, работавшим ранее на тбилисской фабрике "Синтетика", в "шинбете" беседовали неслыханно мягко и даже сочувственно.

— Если ты так хочешь, можешь уезжать, — сказали ему. — Но в Тбилиси, к сожалению, уже знают, как подробно ты рассказал нам о советской оборонной промышленности. Сколько за это полагается по советскому уголовному кодексу?

Иосибашвили, знавший о советской оборонной промышленности ровно столько же, сколько об израильской, смиренно ответил:

— Ну что ж, отвечу за свое преступление.

Поняв, что номер не удался, шинбетовцы вышли из себя. Илье Исаевичу было коротко сказано:

— Не уедешь! И не думай об этом.

Как же все-таки он уехал? Поистине не было бы счастья, да несчастье помогло. Неожиданная поддержка пришла от... сохнутовцев. Им надоели законные жалобы Иосибашвили на то, что ему не отдают одиннадцати ящиков с мебелью и домашней утварью, отправленных из Грузии в Израиль. На руках у Иосибашвили были документы о прибытии ящиков по месту назначения, но затем они загадочно испарились. Об этом весьма конфузливом для "Сохнута" факте стало широко известно в городке. Илье Исаевичу предложили сделку:

— Откажись от претензий на пропавшие ящики, и мы договоримся с "шинбетом", тебя выпустят.

Сделка состоялась.

Вдосталь хлебнул шинбетовских увещеваний и врач Иосиф Григорьевич Бурштейн. Его вызывали четыре раза. Отобрали письма и дневник. Пытались воздействовать через сына, запутавшегося в сионистских сетях. Чтобы укрыться от полицейской слежки, Бурштейн вынужден был последние ночи перед бегством из Израиля проводить на улице или у сочувствовавших его беде соседей-старожилов.

Не только контрразведчики расправляются с теми, кто задумал покинуть Израиль.

Когда бывшая жительница Черновиц Александра Ефимовна Каручеру заболела, ее сын, двадцатилетний Ефим, обратился в военный мисрад:

— Мама здесь погибнет. Снимите меня с учета, мы уезжаем.

— Заболела ведь мама, а не ты, — ответили ему. — Если ты такой любящий сын, уговори маму оставить тебя здесь.

Ефим вспылил, поднял крик. Его избили.

Бывшему рижанину Абраму Гиршовичу Гецу, кое-как просуществовавшему в Яффе девять месяцев, удалось пробраться в Вену. Вскоре нью-йоркская газета "Нью-Йорк колэм" напечатала беседу своего корреспондента с Гецем. "Я был дурак дураком. Ринуться в Израиль вместе с другими дураками — в этом была моя гибель, — признался он. — А теперь я вынужден расплачиваться за свою глупость". Венские сохнутовцы разъярились и стали методично преследовать Абрама Гиршовича.

— Горько расплачиваться ты будешь только теперь, — пригрозили они ему. По их указанию венская еврейская община включила Геца в "черный список". И отныне ни одна венская фирма, в числе владельцев которой имеются предприниматели еврейской национальности, не дает Гецу никакой работы.

Но и путь Геца из Яффы в Вену тоже был достаточно тернист. Когда этот

сорокадевятилетний человек пришел в военный мисрад и попросил снять его с учета в связи с предстоящим отъездом, чиновник до того осатанел, что, осыпая Геца угрозами, перешел с иврита на русский язык — тяжелейший проступок для государственного чиновника! Для начала Геца бросили в карцер на двенадцать часов. А мужу его сестры, бывшему артисту Рижской филармонии Якову Подкоминеру, позвонили по телефону:

— Уйми своего шурина, не то придется с тобой поговорить!

Впрочем, Подкоминер отделался, вероятно, только легким испугом: он успел завоевать репутацию "верного израильтянина". Правда, для этого ему пришлось отказаться от служения Мельпомене и пойти в служение "Сохнута". Он охотно пишет в Ригу письма о том, как преуспели в Израиле бывшие рижане. Он готов послать под видом родственника вызов любому человеку в любой город. Наконец, он по поручению "Сохнута" следит за настроениями своих бывших земляков. Именно благодаря его усердию сохнутовцам в последний момент удалось предотвратить отъезд из Израиля четырех семей. Слово "шинбет" заставляет бывших олим содрогаться даже за пределами Израиля.

Обитатели венского дома на Мальцгассе, 1, с ужасом вспоминают, как их жалкую обитель неожиданно посетил Гирш Пайс. Многие еще в Израиле были наслышаны о фанатизме и жестокости этого жандарма, назвавшегося, правда, в Вене дипломатическим работником.

С беженцами он предпочитал объясняться только в присутствии детей, которых с первых же выкриков доводил до плача. Угроза за угрозой сыпались из его уст:

— Вам удалось выбраться из нашей страны, но тем, кто захочет последовать вашему примеру, это не удастся. Мы найдем средства воспрепятствовать им. Учтите, у нас найдутся люди, которые не побоятся прикончить любого, кто хочет убежать.

Такие люди нужны, очевидно, "шинбету" и вне Израиля.

— Хотите их увидеть, — сказал мне знакомый австрийский журналист, — посетите стрелковый тир фирмы "Йохан Шпрингер" на Йозефгассе, 10.

Я пошел по этому адресу. В тире действительно говорили преимущественно на иврите. А главное, на глазах совершенствовали умение стрелять из пистолета по движущейся цели.

И я понял, почему так дрожит за свою семью беженец Эльказар Газнешвили. Ему пришлось бежать из Израиля дважды. В первый раз он был спровоцирован и насильно возвращен в Израиль с поистине иезуитским коварством.

Долго и безуспешно добивался Газнешвили разрешения на поездку в одну из западноевропейских стран. Ему беспрестанно отказывали, хотя Эльказар утверждал, что после свидания с земляками из Грузии вернется в Израиль. Но шинбетовцы были неумолимы.

И совсем неожиданно, когда Газнешвили уже потерял всякую надежду, ему разрешили выезд:

— Можешь полететь как турист. Только сразу же купи билет и на обратный самолет.

Не имея иного выхода, Газнешвили согласился. Он не знал, что в выданном ему "туристском" документе по-немецки значится: податель сего направляется в один из западноевропейских филиалов "Сохнута".

Установив, что Эльказар не собирается возвращаться в Израиль, сохнутовцы избили его. Но и это не сломило воли беженца. Тогда сохнутовцы насильственно сделали ему наркотическую инъекцию и в бессознательном состоянии посадили в самолет. Очнулся Газнешвили уже в израильском аэропорту Лод.

К какому же выводу приводят нас эти и им подобные злоключения Мамествалова, Блувштейна, Урмана, Рейзина, Иосибашвили, Бурштейна, Каручеру, Геца, Газнешвили и многих других, бежавших из израильского "рая" людей?

Вывод один: из тысячи бывших советских граждан, стремящихся покинуть оказавшееся для них злой чужбиной израильское государство, осуществить свое стремление удастся буквально единицам — тем, кто не только может кое-как выпутаться из долговых сетей, но и получает редкую возможность использовать такие обстоятельства, как пропажа

багажа, тяжелое заболевание и даже смерть члена семьи. Например, бывший москвич Каплан и бывший сухумец Шамелашвили вырвались из Израиля только тогда, когда их жены в отчаянии покончили с собой. Но даже им пришлось преодолеть иезуитские препоны сионистской машины, работающей на то, чтобы любыми средствами удержать олим в Израиле.

Вот почему из трехсот двух семей евреев, подписавших присланное в Вену письмо, покинуть Израиль удалось с огромными трудностями только двадцати восьми семьям.

Но если беженец в конце концов добирается до Рима, Никосии, Вены, то и в этих столицах к нему угрожающе тянутся длинные руки "Сохнута".

Именно они, эти зловещие руки, потянули Габо Ханашвили и Зою Жвиташвили на скамью подсудимых венского суда.

"СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО ПО ОБВИНЕНИЮ..."

Уже вырвавшись в Вену, Габо и его свояченица Зоя узнали огорчительную весть: часть их тбилисских родственников выехала в Израиль. Мало того, выехала главным образом потому, что получила обнадеживающие телеграммы от... Габо и Зои. Но и телеграфными фальшивками сохнутовцы не ограничились: от имени Габо и Зои последовали еще и телефонные звонки в Тбилиси.

Можно представить себе состояние этой семьи! Что им оставалось, как не попытаться встретить обманутых родственников на венском Восточном вокзале и открыть им горькую правду?

Но приезжающих тбилисцев встречал и представитель "Сохнута", которому полагалось доставить их прямо с вокзала в замок Шёнау и там изолировать до отправки на самолете в Израиль.

Бдительный сохнутовец Тамир заметил в вокзальном зале ожидания Габо и Зою с группой друзей, тоже бежавших в Вену из Израиля. Прислушавшись к их разговорам, он понял, почему они на вокзале. Тамир немедленно бросился к дежурившему на вокзале инспектору криминальной полиции Чепеку и обратил его внимание на группу "подозрительных". Чепек в сопровождении Тамира решил проверить документы этих "возбужденных личностей". Но те, услышав угрозы Тамира на идиш, приняли и самого уважаемого инспектора тоже за сохнутовского агента, тем более что костюм на нем был сугубо штатский.

Главный свидетель обвинения Тамир утверждал, что инспектор показал Габо, Зое и их друзьям полицейский жетон. Однако Габо, Зоя и свидетели защиты, по их словам, были так взволнованы (до прихода поезда оставались считанные минуты!), что жетона не заметили и, когда инспектор Чепек потребовал документы у бывших грузинских граждан, некоторые из них обратились за помощью к полицейским, одетым в надлежащую форму. Иными словами, уверенные в том, что Чепек, как и Тамир, представляет "Сохнут", беженцы стремились найти защиту от полицейского у полицейских!

Но приведенная Тамиром в действие машина провокации безотказно сработала. Габо, Зоя вместе с друзьями оказались не на вокзальном перроне, а в полицейском участке. Тбилисских родственников встретили не они, а медоточивый Тамир, благополучно доставивший приезжих в замок Шёнау.

Расстроенный Габо и Зоя оказали сопротивление инспектору, не пускавшему их на перрон. Замечу, по своим внешним данным инспектор Чепек вполне справился бы на экране с ролью великана. Тем не менее, по свидетельству Тамира, далеко не атлетически сложенная Зоя даже "избила" инспектора.

Вот какие происшествия, согласно обвинительному акту, привели Габо Ханашвили и Зою Жвиташвили на скамью подсудимых.

Я понимал австрийского судью: весьма нелегко было ему, оберландестерихтерату Хофману, вести судебное разбирательство, ведь обвиняемых и свидетелей защиты

приходилось допрашивать с помощью переводчицы. А ей, бедняге, тоже было нелегко: некоторые свидетели так слабо говорили по-русски, что переводчица зачастую вдохновенно импровизировала.

Дело слушалось вторично. На первое судебное заседание Тамир не явился.

Хотя он и назвался студентом, случайно оказавшимся на вокзале, однако адвокат настоял на вызове Тамира.

На вопросы адвоката Тамир отвечал, ни разу не глянув ему в лицо. Он знал, что подсудимых защищает секретарь Международного комитета узников Маутхаузена, президент Всеавстрийского объединения демократических юристов Генрих Дюрмайер.

Надо отдать справедливость прокурору — он тоже не очень-то приветливо взирал на "студента". Можно понять представителя государственного обвинения: совсем неприглядно выглядит эпизод, когда по одному слову сохнутовца инспектор криминальной полиции немедленно берет под подозрение семерых совершенно неизвестных ему людей.

Взмокший Тамир извивался и вертелся, как уж под сапогом. Закончив свои показания, он развязно втиснулся в группу присутствовавших на процессе венских полицейских. Но они очень холодно встретили его панибратские попытки вести себя с ними на равных. И сконфуженный сохнутовец предпочел удалиться.

А между тем речь Генриха Дюрмайера была преимущественно посвящена хозяевам Тамира.

— Полагалось бы здесь услышать, — сказал адвокат, — слушается дело по обвинению тех, кто руководит Тамиром. По их указке он обманул не только моих подзащитных, но и их несчастных родственников. Обращаю внимание суда на неоднократные напоминания венской прессы о том, как распоясались сохнутовские представители в нашей столице. Рекламируя свои несуществующие контакты с полицией, они провоцируют напуганных и растерянных беженцев из Израиля.

...Если бы судебные процессы можно было, как зрелища, классифицировать по жанрам, то суд над Габо и Зоей следовало бы назвать трагикомедией. Все видели слезы свидетелей, когда упоминались их обманутые родственники и земляки, которых так и не удалось предостеречь от поездки в Израиль. Все слышали смешок в публике, когда инспектор Чепек невозмутимо докладывал судье, как его встревожил сигнал Тамира о появлении на вокзале подозрительных лиц, из которых самой опасной преступницей оказалась так жестоко расправившаяся с ним девушка.

Судья условно приговорил Габо Ханашвили к двум месяцам, а Зою Жвйтиашвили к четырем месяцам тюремного заключения.

После суда Хофман отказался дать интервью аккредитованным представителям иностранной печати и репортерам венских газет. Но согласился побеседовать с советским писателем.

Сняв с себя судейскую мантию из черного шелка с фиолетовой оторочкой из плюша, он сказал переводчице:

— Господин писатель, вероятно, не верит, что инфантильная Зоя способна была расцарапать физиономию исполину Чепеку. Но мой судейский опыт помог мне убедиться, что это было именно так. И все же я ограничился условным осуждением подсудимых, — продолжал судья, ту же затягивая узел модного галстука. — Я учел, что подсудимые не отдавали себе отчета в своих действиях. Им казалось, что их заставляют покинуть Вену, ими владел нечеловеческий страх перед насильственным возвращением в Израиль.

Нечеловеческий страх перед насильственным возвращением в Израиль! О многом говорят эти слова в устах австрийского судьи. И заставляют вспомнить, что после начала ливанской войны Габо и Зое не удалось бы сравнительно легко бежать с "исторической родины". Габо задержали бы как военнообязанного, а Зоя вряд ли выпуталась бы из долговых обязательств. С 1979 по 1985 год израильские власти успели придумать одиннадцать новых ограничений, затрудняющих выезд из страны. Приплюсуйте к этому взятки минимум пяти-шести чиновникам.

ПОВОРОМ О "БЛАГОПОЛУЧНЫХ"

Шоферы. Радиотехники. Бухгалтеры. Слесари. Продавцы. Парикмахеры. Повар. Фельдшерница. Фотограф. Преподавательница музыки. Наконец, пенсионеры.

Вот о чьих безрадостных судьбах уже рассказано на этих страницах. Что ж, может быть, эти люди представляют не столь уж дефицитные для израильского государства профессии? Вероятно, людей других — более редких и значительных — профессий и специальностей в Израиле встречают приветливо и радушно.

Предположение небезосновательное. Не говоря уже о родственниках богатых предпринимателей, финансовых воротил и крупных чиновников, израильские власти и организации предупредительно встречают специалистов определенных отраслей.

Людам таких профессий сравнительно быстро дают работу по специальности. Их стараются обеспечить неплохой зарплатой и приличными квартирами. В среде олим их называют "благополучными".

Почему же многие из "благополучных" тоже стремятся при первой возможности покинуть Израиль?

Передо мной текст в несколько десятков страниц, исписанных четким, размеренным почерком методичного, привыкшего к порядку и аккуратности человека. Слог, как читатель сможет убедиться, логичный, последовательный, доказательный. Местами, правда, проскальзывают повторы, описки, помарки. Это можно понять: письмо написано, как говорится, в один присест, без черновиков. Именно так пишут исповедь.

Ее автор — кандидат наук, ранее работавший преподавателем в одном из крупных советских вузов, где вскоре должен был защищать докторскую диссертацию. Сравнительно недавно вышедший из комсомольского возраста, этот ученый уже имел несколько опубликованных научных работ. Мне придется назвать его Евсеем Михайловичем Рубинштейном, чтобы уберечь от расправы в Израиле, где он пока еще вынужден находиться.

Евсей Михайлович поверил националистической пропаганде Израиля. Он решил, что обязан помочь людям еврейской национальности строить свое государство. Нет, он не задумывался над тем, каков строй и общественный уклад этого государства. У него было искреннее желание "строить и созидать" молодую страну.

В Израиле Рубинштейну дали преподавательскую работу в одном из крупнейших учебных заведений страны. Материально он вполне обеспечен. Но...

"Израиль, стремясь к материальному развитию, утратил, как мне кажется, большую часть духовных и моральных ценностей. Развиваясь по чисто западному образцу, он унаследовал нравственный маразм капиталистического общества и его извращенную демократию".

Вот из чего исходил молодой ученый, сделав свои грустные выводы:

"Страсть к наживе вместе с правопорядком — все позволено! задушила общественную совесть и духовные идеалы. Она стала основным содержанием человеческой деятельности и главным критерием взаимоотношений. С точки зрения западного общества такое положение естественно. Мое же поколение, выросшее при социализме, вообще не знакомо на практике с самой сущностью понятия "капитал", с его мертвой хваткой. И в этом, как мне кажется, наше большое счастье, ибо критерии советских людей стоят на подлинно гуманистической основе. Это то, что делает нашу родину самой здоровой в этом мире. Моему соотечественнику крайне трудно выжить в обществе с иной социальной структурой. Он будет неизбежно травмирован и уничтожен жестокой действительностью и не найдет в ней привычной на его родине отзывчивости и ответственности за судьбу ближнего".

И налицо крах иллюзий, полнейшее разочарование:

"Я почувствовал, что мы — эмигранты, ибо потребительская психология израильского общества рассматривает новоприбывающего как неимущего, пришедшего стать конкурентом

в общей борьбе за существование. Он не брат или сын, вернувшийся в свой национальный дом, а чужак, предмет равнодушия, а иногда и злобы. Он одинок и выброшен из жизни".

Если никому не нужным чужаком ощутил себя иммигрант, материально обеспеченный, продолжающий свою любимую работу, окруженный вниманием как ценный специалист, то еще понятнее и ощутимее становится горький крах надежд, потянувших в Израиль людей массовых профессий, людей, о незначительной части которых поименно говорилось выше.

Рубинштейн обратился в советские органы с просьбой простить ему ошибочный проступок.

"Мне горько и тяжело, что я не нашел в Израиле ровно никакой потребности в моем физическом присутствии там, в моем желании строить и созидать, в моей человеческой индивидуальности и тех душевных силах, которые я готов был принести ему. Надежды и цель, которые я связывал с моим приездом в Израиль, оказались бессодержательными. Я почувствовал себя чужим и ненужным ему".

Отчего я столь пространно цитирую исповедь молодого научного работника? В значительной степени оттого, что почти те же мысли услышал от Моисея Матусовича Гитберга, специалиста по сталеварению, бывшего конструктора одного из исследовательских учреждений Днепропетровска.

Гитберг тоже получил работу по специальности в городе Кивоне, неподалеку от Хайфы. Зарплата и квартира его удовлетворяли. Из желания поскорее использовать высокую квалификацию Гитберга начальство допустило неслыханную пощадку: Моисея Матусовича освободили от изучения языка иврит в ульпане. Он знает только русский и немецкий языки, и некоторым его начальникам приходилось объясняться с конструктором через переводчика. Словом, вроде все хорошо. Но...

— В Израиле распадается дружба. Я там встретил нескольких знакомых. Казалось бы, на новом месте мы должны были теснее сблизиться. Нет, мы увидели друг в друге только конкурентов. И все время я ловил себя на мысли: а можно ли с ними откровенничать, не донесут ли они на меня? Это может показаться трагическим водевилем, но при первой размолвке один из них крикнул мне, что подозревает меня в доносах. Меня! — Но вскоре я убедился: такова одна из норм жизни израильтян.

В отличие от многих бывших советских граждан, — продолжал Гитберг, — я хорошо переносил тамошний климат. Меня не заставляли, как других, немедленно изучать иврит. Намекали, что вскоре последует дальнейшее продвижение по службе. И все же я почувствовал, что если не покину Израиль, то способен наложить на себя руки. Ностальгия? Да, конечно. Тоска по сыну и жене? Безусловно. И все-таки первопричина в полнейшей невозможности приобщиться к чужому, вернее, к чуждому миру. Меня потрясло, что за несколько месяцев никто из семейных сослуживцев не попытался пригласить меня в гости. Да что там в гости! Никто ни разу по душам не беседовал со мной. Одни только чисто служебные разговоры. Нет, иногда сослуживцы оживлялись при мысли, что я могу заподозрить их в недостаточной приверженности израильским идеалам. И, стараясь перешеголять друг друга, наперебой сыпали шовинистическими изречениями... Я чувствовал, как моему одиночеству сочувствуют некоторые рабочие, как им хочется от меня узнать правдивые подробности советской жизни. Но они не могли повлиять на мертвящий порядок, раз и навсегда заведенный фирмой... Только в Израиле я понял, что всем своим существом привык к бесчисленным драгоценным чертам советской жизни, которые на чужбине оказались необходимыми как воздух. Без них жить я уже не смогу! Никогда! Когда я заявил своему начальству, что покидаю Израиль, один из них рассерженно крикнул мне, что я отравлен советским образом жизни. Что ж, по-своему он прав...

Не привожу многих других высказываний Гитберга, ибо они совпадают с теми, что мы прочитали в исповеди Рубинштейна.

Обратимся к чете бывших киевлян Бравштейнов. По израильским понятиям, это максимально благополучная семья олим: и муж и жена инженеры-строители.

Борис Бравштейн, молодой и перспективный руководитель проектного бюро, сын

погибших на фронте участников Отечественной войны, уговорил жену уехать в Израиль. Уже впоследствии он понял, какую пагубную для него роль сыграло общение с гастролировавшими в Киеве тель-авивскими артистами и "случайные" встречи с туристами из государства Израиль. Расписывая "рай на земле предков", они внушили Бравштейну, что он обязан жить и работать в еврейской стране.

И Борис с женой оставляют в Киеве родственников и вместе с детьми уезжают из СССР. Два года провели они в Израиле. Работу молодые инженеры получили приличную. У них была и хорошая, по израильским понятиям, квартира. Но с каждым днем супруги все явственней ощущали, что совершена большая ошибка, да только не решались признаться в этом друг другу. Но однажды в один из выходных дней супруги откровенно объяснились и бесповоротно решили: ошибка не должна стать роковой, надо покинуть Израиль!

Что их натолкнуло на такое решение? Чтобы ответить на этот вопрос, я воспользуюсь высказываниями Бориса Бравштейна в беседе с венскими журналистами, исключив те, что совпадают с признаниями кандидата наук Рубинштейна и конструктора Гитберга.

— Разве пойдет в горло кусок, когда знаешь, что приехавший вместе с нами из Советского Союза немолодой рабочий превратился в безработного и питается впроголодь? Безработный! До приезда в Израиль это было для нас отвлеченное понятие.

Разве могли мы спокойно спать, когда нашу тяжелобольную знакомую не взяли в госпиталь: у обнищавшей женщины не было денег на оплату лечения. Но это еще не предел бесчеловечного отношения к больным. Мы с женой видели больных детей, вышвырнутых из госпиталя после того, как их родители просрочили уплату денег за лечение.

А могли мы безучастно наблюдать, как полицейские избивают инвалидов! Только за то, что они посмели протестовать против уменьшения размера пособий. А ведь инвалиды принадлежали к так называемым ватикам, коренным жителям Палестины, считающимися в Израиле привилегированными гражданами. Но так как они нищие и бессильные, их всячески третируют. Вот вам права человека по-израильски!

Вскоре жестокий уклад израильской жизни обрушился непосредственно на самих Бравштейнов. Их детей в школе отказались признать евреями и дали им кличку "необрезанных". Родители безуспешно обращались в различные мисрады, но им неизменно советовали подать прошение религиозным властям. Нетрудно представить, как встретили бы в раввinate мужа и жену, нарушивших обычаи святой веры. Детишкам же стало невозможно посещать школу, их там высмеивали, травили. На своих ранцах и куртках они обнаруживали оскорбительные надписи. Счастливое детство, ничего не скажешь!

А тут еще Бравштейн с нескрываемой гордостью рассказал своим сослуживцам, что его брат в Киеве награжден орденом. Человек с израильским паспортом гордится таким братом? Кое-кто усмотрел в этом антиизраильские настроения. Последовали новые неприятности...

Думаю, перечисленного уже достаточно, чтобы понять, почему Борис Бравштейн заявил венским журналистам:

— Провести четыре месяца в Вене без постоянной работы, но в постоянном страхе перед провокациями сохнутовцев не очень-то сладко. Однако эти четыре месяца показались мне курортом в сравнении с двухгодичной каторгой в Израиле. А ведь я так туда рвался — должен честно сказать об этом...

Еще одна "благополучная" чета: он, Федор Давидович Эдельбург, работал в Киеве ведущим технологом одного из научно-исследовательских институтов, она, Анна Борисовна Теплицкая, получила в СССР высшее театральное образование.

Трудно, конечно, теперь поверить им, что, уезжая в Израиль, они заранее решили для себя: это, мол, не навсегда. Вряд ли научный работник и режиссер художественной самодеятельности не понимали, что с советским гражданством нельзя играть в бирюльки.

И беседуя со мной, муж проявлял поразительную для научного работника то ли, извините, политическую тупость, то ли невероятный инфантилизм. С упорством чеховского "интеллигентного бревна" он монотонно твердил: "Я ведь на практике понял (понадобилась,

видите ли, практика! — Ц.С.), что в Израиле мне места нет. Ну хорошо, допустим, я поступил нелогично, подмахнув заявление об отказе от советского гражданства. Но ведь тот самый майор милиции, которому я вручил свое неправильное заявление, может получить пять, десять, двадцать моих заявлений, что я согласен вновь стать советским гражданином.

"Согласен" — вот так формулировочка!

Я терпеливо разъяснял Федору Давидовичу, что вопрос о предоставлении советского гражданства решается согласно нашим законам Президиумом Верховного Совета СССР. Но мой собеседник, словно не слыша моих слов, продолжал жаловаться на "черствых" работников советского консульства за то, что они в Австрии совершенно не заботятся о нем, "ошибочно" вернувшим работникам киевской милиции свой советский паспорт "за ненужностью".

"Но ведь о вас, — пустил в ход Эдельбург решающий довод, — если вас в Вене обидят, консульство позаботится!" Понимая, что слова до Федора Давидовича не доходят, я молча показал ему свой паспорт гражданина Союза Советских Социалистических Республик.

Правда, жена Эдельбурга Анна Борисовна Теплицкая говорила со мной горестно и, думаю, более искренне:

— От одного сознания, что нам придется до конца дней своих жить в Израиле, мы с мужем сошли бы с ума. Мы попали как бы на другую планету, где жестокость и равнодушие к судьбам окружающих стали нормой поведения. Чтобы каждодневно не сталкиваться с этим, надо жить в башне, совершенно отгородившись от людей. А израильская пресса много шумит о коммуникабельности. Теперь мы готовы рвать на себе волосы: ведь настоящую коммуникабельность ощущали в Киеве, в любом советском городе, куда случалось выезжать!.. Элементы единства в Израиле можно было заметить только среди рабочих. Но в их среду нам проникнуть было трудно — это вызвало бы подозрение начальства: семья деятеля науки, семья привилегированных академаим контактирует с "простыми" рабочими! Да, если в человеке сохранились человеческие чувства, он поступится любой зарплатой, любыми бытовыми удобствами, но не станет жить в обстановке наисовременнейшей безнравственности и наидревнейшего шовинизма. Мы с мужем могли бы привести десятки аргументов нашего решения бежать из Израиля. Но я выражу все тремя словами: страшный образ жизни!

Моя собеседница доказательно воспроизвела приметы свойственной израильскому обществу "нехватки человечности", наличие которой в современном буржуазном мире признают сами западные философы. В Израиле — буржуазном государстве, формирующемся в лихорадочной обстановке провоцируемых им захватнических войн, нехватка человечности ощущается, видно, особенно остро. И я не удивился, когда Теплицкая закончила так:

— Там я поняла, как человекен Киев, самый родной мне город!

А мне после разговора с бывшей киевлянкой вспомнились чудесные стихи талантливого советского еврейского поэта-киевлянина Давида Гофштейна о своем городе, вспомнились строки, открывающие стихотворение "Киев";

Родной до слез, родной до боли,

Тебя я вижу, город мой!..

Гофштейн писал это в 1943 году, когда его родной Киев изнывал под пятой гитлеровских захватчиков. Поэт обращался к советским воинам, сражавшимся на Днепре:

Умножьте грозные удары,
Чтобы днепровскую струю
Окрасить вражьей кровью ярой...

Вероятно, Теплицкая, бывшая актриса еврейского театра, знает лучшие стихи Гофштейна, страстно ненавидевшего шовинизм и с подлинной нежностью воспевавшего братство народов. Знает, что из евреев-киевлян, покидавших родной город, поэт воспевал

только тех, кто по зову сердца уезжал в таврические степи и дальневосточную тайгу хлебопашествовать и строить новые города. Напрасно Теплицкая не вспомнила те строки поэта, когда задумала поменять советское гражданство на израильское. Может быть, ей с мужем не пришлось бы сейчас коротать тоскливые вечера в шумном городе на Дунае, где людям без родины так тяжело.

И все же быть гражданином в Израиле еще хуже, чем беженцем в Вене.

Инженер Злоцкий, взвешивая каждое слово, без ложной аффектации говорит:

— Знаете, если бы передо мной стоял выбор — смерть или возвращение в Израиль, я выбрал бы первое.

Немало "благополучных" — бывших граждан самых разных стран — встретил я некоторое время спустя в Бельгии и других странах, куда они при первой возможности бежали из Израиля.

Их погнали оттуда не материальные лишения, не бытовые неурядицы, не ограниченные возможности заниматься любимым делом, хотя каждому в этом плане там было хуже, нежели на оставленной Родине. Эти люди обосновывали свое бегство из сионистского государства совсем иными мотивами. Они взволнованно говорили, как трудно отказаться от традиций своей истинной родины. Их на чужбине больно било по сердцу все, что и в крупном и в мелочах отличает Израиль от родной страны. Их мучительно подтачивала ностальгия — неизбывная тоска по тому, что стало близким и дорогим с детских лет. Их несказанно раздражала беспринципность новых сограждан, безнадежно зараженных обывательским, архаичным подходом к моральным проблемам, к семье, к друзьям.

Об этом мне рассказывали в самых разнообразных вариантах. Я приведу здесь только одно высказывание, услышанное от сравнительно молодого еще врача-ларинголога, бывшего гражданина Словакии:

— В студенческие годы я насмешливо отнесся к мысли Ларошфуко: "Ум и сердце человека, так же, как и его речь, хранят отпечаток страны, в которой он родился". К тому времени мне уже довелось несколько раз побывать за границей — и, считая себя бывалым, все изведавшим человеком, я подтрунивал над наивностью замечательного французского мыслителя. Моя невеста, ныне жена и спутница в несбыточных попытках найти "вторую родину" в Израиле, охотно соглашалась тогда со мной. Ныне мы поняли, как легкомысленно отнеслись к точному и умному высказыванию Ларошфуко. В наших сердцах и умах навсегда отпечаталось столько словацкого, что без этого нам трудно будет до конца жизни. И этого утраченного не заменят нам никакие материальные блага, если бы нам и удалось их достичь в страшном Израиле, да, трижды страшном для мыслящего человека!.. Наша родина — Чехословакия.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЧУЖБИНА?

Изборожденные надолбами аллеи старого замка Шёнау мне довелось увидеть еще до того, как австрийское правительство официально заявило, что не желает иметь на своей территории пересыльный пункт для направляющихся в Израиль бывших советских граждан.

И я упоминаю об этом отнюдь не для того, чтобы живописно обрисовать ров с водой и мрачную ограду с колючей проволокой, опоясывающие заброшенный замок со столь поэтичным названием: "шёнау" означает "красивая лужайка". Не собираюсь описывать и многочисленную внешнюю и внутреннюю охрану: молодчиков в голубых, армейских рубашках с автоматами через плечо и портативными рациями на широких черных поясах.

В конце концов не столь уж важно, в каком именно месте содержит израильская администрация бывших советских граждан сразу после того, как они покидают нашу землю, — в Шёнау или в другом пересыльном пункте. Важно другое: именно с пересыльного пункта, именуемого в обиходе "этапкой", начинается для них чужбина. Здесь они не только заполняют первые израильские анкеты. Здесь, за зарешеченными окнами, сквозь которые доносится глухой лай овчарок, представители сионистских властей подвергают своих

будущих граждан первому так называемому опросу (а точнее, допросу). Многочасовому, пытливому, подробнейшему.

— Вопросы откровенно разведывательные, — рассказывает врач Любовь Ильинична Гордина, бывшая рижанка. — В каждом из нас стремились найти "информатора" или на худой конец клеветника. Даже от женщин, которые в противоположность Израилю не подлежат, как известно, в Советском Союзе призыву на военную службу, даже от женщин пытаются получить подробности о расположении советских воинских частей. А от мужчин требуют пространных письменных ответов на этот вопрос. Я слышала, как сохнутовец, который долго допрашивал молодого человека, проживавшего ранее на Украине, не мог скрыть своего большого раздражения: "Неужели ты в самом деле такой наивный? Неужели не мог сам сообразить, что нам нужны не твои клятвы!.."

С этим рассказом Гординой до поразительности точно совпадают рассказы бывшего киевлянина Гольдинова, бывшего рижанина Мишуловина и других, хотя все они находились на пересыльном пункте не в и то же время да и допрашивали их не одни и те же инспектора.

Первому допросу (второй происходит уже на аэродроме Лод) сионистские руководители придают огромное значение: еще несколько часов тому назад человек находился на территории Советского Союза, он нервно возбужден, еще не вполне осознал то, что с ним произошло, надо этим сполна воспользоваться! И на каждого, кто переступит порог изолированного от внешнего мира пересыльного пункта, обрушивается нескончаемый поток вопросов:

— Есть ли среди ваших знакомых в Советском Союзе люди, работающие над новыми изобретениями и научными открытиями? Знаете ли вы их точный адрес? Как, по-вашему, можно побудить их к выезду в Израиль?

— Кому из ваших родственников и знакомых следует поскорее организовать вызов?

— Кто из ваших знакомых, уехавших или собирающихся в Израиль, настроен не вполне сионистски? Кто, по-вашему, ехал не по собственному желанию? За кем из них надо в Израиле особенно присматривать?

А если допрашиваемый пытается уйти от ответа на подобные провокационные вопросы, ему многозначительно напоминают:

— Ваша щепетильность совсем не к месту. Вам надо не отмалчиваться, а говорить. Говорить!

Я назвал эту главу "С чего начинается чужбина?". Но сейчас, вспоминая многочисленные рассказы о допросах на пересыльных пунктах, понял, что для кое-кого из бывших советских граждан там начинается не только чужбина, но попросту вражеский стан. Некоторые из тех, кто покинул Советскую страну во имя сионистских "идеалов", сейчас вынуждены признать, что эти "идеалы" их израильские собратья рассматривают прежде всего как антисоветизм.

Стремясь сразу же заработать политический капитал и потрафить требовательным сохнутовцам, кое-кто выступает в роли импортера "литературной сенсации". Правда, большей частью охота за сенсациями заканчивается конфузом.

Так, например, некий Цви Кармаль, ныне проживающий в израильском городе Натани, поспешил объявить, что один крупнейший советский поэт лично вручил ему для опубликования в Израиле свое новое стихотворение о тяжелом положении евреев в Советской стране. Израильская пресса крикливо сообщила, как подлинный израильский патриот Кармаль, предвидя таможенный досмотр, предусмотрительно уничтожил рукопись и выучил запрещенные стихи наизусть. Стихотворение было опубликовано с многозначительным примечанием насчет того, почему приходится скрыть подлинное имя автора. Строки из стихотворения незамедлительно были процитированы в нескольких антисоветских радиопередачах. А через несколько дней пресса вынуждена была конфузливо извиниться перед читателями за "неточность". Оказывается, "запрещенное произведение крупнейшего советского поэта" — это стихотворение дореволюционного русского поэта Семена Надсона "Я рос тебе чужим...". Впервые опубликованное в 1901 году, оно, конечно,

включается и в советские публикации надсоновских стихов.

ПЕРВАЯ ГРАНЬ ПАДЕНИЯ

Покамест на пересыльном пункте комплектуется очередная группа для отправки "по этапу" на аэродром Лод, сохнутовская агентура пытается любым способом отрезать бывшим советским гражданам путь назад. И прежде всего стремится получить от них какое-нибудь собственноручно подписанное высказывание антисоветского характера.

Тут на помощь израильской агентуре любезно приходит клеветническая продукция человека без родины Солженицына, издаваемая на русском языке зарубежным антисоветским отребьем.

Молодчик с пистолетом, выполнявший на пересыльном пункте Шёнау обязанности "библиотекаря", доверительно сказал Гиршу Майману:

— Я дам вам вне очереди новую книгу Солженицына. Понимаете, вне очереди! А вы хотя бы коротенько напишите по-русски, какое впечатление она произвела на вас. Не бойтесь, эти отзывы нужны только издательству и только для статистики.

— Я видел, — рассказывает Майман, — как бережно прятали в сейф эти "читательские отклики" на книги, которые вовсе не надо было всучивать "вне очереди", ибо на пересыльном пункте солженицынские "произведения" были сложены целыми штабелями. Мне это вскоре вспомнилось в Израиле. Там одному бывшему киевлянину предложили написать в сионистскую газету, что клеветнические кинокадры, вмонтированные в телевизионную передачу о Солженицыне, якобы документальны. А в действительности это были отрывки из антисоветских кинофильмов, состряпанных за рубежом по мотивам солженицынских писаний.

Тех, кто содержался на пересыльном пункте, провоцировали не только с помощью солженицынских "произведений". Для людей, причастных к искусству, использовалась еще соседствующая с замком "картинная галерея" из двух приземистых комнатушек, выбеленных на складской лад грубой известкой. В этом, с позволения сказать, выставочном зале периодически экспонируется творчество "абстракционистов", настолько отъявленных и вместе с тем безвестных, что в городских картинных галереях их произведения не находят приюта хотя бы на день.

И вот сюда организованно приводили "экскурсантов" из замка, а после пятиминутного "осмотра экспозиции" просили отразить свое впечатление в книге отзывов.

Я видел эти записи. Их немного. Но почти в каждой — восторженное упоминание о "современном искусстве в свободном мире".

Один из благодарственных отзывов подписан неким Нолиным, назвавшим себя скульптором. Правда, потом я так и не нашел этого имени в многочисленных каталогах произведений советской скульптуры. Зато узнал от беженцев из израильского города Хайфы, как "свободный мир" встретил упомянутого Нолина: когда он заговорил о скульптуре, его тотчас же прервали и предложили заняться раскрашиванием рекламных макетов.

Прощаясь со знакомыми, покидавшими Израиль, Нолин грустно вздохнул:

— Мне-то уже придется коротать свой век здесь. У вас есть хоть какая-то надежда на прощение Советского государства. А я, как одержимый, сразу же по приезде сюда с готовностью подтверждаю израильским репортерам любую небылицу о советском искусстве. Вы же знаете, чем бессмысленней небылица, тем охотнее здесь ее печатают. Разве же смею просить я о возвращении советского гражданства — мне сейчас же напомнят мою клевету!

Первым делом, впрочем, напомнят это Нолину израильские власти, если он только заикнется о желании покинуть страну. Напомнят и о записи в книге отзывов картинной галереи близ Шёнау. И даже покажут для вящего эффекта фотокопию этой самой записи.

Не случайно седобородый и немногословный смотритель галереи, заметив, что, знакомясь с книгой отзывов, я пользуюсь только ручкой и блокнотом, любезно посоветовал мне:

— Вы лучше сфотографируйте, мои соседи из замка делают только так...

От одного из беженцев, рассказавших мне о запоздалых признаниях Нолина, я услышал:

— А какая, собственно, разница между ним и мной? Я, правда, не давал израильским репортерам антисоветских интервью. Но я тоже забыл, что Советская страна сделала меня человеком. Мои родители влачили бесправное существование в черте оседлости царских времен, а я стал специалистом с высшим образованием. И забыл об этом, да и не только об этом!

Второй сказал:

— Когда гитлеровцы сжигали евреев в печах концлагерей, незнакомая белорусская семья спасла моих родителей. А потом русские люди эвакуировали их подальше от фронтовой полосы, в Узбекистан. Мать мне рассказывала, как тепло заботились о них там. А я...

Третьей мешали говорить слезы:

— Недавно моя дочь вспомнила, как в детстве провела сказочный месяц в Артеке. Разве только это я забыла! Боже мой, сколько хорошего я забыла с той минуты, когда решила покинуть землю, где узнала это хорошее!..

"Как я мог забыть?!"

Люди разного возраста, разных профессий, покинувшие разные уголки советской земли, взволнованно повторяют сейчас на все лады эту фразу. Неудивительно: израильский образ жизни на каждом шагу напоминал им о том, что они смогли, вернее, посмели забыть. Вот один из сотен, из тысячи таких примеров...

— На улице оборвался электрический провод, — рассказывает Владимир Рейзин. — На моих глазах наземь упал человек, сраженный током. Я не знал, где ближайший телефон, и беспомощно озирался вокруг. Толпа, окружавшая вначале пострадавшего, быстро стала редеть. Я крикнул: "Почему не вызывают врача?" И мне деловито объяснили: надо, мол, сперва осмотреть карманы этого человека, есть ли там деньги или на худой конец солидные документы. Я не понял, о каких документах может идти сейчас речь. И мне подсказали: речь идет о документах, подтверждающих, что этот человек сможет оплатить оказанную ему медицинскую помощь. Я разъяренно крикнул: "О чем вы думаете? Человек может погибнуть!" И услышал насмешливый ответ: "Если ты банкир, вызывай врача — сам ему и заплатишь!" Когда я рассказал своей семье об этом жутком случае, все стали припоминать, сколько раз многих из наших родственников когда-то бесплатно лечили в больницах и санаториях, сколько раз врач по первому вызову приезжал на дом и днем и ночью, сколько раз... Ах, сейчас уже поздно перечислять! Сейчас в мыслях одно: как я мог забыть об этом, забыть даже на минуту! Как я мог забыть?!

Немало подобных признаний и сожалений довелось выслушать мне от бежавших из Израиля бывших советских граждан. И, вспоминая детали и подробности их повествований, отчетливо вижу, что чужбина началась для них не с пересыльного пункта.

Она началась с черной неблагодарности братской семье советских народов. С предательски закравшейся в сердце гаденькой мыслишки насчет "второй родины". С непростительного забвения того, что по-матерински сделала для них родная земля. Такое забвение — первая грань падения, приведшего их к страшной судьбе, к тому, что ныне они бывшие граждане Советского государства.

"Как на себя через года в глаза друг другу поглядите?" спрашиваем мы этих людей выразительными строками советского поэта Евгения Антошкина. Но вот даже не через года, а через месяцы, недели, дни приходит к ним жгучее раскаяние, приходит неистребимое желание вычеркнуть из жизни время пребывания на чужбине. "Поздно вы прозрели", — приходится ответить им словами поэта.

В различных странах я, как мог убедиться читатель, беседовал со многими десятками бежавших из Израиля "бывших". В этой книге приведена только незначительная часть услышанных мною исповедей беглецов — одна трагичней другой. Но если даже бывший

советский гражданин и не бежит из Израиля, а продолжает через силу тянуть свою горемычную лямку там, это отнюдь не говорит о каком-то его примирении с тяжелым владычеством сионистского режима. Наглядное тому свидетельство — полученное мною после первого издания книги письмо инженера Александра Финельда, уроженца Тбилиси, которое он прислал из Израиля после семилетней "жизни без всякого смысла" в этой стране. Понимая, что сионистские власти приклеют ему ярлычок "антисемита" и по головке за откровенность не погладят, Финельд все же не скрывает своего имени, приводит свой точный адрес и без обиняков доказывает, что советский человек попросту не в силах жить в современном Израиле.

"Пишу это письмо с единственной целью образумить заблуждающихся, донести до них правду, а то они могут поверить, что в этой, во многом еще беспомощной, стране, где бесконтрольно правят капиталисты, может существовать национальное братство, культура, воспитание, общая цель, Я хочу на собственном горьком опыте предостеречь, остановить, по возможности, легковверных людей, так как по себе знаю, что потом будет поздно, останется одна затаенная тоска.

По прибытии в Израиль вам сразу дадут понять, что с прошлым надо расстаться, а прошлое — это прежде всего образование, специальность, культура, человечность. Да, именно с этим вас заставят расстаться. А взамен всего, что было содержанием вашей жизни, вам придется приспособливаться к умышленному издевательствам, выработать в себе рабскую покорность работодателю — хищнику, ненавидящему "этих советских". А не покоритесь — будете выгнаны буквально на улицу, и никому не будет до вас дела. Ваше горе останется вашей личной проблемой, и в любом учреждении вы встретите только презрение, встретите отчужденность грубых, в какой-то степени примитивных чиновников, которые будут как бы мстить вам за все хорошее, что в вас заложено, за культуру, за образование, за чувство достоинства, за все, с чем вы сюда приехали. Это потому, что зависть и злость, да, можете мне поверить, нечеловеческая злость царит здесь.

Вы почувствуете, что никому здесь в действительности не нужны, разве что ваши жены и дочери пригодятся для извращенных наслаждений богачам, среди которых немало уголовников-рецидивистов. Вы поймете, что для них "страна отцов" — это деньги, деньги, деньги. Своих сыновей они прячут в Америке, а ваших — тут же в армию, на границу. Пока не поздно, поймите, что для них мы, советские евреи, прежде всего пешки грязной политики. Им хочется спровоцировать недружелюбие советских народов к евреям, чтобы заставить нас ехать в Израиль. А если вы приедете и убедитесь в царящей здесь нечеловеческой несправедливости, они вам нагло скажут: "А кто вас звал сюда, можете убираться!" Но бежать не дадут. Когда же люди все-таки стали любимыми способами убежать, снова начались фальшивые сожаления о том, что люди, "отравленные советским образом жизни", не приспособлены к жизни в европейском (перенести Израиль из Азии в Европу для сионистской пропаганды — пара пустяков! — Ц.С.) цивилизованном государстве.

Прошу вас, напечатайте мое письмо. Может быть, я хоть кого-нибудь удержу от рокового шага, остановлю от расставания с полноценной жизнью".

Не мог не выполнить искреннюю просьбу истрадавшегося человека.

ХУЖЕ СМЕРТИ!

Бывшие!

Не слишком ли часто встречается это слово в моих документальных записях?

Нет, только оно способно точно и бескомпромиссно охарактеризовать судьбу людей, уехавших из Советского Союза в Израиль. И хотя те, о ком я рассказал, не пожелали стать израильскими гражданами, воочию убедившись, что попали на чужую землю, к чужим людям, в чужую общественную среду, словом, на чужбину, но они все равно бывшие — в самом беспощадном смысле этого слова.

Они были людьми с большими правами и перспективами. Перед ними были открыты

широкие дороги, а очутились они в беспросветном тупике. Они были уверены в будущем своих детей, а сейчас не вправе открыто глянуть им в глаза, ибо в ответ встречают взгляд, полный осуждения.

Но, поглощенные собственными бедами, они все еще не могут не думать и о тех, в чье нутро только начинает проникать ядовитая червоточина сионистской пропаганды, о тех, кто еще пока стоит на грани рокового шага.

Вот почему страницы о встречах с моими бывшими согражданами я обязан закончить словами одного из самых молчаливых и сосредоточенных обитателей печального дома на Мальцгассе — инженера Зильберфайна. Он обычно молчит, даже когда вокруг сушатся омытые слезой воспоминания об Одессе, которую Зильберфайн сейчас по собственной вине не смеет уже называть родиной. И именно этот человек сказал:

— Хочется крикнуть во весь голос, крикнуть так, чтобы услышал каждый, кто ночами жадно принакает к радиоприемнику и ловит лживый "Голос Израиля", несущий столько горя! Хочется крикнуть: люди, не повторяйте нашей страшной ошибки, она может оказаться непоправимой! Люди, стать бывшим гражданином Советской Родины — хуже смерти!

Тогда в Вене Борис Зильберфайн показался мне самым, что ли, смирившимся со своей печальной судьбой, наиболее безответно покорившимся ей. Его рассуждения можно было вкратце изложить так: "Я совершил роковую ошибку — и буду безропотно нести на своих плечах тяжкое ярмо этой ошибки".

Я ошибся: Борис Зильберфайн все больше и больше ропщет против тех, кто не дает ему работы, кто заставляет его бегать по биржам труда (там на него смотрят, по его выражению, "как на неодушевленный предмет"), кто по любому поводу и без повода напоминает ему, что он человек без родины. В Одессе у него была репутация перспективного молодого специалиста, а на чужбине он, имеющий среднее и высшее техническое образование, вынужден был поменять уже более двадцати "специальностей". Из писем Бориса Зильберфайна, с которыми его родные ознакомили Антисионистский комитет советской общественности, можно узнать, что этот сорокасемилетний мужчина дошел до отчаяния, что "нету дня, когда бы ни приходили в голову мысли о самоубийстве". А ведь он среди укрывшихся в Вене беженцев из Израиля слыл "благополучным", "устроенным", "успокоившимся". Кто-то даже назвал мне его "разумным". Но, оказывается, этот часто плачущий человек вот уже второй десяток лет не живет, а "существует",

Не случайно в этом издании книги я столь подробно говорю о Зильберфайне. Его судьба — наглядный пример того, что даже те, кто всемерно пытался приспособиться к удушающей капиталистической действительности, оказались у разбитого корыта. Неизбывная тоска, ощущение собственной второсортности, вдребезги разбитые чаяния обрести "вторую родину" — таков их печальный удел. Да, у Бориса Зильберфайна большой неоплаченный счет к сионистским правителям Израиля!

Одни ли сионистские правители Израиля калечат жизнь многим людям, превращая их в бывших граждан социалистических стран? Только ли израильские буржуазные националисты осуществляют гнусные планы международного сионизма и, не стесняясь выбором средств, непрестанно заманивают в свои тенета новые и новые жертвы из среды еврейского населения разных государств?

Нет, правящие сионистские круги, все явственней ощущающие противоборство прогрессивных сил внутри страны, вынуждены все больше и больше опираться на поддержку широко разветвленной на Западе системы международного сионизма.

Значит, международный сионизм несет прямую ответственность за то, что Ближний Восток все явственней превращается в "Балканы третьей мировой войны". Зловещее сравнение! Помните, именно на Балканах вспыхнул огонь, запылавший страшным пожаром первой мировой войны.

Повинен международный сионизм и в том, что каждый рождающийся в Израиле младенец попадает в ярмо непомерного государственного долга: в начале 1985 года — около 8 тысяч долларов на душу населения; что Израиль, погрязший в "самой длинной" войне,

ведет ее, по существу, с мирным населением: более 80 процентов жертв в Ливане (а их — десятки тысяч!) приходится на незащищенных стариков, женщин, детей; что сионистские правители Израиля совершают тяжкие преступления не только против ливанского, палестинского и других арабских народов, но и против своих же граждан.

ДВОЙНЫЕ

ОНИ НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ПРОЩАЮТ

Неслыханно! Чрезвычайное происшествие! Требуется экстренное обсуждение!

Сионистская организация Антверпена переполюшилась. Почтенный член еврейской общины, аккуратнейшим образом вносящий в сионистскую кассу любые требуемые суммы, уличен в позорном проступке. Даже в трех проступках. Он, во-первых, изучал антисемитскую литературу, во-вторых, пропагандировал ее и, в-третьих, распространял.

Да, доказано, что уважаемый бухгалтер (одни называли мне его Геирсмансом, другие — Гейрмансом) не просто читал, а усердно штудировал антисемитское издание — его безжалостно уличают подчеркивания целых фраз и восклицательные знаки на полях страниц. Обвиняемый и не пытается отрицать, что криминальные пометки сделаны его рукой. Следовательно, первый проступок установлен.

Да, второй проступок — факт пропаганды порочной книги — тоже налицо: однажды вечером гость бухгалтера вслух читал выдержки из антисемитского издания в присутствии хозяина дома и двух знакомых.

Да, доказан и третий проступок — факт распространения антисемитской литературы. Изменивший идеям сионизма бухгалтер лично давал крамольную книгу на прочтение двум своим сослуживцам. Третий, к счастью, оказался стойким сионистом и своевременно доставил уличающее Геирсманса-Гейрманса издание руководителям организации.

Как попала к бухгалтеру враждебная книга, из-за которой загорелся весь сыр-бор? Это точно установлено. Ее продал антверпенцу бежавший из Израиля бывший болгарский гражданин. Местная сионистская организация, причисляющая таких беженцев к ренегатам и отступникам, устроила ему в Бельгии далеко не сладкую жизнь. И полученные от бухгалтера тысяча триста бельгийских франков (около сорока долларов) обеспечили его семье трехдневное, правда, не шибко сытное пропитание.

Пора, наконец, назвать страшную книгу. Издана она в Тель-Авиве. На иврите. Называется "Своими глазами". Автор — гражданка государства Израиль Фелиция Лангер. Профессия автора — адвокат.

Отчего же эта публикация зачислена в разряд антисемитских? Оттого, оказывается, что Фелиция Лангер открыто рассказывала о пытках и мучениях, которым подвергаются в израильских тюрьмах арабы, обвиняемые в сопротивлении израильским властям на захваченных агрессором территориях.

Фелиция Лангер пишет только о том, что видела своими глазами в израильских тюрьмах, куда ее, адвоката, вынуждены были иногда пропускать к подзащитным. Пишет точно и обстоятельно, приводит подлинные имена и документированные факты. Она встречала среди заключенных и восьмидесятилетних стариков, и четырнадцатилетних подростков.

Наиболее изощренным пыткам подвергают палестинцев в тюрьме Рамаллаха. Там, в камере высотой ниже человеческого роста, усыпанной острыми камнями, Фелиция Лангер обнаружила известного прогрессивного деятеля из Иерусалима Сулеймана аль-Наджаба. Некоторое время его считали без вести пропавшим, ибо израильские власти предпочитали отмахиваться от запросов его родственников.

Щадя чувства и нервы читателей, я не описываю пыток, выпавших в израильской тюрьме на долю Сулеймана аль-Наджаба. Издевательства, которым подвергли его в

израильских застенках, в частности в военной тюрьме Сарафанд, представляли смесь средневековых пыток и истязаний, "модернизированных" на основе новейшей техники.

Правдивая книга израильского юриста рассказывает о преступлениях израильских захватчиков, аналогичных преступлениям тех, кто предстал перед Международным трибуналом в Нюрнберге.

Эти преступления доказаны. О них говорили юристы и общественные деятели многих стран в Финляндии на сессии международной комиссии, созданной Всемирным Советом Мира для расследования нарушений Израилем прав человека. Противоречащие Женевской конвенции "чрезвычайные законы" дают возможность израильским властям чинить любые беззакония над местным населением — таковы выводы комиссии. Об этом пишет и Фелиция Лангер.

Но сионисты окрестили ее работу антисемитской, а автора и всех, кого книга навела на раздумья, антисемитами. По этому "принципу" угодил в антисемиты и антверпенский бухгалтер Геирсманс-Гейреманс.

Как же посмел он не поверить сионистской прессе, что Фелиция Лангер сочинила свою книгу прежде всего для того, чтобы отомстить евреям за то, что... ее бросил муж и сейчас ни один добропорядочный израильтянин не женится на ней?

Перепуганный бухгалтер поспешил "поверить" этой легенде. Смирненно покаялся. И к всеобщему изумлению руководители антверпенской сионистской организации сочли возможным ограничиться покаанием проштрафившегося бухгалтера.

Такое неожиданное благодушие объясняется весьма просто: к тому времени в еврейские круги Бельгии стала уже проникать книга, с точки зрения сионистов, более опасная, нежели та, что написала Фелиция Лангер, — называется она "Расизм государства Израиль", ее автор Исраэль Шахак, профессор Иерусалимского университета. Несколько лет кряду этот видный ученый безуспешно пытался обнародовать в Израиле цикл документальных статей о неслыханно жестоких расправах израильских властей с палестинцами на оккупированных землях. Статьи профессора Шахака были опубликованы за границей. Особенно убедительно прозвучала статья "Я обвиняю сионизм!". В ней автор гневно обвинял не только сионистский расизм, но и всех, кто "не протестует" против сионистского фашизма, поскольку считают, что он "в интересах дела еврейской нации".

Нетрудно себе представить, с какой яростью ополчились бельгийские сионисты против "антисемитской" книги израильского ученого — ведь написана она не политиком, не журналистом, не адвокатом, а профессором органической химии, никогда неборовшимся за место в кнессете, не стремящимся к политической карьере. В такой обстановке проступок антверпенского бухгалтера сразу показался мелким, и его простили. Бухгалтер бурно обрадовался: он-то ожидал худшего, ибо прекрасно знал: бельгийские сионисты никогда ничего не прощают.

"Никогда ничего не прощают". Позвольте, ведь я, кажется, уже слышал такое о бельгийских сионистах. Конечно, могу совершенно точно сказать — когда и где...

Но сначала надо рассказать об одной встрече в Голландии, куда я приехал из Бельгии.

Амстердам. Крохотное и всегда забитое посетителями кабаре "Ли-ла-ло" на Клерекстраат. Талантливые эстрадные исполнители Жози и Жак Холланд выступают с программой еврейских песен, преимущественно фольклорных. Жози поет, а муж аккомпанирует ей на нескольких инструментах. Такой репертуар, естественно, не может вызвать никаких возражений со стороны амстердамских сионистов. Правда, те из них, кто придерживается религиозных обрядов, принципиально не посещают "Ли-ла-ло": закуски и напитки там подают не в кошерной посуде. Кое-кто из националистов брюзжал еще и по поводу того, что в репертуаре супругов Холланд преобладают иронические песенки, в смешном свете представляющие ревнителей некоторых древних иудейских обрядов.

Брюзжали, но не трогали супругов Холланд. Но вот в их репертуаре появились и крамольные песни: Эдуарда Колмановского и Евгедия Евтушенко "Хотят ли русские войны" и русская народная "Из-за острова на стрежень...". А тут еще Жози и Жак посетили

Советский Союз. Подсаживаясь, по обыкновению, к столикам знакомых посетителей, артисты восторженно рассказывали о Москве и Ленинграде.

Вот тогда-то сионистские активисты Амстердама разгневались. И дали понять это исполнителям крамольных песен. Для начала только, как говорится, предупредили.

Неунывающий Жак, участник французского Соппротивления, посмеивается над угрозами. И, словно бросая вызов сионистам, супруги стали еще чаще исполнять сатирическую песенку "Антисемит". Не в бровь, а в глаз бьет она любителей молниеносного приклеивания ярлычка "антисемита" всем неугодным. И столь же зло высмеивает молниеносную амнистию "антисемитам", сумевшим чем-нибудь угодить своим вчерашним антагонистам.

Холланды намерены расширить свой репертуар, сделать его более интернациональным. Не по годам темпераментный и неизменно улыбчивый Жак рассказал мне о своих планах. Он горячо интересуется новыми произведениями советских песенников и даже меня уговорил "спеть" ему с горем пополам несколько песен, созданных у нас в честь Победы над германским фашизмом.

...Оторвался от этих строк и с удовольствием прослушал пластинку, подаренную мне артистами. Как выразительно передает Жози характер каждой песни — явственно представляешь себе то маленького продавца папирос под дождем, то строгого учителя, величаво внушающего в хедере лукавым шалунам азы грамоты! Как изобретательно, с самыми неожиданными вариациями аккомпанирует ей Жак. Создается впечатление, что играет инструментальный ансамбль!

И все же, когда диск остановился, мне вспомнились не полные задора лица артистов, а беспокойные глаза Шимона — слегка прихрамывающего молодого человека из Марокко. Сидя с приятельницей за соседним столиком, он неожиданно включился в нашу беседу с супругами Холланд. Стоило им отойти от меня, как Шимон — верный поклонник их искусства — с нескрываемой тревогой сказал:

— Жози и Жак, как всегда, беззаботны и закрывают глаза на опасность. А ведь сионисты не оставят их в покое. Как бы я желал ошибиться, но жизнь покажет, что я, к сожалению, прав. — И подчеркнуто серьезно заключил: — Голландские сионисты, да и бельгийские тоже, я хорошо знаю, не прощают ничего и никому. Сомневаетесь? Придется, значит, открыть вам тайну моей хромоты. Позвали меня на собрание проживающих здесь марокканских и сирийских евреев. Я обрадовался, что смогу прочесть вслух письмо из Израиля от моего друга Нисима Гурна. Живет он в Кирьят-Шмоне и написал мне, что темнокожим евреям там отравляют жизнь. Хотел жениться, но побоялся, что жена будет жить впроголодь... И вот об этом моем "преступлении" узнали амстердамские бнейакибовцы — и проучили меня...

"Не прощают ничего и никому".

Пора, пожалуй, сказать, где же и от кого я впервые услышал такие слова о голландских и бельгийских сионистах.

Было это в Вене, на Йозефгассе, 10, в стрелковом тире "Йохан Шпрингер". Я уже рассказывал об этом, состоящем под попечительством "Сохнута" заведении, где посетители, разговаривая преимущественно на иврите, совершенствовали умение стрелять по движущейся цели.

Моей особой заинтересовался там мрачный человек в шортах, видимо, администратор. Узнав, что я москвич, он заявил:

— Наш тир — частный. Вам придется уйти.

И поручил своему подручному — более веселому молодому человеку препроводить меня к выходу. На прощание мой конвоир весело уведомил меня:

— Ваше счастье, что вы в Австрии, а не в Бельгии и не в Голландии. Уж там бы вас просто так не выпустили!

— Именно в Бельгии и в Голландии?

— Именно, именно! Там сионисты не такие шлеперы[В переводе с идиш на русский —

что-то вроде размазни, неудачника, горемыки.], как в Австрии. Там настоящие мужчины. Они умеют ничего не прощать. Особенно, если кто-нибудь сует свой нос туда, куда не положено заглядывать чужим! Это только мы, в Вене, цацкаемся...

Тогда я встретил самокритичное сообщение вышибалы недоверчивой улыбкой. Но теперь вынужден признать: молодой весельчак был прав. Заявись я непрошеным гостем в подобный тир в Брюсселе или Амстердаме, то, пожалуй, не отделался бы одним только словесным внушением.

Что ж, неспроста, видимо, сионистские организации Бельгии и Голландии иногда называют бастионом европейского сионизма.

Особенная воинственность и обостренный шовинизм сионистов Бельгии и Голландии — явление далеко не случайное. Дело не только в их принадлежности к буржуазии, не только в их влиянии на общественную жизнь этих стран. Дело еще в том, что бельгийские и голландские сионисты свято исповедуют так называемую "иерусалимскую программу", принятую в Иерусалиме руководством Всемирной сионистской организации еще до образования государства Израиль. В ногу со временем, модернизируясь на каждом последующем конгрессе в том же Иерусалиме, программа эта настойчиво напоминает всем без исключения евреям, что в их жизни Израиль играет роль "централитета", что борьба за усиление этого государства — их обязанность, что они призваны бороться за эмиграцию евреев из всех стран мира на их "историческую родину".

Ведь именно на основе этих пунктов "иерусалимской программы" современный сионизм и провозгласил, что сегодня любой еврей, гражданином какой бы страны он ни был, одновременно является еще гражданином государства Израиль.

Бельгийские и голландские сионисты особо ревностно осознают себя такими "двойниками". Со всеми вытекающими последствиями. Отсюда в значительной степени их удвоенное рвение при выполнении директив своих идеологов и удвоенная нетерпимость ко всем, кого они считают антисионистами и даже просто несионистами.

ИЗ МОЛОДЫХ

Не преувеличивал ли все-таки Шимон зависимость любого голландского или бельгийского еврея от местных сионистских организаций?

Но вскоре мои сомнения рассеялись. Я убедился, что даже незначительная группа сионистской молодежи, без помощи зрелых единомышленников, имеет возможность отравить жизнь неугодным ей лицам.

— Наши главные мучители!

Так выразительно отзываются беженцы из Израиля, нашедшие приют в Брюсселе, о "золотой молодежи" бельгийской столицы. Эти кандидаты в знатные сионистские деятели, чьи автомашины модных марок можно видеть у подъездов самых шикарных баров и ночных заведений, с вызывающей гордостью именуют себя израильтянами в изгнании. Хороши изгнанники, прокучивающие за одну ночь сумму, конечно, не ими заработанную, достаточную для трудовой семьи на две недели!

В сионистской среде этих зазнавшихся юношей именуют "маккабистами". Они члены спортивного клуба "Маккаби" — тезки одного из самых старых и традиционных сионистских объединений военизированного типа. И с тех пор, как в Брюсселе появились беженцы из Израиля, маккабисты делят свое время между спортом, ночными кутежами и травлей покинувших израильское государство людей.

— Вы изменили Израилю!

— Вы предатели еврейского народа!

— Вы заслуживаете голодной смерти!

Вот что слышат от богатых молодых бездельников люди, бежавшие из Израиля и в одиночку, и парами, и с малыми детьми и престарелыми родителями.

От угроз маккабисты переходят к действиям. Они взяли на себя контроль над

соблюдением бойкота беженцев — и горе тому брюссельцу, который осмелится дать хоть самую черную работу "презренному ренегату".

Узнав, что владелец швейной мастерской близ Блошиного рынка взял на сдельщину семью беженца с "земли обетованной", двое маккабистов ночью методично искрошили оконные стекла мастерской. Удалось установить только одно: аристократические громилы приехали на элегантном автомобиле марки "Альфа-Ромео".

Маккабисты избили и нескольких беженцев, обратившихся в консульства некоторых стран с прошениями разрешить им вернуться на покинутую родину. Правда, после расправы хулиганы проявили "великодушие": они предложили своим жертвам взять на себя расходы по... их возвращению в Израиль.

Издательства маккабистов над затравленными беженцами обратили на себя внимание некоторых общественных организаций Брюсселя. Они пристыдили руководителей сионистских общин. Те ответили, что маккабисты преследуют беженцев из Израиля "по собственным побуждениям, а контролировать ночные похождения молодых людей невозможно".

Записав эти строки о бесчинствах маккабистов, я под вечер вышел из отеля "Приятное пребывание" на прогулку по весеннему Брюсселю. Свернув на аристократическую авеню Уинстона Черчилля, я на небольшом отрезке улицы насчитал у подъездов великолепных домов четыре легковые машины с эмблемами клуба "Маккаби" на стекле. "Континенталь" массивный, широченный, моллюскообразный — был украшен еще и бело-голубым вымпелом со звездой Давида и надписью на иврите. Заметив слово "Сион", я собрался переписать надпись в свой блокнот.

Вышедшая из подъезда молодая парочка быстро подошла к машине. И он и она были одеты с той изысканной неряшливостью, которая сейчас на Западе обходится намного дороже самых роскошных туалетов. Заметив мой блокнот, молодой человек смерил меня подозрительным взглядом и недовольно обратился ко мне на французском языке.

Я ответил:

— Говорите со мной на идиш.

Иронически переглянувшись со спутницей, он отрывисто бросил:

— Еврей?

— Да, я еврей.

— Покинули Израиль?

— Приехал из Москвы.

— Из Москвы?!

Чтобы достоверно описать состоящие владельца "Континенталья", требуется прибегнуть к эпитетам Маяковского. Ошарашенный молодой человек глядел на меня так, словно увидел перед собой "гремучую в 20 жал змею двухметроворостую".

Девушка потянула его за рукав. Ломаный еврейский язык, на котором он чертыхнулся, признаться, меня удивил — тогда я еще не знал, что все двенадцать выходящих в Бельгии сионистских газет и журналов издаются на французском и фламандском языках из-за почти стопроцентного незнания тамошними сионистами ни иврита, ни идиш.

Мощная машина с места рванула на полной скорости. Будь на моем месте беженец из Израиля, неожиданный диалог едва ли закончился бы так мирно...

А голландские ровесники молодых бельгийских сионистов? Каковы их нравы?

Пожалуй, даже покруче. Более того, если в Бельгии неистовствуют преимущественно юноши, то в Голландии пальмы первенства зачастую принадлежат представительницам прекрасного пола.

Именно девицы из молодежных сионистских объединений "Егуд габоним" и "Гашомер гацаир" ["Объединение сыновей" и "Молодой страж".], не очень-то многочисленных, но имеющих своих представителей даже в руководстве такого высокого координационного органа, как Нидерландский союз сионистов, настойчиво требуют создания вооруженных боевых дружин. К этим требованиям присоединились и молодые националистки из

объединения с пространным названием "Еврейское молодежное движение Бней акиба", хотя по многим другим вопросам (особенно при распределении шекельных сборов) эти три объединения хронически полемизируют.

По-разному отнеслись они, например, к полученному из Иерусалима плану видного деятеля ВСО (Всемирной сионистской организации) Мордехая Бар-Она. Возглавляемый Бар-Оном отдел "халуцим" и работы с молодежью установил цифровые показатели для молодежных сионистских организаций в странах "рассеяния", намечающие количество лиц, подлежащих отправке в Израиль. Эти цифры определяют, скольких молодых халуцников (проще говоря, "подготовленных" молодых иммигрантов) ждут в Израиле из каждой страны. Словом, весьма директивные цифры!

Правда, когда дело касается переезда в Израиль, у сионистской молодежи Голландии нет никакого единодушия. И никто из них не собирается переселяться. Зато на боевые дружины у всех единый взгляд.

Молодые сионистки сумели привлечь на свою сторону и более зрелых товарок: голландское отделение Всемирной организации женщин-сионисток сочло убедительными аргументы за создание боевых дружин "самообороны". Руководительниц отделения не смутило, что аргументы эти в основном заимствованы из идейного арсенала заокеанского раввина-террориста Меира Кахана: евреев, мол, надо защищать, им грозит опасность в любой стране, в том числе и в Голландии!

Голландцы недоумевают: "От кого защищать? Зачем им нужны у нас дружины самообороны?"

КОРОТКАЯ ЭКСКУРСИЯ В БРУКЛИН И ЛОС-АНДЖЕЛЕС

Да простит мне читатель небольшое отступление, но истины ради я должен признать: кое-где есть от кого защищать, кое-где, возможно, нужны дружины самообороны. Где? Отвечу цитатой из редакционного выступления израильской газеты "Трибуна", озаглавленного "Евреи Бруклина не уступают насилию":

"Еврейское население бруклинского квартала Борроу-парк (Нью-Йорк) начало организованную акцию по самозащите, чтобы положить конец участвовавшим набегам антисемитских хулиганов на местных евреев.

Председатель бруклинской еврейской общины несколько раз обращался к ответственным властям Бруклина с просьбой усилить полицейскую охрану в Борроу-парк, особенно в вечерние часы, но до сих пор не получил соответствующих обещаний.

Бездействие властей еще больше поощрило хулиганов. Тогда местные евреи организовались сами, чтобы принять эффективные меры для самозащиты. С этой целью они создали сеть патрульных машин, с помощью которых добровольцы дежурят, сменяя друг друга в течение суток. Патрульные машины снабжены необходимым оборудованием для оказания скорой помощи на месте и для немедленной отправки пострадавших в больницу".

Вот как оно в Бруклине!

Может быть, то, что происходит в Бруклине, не типично для современной Америки? На это я отвечу словами сионистского литератора Берла Фримера из его очерка, опубликованного тель-авивской "Нашей страной" под красноречивым названием "Еврейская беднота в богатом Лос-Анджелесе":

"Когда говорят о Лос-Анджелесе, сразу представляешь себе прекрасный город, раскинувшийся на берегу лазурного океана, море огней по вечерам, фешенебельные виллы кинодив Голливуда, пальмы и веселых, абсолютно счастливых горожан.

Вместе с тем Лос-Анджелес служит еще и обителью еврейской нищеты. Немного известно об обездоленных евреях Америки, влачащих жалкое существование. Вот официальные статистические данные, собранные группой социальных работников по просьбе муниципалитета Лос-Анджелеса: 30 080 еврейских семей в городе живет на грани полной нищеты. Эти 30 080 семей насчитывают 56 000 человек.

Невероятно! Ведь существует же мнение, что американские евреи баснословно богаты. Однако не следует скрывать тот факт, что в Соединенных Штатах имеется еврейская нищета. Лишь десять процентов состоятельных американских евреев составляют прослойку еврейской общины США. А тяготы антисемитизма падают на беззащитных остальных..."

Вернемся из этих действительно опасных для евреев американских районов в Голландию. Там, как я убедился, опасность грозит только тому еврею, который рискнул каким-либо образом не угодить сионистам. Стоило, к примеру, обозревателю нидерландской телевизионной компании НОС Алмару Съенкеме провести несколько не вполне просионистских передач, как активистки "Егуд габоним" забили тревогу:

— Антисемит! Его надо проучить!

И пытались "проучить".

В воинственности девиц сионистского толка я имел возможность наглядно убедиться в Амстердаме.

Там, на улице Иоханнес Ференеерстраат, в доме № 22, разместился добрый десяток сионистских лиг, бюро, регионов. Я заинтересовался, как выглядит этот дом, вернее, комплекс зданий, известный в Амстердаме под названием сионистского центра.

Чем значительней, на взгляд главарей, организация, тем, оказалось, малокалиберней ее вывески. И мне пришлось подойти вплотную к подъезду, чтобы разглядеть некоторые названия. Но тут, как и в Брюсселе, мой блокнот вызвал подозрения двух вышедших из здания девиц. Точнее сказать, одной бойкой шатенки. Вторая — птицеподобная брюнетка — была совершенно безучастна к моему блокноту. Но шатенка потянула подружку за собой и решительно подошла ко мне:

— Вам куда нужно? Можем вас проводить.

— Несмотря на то, что я корреспондент московского журнала?

Короткая пауза на обдумывание. Затем следует ответ:

— Вам надо раньше договориться по гелефону.

— Я звонил. В редакцию "Ниве Исраэлитисе веекблаад". — И, заглянув в блокнот, уточнил: — По телефону 23-55-84.

— Говорили с редактором?

— Нет, видимо, с секретаршей.

— И что она вам сказала?

— Посовещавшись с кем-то, она мне ответила: "Чтоб ты поскорее сгорел. И не в своем "Огоньке", а в хорошем огне!"

— Правильно сказала, — обрадовалась девица побойчей.

— Можно было еще лучше сказать, — выдавила из себя равнодушная. Произнесено это было, впрочем, не столько для меня, сколько для бойкой подружки — надо было показать, что и она тоже непримирима к идейным противникам.

— Ваши брюссельские единомышленники, пожалуй, охотнее соглашаются беседовать с представителями советской печати, — попытался я поднять свои акции в недобрых глазах юных амстердамских сионисток.

— Ой, вы сильно преувеличиваете, — усомнилась шатенка, завершая наш неожиданный разговор.

РОБЕРУ ДРЕЙФУСУ НАСТОЙЧИВО СОВЕТУЮТ

А может, я действительно преувеличил? Ну, кто в самом деле из именитых сионистских деятелей Бельгии согласился встретиться со мной?

Как кто?! Согласился сам Робер Дрейфус, главный раввин Бельгии, на чьих бланках значится: "Министерство юстиции, центральный раввинат". Дрейфуса совершенно не пришлось уговаривать. Он охотно назначил нашу встречу на рю Сю Дюпон, 2.

— Жду советского писателя в четверг, 10 апреля, в шесть часов вечера.

Не без торжества рассказал я об этом брюссельскому журналисту, еще накануне

утверждавшему, что видные сионисты не встречаются с корреспондентами не сочувствующей им печати, да еще из социалистических стран.

— И все же Дрейфус отменит встречу, — с прежней уверенностью ответил мне журналист.

— Почему? Никаких религиозных тем касаться я не собираюсь, господин Дрейфус это знает.

— Как раз на религиозные темы он охотно побеседовал бы с вами. А вас, вероятно, интересуют темы сионистские?

— Догадались.

— Догадаются и те, кто настойчиво, весьма настойчиво посоветует главному раввину не беседовать с корреспондентом "Огонька".

— Кто же способен посоветовать да еще весьма настойчиво, руководителю главного раввината страны отказаться от собственного добровольного обещания?

— Найдется такой... Будет именно так. Я настолько убежден, что считаю нечестным предлагать вам пари.

Да, пари проиграл бы я.

За час до назначенной встречи от имени Дрейфуса позвонили:

— Господин главный раввин никак не может найти возможность увидеться с писателем из Москвы до конца недели.

Не мог он найти такой возможности и в начале следующей недели.

Вот почему до последней минуты я не верил, что состоится моя беседа с руководителем крупной алмазной фирмы, антверпенским коммерсантом Марселем Брахфельдом.

Никаких официальных постов в сионистских организациях Брахфельд как будто не занимает, но влиянием там пользуется большим. Причина? Не только финансовый вес алмазного промышленника. Признание своего превосходства он завоевал еще и другим: все трое его детей учатся в Израиле. Весьма немаловажное обстоятельство! Ведь богатые сионисты западных стран предпочитают уговаривать еврейскую бедноту, нежели самим переезжать в Израиль или отправлять туда своих близких. Недаром, как только заходит речь о Брахфельде, бельгийские сионисты уважительно говорят:

— Его дочь учится в Иерусалимском университете, а два сына — в аристократическом колледже.

Правда, иные земляки Брахфельда, из тех, кто не торгует алмазами, а гранит их, с иронической улыбкой добавляют:

— Не думайте, тут не один голый патриотизм! Имеются причины и деловые. Пока большинство стран бойкотировало расистский режим Южной Африки, израильские дельцы сумели в значительной мере приручить южноафриканскую алмазную промышленность. А поскольку Брахфельд не последний из бельгийских торговцев алмазами, ему вовсе не мешает иметь своих людей для постоянной связи с израильскими фирмами. Но авторитет среди антверпенских сионистов у него бесспорный!

Антверпенская сионистская организация, замечу, наиболее богатая в Бельгии. Стоило только осенью 1973 года Израилю развязать военные действия на Ближнем Востоке, как из Антверпена туда ушли суда с оружием под флагом... Либерии. Это был результат "частной благотворительности" антверпенских сионистов, в первую голову алмазных королей.

Так неужели же и Марселю Брахфельду тоже "настойчиво посоветуют" отказаться от встречи с советским писателем?

Хочу объяснить, почему я так стремился лично побеседовать с несколькими видными деятелями бельгийско-нидерландского сионизма, в том числе с Робером Дрейфусом и Марселем Брахфельдом.

Сионистские публицисты, когда пишут о коммунизме, социализме, советском строе, широко пользуются приемами, в основу которых положено незыблемое убеждение, что при толковании любого положения научного коммунизма и любой приметы советского общества

надо исходить исключительно из интересов и выгод еврейского буржуазного национализма.

В Бельгии и Голландии, в этом бастионе международного сионизма, я наглядно убедился еще и в другом: малейшую попытку хоть поверхностно разобраться в нормах советской морали они с избытком подменяют звериной ненавистью к идеям коммунизма, к советскому строю и к тем, кто не хочет изменить своей социалистической Родине.

Неспроста сионисты Бельгии и Голландии с таким упорством осуждают отдельных своих единомышленников, преимущественно из молодых, когда те пытаются хотя бы вскользь коснуться существа идей интернационализма, против которых им предписано так оголтело выступать.

Видимо, таков уж базис любого антисоветского движения. Не случайно один из идеологов и руководителей белоэмигрантского НТС Е.И. Дивнич в изданной за рубежом книге "НТС, нам пора объясниться" очень точно подметил: "Ругая голословно большевиков на чем свет стоит, эмиграция оказалась абсолютно безграмотной в элементарном познания хотя бы доктрины тех, кого они считали врагом. Мало кто был знаком даже с азбукой марксизма. В НТС было очень незначительное число, буквально единицы, самостоятельно мыслящих и политически развитых людей. В большинстве члены НТС попугайничали. Шли они с чувством ненависти, не выдвигая никакого идейного багажа..."

Как это признание приложимо к международному сионизму! И задумываться, дескать, не могли над каким-нибудь явлением советской жизни, а только оголтело ругай, поноси его! Критерий один: ненависть. А ее у сионизма к социализму — в избытке. Не надо поэтому удивляться, что сионистские лидеры с еще большей последовательностью уклоняются от личных встреч со своими идейными противниками. Комментировать собственные действия они считают вредным, а попытаться проникнуть в существо чуждых им идей — бесполезным.

В ОСОБНЯКЕ АНТВЕРПЕНСКОГО КОММЕРСАНТА

В назначенное время вдвоем с переводчиком мы прибыли в парковый район Антверпена на Калмастраат, 7, где в перестроенном на современный лад старинном особняке проживает чета Брахфельдов.

Хозяин дома задержался, и, горячо извинившись за мужа, нас несколько минут занимала разговором его супруга. По ее словам, их дети без ума от Израиля и тоскуют по этой стране на вакациях — и в Бельгии и в Англии, где у ее родителей "дело".

Хозяйка столь настойчиво подчеркивала симпатии юных Брахфельдов к Израилю, что я спросил:

— Видимо, вам с мужем придется в конце концов переехать к детям в Израиль?

— Дело должно продолжаться в Бельгии, — коротко ответила мать.

Сорокадевятилетний коммерсант оказался моложавым и поджарым. Вероятно, он частенько захаживает в спортивный зал на первом этаже своего особняка. Господин Брахфельд вернулся с верховой прогулки и, чтобы не задерживать нас своим переодеванием, беседовал и обедал с нами в костюме для верховой езды. С таким костюмом мирно уживалась религиозная ермолка.

Я уже был предупрежден госпожой Брахфельд, что супруг ее верующий человек и что нас ожидает кошерный обед. А "мезузу" — свидетельство того, что обитель охраняет всевышний, я без труда сам заметил над порогом: инкрустированный металлический футляр, в котором находится пергаментный свиток с религиозным текстом. Но это совершенно не меняло моих планов: я ведь не собирался в беседе касаться вопросов религии.

Разговор о детях Брахфельда быстро перешел на страну, где они сейчас живут.

В связи с этим хозяин дома упомянул о "двойном" подданстве всех евреев. Он признал, что сионисты как минимум требуют от "двойных" постоянной материальной помощи Израилю. А как максимум... Эту скользкую деталь мы с Брахфельдом деликатно обходим, иначе нашему диалогу угрожает безвременная кончина. Так вот именно в "двойном"

подданстве, в еврейской "экстерриториальности" видят сионисты гарантию существования нации — "джуиш сюрвивал".

Господин коммерсант соглашается со мной, что считать себя одновременно и гражданином Израиля категорически не согласны очень многие евреи западных стран, не говоря уже о социалистических. Однако в Бельгии, по его мнению, это не так.

Мне пришлось напомнить Брахфельду брюссельский митинг протеста против сионистских требований к бельгийским евреям соблюдать "двойное" гражданство. Людей, бурно аплодировавших ораторам, вряд ли назовешь "двойными".

— Профессор свободного Брюссельского университета Марсель Либман, — напомнил я Марселю Брахфельду, — тоже собирался выступить на митинге против "двойного" гражданства и в поддержку справедливой борьбы арабского народа. Но профессору пригрозили страшной расправой его, мол, вынесут ногами вперед. И ваш тезка на том митинге не выступил.

— Спасибо вам за такого тезку, — раздраженно отшутился коммерсант.

Он допускает, что многие бельгийские интеллигенты еврейской национальности не только на словах, но и на деле категорически отвергают свое "двойное" гражданство. Он даже готов признать, что вслед за интеллигентами на такую точку зрения становятся и "простые" евреи. Но...

— Они исходят только из формы, — продолжает Брахфельд. — А практически не только самому государству Израиль выгодно, чтобы каждый еврей в элементарном порядке двойной лояльности (элементарном — ни более, ни менее! — Ц.С.) выполнял обязанности израильского гражданина. В этом лично заинтересован любой еврей в любой стране. Ведь расширение Израиля повышает авторитет всего еврейства в целом и каждого в отдельности. Люди других национальностей никогда не уважали евреев, считали их способными только на мелкие делишки. А теперь военное могущество Израиля показало, что евреи умеют воевать и побеждать. И на это вынуждены смотреть с уважением все остальные нации.

"Все остальные нации". Брахфельд произнес это таким тоном, что мне вспомнились иронические слова Жана-Поля Сартра: "Ад — это все остальные".

Почему же, однако, не спешат сменить "ад" на "рай" те, кто так заинтересован в могуществе Израиля? Почему они, сознательно ощущающие свое "двойное" гражданство, не хотят стать фактически гражданами "родины отцов"?

— Да, таких пока не очень много, но все-таки непрерывно едут, сказал Брахфельд.

Мне пришлось своими словами изложить ему короткий абзац из недавней статьи сионистского публициста Яира Котлара в израильской газете "Гаарец" под тревожным заголовком "Перед алией красный свет!". А в дословном переводе этот абзац выглядит так:

"Можно говорить со всей ответственностью, что к нам из стран Запада и США практически нет притока".

А тель-авивская "Неделя" в редакционной статье вопит на истерической ноте, вроде бы не приставшей журналу общественных, политических и экономических проблем:

"Израильтяне имеют свои претензии к американским единоверцам! Вы посылаете нам деньги, а не сыновей! Сотни тысяч, которые могли бы переехать к нам, боятся наших высоких налогов и трудностей жизни. Их страх еще больше увеличивается от рассказов тех сотен бывших эмигрантов, которые, год-два пожив в Израиле, бегут назад в США. Стыдно!"

Подобные высказывания сионистской прессы Израиля для Брахфельда не новость. И он говорит мне то, что я неоднократно слышал от сионистов во многих странах Западной Европы и Америки:

— Когда человек прирос к стране надежным делом и пользуется там уважением в деловых кругах, перед ним возникает серьезный вопрос: а где он полезнее сионизму, в Израиле или, может быть, в Бельгии, в Голландии, в Англии? У него есть авторитет, у него есть свои подчиненные, которых он обеспечивает куском хлеба. У него есть материальные возможности крепко помогать Израилю и из своей страны.

Вариация на знакомую тему!

"ТОЛЬКО БЕЗ МЕНЯ"

Подобную вариацию английского господина еврейской национальности по фамилии Бук из города Сандерленда я уже приводил. Приведу еще несколько.

Начну с венского домовладельца Либермана. Из всего, чем он владеет, наиболее ощутимый доход приносит ему полуразвалившийся дом на Мальцгассе, где ютятся десятки беженцев из Израиля. Ссылаясь на "несолидные" документы многих квартирантов, Либерман огулом дерет с каждого за угол, как за комнату.

— Я не имею морального права покидать Вену, — обычно отвечает Либерман на вопрос, почему он, добропорядочный сионист, не эмигрирует в Израиль. — Я чувствую себя в Вене коренным австрийцем, но это не мешает мне строго соблюдать заветы иудейской религии. В Австрии я делаю немало добрых дел для еврейского государства. Не только сам помогу каждому, кто чувствует необходимость уехать из Австрии в Израиль, но не поленюсь собрать для него пожертвования у других. А смогу ли я делать добрые дела в самом Израиле? Ведь своих домов я туда с собой не захвачу. А все евреи когда-нибудь будут в Израиле, но пока туда должны ехать, во-первых, молодые и, во-вторых, такие, у кого, к сожалению, не очень ладятся дела дома.

Строительный подрядчик Глейзер, ведавший ремонтом маккабистского спорткомплекса в Мехико, шумный сангвиник и поклонник соленых шуточек, выразился не столь степенно, но не менее определенно, чем Либерман:

— Жаль, что вы спешите, я бы познакомил вас с парочкой-другой чудачков. Ни специальности, ни постоянной работы, ни перспектив для детей. Как говорится, голь-шмоль и компания! Что же тебя, голодранца, держит в Мексике? Какими такими акциями с хорошими купонами ты привязан к ней? А заговори с ним про переезд в Израиль — отнекивается. Боится, видите ли, рисковать. Наверно, в душе хочет, чтобы я за него рискнул, бросил все подряды, забрал детей из университетов и полетел в Израиль. Наивные люди!

Подобные циничные вариации на тему эмиграции в Израиль слышал я и от американских евреев. Но коли речь зашла об Америке, читателям интереснее будет познакомиться с высказыванием нью-йоркского журналиста, как и я, приехавшего в Колорадо-Спрингс на мировой чемпионат фигуристов. Хотя это высказывание не принадлежит сионисту, оно, можно сказать, обобщает многочисленные вариации, на которые так щедры сионисты брахфельдовской модели в разных странах:

— Вас интересуется, как любой более или менее состоятельный еврей в Америке, в Аргентине, во Франции, словом, где угодно, относится к перспективе переезда в Израиль? На это можно ответить анекдотом, правда, вот с такой бородой. Однако замечательный писатель Лион Фейхтвангер счел нужным привести этот старый анекдот в одном из своих романов. Как известно, в пасхальный вечер верующие евреи по традиции пьют бокал вина за то, чтобы в будущем году встретить пасху в Израиле. И когда произносят этот тост, одна дама, проживающая в Америке, энергично, как подчеркнул Фейхтвангер, всегда добавляет к тосту: "Только без меня". Поверьте, это весьма типичная дама. На ее позициях нерушимо стоит абсолютное большинство американских евреев. Некоторые субсидируют — одни охотно, другие вынужденно — любые операции, способные усилить эмиграцию в Израиль, иные пылко поднимают бокалы за возвращение на землю предков, но каждый при этом мысленно или вслух добавляет: "Только без меня". Вопреки Фейхтвангеру они после этих слов ставят восклицательный знак, а может быть, даже целых три...

Вернемся, однако, в антверпенский особняк на Калмастраат, 7, где Марсель Брахфельд говорит мне:

— Некоторые сионисты в Нидерландах рассуждают, мне говорили, так: если много активных еврейских патриотов уедет от нас в Израиль, то это ослабит наши ряды в странах рассеяния. Я с такими мотивами не согласен. И прямо говорю, что хотелось бы видеть побольше единоверцев, добровольно выезжающих из наших стран в Израиль. Но пока слова

насчет отъезда еще расходятся с делом, нужно, чтобы все евреи вне Израиля понимали, что дело в конце концов не в паспорте, и всюду ощущали себя гражданами еврейского государства. Со всеми обязанностями.

— И правами?

— А, — машет рукой Брахфельд, — прав мне и так хватает!

— Вас не беспокоит, что "двойное" гражданство порождает в человеке двойственность, даже двоедушие?

— Философия. Наоборот, когда надо действовать на два фронта, у человека прибавляется сил. Конечно, если это сильный человек... К сожалению, из ваших стран, из социалистических, в Израиль приезжают люди несильные. А требования у каждого колоссальные! Как минимум, дайте ему то же самое, что он имел там. И сколько ни долбите ему, не хочет понять, что служащими Израиль обеспечен по горло. И адвокатами, и банковскими работниками, и всяким начальством. Значит, если ты настоящий еврей, примиись со службой похуже. Не хотят. Протестуют, жалуются, непатриотично выражаются. Я думаю, многие из них — неверующие. Да, неверие — корень зла. Иначе не ставили бы они собственные интересы выше идеалов всего еврейства.

— Всего?

— В будущем — всего... А пока Израилю нужны патриоты, которые даже смерти не боятся, а не олим со ста болячками каждый. Попробует израильской жизни, поморщится и уезжает. Таких йордим["Йордим" на иврите — беглецы.], всех без исключения, я называю изменниками, не иначе. Их много и среди олим с Запада. От них мало пользы и там, на родине предков, где они становятся только израильтянами, и здесь, где они могут пользоваться "двойным" гражданством...

ТЕМЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ПРОЧИЕ

После таких человеконенавистнических откровений продолжать полемику с Брахфельдом о "двойном" гражданстве было, естественно, бесполезно. И я только повторил ему слова, услышанные мною от приказчика магазина Мориса Фельцштейна в Вене, на Кернерштрассе:

— "Двойное" гражданство? А тройного они не хотят? Я им скажу, как говорится в "Записках коммивояжера" у Шолом-Алейхема: с одной... "извините за выражение" на две ярмарки сразу не ездят!

— Шолом-Алейхем не любил еврейский народ, — неожиданно поморщился коммерсант. — Не будем о нем говорить, его сатиры давали и дают пищу антисемитам.

Не сразу придя в себя от такого парадокса, я заметил:

— Если стать на вашу точку зрения, то Гоголь не любил русский народ, а Диккенс — английский.

Брахфельд остался к этим именам равнодушным, как и к имени Горького, когда я сослался на высокую оценку, которую Алексей Максимович дал творчеству Шолом-Алейхема.

Пытался я заговорить о таких известных еврейских писателях, как Ицхок-Лейбуш Перец, Менделе Мойхер-Сфорим, Давид Бергельсон. Однако разговор на литературные темы у нас не получился. Брахфельд пресек его таким образом:

— Я читаю еврейскую художественную литературу нечасто. Но верю своим детям, что начинается она с современных писателей Израиля.

И назвал имена, честно говоря, неведомые мне. И, уверен, большинству евреев.

Вслед за этим Брахфельд оживленно заговорил об иврите. Это меня не удивило. Я и до того имел возможность убедиться, как все сионистские лидеры, вся сионистская печать (особенно усердно именно та, что издается на любых других языках!) подчеркивают, что насаждение этого культового, древнекнижного, не привившегося среди евреев языка является важным пропагандистским и организационным средством объединения

разноязычного еврейства.

Особенно рьяно ратуют за иврит правые сионистские и клерикально-реакционные партии, придерживающиеся религиозных догм. Это вполне понятно: все иудейские религиозные книги, вплоть до самых обиходных молитвенников, написаны на иврите. И в том, что эти молитвенники в большинстве непонятны молящимся, сионисты усматривают своего рода возвеличивающее иудаизм начало. Искусственное насаждение иврита, надеются они, поможет им создать видимость единого еврейского языка как признака "единой еврейской нации". На этом основании они смогут еще категоричней требовать от еврея любой страны выполнения "лояльных" обязанностей заочного гражданина Израиля.

Вот почему самые ортодоксальные иудаисты сквозь пальцы взирают на то, как в Израиле происходит стихийное упрощение иврита. Борясь за читателей, газеты то и дело рекламируют переход "с такого-то числа" на более доступный ивритский диалект. Кстати, такой диалект — сугубо сефардского происхождения, то есть идет от темнокожих израильтян "второго сорта". Но сионисты и на это готовы закрыть глаза — только бы побольше евреев овладело, наконец, "языком отцов", не очень-то приспособленным к современной жизни.

А западноевропейских сионистов типа Брахфельда очень раздражает и даже злит полнейшее неприятие иврита молодежью их стран. Как можно было судить по высказыванию Брахфельда, бельгийские сионисты видят в насаждении иврита ту гирию, что способна затормозить ассимиляцию евреев. К ней стремятся очень многие евреи Бельгии и Голландии — и это чрезвычайно беспокоит Брахфельда и его единомышленников.

— Я знаю, — продолжал коммерсант, — у вас в стране издают еврейские книги, показывают еврейские спектакли. Но, к сожалению, только на идиш. А почему у вас не знают иврит? Ведь ваши молодые люди изучают многие иностранные языки. Почему бы им не изучать и древнееврейский?

— А какая в этом необходимость?

В словах хозяина дома впервые проскальзывает горячность: Советское государство чуть ли не должно обязать молодых людей еврейской национальности изучать иврит.

— И не просто изучать, — подчеркивает Брахфельд. — Читать книги на иврите, беседовать между собой на иврите.

Эту мысль он даже излагает повторно по-французски, для переводчика.

И мой молодой спутник нетерпеливо вступает в беседу:

— Иностранные языки — английский, немецкий, чешский, польский, любой другой — интересны, полезны. Помогают в учебе, в освоении новой техники, в работе. Вот я изучил французский, и он помогает мне объясняться с людьми из десятков стран, в том числе и здесь, в Бельгии. Есть у нас переводчики и с еврейского и на еврейский. Одни переводят на русский, белорусский, украинский Бергельсона, а другие на идиш русского писателя Фадеева, киргизского — Айтматова, белорусского — Быкова.

— У вас чересчур деловой подход, — нервозно прерывает переводчика Брахфельд. — Для дела мне тоже нужен английский. Но для сердца нужен иврит.

— Мне сердце этого не подсказывает.

— Вы обязаны подсказать, — обращается Брахфельд ко мне. — Вы, старшие, не должны мириться с тем, что еврейская молодежь у вас не знает иврита!

— А ваша молодежь знает иврит?

— Что за вопрос!

— Почему же все сионистские газеты издаются в Бельгии на французском и фламандском языках?

— Все? Ну, вы преувеличиваете!

Я вынужден обратиться к блокноту и коротко проинформировать хозяина дома:

— У вас, в Бельгии, издается двенадцать газет, журналов и бюллетеней сионистской ориентации. Даже "Кайлатенон" — орган главной еврейской общины Брюсселя, бюллетень с религиозным уклоном, бесплатно раздающийся читателям, — и тот выпускается не на

иврите. Хотя, как вы знаете, редактирует его Пинхас Каленберг, обязанный безукоризненно владеть ивритом по своему сану военного еврейского капеллана. Так же поступает и журнал "Сентраль" — орган еврейских общественных организаций. Я сейчас не касаюсь их тиражей, порою карликовых и редкой периодичности. И лишь "Де Сентраль" — выходящий у вас, в Антверпене, журнал центральной администрации еврейских благотворительных и общественных организаций — только 8 процентов тиража печатает на идиш! Остальные 92 процента отданы фламандскому и французскому языкам. Что же касается иврита, то этот язык не фигурирует ни в одном издании. Я не ошибся?

Пытаясь обратить все в шутку, Брахфельд комически поднимает руки кверху:

— Вам, наверно, помогла электронно-вычислительная машина. Что ж, перед точными цифрами деловой человек пасует. — И уже серьезным тоном продолжает: — Я читаю только еженедельник "Исроэль д'Айорди". Этот солидный журнал издается при участии торговой палаты Бельгия-Люксембург-Израиль. Его генеральная тематика — деловые связи с израильской торговлей и промышленностью.

— И все же порядочно места уделяет журнал и сионистской пропаганде.

— Уж, конечно, не антиссионистской. Ее вы можете найти во "Флеше", бюллетене Союза прогрессивных евреев Бельгии. "Флеш" — это значит "Стрела". Но вылетает она из лука, говорят, очень-очень нерегулярно. На мой взгляд, если не обеспечена серьезная финансовая база, не стоит браться за издание...

Хотел было просветить Брахфельда, что за последнее время "Флеш" выходит бесперебойно, что число подписчиков растет, что на это внешне скромное издание поступают запросы из других стран. Но меня остановила мадам Брахфельд. Она испугалась, что я сильно огорчу ее мужа.

И все же пришлось огорчить. Когда речь зашла о смешанных браках.

Услышав мое мнение на сей счет, мсье Марсель Брахфельд отставил тарелочку с диетическим желе и, как бы подчеркивая свою неистощимую терпеливость, сказал:

— Не думайте, что я против смешанных браков с религиозной точки зрения. Я знаю, есть и неверующие евреи. Но ведь смешанные браки порождают легкомысленное отношение к национальным идеалам!.. У нас тоже евреи женятся на бельгийках, а еврейки выходят замуж за бельгийцев. Но ведь после этого они перестают быть евреями и еврейками. Плакать хочется!

— Скажите, а бельгийцы разве тоже оплакивают судьбу бельгийской девушки, вышедшей замуж за еврея?

— Как можно сравнивать! — сорвалось с уст Брахфельда. Но затем тихо и с какой-то заинтересованностью он переспросил меня: — Значит, по-вашему, если сын говорит родителям, что женится, они не обязаны прежде всего поинтересоваться, какой национальности девушка?

— Родителей прежде всего интересует, любит ли девушка их сына, опередил меня с ответом переводчик, очень молодой человек. — И еще где она учится или работает. Наконец, красива ли она, хороший ли у нее характер.

Я одобрительно кивнул.

Брахфельд выглядел весьма взволнованным. И, поймав беспокойный взгляд мадам Брахфельд, я напомнил ее мужу:

— Вы собирались мне показать вашу библиотеку.

На втором этаже, в библиотеке, где доминировали старинные сионистские издания в добротных переплетах и техническая литература в потрепанных обложках, наша беседа продолжилась.

Хозяин дома снова заговорил об иврите. С его точки зрения, специфическая судьба евреев такова, что, наряду со второй родиной, многие обязаны обрести и второй родной язык. Брахфельд решительно не согласен с тем, что язык становится родным с младенческих лет — тот язык, на котором впервые услышал и сам произнес первые в жизни слова, тот язык, на котором человек начал мыслить.

Не для того, поверьте, чтобы разубедить господина коммерсанта, а просто под впечатлением нахлынувших воспоминаний я рассказал тогда нашему переводчику о талантливом украинском поэте Ароне Копштейне, добровольно ушедшем со студенческой скамьи литературного института имени Горького на финский фронт. О стихах Копштейна я слышал в редакции фронтовой газеты весьма одобрительные отзывы выдающегося поэта Александра Твардовского, обычно весьма скупого на похвалу. За несколько дней до героической гибели двадцатипятилетнего поэта в бою писатель Сергей Иванович Вашенцев и автор этих строк беседовали в землянке с Ароном Копштейном. "Вы прекрасно говорите по-русски, сказал поэту Вашенцев, — сочно и живописно". "Я говорю и на идиш, ответил Копштейн, — и все же стихи буду и должен писать по-украински. На этом языке я впервые в жизни обратился к моей матери".

Хозяин дома к моему рассказу об Ароне Копштейне большого интереса, прямо скажу, не проявил.

Большого интереса для читателя дальнейшие разглагольствования Брахфельда тоже не представляют, но тут нельзя еще раз не сказать о его отношении к беженцам из Израиля, или, как он их называет, "изменникам". В разговоре Брахфельд запальчиво произнес:

— Мы в Бельгии ни одним изменником не занимаемся. Вы об этом знаете?

— Знаю. Заниматься беженцами из Израиля вы перепоручили так называемому "толстовскому фонду", а также фондам "Каритас католика" и протестантскому.

— Это их дело.

О ТРЕХ ФОНДАХ И ОДНОЙ ДАМЕ-ПАТРОНЕССЕ

Нет, этим делом в Бельгии занимаются, и весьма активно, сионистские организации. Но из тактических соображений, прежде всего из стремления подчеркнуть, что любой йордим в их глазах презренный изменник, сионисты спрятались за ширму трех перечисленных фондов.

Впрочем, список сионистских субподрядчиков в этой области можно продолжить. В него должна войти и группа работников бельгийского эмиграционного бюро во главе с негласным агентом американского "Джойнта" Грецером — ведь именно он уполномочен придать официозность деяниям всех трех фондов по отправке беженцев из Израиля в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Несправедливо было бы забыть и отдельных дам-патронесс вроде дочери царского генерала Корнилова.

Да, да, приснопамятного генерала-палача Корнилова, под чьим командованием была в 1917 году предпринята попытка расстрелять Апрельскую демонстрацию петроградского пролетариата. После этого в послужном списке бесславного военачальника появилось немало кровавых еврейских погромов на юге России.

А сегодня дочь Корнилова, всемерно стремящаяся к тому, чтобы не угасла память о доблестном погромщике, заботливо опекает "бедных евреев". При одном, конечно, непременном условии: они и думать не должны о социалистических странах, а письма оставшимся там родственникам должны писать в стиле "Гром победы, раздавайся!". И еще одно глубоко беспокоит госпожу Корнилову: не читают ли, не дай бог, беженцы из Израиля журнал "Патриот", издающийся в Бельгии на русском языке? Девиз журнала: "Одна у человека мать, одна у него и родина" никак не устраивает даму-патронессу. По ее убеждениям, у человека может быть и вторая родина — в этом она сходится с сионистами!

Кому-кому, а "официозному" Грецеру доподлинно известно: все фонды, все бюро, все дамы-патронессы занимаются беженцами из Израиля на сионистские деньги. И отчисляют в свою пользу положенный куртаж. Причем не только за каждого завербованного и уже отправленного в новую эмиграцию человека, но и за тех, кого еще только обхаживают, обрабатывают, проверяют. Как установили активисты журнала "Патриот", сионистские организации зачастую выплачивают агентам трех фондов вознаграждение даже за тех, кто и сам не подозревает, что включен в список "лиц, подлежащих отправке из Бельгии". Одну из

дам-патронесс, некую мадам Изабеллу, уличили в том, что из желания побольше подзаработать она включала мертвые души в списки "подлежащих отправке".

Отправке ли? Пожалуй, деятельный агент "Каритас католика", известный бывшим израильтянам под кличкой "Брюнет", не без оснований именуется эту отправку депортацией — страшным словом, означавшим смертный приговор миллионам людей в годы нацистского террора.

Не следует поэтому наивно удивляться размаху, с которым фонд "Каритас католика" организовал лагерь беженцев в Вестэнде, близ голландской границы. В этом заведении католические сотрудники первым делом взывают к... еврейским национальным чувствам беженцев и методично увещевают блудных сынов и дочерей вернуться в лоно еврейского государства. В помощь католическим агитаторам сионистская федерация Бельгии забросила в Вестэнде несколько тюков своей пропагандистской литературы.

Увещевания желаемых результатов не дают. И тогда начинается подготовка к переотправке беженцев из Израиля в другие страны западного мира. Каждого из них строго-настрого предупреждают: обходи стороной консульство страны, откуда ты переехал в Израиль, не смей туда обращаться! Мой земляк винницкий обувщик Борис Гуревич и его жена Роза Дихтябрь пренебрегли этим предупреждением и немедленно были вышвырнуты из Вестэнде.

Не успели они очутиться за воротами лагеря, как их тут же подобрал другой фонд — протестантский. По передоверию сионистских организаций он тоже занимается беженцами, правда, не в таких масштабах, как католический.

Но первенство все же за брюссельским филиалом так называемого "толстовского фонда". За последние годы его деятельность в Бельгии заметно потускнела: некем было заниматься. И когда вдруг привалил такой бизнес, как депортация в Северную Америку беженцев из Израиля, филиал ожил. Пришлось даже расширить штаты, тем более что "Джойнт" и "Сохнут" охотно оплатили расходы. Хозяева фонда сочли новые задачи брюссельского филиала сугубо ответственными и тут же прислали инструкторов из Мюнхена. Первым делом те проинструктировали аппарат филиала в таком направлении:

— Досконально проверяйте действительную специальность и квалификацию каждого, кого наметили депортировать. В Израиле приехавший техник выдавал себя за конструктора, сиделка — за врача, а мелкий репортер — минимум за писателя. А Соединенным Штатам, например, шантрапа не нужна — пусть "Каритас католика" отправляет ее в Новую Зеландию!

При участии мюнхенских инструкторов была также выработана уничижительнейшая процедура медицинского обследования. И не редкостью становятся такие заключения:

— Муж годится, теща — с некоторой натяжкой тоже. Но жена не подойдет.

Для такой семьи сразу возникает "третьесортный" вариант — Новая Зеландия или Австралия.

Передо мной анкета "толстовского фонда", без которой невозможна "регистрация для классификации, как условно въезжающего в США". После 5-го параграфа, гласящего "Я бежал из...", логически следует один из важнейших параграфов анкеты с пометкой "изложите подробно". Он требует подробного рассказа о причинах отъезда регистрируемого из страны, где тот родился и жил. И когда дело касается бывших граждан социалистических стран, некая Ольга Михайловна, заведующая регистрацией, требует ответа только в таком духе: "Подвергался репрессиям, как еврей". Иные формулировки она перечеркивает и предлагает заполнить новый бланк, предупреждая, что "это в последний раз!".

Параграф 14-й требует от "условно въезжающего" подробнейшего рассказа о прохождении военной службы. А параграф 15-й обязывает: "Ниже я перечисляю все организации, общества, клубы и объединения, в которых я состоял или состою сейчас, а также время и место членства".

Завершает анкету параграф 19-й: "За меня ручается (укажите имя и адрес вашего поручителя в Соединенных Штатах Америки)". На этот параграф регистрируемый отвечать

не должен. Он обязан ждать три, четыре, пять месяцев, пока на этот параграф ответит Ольга Михайловна и собственноручно напишет, что ручается "толстовский фонд".

Бывший житель Узбекистана Джура Абрамович Мулаев ждал этой записи в своей анкете 213 дней и с грустным юмором сказал мне:

— На меня по моему собственному недомыслию свалилось много неожиданностей. Но мне и не снилось, что за меня, ташкентского часовщика, и за мою жену, маникюршу Рахилу, перед иммиграционными властями Америки поручится "толстовский фонд". Значит, я уже конченный человек?

— Лучше бы фонд поручился за меня перед самым плохим родильным домом в Израиле, — добавляет Рахила. — Меня не взяли ни в один, так как знали, что я йорда, бегу из Израиля. И я родила мертвого ребенка.

Собственноручная пометка Ольги Михайловны в регистрационном бланке еще не завершает многомесячного процесса подготовки к выезду. Недостаточно и заверенного фондом такого обязательства кандидата в иммигранты: "Я подтверждаю под присягой, что мне известно содержание этой, подписанной мною регистрации, включая приложенные документы, что все это правда, насколько мне известно, и что занумерованные исправления сделаны мною или по моей просьбе, и что эта регистрация была подписана мною, моим полным и настоящим именем".

Этим обязательством, однако, не заканчивается прощупывание клиента. Он обязан еще устно рассказать подробнейшим образом свою биографию, изложить свои политические взгляды и ответить на самые неожиданные вопросы допрашивающего. Эта "беседа", длящаяся иногда часами, записывается на пленку.

Но и всего этого еще мало. Через несколько недель ожидания, как сказано в инструкции, еще нужна будет "Гарантийная форма 1-591, заполненная поручителем в Соединенных Штатах Америки", которая "потребуется прежде, чем вам будет разрешен условный въезд".

Зачем же ждать несколько недель?

Одного особенно нетерпеливого клиента Ольга Михайловна раздраженно отбрила:

— Вы же давно догадались, что ваши документы мы отправляем на просмотр. А куда-я вам не скажу! Впрочем, могу сказать... Выдерживает паузу: — Не в Америку.

Сведущие люди утверждают, что "не в Америку" означает "в Европу, в Мюнхен".

"Толстовский фонд" придерживается правила, по которому Магомет в случае необходимости идет к горе. И если йордим не гонится за разрешением на "условный въезд", агенты фонда начинают гоняться за ним.

Это испытала на себе двадцатичетырехлетняя Бронислава Шувалова, в недалеком прошлом машинистка из Москвы. Бронислава не только совершила непоправимый шаг, но еще оказалась жертвой подлости мерзавца, за которого вышла замуж.

Ее отец, пенсионер Илья Михайлович Эрбург, в 1972 году отправился в Израиль. Бронислава осталась в Москве и никак не реагировала на отцовские приглашения приехать в Израиль. Но мгновенно отреагировал на них некто Н.В. Лыченков. В данном "интеллигенте без профессии" любовь к Брониславе, да еще шекспировского накала, вспыхнула с первого взгляда. И башмаков еще не износив, в которых шел в загс регистрировать свой брак с Брониславой, он уговорил молодую жену подать заявление о выезде к отцу. А влюбленный муж не может не последовать за ней! Еще по дороге в Израиль Бронислава с ужасом поняла, что женитьба на ней была для Лыченкова только ширмой. А в Израиле он перестал это скрывать.

И такого отъявленного проходимца сионистская пропаганда разрекламировала как "благородного русского человека, растроганного стремлением рассеянных по свету евреев воссоединиться на земле отцов".

А Бронислава, покинув "мужа" и отца, бежала из государства, где у власти сионисты.

В Брюсселе на нее никакого внимания не обратили ни "Каритас католика", ни протестантский фонд. За такую "голову" они не получат вознаграждения: ведь Канада, куда

они преимущественно импортируют беженцев, не принимает одиноких женщин. У каждого хозяина своя фантазия!

Зато сотрудники "толстовского фонда" сразу нацелились на Брониславу, преследуют ее по пятам. Авось уговорят вернуться в Израиль...

К сожалению, я был лишен возможности ознакомить Брониславу с письмами беженцев, депортированных означенным фондом в США и уже успевших вкусить прелести американского образа жизни! Хотя писаны письма с большой оглядкой — чтобы не повредить себе в Америке и адресату в Бельгии! — все же они достаточно точны и убедительны.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Начну с письма, рассказывающего не о материальных лишениях и отсутствии крыши над головой, а о нравственной атмосфере, обрушивающейся на олим, очутившихся в США в результате, как они говорят, "перевалки" из Бельгии.

Прежде чем показать мне письмо, жительница Брюсселя мадам Тилэв бегло охарактеризовала написавшего ей человека:

— Я приютила бежавших из Израиля супругов — экономиста и учительницу. В советское консульство они не решились обратиться. Несколько раз подходили, но так и не отважились нажать кнопку дверного звонка. Стыдно было. "Нам нет прощения. Мы молодые люди, — говорили они мне, — мы сформировались в советском обществе, получили образование в советских институтах. Может быть, малограмотный старик еще приведет какие-нибудь доводы в свое оправдание и заслужит прощение Советского государства. А мы?" Их подхватил "толстовский фонд" и после семимесячных проверок отправил в Америку. Еще не найдя работы и вообще, как пишет Бетя, "еще не определившись", они прислали мне подробное письмо. Большую часть письма писал Леонид. Вот оно, прочтите. И вы ни за что не решитесь опубликовать фамилии и американский адрес Бети и Леонида — поймете, что с ними могут там жестоко расправиться.

"Мы понимали, — пишет Леонид, — что едем не в рай (после Ашкелона и Тель-Авива мы рая уже не ждем). Но надеялись хоть немного отдохнуть от треска и демагогии сионистской пропаганды. А мы действительно устали в Израиле от злобства по адресу Советского Союза. Мы устали от лжи, так как сионистскую пропаганду в Израиле можно одним словом "ложь"[Леонид, очевидно, второпях пропустил слово "определить" или "назвать". — Ц.С.].

Бетя где-то прочитала о том, что геббельсовские пропагандисты утверждали, что чем больше лжи, тем эффективнее пропаганда. Может быть, израильские сионисты тоже так считают, не знаю. Но у меня было такое впечатление, что они все лгут. И друг другу и сами себе. Во вранье для них большой смысл жизни. А как нас обрабатывали сионисты в Брюсселе, вы сами видели. Если б вы нас не оградили, я бы кого-нибудь ударил и попал в тюрьму.

И в Бостоне[Наименование города я изменил. — Ц.С.] мы еще не обеспечили себя хлебом насущным, а нас уже начали снабжать пищей духовной. Нам регулярно присылают газету "Новое русское слово", хотя мне не до выписки ее. Сначала мы подумали, что хорошо хоть читать новости на русском языке, когда кругом говорят непонятно для нас по-английски. Бетя хоть немножечко понимает, а я совсем ничего. Мне сказали, что эта русская газета основана при участии эмигрировавших от царизма в 1910 году русских демократов. А оказалось, что в "Новом русском слове" целые страницы уделены сионистской трескотне. И в том же самом номере еще несколько столбцов идут на восхваление израильской политики на Ближнем Востоке и еще полстраницы на проклятия арабам. Бетя еще не совсем потеряла юмористическое чувство и сострила, что это не новое русское слово, а старые сионистские слова.

Плохой признак. Я чувствую, что мы и здесь будем под ярмом сионистов. Хотя в

Брюсселе нас предупреждали, что (вы помните) нас будет вначале содержать "толстовский фонд". А когда нам выдали первую помощь (мужчине на 9 долларов 35 центов больше, чем женщине), то тут же предупредили, что это деньги еврейской благотворительной организации, названия я даже не запомнил, но в нем есть слово "сион". Резюмируя, должен сказать, что чувствую, что мы опять попадем в сионистские лапы, и крепко-накрепко. Про такую ситуацию мы в студенческие годы говорили "неважнец". Только теперь не думайте, что я на нервной почве преувеличиваю. Подумайте сами, если самая большая русская газета здесь проводит почему-то сионистскую пропаганду..."

"Почему-то?" Далеко не почему-то, а вполне закономерно для хозяев и руководителей "Нового русского слова". Бывший экономист Леонид просто еще не успел узнать, что издатель и главный редактор "Нового русского слова" Андрей Седых — это видный сионистский деятель в США Яков Моисеевич Цвибак.

По характеру и склонностям он во многом схож со своим однофамильцем, одесским кантором Цвибаком — персонажем колоритной пьесы Исаака Бабеля "Закат". Бабелевскому Цвибаку удавалось одновременно совмещать богослужение в синагоге, куда захаживал сам Беня Крик, с меткой стрельбой из револьвера по забравшимся в синагогу крысам. И нью-йоркскому Цвибаку тоже удастся одновременно выступать в двух ипостасях: горячего рачителя русской национальной культуры и ловкого руководителя одесского сионистского землячества в США.

Скупить акции "Нового русского слова" ему помогли сионистские организации Америки. Они смекнули: эту газету читают русские эмигранты, и совсем не худо будет, если день ото дня в их голову будут вдальблываться сионистские побасенки.

Вот какое чтиво ждет в Америке любого несостоявшего израильского гражданина, если "толстовский фонд" все-таки "перевалит" его за океан.

Письмо бывшего киевлянина Бориса Болотникова мне вручил швейцар брюссельского национального банка Аркадий Болеславович Цыганков, помогший Борису после бегства с "земли предков" кое-как просуществовать несколько месяцев в бельгийской столице. Вначале взволнованный Цыганков хотел передать мне несколько "самых отчаянных писем Бориса", но все же, поразмыслив, дал мне только первое, "более лояльное".

Переброшенного "толстовским фондом" в Америку Бориса Болотникова "распределили" в Даллас — тот самый, где убили президента Кеннеди. "Более лояльное" письмо написано еще на фоне сверкающего холодильника, в котором Борис обнаружил недельный запас питания, преподнесенный ему сионистами "ковбойского", как он пишет, города. Но и в этом письме есть такие строчки:

"Аркадий, ты сейчас самый близкий для меня человек. И ты должен знать, что здесь, вдали от своей настоящей родины, я не знаю даже, как проживу. Я здесь сдохну от тоски по родине, без близких и друзей. Друзей у меня здесь не будет. Что с того, что я выучу английский язык, когда все чужое кругом. Аркадий, тяжело... Местная еврейская организация будет пока что оплачивать квартиру, а что потом? Наверно, устроят на какую-то работу, а что потом, Аркадий? На чужбине, особенно такой, долго не протянешь..."

Ностальгия, видимо, толкнула Бориса Болотникова на какой-то нежелательный еврейским националистам шаг. И, судя по его письму, далласские сионисты по-ковбойски крепко предупредили его: обратишься в советское консульство, пристрелим!

И все же, прочтя в "Огоньке" мои строки о нем, Болотников рискнул написать в редакцию о своих новых злоключениях. За такой проступок сионисты объявили его антисемитом и заставили хозяина мастерской, где Борис временно устроился, уволить его. Правда, вначале ему предложили за определенную мзду опровергнуть мой огоньковский очерк и объявить фальшивкой свое же собственноручное письмо.

Болотников бежал в Нью-Йорк. Но сработала взаимоинформация сионистов — они и там стали его преследовать. Письмо, с которым в июне 1983 года Борис Болотников обратился в Антисионистский комитет советской общественности, весьма безрадостное: помимо тягот безработицы и безденежья, помимо неизбывной тоски по родине, бывший

киевлянин испытывает методичную месть сионистов.

А "Новое русское слово" продолжает фабриковать письма бывших советских граждан из числа несостоявшихся израильтян о том, как "прекрасно" живется им в Америке. Оплачивает эти письма "Джури" — так называется просионистский "еврейский союз эмигрантов из России". Союз, по существу, мнимый, фиктивный, ибо, кроме членов бюро во главе с продавшейся сионистам Марией Гельман, никаких эмигрантов сей союз не объединяет. Составляющие бюро отщепенцы сочиняют липовые отчеты о якобы состоявшихся многочисленных собраниях эмигрантов и публикуют их в том же самом "Новом русском слове".

Как это ни парадоксально, лживые отчеты нью-йоркской газетенки зло высмеивает израильская пресса. Корень-то в следующем: израильским сионистам нужно, чтобы в их стране знали правду о беспросветном существовании беженцев из Израиля в США, знали, что микрорайон Бронкс, где в основном приютились эмигранты из Советского Союза, в Нью-Йорке именуют новым гетто. Может быть, эта правда, надеются сионисты, поможет хотя бы частично уменьшить бегство израильтян в США и заставит призадуматься тех, кто не хочет использовать въездной визы в Израиль по прямому назначению.

В свое время в черте оседлости было в ходу выражение "Он имеет с дохлых лошадей подковы". Так определялись жалкие недостатки бедняка. И вот эти слова воскресли вновь на афишах одного из израильских театриков, попытавшегося показать на сцене беды, обрушившиеся в Нью-Йорке на еврейских беженцев в пору рейгановского правления. Трагикомедийный спектакль на эту тему красноречиво назван: "С дохлых лошадей подковы". Мораль спектакля такова: и в заброшенном, "сугубо еврейском", Бронксе беженцам не укрыться от распоясавшихся в Америке антисемитов.

Из Канады тоже приходят в Бельгию вести от жертв "перевалок", осуществленных фондами "Каритас католика" и протестантским. И тоже крайне безрадостные. Там, как правило, получают работу либо муж, либо жена. Вот письмо из Торонто от бывшего румынского гражданина Каухмана:

"Нас считают здесь ненатурализовавшимися жителями Канады. Это связано с ограничениями. И за тем, чтобы мы, не дай бог, не пользовались тем, что не положено ненатурализовавшимся, больше всех следят местные еврейские богачи. Пока мы не настоящие граждане Канады, мы для них дешевая рабочая сила и нам можно платить на 30–40 % меньше, чем настоящим. Наша Фанни [Речь идет о дочери. — Ц.С.] приехала сюда с двумя курсами медицинского факультета. А тут оказалось, что вступительные экзамены надо сдавать заново. О стипендии, как это было в Румынии, и думать нельзя. Но мы еще боимся, как бы ей не пришлось совсем распрощаться с высшим образованием, а она так мечтала стать врачом".

Довелось мне ознакомиться еще с одним письмом из Канады. Прислал его своей брюссельской знакомой бывший ленинградец Григорий Мирзокандов, двадцатитрехлетний инженер-оптик. Отправителем инженера в Канаду был протестантский фонд, сортирующий своих подопечных в третьеразрядных брюссельских отелях "Де бук" и "Шопен". Мирзокандов коротко и ясно охарактеризовал свою жизнь в Канаде: "Ощущаю себя рабом — ведь здесь знают, что я человек без родины".

В Брюсселе мне говорили, что нет пока никаких вестей от израильских беженцев, переброшенных в Новую Зеландию. Но вот накануне моего отъезда из Бельгии повар кафе краснодеревщиков Дрибуш, прославившийся искусством готовить русскую солянку и чай по-славянски, показал мне письмо из Новой Зеландии.

Семья Гиршман, до отъезда в Израиль проживавшая в Черновицкой области, именует свое пребывание в Новой Зеландии ссылкой. "Только ссылка дается на какой-то срок по приговору, а у нас получается пожизненно. Лучше на Украине работать поденщиком на погрузке-разгрузке, чем в Кентерберри заведовать участком на погрузке-разгрузке" — к такому выводу приходит глава семьи.

А покамест с личного одобрения самого Зусскинда, руководителя координационного

центра федерации сионистских организаций Бельгии (и такой высокий пост есть у них!), агенты трех брюссельских фондов продолжают вербовку жертв для депортации.

Но газета федерации "Ля трибюн сионист", журнал общинного центра нерелигиозных евреев Бельгии "Регар" и ежемесячник организации солидарности с Израилем и объединения евреев вокруг Израиля "Контакт" продолжают уверять читателей, что сионисты тут ни при чем, что им нет никакого дела до презренных йордим, что они опекают только желающих уехать в Израиль. Да что-то нет желающих!

ЛАБИРИНТЫ, ЛАБИРИНТЫ...

В Брюсселе от пожилого и многоопытного репортера я услышал рассказ про то, как на него обиделся шведский коллега.

— Не считите это лестью, — сказал ему швед, — но в журналистских кругах вас не без основания считают знатоком сионизма. Вы столько о нем писали, что, безусловно, сможете мне помочь. Я, как вы знаете, в последнее время тоже причастен к сионистской теме, но убей меня бог, если хоть на микродолю способен разобраться в структуре и построении сионистских организаций. Десятки советов, федераций, комитетов, лиг, объединений, обществ, фондов! А кто кого направляет, кто с кем соприкасается, кто о ком информирован — это все для меня полнейшая сумятица! Помогите как коллега коллеге, станьте на несколько минут моим гидом по запутанному лабиринту организационной схемы сионизма, хоть вкратце растолкуйте мне, кто кем руководит и кто кому подчиняется...

— Почему же все-таки шведский коллега обиделся на вас? недоуменно спросил я репортера.

— Я ему ответил, что ничем, к сожалению, помочь не смогу. Сам, говорю, плаваю и барахтаюсь в нескончаемом потоке названий, платформ, деклараций, уставов, заявлений, манифестов всяческих ассоциаций, группировок, агентств, филиалов, фракций, регионов сионизма. Но швед решил, что я эгоистично не хочу поделиться с ним своими сведениями об организационной структуре сионизма. И не только обиделся, но и прямо обвинил меня в отсутствии духа коллегиальности... А ведь я сказал ему самую правду! По-моему, нет на свете журналиста из несионистов, целиком посвященного в тайну их лабиринта. В эту тайну они никого не посвящают...

"В тайну"? Да, в тщательно охраняемую тайну. Вот почему у американского публициста Лоуренса Мошера были все основания подчеркнуть, что "получить серьезную информацию о внутренней деятельности сионистского движения довольно трудно". Эту трудность сионистские руководители усугубляют еще тем, что дают своим органам самые туманные названия, но никогда не именуют их сионистскими и ни единым словом не упоминают об их истинном назначении. Полистайте сионистскую прессу, сколько нейтральных и невинных названий организаций вы встретите на ее страницах!

Одни подогнаны под рубрику национальных.

Другие принято именовать благотворительными.

Третьи считаются всего-навсего культурными.

Четвертых называют молодежно-спортивными.

Это по названиям. А на деле...

Попробуйте, например, решить такую головоломку. Есть в Вашингтоне "Совет руководителей еврейских организаций в США" — учреждение на первый взгляд настолько авторитетное, что его президент Яков Штейн выступает в печати с оценкой почти каждого нового назначения на высокий пост в государственной администрации США. Действительно, "Совет руководителей организаций" — казалось бы, что может быть выше этого? Но сведущие люди посмеиваются над наивными людьми, задающими такой вопрос. Ведь всесильный "Сохнут", скромно именуемый всего только "Еврейским агентством", а фактически ведающий всей иммиграцией в Израиль, подчинен в некоторой степени вовсе не "Совету руководителей", а объединенному еврейскому фонду США "Магбит". Сам

генеральный директор "Сохнута" Моше Ривлин отчитывался перед "Магбитом" в том, сколько людей и за какой срок переселено "Сохнутом" в Израиль, и от резолюции по отчету зависит, насколько щедрой будет очередная финансовая субсидия "Сохнуту".

Как видите, не столь уже широко популяризуемый сионистами "Магбит" иногда руководит шумным и помпезным "Сохнутом" — учреждением, запустившим свои хваткие щупальца во многие страны мира. На одной из сессий правления "Сохнута" были, по сообщениям израильской прессы, представлены его иностранные филиалы и так называемые наблюдатели. Кстати, иностранный аппарат "Сохнута", бросившего все силы на выкачку из социалистических стран, в том числе из Советского Союза, населения для Израиля, все разрастается.

Возвращаясь к сионистским лабиринтам, предлагаю читателю попытаться отгадать, кто над кем стоит — "Объединение ортодоксальных еврейских общин США" над "Фондом призыва совести" или наоборот. Объединение по количеству членов превосходит фонд в несколько десятков раз. Но если учесть, что фонд с патетическим названием возглавляется не кем иным, как нью-йоркским раввином Артуром Шнейером, то можно понять, почему "Фонд призыва совести" призывает в основном не к совести, а к ответу те сионистские организации Америки, которые не выполняют плана сбора пожертвований или других оперативных заданий лидеров сионизма.

Трудно разобраться в сионистской иерархии не только в США, где количество сионистских организаций исчисляется сотнями. Точно так же обстоит дело в Бельгии и Голландии.

Вот на выбор несколько названий:

"Сионистская федерация Бельгии".

"Общество "Счастливое пребывание".

"Бельгийское объединение в защиту Израиля".

"Организация солидарности с Израилем".

"Объединение евреев вокруг Израиля".

"Нидерландский союз сионистов".

"Еврейское молодежное движение Бней Акиба".

"Молодежная организация "Егуд габоним".

"Группа Алия в Нидерландах".

"Еврейский национальный фонд".

"Организация защиты еврейского духа".

"Общество друзей Гистадрута" — и такая организация тоже существует в Бельгии.

— А почему мы не можем дружить с израильскими профсоюзами? — запальчиво вопрошают организаторы общества.

О каких же таких профсоюзах идет речь? Ответу на этот вопрос словами известного шведского экономиста Вильгельма Пауса, специалиста в области промышленности и международных связей — так его характеризует израильская газета "Маарив".

"Профсоюз не может быть одновременно работодателем, — сказал профессор Паус. — Гистадрут не может выполнять основной функции профсоюзов — защищать интересы трудящихся, ибо сидит по обе стороны стола"[Гистадрут владеет значительным количеством промышленных, строительных и др. предприятий (многие с участием частного капитала). — Ц.С.].

По этому высказыванию Пауса, уважительно названного той же "Маарив" сторонником капиталистического способа производства, можно судить, с какими "защитниками" трудящихся израильтян дружат "друзья Гистадрута".

Названия, названия, названия. Вывески, вывески, вывески. Помещения, помещения, помещения.

— Сионизм — течение, а не партия, — довелось мне услышать от сионистов.

Действительно, не партия, а концерт националистических партий. Концерт, как ныне принято, международный, разветвленный, многоступенчатый. И этакая игра в

многопартийность помогает сионизму муссировать и подогревать версию о своей массовости, о непрерывном притоке новых членов.

— Если хорошенько подсчитать, то в Бельгии и Голландии больше сионистских организаций, чем самих сионистов. Иногда не хватает для них председателей и президентов, — услышал я в Антверпене шутку, в которой очень большая доля правды. Один только Зусскинд возглавляет минимум четыре организации.

Зачем такой многообразный ассортимент? Прежде всего для того, чтобы создать видимость нарастающей массовости сионистского движения, воздействовать на общественное мнение и правящие круги капиталистических стран бесконечными заявлениями по каждому поводу и без повода и, что очень важно, иметь основания для сбора пожертвований.

Но не только для этого. Обилие советов, комитетов, комиссий и т. п. помогает сионизму запутать и дезориентировать его противников и рассредоточить их внимание по многим объектам, а зачастую и отвлечь от основного. В самом деле, кто же занимается в Голландии заманиванием переселенцев в Израиль: "Эмиграционный отдел союза сионистов" или "Группа Алия в Нидерландах"? Судя по названиям, вроде бы обе [Менее конспиративны наименования сионистских организаций, чья основная цель — воинствующий антисоветизм. Скажем, собравшееся в октябре 1984 года лондонское собрание служб международного сионизма без обиняков провозгласило себя "всемирным президиумом в защиту советских евреев". Всемирным — вот так размах!].

А на деле, поговаривают не без основания, главенствующую роль в переселении играет организация "Бнай-Брит". Что же касается общества под идиллическим названием "Счастливое пребывание", то, официально призванное заботиться о быте престарелых, оно гораздо больше заботится о пропаганде "двойного" гражданства и требует от своих членов неукоснительного выполнения их обязанностей перед государством Израиль. Вполне "двойными" ощущают себя и члены организации "Еврейское социальное образование".

В лабиринтах бельгийского и голландского сионизма необычайно трудно разобраться без путеводителя еще и потому, что в этих странах действует немало филиалов крупнейших американских учреждений сионизма. Достаточно назвать "Джойнт", "Еврейское национальное агентство", "Лигу защиты евреев".

И если сионистские организации Бельгии и Голландии и их печатные органы, как я мог убедиться, не очень склонны к каким бы то ни было контактам с несионистами, то филиалы американских сионистских учреждений совсем уж не разделяют убеждения Антуана де Сент-Экзюпери: "Единственная настоящая роскошь — это роскошь человеческого общения".

Они не могут позволить себе подобной роскоши. А их американские центры, независимо от названий, сделали разнузданный антисоветизм одной из основ своей деятельности — этого требует от них монополистический капитал США, этого требуют от них зачинщики "крестового" похода против социализма.

КТО НА КОГО РАБОТАЕТ

Сионисты, проживающие в странах Бенилюкса [Не удивляйтесь, я не случайно упоминаю и Люксембург, где вроде бы отсутствуют сионистские организации. Но там подвизается антикоммунистический так называемый "Международный комитет информации и социальных действий". А раз антикоммунистический, то он сразу же стал союзником бельгийских и голландских сионистов. И конечно же, объектом их субсидий. — Ц.С.], при всяком удобном и неудобном случае любят в качестве решающего аргумента привести собеседнику ссылку на иерусалимский "Голос Израйля". Чаще, чем на самые распространенные и влиятельные израильские газеты.

Любителей таких ссылок можно понять. Если они и выписывают израильские газеты, то скорее для "марки", чем для чтения, — ведь иврит для них, как мы знаем, равнозначен китайской грамоте. А "Голос Израйля" вещает на многих языках, и каждый радиослушатель

может выбрать наиболее понятный ему. Кроме того, как мне довелось слышать в голландском городе Эйндховене от деловых людей, "радио ориентирует короче".

И, дорожа временем, сионисты Бельгии и Голландии немалую толику пожертвований выделяют непосредственно на укрепление иерусалимской радиостанции.

Но вот когда в некоторых бельгийских и голландских газетах и журналах просионистского толка промелькнули сравнения "Голоса Израиля" с пресловутой "Свободой", удивились даже самые бывалые газетные "волки" этих стран.

Ведь они помнят, как гневно встретила общественность Нидерландов сообщение, что американские хозяева клеветнической "Свободы" намереваются перевести ее из Мюнхена в Гаагу. Это было, когда в ФРГ все чаще и громче зазвучали голоса протеста против пребывания радиофабрики антисоветских "уток" в Баварии, и ЦРУ пришлось всерьез подумать о подыскании своему детищу нового затененного места под солнцем. И некоторым голландским газетам пришлось успокоить своих читателей, срочно заверив их, что в Гааге жилплощади для "Свободы" не найдется.

Меня, однако, не так уж удивило лестное, с сионистской точки зрения, желание провести аналогию между "Голосом Израиля" и "Свободой". Сразу припомнилось кое-что из того, чему я был свидетелем в Мюнхене в дни Олимпиады 1972 года и что к спортивным соревнованиям никакого отношения не имело.

Три советских писателя, представляющие три наших издания на XX Олимпийских играх, попытались тогда посетить радиостанцию "Свобода". Мы знали, что окопавшиеся там матерые антисоветчики не жалуют нежданных и любопытствующих посетителей, особенно из нашей страны. Тем не менее направились в дом на Арабелаштрассе, 18.

В вестибюль, напоминавший контрольно-пропускной пункт на тщательно охраняемой границе, спустилась к нам немолодая дама. Очень вежливо и даже в извинительной тональности она известила нас:

— Экскурсий мы не практикуем. А беседовать с вами сейчас абсолютно некому: все редакторы и комментаторы, с которыми вам было бы интересно побеседовать, на все время Олимпиады заняты исключительно спортивными состязаниями.

Это звучало смешно, если учесть, что информацию на спортивно-олимпийские темы "Свобода" укладывала в одну-полторы минуты вещания.

Но по-своему дама была права: как наемники ЦРУ, работники "Свободы" не вправе были упустить столь удобной возможности потолкаться среди сотен советских людей — участников и гостей Олимпиады. И хотя хозяевам радиостанции удалось всеми правдами и неправдами просунуть в олимпийский пресс-центр только четырех "спортивных" корреспондентов, множество агентов "Свободы" непрерывно шныряло и на стадионах и во всех уголках олимпийской деревни — всюду, где можно было наткнуться на советских граждан. Особенно рьяно "сопровождали" они юных гостей Олимпиады — туристские группы нашего "Спутника". Прикидываясь коллекционерами значков, старались втянуть наших ребят в "дискуссию".

Характерно, что одной из гвоздевых тем этих безнадежно провалившихся дискуссий был "еврейский вопрос". У молодого лазутчика "Свободы", представлявшегося сыном коренного кубанца, был такой излюбленный "первый ход": он громогласно удивлялся, как это в приехавшую на Олимпиаду группу советских мастеров искусства включили композитора Яна Френкеля — ведь он же, дескать, еврей.

В олимпийском пресс-центре тоже постоянно вертелись два-три типа, обменивавшиеся между собой фразами по-русски, но от нас старательно это скрывавшие. Здесь им, естественно, делать было нечего — в телетайпах и даже в телефонах у них надобности не было, ведь до логова "Свободы" всего несколько километров.

Итак, на радиостанцию нас не пустили. Не спеша отходя от дома на Арабелаштрассе, мы увидели, как из подъехавшего "фольксвагена" выскочили израильские корреспонденты Кац и Розенбаум. Уверенно, хозяйским шагом вошли они в цитадель радиолжи.

Через несколько дней я напомнил этот случай Кацу, которого до того встречал на

предыдущих Олимпиадах и мировых чемпионатах. Он так объяснил мне свой визит в "Свободу":

— Наш "Голос Израиля" пользуется техникой "Свободы".

Нет, не только техникой, а идеологией и методологией этого детища ЦРУ широко пользуется "Голос Израиля"! И даже обменивается с ним материалами. Приведу такой факт.

Я уже рассказывал, как в дни Олимпиады близ Мюнхена, на лагерной площади в Дахау, где гитлеровцы замучили в каторжном застенке сотни тысяч узников, в том числе евреев, была сделана открытая попытка сорвать интернациональный траурный митинг молодых олимпийцев. Мне, одному из корреспондентов "Советского спорта" на Олимпиаде, довелось писать об этой гнусной провокации. Журналисты задали вопрос представителям властей: с кем же сблокировались, осуществляя эту провокацию, баварские сионисты и прибывшее к ним подкрепление? И мы узнали, что сионистам тогда охотно помогли неонацисты из профашистских западногерманских группировок и остатки украинского националистического отребья, прославляющие имена Петлюры и Бандеры.

"Голос Израиля" тоже проинформировал своих радиослушателей об "инциденте в Дахау". И текст сообщения совпал с тем, что передала "Свобода". Слово в слово! Не установлено только одно: то ли иерусалимский корреспондент работал на своих мюнхенских друзей, то ли "Свобода" поспешила позаботиться о "Голосе Израиля". В обоих вариантах налицо творческое содружество и трогательная взаимопомощь.

Успешно осваивая опыт "Свободы", ее младший иерусалимский брат не выпускает из поля зрения ни одного международного спортивного соревнования, где обычно собирается много молодежи.

Ну, зачем, скажем, упомянутый Кац приезжал в Гренобль на зимнюю Олимпиаду? Ведь Израиль не был представлен на зимних Олимпийских играх ни одним спортсменом. Ведь ни один вид зимнего спорта не имеет никакого распространения в самом Израиле.

Зачем же все-таки туда пожаловал специальный корреспондент "Голоса Израиля"? Затем, чтобы со значком "Пресса" на лацкане пиджака вертеться вокруг спортсменов, судей и журналистов еврейской национальности, заводить с ними разговоры, назойливо приглашать в рестораны с национальной кухней. А там выудить хоть косвенное, хоть самое отдаленное подтверждение клеветнической сплетне о популярном советском писателе, актере, режиссере. И, главное, активно участвовать в устройстве "дружеских встреч спортсменов-евреев" из разных стран.

Такие встречи с треском проваливаются. Одна за другой.

Раздосадованные серией провалов, "Голос Израиля" и ведущие сионистские газеты Израиля решили заблаговременно готовить их на широкую ногу. Начали с Мехико, куда на Олимпиаду заранее прибыла основательная группа корреспондентов во главе с видным сионистским журналистом Александри, редактировавшим тогда тель-авивскую спортивную газету.

Он знает русский язык. Это явно сказалось на пламенном тексте приглашений, обнаруженных советскими олимпийцами у себя под подушками. Помню, знаменитый наш пловец Семен Белиц-Гейман, заразительно хохоча, показал писателю Льву Кассилю и мне постоянный бесплатный абонемент на ужины в ресторане "Тель-Авив". Заманчивые слова "кошерная пища" были выделены жирным шрифтом и обрамлены восклицательными знаками.

Ах, как рассчитывал господин Александри на вечерние огни шикарного ресторана вблизи самого фешенебельного отеля "Мари-Исабель"! И на чары пикантных представительниц самой древней профессии, абонированных на целый вечер организаторами "встречи". И на моднейшие автомобили, предоставленные в распоряжение тель-авивских журналистов маккабистским спортклубом в Мехико. Клуб этот опекают богатейшие сионисты Мехико, вроде фабриканта Хулиана Ласки, так что стесняться в расходах не пришлось. Рьяно помогал израильскому редактору американский сионист Лео Гольдстайн, прибывший на Олимпиаду под маркой футбольного судьи. Подкатывался к нашим

спортсменам он с неизменным возгласом:

— Люблю Льва Яшина!

И тут же пытался всучить приглашение.

Однако и в Мехико "дружеская встреча евреев-спортсменов" тоже провалилась. Об олимпийцах из социалистических стран и говорить не приходится: никто из них не пришел ни в ресторан "Тель-Авив", ни в сионистский спортивный комплекс. Единичные же спортсмены из других стран ограничились коротким ужином в ресторане. Когда же дело дошло до "дискуссии", они сослались на спортивный режим и тут же уехали. Всем журналистам, аккредитованным в олимпийском пресс-центре, это стало известно. В некоторых мексиканских газетах промелькнули короткие заметки на эту тему. Присионистские издания промолчали.

А сотрудники "Голоса Израиля" поступили так, как поступили бы, конечно, их наставники. Радиобрехуны известили об "оживленной дискуссии" на этой международной встрече, куда "тайком" прибыли многочисленные спортсмены социалистических стран. Устами мифических ораторов авторы этой очередной радиоутки выражали надежду на то, что на следующей Олимпиаде — в Мюнхене очередная "дружеская встреча" пройдет еще многолюдней, еще активней. Кстати, наученные горьким мексиканским опытом, сионисты и не пытались в Мюнхене организовать "встречу".

В ЭФИРЕ ВОСПЕВАЕТСЯ ДВОЕДУШИЕ

Как видите, "Голос Израиля" орудует в духе "лучших" традиций "Свободы". Недаром все крепнут его контакты со "старшей сестрой".

В этих контактах за последнее время вырос удельный вес иерусалимского младшего брата. Он, например, во все нарастающих масштабах поставляет "Свободе" информацию о социалистических странах, выкачиваемую из переехавших в Израиль бывших граждан этих стран. Покупатели подобной информации услужливо не замечают, что один и тот же голос на пленке сегодня принадлежит "пражскому экономисту", завтра — "ленинградскому врачу", послезавтра — "лодзинскому инженеру".

Приобретая такой товар, "Свобода" проявляет особенно большой спрос на клеветнические откровения о "национальной розни" народов социалистических стран, ведь "Свободе" приходится ежедневно на одних только двадцати трех языках советских народов выдавать свою продукцию в течение почти трехсот восьмидесяти пяти часов! Многие олим и не подозревают, что от их имени выпекаются выдумки о странах, откуда они выехали в Израиль.

Если "Голос Израиля" оповещает о "сенсации", "Свобода" немедля заимствует ее для своих передач. В качестве примера приведем такое сообщение иерусалимского радио: "На конкурсе поцелуев в США победила еврейская пара — Скотт Сандлер и Лиз Шапиро". Далее следовали "оглушительные" подробности: поцелуй длился 35 секунд и дал лучшие результаты по пяти показателям — красоте объятий, положению губ, владению дыханием, изобретательности, сексапильности.

Сенсация, правда, не политическая, но мюнхенские радиопираты сочли, что и она в какой-то степени возвеличивает сионизм.

Развивается и обмен кадрами между "Свободой" и "Голосом Израиля". Вот характерный пример.

Некий Гарри Табачник некогда был сотрудником эстрадных программ Московского радио. Пронырливый Гарри неоднократно уличался в настойчивом выманывании старого тряпья с иностранными фабричными марками у зарубежных эстрадных гастролеров. Переехав в Израиль, Гарри в избытке снабжал своими "новеллами из советской жизни" израильских радиодельцов. За эти творения он был превращен сионистской пропагандой в крупного писателя и даже назначен членом руководства субсидируемого "Сохнотом" израильского объединения "русских писателей". Но способность новоиспеченного писателя

сочинять антисоветские небылицы прельстила хозяев Табачника гораздо больше, чем его "художественные" произведения. И потому этот новеллист был переуступлен "Свободе", направившей его одним из своих корреспондентов в Вашингтоне.

Мюнхен не остается в долгу перед Иерусалимом. Например, заправила "Свободы" милостиво разрешили своему сотруднику, изменнику родины Финкельштейну, засоряющему эфир под именами Владимиров и Зайцева, поставлять свои писания непосредственно Иерусалиму.

В Голландии я встретился с супругами Айзманс, пожилыми людьми, на чьих глазах рождался "Голос Израиля". Они тогда наивно верили в чистоту и благородство задач этой радиостанции и даже посильно помогали ее становлению. Но сейчас один из бывших редакторов "Голоса Израиля" первого поколения, работающий над книгой о борьбе голландского Сопротивления за спасение евреев, так характеризует роль передач израильского радио на политические темы:

— Создается впечатление, что "Голосу Израиля" отведена роль дирижера, чьей палочке подвластны все сионистские средства массовой информации во всем мире. Возьмем, к примеру, второй этап Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Стоило только иерусалимскому радио дать очередную язвительную заповедь насчет безнадежности и бесперспективности работы координационного комитета, как ее тут же подхватили сионистские газеты во всех странах. Одни и те же фразы, одни и те же доводы!

ПЕРЕД ОПАСНОСТЬЮ... МИРА

Свой беспощадный анализ политических передач израильского радио Айзманс закончил так:

— В последних войнах агрессоры наряду со всеми смертоносными видами оружия широко применяли и оружие лжи. По этому поводу говорят: "Когда начинается война, первой жертвой становится правда". Что же касается сионистского радиовещания, то для него правда — перманентная жертва. В значительной степени оттого, наверно, что Израиль перманентно находится в состоянии войны. Особенно старается "Голос Израиля" в двух направлениях — антикоммунистическом и антимирном. Не удивляйтесь термину "антимирный", он в данном случае очень точный. Сионистские радиопередачи настолько милитаристичны, что их девизом смело можно было бы взять поговорку, пущенную геббельсовской пропагандой во время второй мировой войны: "Радуйтесь войне, ибо мир будет страшным". К счастью, прогрессивные израильские круги начинают сознавать, к чему может привести такая пропаганда по радио, со страниц газет, в публичных выступлениях самых реакционных сионистских идеологов типа Бегина. И не случайно появилось несколько трезвых книг израильских авторов, пытающихся образумить сторонников милитаристского угара. Я бы порекомендовал вам познакомиться с книгой Марка Хиллеля. Она попадает точно в цель уже одним своим названием — "Израиль перед опасностью мира". Опасность мира — вдумайтесь в эти слова!

— Просионистскую критику таких книг, — спросил я, — вам читать не приходилось?

— Приходилось. Главный критический аргумент был один: авторы антисемиты!

Сионистские теоретики до того щедро именуют антисемитом любого неудобного им автора, что весьма частенько садятся в глубокую лужу.

В объемистой книге А. Форстера и Б. Эпстена "Новый антисемитизм", изданной одновременно в восьми крупных западных городах на английском языке, к сонму часто публикующихся в Москве антисемитских "экспертов" (авторы с намеренным презрением заключили это слово в кавычки) был причислен П.А. Гольбах. "Сионистские "эксперты" (тут уж без кавычек никак не обойтись), — пишет советский исследователь М.А. Гольденберг, — сном-духом не ведают, что это выдающийся французский философ-материалист XVIII века Поль Анри Гольбах. И публиковался он не только в Москве, но и в некоторых из восьми городов, "одаривших" человечество "трудом" сионистских сочинителей, например в

Лондоне, где "Социальная система", одно из его основных произведений, была издана впервые. Произошло это в 1773 году, задолго до того, как "эксперт по фамилии Гольбах" стал "московским автором".

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно — ведь многочисленные израильские рецензенты безмерно хвалили Форстера и Эпстена за смелое разоблачение "злостного московского антисемита"!

Любителям приклеивать без разбора ярлычок "антисемита" скоро станет еще легче работать: под свою клеветническую практику они смогут подвести "научно-теоретическую" базу. Дело в том, что житель Майами-Бич мистер Бен Левин, именуемый израильской прессой известным американским филантропом, пожертвовал организации "Бнай-Брит" 100 тысяч долларов специально для финансирования конкурса на лучшее исследование о международном антисемитизме в современном мире. Премию завоевали Бенъямин Эпстен и Арнольд Форстер. На двухстах с лишним страницах "лауреаты" доказывают, что современное общество в странах, где есть еврейское национальное меньшинство, никак не может существовать без антисемитизма и поэтому у евреев всего мира единственный выход — переселение в Израиль.

Очевидно, всех, кроме... филантропа Вена Левина. Судя по размеру учрежденной им премии, ему в Америке живется безбедно, и, когда зайдет речь о всемирной алии в Израиль, он по примеру предусмотрительной американской дамы скажет: "Только без меня!"

Премированное исследование, вероятно, вдохновит бнайбритовцев на новую волну "заочного нажима". Так называется широко применяемый сионистами прием, когда они хотят заставить намеченную жертву переехать из своей страны в Израиль. Человеку регулярно звонят по телефону и, сдабривая речь отборнейшими антисемитскими ругательствами, угрожают расправой, если он не покинет своей страны. На малодушных людей, как показал печальный опыт, такие дешевые провокации действуют.

Человек переселяется в Израиль и уже только там иногда узнает, что его, простофилю, "разыграли". Чтобы утешить спровоцированного, ему предлагают назвать кандидатуры новых жертв, созревших, по его мнению, для "заочного нажима".

А маккабисты предпочитают телефону подметные письма от имени мифических антиеврейских организаций. Так маккабисты действуют не только в странах Бенилюкса, но и в Италии, Англии, Аргентине, да и, пожалуй, всюду, где живут евреи.

Это далеко не единственные приемы из сионистского арсенала, нацеленные на искусственное разжигание "мирового антисемитизма". Арсенал не новый, если вспомнить заветную мечту сионистского теоретика Шаруна о "глобальной провокации".

"Я не постыжусь признаться, — развивал мысль Шаруна израильский премьер Бен-Гурион, — что, если бы у меня была не только воля, но и власть, я бы подобрал группу сильных молодых людей — умных, скромных, преданных нашим идеям и горящих желанием помочь возвращению евреев — и послал бы их в те страны, где евреи погрязли в грешном самоудовлетворении. Задача этих молодых людей состояла бы в том, чтобы замаскироваться под неевреев и, действуя методами грубого антисемитизма, преследовать [Выделено нью-йоркской еврейской газетой "Кемпер". — Ц.С.] этих евреев антисемитскими лозунгами. Я могу ручаться, что результаты с точки зрения значительного притока иммигрантов из этих стран были бы в десять тысяч раз большими, чем результаты, которых добились тысячи эмиссаров чтением бесполезных проповедей".

Что ж, первую часть провокационного плана последовательно осуществляет сегодняшний международный сионизм: недостатка в приемах провокационного разжигания антисемитизма нет. Вот с плодами провокаций дело обстоит значительно хуже: люди, поддавшиеся сионистским провокациям, быстро прозревают в Израиле и бегут оттуда. Даже по официальным данным, кривая реэмиграции из Израиля из года в год резко ползет вверх.

ДЕСАНТ ЭМОЦИОНАЛОК

Что же касается Шаруна и Бен-Гуриона, то в своих прожектах использования антисемитизма как благотворного стимула развития сионизма, они выглядят жалкими дилетантами по сравнению, скажем, с нью-йоркским сионистским теоретиком Хаимом Гринбергом. Он без обиняков утверждал: "Чтобы быть хорошим сионистом, нужно быть немного антисемитом". Не это ли утверждение помогло Гринбергу получить должность редактора теоретического журнала сионистов "Еврейский рубеж"!

Гастрольные поездки израильских златоустов в западноевропейские страны — далеко не редкость. Только возникает потребность подвести высокоидейную базу под какую-либо дурно пахнущую акцию сионистских правителей Израиля, немедленно для обработки еврейского населения в страны Западной Европы прибывают батальоны испытанных ораторов из Тель-Авива и Иерусалима.

Готовит, скажем, израильская Фемида очередную серию инсценировок суда над непокорными жителями захваченных арабских селений. Или начинается подавление очередной волны забастовок. Или в очередной раз требуется оправдать снижение зарплаты сефардам — темнокожим израильтянам третьего сорта. И тут же (опять-таки в очередной раз!) гонцы израильского пропагандистского аппарата спешат оседлать трибуны сионистских аудиторий в крупных западноевропейских городах. А их местные единомышленники, орудуя в лучших традициях эстрадных импресарио, обеспечивают гастролерам бизоний рев публики, точно перед ней выступают короли бита и королевы стриптиза.

Одно время израильские посланцы особенно жадно хватили путевки в Бельгию. Там обычно их в избытке ожидало все, что радует жаждущего успеха гастролера, — аншлаги, топот ног и особенно полновесные гонорары в виде густо исчерканных подписных листов на денежные подношения (конечно, внеочередные!).

И все же, как рассказали мне в Бельгии, за последнее время и туда не очень-то охотно стали наведываться израильские проповедники. Как ни фильтруют устроители публику, уж на очень каверзные вопросы чрезмерно любознательной аудитории приходилось держать ответ взопревшим гастролерам:

— Почему понадобилось в энный раз девальвировать израильскую валюту? Вероятно, только потому, что израильская экономика крепнет, как вы образно выразились, словно Голиаф?

— Почему израильские газеты посмели сказать, что "руководители наших банков элементарно проворовались"? Наверно, хотели незаслуженно охаять честнейших банковских деятелей, чьи достоинства вы так красочно описали?

— Почему все больше и больше рабочих поддерживают движение Коммунистической партии Израиля против преследований палестинцев? Потому, очевидно, что израильские коммунисты, как вы горячо доказывали, неуклонно теряют доверие рабочих?

Словом, неблагодарной это стало профессией — прославлять за границей политику государства, где под разными псевдонимами и этикетками правят сионисты. Только приезжий оратор толкнет выпренную речугу — самое, казалось бы, время пустить по залу подписной лист. А дотошные слушатели высыпают пригоршнями не монету, а уйму всяческих "почему", да еще с режущими нежный слух гостей нехорошими словами: инфляция, дороговизна, безработица, наркомания, милитаризация, аннексия.

И я, понятное дело, удивился, услышав от знакомого журналиста в Брюсселе:

— Вчера самолет израильской авиакомпании "Эл Ал" высадил у нас мощный десант ораторов-агитаторов. Пропагандистский батальон особого назначения. Учтите, оригинальнейший репертуар: никакой политики, никакой войны, никакой экономики. Разговор пойдет только о фортунах, о надеждах, о мечтах. И, разумеется, о любви. Неспроста прилетевшие гости из Израиля именуют себя эмоционалами. Точнее было бы — эмоционалками. Ибо на сей раз Израиль направил к бельгийским евреям исключительно особ прекрасного пола. Причем различных поколений — ведь эмоциям все возрасты покорны.

Выступления солдаток пропагандистского батальона оказались весьма разножанровыми.

Коронным номером самой солидной по возрасту эмоционалки был, к примеру, глубоко психологический трактат "Учитесь оптимистически читать письма".

В нашу эру скоростной деловитости, утверждала сионистская гастролерша, "текучка жизни" не дает человеку времени осознать возвышенное, и он пишет письма исключительно на грубо материальные темы. Вкусил в Израиле редчайшее счастье посещения наисвятейших мест и стриптиза чистейшей парижской пробы, а письмо родным посвящает подумайте только! — такой обыденности, как низкая зарплата и высокие налоги. Отсюда следует вывод: критически относитесь к мрачным посланиям новоиспеченных израильтян, научитесь читать в письмах то, что в них не сказано. И затем, ради всевышнего, не показывайте письма знакомым и сослуживцам, письмо — категория интимная. Израильтяне, дескать, больше писали бы вам о вере в фортуны, о надеждах на удачный бизнес, о сугубо пикантных развлечениях, но им мешает боязнь, что их интимные письма сможет прочитать каждый встречный-поперечный.

Почтенная эмоционалка предусмотрительно умолчала о развернувшейся в Израиле шумной кампании "против плохих писем в страны рассеяния". И не сказала, что эти злополучные письма стали главным оборонительным оружием сохнутовцев, когда на них обрушиваются едкие насмешки по поводу резкого сокращения притока иммигрантов. Зато гастролерша сумела вложить максимум металла в свою заключительную тираду, произнесенную абсолютно директивно и без всяких обиняков:

— Пусть нелегко у нас новым израильтянам, но каждое их письмо должно быть голубем радости и надежды, а не, как ныне повелось, вороном грусти и отчаяния. Пусть поймут, наконец, это все еще не очень устроенные у нас, если им действительно всего дороже репутация их исторической родины!

Дореволюционные одесские куплетисты в таких случаях выражались менее витиевато. Они пользовались недвусмысленным рефреном: "Лопни, но держи фасон!"

Не менее эмоциональны, но более сладкоречивы были в своих проповедях и гастролерши более юного поколения.

Но по общему признанию звездой гастрольной труппы, бесспорно, стала тель-авивская Шахерезада по имени Ципора, сумевшая эффектно совместить в своем туалете протертые до плешин джинсы с туникой древнего покроя из ультрамодной ткани.

Дело, очевидно, не в туалете, а в репертуаре. Он состоял из одной только истории, но зато захватывающей, в своем роде единственной — о благодетеле Гарун-аль-Рашиде. Он, правда, не стародавний калиф, а современный бизнесмен, и благодеяния свои совершил не в сказочном Багдаде, а на улицах неказистого городка Бейт-Шемеша в 28 километрах от Иерусалима. Пусть городок и захудалый — тем более радостно и знаменательно, подчеркнула госпожа Ципора, что даже в нем могло случиться чудесное происшествие, какое и не приснится никому в самом крупном городе другой страны.

ШАЛОСТИ ИЗРАИЛЬСКОЙ ФОРТУНЫ

Итак, жил-был в Бейт-Шемеше (и не в глубокой древности, а в наше время) человек по имени Харар. Было у него мало денег и много дочерей — шестеро. И все вокруг сочувствовали бедняге. Но вот самая младшая из дочерей Харара приехала как-то на несколько часов в Иерусалим. И заметил ее сквозь стекло своего сверкающего "понтака" Айзек Джемиль, тридцатидвухлетний миллионер из Вашингтона. Любезно подвез прекрасную, но не очень-то изысканно одетую Офру к автобусному вокзалу. Настойчиво попросил продиктовать адресок.

А назавтра началось то, что госпожа Ципора назвала "явлением, свойственным исключительно свободной стране", а израильские газеты прорекламировали как "чудо", "знамение времени", "сказку".

Рассказывая эту сказку, госпожа Ципора больше налегала на хорошенькое личико и стройный стан Офры. Зато в изложении тель-авивского журнальчика "Неделя" крупногабаритное счастье не случайно, а закономерно привалило именно в дом "ортодоксальной семьи сиониста Харара, возглавляющего список религиозных депутатов на местных выборах". Рука божья — и никаких гвоздей!

Молодой миллионер, прихватив папу-миллионера, пригласил отца Офры в иерусалимский "Хилтон" на обед. Тут же было сделано предложение руки, сердца и долларов.

"И пошло, и поехало, — захлебывается от восторга тель-авивский репортер. — Айзек примчался в Бейт-Шемеш с грузом подарков для выведенной из равновесия семьи. Предмету своей любви он преподнес пустяк — кольцо стоимостью 45 тысяч лир да кольцо тысяч на пятнадцать. В последующие дни началось паломничество такси, набитых всяким добром, и по одному и тому же адресу: дом Хараров на улице Ганаси, 198. На этом сказка не кончается..."

А мораль нескончаемой сказки такова: в такой цветущей стране, как Израиль, даже шесть дочек не обуза для бедной семьи, если ее возглавляет истинный сионист и верный приверженец иудейской религии. Сколько бы ни мучился он, фортуна его отыщет и осенит сиянием долларов!

И бог пошлет такой семье персонального миллионера, и, подобно Айзеку, он закатит в "Хилтоне" в честь помолвки шикарный бал, который обойдется ему в 40 тысяч лир. И трогательно пригласит на пиршество провинциальных соучениц невесты, чтобы они впервые в жизни увидели грандиозную увеселительную программу, "гвоздем которой была, — смакует репортер, — высокооплачиваемая исполнительница танца живота".

А папаше Харару любвеобильный Айзек открыл кредит в отеле "Хилтон", чтобы папаша мог там поесть, попить и повеселиться, когда ему заблагорассудится.

Словом, торопитесь, девушки, переселиться в Израиль, и там найдете своего миллионера! А увозя вас в Америку, он, подобно щедрому Айзеку, великодушно скажет вашему отцу:

— Мой высокочтимый тесть, в благодарность за отнятое у вас сокровище я приказал открыть вам кредит в "Хилтоне"...

На этом поставил точку обалдевший от жениховского куража репортер, на этом закончила свой — глубоко поучительный для юных сионисток — рассказ Шахерезада из Тель-Авива. И, надо признать, стяжала аплодисменты.

Их не стяжали в Брюсселе прочие эмоционалки. А совсем полный конфуз выпал на долю госпожи Матильды: несмотря на заступничество сионистских администраторов, ее высмеяли и освистали. Виновницей такого сверхпрограммного дивертисмента оказалась седенькая старушка, обычно застенчивая и малоразговорчивая.

Случилось это, когда госпожа Матильда кокетливо сетовала на непомерные капризы некоторых непатриотичных израильских женщин: в своих требованиях к бытовому комфорту эти дамы опережают самых избалованных бельгийских домохозяек. Знай наших!

Но тут старушка, привыкшая по своей отсталости читать в письмах лишь то, что в них написано, отважилась прервать гастролершу:

— Кстати, о комфорте. Мне сын писал о страшном маабароте в городе Акко. Вы не можете сказать, когда будет покончено с этими чудовищными жилищами?

Госпожа Матильда очень кратко и очень кротко ответила, что малозначительный городок Акко близ Хайфы действительно существует. Что же касается какого-то там "маабарота-шмаабарота" — никогда она о таком не слыхала и посему просит уважаемую слушательницу не мешать ей закончить лекцию.

Но строптивые слушатели рассудили почему-то иначе. Помогли седенькой старушке взобраться впервые в жизни на трибуну и попросили прочесть письмо сына о таинственном маабароте. И услышали прелюбопытнейшие подробности о шалостях израильской фортуны.

Лет двадцать тому назад в Акко на так называемой наполеоновской горке из

бракованных асбестовых плит наскоро соорудили барачный поселок. Такие скопища лачуг в газетах называют маабаротами — неужели же высокоуважаемая госпожа Матильда не читает своей прессы? В аккском маабароте поселились сначала сто сорок семей переселенцев. Хайфские власти давали клятвенные обещания снести лачуги и на этом основании не ремонтировали их. А на деле вскоре сколотили еще двести таких лачуг, и на наполеоновской горке оказалось уже 2300 переселенцев. Сейчас бараки совершенно развалились, в них кишмя кишат крысы, змеи, скорпионы. Недавно наполеоновцам удалось затащить на горку нескольких журналистов, и те убедились, что многие лачуги стали прибежищем для воров, наркоманов, проституток.

Старейший житель этих "временных" жилищ Ицхак Окайон рассказал журналистам:

— Моих родителей поселили в маабароте еще в 1960 году. Сотрудники "Сохнута" уверяли, что всего на полгода. А как видите, уже и моим детям приходится здесь прозябать. Если даже нас и переселят, то лачугу, где я укорачиваю себе жизнь, все равно не снесут. На нее найдутся охотники, хотя они знают, что женщинам нельзя ни на час отлучаться из развалившихся лачуг: надо охранять вещи от воров, а детей от проституток.

Старушка умолкла. Паузу нарушила гастролерша. Невнятно пробормотав что-то о фортунах, имеющей капризное обыкновение не ко всем поворачиваться лицом, она поспешила ретироваться из зала.

Итак, из всего десанта эмоционалок избежала в Брюсселе обструкции только одна — госпожа Ципора, та, что столь душещипательно поведала о Гаруналь-Айзеке, вашингтонском миллионере, влюбившемся в Золушку из бейтшемешской сионистской семьи.

Почему так произошло именно с Ципорой? Неужели опять фортуна? Нет, объясняется это гораздо прозаичней, обыденней, грубей. Тель-авивская Шахерезада просто упустила в финале своего повествования маленькую деталь, совсем-совсем крохотную. Что ж, простим гастролерше легкий склероз и восполним ее упущение.

Оказывается, отец счастливой невесты, услышав, что зять-миллионер открыл ему кредит в знаменитом "Хилтоне", покачал головой и застенчиво сказал ему:

— А-а, зачем бедному еврею "Хилтон"! Вы можете, дорогой зять, отблагодарить меня гораздо лучше, и главное-вам дешевле обойдется. Ваш отец — умница, он еще полсотни лет тому назад эмигрировал из наших мест. Но говорят, лучше поздно, чем никогда. Вывезите меня отсюда с моим грузом из пяти дочерей — и я тогда поверю, что вы действительно любите мою шестую дочь!..

Рассказав мне об этом, брюссельский бухгалтер, недавно вернувшийся из туристской поездки в Израиль, уверенно добавил:

— Вряд ли стоит осуждать проверенного сиониста и религиозного ортодокса Харара за такие "дезертирские" настроения. Если уж человеку привалила израильская фортуна, то из нее надо выжать самое полезное, самое насущное!

ПОЭЗИЯ ПРИМИТИВНАЯ, НО ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ

Я вынужден вновь вернуться к зловещим маабаротам — ведь несмотря на то, что число беженцев из страны вот уже несколько лет подряд намного превышает число прибывающих олим, жилья для них катастрофически не хватает.

Это можно видеть и в Иерусалиме, незаконно провозглашенном израильской столицей. Как и в Тель-Авиве, там есть еврейские кварталы нищеты. Условия жизни ужасающие. Некоторые дома давно уже подлежат сносу, но семьи бедняков вынуждены обитать там под угрозой обвала крыш и потолков. Полноправные соседи жильцов — полчища крыс. Порою в этих кварталах происходят бунты обреченных на жизнь среди мусора и крыс жильцов — впрочем, правильнее было бы назвать их бездомными. Полиция усмиряет очередной бунт, власти дают очередное обещание предоставить обитателям трущоб другое жилье, и... все остается по-прежнему.

Нетрудно представить себе, с какой горечью узнала иерусалимская беднота, что

построенная в городе летом 1982 года "самая роскошная и самая красивая в мире синагога" обошлась в 14,5 миллиона долларов. "Чего тут только нет! — умиляется "Джерузелем пост". - 1700 дубовых кресел, обитых плюшем, хрустальная люстра весом 3,5 тонны, уникальное устройство, позволяющее сдвигать потолок, чтобы сыграть пышную свадьбу под открытым небом, итальянский и греческий мрамор... За дверьми с витражами и бронзовыми медальонами — вестибюль, ведущий в овальный зал с мозаичным мраморным полом, который освещают пятнадцать итальянских канделябров: их собрали итальянские специалисты. Есть в синагоге зал, выложенный дубовыми панелями и украшенный витражами. За элегантными круглыми столами могут одновременно разместиться 600 человек. Зал предназначен для свадеб, банкетов и т. п.". Под "и т. п." подразумеваются занятия сионистских вечерних школ для взрослых и встречи с сионистскими эмиссарами из США.

Но особенно неимоверный восторг сионистской газеты вызывает такая сверхсовременная деталь: "В женскую галерею можно попасть на "субботнем" эскалаторе или "субботнем" лифте, устроенных так, что могут действовать автоматически, без участия человека".

Бездомная беднота недоумевает: как же это городские власти, не располагающие, по их утверждениям, несколькими тысячами долларов на ремонт опасных для проживания домов, ухитрились найти колоссальные средства на постройку роскошнейшей синагоги. В ответ на эти горькие недоумения следует такое разъяснение:

— Около восьми миллионов долларов специально на новую синагогу пожертвовали зарубежные богачи сэры и леди Вольфсон, что, как видите, увековечено на иврите и английском массивной плитой у входа.

И жителям иерусалимских трущоб остается только подсчитывать, сколько домов для них можно было бы построить на остальные шесть с половиной миллионов.

Когда заходит речь о катастрофической нехватке жилья для олим, сохнутувцы взваливают вину на чиновников министерства абсорбции, во главе с министром Узаном, а те — на сохнутувцев. Но и те и другие в одинаковой мере ненавидят жалующихся на скверное жилье новоприбывших "непатриотов". В Остии мне рассказал беженец из Израиля, бывший рижанин:

— В Хайфе приехавший из Каунаса пожилой человек заработал большие неприятности и от "Сохнута", и от мисрада абсорбции. Власти перехватили его письмо в Литву, где черным по белому было написано приблизительно так: "Передайте всем, кто собирается в Израиль, чтобы не забыли прихватить с собой палатку. Тогда они наверняка будут обеспечены жильем". Конечно, крамольника как следует проработали, но квартиры он как не имел, так и не имеет. Ох, с жильем для олим дело в Эрец-Исраэль обстоит безнадежно. На этот счет среди недавних израильтян, подумывающих о бегстве куда глаза глядят, в ходу старая притча на новый лад.

Один еврей пожаловался раввину на страшную тесноту в своей жалкой лачуге. Раввин посоветовал ему: посели у себя сначала кошку, потом собаку, потом козу. А затем по одной выгоняй. Жаждавший мудрого совета так и поступил. Когда он, наконец, выгнал козу, то действительно почувствовал облегчение...

— В чем же новый лад этой и впрямь старой притчи?

— Такой вопрос задают все. Отвечаю: в том, что вместе с козой очутился на улице сам жилец лачуги. Вероятно, он жил в тель-авивском квартале трущоб — Кфар-Шалеме или Шабази, в доме, предназначенном на слом. Но какой-то олим, потуже подтянув живот, предложил хозяину дома пять шекелей надбавки, и хозяин выбросил своего старого жильца на улицу. И тут уж ему не мог помочь самый мудрый раввин. Единственное для бедняка утешение — то, что у нового жильца тесной лачуги семья на двух человек больше...

Кстати, о кварталах нищеты Кфар-Шалеме и Шабази. Осенью 1982 года тамошние жители подняли массовый бунт и вместе с детьми и престарелыми родственниками направились к мэру. Им преградила путь полиция. Не подействовало. Полицейские

прибегнули к слезоточивому газу. Демонстранты разбегались с возгласами: "Из своих вилл вы не видите наших лачуг! Ваша "машканда" — дыра в кармане и фальшивая льгота!"

"Машкандой" именуется широко рекламируемая министерством абсорбции ипотечная ссуда, то есть выданная под залог недвижимого имущества денежная ссуда на приобретение квартиры. Таким образом, еще не полученная квартира уже оказывается заложенной. Причем на кабальных для олим условиях, ибо от дня получения ссуды до дня вселения в квартиру строительные фирмы чуть ли не ежемесячно повышают расценки на свои работы, стараясь не отстать ни на шаг от чудовищного роста инфляции (по этому показателю Израиль вот уже много лет никому в мире не уступает первенства). В итоге "машканда" обесценивается чуть ли не до нуля и поддавшийся на банковскую удочку олим должен влезать все в новые долги, намного превышающие сумму ипотечной ссуды.

Не знаю, опутал ли себя "машкандой" Саадия Шмуилов, вот уже почти пять лет ютящийся с семьей из семи человек в маленькой комнатке за номером 410 барака Пеэр в городе Хадере. Временами работает Шмуилов, правда в Хайфе, но там не смог получить даже комнатенки. О своих неудачных попытках добиться от пакидов (чиновников) хадерского отделения "Сохнута" хоть какого-нибудь жилья он поведал в стихах, получивших широкое распространение среди бывших советских граждан, пока еще не бежавших из "страны отцов". Поэзия, естественно, сверхпримитивная, но поистине документальная — в этом можно убедиться по таким отрывкам:

Не тревожь ты "Сохнут", не тревожь,
Анекдотов о нем не рассказывай,
Так как этим его не проймешь,
И дебатов ему не навязывай.
Грубость слышна на каждом шагу:
"Кто вас звал и зачем понаехали?
Я помочь вам ничем не могу
Отправляйтесь, откуда приехали",
Встань, "Сохнут", пробудись ото сна,
Обрати на олим ты внимание,
Ведь оставив родных и дома,
Получили мы боль и страдание.
Письма пишем родным и друзьям
С описанием страшных волнений
Воздержитесь, не ездите к нам,
Избегайте ужасных мучений!

ТАК ГДЕ ЖЕ СУЩЕСТВУЕТ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС?

"...К вечеру первого дня в вагон советских корреспондентов явились два вестника капиталистического мира: представитель свободомыслящей австрийской газеты господин Гейнрих и американец Хирам Бурман... Для разгона заговорили о Художественном театре. Гейнрих театр похвалил, а мистер Бурман уклончиво заметил, что в СССР его, как сиониста, больше всего интересует еврейский вопрос.

— У нас такого вопроса уже нет, — сказал Паламидов.

— Как же может не быть еврейского вопроса? — удивился Хирам.

— Нету. Не существует.

Мистер Бурман взволновался. Всю жизнь он писал в своей газете статьи по еврейскому вопросу, и расстаться с этим вопросом ему было бы больно.

— Но ведь в России есть евреи? — сказал он осторожно.

— Есть, — ответил Паламидов.

— Значит, есть и вопрос?

— Нет, евреи есть, а вопроса нету...

Из купе вышли совжурналисты, из соседнего вагона явилось несколько ударников, пришли еще два иностранца... Фронт спора был очень широк — от строительства социализма в СССР до входящих на Западе в моду мужских беретов...

Мистер Хирам Бурман стоял, прислонившись к тисненому кожаному простенку, и безучастно глядел на спорящих. Еврейский вопрос провалился в какую-то дискуссионную трещину в самом же начале разговора, а другие темы не вызывали в его душе никаких эмоций..."

Читатели, конечно, узнали строки из "Золотого теленка", сатирического романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Очень многое в этом романе — плоды неистощимой фантазии талантливых сатириков. Но диалог американского сиониста Бурмана с советским журналистом Паламидовым принадлежит к непридуманным эпизодам. Подобного американского публициста Ильф и Петров встретили в апреле 1930 года в специальном поезде, который вез на пуск Турксиба советских и иностранных журналистов и гостей.

Об этом рассказывал поэтессе Зинаиде Николаевне Александровой и мне советский прозаик Арон Исаевич Эрлих, друживший с Ильей Арнольдовичем Ильфом и Евгением Петровичем Петровым еще со времен совместной работы в "Гудке":

— Принося в "Гудок" очерки о пуске Турксиба, Евгений Петров частенько делился с гудковцами своими меткими наблюдениями над пассажирами специального поезда. Очень смешно описывал Петров американского журналиста из сионистов, которого прозвал провинциалом из местечка Нью-Йорк. А Ильф утверждал, что тот корреспондент отважился поехать на открытие новой советской магистрали с единственной целью: вдохновиться на какую-нибудь сенсацию по "еврейскому вопросу" в духе среднеазиатской экзотики. Живой прообраз Хирама Бурмана был, рассказывали Ильф и Петров, не столько удивлен тем, что в Советском Союзе нет "еврейского вопроса", сколько разочарован, даже обижен этим. Словом, как сказано в романе, расстаться с этим вопросом американцу было больно...

Ох, многим, очень многим борзописцам было больно расстаться с "еврейским вопросом" в Советской стране за десятилетия, что прошли со дня встречи замечательных наших сатириков с сионистским писакой из Америки! И те, кто не может просуществовать без пресловутого "вопроса", продолжают упорно и методично придумывать и раздувать его.

Под диктовку главы координационного комитета сионистских организаций Бельгии Зусскинда, являющегося президентом, руководителем, шефом многочисленных советов, лиг, объединений и прочая, и прочая, антверпенские сионисты выпустили обширный манифест о "еврейском вопросе" в Советском Союзе. Это совпало с наивысшим пиком активности брюссельского филиала хулиганской "Лиги защиты евреев", созданной небезызвестным террористом Кахане.

Достойную отповедь разнузданной клевете дала Антверпенская федерация Коммунистической партии Бельгии в специальном обращении к жителям своего города:

"То, что в Европе не были уничтожены все евреи, так это благодаря победоносным советским армиям, освободившим их из концентрационных лагерей.

Может быть, кое-что прояснит и тот факт, что Советский Союз был одной из первых стран, признавших Израиль де-юре и де-факто. Однако это признание не означало, что Советское правительство могло когда-нибудь поддержать агрессивную политику израильского правительства.

Ясно только одно: истеричная антисоветская пропаганда, проводимая американским раввином Кахане и нашим Зусскиндом, действует, как бумеранг. Народу Израиля нужна политика дружбы с советским народом, а также с другими народами, в том числе с бельгийским".

И все же бельгийские и голландские сионисты лихорадочно мечутся в поисках "еврейского вопроса". И, не найдя, придумывают.

Зачем же, однако, придумывать, если на нашей планете есть страна, где "еврейский вопрос" — наболевший, жгучий, тревожный, с подлинно расовыми оттенками — реально существует. И день ото дня обрастает, как снежный ком, все новыми и новыми конфликтами, катаклизмами, трагедиями.

Какая же это страна?

Та, где власть в руках сионистов.

— То, что я сейчас скажу, на первый взгляд может показаться чудовищным, но Израиль раздирают, да, да, именно раздирают и ранят дикие противоречия самого острого "еврейского вопроса". Я убедилась в этом еще до войны 1967 года, когда переехала из Голландии в Израиль.

Моей собеседнице сейчас тридцать один год, хотя выглядит она гораздо старше — глаза тусклые, потухшие. Восемнадцатилетней девушкой, со всем пылом юности впитав в себя сионистские убеждения, она однажды резко выступила на собрании молодых сионистов одной из еврейских общин Амстердама:

— Мы все твердим и твердим: надо жить на родине отцов, надо возродить и укрепить страну предков, надо все силы отдать священной земле Израиля! Все слова, слова. Когда же начнутся дела? Как же мы сагируем других, когда сами остаемся в Голландии! Я решила показать пример: уезжаю в Израиль!

Послышались дружные рукоплескания.

— Кто со мной?

А вот этот вопрос встретили томительным и гнетущим молчанием. Даже юноша, которому незадолго до того был отдан первый в жизни поцелуй, юноша, слывший самым красноречивым оратором общины и еще вчера под звездами уверявший девушку, что не мыслит своей жизни без нее, даже этот юноша, несколько минут тому назад казавшийся ей самым близким и дорогим человеком на свете, молчаливо смотрел отрешенным взглядом куда-то в сторону.

А после собрания остывший поклонник пытался образумить девушку:

— Ты привыкла к благам цивилизации. Ты не выдержишь жизнь в палатках.

В ответ он услышал:

— Теперь-то я уж обязательно поеду. И в значительной степени назло тебе!

Девушке устроили торжественные проводы. Родители подруг, втайне косясь на нее, задарили девушку подарками. Богатый коммерсант, в текстильной фирме которого служил ее отец, пообещал ей периодически присылать в Израиль денежное вспомоществование.

Она поселилась в Иерусалиме и, хотя по своему образованию и склонностям могла рассчитывать на более высокооплачиваемую работу, сразу же согласилась пойти медицинской сестрой в инфекционное отделение госпиталя. Ее обнадеживали радужными перспективами: ведь она принадлежит к уважаемой прослойке ашкенази — выходцам из Европы. А ее дети будут уже совсем привилегированными израильтянами — сабрами: они ведь родятся в Израиле. И девушка...

Почему я не называю ее по имени и фамилии?

Не могу. Дал ей слово. Впрочем, не уверен, что при нашем знакомстве девушка не назвала вымышленное имя, настолько боится сейчас сионистов. Бежавшая обратно в Голландию из "страны предков", она причислена амстердамскими сионистами к ренегатам и находится под их неослабным подозрением. Владелец фирмы, где она работает, и без того намерен избавиться от нее, посмеяшей разочароваться в сионизме, да еще и в самом Израиле. Вот почему она согласилась встретиться со мной только в Гааге, благо не так уж далеко от Амстердама.

И не в отеле, не у своих родственников, а на глухой улочке близ памятника Свелинку — известному композитору XVI–XVII веков. В тот апрельский полдень дул холодный зимний ветер, вперемешку с дождевыми каплями падали неправдоподобно продолговатые снежные хлопья, но я не решился предложить своей собеседнице укрыться в кафе: там бы у нас разговора совсем не получилось.

Моя новая знакомая проявила себя в Израиле усердной, как она о себе говорит, экзальтированной сионисткой. Закрывала глаза на бытовые невзгоды, на очень многое, что ей не нравилось в Израиле, — уж очень оно расходилось с ее пониманием человечности и гуманизма.

Главное, ей удалось необратимо вырвать из своего сердца молодого амстердамского, как она говорит, сиониста "на словах". Воспоминания о его велеречивых призывах посвятить жизнь "земле предков" вызывали в ней горький смех, ибо она уже знала, что пылкий проповедник счастья на "родине отцов" благополучно поступил на юридический факультет Амстердамского университета.

К девушке в Иерусалиме пришла настоящая любовь. Действительно взаимная. Девушка всем сердцем чувствовала, что смуглый работающий юноша, неизменно встречающий любую неприятность ослепительной улыбкой, в ней души не чаёт. Но...

КАК РАСТОПТАЛИ ЛЮБОВЬ

Нет, нет, он не обманул девушку. Не оказался краснобаем и пустозвоном. Не отказался разделить с ней тяготы жизни в неблагоустроенной тогда еврейской части Иерусалима.

Почему же новые друзья девушки, пожилые и молодые, назойливо уговаривали ее навсегда забыть о существовании полюбившегося ей юноши? Почему вдруг ею так заинтересовались профессиональные и добровольные свахи, оглушившие скромную медсестру ворохом блестящих кандидатур в мужья? Почему из Голландии посыпались письма от амстердамских друзей и родных: он недостойн тебя, забудь его, не калечь себе жизнь! Почему амстердамский коммерсант, у которого служил отец, прекратил присылку денежного пособия?

Ответ — для страны, где власть в руках сионистов, — предельно простой: улыбчивый, прямодушный парень был сефардом, семитом "третьего сорта", выходцем из Марокко. В Америке его называли бы "черным", в Израиле его назвали "грязным". И брак такого еврея с девушкой-ашкенази считается в Израиле смешанным. А ведь еще гитлеровские "генетики" настойчиво доказывали, что при смешанном браке ребенок наследует только недостатки обеих рас!

Сделаю небольшое отступление и замечу, что иногда "грязный" марокканский еврей неожиданно для него возводится в высокий ранг "чистокровного" семита. Это бывает в тех случаях, когда религиозные инстанции Израиля пытаются предотвратить брак марокканца с еще более "нечистой" еврейкой. Такую метаморфозу испытал на себе Ханон Тургеман, вывезенный среди тысяч подростков в Израиль из марокканского города Касабланки. Три военизированных лагеря. Мучительное существование в необжитой пустыне Негев, где жильё переселенцев окружали шакалы. Бродяжничество, безработица, служба в "усмирявшей" арабов воинской части. Изнурительная работа в типографии — она принадлежала ярому сионисту Арону Прессу, виртуозно выжимавшему все соки из своих рабочих... "Лишь один раз за все эти годы мне, казалось, блеснул светлый луч счастья, надежды, — рассказал Ханон Тургеман журналистам. — В городке Петах-Тиква я познакомился с девушкой, которая пришлась по сердцу. Мы решили соединить свои судьбы, вместе идти по жизни. И тут выяснилась дикая вещь. Главный раввин города господин Кац вызвал меня к себе. "Ваша избранница не чистокровная еврейка, ее мать принадлежит к другой национальности. Наш закон запрещает смешанные браки". Мы с невестой были потрясены до глубины души. Пытались добиться справедливости в высших инстанциях. Все напрасно. Мы решили пойти наперекор этому расистскому закону. Но раввины не дремали. Нам объявили, что наш ребенок будет считаться "незаконнорожденным".

Возвращаюсь к моей собеседнице. Она не сдавалась, хотя друзья, более сведущие в израильских порядках, отговаривали ее от дальнейшей борьбы: "Ты никак не хочешь понять, что у нас иудаизм государственная религия и бороться с ее канонами бесполезно". Но девушка продолжала метаться из одной организации в другую. Просила, умоляла, требовала.

А сотруднику министерства религии, знавшему в юности ее отца, недвусмысленно выложила:

— Подумайте, дядя Зельман, мне не только не хотят помочь, но еще доказывают, что сефардов следует селить в отдельных районах, что по своему низкому культурному уровню они полудикари и не могут ужиться с сабрами и ашкенази. Мне хотят внушить, что я совершила преступление, полюбив "нестопроцентного" еврея. От таких разговоров отдает нацистскими законами о "чистоте расы"! Такие взгляды — это же чуть ли не желание воскресить в Израиле гетто и страшную традицию черты оседлости!

И дядя Зельман пришел в негодование... оттого, что девушка так резко критикует обычаи и взгляды самых чистокровных и избранных израильтян. Он указал несчастной влюбленной на дверь. Ее, правда, поддержали две девушки из больничного персонала но они, естественно, оказались ничтожными песчинками в сравнении с могучей лавиной возвращенного на сионистских корнях и взошедшего на шовинистических дрожжах израильского "общественного мнения".

Отчаяние толкнуло девушку на дерзкий шаг — она пошла искать правду в раввинате. И услышала такую ласковую сентенцию:

— Будь ты юношей, желающим жениться на нееврейке, мы бы выгнали тебя из раввината, даже не разговаривали бы с тобой. Запомни: еврейский юноша, соединившись с гойкой, делает наше святое семя нечистым. Иное дело — девушка, выходящая замуж за нееврея: она хоть помогает этим укрепиться своему племени в чужом стане. Так что, милая, если уж ты такая блудливая, что решаешься разделить ложе с сефардом, то выходи лучше замуж за самого обыкновенного гоя. А сефардам еще рано считать себя достойными девушки из ашкенази. Скверный пример ты подаешь нашим девушкам...

Разрыдавшись, девушка выбежала из раввината.

Наконец, вместе с влюбленным в нее юношей обратилась она к сионистскому деятелю из прогрессистов. Личность сугубо современная, он не скрывал, а среди молодежи даже афишировал, свое равнодушие к религии и ее канонам.

Участливо выслушав бедных влюбленных, "прогрессивный" сионист со вздохом сказал:

— Сердцем я с вами, дорогие мои. Сам был молодым и знаю, что такое любовь. Но сейчас, увы, не время бросать вызов раввинату и, главное, верующему крылу сионистов, отстаивающим чистоту еврейской нации. Большинство за ними. И они вмешиваются во все, их волнует все. Даже то, как обязан прославлять субботний день настоящий еврей, если очутится в этот день на космическом корабле...

— Вы так любили друг друга — почему же не могли жить в гражданском браке? — чуть не сорвалось у меня с языка.

Но я вовремя остановил себя, вспомнив, что гражданский брак в Израиле категорически не признают, что женщина и мужчина, основавшие семью, пусть самую дружную и крепкую, но не получившие благословения в раввинате, становятся париями израильского общества.

И как бы в ответ на свои мысли я услышал:

— Если бы, не "освятив" брака по иудейским канонам, я родила от любимого человека, ребенка всю жизнь преследовала бы страшная кличка "мамзер". Ох как тяжело жить в сионистском государстве незаконнорожденным "мамзерам"! Раввинат заносит их в особые списки отверженных. А если один из родителей несчастного ребенка принадлежит к сефардам, то незаконнорожденный становится дважды отверженным. И так будет с ним до самого преклонного возраста, до самых последних дней жизни. Найдут предлог лишить его права на высшее образование, ему откажут в "законной" регистрации брака, перед ним захлопнут двери в "хорошее общество"!

Этот печальный рассказ молодой голландки напомнил мне беседу в Вене с бывшим венгерским гражданином Ласло Шемлером. Ему пришлось бежать из Израиля прежде всего из-за того, что он полюбил женщину, числившуюся в "законном", освященном раввинатом

браке. Ревекка, правда, еще за два года до встречи с Ласло оставила нелюбимого мужа, чьей женой стала по принуждению вызвавших ее в Израиль родственников. В разводе ей, конечно, было отказано, а осведомительница раввината (подобные имеются чуть ли не на каждой улице, причем выполняют свою миссию не только из религиозных чувств!) донесла раввину, что "нечестивая жена" вступила в незаконное сожительство с Шемлером.

Грешников порознь вызвали в раввинат и сделали публичное внушение. Влюбленные, однако, стояли на своем:

— Главное, мы любим друг друга. И никаким религиозным канонам не помешать нашей любви!

Ревекка забеременела. И тут травля "благочестивых" соседок достигла такого ожесточения, что женщина покушалась на самоубийство. И Ласло поспешил увезти свою любимую, но "неудобную богу" жену из страны, где безжалостные религиозные каноны стали мстительным оружием в руках правящих страной сионистов...

Вернемся, однако, к печальной любви девушки из Голландии и парня из Марокко: чем же закончилась она?

— Нас все-таки разлучили, — услышал я под холодным дождем в Гааге. — И пелена спала с моих глаз! Все сионистские догмы и законы раскрылись мне в истинном свете. Оказывается, сионисты сами же возрождают проклятый "еврейский вопрос". Они делят нас на сорта и категории. В те тяжелые для меня дни как раз проходило бурное обсуждение в кнессете чрезвычайного вопроса "Кого считать настоящим евреем?". И я с ужасом узнала, как наиболее фанатичные сионистские круги оперируют теми самыми, прямо говоря, расистскими доводами, которыми нацисты обосновали свой звериный нюрнбергский закон о том, кого считать настоящим немцем. Какой стыд! Газеты начали тогда печатать отчеты о нашумевшем деле военно-морского капитана Вениамина Шалита. Он посмел попросить, чтобы его детей, родившихся от смешанного брака, записали в документах евреями. Начались долгие дебаты. Капитана поливали грязью. И наконец суд отказал ему. А тут еще мне не давали покоя всяческие толки и пересуды о делении выходцев из разных стран на соответствующие группы, об израильтянах "коренных", "старых" и "пришлых", "новых". Не хватило человеческих сил перенести все это. И я решила покинуть Израиль и вернуться в Голландию! Как можно скорее!

"Как можно скорее". Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: около полугода девушку мытарили и под всякими предлогами не выпускали из страны. Причем главную роль в этом сыграли амстердамские сионистские круги. Специально для беседы с ней прилетел из Голландии видный сионистский публицист. По его настоянию девушке дали хорошо оплачиваемую работу в Яффе, нравившейся ей больше всех израильских городов. Прилетом "уговаривающего" дело не ограничилось. Последовали непрерывные звонки из Амстердама, письма, телеграммы. Даже живущие в Роттердаме родственники дали понять нарушительнице устоев, что своим бегством из страны, где на деле осуществляются сионистские догмы, она поставит своих близких в неловкое положение.

И только когда обстоятельства сложились так, что на плечи девушки пали заботы о младшей сестренке, ей удалось вернуться в Амстердам.

Здесь ее вежливо, но весьма внушительно попросили поменьше рассказывать о своих израильских впечатлениях, а выводы об израильской модели модернизированного "еврейского вопроса" сочли попросту антисемитскими.

— С той поры, как вы уехали из Израиля, прошло несколько лет, сказал я своей собеседнице. — Может, тамошние сионисты уже смягчили свое отношение к евреям "второго сорта"? Может, перестали настаивать на изоляции сефардов от сабров и ашкенази?

В ответ я увидел горькую усмешку.

— Увы! Люди, вернувшиеся из Израиля гораздо позднее меня, говорят совершенно другое. Сейчас наиболее ревностные поборники "чистопородного" еврейства относят к "второсортным" еще и евреев из Грузии и Бухары. В сионистских газетах не раз появлялись предложения поселять их в отдельных местностях. Так мне рассказывала женщина,

вернувшаяся в Роттердам из Хайфы четыре месяца... нет, три месяца тому назад...

— Три месяца тому назад? Вы уверены?

Расслушав в моем голосе нотки сомнения, бывшая сионистка даже обиделась:

— А почему, скажите, вы не верите мне?

— Только вчера в Гааге я слышал, что за последние пять лет ни один голландский еврей, уехавший в Израиль, не покинул этой страны. Это сказала мне израильтянка.

— Израильтянка нагло и бессовестно лжет, так и скажите ей! От имени бывшей, к счастью, израильтянки. Боже мой, я сама знаю несколько семей голландских евреев, покинувших Израиль сразу же после осенней войны семьдесят третьего! — Моя собеседница стала считать по пальцам, причем одной руки оказалось мало. — Амстердамцев я вам не назову, вы знаете почему — они напуганы так же, как и я. А вот если вы можете поехать в Утрехт, я готова созвониться со знакомой семьей. Мне кажется, они согласятся встретиться с вами. Кстати, они с большим убытком распродали свое имущество, только бы поскорее вернуться в Голландию... И многих пугают не только частые войны. Гораздо больше их беспокоит антагонизм во взаимоотношениях различных групп иммигрантов и коренных израильтян. Прибывающие в Израиль иммигранты резко отличаются друг от друга. Хотя все считаются евреями, у них очень мало общего. И по привычному образу жизни, и по месту рождения, и воспитанию, и по культурным запросам. Даже по внешним признакам. Посмотришь на них, потом в зеркало на себя — так и не поймешь, кто же из нас, как говорится, типичный еврей. Но каждый подбавляет масла в огонь, разожженный сионистами. А те раздувают его. Конечно, говорят при этом не об "еврейском вопросе", а о благородной борьбе за "чистое еврейство". Можете себе представить положение и настроение того, в чьей "чистоте" сомневаются?!

Моя собеседница умолкла, взгляд устремила куда-то вдаль и потянулась к сумочке за платочком. Может быть, вспомнила о своей большой любви, беспощадно растоптанной сионистскими ревнителями старого "еврейского вопроса" на новый лад.

В ОДНОЙ ИЗ ДЕВЯТИ КОМНАТ

Израильтянку, которой я должен был от имени бывшей гражданки того же государства сказать, что она наглая лгунья, зовут Дора Моисеевна Баркай.

Так как сионисты в Голландии чувствуют себя несравненно уверенней, нежели те, кого они преследуют, Дора Моисеевна не просила меня засекретить от читателей ее имя. Мало того, там же, в Гааге, она пригласила меня к себе, на Ройхроклан, 102, в уютный двухэтажный дом с девятью комнатами. О количестве комнат упоминаю не случайно — об этом мне было сказано в первые же секунды нашего знакомства. Видимо, с точки зрения госпожи Баркай, высокая материальная обеспеченность должна была поднять ее авторитет в моих глазах.

Почему я охотно принимал редкие приглашения сионистов, читатель уже знает. А к Доре Моисеевне я даже поспешил — она свободно изъясняется по-русски.

Могу также объяснить, почему госпожа Баркай пригласила меня к себе. Ей стало известно, что советский драматург хочет написать пьесу о трагической судьбе советской девушки, вынужденной уехать вместе с родителями в Израиль. А Дора Моисеевна не совсем чужда театральному искусству. По ее словам, она работает в отделе или секторе гаагского муниципалитета, ведающем культурным обслуживанием иностранных туристов. Это связывает ее с концертными залами, варьете и, конечно, театрами. Правда, свою культурную работу она частенько прерывает из-за экстренных отъездов за границу — то в Лондон, то в Бангкок, то в Тель-Авив.

— Ваша пьеса никакого успеха иметь не будет. — Такова была вторая или третья фраза, услышанная мною в доме госпожи Баркай. — Скажете, "непридуманная ситуация"? Допустим. Но неинтересная, непоучительная, не трогающая зрителей. Они ничего для себя не почерпнут. И без театра каждый знает, как в новой стране, да еще находящейся на

военном положении, трудно урвать свой кусок хлеба, найти свое место на земле. И, положив руку на сердце, хочу вас предостеречь: пьеса ваша не очень понравится в Израиле, зачем же вам нужно, чтобы вас занесли в кондуит наших активных идейных противников? Не нужно вам этого! Если вам так уж хочется написать пьесу из еврейской жизни, я вам порекомендую такую тему, такой сюжет, что зрители ахнут. Просто не понимаю, как никто из драматургов до сих пор не додумался до него!..

Истины ради должен сразу признать: Дора Моисеевна действительно предложила мне сенсационный сюжет, но к нему я вернусь несколько позже. Сейчас более важно изложить, почему трагедию вывезенной в Израиль молодой советской девушки она считает неинтересной, непоучительной, не трогающей зрителя.

— Писать надо о сильной личности. О такой, что и голод выдержит, и у другого из горла кусок вытащит, но своего добьется. И такие люди в Израиле есть. Конечно, не так много, как, допустим, в Америке, но они есть. Я Израиль знаю как свои пять пальцев. И хотя в Гааге я живу, как видите, совсем неплохо в своих девяти комнатах, вот уже восьмой год я считаю дни, когда англо-американо-голландская химическая фирма наконец освободит моего мужа Андрэ от работы в Нидерландах и мы сможем снова жить в Израиле. Там я знакома и с носильщиками в аэропорту, и с министрами. В Яффе меня ждет наш собственный дом, где родилась моя дочь. Как я сожалею, что она вынуждена жить в Лондоне, а не в Яффе! Моя доченька там была бы в почете. Она, слава богу, и ашкенази родители ведь европейцы, и сабра — родилась в Палестине.

Да, я знаю в Израиле все категории населения, в том числе и олим-хадашим из Советского Союза, то есть самых свеженьких приезжих, возвращается Дора Моисеевна к теме нашего разговора. — Поверьте мне, ни один из них не достоин быть героем пьесы. Мало в них европеизма. Не хотят, например, понять, что в современном цивилизованном обществе на поверхность выбиваются только сильнейшие, что за все блага жизни нужно бороться, сжав кулаки, что сливков хватает не для всех, некоторым достается только снятое молоко. А они совсем не такие. Возможно, это оттого, что к нам, в Израиль, в основном едут те, кто у вас попался. Заметив мое недоумение, Дора Моисеевна снисходительно подмигивает: Вы же прекрасно знаете, что один попался на недостатке товаров, другой получил взятку, третий тоже попался на чем-то горячем. Ваши евреи разучились приспособливаться. Надо иногда, допустим, показать себя верующим. Положив руку на сердце, среди израильтян истинно верующих процентов десять-пятнадцать. Даже среди тех, кого вы называете сионистскими активистами, больше неверующих... Неужели вы меня не понимаете? Словом, если религия помогает нам тверже стоять на ногах, никого не убудет, если люди лишней раз увидят его у святой стены или в синагоге...

— Значит, вы, — прервал я горячий монолог Доры Моисеевны, убежденная и активная сионистка, сами не верите призывам вашей же прессы, изо дня в день помещаемым в разделах "Тора и сегодняшний Израиль" или "Современность и вечность торы". Зачем же тогда беспрерывно вдалбливать в головы читателей, что "тора не подвержена колебаниям времени и идеологии и сегодня она стоит незыблемо — так же, как дана была богом нашему народу"?

Госпожа Баркай кокетливо опустила глаза книзу:

— Боже мой, эти лозунги ведь рассчитаны на менее интеллигентных людей, чем мы с вами. — Ища поддержки у мужа, она воскликнула: Андрэ, ну зачем наш гость притворяется, будто не понимает, как и для чего делается политическая пропаганда!

— Но людей менее интеллигентных, чем мы с вами, — возразил я, такая фанатически безотчетная пропаганда древних религиозных устоев нередко толкает на страшные преступления. Надеюсь, вам, не менее, чем мне, знакома трагедия Регины Поляковской?..

Расскажу читателям об этой трагедии самым беглым образом.

РАСПРАВА С "ГРЕШНИЦЕЙ"

Муж Регины — моряк торгового флота — отправился в дальнее плавание. Накануне отплытия ему удалось выгодно купить подержанную машину, о чем он и жена давно мечтали. Желая сделать мужу приятный сюрприз, Регина решила в его отсутствие сдать экзамен и получить права на вождение автомашины. Однако два инструктора назвали непомерно высокий, как показалось Поляковской, размер платы за обучение. Она обратилась к шоферу арабской национальности — и не ошиблась в своих расчетах: обрадованный неожиданной возможностью подзаработать, палестинец согласился обучить Регину автовождению за мизерную плату.

Трое молодых людей, живущих в Нацарете по соседству с Поляковскими, заметили, что Регина в отсутствие мужа катается на автомобиле с арабом. В ближайшую же субботу, заставив водителя остановиться, молодые люди выбросили иноверца из машины на камни мостовой и тут же убили. Регину они до того жестоко избили, что один глаз почти полностью утратил зрение.

Как сообщили израильские газеты, пострадавшую доставили в афульскую больницу. Но санитарка и медсестра, услышав о "благородной" подоплеке расправы трех хулиганов с "грешницей", посмеявшейся в субботний день ездить в автомобиле вдвоем с иноверцем, отказались помочь еврейке, которая презрела наставления святой торы.

И некоторые сионистские газеты поддержали этих, с позволения сказать, медицинских работников, не преминув процитировать при этом главу 23 Второзакония: "Не должно быть блудниц из дочерей израилевых".

— Я слышала о несчастном случае с Региной Поляковской, — заметила Дора Моисеевна. — Конечно, можно только посочувствовать женщине, которой выбили глаз. Конечно, мальчики обошлись с ней чересчур сурово. Но не случайно суд оказал им, совершеннолетним, большое снисхождение. С одной стороны, они совершили вроде бы преступление, но с другой стороны — их горячность является примером воспитательного значения. Особенно сейчас, когда израильские комсомольцы так агитируют нашу молодежь примириться с палестинцами. Кстати, один из мальчиков оказался новоприбывшим. Я не заключу с вами пари и не буду ставить денежный залог за то, что этот молодой олим истинно верующий человек. Что у него на душе — его личное дело! Не он правильно оценил обстановку на своей второй родине. Понял, что в Израиле надо показать себя верующим человеком...

— И даже стать участником зверского убийства?

— Вы лучше меня знаете русскую поговорку "Лес рубят — щепки летят", — возразила госпожа Баркай. — И затем, кто знает, был ли убитый палестинец членом какой-нибудь тайной организации или не был... Не будем уклоняться от темы. Мы говорили о верующих и неверующих. Так вот, поверьте мне, совершенно напрасно ваши олим боятся показать, что они верующие...

— Точнее, притвориться?

— Ну и что тут страшного! Мы же делаем вид, что верим им, будто их потянуло в Израиль ради отчизны предков, а не из личной выгоды. Им бы только проваландаться как-нибудь первые три года. Недаром у нас шутят: "Первый год оле ненавидит "Сохнут", который дал ему ужасную квартиру. Второй год он ненавидит Гистадрут, который дал ему невыгодную работу, не по специальности. А на третий год он ненавидит... свежеприбывшего оле, которому нужно дать и квартиру и работу".

Расхожавшись, Дора Моисеевна спрашивает меня:

— Вы уловили тонкий смысл анекдота? Слабому оле, которому мерещится, что он уже выбивается в сильные, всегда ненавистен другой слабый. Зачем ему конкуренты, когда он сам еще не успел стать стопроцентным ашкенази? И затем, скажите, человеку из Москвы или из Киева, разве может быть приятно, если его уравнивают с грузином?.. Кстати, знаете, почему распались два объединения олим из Советского Союза? Потому, что все хотели усесться в один фазтон. Теперь уже, слава богу, начинают как будто понимать, что европейским олим нужно свое объединение, а каким-нибудь среднеазиатским — свое...

Я спрашиваю:

— Неужели вы, сионистка, можете мириться с неравенством разных групп еврейского населения в еврейском государстве? Да еще по признакам в значительной степени расовым.

— Этническим! Этническим! — поправляет меня Дора Моисеевна. Никогда вам не поверю, что для вас, интеллигентного человека, московский или киевский еврей одинаков с евреем бухарским или грузинским!.. Ах, вы такого деления не понимаете? Конечно, вы же меня предупредили, что вы коммунист. А я, как и все исповедующие учение Сиона, не могу в 1975 году одинаково относиться к еврею из Лондона и еврею из какой-то Саны. Хотя бы потому, что даже младенцы во всем мире знают, чья столица Лондон, а то, что Сана — столица полудикого Йемена, не знают даже самые образованные. Мы с моим мужем Андрэ достаточно культурные люди, но до тех пор, пока не столкнулись с евреями из Йемена, понятия не имели, что существует такая страна. Поэтому я не буду от вас скрывать: да, йеменцам, марокканцам, иракцам, словом, всем сефардам у нас в Израиле приходится намного хуже, чем евреям из Германии, Италии, Англии, короче, всем ашкенази. Но утверждать, что сефарды находятся у нас чуть ли не в таком положении, как арабы, это уже грубое преувеличение. Сефарды сефардами, но они же как-никак евреи. И теперь в Израиле стараются называть их не "черными", а просто "темнокожими". Что поделаешь, это же факт, что у еврея из Йемена кожа гораздо темнее, чем у еврея из Парижа. А чем темнее кожа, тем беднее культурный уровень — вот им и приходится пока что за это расплачиваться. А за что в других цивилизованных странах расплачиваются негры? За черную кожу... Кстати, сефарды сами считают себя "черными". Вы разве не знаете, что их организация называется "Черные пантеры"? "Пантеры" стараются стать настоящей партией, они устраивают демонстрации, организуют протесты, считают себя эксплуатируемым классом Израиля. Но их кожа от этого светлее не станет, не так ли?.. Их дискриминируют?! Ой, боже правый, только не употребляйте термина "дискриминация" — никогда не соглашусь с вами. Если положить руку на сердце, то ашкенази больше докучают сабрам тем, кто родился прямо в Израиле. Я лично тоже не люблю, когда сабры начинают этим кичиться и задирать нос!.. А о сефардах можете не беспокоиться. Пусть за них беспокоится Овадия Иозеф, их специальный главный раввин...

— Который недавно протестовал против дискриминации сефардов? И в знак протеста порвал с верховным израильским раввином Шоломом Гореном?

— Ну, если вы такими скучными подробностями напичкаете вашу пьесу, никто ее смотреть не станет!.. Так вот, запомните, общество построено так, что ашкенази вынуждены дать почувствовать сефардам этническую проблему. А она, повторяю вам, вызвана огромнейшей разницей в культурном развитии и запросах евреев европейских и евреев афро-азиатских, или, более деликатно говоря, восточных... Полного равенства пока еще не может быть в мире и особенно в молодых странах. Вот говорят: "советские олим", "советские олим". А разве все советские олим одинаковы для Израиля? Было бы глупо утверждать это. С теми олим, которые первыми приехали из Советского Союза, еще цацкались — ведь первым быть всегда лучше. Многие из них уже почти ватики, старожилы. И в израильском обществе к ним относятся гораздо лучше, чем к свеженьким олим. Тех так и называют — олим-хадашим. Может быть, когда-нибудь и они перестанут быть хадашим. Сефардам, конечно, хуже. Есть у нас сейчас более острые проблемы, чем цацкаться и нянчиться с ними! Что?! Сионизм боится возрождения арабской культуры на землях, которые мы завое... которые опять стали нашими? Не повторяйте такой наивности! Арабская культура была и есть не в Палестине, а в передачах советского радио и тезисах Израильской компартии. Словом, в каждой стране были и будут богатые и бедные, высокообразованные и невежественные. В Израиле сефарды зарабатывают меньше, не скрываю. И среди студентов их немного. И кварталы их погрязнее. И школ для их детей еще не всегда хватает ведь каждому понятно, что хороший учитель не пойдет возиться с детьми евреев из Марокко или Ирака...

— Не с этим ли связан рост проституции среди молодежи тех районов ваших городов,

где живут так называемые сефарды? — поинтересовался я. — Мне рассказывали, там много проституток школьного возраста.

— Напрасно ваша пропаганда твердит о проституции в Израиле, это выглядит просто наивно, — насмешливо улыбнулась Дора Моисеевна. Неужели вы не понимаете, что для западного общества не такой уж это страшный бич. Проституция, подумаешь? У меня лично на этот счет такое мнение: торговлю телом я не одобряю, но, с другой стороны, проституция — она опять-таки признак настоящего демократического государства. Каждая женщина зарабатывает свой кусок хлеба как ей угодно и удобно... Ой, не смотрите на меня так, а то мне начинает казаться, что я действительно говорю что-то ужасное. Как жаль, выбросила газету. Американскую, "Геральд трибюн". Купила этот номер в Таиланде. Вам бы нужно было прочитать там очень интересное интервью с содержательницей публичного дома. Она выставила свою кандидатуру от демократической партии на пост депутата законодательного собрания штата... Андрэ, какого штата?.. Совершенно верно, Невада. Вот феноменальная память у моего мужа... Кандидатка не думает скрывать свою профессию. Говорит, я занимаюсь бизнесом, как и многие другие американки... Вы поражены?.. Я не собираюсь вас критиковать: у вас свои взгляды на жизнь, у нас свои. Вас волнует и Вьетнам, и Чили, и как это англичане смеют притеснять ирландцев в Белфасте, даже жизнь африканцев в Родезии — и та вас волнует. А нам некогда волноваться за других. Мы, сионисты, в первый раз создаем еврейское государство — и, ей-богу, ничего страшного нет в том, что мы думаем только о себе и о том, чтобы нас стало больше. У родезийского негра нету квартиры из девяти комнат. Я как-нибудь переживу это. Я лучше позабочусь, чтобы показать вам цветные слайды, снятые в Израиле, и вы убедитесь, в каких великолепных домах живут там люди, которым удалось прочно стать на ноги в своем государстве. По-моему, это и есть настоящая идейность. Ну, вы, конечно, не согласны...

На экране телевизора замелькали хроникальные кадры о выборах в Португалии. Закончился сюжет — и хозяйка дома сказала:

— Вас, конечно, волнует, как будет жить Португалия?.. Положа руку на сердце, меня это тоже очень волнует. Хорошо было бы, если португальские евреи — правда, не очень уж там их много — решат переехать в Израиль. Но возможен и худший вариант. Он уже касается Нидерландов, где довольно активна португальско-израэлитская еврейская община. Она сумела недавно добиться, чтобы международный сионистский конгресс испанских и португальских евреев проводился именно в Нидерландах. Не знаете об этом конгрессе? Ну, если бы вы слушали "Голос Израиля", то знали, как замечательно он прошел... Да, пока эта община абсолютно с нами. Но когда в Португалии свергли фашистский режим Каэтано, в общине началось брожение, некоторые стали подумывать: а не стоит ли переехать обратно в Португалию? Такие мысли, прямо скажу, меня тревожат: зачем нам, в Голландии, терять своих людей, и довольно активных!..

Позволю себе заметить, что не одну мою собеседницу тревожат события в Португалии. Крайне обеспокоен и лидер португальско-израэлитской общины, видный сионист, он же обер-раввин С. Родригес Перейра. Яростно выступает Перейра против любых демократических шагов португальских прогрессивных кругов. С его точки зрения, весь корень зла в Португальской коммунистической партии, из-за нее-де там национализировали банки и страховые общества. Еще так недавно часть состоятельных евреев в Португалии перечисляла немалые денежные пожертвования в сионистский фонд. А теперь боятся Перейра и его единомышленники, как бы им не пришлось помогать "прокрутиться" португальским евреям, если национализируют принадлежащую тем крупную собственность. Свой карман ближе идеалов!

О ЧЕМ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ПИСАТЬ ПЬЕСУ?

Снова и снова возвращается Дора Моисеевна к губительному, с ее точки зрения, "неевропеизму" бывших граждан социалистических стран, разочаровавшихся в Израиле. Все

их беды, на взгляд госпожи Баркай, проистекают от упорного нежелания отвыкнуть от "льгот, льгот, льгот и еще раз льгот", к которым они привыкли.

— В цивилизованном мире никто не платит гроши за квартиру, за отопление, за свет. Все платят большие деньги! А они, видите ли, привыкли к государственной поддержке. Надо отвыкать!.. Приезжают, хватают и то и се, а через несколько месяцев опомнятся и начинают плакать: "Ой, боже мой, нам столько позаписали в долговую книжечку, что мы за целый век не расплатимся!" Какая черная неблагодарность ведь, положила руку на сердце, не все записывается в книжечку, кое-что и в Израиле бесплатное... Например...

Но, перескочив на другую тему, Дора Моисеевна примеров так и не приводит.

(Должен признаться, я мог бы прийти ей на помощь и привести вполне конкретный пример того, что действительно "в Израиле бесплатное". Накануне мне показали объявление в израильской газете "Наша страна". Воспроизвожу его не только дословно, но выделяю прописными буквами все, что напечатано жирным шрифтом.

"ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ для олим из Советского Союза. Всем **МУЖЧИНАМ**, которые не проделали "брит милла" (**ОБРЕЗАНИЕ**) у себя или у своих сыновей (независимо от возраста), обратиться к нам. Операция проводится **БЕСПЛАТНО**. Мы обязуемся **СОХРАНИТЬ ТАЙНУ**. Пишите по адресу: Бней Брак, п.я. 1151".)

Предельной точки кипения наш разговор с госпожой Баркай достиг, когда я по какому-то поводу упомянул свои нередкие поездки в братские социалистические страны. Пронзив меня взглядом, выражающим и соболезнование и иронию, израильская подданная спросила:

— С вашей еврейской внешностью?

— Представьте, не гримируюсь, — пытался я все обратить в шутку. Но хозяйка дома не унималась:

— Вы, наверно, пешком там не ходите. И автобусом тоже, наверно, не пользуетесь... Или вас уже не трогают антисемитские клички по вашему адресу? В Венгрии, я знаю, это — обычное явление. И в Чехословакии. Слышала, что и Болгария не отстает...

Возможно, мне следовало бы отчитать клеветницу. Или хотя бы напомнить ей, как в 1940 году сионистский эмиссар Роберт Мандлер в Праге, а в 1944 году уполномоченный сионистов Рудольф Кастнер в Будапеште, точно выполняя условия сделок, заключенных с нацистами, помогли гестаповцам "тихо и мирно" депортировать в газовые камеры десятки тысяч "простых" евреев, а за это плюс денежную мзду выторговали свободу каким-то сотням сионистских функционеров и финансовых тузов. И как болгарский народ в годы войны грудью стал на защиту двадцати двух тысяч евреев, обреченных цанковским правительством на отправку в гитлеровские концлагеря. И спас их!

Но я не сказал этого госпоже Баркай. Тогда, в ее квартире, мне казалось унижительным для советского человека доказывать оголтелой сионистке, насколько глубоки присущие гражданам социалистических стран убеждения и чувства интернационализма. Она все равно не поверила бы, что ни в понятие "друг", ни в понятие "враг" люди, воспитанные социалистическим строем, не вкладывают никаких национальных признаков!

В общем, довольно бурно протекал наш диалог с Дорой Моисеевной. Впрочем, не совсем диалог. Стоило ей забыть какую-нибудь дату или чье-нибудь имя, жену немедленно выручал немногословный муж Андрэ, обладатель памяти действительно изумительной, но весьма подчиненной идейным убеждениям супруги.

Мы беседовали более трех часов. Мне полагалось бы сказать, что время протекло совсем незаметно. Не могу, однако, погрешить против правды. Хотя кубатура одной из девяти комнат первого этажа, где мы беседовали, довольно обширная, я вдруг ощутил себя в тесной, затхлой темнице, в каком-то логове, откуда надо немедленно вырваться. Нечем стало дышать.

Не припадок ли у меня клаустрофобии? Не заболел ли я фатальной боязнью замкнутого пространства?

Нет, вернувшись в гостиничный номер, я почувствовал себя настолько отлично, что тут

же подробно записал поучительную беседу с супругами Баркай. Много я здесь не привожу, ибо читателю, по моему глубокому убеждению, совершенно не требуется новых свидетельств того, насколько тесно современный сионизм переплетается с антисоветизмом.

Такие свидетельства моя собеседница, в запале презрев укоризненные взгляды своего сдержанного супруга, предоставила мне с большой щедростью. А ведь она, как жительница голландской столицы, рассчитывает побывать в Советском Союзе. И намерена снова встретиться со мной. Вот почему не так уж трудно догадаться, что в одной из своих девяти комнат она многое недоговорила, очень многое. Каков же истинный масштаб закоренелых антисоветских убеждений сей рядовой, как неизменно подчеркивала Дора Моисеевна, сионистки!

Да, чуть не позабыл! Ведь госпожа Баркай предложила мне действительно захватывающую тему для пьесы:

— Напишите о Мише Ланском. Четырнадцатилетним подростком он из жалкого Гродно попал в ослепительную Америку. Контраст! А там Меер Ланский стал королем мафии. Королем! В Америке! Не думайте, я не считаю, что надо ему подражать. Но объективно восхищаться такой карьерой можно. Словом, постарайтесь написать эффектную пьесу, тогда самый скупой зритель — и тот не пожалеет денег на самый дорогой билет!

Случись, попадется эта книга Доре Моисеевне, пусть узнает, что не увлекла меня она своей сенсационной темой. Все-таки меня, драматурга, взволновало как отправная точка для пьесы письмо девушки, опубликованное в тель-авивской газете "Наша страна". Опубликовано главным образом для того, чтобы сопроводить его разнузданно-клеветническим и оскорбительным комментарием журналиста А. Вайнштейна в адрес Советской страны. Вот это письмо:

"Я ола-хадаша из СССР. Мне 20 лет.

Я еврейка. Я люблю свою Родину — Советский Союз, а не какую-либо другую страну. Я живу здесь, в Израиле, но никогда, вы слышите, никогда не смогу назвать сионистское государство своей родиной. Приехала сюда я по принуждению родителей. Своего желания ехать сюда я никогда не изъявляла. И сейчас пишу вам, не называя своего имени, даже почерк не мой, а пишет маленькая девочка. Я это делаю, чтобы вы не узнали, кто пишет: я знаю, чем это пахнет для моих родителей. Я не могу открыто выразить свой протест только из страха перед преследованием моих родителей.

О, с каким удовольствием я удрала бы отсюда в Союз! Израиль разбил мою жизнь. Отнял у меня университет, где я с большой охотой училась, отнял моих друзей, моих родственников, а самое главное Израиль отнял у меня любовь! Сейчас я 20-летняя женщина, не имеющая никого, кроме родителей, чьим желаниям не могу перечить. Я читаю вашу газету. То, что вы стараетесь дискредитировать Советский Союз, не обеспечит вам уважения. И ваши идиотские статьи о моей Родине претят мне и бесят меня. С большим негодованием многие олим читают вашу газету, но молчат. Каждый негодует — уж это-то я знаю, — но молчит.

А мое терпение достигло предела, когда вы стали в своих статьях упоминать имя великого человека — Ленина. Все олим глубоко возмущены... У вас не хватает даже элементарной эрудиции, если вы пишете, что Ленин сносился с Социалистическим интернационалом в... 1929 году(!), в то время как миллионы людей знают дату смерти Ленина — 21 января 1924 года..."

Запали мне в сердце слова девушки о том, что приехала она на чужбину, в Израиль, по принуждению родителей. По-настоящему взволновало меня это горькое признание. А год спустя в Лондоне узнал я о схожей судьбе другой девушки, учившейся в одном из медицинских институтов Белоруссии и также оставившей родину по принуждению родителей. Впрочем, на нее повлиял еще провокационный телефонный звонок сионистского подпевалы из тех, кто сам не торопится на "историческую родину", но других опутывает тенетами сионистской пропаганды. Прикинувшись студентом-белорусом, фарисей пригрозил девушке: "Слушай, убирайся вон из нашего института! И нечего тебе торчать в нашем

городе. Чужая ты для нас, белорусов, понимаешь? В Израиле вашем поганом — вот где твое место, а у нас, в Белоруссии, мы тебе жить не дадим. И чем раньше ты уберешься, евреечка паршивая, тем..." Девушка не дослушала до конца всей этой гнуса. Положив трубку, она — неожиданно для родителей — покорно сказала им, что согласна поехать с ними.

Оттолкнувшись от судьбы этой девушки, я написал и опубликовал в журнале "Театр" пьесу "Пелена". С полным правом предпослал ей такое короткое предисловие:

"В этой пьесе — впервые за многие годы драматургической работы я не придумал ни одной судьбы, ни одной ситуации. В "Пелене" воспроизведены судьбы только тех бежавших из подвластного сионизму Израиля бывших советских граждан, с которыми я обстоятельно встречался за рубежом. И только те ситуации из их жизни, о которых они мне рассказали. Эти трагические исповеди подтверждены документами, а также вынужденными признаниями израильской прессы и сионистских функционеров. Приступая к работе, я заранее не планировал такого строго документального материала. Только прочитав написанное, я установил полную документальность "Пелены". Это дало мне право определить жанровую особенность пьесы несколько необычно, но вполне обоснованно: драма-быль".

Да, была, и только была — так-то, малоуважаемая Дора Моисеевна! И я горжусь тем, что "Пелена" впервые получила сценическое воплощение на идиш в Биробиджане — там, откуда ни один человек не пожелал переселиться на "историческую родину". Это вызвало яростное неудовольствие международного сионизма, о чем мне прямо заявил в Лондоне редактор сионистского журнала "Ежеквартальное еврейское обозрение" Якоб Зоннтаг.

В наглом комментарии к опубликованному тельавивской газетой письму упомянутый Вайнштейн, обращаясь к девушке, которая никогда не сможет назвать своей родиной чужое ей сионистское государство, приклеил ей ярлык антисемитки. Иначе и быть не могло.

Да, весьма щедры на приклеивание антисемитских ярлычков сионисты в Израиле. Всех, кто посмел там выступать против аннексий и продемонстрировать свое стремление к подлинно справедливому миру на Ближнем Востоке, причислили к антисемитам. И писателя Абрама Наска, и художника Дана Кедара, и журналиста Ури Авнери. И, конечно же, члена Политбюро Коммунистической партии Израиля Бурштейна, заявившего в январе 1975 года на митинге левых сил в Тель-Авиве:

"Мир должен знать, что существует и другой Израиль, а не только Израиль аннексий, экспансии и войны. Этот другой Израиль представлен в этом зале".

К антисемитам причислены, впрочем, не только те, кто присутствовал в том зале на антимилитаристском митинге. Стоит любому израильтянину высказать сомнение в правильности захватнической политики своего правительства, как он уже "антисемит"! Такой скоростной метод пришивания ярлычков очень на руку карьеристам и стяжателям. Они давно усвоили, что клевета словно уголек: не обожжет, так хоть замарают. И "антисемита" в Израиле очень несложно выжить с доходной должности, на которую метишь сам.

Но и в такой обстановке все больше и больше людей в Израиле открыто говорят, что не мир — страшная угроза государству, а война.

РЯЖЕННЫЕ И ЗАГРИМИРОВАННЫЕ

Тринадцать лет было Яше Цанцеру, когда гитлеровцы в луцком гетто умертвили его родителей. На глазах у сына.

Нашлись люди, сумевшие под носом у фашистской охраны вывезти мальчика из гетто на подводе, груженной картофельной ботвой.

Свобода? О нет, ведь Яша все еще находился на оккупированной врагами территории. Всюду его подстерегала смертельная опасность. Долго мальчик брел по лесам, полям, околицам. Брел ночами куда глаза глядят.

И набрел в польском селе Любановке на словацкого крестьянина Нозефа Кунешека. Томительных два года укрывал Кунешек еврейского мальчика от гитлеровских ищек. В

этом ему помогали односельчане поляки.

После войны шофер Яков Цанцер навестил своего спасителя уже в свободной Словакии.

Миновали годы. В Израиле, а затем в Бельгии, куда Цанцер бежал из сионистского "рая", воспоминания о мужественном словаке не оставляли его. Эти воспоминания вселяли в него надежду на то, что ему хоть кое-как удастся встать на ноги после рокового для семьи поступка переезда в Израиль. И не только Цанцер, но и жена и его гаденькие сыновья при любом случае с жаром рассказывали, как, рискуя жизнью собственных детей, словацкий крестьянин спас жизнь еврейскому мальчику.

В Роттердаме Цанцера неожиданно навестил какой-то молодой незнакомец.

— Забудьте легенду о благородном словаке, — со злобной насмешкой сказал он.

— Какая легенда! Словак спас меня! И польские крестьяне помогли ему укрыть меня!

— Словаки — антисемиты. И поляки — антисемиты. Вы забыли, к какому лагерю они принадлежат. Их социализма нам не надо. Хороший еврей не имеет права прославлять их гуманное отношение к нему.

— Но так было!

— Не было. С этой минуты, вы поняли? Не было!.. Надеюсь, больше мне убеждать вас не придется? Вы здесь ведь не тревожитесь за ваших детей, правда?

Вопрос был задан с садистским хладнокровием, и у Цанцера защемило сердце от страшной тревоги за своих мальчиков.

Услыхав от него в Брюсселе эту историю, я спросил:

— А кто же был тот незнакомец?

— Предупредить меня ему поручил "Союз сионистов-революционеров Бельгии".

"Сионистов-революционеров"? Вероятно, это оговорка, подумал я. Цанцер разволновался и напутал.

Нет, не напутал и не оговорился. Действительно, в Бельгии, существует такая организация. И ее члены старательно подчеркивают свое "социалистическое" направление. Новоявленные "революционеры" примкнули к программе, принятой на международном конгрессе студентов-сионистов в израильском городе Араде. В этом документе можно без труда распознать голос Бэра Борохова, давнего проповедника так называемого сионистского "социализма". И прежде всего, конечно, предательскую небылицу о "классовом мире" между еврейской буржуазией и еврейскими трудящимися.

После конгресса слово "социализм" как из рога изобилия посыпалось из уст сионистских пропагандистов "левого" толка. Особенно щедро на социалистическую терминологию пропаганда, нацеленная на Советский Союз и другие страны социалистического содружества.

Зачем же заядлым сионистам понадобилась такая маскировка сегодня?..

Противникам социализма понятно, что обращаться к советскому народу с идеей возврата капиталистических порядков — дело ныне безнадежное. Вот они и рядятся в одежды радетелей "демократизации" социализма, его "исправления", его "улучшения". Подобными заботами они пытаются подорвать изнутри Советскую власть, ликвидировать завоевания социализма.

Действительно, полистаешь газету "Ниве Исраэлитисе веекблаад" и многие другие издания сионистских организаций Бельгии и Голландии и диву даешься: трудно встретить термины "сионизм", "сионисты", "национализм". Зато обильно мелькают слова "социализм", "социализм с новым лицом", "социалистические круги Израиля", "демократия", "трудящиеся евреи" и даже "интернационализм".

Не только пресса, но и сионистские активисты тоже проходят чуть ли не прямую аналогию между сионизмом и социализмом.

Известная уже читателям госпожа Баркай твердила мне:

— Сионизм — это движение, положи руку на сердце, социалистическое. Можете смело называть нас израильскими патриотами, но не забывайте добавлять: социалистическими.

А миллионер Брахфельд, в беседе со мной часто заменявший слово "сионист" словами "трудящийся" или "патриот", развивал такой тезис:

— Израиль был задуман как социалистическое государство, где национализируют максимум средств производства и до минимума ограничат частную собственность. Но непрерывные войны и колоссальный приток иностранных капиталовложений плюс наплыв международных фирм сломали задуманную модель и превратили еврейское государство в обычное демократическое государство по образу и подобию западноевропейских и американских. Вы называете такие государства капиталистическими, буржуазными. Что ж, капитал и буржуазия играют в Израиле главную роль, но дух там доминирует социалистический. Сегодняшний сионизм, я вас уверяю, очень и очень социалистичен.

Сопоставьте эти рассуждения богача коммерсанта, исповедующего теорию "всемирной еврейской нации на службе у ее исторической родины" и ратующего за обязательное переселение в Израиль со всего мира еврейской... бедноты, с высказываниями видного бельгийского общественного деятеля Рик Зиффера, президента прогрессивного Союза бывших участников Сопротивления еврейской национальности в Бельгии:

— Давно известно: насколько интернационален пролетариат, настолько же космополитичен капитал. А его верное детище сионизм тоже исповедует космополитизм, без которого сионисты как без рук. Какой же ширмой они прикрывают свои космополитические устремления? Сказками о своем интернационализме. Они почувствовали, что в наши дни интернационализм — хорошая приманка, что за интернационализмом людям видятся очертания социализма. Вот и стали всякого рода "левые" сионисты трубить о своих интернациональных симпатиях. А по сути, они так же интернациональны, как, например, интернационален какой-нибудь крупный концерн, объединяющий промышленные фирмы Бельгии, Англии, США и еще нескольких государств. Крупнейшие монополии и концерны мира, как известно, делят между собой сферы влияния. Своему верному слуге сионизму они тоже выделили немалую сферу влияния. И очень спокойно реагируют на сионистский шумок о его социалистических устремлениях. Они знают, как беззастенчиво под этот шумок делают свое дело сионистские "ультра".

Приглядимся к практике западноевропейских сионистов и сразу же увидим, что ее "социалистическую" направленность верно оценил не Брахфельд, один из финансовых тузов бельгийского сионизма, а Зиффер, стойкий прогрессивный деятель. Не случайно именно на него немало клеветы излил Роже Катц, пробравшийся к руководству объединением евреев-партизан, а сам не имеющий никакого права носить гордое имя партизана. Роже Катцу трудно примириться с тем, что Зиффер и его товарищи выступают с разоблачением того, как и для чего международный сионизм сегодня подкрашивает свое шовинистическое обличье "социалистическим" гримом. Факты, грозные факты неумолимо смыывают этот грим.

В ФРГ тоже нашлись лидеры еврейского буржуазного национализма, объединившие свои организации Социалистическо-сионистский союз. Они даже поленились сочинить какую-либо захудалую "программку", хотя бы формально чуть-чуть не схожую с идеологией обыкновенного сионизма. Сойдет и без программы, решили они. Достаточно только названия, в котором звучит слово "социалистический". Уже одно это облегчит им работу. И объявили себя примкнувшими к Союзу радикальных сионистов, объединившему после упомянутого конгресса в Араде более семидесяти американских и канадских групп сионистов.

Грубой, топорной сочли голландские сионисты такую работу своих западногерманских единомышленников. Смекнув, что откровенно шовинистические взгляды ортодоксальных, большей частью пожилых, сионистов и их призывы обособиться от "остального" мира отпугивают в наши дни молодежь, они поступили хитрее. Наиболее мобильные из них объявили себя "критическим" движением сионизма. И чтобы поразить всех смелым шагом, даже отмежевались от обветшалой "Иерусалимской программы". Затем выдвинули туманный лозунг сомнения в изоляционистской политике ортодоксального сионизма и стали шуметь о своем надежном интересе к борьбе вьетнамского народа, к социальному

пробуждению Африки, забастовочному движению во всем мире. Ополчились против правой группировки "мизрахистов", придерживающихся программы израильской национально-религиозной партии. И даже выступили против старого руководства Нидерландского союза сионистов, заставив престарелого М. Телса уступить место председателю главного правления более молодому и "гибкому" С. Койену.

И теперь в выступлениях нового председателя чаще слышится социалистическая терминология.

Да, в красивых словах социалистического и интернационального оттенка недостатка нет. А что изменилось по существу?

Ничего. По пословице: тех же щей, да пожиже лей!

"ДВОЙНЫЕ" СТАНОВЯТСЯ "ТРОЙНЫМИ"

Еще неистовей, нежели ортодоксальные, так называемые "критические" сионисты клеветают на государственный строй социалистических стран и не менее усердно отталкиваются в своей пропаганде от стародавнего, но столь живучего в еврейской буржуазно-националистической среде высказывания Герцля о том, что "все народы мира — это явные или скрытые антисемиты". Правда, "критические" сионисты несколько сузили герцлевский масштаб и, закрывая глаза на рост антисемитских акций, скажем, в США, включают в антисемитскую зону только государства социалистического содружества.

Двое "критических" сионистов, по их словам, студентов, — юрист Михель Элькинд и его приятель, социолог, в амстердамском Доме Анны Франк вызвали меня на разговор. Начали они с утверждений, что в Советском Союзе дневник Анны не издан и имя ее никому не известно. А закончили восхвалением полнейшего "равноправия" евреев в США в противовес их "бесправию" в странах социализма.

— Вы бывали в Америке? — спросил я неожиданных собеседников.

— Я был, — отозвался Элькинд. — В позапрошлом году.

— Город Буффало посетили?

— К сожалению, не пришлось. Через Буффало, знаю, ездят на Ниагарский водопад, а мы Ниагару не осматривали.

— А я осматривал. И возвращался с Ниагары через Буффало. Мы основательно проголодались, И продрогли, было это в феврале. Миссис Анна, гид нашей группы спортивных корреспондентов, утешала нас тем, что обед в одном из популярных отелей Буффало будет вкусным и сытным. Но когда она назвала отель, водитель автобуса растерянно взглянул на нее. Миссис Анна подошла к водителю. Озираясь на нас, они зашептались. После обеда мы стали подтрунивать над миссис Анной: о чем же она так таинственно шепталась с красивым водителем? Она смутилась и нехотя объяснила нам: "Я недавно работаю на этом маршруте и не знала, что в Буффало есть отели, не желающие... словом, не обслуживающие евреев. А надпись об этом на дверях отеля могла... словом, огорчить советских корреспондентов".

— Единичный факт! — воскликнул будущий социолог.

— Далеко не единичный. Не переведена ли на голландский язык книга американского публициста Стетсона Кеннеди, называется "Путеводитель по расистской Америке"?

— Надоевшие песни о преследовании негров?

— Не только негров. И не песни. Факты. Сотни фактов государственной и частной дискриминации евреев в штатах, городах, университетах, торговле, банках. Особенно это коснулось тех, кого вы именуете сефардами. Кстати, о песнях. Американские сефарды, как и другие смуглокожие, распевают горькую песенку с таким припевом: "Если ты белый — в порядке дело, со смуглой кожей — будь осторожен, но если ты черен, черен до пят, путь твой назад, лишь назад и назад!" А в Америке можно встретить и "черных до пят" евреев, например, в чикагской еврейско-негритянской общине. Правда, для американских сефардов имеется слабое утешение: в ряде городов и штатов, в некоторых учреждениях и институтах

ограничения в правах распространяются и на белых евреев.

— Ну, знаете, сравнивать американских евреев с американскими неграми, — насмешливо прервал меня Элькинд, — это уже демагогия! Да будет вам известно: среди американских евреев есть даже такие, которые активно защищают негров!

— А к чему приводит подобная защита — красочно показал американский писатель С.Х. Томпсон в рассказе "Унижение". Еврей, бежавший из гитлеровской Германии, на шестой год своего пребывания в США получает предметный урок расизма, направленного и против негров, и против евреев.

Мои неожиданные оппоненты из породы "критических" сионистов подчеркнуто рассеянно выслушали короткое содержание рассказа Томпсона. Надеюсь, читатели ознакомятся с ним более внимательно.

В кафе, где бежавшего от нацистов еврея знают и ценят, как постоянного посетителя, подгулявший "чистокровный" американец хочет вышвырнуть на улицу двух мулаток. Еврей убеждает разбушевавшегося молодчика оставить мулатом в покое. Тогда хулиган расистских воззрений, еще ранее обративший внимание на "подозрительно странный акцент чужака", тут же наносит ему ножом кровавую рану. А служащие кафе, ранее привечавшие еврея, не только не вступаются за него, но еще с многозначительной неприязнью советуют ему "не принимать никаких мер". И раненый под насмешливые взгляды присутствующих покидает кафе. Испытавший ужасы гитлеровского расизма, этот новоявленный американец с горечью сознает, что прослыть "покровителем черномазых" для еврея в Америке вдвойне опасно, что многие "чистокровные" американцы этого никогда не прощают "неполноценным".

— Беллетристика!

На этом восклицании представители "критического" сионизма предпочли прекратить нашу дискуссию.

Жаль, тогда в Амстердаме я еще не мог проинформировать этих господ, как в США дискриминационные ограничения начинают чувствовать даже "сильные мира сего" еврейской национальности. Парадоксально, но факт!

Уже возвратясь из Бенилюкса домой, я прочитал в "Знамени" интересный очерк С. Кондрашова "Свидание с Калифорнией". Оказывается, в Сан-Франциско самый закрытый клуб не "Банкирский", где годовой взнос составляет три тысячи долларов, что равно годовому доходу шестнадцати процентов сан-францисских семей. Нет, самый закрытый — это клуб "Саут Пасифик": туда не принимают евреев...

О своих стычках с "критическими" сионистами рассказали мне еврейские выходцы из Польши, которых я встретил в припортовом районе Роттердама. Однажды к ним наведаясь некий Фальцман и важно заявил о своей близости к самому "левому" журналу "критических" сионистов. Журнал этот настолько, сказал он, социалистичен и интернационалистичен, что даже признает право палестинцев на свое государство, правда, вне захваченных Израилем земель. После такой увертюры Фальцман укорил лавочников в недостойной пропаганде: как, мол, смеют они распространять слухи, что в оккупированной нацистами Польше им спасли жизнь советские войска! Такое не должно, боже упаси, повторяться.

Чтобы окончательно перевоспитать крамольников, представитель "критических" всучил каждому за семь гильденов журнал, где гвоздем номера была статья о "колонизированных" народах Советского Союза.

— Мы боялись сказать Фальцману хотя бы одно слово, — говорит один из совладельцев магазинчика, громко именуемого "Висла". — Уж лучше его журнал за деньги, чем бесплатно пачки книжек под названием "Азбука сионизма — от "А" до "Я". Нам приказывали раздавать эти книжечки морякам с пароходов из социалистических стран. Мы умоляли: не давайте нам этих книжечек, моряки швыряют их нам в лицо. А сионистские уполномоченные топают на нас ногами: "Вы обязаны помочь нам. Советские моряки должны узнать, кто за настоящий социализм!"

Кстати, моряки с нашего торгового теплохода "Кегостров" рассказывают, что книжечки под таким же названием им пытались всучивать и в американском порту Филадельфия.

Морякам захотелось расспросить одного из распространителей сионистской азбуки о его идейных убеждениях. А он только развел руками:

— Какой я сионист — я ведь не еврей. Я обыкновенный рассыльный и получаю за свою работу почасовую плату.

Как видите, у своих заокеанских собратьев заимствуют методы работы голландские сионисты, ряженные и загримированные под социалистов. Мало им помогают, однако, чужие наряды и грим.

Их, исповедующих сионистский вариант "социализма", не причислишь даже к "двойным". Эти, пожалуй, уже "тройные". Они, во-первых, пользуются правами граждан страны, где проживают. Они, во-вторых, рьяно выполняют обязанности израильских подданных. Они, в-третьих, старательно притворяются горячими приверженцами ненавистного им социализма.

КОРНИ МАСКАРАДА

Я рассказал бегло и далеко не обо всех хитрых методах "социалистической" мимикрии, спекулятивно используемых сионистами Западной Европы. Особенно грязные методы применяют отделы по работе с молодежью, имеющиеся в любой сколько-нибудь значительной сионистской организации. Хорошо сказала об этом Шендля Вольман, широко известная еврейским кругам Бенилюкса под своим партизанским именем Маги:

— Сионистские руководители уже давно спекулируют на идеологической неграмотности рядовых сионистов. А за последнее время, особенно опасаясь дискуссий с идейными противниками, настолько замкнулись в своей скорлупе, что идейно их кадры катастрофически деградируют. Многим молодым сионистам их старшие наставники просто заморочили голову заманчивыми словами. И некоторые юноши и девушки из их организаций колотят себя кулаком в грудь: мы еврейские социалисты, мы сионистские интернационалисты! И еще обижаются, когда над такими клятвами смеются. Если о социализме им еще хоть кое-что разрешают говорить, то разговоры на интернациональные темы сионисты выжигают каленым железом. Стоит сионистам услышать, что в партизанских отрядах бельгийского Сопротивления советские бойцы сражались рядом с фламандцами, валлонами, евреями, как такие разговоры они объявляют антисемитскими! Словом, нетрудно понять, чего стоит их социалистический маскарад.

Корни такого маскарада тянутся непосредственно из Израиля.

Там уже давно тщатся выдать кибуцы за образец сельскохозяйственного кооперирования. На деле же эти объединения стали источником получения дешевой рабочей силы. Изведавший тяготы такого псевдокооператива Исаак Спивак рассказывает:

— Попробует кто-нибудь из новоприбывших возмутиться отсутствием работы и сносного жилья, а ему тут же грозят: "Что, соскучился по социализму? Пошлем в кибуц, там тебя быстро обломают!" И угроза действует. Олим готовы на что угодно, только не на "перевоспитание" методами кибуцного "социализма".

Разговоры о социализме по-израильски особенно возмущают израильских женщин. Их быт и семейные отношения отданы там во власть древних религиозных устоев, день ото дня все горше и больнее ощущают они свою закрепощенность в израильском обществе.

Сейчас сионистки Голландии "отважились" поддержать робко нарастающую волну протеста против некоторых, особенно реакционных, законов о семье и браке, вроде полнейшей зависимости вдовы от брата покойного мужа, даже если брат — мальчуган. Женщины надеялись, что под флагом Международного года женщин им удастся осуществить свои требования. Однако пока не удалось добиться хотя бы малейшего облегчения варварского закрепощения израильских женщин.

Очень обеспокоен международный сионизм тем, что в Израиле ширится движение мира. В свое время мы слышали о симпозиуме в Иерусалиме, созданном по инициативе Комитета за мир и справедливость на Ближнем Востоке. Видные общественные и

политические деятели Израиля осудили методы дезинформации, применяемые официальной израильской пропагандой. Она намеренно искажает позиции арабских стран, отстаивающих свои законные права. Она вводит в заблуждение израильское население относительно путей мирного, политического решения ближневосточного кризиса. Представители демократической общественности Израиля призвали дать должный отпор проискамым ультраправых сил, препятствующим установлению мира в этом районе и толкающих Израиль на опасные авантюры.

Еще один весьма симптоматичный факт: несмотря на препоны израильских властей, не прекращается работа обществ дружбы с социалистическими странами. Все больше и больше жителей Тель-Авива отваживаются приходить в помещение Общества израильско-советской дружбы на улице Ахад-Гаам, 70, когда там демонстрируются наши фильмы. Правда, власти разрешают показывать наши картины только на темы исторические и научно-фантастические. Советских фильмов на современные темы они боятся как огня.

В полный голос заявляют о себе комитеты действия из рабочкомов многих крупных предприятий. Забастовки возникают уже не только от стремления израильских рабочих добиться повышения зарплаты и улучшения условий труда, но и в знак протеста против милитаристской политики правительства сионистов. Именно по этим соображениям бастовали израильские портовики.

Все это черты крепнущего антиссионистского движения. Они подтверждают выводы XVI съезда Коммунистической партии Израиля:

"Чем больше возрастает влияние социализма в мире, чем больше империализм теряет свой авторитет, тем больше углубляется кризис сионизма".

И сионисты в Израиле все чаще и чаще вынуждены прикрывать свою липкую идеологию социалистической фразой. Из статьи "Проблемы израильской демократии" в скончавшемся тель-авивском журналчике "Мы" можно, к примеру, узнать, что блок просионистских израильских партий "Маарах" выступает главным образом за "сохранение сионистско-социалистической идеологии" и что сионистская партия "Мапам", оказывается, "входит в сионистско-социалистический блок".

Ох, не от хорошей жизни пошли сионисты на такие жонглерские вольты! Они извели то страшное, о чем так ярко сказал Александр Блок в своем дневнике 1918 года: "Ненавидеть интернационализм — не знать и не чуют силы национальной". Бесконечные предательства и ложь закономерно привели врагов интернационализма к трагическому неверию в силу национальную.

ОПЕРАЦИЯ "БРИХА"

Об этой, на грани трагедии, истории я впервые услышал летом сорок пятого в Германии, где наша писательская бригада работала над документальным сборником "Штурм Берлина".

Не успели отгреметь залпы войны, как сионистские эмиссары задумали и осуществили в Европе цикл крупномасштабных операций по насильственному вывозу евреев в Палестину. Их жертвами стали евреи, оказавшиеся в лагерях для так называемых перемещенных лиц. После долгих мытарств и страданий у несчастных впервые появилась реальная надежда вернуться в родные страны.

Томились в этих лагерях и евреи, избежавшие еще более трагической судьбы. Обреченные на истребление в газовых камерах, они ждали смерти, и только стремительное наступление советских войск вызволило их из гитлеровских застенков. Возвращенные нашей Победой к жизни, они считали дни и часы до счастливой минуты, когда смогут отправиться на родину. Но те из них, кто после капитуляции фашистской Германии оказался на союзнической территории, попали в лагеря для перемещенных лиц. И мечты этих исстрадавшихся людей были безжалостно перечеркнуты. Высшие сионистские органы решили принудительно переправить их в Палестину. Этому требовала принятая сионистами

на вооружение упоминавшаяся уже "Иерусалимская программа". Им нужно было "еврейское население". И чтобы заполнить его, они шли на все.

Операции по вывозу в Палестину осуществлялись по единому рецепту. Евреям в лагерях для перемещенных лиц упорно и строго внушали, что дорога в родные места для них безвозвратно закрыта, что Болгария, Румыния, Италия, Греция, Голландия, Бельгия и другие европейские страны, несмотря на горячие уговоры, категорически отказываются их принять. Им сулили бесплатный проезд в Палестину, а также большую денежную помощь по прибытии на место. И отчаявшиеся, потерявшие веру в освобождение люди не решались открыто восстать против столь губительных для них замыслов.

Тогда, в сорок пятом, я не смог в достаточной мере ознакомиться с фактическими материалами, чтобы иметь право писать о широко задуманном обмане, заставившем тысячи людей со слезами отчаяния уехать в Палестину. Но сейчас я нашел такие материалы — точные и неопровержимые.

Где? Представьте, в израильских газетах, которые мне показали в Люксембурге.

Сам не понимаю, отчего вдруг сионистским журналистам понадобилось сейчас предавать огласке засекреченные операции по принудительному вывозу из лагерей в Палестину большого числа евреев — уроженцев и жителей многих европейских стран. То ли сионистские журналисты решились обнародовать эффектные подробности одной из таких операций, полагая, что за давностью лет не обратят внимания на нечестную подоплеку. То ли не смогли они удержаться от соблазна тиснуть сенсационный заголовок: "Американский католик Новинский помог палестинскому сионисту Вайнштейну осуществить дерзкую операцию под кодовым названием "Бриха".

Да, в декабре 1945 года капитан войск США Стенли Новинский, католик по вероисповеданию, действительно помог сионистской группе Абы Вайнштейна обмануть около 8 тысяч евреев, скопившихся в лагере Риденбург. Для этого Новинскому, как он хвастливо сообщил недавно израильским журналистам, "пришлось рискнуть собственной карьерой и благополучием, обмануть английскую часть администрации лагеря".

Американский офицер оккупационных войск не мог не знать, что президент его страны Рузвельт осуждал попытки насильственного переселения перемещенных лиц еврейской национальности в Палестину. Президент дал указание командованию американских оккупационных войск: этим людям надо предоставить право самим решать свою судьбу. И все же капитан Новинский пренебрег приказом главы своего государства и предпочел откликнуться на призыв американского раввина Клаузнера:

— Евреев из лагерей надо без всяких разговоров отправлять на землю предков. А тех, кто заартачится, следует строго припугнуть и даже снять с продовольственного снабжения. Хотя эти перемещенные, думаю, сейчас не в таком настроении, чтобы рассуждать и выбирать.

Незаконно используя свое служебное положение сотрудника военной комендатуры риденбургского лагеря, Новинский первым делом отобрал у намеченных Вайнштейном жертв все без исключения документы. Затем была изготовлена липовая документация. Так возникла идиллическая картина: всех намеченных к вывозу евреев ждут не дождутся в Палестине близкие родственники, обуянные горячим желанием приютить их и обогреть.

В действительности же многие из жертв Вайнштейна уже получили весточки, что дома их нетерпеливо готовятся встретить оставшиеся в живых: кого — жена, кого — сестра, кого — дети. На коленях обреченные люди умоляли Вайнштейна не вывозить их на чужую палестинскую землю. Но эмиссар палестинских сионистов был неумолим: будущему еврейскому государству нужно население. А капитанские погоны Стенли Новинского прикрывали предательство Вайнштейна авторитетным именем американской армии.

Для "добровольных" переселенцев потребовались пропуска — что ж, Новинский немедленно состряпал фальшивки. Вайнштейн опасался нежелательных проверок по пути следования — католический помощник сиониста и тут нашел выход: авантюристической группе Вайнштейна присвоили официальный статус "Комитета помощи еврейским

беженцам". На этом громком наименовании Вайнштейн удачно поспекулировал в пути и раздобыл всяческие привилегии для своего эшелона.

Где же тут собака зарыта? В чем корни рвения американского офицера? Почему вдруг он настолько близко принял к сердцу сионистскую "Бриху", что отважился рискнуть собственной карьерой и благополучием?

Израильская пресса, безудержно восхваляя Новинского, дает всему этому патетически приподнятое объяснение: истинно верующего католика до глубины души тронули благочестивые чаяния верующих евреев, мечтавших, дескать, поселиться на "священной земле праотцев". Какая божественная трогательность! Какими ангельскими помыслами был движим капитан американской армии Стоили Новинский!

Увы, весь елейный эффект от громогласных сообщений о визите мистера Новинского в Израиль катастрофически испортил безымянный репортер хайфской газеты. Проявив усердие не по разуму, он, восхваляя благородство капитана, проговорился:

"Еще до возвращения из оккупационной зоны в США Новинский был уволен из вооруженных сил США. Его обвинили в том, что он получил от Вайнштейна значительную сумму денег и присвоил некоторые принадлежавшие переехавшим евреям ценности".

А несколькими строками ниже репортер, словно спохватившись, в самых возвышенных тонах восхваляет и превозносит... благороднейшие стремления взяточника Новинского помочь перемещенным евреям. Вот уж поистине железная логика в духе сварливой бабы из шолом-алейхемской Касриловки! Не вернув соседке одолженный горшок, она заявила: "Во-первых, я этого горшка не одалживала, а во-вторых, он был весь дырявый!"

Несмотря на неуклюжую оговорку репортера, сразу стало понятно, во имя каких таких "высоких идеалов" Новинский рискнул собственной карьерой и благополучием. Содействуя сионистам, он основательно упрочил свое благополучие. Оставив армию, сионистский пособник, как деликатно выражается хайфский корреспондент, вступил в ряды состоятельных американцев.

Сделал карьеру и Аба Вайнштейн. Если тогда, в сорок пятом, он был всего-навсего агентом террористической сионистской организации "Хагана", то впоследствии — ответственным сотрудником министерства иностранных дел. Правда, человек, предательски завлекший на чужбину восемь тысяч обездоленных людей, на всякий случай изменил фамилию и стал именоваться уже Гефеном.

ПО МОДЕЛИ "БРИХИ"

Страницы о делах альянса "Сионист Вайнштейн и Новинский" были уже написаны, и я не намеревался возвращаться к ним...

Но в Брюсселе театральный рецензент совсем далекой от сионистских дел газеты между прочим спросил меня:

— А вы не сочли бы напрасно потерянным время, затраченное на встречу с одним моим антверпенским знакомым? Очень уравновешенный и мягкий человек, как и положено стоматологу, обязанному не поддаваться эмоциональным всплескам. Но совершенно преображается — вспыхивает до наивысшего накала, — только заходит речь об одной главе сложной и запутанной биографии его отца. Уж очень необычный путь привел того сразу же после второй мировой войны в Палестину. Его заставили пробыть в Палестине несколько лет. Видимо, весьма нелегких лет...

Я увидел стоматолога. Не уравновешенного и не мягкого. Услышав первый же мой вопрос, он ожесточился, в глазах зажегся гневный огонек, и мне показалось, что отвечает он не мне, а какому-то воображаемому собеседнику, причинившему ему непоправимое горе.

— Сколько времени провел мой отец среди сионистов в Палестине? Два года девять месяцев и шесть дней. Худшая пора его жизни после окончания войны. Даже в лагерях для перемещенных лиц он чувствовал себя лучше, тогда в его сердце было больше надежды на скорое возвращение к близким. Даже в лагерях! Да, да, в лагерях, а не в одном лагере! Попав

в лагерь под Ганновером отец сразу же заявил, что хочет вернуться в Бельгию, где родился он и его родители. Даже и слышать не хотел о переезде в еврейские местности Палестины. Никуда, только обратно в Бельгию! Разозленные таким упорством, сионисты периодически добивались от американской администрации переброски наиболее упрямых из лагеря в лагерь. Такую форму расправы они шутливо называли "игрой в крикет". В последний раз моего отца перегнали под Штутгарт. Много позже он узнал, что под давлением сионистских уполномоченных лагерная администрация скрыла присланное на его имя из Бельгии письмо. А ему твердили одно: бельгийские власти отказываются пустить вас на свою территорию, где нет никого из ваших родных!

Нервно посасывая давно потухшую сигарету, стоматолог произнес глухим голосом, каким обычно говорят о тяжком приговоре:

— В конце концов сионистские уполномоченные вынудили измученного человека прекратить сопротивление и вырвали у него согласие на переброску в Палестину.

Стоматолог привел такую подробность. Чтобы перегнать его отца и других обманутых евреев из лагерей в Палестину, нужно было уничтожить малейшие следы их истинного гражданства и снабдить насильно угоняемых людей фальшивыми документами. "Иммигранты поневоле" в глубине души таили надежду, что с изготовлением фальшивок выйдет спасительная для них заминка. Но тут на помощь сионистам охотно пришли темные личности из специальной граверной мастерской петлюровской эмигрантской организации в Мюнхене. Они быстро изготовили фальшивые документы. Вот уж действительно трогательная взаимопомощь "братьев по духу" — отпетые украинские националисты выручают еврейских!

— Ох, как же намучился отец на палестинской земле, — продолжал антверпенец. — Его превратили там в сторожа земельных наделов, отобранных сионистами у арабских аборигенов. Кстати, владельцы этих огромных наделов стали основателями богатейших династий нынешних израильских коммерсантов. Только перед провозглашением государства Израиль отцу удалось бежать из Палестины... Уже около десяти лет отца нет в живых. У меня уже есть собственные дети. Но до сих пор меня бросает в дрожь, когда вспоминаю рассказы отца о том, как издевались над ним сионистские уполномоченные в лагерях для перемещенных лиц! И не только над ним. Особенно изощренные издевательства пришлось выдержать нескольким евреям из Северной Буковины, воссоединившейся с Советским Союзом, кажется, незадолго до войны. К этим людям сионистские уполномоченные стали приводить агитаторов из антисоветского союза русских эмигрантов...

— Вы имеете в виду НТС? — переспросил я.

— Вот именно, эн-тэ-эс, — подтвердил мой собеседник. — Отец называл именно эти буквы. И те агитаторы долго и упорно убеждали буковинских евреев согласиться на перемещение в Палестину. "Вот вам книжечки, берегите их. Скоро в Советском Союзе произойдет переворот, вы предъявите эти книжечки — и вас тут же перевезут из Палестины в Россию". В этих книжечках была напечатана программа НТС. А специальный пункт программы подчеркивал, что права лиц еврейской национальности должны быть в России ограничены. И когда агитаторы из НТС явились снова, буковинские евреи швырнули им в лицо их книжечки. Агитаторы пытались оправдаться. Этот пункт, говорили они, НТС вынужден был включить в программу ради гитлеровцев, от которых в годы войны зависела их организация...

С антверпенским стоматологом мы беседовали в небольшом брюссельском парке неподалеку от знаменитого "Атомиума" — символа Всемирной выставки 1958 года в Брюсселе.

В тот холодный апрельский день парк был совершенно безлюден, но мой собеседник испуганно оглядывался по сторонам и сбивался на заговорщический шепот:

— Умоляю вас!

Да, этого человека может настичь месть сионистов. Месть... А, собственно говоря, за что? За правду о горькой доле его отца. За жизненные, точные факты, еще раз неоспоримо

подтверждающие, что операция "Бриха" была в сионистской практике далеко не единственной, что не одни Вайнштейн и Новинский и не только из Риденбурга насильственно угоняли обездоленных войной евреев в чужую им Палестину.

Но и беседа в Брюсселе вопреки моим ожиданиям не завершила главы о сионистских акциях типа "Брихи".

Через несколько дней, уже в Голландии, мне рассказали об ужасающей трагедии освобожденных узников концлагеря Берген-Бельзен.

В апреле 1945 года, незадолго до окончательного разгрома гитлеровских войск, в Берген-Бельзене скопилось около 12 тысяч евреев. Их свезли туда из различных гетто, преимущественно голландских и бельгийских. Именно в этом фашистском аду, напоминая, в марте погибла от острого истощения Анна Франк.

Захватившие Берген-Бельзен английские войска убедились, что большинство освобожденных ими узников нуждается в безотлагательном, срочнейшем лечении. Брюшной тиф, пневмония, дистрофия, заражение крови свирепствовали здесь, особенно среди детей и женщин. Английский военно-медицинский персонал, не столь уж, естественно, многочисленный, не зная отдыха, сразу же занялся отбором и эвакуацией наиболее опасно больных.

В действия самоотверженных медиков неожиданно вмешались капелланы еврейской национальности из английских же военных частей. По указаниям сионистских эмиссаров из Лондона они стали обходить лагерные бараки и объявлять освобожденным узникам фашизма: кто даст согласие на перемещение в Палестину, тот будет эвакуирован для лечения в первую очередь.

И ради спасения умирающих детей и жен, чью смерть предотвратить могло только срочнейшее лечение, многие дали согласие на вывоз в Палестину. Тех же, кто отказался, причислили ко второй очереди, невзирая на то, что в их семьях были тяжелобольные женщины и дети.

А в мае сионистские агенты депортировали в Палестину эшелон бывших узников Берген-Бельзена. О подробностях этой операции рассказали голландские евреи, вернувшиеся из Палестины на родину. Удалось это далеко не всем.

Отголоски берген-бельзенской трагедии и сейчас, много лет спустя, стучатся в сердца честных людей Бельгии и Голландии.

ГДЕ РАНЬШЕ ЗВУЧАЛ ЧИСТЫЙ ГОЛОС

Дом-музей Анны Франк в узеньком, типично амстердамском здании на улице Принсенграхт я впервые посетил весной 1965 года.

По винтообразной лестнице с этажа на этаж поднимались и спускались десятки посетителей. По их приглушенным репликам узнавалась молодежь самых различных национальностей. И вместе с тем здание казалось пустынным: настолько немногословными и сосредоточенными становились в этих стенах посетители, потрясенные ожившими страницами трагического дневника Анны Франк.

Пытливо всматриваясь в каждую мелочь, я вспоминал эту переведенную на десятки языков и впечатляющую своей искренностью и бесхитростностью книгу и убеждался, насколько верно подметил Илья Григорьевич Эренбург, что голос погибшей в гитлеровских застенках Анны — "это еще детский голос, но в нем большая сила — искренности, человечности да и таланта. Не каждый писатель сумел бы так описать и обитателей "убежища", и свои переживания, как это удалось Анне".

Помнится, мы с драматургом Самуилом Иосифовичем Алешиным осматривали дом на Принсенграхт в утренние часы, однако и вечером не в состоянии были в неполной мере воспринять чеховских "Трех сестер" в постановке Утрехтского театра — настолько потрясло и захватило нас все увиденное в этом антифашистском по своей сути Доме.

Прошло десять лет. Снова я в Доме Анны Франк. И с первых секунд мне начинает

казаться: теперь все здесь не так, совершенно все иное. А ведь служительницы уверяют, что ничего не изменилось.

Верно, в экспозиции ничего не изменилось. Но разительно изменилась атмосфера.

Что такое? Какие-то развязные молодые люди осматривают не дом, а посетителей, не ходят, а спуют из комнаты в комнату, как бы разыскивая спешно понадобившихся им людей. Откуда такая суетливость? Почему эти молодые люди выступают здесь в роли "импресарио" и откровенно мешают грустноватым и подчеркнуто нешумливым гидам? Почему здесь запахло какой-то биржей?

Ведь как и десять лет тому назад, люди приезжают из дальних стран в эти маленькие комнаты, чтобы в благоговейном молчании рассмотреть каждую деталь мемориала вплоть до зарубок на дверном косяке, показывающих, на сколько сантиметров выростала Анна за каждые три месяца. В этих чердачных комнатах люди, повинувшись нерегламентированным правилам, а своему сердцу, стараются и сейчас говорить поменьше и потише, словно вот-вот они услышат чистый голос Анны. Почему же в этих комнатах, знакомых по дневнику девочки миллионам людей на всех континентах, ныне запахло грязным политиканством?

Почему, наконец, здесь периодически устраиваются всяческие крикливые мероприятия, не имеющие никакого отношения ни к Анне, ни к тому, ради чего сохранен этот памятник человеческому достоинству? Назову, к примеру, устроенную по инициативе западногерманских сионистов и шумно разрекламированную голландскими выставку "Еврейская пресса в Голландии и Германии 1674–1940 годов". Буржуазные еврейские националисты поддержали эту выставку, ибо полнее всего на ней были экспонированы сионистские издания предвоенных лет.

На выставку привозили сотни шумливых экскурсантов. Они раздражали, они оттесняли на задний план всех приехавших туда ради того, чтобы увидеть чердак, где, по точному определению Эренбурга, "честные и смелые голландцы в течение двадцати пяти месяцев скрывали восемь обреченных, откуда на всю планету прозвенел "голос — не мудреца, не поэта — обыкновенной девочки", "чистый, детский голос". Он и поныне звучит, "он оказался сильнее смерти".

А тут устраиваются какие-то националистические сходки, тут молодые голландские сионисты бойко охотятся за иностранцами и приглашают их в кафе, где "на десерт" всучивают им сионистскую литературу самого шовинистического толка,

С одним из таких "охотников", Шмуэлем Ленцем, мне довелось поговорить. Он назойливо вмешался в мою беседу со служительницей мемориала. Она поинтересовалась, что появилось в советском искусстве нового, связанного с именем Анны Франк.

— Композитор Григорий Фрид написал оперу "Дневник Анны Франк", ответил я. — Москвичи уже слышали оперу в концертном исполнении.

— В Москве прославляют Анну Франк? — насмешливо загремел Ленц, до того сколачивавший группу посетителей, которых повезут для "беседы" в модное кафе. — И вы хотите, чтобы мы поверили вам?

— Вы-то никому, кроме себя, не верите, — грустно заметила служительница. И можно было почувствовать, как ей, мягко говоря, надоели назойливые "импресарио" по улавливанию в сионистские сети молодых иностранцев.

Все эти махинации глубоко противоречат тому, ради чего был создан мемориал. Неслыханно кощунственны сионистские попытки превратить Дом Анны Франк из интернационального символа антифашизма и борьбы с войной в опорный пункт националистической пропаганды!

В прогрессивных кругах нидерландской общественности такое надругательство над светлым именем Анны вызывает недовольство и даже публичные протесты.

— Чистое сердце девочки не было заражено семенами шовинизма и национализма, — услышал я в группе гаагских журналистов. — Она любила хороших людей независимо от их национальности. Она верила в них. Многие наизусть запомнили запись, сделанную в дневнике четырнадцатилетней Анны в четверг 25 мая 1944 года: "Сегодня утром арестовали

нашего славного зеленщика — он прятал у себя в доме двух евреев". Нет, шовинизму не должно быть места в том доме, где писала Анна свой дневник.

— Почему же все-таки место нашлось?

— Паулина Визенталь — вам известно такое имя? — ответил мне журналист вопросом на вопрос. И многозначительно пояснил: — Дочь Симона Визенталья.

ВИЗЕНТАЛЬ, ОТЕЦ И ДОЧЬ

Оказывается, за спиной сионистских реформаторов мемориала стоит дочь Симона Визенталья, ныне здравствующего сионистского разведчика. За спиной Визенталья, прославляемого сионистской пропагандой "борца-антифашиста", огромная цепь предательств и провокаций в годы второй мировой войны.

По собственному признанию, в июле 1941 года Визенталь вместе с тридцатью девятью представителями интеллигенции Львова был брошен гитлеровцами в тюрьму. По странному "стечению обстоятельств" все заключенные, кроме Визенталья, были расстреляны, а он вскоре оказался на свободе. После удачного "почина" Симон, как установлено польским журналистом Луцким по архивным документам, стал кадровым агентом гитлеровцев. И не заточали его в фашистские застенки, о чем он непрерывно кликушествует, а забрасывали туда для очередной провокации. Визенталь, по его утверждению, прошел через пять гестаповских тюрем и двенадцать лагерей. Нетрудно себе представить, сколько человеческих жертв на черной совести матерого провокатора.

И он, заведомо предававший и продававший нацистам людей ненавистной им еврейской национальности, сейчас возглавляет... "Объединение лиц еврейской национальности, подвергавшихся преследованиям при нацистском режиме". Так пожелали за океаном.

По достоинству оценена деятельность Визенталья в другом руководимом им учреждении — "Еврейском бюро документации". Официально считается, что это бюро разыскивает нацистских военных преступников. Однако общественное мнение и австрийская пресса увидели в визенталевском детище "частную шпионскую полицию", применяющую "противоречащие закону методы". И не случайно у многих честных людей на Западе возникает один и тот же вопрос: "Нуждается ли государство в частной организации Визенталья, присвоившей себе право тайного суда?"

Визенталь позволяет себе объявлять невинными нацистов, заочно осужденных в ГДР за истребление населения на оккупированных территориях. Вряд ли он делает это из одного только желания щегольнуть своей независимостью. Вероятно, его толкают на это мотивы более реальные и более материальные!

Визенталь не раз хвастливо декларировал свою готовность встретиться с любым представителем прессы для беседы о работе упомянутого объединения. В сентябре 1973 года, в Вене, я позвонил в "Еврейское бюро документации" и передал секретарше, что хочу встретиться с ее шефом. Она попросила меня позвонить через два дня: необходимо, мол, уточнить расписание дел шефа на ближайшую неделю. А через два дня я услышал от секретарши:

— Хотя вы представились корреспондентом журнала "Огонек", господину Визенталю известно ваше активное сотрудничество в "Литературной газете". А поскольку на ее страницах публиковались материалы, унижающие достоинство господина Визенталья, он не находит возможным встретиться с вами.

Я совсем не удивлюсь, если узнаю, что этот господин внес и меня в список лиц, подозреваемых в связях с гитлеровцами. Ведь чехословацкий еженедельник "Трибуна" точно определил основы провокационной тактики Визенталья: "пришивать нацистское прошлое" тем, кто не разделяет идеологии сионизма, и тем, кого Симон имеет основания считать своими противниками.

Одно время под давлением растущей неприязни австрийской общественности

Визенталь намеревался перебазировать свое "дело" в Голландию и, видимо, для "рекогносцировки" отправил туда свою дочь и верную помощницу Паулину.

Попытка превратить антифашистский и антивоенный по всей своей сути Дом Анны Франк в националистическое гнездо — не единственная амстердамская операция деятельной Паулины.

Не обошла дочь Визенталя в Амстердаме и еврейский исторический музей в старинном трехсводчатом доме крепостного типа. Всего несколько комнат занимает музей, но их оказалось достаточно, чтобы выпятить такую мысль: евреев всегда и везде окружали антисемитствующие народы, и спасала их только изоляция.

Не говоря уже о разделе "Тора и талмуд", даже тематическая экспозиция "Евреи в Нидерландах" настойчиво подчеркивает историческую обособленность евреев от всей жизни голландского народа. А материалы о голландских евреях, заточенных в нацистском концлагере Вестерборке, подобраны так, что единственным средством борьбы узников со своими тюремщиками выглядит только неукоснительное соблюдение религиозных ритуалов, ибо представители всех остальных национальностей, в том числе и голландцы, якобы совершенно забыли о евреях.

Подобная "историческая" концепция вдвойне кощунственна и потому еще, что музей посещает преимущественно подрастающее поколение. Школьников, например, туда приводят целыми классами для "наглядного изучения истории еврейского народа".

Вот и при мне шумливая стайка школьников заполнила мрачные залы многоголосым гомоном. Ребятишки осмотрели экспонаты в стремительном темпе — после посещения музея им была обещана поездка к морю, на скаутскую спортивную базу. Тем не менее в специальной комнате музея для занятий они пробыли немало времени. Здесь на удобных для детей конторках лежат большие альбомы с обширным объяснительным текстом под иллюстрациями. Каждая страница заключена в целлофановую обертку — и ребятишки могут сколько угодно переворачивать и рассматривать ее.

В те апрельские дни материалы в альбомах были подобраны в помощь школьникам, готовящимся писать сочинение на тему "Победа над нацизмом".

Тщетно искал я хотя бы одну фотографию, хотя бы одну строчку о борьбе советского народа и его войск с фашизмом. О юных героях войны — маленьких фронтовиках, партизанах и бойцах Сопротивления тоже нельзя было найти в альбомах никакого упоминания. Школьникам навязывалась мысль, что юные герои войны — это несчастные дети, даже в заточении не евшие трэфной пищи по примеру своих религиозных родителей.

— Что больше всего понравилось тебе здесь? — спросил мой спутник голенастого мальчика, выделявшегося в тот нетеплый день шортиками.

Мальчик, не задумываясь, указал на экспозицию "Синагоги":

— Видите, мужчины молятся отдельно от женщин. — И, лукаво взглянув на свою одноклассницу, буркнул: — А они тащатся всюду с нами.

Что ж, повторю, воспитания достойные плоды!..

Попадались среди посетителей и взрослые. Судя по английской речи и многочисленной фотоаппаратуре, это были иностранцы. И тут-то оказалось, что почтенные музейные служители, недоуменно разводившие руками в ответ на любой вопрос, заданный на идиш, прекраснейшим образом изъясняются на английском языке.

Самый молодой из них, указав мне на худощавого и скучающего спутника восторженной и многоречивой дамы, почтительно сказал:

— Заплатил за два билета пятьдесят долларов!

Меня, заплатившего за билет положенный гульден, заинтересовало:

— И часто попадают такие щедрые посетители?

— Если бы не они, музей пришлось бы перевести в другое место. Сколько раз уже собирались снести наше здание. Видели, оно создает пробки автомашин на площади? Но газеты задают вопрос: разве можем мы краснеть перед иностранными гостями, которые издалека едут в музей, как в святое место?

Из музея я выходил одновременно со щедрым заокеанским посетителем. В тесном вестибюле он остановился перед киоском сувениров и разноцветных путеводителей. Заметив выгодного покупателя, кассирша выбежала из-за перегородки и, сняв со стопки брошюру на английском языке, любезно протянула ему. "На защиту евреев в Советском Союзе!" — значилось на обложке.

— У нас таких сколько угодно, — небрежно отмахнулся он.

Но восторженная дама, извинительно улыбнувшись, поспешила купить брошюру, причем даже два экземпляра.

Стопка антисоветских брошюр в киоске была довольно объемистой. Что ж, Паулина Визенталь, достойная отца дочь!

НЕ ХОТЯТ БЫТЬ "ДВОЙНЫМИ"

Несколько дней кряду не выходил у меня из головы антверпенский стоматолог, растерянный и встревоженный, особенно его полные страха и недоверия глаза, когда он, испытующе глядя на меня, умолял не упоминать в печати ни его имени, ни адреса.

Незадолго до моего отъезда из Бельгии стоматолог неожиданно разыскал меня. Неужели так и не поверил, подумалось мне. Неужели опасается, что я решусь назвать его в своих очерках?

— Я не сплю уже несколько ночей, — сказал он. — Мне стыдно за свою трусость. Но еще больше меня мучает другое: а вдруг вы уедете от нас с убеждением, что все бельгийские евреи боятся поднять свой голос против сионистских отвратительных проделок? Это было бы ужасно. К счастью, это не так. Таких, как Гориели, среди нас уже немало. Их много, но могло быть гораздо больше. И теми, кто вместе с Гориели, я горжусь. Может быть, скоро смогу гордиться и собой...

— О каком Гориели вы говорите?

— О профессоре Свободного Брюссельского университета.

— Я слышал о профессоре этого университета Марселе Либмане. О его непрерывной борьбе с сионистами мне даже пришлось напомнить вашему земляку — коммерсанту Марселю Брахфельду. Тот не очень-то доволен, что "беспокойного" тезку так и не удалось припугнуть.

— Очень хорошо, что вы знаете о Либмане. Принципиальный человек, открыто высказывает свои антисионистские взгляды. Но вам надо знать и о профессоре Гориели. Сионисты в него стреляли. И еще несколько раз пытались физически расправиться с ним. К счастью, его сумели защитить люди из прогрессивной молодежной еврейской организации.

Да, Либман и Гориели последовательно поддерживают активную деятельность Союза молодых евреев-прогрессистов Бельгии, резко осуждающего агрессивную политику израильских буржуазных националистов. А бельгийские сионисты просто бесятся, видя, как не на словах, а на деле крепнет дружба прогрессивной еврейской молодежи с молодыми арабами, работающими и обучающимися в Бельгии. Об этом мне с помощью скудного набора русских и еврейских слов и обильного арсенала выразительных жестов рассказал молодой сириец Хайрадин, водитель такси в Брюсселе. Дважды мы с ним проскакивали мимо нужного мне здания библиотеки общественного центра высшего еврейского образования — до того захватила сирийского юношу эта тема.

Либман и Гориели далеко не одиноки в Бельгии. Немало наиболее активных их единомышленников можно было увидеть, например, на митинге протеста против "закона" израильских сионистов о пресловутом "двойном" гражданстве. Митинг организовали прогрессивные организации студентов-евреев Свободного Брюссельского университета. Ораторы подчеркивали абсолютную противозаконность этого израильского акта, по которому живущий даже на другом континенте еврей получает официальное гражданство государства Израиль с того момента, как у себя на родине выражает желание туда переехать. В этом можно и должно усмотреть вмешательство во внутренние дела других государств.

Впрочем, позвольте мне некоторые подробности того митинга привести в изложении "Пепль" брюссельской социалистической газеты, большей частью не осуждающей сионистские акции.

"Юрист еврейской национальности (как видите, и "Пепль" не всегда считает нужным разглашать подлинные имена антисионистов) огласил там манифест, под которым стояло более ста подписей евреев — профессоров, аспирантов, социологов, юристов. Они категорически отвергают любые "претензии Израиля выступать в качестве защитника и рупора всех евреев мира". Лица, подписавшие манифест, не хотят оказывать Израилю никакой поддержки — ни политической, ни экономической".

Не желают числиться в "двойных"!

Среди подписавших манифест был и Барбер, ученый-библиотекарь упомянутого общественного центра высшего еврейского образования. Но когда Хайрадин доставил меня в библиотеку, Барбера среди ее работников уже не оказалось.

— Оставил библиотеку, — холодно объяснила мне девушка-библиотекарь и посмотрела на меня так, словно я посмел осведомиться по крайней мере об Адольфе Эйхмане.

— На другой день после митинга Барбера вышвырнули из библиотеки, — рассказали мне в Объединении прогрессивных евреев Бельгии, созданном и значительно расширившемся на базе "Соллидаритэ" первой послевоенной антисионистской организации в Бельгии. — Убрать Барбера из библиотеки приказали руководители филиала "Джойнта", открывающего список тех, кто субсидирует библиотеку. Кстати, Барбер тогда не был членом нашего объединения. Возможно, скоро станет...

Лучшее свидетельство плодотворности работы Объединения прогрессивных евреев Бельгии — это растущая ненависть к нему сионистов. Вначале они пытались соблазнить прогрессистов своими денежными возможностями и "присоединить" их к себе. Маневр не удался. И теперь сионисты в злобе малюют на дверях объединения оскорбительные надписи.

Ну, могут ли в самом деле сионисты примириться с призывом объединения не замыкаться в проблемах Израиля, не высасывать из пальца "еврейский вопрос", а жить тем, чем живет все человечество? К ужасу националистов, еврей-прогрессисты вовсе не считают, что чем жестче Израиль будет попирает палестинское население, тем больше будут уважать евреев во всем мире как "нацию, способную повелевать". Наоборот, объединение и его печатное издание "Флеш" последовательно выступают за создание палестинского государства.

Популярности объединения способствует и его внимание к бельгийским трудящимся-евреям, особенно к их детям, — внимание не с филантропических высот, не унижающее достоинство человека, а поистине дружеское. Из поля зрения объединения не выпадают и семьи людей, погибших на войне и в тяжкие дни гитлеровской оккупации. Вся деятельность объединения пронизана подлинно интернациональным духом. Это приводит в ярость сионистов. И не случайно молодчики из "Гашомер гацаир" пытались насильственно сорвать участие членов объединения в демонстрации солидарности с угнетенным фашистской хунтой народом Чили. Ведь гашомер-гацаировцы пропагандируют версию израильской прессы: кровавые события в Чили — это обычная "смена режима".

Как и подобает молодым, очень эмоционально и пылко выступают против еврейского буржуазного национализма организации прогрессивной еврейской молодежи. Авангардное место среди них занимает Союз молодых евреев-прогрессистов. Неспроста журнал "Регард" — орган так называемого культурного центра свободных от религии сионистов, маскирующегося под социалистическое объединение, систематически "обличает" молодых антисионистов. Недавно на страницах этого издания была высказана такая мысль: израильский комсомол все больше докучает тель-авивскому руководству, а молодежь из Объединения прогрессистов все больше начинает мешать сионистам Бельгии.

Первое время сионисты пытались пряником подкупить молодых прогрессистов. А затем перешли к кнуту: исключили их из молодежной еврейской федерации Бельгии, как

изменников Сиону.

Сионизм липнет к реакции, контакту с любой антикоммунистической организацией. Он отчетливо понимает свою роль в системе мирового империализма и не строит никаких иллюзий насчет танцев, каких ждут от него хозяева, заплатившие за музыку. И сионисты покорно танцуют под хозяйскую дудку.

В противовес этому антисиионисты сближаются с прогрессивной общественностью Бенилюкса, с действительно демократическими организациями. И Объединение прогрессивных евреев вместе со своими молодежными организациями включилось в общепольский "Фронт — за независимость, против фашизма и неонацизма". Многие члены прогрессивных еврейских организаций входят в ряды Польской коммунистической партии — и такие, за чьей спиной огненные годы движения Сопротивления, и молодежь, лишь вступающая в жизнь.

Только ли деятельностью прогрессивных организаций еврейской молодежи ограничивается антисиионизм в Бенилюксе? Конечно, нет.

Я уже упоминал Союз бывших участников польского Сопротивления еврейской национальности. Недаром против него так ополчилась реакционнейшая сионистская организация "Бнай-Брит", запугивающая людей таинственной изощренностью своего организационного построения. Бывшим участникам Сопротивления свойственны давние интернациональные традиции, они идут еще от поры антифашистских боев в Испании. Союз бывших участников Сопротивления всеми силами разоблачает истинный смысл сионистской агитации за переезд евреев в Израиль. В одном из своих выступлений президент Союза Зиффер, человек не только большого мужества, но и редкого обаяния, сказал:

— Зачем Израилю нужны новые переселенцы, если для них не находится ни жилья, ни работы в обжитых городах, если старожилы встречают их недоброжелательно? Они нужны для заселения районов, захваченных у арабов. Если нет мебели, квартира пуста. Вот и идет покупка "живой мебели" для постылых квартир.

"НАДОЕЛИ!"

Мне приходилось слышать в Бельгии и Голландии от многих лиц еврейской национальности:

— Я не могу назвать себя антисиионистом, я не борюсь с сионизмом. Но я не сионист.

— Почему?

Ответы на такой вопрос содержат самые разнообразные мотивы и аргументы:

— Сионисты надоели бесконечными поборами под видом "пожертвований". Недавно они начали выкачивать из нас деньги при помощи разных лотерей. Все это пробивает большую брешь в бюджете людей, не имеющих акций и дивидендов. И с какой стати я, нидерландский гражданин, должен урывать у своих детей и давать деньги на вооружение Израиля?

— По языку, по культурным стремлениям, по ближайшему окружению, моим друзьям и близким, я давно ощущаю себя бельгийцем. Какой из меня еврейский националист? Мне дороже земля, на которой я живу, чем страна, которой я никогда не видел и, наверное, не увижу. Нет недели, чтобы я не получил какой-нибудь сионистской брошюры или листовки. Наскучило не только читать, а даже наскоро просматривать. И незачем: "двойным" гражданином я не стану, я не за тех, кто любит двойную игру.

— Не знаю ни иврита, ни идиш. Мы с женой окончили голландскую школу. Дочка тоже учится с голландскими детьми. А сионисты мутят воду и лезут из кожи вон, чтобы доказать мне, что я израильтянин. Надоело!

— Я мать двух сыновей. Можете представить, как я дорожу миром. А сионисты убеждают моих сыновей: вы обязаны укреплять армию Израиля. Сегодня — укреплять деньгами и митингами, а завтра они могут сказать: вступайте в армию Израиля. Лучше мне умереть, чем дожидаться такого несчастья. Как же после этого я могу симпатизировать

сионистам? Боже мой, как опротивела их пропаганда!

— Хочу спокойно жить. Надоедает сионистская нервозность. Если прислушаться к их призывам, то каждый божий день полон напряжения. А нет повода к напряжению, так они вам его тут же придумают. Ведь твердят они уже, что еврейской молодежи нужны боевые отряды обороны. От кого обороняться? Меир Кахане тоже кричал в Америке об обороне, о защите евреев, а чем кончил? Нападениями на иностранные представительства. Боже меня сохрани якшаться с такими защитниками!

— Двадцать четыре года я женат на голландке. Мои дети обращаются ко мне по-голландски. Чуждаются ли они еврейской культуры? Нет. Дочь очень любит еврейскую музыку, как и русскую и французскую. Жаль, что мало переводят на голландский знаменитых еврейских писателей. Но то, что переведено, например томик Шолома Аша, мои дети с интересом прочитали. Видели спектакль Варшавского еврейского театра. Но попробуйте им сказать, что они должны ощущать себя гражданами Израиля, они посмотрят на вас, как, извините, на сумасшедшего. Нельзя же учиться и работать в одном государстве, а заботиться о другом. По-моему, это нечестно, неблагородно. И напрасно сионисты пристают к каждому еврею со своими требованиями — это уже, честное слово, начинает надоедать.

Читателей могут удивить перепевы глагола "надоедать" во всех приведенных высказываниях. Что поделаешь, из песни слова не выкинешь. Действительно, многим бельгийским и голландским евреям хуже горькой редьки надоели сионисты со своими непрерывными поборам, требованиями, угрозами, игрой на нервах, трагическими заклинаниями, нагнетанием напряженности — словом, со всем, что мешает спокойной жизни.

Некоторые из этих высказываний я слышал в антракте на концерте советского скрипача Игоря Ойстраха в многозальном гаагском Дворце искусств. Не думайте, что в такой малоподходящей обстановке я вздумал интервьюировать слушателей об их отношении к сионизму. Разговоры на эту тему стихийно возникли совершенно по иному поводу.

Очарованные мастерством Игоря Ойстраха, некоторые слушатели с волнением вспоминали концерт его отца, выдающегося скрипача Давида Федоровича Ойстраха, в этом же зале осенью 1974 года. Тот запомнившийся слушателям концерт стал последним в творческой биографии замечательного музыканта. А сионисты, как потом выяснилось, задумали сорвать выступление Давида Ойстраха в знак протеста против его... антисемитского поступка. Их обидело интервью Давида Федоровича американским журналистам с резким осуждением преступного нападения сионистских выучеников на бюро старейшего американского импресарио Сола Юрока, устроителя многих выступлений выдающихся советских исполнителей и музыкальных коллективов в США. Зажигательная бомба, брошенная израильским военнослужащим Джерри Зелером, не только вызвала пожар и разрушения, но и смертельно ранила сотрудницу бюро Ирис Кунс. Но разве, считают сионисты, имел право Давид Ойстрах возмутиться убийством ни в чем не повинной девушки?

Молодчики из амстердамского "Гашомер гацаир", чтобы проучить "антисемита", разработали детальный план срыва концерта в Гааге. Но в последние минуты они с огорчением узнали, что среди слушателей будут видные голландские государственные деятели со своими семьями, с нетерпением ожидавшие несколько раз откладывавшееся выступление знаменитого скрипача. И молодые гашомер-гацаировцы вынуждены были отказаться от задуманной ими провокации.

Грустные воспоминания об этом недостойном замысле и привели к тому, что в фойе гаагского Дворца искусств некоторые слушатели стали объяснять, почему они не сионисты и как им до смерти надоел сионизм...

Не сионисты. Они зачастую становятся антисионистами. Об этом можно судить хотя бы по изданной в Бельгия на французском языке книге "Евреи и государство Израиль", написанной большой группой авторов. Сионисты Бенилюкса с особенной яростью клеймили эту книгу — ведь издание было приурочено к 25-летию государства Израиль. Нетрудно

догадаться, что все участники авторского коллектива — люди разных профессий и возрастов — были причислены к антисемитам.

Я бы погрешил против истины, сказав об упадке в странах Бенилюкса сионистских центров, чья деятельность весьма характерна для сегодняшней Западной Европы. Под нажимом заокеанских режиссеров не утихает там шовинистическая свистопляска еврейского буржуазного национализма. Слишком много сильных мира капитала ощущают жгучую потребность в разгуле сионизма, слишком много у них крупных и мелких пособников, шкурно заинтересованных в пропаганде сионистской идеологии. Отсюда и лихорадочная организационная деятельность, отсюда и мимикрия под социализм, отсюда и появление сионистских группировок всех, как пишет израильская печать, возможных оттенков.

Обо всем этом я и старался рассказать читателю.

Но мне довелось увидеть в странах Бенилюкса и подлинную — далеко, конечно, не всю — борьбу с сионизмом. Борьбу самих евреев. Согласитесь, в буржуазных странах не очень легкое это дело.

Не претендуя на обобщения и далеко идущие выводы, обязан сказать: очень много евреев там сознательно и активно противодействуют сионизму, а еще больше не принимают его теории и отменяют его практику. Они начинают сознавать, что в государстве Израиль, гражданами-совместителями которого их хотят сделать, есть не только опьяненные милитаристским угаром сионисты, но есть и трезвые, честные общественные деятели, есть и убежденные противники захватнической политики, есть забастовочное движение, есть верная интернациональному долгу Коммунистическая партия, есть боевой и видящий ясные цели комсомол.

Острее всех чувствует это встревоженный сионизм. И пыжится, и тщится на новые антикоммунистические деяния, и рождает новые лиги, регионы и фонды, и ожесточенней злобится на всех, кому не по нутру его реакционная сущность, кто от всего сердца готов повторить гневные слова замечательного писателя-демократа Ицхок-Лейбуша Переца:

"Мы не хотим выпускать из рук общечеловеческое знамя и не хотим сеять ни шовинистическую дикую полынь, ни фанатический терновник тунеядской философии. Мы хотим, чтобы еврей чувствовал себя человеком, чтобы он участвовал во всем человеческом, имел человеческие стремления..."

— Если мне удастся написать книгу о сионизме, — признался я в Брюсселе подлинному интернационалисту Зифферу, — то обязательно приведу эти правдивые, бьющие по сионистской идеологии слова Переца.

Совсем не намереваясь острить, Зиффер сказал:

— Сионистская пресса скажет, что эти слова принадлежат завязтому антисемиту.

Сейчас эти слова напомнили мне, что я забыл объяснить читателю, зачем же все-таки меня разыскал запуганный сионистами стоматолог из Антверпена.

— Я посоветовался со своим самым верным, самым закадычным другом, — рассказал он. — Спросил, как он отнесется ко мне, если я опубликую правду о моем отце и люди узнают, что сионисты сделали его, освобожденного гитлеровского узника, дважды перемещенным, испортили ему несколько лет жизни. И друг ответил мне: "Лучше подумай, как отнесутся к тебе бнайбритовцы. Объявят тебя антисемитом, и придется тебе, мой друг, несладко. Подумай о семье..." — Стоматолог помолчал несколько секунд, а затем, взвешивая каждое слово, сказал мне: Оставьте мне ваш адрес в Советском Союзе. Может быть, я еще вам напишу, что перестал бояться сионистов и вы можете назвать мое настоящее имя.

КРУЖКУ ПО КРУГУ — ДЕНЕЖНУЮ

Он сионист из самых правых, это верно, но никогда не был веспасианцем.

Такую удивившую меня фразу я как-то услышал в Копенгагене.

Веспасианцем. Читателей, вероятно, тоже удивил этот термин. Придется прибегнуть к небольшому историческому экскурсу.

Во времена римского императора Веспасиана ввели налог на уборные. Малейшие попытки критики в адрес этого мероприятия были предотвращены выразительно и лаконично: "Деньги не пахнут".

А ныне, много веков спустя, в еврейских кругах Запада веспасианцами со злой насмешкой именуют сионистов, берущих для своих организаций деньги у кого угодно, даже у своих врагов, если те считают это для себя выгодным.

В Чикаго, скажем, веспасианцами прозвали сионистов, принимавших пожертвования от неонацистского общества Джона Берча. Берчисты, как известно, в своей программе декларируют ненависть к неграм, пуэрториканцам и евреям. Но раз сионисты выступают против коммунизма, то берчисты охотно закрывают глаза на их еврейскую национальность. И подбрасывают им доллары. И довольно объемистыми пачками. А веспасианцы не менее охотно берут: деньги-то, оказывается, не пахнут. Есть веспасианцы и среди сионистов Бенилюкса.

Чудовищно! Однако ни сионисты, ни неонацисты так не считают. Дело прежде всего. Ведь с изречением о непахнущих деньгах достойно соседствует иезуитское: "Цель оправдывает средства".

Классический пример непахнущих денег — это 1800 тысяч лир, пожертвованных израильскому обществу "Хадасса" королем правой прессы Акселем Шпрингером, владельцем концерна самых реакционных западногерманских издательств. Израильская "Трибуна" — своего рода газетка в газете — сообщило об этом под кричащим заголовком: "Аксель Шпрингер преподнес "Хадассе" 1,8 миллиона лир". Шпрингер немедленно, не отходя от кассы, получил наглядное доказательство горячей сионистской благодарности. Только лишь он вручил президенту "Хадассы" госпоже Розе Мацкин чек, как директор тельавивского издательства преподнес этому "филантропу" первый экземпляр изданной на иврите его книги "Русская опасность, увиденная из Берлина".

Как говорится, баш на баш! Неудивительно, ведь израильские друзья Акселя Шпрингера видят из Тель-Авива ту же самую "русскую опасность", которую тот узрел из Западного Берлина.

Еще один эпизод подобного жанра. Когда в Греции при режиме черных полковников на стенах афинской синагоги хулиганы еженощно малевали фашистские свастики, местные сионисты и не подумали отказаться от субсидий из фондов неонацистов.

Пожертвования, пожертвования...

Недаром многие сионистские заправилы чуть ли не хвалебные оды слагают в их честь. Если говорить о бюджете международного сионизма, то пожертвования составляют его значительную долю. Правда, вернее было бы назвать иные пожертвования плановыми ассигнованиями, субсидиями, взносами. Но, согласитесь, "пожертвование" звучит гуманистичней, безобидней, трогательней. Очень по нутру сионистам и солидное слово "вспомоществование".

Сразу надо уточнить: значительнейшая часть пожертвований и вспомоществований, особенно заокеанских, идет не в сионистскую кассу, а прямо государству Израиль. Чтобы покончить с этим вопросом, приведем несколько фактов, взятых исключительно из сообщений самой израильской печати.

1972–1973 годы были своего рода рекордными по пожертвованиям американских богачей еврейской национальности в пользу Израиля. Сумма каждого последующего чека превышала сумму предыдущего: богачи побивали рекорды.

После осенней ближневосточной войны 1973 года торжественный обед в Нью-Йорке в честь президента сионистского "Магбита" Пауля Цуккермана завершился сбором пожертвований на укрепление военной мощи Израиля. Подписной лист пестрел головокружительными цифрами — участники обеда лезли из кожи вон, только бы перешеголять один другого. Итог составил 1800 тысяч долларов. Конечно, эти внушительные суммы представляются чуть ли не мизерными в сравнении с теми, какие щедро отвалили американские миллионеры, в первой половине восьмидесятых годов. Тут

уже речь идет о прямых капиталовложениях, окупившихся кровью мирных палестинцев и ливанцев, окупившихся варварским разрушением многих городов и селений Ливана, окупившихся возведением новых военных поселений на захваченных арабских землях. Не надо, естественно, смешивать эти частные "пожертвования" с официальной финансовой помощью американского правительства Израилю, достигшей уже миллиардных сумм.

Пожертвования бельгийских и голландских сионистов тоже в основном предназначаются Израилю. Когда же заходит речь о помощи землякам, самый богатый сионист, подобно скупому рыцарю, кричит и жмется, жмется и кричит.

В очень смешном и популярном рассказе Шолом-Алейхема "За советом", талантливо переведенном на русский язык Михаилом Зощенко, повествуется о еврейском богаче, щедром на крупные жертвования. Но только на сторону. "Что касается нашего города, то своим землякам он почти ничего не дает. Он не дурак, — отзывается о богаче его зять. Он хорошо знает, что в своем городе его и без того уважают. Зачем же ему и тут еще давать и неизвестно перед кем выхваляться? Вот по этой причине он дает своим только фигу с маслом".

Современные сионистские филантропы тоже, видимо, считают, что у себя в городе их и без жертвований уважают. По крайней мере, в Бельгии они своим неимущим землякам тоже дают большей частью "фигу с маслом". Особенно если речь заходит о помощи людям, потерявшим работу. Финансовые тузы сионизма предпочитают благотворительность в международном масштабе. На развитие, скажем, "Общества друзей Гистадрута" они охотно выписывают чеки. И в то же время высмеивают заботы антисионистского Объединения прогрессивных евреев Бельгии о летнем отдыхе детей безработных.

В таком же направлении растет и филантропия еврейских националистов в Голландии. Это они затеяли всеевропейскую акцию "Сто дней в пользу Израиля". Сто дней подряд вытягивали из еврейского населения Голландии хотя бы по центу. Израильским "ястребам" перепала от них порядочная сумма гульденов. Не пожалели денежек голландские сионисты и на издание красочных листовок для всучивания морякам социалистических стран с кораблей, швартующих в Роттердамском порту. Но решительно отказались помочь неимущим еврейским ремесленникам в Амстердаме, вынужденным из-за безденежья оставить насиженные жилища и переехать в "вельботы" — превращенные в дома старые баржи на каналах.

И в Бельгии и в Голландии мне так много рассказывали о непрерывных сионистских поборах "на скаутов", что я припомнил жалобы на такие же "добровольные" жертвования, услышанные несколько лет тому назад в Америке.

На берегу озера Мичиган я увидел предпасхальный парадный марш чикагских дружин еврейских скаутов. Совсем не запомнил, прямо говорю, ритуал и детали парада — настолько тогда поразили меня лозунги на тщательно оформленных транспарантах. Махрово антиарабские, они изобиловали словами "смерть", "расплата", "кровь" и восклицательными знаками по обе стороны слов.

А на следующий день владелец небольшого галстучного магазина неподалеку от Чикагского института востоковедения грустно сказал мне:

— Я сегодня продаю только четвертый галстук. Но если продам даже сорок четыре, все равно не окуплю мои расходы на вчерашний скаутский парад.

— Дороговато, видать, обходятся вам, — заметил я, — ваши сионистские убеждения.

— Убеждения?! — Торговец взглянул на меня так, словно я нанес ему оскорбление. — Чтоб мои дочки были так здоровы, как я далек от сионизма. Хотя меня нарекли, как и самого Герцля, Теодором, я не состоял, не состою и не буду состоять ни в одной сионистской организации. Но если чикагские сионисты вежливо-вежливо говорят вам, что с вас по самой справедливой раскладке полагается столько и столько-то на скаутский парад и по-хорошему советуют не скупиться, то попробуйте не уплатить. Я боялся попробовать. Не понимаете, почему?

Убедившись, что юный приказчик его не слышит торговец выразительно пояснил:

— Если мне придется закрыть этот магазин, мои дочки будут голодать. Я умею только продавать галстуки, другой профессии у меня нет. А если бы и была, то... — оборвав фразу, мой собеседник многозначительно вздохнул: — Чикагские скауты, дорогой мой покупатель, находятся под опекой "Национального еврейского совета скаутов"! Заметив, что это назидание не произвело на меня должного впечатления, галстучник почтительно добавил: — Президент совета, представьте, из Лазаров. Тех самых...

"Тех самых" означало семейство миллиардеров Лазаров, одно из богатейших в США, владеющее также многими фирмами и банками в Англии и Франции и пользующееся неограниченным влиянием среди финансовых тузов международного сионизма. Отпрыск почтенной династии Джеффри Лазар на посту главного попечителя еврейских скаутов сумел туго набить банкнотами кассу "Национального совета". И для него не составляет никакой трудности финансировать периодическое проведение международных слетов с обязательным участием израильских скаутов. Такие слеты сейчас проводятся не только в США, но и в Израиле.

Кстати, тамошняя сионистская пресса призывает своих скаутов поднабраться ума-разума у американских собратьев. В Роттердаме мне показали тельавивскую газету, где черным по белому было напечатано: "Если надо, они (сионистские скауты в США. — Ц.С.) и плакаты ночью расклеят, где только захотят, и напишут нужные слова на стенах посольств, и бросят куда надо слезоточивую бомбу".

Не уверен, готовы ли уже к подобным операциям сионистские скауты Бельгии и Нидерландов. Но, видимо, сионистские заправилы верят, что их юные воспитанники не отстанут от американских стандартов, если пожертвования в скаутский фонд собираются непрерывно, а попечительствует над ним сам Сидней ван ден-Берг — конечно, не Джеффри Лазар, но достаточно влиятельный в Бенилюксе финансовый туз.

Жалуясь на бесчисленные сионистские поборы под видом пожертвований, евреи в Бельгии и Голландии часто упоминали сбор вспомоществований на приданое неимущим израильским невестам и женихам.

Признаться, эта графа вначале меня особенно удивила. Неужели при обилии и изобретательности израильских контор по сватовству нужна еще финансовая поддержка невестам и женихам? Вспомнил газетное объявление одной из многих тель-авивских фирм по устройству браков. Она хвастливо рекламировала большой ассортимент "состоятельных" невест от 18 до 60 и женихов от 20 до 70 лет. Чем не пары для несостоятельных женихов и таких же невест? И это объявление, представьте, соседствовало на газетных страницах с обращением к вдовам солдат, погибших в осенней войне 1973 года.

Могу привести более свежие газетные объявления. Взял наугад два из нескольких десятков:

"Бракопосредническое бюро "ИОФИ" (Тель-Авив, ул. Дизенгоф, 212, тел. 220868) ПРЕДЛАГАЕТ: туристку из Европы, 45, красивую, богатую; туриста 25/180, из Нью-Йорка, в настоящее время в Израиле; туриста, 50, из Норвегии; туриста, 30, из Германии; женщину с высшим образованием, 26, говорящую по-русски; туристку, 25, в настоящее время в Израиле; врача, 28, квартира + автомашина; фармацевтку, 53, владелицу аптеки; врачей, 44, 30, 50; инженеров; религиозную туристку, 28, владелицу крупной фабрики. Имеется специальное ИНВАЛИДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ".

"ДАЛИЯ". Самый серьезный институт бракосочетания в Израиле (Тель-Авив, ул. Авхаризи, 7, уг. Шломо-Гамелех и Арлозоров, т. 235906). У нас исключительные НЕВЕСТЫ — с учеными званиями, интеллектуальные, получают ренту, богатые и красивые, обладают квартирами и наличными деньгами. Возраст — от 18 до 65 лет. Говорим на идиш, немецком, румынском, венгерском, английском и французском яз."

Я дословно переписал два объявления совсем не для того, чтобы посмешить читателей. Впрочем, когда торгашески предлагают невест и женихов из специального инвалидного отделения (и, вероятно, специально для инвалидов), тут уж совсем не до смеха. Эти объявления представляют интерес по более веской причине: часть "пожертвований",

выкачанных у трудового люда западноевропейскими сионистами в пользу несостоятельных невест и женихов, тратится, оказывается, на субсидии солидным фирмам по сватовству.

И, как я понял из бесед с бельгийскими и голландскими евреями, для них весьма слабое утешение, что их кровные денежки получает даже "самый серьезный институт бракосочетания в Израиле"!

Есть еврейское народное речение о благотворительных сборах едкое, но не вполне переводимое, приблизительно такое: "Стучать в кружки". Разумеется, денежные.

Сионисты неистово стучат в кружки. Пускают их по кругу. Из дома в дом, из города в город, из страны в страну. Да, круг довольно большой, иногда он пересекает океан. Ведь бельгийские и голландские сионисты, жертвующие значительные суммы Израилю, сами получают на важные мероприятия пожертвования от американских сионистов. Скажем, на курсы по изучению иврита, на перемещение беженцев из Израиля, на проведение конгрессов сионистских федераций.

Сионисты стучат в денежные кружки. Да вот "добровольные жертвователи" что-то все меньше и меньше опускают туда денежек. Особенно ощущается это среди трудового люда.

Сионисты угрожают, страшают, скандалят. Но "антисемиты" стоят на своем и денег дают все меньше и меньше. Еще несколько лет тому назад они покорно внимали перекочевавшему из Израиля словечку "совланут", что означает "терпение". И платили.

А ныне потеряли всякое терпение и не желают дырывать свой — и без того израненный инфляцией — бюджет в угоду сионистским затеям.

Стучат сионисты в денежные кружки, стучат, не жалея своих рук и чужих барабанных перепонок.

"КОНТРИБУЦНИКИ" И...

Этот диалог мне довелось услышать на окраине Роттердама, в чуланообразном магазинчике бижутерии и сувениров. Говорили супруги на идиш, явно не догадываясь, что я, единственный покупатель, понимал, о чем шел разговор.

Жена многозначительно сообщила вернувшемуся с товаром мужу:

— Опять приезжали они.

— Контрибуцники? — встрепенулся муж.

— Эта парочка совсем не виновата. Им велели пойти за пожертвованиями. Не они — явились бы другие.

— Не будь овечкой! Сионисты знают, кого посылать за налогами, еще раздраженной возразил муж.

— Они обещали прийти вечером.

— И ты не сказала, что лучше бы им пойти в землю?

Впрочем, "в землю" — чересчур дословный перевод с идиш. Вернее было бы — "в преисподнюю" или даже в "тартарары".

Тут уж взорвалась жена:

Смотрите, какой храбрый! Ты это не мне, ты это головорезам из "Бнай-Брита" скажи!

На сей раз супруг, должно быть, заподозрил меня в знании идиш и перешел на польский язык.

Оторвавшись от груды медных тарелочек и пепельниц с традиционным изображением голландской ветряной мельницы, я сказал:

— Извините, я и по-польски понимаю.

Торговец вначале обмяк. Но, узнав, что я иностранец, успокоил жену:

— А какой тут секрет? И "Бнай-Бриту" и "Егуд габоним" я даю не чужие деньги. Чтоб они так забыли дорогу к нам, как я от себя отрываю. Ты, конечно, постеснялась напомнить им, что только на прошлой неделе у нас выманили изрядную толику на курсы иврита! А до того вытянули на священные книги для бойскаутов. А до скаутов с меня же выцарапали последний взнос на женщин.

— На каких это женщин? — В голосе супруги зазвенели нотки ревности.

— Не шуми! Быстро ты забыла "Неделю в пользу женщин Сионас".

— Но сейчас они требуют не на женщин и не на курсы. А на газеты.

— Можешь мне поверить, я как-нибудь переживу, если в Голландии будет чуть меньше сионистской прессы.

— Они собирают на израильские газеты.

— Слушай, ты не тронулась? Значит, к тебе приходили просто жулики!

Торговец обратился ко мне:

— А вы как думаете?

Я вначале тоже думал, что госпожа Штейснер не поняла функционеров из амстердамского "Бнан-Брита". И очередное пожертвование, именуемое роттердамским торговцем то контрибуцией, то налогом, то штрафом, предназначено для иной цели.

Но и другие голландские евреи, к которым в эти дни наведывались бнайбритовцы, подтвердили, что очередная "благотворительная" акция сионистов предназначена в помощь израильской прессе.

Обычно сионистские функционеры не любят сообщать представителям прессы, тем более советской, на что идут деньги, выкачанные ими у еврейского населения тех стран, где они работают. И все же я обратился к приткому Шмуэлю Ленцу, дежурившему у амстердамского еврейского музея на Новой рыночной площади — там, где он обязан ежедневно подлавливать туристов и заманивать их на вечерние сборища сионистских молодчиков. ("Немножечко разговоров на политические темы и много веселых развлечений".)

В то утро, увидел я, группа молодых туристов не только не клюнула на приглашения сионистского коммивояжера, но дружно вышвырнула из автобуса брошюрки, старательно разложенные на сиденьях. Оставшись с носом, раздосадованный Ленц потерял привычную выдержку и чрезвычайно раздраженно ответил мне:

— Да, мы собираем деньги для израильской прессы! — И, чтобы окончательно сразить меня, язвительно добавил: — И не дадим больше умирать тельавивским газетам на русском языке!

Одно время существовали в Израиле две газеты на русском языке "Наша страна" и "Трибуна". Одинаково шовинистические, одинаково крикливые, одинаково безграмотные. И тем не менее они систематически подкалывали, подлавливали, подзуживали одна другую.

С какой целью? С единственной — выйти хоть на грудь вперед в спринтерском состязании на самое сногшибательное антисоветское измышление!

И ежели "Трибуна" публиковала очередную "московскую сенсацию", состряпанную на кухне сионистского блока МАПАИ, то "Наша страна" незамедлительно выпаливала удесятеренную клевету на ту же тему, но уже со ссылкой на пропагандистский арсенал сионистского же блока. Впрочем, газеты иногда мирно менялись источниками брехни — хозяин-то у них один.

Будем справедливы, больше рвения проявляла все же "Наша страна". Чтобы обойти "Трибуну", она зачастую публиковала "сообщение из Москвы" в двух вариантах с концовками совершенно противоположного смысла. И посрамленной "Трибуне" приходилось на следующий день придумывать свою — третью!

А сионистским законам подобная "полемика" приходилась по вкусу: ведь она создавала у новоприбывших видимость борьбы между "разными партиями".

Не гляди на кличку, а гляди на птичку, говорит пословица. Новоиспеченные израильтяне быстро сообразили, что все птички из семейства утиных обе газеты выпускают из одного сионистского гнезда. И перестали принимать всерьез полемику тель-авивских печатных органов, которая велась в традициях "Ермолки" и "Котелка" из шолом-алейхемской Касриловки. Помните? "Когда возникает настоятельная необходимость в том, чтобы выругать, ошельмовать друг друга, когда иначе уже никак нельзя, — рассказывал писатель, — "Ермолка" называет своего соседа "Обшарпанным котелком", а

"Котелок" обзывает свою соседку "Гнилой ягодкой".

Чтобы спасти от кончины оба детища, сионистские хозяева сочли за благо слить воедино "Обшарпанный котелок" с "Гнилой ягодкой", то бишь "Нашу страну" с "Трибуной".

И дела совмещенной "Нашей страны" из рук вон плохи. Не спасают даже захватывающие объявления:

"К сведению научной общественности в Израиле и за границей. Я, Авраам Гитерман, проживающий в городе Кфар-Саба, разрабатываю сейчас научную тему: "Силы природы и причины, приведшие к мировому потопу". Многое уже разработано".

Да, не сумел Авраам Гитерман вкупе со стариком Ноем вытянуть сионистскую газетенку на стезю благополучия. И "Наша страна" в свое время прибегала к испытанной приманке — страшным детективным романам с продолжениями. Каждая серия "захватывающе" обрывается на самом "душераздирающем" моменте.

"Сатана в юбке" — так называется один из детективов. Сюжет умопомрачительный — ценой зверского убийства неизвестная овладевает секретом "ракетной электронной пташки, за которую русские дали бы уйму денег". А имя автора романа редакция покрыла мраком тайны. То ли оттого, что он хронически воюет с элементарными правилами синтаксиса, то ли для пущего подогрева интереса к тель-авивскому подобию вестерна.

Однако упрямый читатель все равно почему-то не помчался со скоростью электронной пташки к газетным киоскам. И, вконец отчаявшись, газета принялась публиковать сенсационные мемуары некоего Леонарда Гендлина о его встречах с мастерами советской культуры, густо заквашенные на клеветнических дрожжах.

По утверждению мемуариста, его "дарили своей дружбой Всеволод Мейерхольд, Соломон Михоэлс, Александр Таиров, Константин Паустовский, Михаил Зощенко, Эммануил Казакевич, Вероника Тушнова, Корней Чуковский и мн. другие".

К этим "мн. другим" причисляется, скажем, Александр Фадеев, именно Гендлин, представьте, поверявший свои самые сокровенные думы о советских писателях.

Сам председатель всеильного "Сохнута" Пинхас Сапир в назидание менее сноровистым литераторам подбросил Гендлину особую стипендию "для обеспечения литературной работы над особо важными (читай: антисоветскими. — Ц.С.) темами".

И вдруг — прокол! Вместе с мемуаристом шумно шлепнулись в лужу и его меценаты. Что же произошло?

Потерявший от бурных успехов голову Гендлин в очередном "воспоминании" проболтался: "Я окончил школу в 1941 году". А ведь ранее он разглагольствовал о своих... довоенных встречах — обязательно тет-а-тет-с теми, кто его "дарил своей дружбой".

Читатели оказались более внимательными, нежели редакторы. Произвели нехитрые арифметические операции — и тут-то раскрылись подлинные сенсации!

Михаил Михайлович Зощенко, оказывается, мчался из Ленинграда в Москву, чтобы посоветоваться по поводу своих литературных замыслов с четырнадцатилетним молокососом.

В пятнадцатилетнем возрасте шустрый Леонард милостиво принимал приглашения Александра Яковлевича Таирова на генеральные репетиции, ибо замечательный режиссер никак не решался выпустить спектакль без гендлиновских советов.

С трудом дождавшись семнадцатилетия Гендлина, Константин Георгиевич Паустовский поспешил побеседовать с ним о делах кинематографических...

Посрамленный мемуарист на некоторое время притих и ограничился саморекламиранием себя только как завязатого библиофила и строгого литературного критика. Но нужда сионистских газет в клевете на советскую литературу и искусство столь ненасытна, что шустрый Леонард вновь им потребовался. Его призвали из "резерва" в подразделение действующих лжецов.

Появилось пространное интервью с Гендлиным, в котором он объявил себя советским кинодраматургом и сделал сенсационное для советского киноискусства "открытие". По версии Гендлина, авторы сценария знаменитого фильма Михаила Ромма М. Туровская и Ю.

Ханютин незаконно присвоили кинодраматургическое произведение... Леонарда Гендлина. И замечательный советский кинорежиссер Михаил Ильич Ромм, оказывается, работал над фильмом не с приглашенными им для совместной работы Туровской и Ханютиным, а с ним, универсальным мастером всех литературных жанров Гендлиным.

На фоне этой чудовищной выдумки, оскорбляющей память выдающегося деятеля советской кинематографии, лживые рассказы Гендлина о подаренных ему виднейшими советскими писателями (сразу трех поколений!) книгах с "размашистыми" дружескими надписями выглядят невинным детским лепетом.

Гендлин по-прежнему неистощим в своих клеветнических выдумках, и это весьма на руку сионистской прессе. Она гордится тем, что гендлиновские перлы порой перепечатывают "соответствующие" газеты западных стран.

"...АБРИКОСИКИ"

А дела "Нашей страны" час от часу — хуже. Пришлось ей из ежедневной превратиться в еженедельную.

Перестала увлекать читателей и щедрая уголовная хроника. В самом деле, чем удивишь их? Неспроста усопшая "Трибуна" в одном из предсмертных номеров с оттенком гордости отмечала: "Нашему государству свойственны преступления и преступники, каких сегодня много во всех странах западного мира".

Ну к чему такая скромность! Ведь в Израиле появились в изобилии аферисты совсем нового жанра, так сказать, местного профиля, каких сегодня совсем нет даже в самой наизападной стране.

О них я услышал от бежавшего из Хайфы обратно в Утрехт молодого дантиста. Как и всех прочих беженцев из "земли обетованной", голландские сионисты внушительно предупредили "изменника", чтобы он не очень распространялся о прелестях страны, где вот уже более четверти века осуществляются идеалы сионизма. Стоит ли удивляться, что утрехтец просил не называть его имени.

Израильские аферисты новой формации специализировались, по его словам, на несложном, но сравнительно доходном обьегоривании новопривывших. Жулики нежно прозвали их "абрикосиками" и безнаказанно снимают с них доходную кожуру.

Приходит свеженький "абрикосик" в учреждение. Ему отвечают на иврите. Он не понимает ни единого слова. А ему еще приходится то и дело подписывать вслепую всяческие прошения, расписки, обязательства. Что делать? И тут на сцену вылезает благодетель. Любезный, вкрадчивый, соблезнующий. Горячо возмущается бюрократическим шквалом, обрушивавшимся на новопривывшего.

Растроганный иммигрант раскрывает добровольному заступнику вместе с объятиями и кошелек. С радостью подписывает доверенность новому другу и умоляет его заодно прихватить и обременительные документы, вроде багажных квитанций. Через несколько дней или недель — в зависимости от квалификации жулика — он исчезает. А с ним, как минимум, и вещи новопривывшего.

Есть и другие, более тонкие методы снятия кожуры с "абрикосика". И частенько, когда иммигрант решает стать эмигрантом и уже погашает все долги государству, его неожиданно задерживает как должника вчерашний заступник.

Рать благодетельных аферистов за последнее время основательно, правда, поредела, многие пополнили ряды безработных. Совесть, думаете, заговорила? О нет, причина более деловая: снизился приток клиентуры, приезжающей на жительство в Израиль. Резко снизился урожай "абрикосиков".

Такие дурные вести приводят в бешенство голландских сионистов. Ведь они обязаны непрестанно трубить о мифических тысячах людей, жаждущих поскорее ступить на землю, не столь обетованную, сколь милитаризованную, превращенную в казарму.

И если выпадает редкая возможность выпроводить кого-нибудь в Израиль, голландские

сионисты бьют в литавры, проводят шумные пресс-конференции и обязательно устраивают торжественные проводы.

А на деле возвращающихся несравненно больше, нежели выезжающих. По этой линии у сионизма сегодня, как выражаются бухгалтеры, пассивный баланс. Но об этом не говорят на шумных пресс-конференциях.

И все же голландские евреи знают, что семье утрехтского дантиста пришлось за бесценок распродать привезенное из Голландии имущество только бы расплатиться с бесчисленными долгами и получить столь трудно достижимую выездную визу.

— Откуда у вас столько долгов за каких-нибудь пять месяцев?

Жена дантиста, не утратившая в отличие от других беженцев чувство юмора, разъясняет:

— Счета мы оплачивали по-шолом-алейхемски. Не забыли? "Шнапс вы пили свой — два рубля; чаю-сахару не брали — один рубль..." И так до бесконечности...

Стоп, стоп!

Как же это я позволил себе еще и еще раз процитировать Шолом-Алейхема, враждебного еврейству писателя, питающего своими сочинениями антисемитов.

Диву даетесь, читатель?

У меня тоже глаза на лоб полезли, когда я впервые услышал в Австрии от сионистов такую оценку творчества выдающегося писателя-демократа. Правда, когда то же самое повторяли сионисты в ФРГ, я меньше удивился. А в Бельгии уже совсем не удивлялся — к тому времени своими глазами я прочитал пространные рассуждения сионистских идеологов, почему крамольного Шолом-Алейхема следует издавать строго "избранно".

Прочитал на страницах той самой газеты, чье существование зависит от контрибуции... виноват, пожертвований, столь суетливо взыскиваемых с местного еврейского населения бойкими голландскими сионистами.

Впрочем, когда я уезжал из Голландии, сионисты проводили уже новое обложение. Выбор шел на нужды израильского воздушного флота. Не нужно обладать большой фантазией, чтобы представить себе, какого накала пикировка возникла по этому поводу между супружеской четой в Роттердаме.

И мне вспомнились слова, услышанные на прощание от сумрачного владельца магазинчика бижутерии и сувениров:

— Недавно голландские сионисты провели у нас благотворительную акцию "Сто дней для Израиля". Пожелайте мне дожить до акции "Сто дней без Израиля"!

ОБЫКНОВЕННЫЙ СИОНИЗМ

— А почему вас потянуло именно к нам, в Брюссель?

Так спросил меня назвавшийся дежурным редактором сотрудник газетки "Ля трибюн сионист", когда я позвонил в редакцию и сказал, что хотел бы познакомиться с работой газеты.

— В Вене мне сказали, — ответил я, — что именно в Бельгии и Голландии можно увидеть настоящих сионистов, своего рода образцовых.

— Неправду вам сказали! Мы самые обыкновенные сионисты. И поэтому нам незачем встречаться с корреспондентом из Москвы.

"Самые обыкновенные сионисты". Откуда такая ложная скромность? Не от стремления ли скрыть от посторонних глаз свою особую роль в системе международного сионизма.

В Голландии от госпожи Баркай я услышал то же самое, что от брюссельского редактора:

— Голландские сионисты такие, как все. Можете мне поверить, я знаю сионистов и английских, и французских, и, наконец, израильских. Все борются за одно и то же. И с одними и теми же... Вот вам, драматургу, будет интересен такой случай. Есть в Израиле Камерный театр. И вдруг — новая афиша: пьеса Ханака Левина "Королева ванн". Неплохое

название, правда? Можно подумать, пьеса о куртизанке или великосветской авантюристке. А Левин, оказалось, схитрил. Пьеса осуждает войну. Вы бы думали, какую? Нашу с арабами, кровными врагами евреев. Разве же можно было не добиваться снятия такого враждебного нам спектакля! Сняли. А с Ханаким Левиным, и с режиссером Давидом Левиным, и с главными исполнителями пришлось, конечно, серьезно поговорить. И дать им понять, что они примкнули к нашим врагам. Кое-кто даже перестарался — пожелал им письма с угрозой смерти. А в Хайфе выпустили про них чересчур резкую листовку. Но это уже детали. Я вас спрашиваю, разве сионисты Голландии или, допустим, Англии не так бы реагировали на пьесу в пользу наших врагов?! Словом, мы всюду одинаковы. К счастью, и голландский сионизм никакой бастион, ерунду вам наговорил чересчур нервный молодой человек из венского тира. Самый обыкновенный сионизм. Подумайте как следует, и вы согласитесь со мной...

Да, вспомнив все увиденное, я впервые соглашусь с Дорой Моисеевной. Вышибала венского тира "Иохан Шпрингер" действительно пересолил, расписывая исключительность бельгийских и голландских сионистов. Вероятно, хотел демагогически поразить меня упоминанием об идеальной, с его точки зрения, модели стопроцентного сионизма. Возможно, предполагал, что я ему поверю на слово и что мне никогда так и не доведется повстречаться с его бельгийскими и голландскими единомышленниками, увидеть методы и плоды их работы. А они и впрямь обыкновенные, они — как все. И ничем, кстати, не отличаются от своих венских собратьев. Как я уже рассказывал, те порой расправлялись с "антисемитами" еврейской национальности гораздо круче, нежели маккабисты в Брюсселе или бнайбритовцы в Амстердаме.

Разве английские, скажем, сионисты не убеждены, подобно своим единомышленникам в странах Бенилюкса, что еврейская беднота должна бросать родные места и мчаться на муки мученические в Израиль, а те, кто связан со своей страной солидным "делом", может ограничиться только отправкой в Израиль людей, не отягощенных крупной частной собственностью? Я уже приводил такие высказывания английского богача еврейской национальности, А сейчас воспользуюсь точной и обобщающей формулировкой Андре Жиссельбрехта на страницах французского журнала "Нуфель критик": "Теперь сионисты — это не те, кто "решает жить в Израиле" (определение Бен-Гуриона), а те, кто из Тель-Авива, Вашингтона или любого другого места капиталистического мира побуждает к этому евреев других стран, особенно социалистических". Побуждают, конечно, способами, выходящими далеко за предел допустимых.

Итак, обыкновенные сионисты, обыкновенный сионизм. Тот самый, что в наши дни, по определению Компартии Израйля, "является реакционной и националистической идеологией и политикой проимпериалистической еврейской буржуазии, центр которой находится в Израиле и США".

Ни на гран, однако, ни на микрочастицу нельзя отождествлять евреев всего мира с сионистами, как нельзя отождествлять государство Израиль с сионизмом. Наоборот, сионизм превратился во врага государства Израиль, он наносит огромный ущерб его жителям и евреям во всех других странах. Еще и еще раз убедила меня в этом поездка в Бельгию и Голландию.

Я увидел, как рьяно обыкновенный сионизм этих стран поддерживает теорию "неизбежного антисемитизма", помогающую внушать евреям, что они не относятся к обществу, где проживают, а считаются чужими в своей стране. Как антипрогрессивен, антисоциалистичен характер современного сионизма, с каким шовинистическим подходом оценивает он все, что происходит сегодня в мире. Как враждебно реагирует на каждый новый признак разрядки напряженности. Как верно служит империализму и видит свою надежную опору в крупном капитале. Как оголтело выступает против международного рабочего движения, против национально-освободительной борьбы и против мировой социалистической системы, особенно против нашей страны.

Стоит бегло полистать сионистские газеты, и сразу видишь их яростную нацеленность

против одного из самых святых для советского народа завоеваний социалистического строя — дружбы народов. У кого что болит, тот про то и говорит! Одно из самых больных мест сионизма — это тщетные попытки создать видимость дружбы не то что между израильтянами и другими народами, но хотя бы между разными категориями израильтян: ватиким и олимхадашим, ашкенази и сефардами и т. п. Вот и стремятся сионисты оклеветать крепкую дружбу советских народов!

Мне, приехавшему в страны Бенилюкса с "дубликатом бесценного груза" — паспортом гражданина СССР, бросился в глаза оголтелый антисоветизм сионистов, о чем недаром начинает говорить во весь голос прогрессивная еврейская общественность западных стран. Нельзя, возможно, назвать антисоветчиками многих рядовых сионистов, не всегда и не во всем согласных со своими идеологическими руководителями и партийными лидерами. Но программа, направление и практика сегодняшнего международного сионизма насквозь пропитаны враждой к нашему советскому строю, к нашему обществу, к нашим идеалам и чаяниям.

И на этой стезе обыкновенные сионисты западноевропейских стран с особенным тщанием, с исключительным прилежанием следуют по стопам израильских сионистов.

Чтобы подтвердить это убедительным примером, вспомним тяжелейшую пору второй мировой войны, когда гитлеровские войска наступали на двух фронтах. Тогда еврейскому населению Палестины приходилось дрожать за свою судьбу и жизнь не менее, чем евреям европейских стран. Ведь фашистские захватчики быстро продвигались в Северной Африке и, проникнув на землю Египта, находились совсем недалеко от пределов Палестины.

— В нашем подпольном отряде было несколько евреев, чьи родственники перед нацистской оккупацией переехали в Палестину, точнее, в Яффу, — рассказала мне участница бельгийского Соппротивления Люсьена Бюрс. — Можете себе представить их переживания, когда наш старенький "филипп" поймал хвастливую радиотрескотню гитлеровцев о победном продвижении их войск по Египту. Геббельсовская пропаганда уже обещала полную расправу с "презренным царством иудеев". Мы раздобыли старую школьную карту Африки и по ней с тревогой следили за продвижением нацистов к Палестине. И вдруг слышим передачу подпольной французской радиостанции: немцы приостанавливают продвижение по Египту и перебрасывают свои части на Восточный фронт!..

Почему же фашистские войска не дошли до Палестины?

"..Не потому, — точно и недвусмысленно отвечают на этот вопрос коммунисты Израиля, — что они посчитались со святой землей или с сионистским талисманом руководителей еврейского населения Палестины. Это случилось потому, что Советская Армия своевременно, буквально накануне вторжения нацистов в Палестину, сумела сломить хребет гитлеровцам у Сталинграда, заставив их срочно перебросить подкрепления из Северной Африки на советский фронт".

— А вскоре, — завершила свой рассказ Люсьена Бюрс, — мы впервые услышали слова: Сталинград, сталинградский "котел", разгром немцев на русской реке Волге... Мы бросились друг другу в объятия, мы прославляли неизвестных нам героев далекого Сталинграда. Это они помешали нацистам истребить наших родных в Палестине!..

Итак, героизм советских войск, разгромивших фашистские полчища в великой битве на Волге, спас еврейское население Палестины, спас будущих граждан Израиля от фашистской оккупации и расправы. Такова историческая истина. И никому на свете никакими домыслами не дано опровергнуть ее!

А сионисты всех стран, по примеру израильских, опровергают. Вот уже десятки лет опровергают. Придумывают различные версии, зачастую противоречащие одна другой.

Помню, как побагровел мексиканский фабрикант Ласки, когда я с ним заговорил на эту тему. Потом залепетал что-то невнятное о безошибочном сионистском предвидении и воле божьей. Но о Сталинградской битве и слышать не хотел. Ведь признать истинные пути спасения еврейского населения Палестины значило бы согласиться с марксистско-ленинским положением о том, что избавить евреев от преследований, дискриминации и уничтожения

может только победа социализма и коммунизма. А разве пристало это даже самому обыкновенному сионисту!

Конечно, сионисты Бельгии и Голландии тоже исповедуют взгляды своих израильских собратьев на этот вопрос. Но впоследствии они пошли еще дальше.

Произошло это накануне празднования тридцатилетия разгрома немецко-фашистских войск. В те дни печать Бельгии и Голландии особенно часто вспоминала, как в боевых отрядах Сопротивления плечом к плечу с фламандцами, валлонами, голландцами, французами, евреями сражались и советские бойцы. И только сионистские газеты неизменно вычеркивали имена советских людей из перечня борцов с фашистскими оккупантами. И вдруг — какой конфуз! — на собрании еврейской общины в Брюгге один из выступавших счел своим долгом почтить память советских бойцов — волжанина Доценко, ленинградца Степанова и других легендарных храбрецов, отдавших жизнь за освобождение Бельгии.

Весть об "изменническом поступке" докатилась до руководителей сионистской федерации, и она признала положение в еврейской общине Брюгге неблагоприятным. Нельзя упоминать о советских людях — героях бельгийского Сопротивления — и баста! Слово не покоятся в двухстах сорока трех местах бельгийской земли тела тысяч советских воинов и мирных граждан, павших в боях за освобождение родины Тиля Уленшпигеля от фашистских оккупантов.

А в Голландии молодые сионисты на собраниях, как и их газеты, в дни тридцатилетия Победы совсем не упоминали советские войска, когда говорили о силах, одолевших фашизм. Запрещено было также вспоминать, какой толчок развитию движения Сопротивления давала каждая весть о новой победе советских войск над гитлеровцами. Но ведь об этом ярко сказано хотя бы в известном документальном романе Теин де Фриса "Рыжеволосая девушка", где повествование ведется от лица подпольщицы Ханны, прототипом которой послужила героиня голландского антифашистского Сопротивления Иоханна Схафт, расстрелянная немецкими оккупантами за несколько недель до окончательного поражения фашистской Германии:

"Мы читали и перечитывали сообщения во всех подпольных газетах, какие только могли раздобыть. Сталинград! То, что прежде существовало лишь как географическое название, стало покоряющей действительностью. В последнее время я часто лежала ночью без сна... Слово "Сталинград" возникало передо мной на фоне темных окон, я писала это название огненными буквами, возникшими из пылающего в душе огня. Под Сталинградом нашли себе могилу фашистские дивизии, там похоронено фашистское высокомерие..."

А много-много лет спустя вычеркивают огненное слово "Сталинград" из сознания студентов университета, где училась Иоханна Схафт и погибшие вместе с ней подруги. Вычеркивают — так предписал сионистский союз еврейских студентов.

Что ж, в памятные дни тридцатилетия разгрома фашизма бельгийские и голландские сионисты сумели блестяще доказать, что и вне Израиля обыкновенный сионизм остается яро антисоветским. И все больше горестей и бед, зачастую непоправимых, приносит евреям.

Вот почему и к международному сионизму полностью относятся гневные слова первого секретаря ЦК Коммунистической партии Израиля Меира Вильнера, когда, разоблачая реакционную сущность антисоветских подстрекательств израильских сионистов, он открыто спрашивал клеветников:

"...По какому праву вы, кто все больше и больше превращается в послушных рабов американского империализма, вы, кто сохраняет тесные отношения дружбы с нацистами Кизингером, Глобке и другими, вы, кто даже сейчас сохраняет тесные связи с такими типами, как военный нацистский преступник Абс, — по какому праву вы клеветнически обвиняете евреев Советского Союза и советский режим, который спас миллионы евреев во всем мире, включая еврейское население Палестины, от опасности захвата и истребления нацистами? Советские евреи справедливо отвергают грубое подстрекательство, направленное против их Советской Родины, которая спасла их от белогвардейских погромов после Октябрьской революции и от полного истребления нацистами во время второй

мировой войны, против Родины, которая предоставила им, как и всем советским гражданам, жизнь в условиях свободы и равенства и которая стала первым государством в мире, поставившим антисемитизм вне закона.

Подавляющее большинство еврейского рабочего класса никогда не были сионистами. Они принимали и принимают участие в революционных и прогрессивных движениях и считают социалистическое освобождение всего мира залогом освобождения евреев от антисемитизма и от опасности истребления.

И если то, чего вы добиваетесь, заключается в "освобождении" евреев Советского Союза от социализма, то вы бессильны что-либо сделать, не смогут этого сделать и те за океаном, на кого вы надеетесь".

Это строки из речи, которую товарищ Вильнер должен был произнести в израильском парламенте — кнессете. Однако сионисты заставили кнессет принять антисоветское, полное лживых вымыслов заявление без всяких дебатов. Коммунистический депутат Меир Вильнер слова не получил. Но Коммунистическая партия опубликовала его непроизнесенную речь под точным и недвусмысленным заголовком "Антисоветское подстрекательство правительства — несчастье для нашего народа".

Большое несчастье для народа Израиля. И для евреев в других странах!

ДИАЛОГИ, ДИАЛОГИ...

- Что слышно?
- А что может быть слышно?
- Как дела?
- Какие могут быть дела?
- Я хочу сказать, что мы тут делаем?
- Что же тут делать?
- Вероятно, ищем чего-нибудь тут?
- Чего же искать тут?
- Занятие или службу?
- Какую службу?
- По рекомендации, по протекции. Мало ли как!
- К кому протекция?
- К кому? Хотя бы к раввину.
- Почему именно к раввину?
- Ну, тогда к раввинше.
- Почему же все-таки к раввину?
- Откуда я знаю?

С этим загадочным диалогом я ознакомил нашего журналиста, работавшего несколько лет в Италии. Однако возникший между нами диалог оказался поначалу не менее загадочным.

Журналист понимающе улыбнулся:

— Все точно. Только зачем упоминать раввина? Оба прекрасно знают, что в раввинат обращаться там бесполезно: прогонят.

— Где там?

— Там, где вы без прикрас записали этот диалог, в котором оба собеседника на вопрос отвечают вопросом.

— Я не записал. Я переписал.

— У кого? Кому удалось так метко воспроизвести диалог между двумя "йордим" — беглецами из Израиля?

— Вы уверены, что собеседники бежали из Израиля?

— Так же точно, как в том, что диалог происходил в Остии под Римом.

— Вы уверены, что речь идет об Остии?

— Так же, как и вы.

— Я не уверен, ибо выписал эти строки из шолом-алеихемского жизнеописания "С ярмарки".

— Вы меня не разыгрываете?

— Должен, правда, признаться: я вычеркнул упоминание о дореволюционном Киеве.

— Что ж, я лишний раз убедился, насколько современен талант Шолом-Алейхема. Ведь именно так, как он написал, принято беседовать в среде скопившихся в Остии "йордим". Они, вернее, не беседуют, а прощупывают один другого, выпытывают, выуживают друг из дружки. И опасаются: как бы не проговориться, не открыть конкуренту свои карты. А картишки-то убогие! Один скрывает, что заполнил анкеты на выезд в Мексику, хотя в мексиканском консульстве его приняли совсем не радушно. Другой старается выведать, не пронюхали ли уже конкуренты, что в канадском консульстве безапелляционно "забраковали" его жену по состоянию здоровья. Так уж заведено среди "йордим". Если бывший кишиневец топчется в агентстве американского "Хиаса" или "Джойнта", где ему вроде бы обещали посодействовать с переездом в Соединенные Штаты, то своему бывшему земляку он сочинит байку, как кто-то из римских богатых евреев почти обещал ему в своем магазине работу, правда, по пониженной ставке. Каждый старается побольше выведать, чем поведать...

Да, это так. Я несколько раз бывал на печально знаменитой вечерней "бирже" несостоявшихся израильтян — у бездействующего фонтана близ почты в бедняцком квартале Остии. Видел, как, получив письмо до востребования, взерошенный человек, сравнительно недавно работавший в одном из харьковских научно-исследовательских институтов, а ныне торгующий на барахолке Порто-Поргезе янтарными украшениями жены, отбежал в сторону, чтобы никто не сумел, не дай бог, подсмотреть — из какой страны послано письмо. Если оно пришло, допустим, из Австрии, то прибитый, робко озирающийся по сторонам получатель непременно скажет другим, что ему написали из Франции. И если в письме настойчиво советуют "бывшему" попытаться проникнуть в Западный Берлин, то "конкурентам" (иногда даже родственникам!) он обязательно скажет, что речь идет об Аргентине или Бразилии, А уж если разведает, что в новозеландском или австралийском консульстве вроде бы обнадеживающе встречают израильских беженцев, то поспешит горячо посоветовать окружающим навсегда забыть, как о дурном сне, о Новой Зеландии или Австралии.

Приютившиеся в Остии "бывшие" не живут, а, выражаясь по шолом-алеихемски, крутятся. Недаром сами они с горькой иронией называют свою жизнь "местечковой". Местечко в предместье "вечного города"? Это кажется невероятным. Но я, родившийся в "черте оседлости" бывшей Российской империи, обязан засвидетельствовать: определение это очень меткое.

Кстати, и жизнь в Брайтоне-Бич, одном из наиболее жалких, грязных и густонаселенных районов Нью-Йорка, где преимущественно вынуждены селиться "белые негры" — беженцы из Израйля, тоже именуют местечковой. Причем впервые я вычитал это в антисоветском журнале израильских, американских и французских сионистов, крикливо названном "Время и мы". Некий Дов Шторх, стараясь и невинность сионистскую соблюсти и капитал американский приобрести, вынужден признать: "Здесь иммигранты наживаются друг на друге, ссорятся друг с другом, дерутся, и тут действительно течет повседневная жизнь маленького еврейского местечка... Часто, когда на улице встречаются два иммигранта, разыгрывается форменная комедия. Ни один, ни другой не говорят правды, и оба рассказывают о себе басни, хотя оба знают от общих знакомых, чем занимаются и один, и другой".

А занимаются они безрезультатными поисками средств к пропитанию. И только циничный сионистский борзописец способен усмотреть в этом "форменную комедию". Нет, это горькая трагедия для людей без родины, без работы, без крова, без дружбы, без общения, без надежды.

Вот почему столь беспросветно тяжелое положение и скопившихся в Остии

недолговременных израильтян. Они находятся под страхом трех угроз. Боятся, во-первых, итальянских властей, так как проникли в Италию незаконно и влачат там существование тоже в обход закона. Боятся, во-вторых, агентов "Сохнута" и функционеров итальянских сионистских организаций, ибо те готовы — в лучшем случае — избить "еврейского антипатриота", или — в худшем — изошренными и беспрерывными преследованиями погасить в нем последнюю искру надежды и довести до такой безысходности и апатии, что, покорный их злой воле, он покорно согласится вернуться в израильский "рай". Боятся, в-третьих, один другого и нередко прибегают к взаимодоносительству ведь они друг для друга беспощадные конкуренты в безнадежных поисках хоть какой-нибудь работы и мало-мальски сносного жилья. Кому же на руку доносы? Кто в обстановке современного остийского "местечка" играет роль новоявленных урядников и мещанских старост? Таковыми являются мафиообразные "синдикаты", состоящие из осведомителей и исполнителей. Осведомители пронюхивают, где "йошрим" сумел поселиться, каким располагает имуществом и деньгами, какой "товар" пытается продать на барахолке, каков "доход" семьи в целом. А исполнители за все перечисленное безжалостно взимают в пользу "синдиката"... коммиссионные.

Итак, три угрозы, постоянные, безжалостные, необратимые, дамокловым мечом нависли в Остии над каждым беженцем из Израиля. И большое горе изведаль тот, на кого они обрушились. Это выпало и на долю одесского сантехника Макса Конного. Бесправные жители итальянского "еврейского местечка" неизменно содрогаются и на какое-то время опасливо замолкают при воспоминании о расправе с Конным.

Ему удалось покинуть Израиль по туристской визе. Но, на свою беду, уж чересчур громогласно и убедительно рассказывал он, какая страшная судьба ждет людей, поменявших истинную родину на вымышленную "историческую". А когда функционеры итальянской сионистской организации "Ирчи цион" пытались "образумить" чрезмерно откровенного беженца, он во всеуслышание заявил: "Лучше умереть, чем возвратиться в Израиль!" К тому же "неосторожное поведение" Конного не устраивало и некоторых "йордим", рабски старавшихся не обострять отношений с итальянскими сионистами. Это в определенной мере тоже повлияло на римскую полицию. И только истекла неделя пребывания Макса Конного в Италии, как он, ощутив на руках ледящий холод стальных наручников, был насильно препровожден на вылетающий в Израиль самолет. Чтобы не отклоняться от "остийской" темы, не буду подробно рассказывать, как Макс Конный вновь вернулся к нищенскому существованию в Израиле, затем бежал в США, в полной мере вкусил тяготы прозябания в модернизированном на американский лад нью-йоркском еврейском гетто, как за высказывание антисионистских взглядов его дважды избивали, а потом исполосовали ножом кахановские молодчики, как медицинскую помощь в госпитале ему оказали только после внесения товарищами по несчастью собранной по крохам платы за лечение. И, наконец, как в виде исключения была удовлетворена просьба Макса Михайловича Конного о разрешении ему вернуться в Советский Союз...

Безусловно, прав бывший ташкентский инженер, промышленяющий с помощью жены в Риме распространением образцов порнографического "изобразительного искусства":

— Очутившись в Израиле, мы частенько говорили: здесь человек человеку — волк. Увы, это можно сказать и всюду, где скапливаются беглецы из Израиля. Как тут не задуматься над судьбой Валерия Пака!

Не один только бывший ташкентец задумывается над трагедией молодого Валерия. Совсем недолго длилось его пребывание в Израиле, ради которого он навсегда оставил родную Одессу. Темпераментный, горячий, Валерий не мог сдерживать эмоций в разговорах об израильском образе жизни. Любому, с кем сводили его в Риме поиски работы, он рассказывал горькую правду об израильском образе жизни. За это его особенно возненавидели сотрудники римского филиала "Сохнута". Натравливали на него полицию, срывали все попытки устроиться хоть на какую-нибудь работу, соответствующим образом характеризовали его в "Хиасе" и "Джойнте". Доведенный до отчаяния, Валерий Пак

выбросился из окна на мостовую.

Никто из пытающихся прижиться в Остии "йордим" не хотел проводить меня к месту, где было подобрано тело Валерия. Они старательно обходят этот роковой перекресток, неумолимо напоминающий им о трагическом пути выхода из страшной эмигрантской трясины, какой выбрал Валерий Пак.

Попадают, впрочем, на "бирже" люди не только забитые и опустившиеся, а осанистые и самоуверенные. Стремясь создать впечатление благополучия, они подчеркнуто внимательно следят за своей одеждой, а женщины — те стараются украсить себя всякого рода ювелирными изделиями. Со злорадством под маской сочувствия взирают они на суетящихся беглецов из Израиля, успевших за короткий срок с лихвой насытиться муками на "исторической родине": так, мол, вам, дуракам, и надо, а нас не проведешь! Это так называемые "йошрим", — имея приглашение от израильских родственников — большей частью липовых! — и визу в Израиль, они предпочли "не доехать" туда. В среде "бывших" их именуют "прямыми": мол, решили ехать прямо... не в Израиль!

Уповают они главным образом на "Хиас" — американское общество помощи еврейским иммигрантам. Но там радушно встречают далеко не всех "прямиков". Тем, от которых хиасовцы хотят отделаться, без обиняков говорят: пока родственники или знакомые не пришлют вам из США "гарант" на работу, не ходите к нам. Для некоторых счастливых в "Хиасе" даже раздобывают желанный "гарант". Правда, ни для кого не секрет, что эта бумажонка — липа, фальшивка, миф: кто же может реально гарантировать иммигранту работу в США, где безработица растет не по дням, а по часам! В ногу с антисемитизмом.

КРАХ "ВСЕМИРНОЙ АЛИИ"

Перелистывая свои римские и остийские записи, я подсчитал, что беседовал в Италии с сорока семью "йордим" и "прямыми" — совсем молодыми и весьма пожилыми — людьми самых разнообразных профессий. И только единицы не пытались взвалить вину за измену Советской Родине на сионистскую пропаганду и ее подпевал. В остальных случаях мотив этот стал настолько механически повторяемым, что кажется, будто "йордим" и в самом деле в него верят.

В самом деле, стремление изобразить себя исключительно жертвой сионистской пропаганды я уловил даже в словах широко образованного аспиранта гуманитарного профиля из Латвии, уверявшего меня (и мне почувствовалась в его словах правда), что болезненно тоскует по советской прессе, с которой для него в Советском Союзе начинался каждый день. Так можно ли всерьез отнестись к патетическим заявлениям столь осведомленного человека, что его погубил "гипноз" дьявольски прилипчивой сионистской пропаганды и стоящие на грани мистики нашептывания ее подпевал! Уж никак не вяжется это с тем, что бывший аспирант ощутил непреодолимое желание навеки связать свою судьбу с Израилем как раз осенью 1978 года, когда мир встревожили реки крови в Южном Ливане — во время варварской операции израильской военщины под кодовым названием "Литани", когда широко стало известно о непомерно растущей инфляции и экономической депрессии, как об одном из ядовитых плодов безгранично увеличивающихся военных расходов Израиля.

Вот почему вряд ли стоит приводить здесь стереотипные рассказы встреченных мною в Италии "бывших".

На одной встрече должен, однако, остановиться.

Супружеская чета. Ему тридцать семь лет, ей — тридцать пять. Ради переезда в Израиль оставили Белоруссию, где оба получили высшее образование, он — экономическое, она — педагогическое. Работа приносила им моральное удовлетворение, материально тоже были обеспечены неплохо. "Ежегодно отдыхали на Черном море, — заметила жена, — иногда для разнообразия ездили на Рижское взморье либо на Азов".

Срок пребывания в Израиле свелся к четырем месяцам без шести дней. Почему?

— Если перечислить вам все причины нашего, и не только нашего, бегства из

Израиля, — сказал мне бывший экономист, — вам придется написать книгу пообъемистей вашей "Дикой полыни".

Оказывается, перед отъездом из Белоруссии супруги прочитали первое издание этой книги. А в дешевенькой траттории близ Порто-Поргезе, куда я их пригласил на чашку кофе, сразу же, переживая друг друга, набросились на меня с упреками:

— Вы не показали и половины "прелестей" Израиля!

— Надо было рассказать, почему жизнь в Израиле — это постоянное балансирование на краю пропасти!

— Почему вы не перечислили все угрозы, какие ежедневно давят на олим? Понимаете, ежедневно!

— Подробнее надо было сказать о детях. Кто всерьез задумывается над судьбой своего ребенка, не имеет права оставаться в Израиле!

— Кто честно жил в Советском Союзе, тот в Израиле ни за что жить не сможет, — сказал муж. — Этому вы должны были посвятить самую большую главу. Помните, у Иосифа Уткина в "Повести о рыжем Мотэлэ" сказано: "Кто попробовал птицу, мясо не очень ест". Вот вам эпиграф!

— Нет, это будет звучать как-то потребительски, — возразила жена. — Лучше перефразировать Горького: "Рожденный летать — не может ползать".

— Надо было написать об израильской обстановке так — снова укоряет меня муж, — чтобы человек, который подал заявление о выезде, побежал в ОВИР и порвал свое заявление в мелкие клочья!

— Однако вы, прочтя мою книгу, — спросил я супругов, — не побежали в ОВИР рвать в клочья ваши заявления? Неужели так уж неубедительно написал я?

Пауза. Оба переключили свое внимание на кофе.

— Если говорить честно, — выдавливая из себя он, — нам показалось, что вы очень необъективны.

— Мы рассказали о "Дикой полыни" нашим родственникам, — добавляет жена. — Они уже получили визу и упаковывали чемоданы. И с усмешкой посмотрели на нас: "Пропаганда. И читать не имеем никакого желания".

Снова пауза. Ее прерывает бывшая учительница:

— И все-таки один совет я решаюсь вам дать. Вставьте в вашу книгу... как бы вам сказать... — Женщина обрадовалась, найдя нужные слова: — Реестр сионистской лжи! Разделите страницы на две части. На одной половине — что обещают сионисты, на другой — что олим встречают в Израиле. Например, так. Сионисты говорят: — "Израиль — страна равноправных людей". А приезжаешь туда и говоришь себе: "На классовое равноправие я и не надеялась. Только круглая дура могла подумать, что у банкира и слесаря одинаковые права. Но, оказывается, в стране царит и расовое, или, как выражаются в Израиле, этническое неравноправие. На нас косо смотрели соседи-сабры за то, что мы, ашкенази, поддерживали дружбу с семьей горских евреев. "Как вы разрешаете вашей дочке играть с полудикой девчонкой из Дербента!" Или, допустим, на первой половине напишите: "Сионисты обещают работу по специальности". А на другой: "Один из двухсот олим получает работу по специальности. Остальным приходится переквалифицироваться, причем на такие профессии, которые и квалификации не требуют". И так далее, и так далее.

— А эти "далее" не имеют конца, — заметил муж. — Но еще один пример непременно запишите. Сионистская пропаганда убеждала нас: вы едете в страну экономического благополучия. А на деле Израиль по росту инфляции твердо не уступает первого места в мире. И не надо быть экономистом, чтобы понять: при систематическом росте военных затрат инфляцию приостановить не удастся...

— Нам очень, очень скверно, — вздохнула жена. — Но они не дождутся, чтобы мы с мужем потащились на Виа Венето, 19.

— Что ты, — встрепенулся он, — забудь этот проклятый адрес.

Виа Венето — римская улица самых дорогих магазинов, шикарных ресторанов и

фешенебельных отелей. И, естественно, я с недоумением взглянул на своих собеседников. Понизив голос и с опаской оглянувшись по сторонам, она пояснила, что на Виа Венето, 19, агенты ЦРУ занимаются опросом, вернее, допросом, бывших советских граждан, либо бежавших из Израиля, либо решивших туда не ехать. За допросами следует тщательный отбор тех, кто может "пригодиться" ЦРУ. Особенный интерес проявляют к лицам, служившим в Советской Армии, и таким, чьи родственники работают в оборонной промышленности. Отобранных для начала передают под опеку какой-либо сионистской организации, занимающейся "особо перспективными" эмигрантами, чаще всего ХИАСу. Каждого, явившегося на Виа Венето, 19, допрашивают способом "перекрестного огня" сразу несколько агентов ЦРУ. Затем допрошенному предлагают, не покидая комнаты, заполнить многостраничную анкету.

— Интересно было бы посмотреть такую анкету, — вырвалось у меня.

— Ой, только не ходите на Виа Венето, — встревожилась она.

— Его туда не пустят, — успокоил ее муж. — Ведь советский паспорт для них — сигнал тревоги.

...Нарушая последовательность повествования, скажу, что на следующий день в послеобеденный час я все-таки подошел к дому №19 на Виа Венето. Но среди многочисленных вывесок над подъездами, конечно, не нашел такой, какая могла бы меня точно сориентировать. Мои сравнительно длительные блуждания от подъезда к подъезду привлекли внимание молодящейся женщины средних лет.

Обратившись ко мне на итальянском, она, видимо, спросила, не может ли помочь мне.

В ответ я развел руками и на идиш ответил: "Не понимаю".

Женщина тут же перешла на довольно сносный русский язык:

— Кажется, я догадываюсь, что вас здесь интересует.

— Вероятно, догадываетесь, — не без улыбки ответил я.

— Вижу, что имею дело с интеллигентным человеком, — оживилась она. — Вы уже были в Израиле? Или сразу остались здесь?

Видимо, я чересчур уж затянул с ответом. Женщина подозрительно взглянула на меня:

— Могу вас проводить в холл, но там вы предъявите документ.

Поняв, что моя краснокожая паспортница может вызвать в подъезде изрядный переполох, я ответил:

— Забыл документ в отеле.

Вероятно, ответ мой был не из лучших. Но женщина до того рассвирепела, что еще более грубо выдала себя:

— Догадываюсь, какой документ и в каком отеле, — злобно прошипела она. — Думаете, нашли дуру! Думаете, я вам тут же дам анкету и попрошу прийти с ней, когда вам будет угодно!

Она так выразительно оглядывалась по сторонам в явном ожидании подмоги, что я предпочел удалиться. Ведь уже не было никакого сомнения в том, с какой гнусной целью здесь поджидают эмигрантов из Советского Союза...

Распрощавшись с четой из Белоруссии, я направился на барахолку.

Заприметил там молодого бородача, горячо зазывавшего покупателей к своему самодельному рундучку. А на рундучке: три деревянные ложки с хохломской росписью, траченный молью кроличий воротник, "почти новая" дамская сумочка с серебряной монограммой, фотоальбом достопримечательностей Киева, бритвенные лезвия "Нева". Ради "красивой" жизни за рубежом бородач оставил Украину, где работал шофером "и еще совсем неплохо подрабатывал на авточастниках, от которых не было отбоя". Задумал основать в Израиле собственную мастерскую (он сказал "ателье") по ремонту автомашин, а для себя приобрести "Мерседес" или "Рено" — пусть подержанный. Встретив в Вене беглецов из Израиля, предприимчивый шофер понял, что его голубым мечтам там не осуществиться. Пробрался кое-как в Рим, где "сохнутовцы не такие всеильные, как в Вене"...

Узнав, что я не "бывший", а советский гражданин, словоохотливый шофер замкнулся и

враждебно сказал:

— Пройдите немного дальше и сможете увидеть, как надутый и важный деятель науки торгует пухом для подушки. С интеллигентом вам будет интереснее. Хотя при всей своей интеллигентности этот профессор кислых щей не мог дотумкать еще в Вене, что в Израиль не стоит даже носа показывать. "Должен сам проверить, сам попробовать", — так он мне доказывал в Вене. И "пробовать" ему пришлось целых полтора года. Так постарел, так сгорбился, что здесь я его не сразу узнал...

Разыскивать научного работника я не стал. Приближение вечера заставило меня поспешить в Остию, на "биржу бывших" у фонтана.

Увидел там обычную картину. Небольшую площадь заполнили десятки озабоченных, суетливых людей. Даже дети, взобравшиеся на полуискрошенную ограду фонтана, не очень-то безмятежно резвились. Слышалась многоязычная речь. Можно было разобрать слова русские, украинские, молдавские, литовские, грузинские, на идиш. Никто не говорил, правда, на иврите. Люди шушукались, спорили, заглядывали в записные книжечки. Слышались вздохи, всхлипы, причитания. Никто не смеялся. Людям без родины не до смеха.

Уходя с "биржи" обездоленных людей, я заметил на стене почты наспех намалеванную и кое-как приклеенную афишку: эмигрантов приглашали на встречу с безымянным покамест "общественным деятелем" из тель-авивского общества солидарности евреев мира. Многие отходили от афишки, так и не дочитав ее. Одного из таких равнодушных я спросил, стоит ли пойти на эту встречу.

— Если вам делать нечего, идите, — насмешливо ответил он. — Могу вам заранее сказать, что вас ждет. Отъевшийся на сионистских хлебах тель-авивский уполномоченный оглушит вас статистикой роста антисемитизма в Америке и Западной Европе — упаси вас боже туда ехать! Пока не поздно, значит, надо ехать на мучения в еврейское государство! А под конец сделает тонкий намек: руки у нас длинные, антипатриота везде достанут.

Эти прогнозы, как я потом узнал, полностью оправдались.

О прячущихся в Италии от сионистских щупалец бывших советских граждан еврейской национальности, не пожелавших ни за какие коврижки стать израильянами, можно рассказать подробнее. Но и сказанного достаточно, чтобы увидеть в их судьбе крах сионистских планов вывоза еврейства мира в Израиль — это у них именуется всеобщей алией. Об этих планах сионистская пресса большей частью говорит бухгалтерскими терминами. Что ж, прибегнем к ним: поскольку расход (бегство израильян, в том числе и коренных, составляющих цвет искусственно создаваемой "еврейской нации" — "сабра") вот уже несколько лет кряду превышает приход (приезд новых олим), то можно с уверенностью сказать, что сионисты пришли к отрицательному балансу.

Какими же несостоятельными и жалкими представляются на этом фоне истерические вопли о всеобщей алии, с новой силой прозвучавшие в Иерусалиме на XXX всемирном сионистском конгрессе в декабре 1982 года. Конгресс подтвердил программу затягивания новых и новых переселенцев на "историческую родину", сформулированную на предыдущем конгрессе так: "Главной заботой всемирного сионистского движения является удвоение населения Израйля до шести миллионов".

Аппетит сионистов объясним: им требуется "пушечное мясо" для новых нападений на арабские страны, и еще ненасытны они, когда речь заходит о необходимости срочно заселить евреями военизированные поселения на оккупированных арабских землях. Однако живущие вне Израйля евреи (а их большинство!) придерживаются на сей счет полярно противоположной точки зрения.

И напрасно вопили делегаты (в основном, кстати, не выбранные, а подобранные) на иерусалимском конгрессе: "Не до шести миллионов евреев должны жить в Израйле, а свыше семи!!!" Алчные желания международного сионизма, мягко говоря, не совпадают с действительным положением вещей.

Не может, равным образом, осуществиться и другое, на чем сошлись все делегаты сионистского конгресса: поставщиками мучеников для освоения необжитых пустынь и

военизированных поселений Израиля должны, на их взгляд, стать социалистические страны, в первую очередь Советский Союз. Опять-таки новая вариация старой сионистской погудки! Еще Герцль и Жаботинский требовали: еврейских поселенцев для Палестины следует выкачивать из стран Восточной Европы.

Никогда не сбываются этим химерическим планам, властно говорит жизнь.

И озлобленные реальной действительностью сионистские пропагандисты сквозь строчки, сквозь зубы шипят, что евреи вне Израиля "в результате утраты национального самосознания не хотят воспользоваться правом стать гражданами еврейского государства". Что правда, то правда — не хотят! Неспроста на сионистском конгрессе некоторые делегаты обвиняли "Сохнут" в том, что его сотрудники "опустили руки перед жестоким фактом нежелания евреев мира воссоединиться в Израиле". Представители "Сохнута" тут же попытались переложить эти упреки на плечи чиновников министерства абсорбции: виноваты, дескать, они, не сумевшие удержать в Израиле значительную часть тех, кого с таким трудом отправили туда сохнутовцы. Представители министерства абсорбции, в свою очередь, напали на западноевропейские и американские организации международного сионизма: это они, мол, "ослабили деятельность по пробуждению (читай: провоцированию. — Ц.С.) в евреях стран галута стремления воссоединиться со своими единоверцами". Но и представители этих организаций тоже не остались в долгу: словно по цепной реакции накнулись на ультрарелигиозные сионистские группировки типа "Нетурей карто" ("Стражи града").

Покамест делятся эти свары и склоки, задуманная сионизмом "всемирная алия еврейства в Израиль" трещит по всем швам и дает зияющие пробоины.

Не шибко успешно реализуются планы международного сионизма по вербовке будущих израильтян и в странах Латинской Америки.

"Сохнут" и министерство абсорбции при угодливой поддержке лидеров аргентинского сионизма затратили немало средств и энергии на "выкачку" из Аргентины в Израиль около десяти тысяч малоимущих евреев. Подготовка к приему новоприбывших проводилась до того широкомасштабно, что даже тель-авивский ресторан "Калинка", гордившийся своим истинно русским стилем, спешно был реорганизован и переоборудован в ресторан "Эль Гаучо" истинно аргентинского стиля. Напрасный труд: массовая "выкачка" евреев из Аргентины на "историческую родину" не состоялась!

Лидеры аргентинского сионизма получили порядочную взбучку от правления всемирной сионистской организации и прочих руководящих органов международного сионизма, но план "возвращения на родину" аргентинских евреев так и не выполнен. Не бросят же богатые евреи свои капиталы и имущество в Аргентине, чтобы заменить "непатриотичных" еврейских бедняков, ни за что не желающих переселиться в Израиль!

Недовольны израильские сионисты и своими мексиканскими единомышленниками: приток переселенцев из Мексики снизился по сравнению с семидесятыми годами до одной десятой, а вот бегство бывших мексиканских граждан из Израиля резко возросло. Мексиканские сионисты поспешили призвать еврейскую общину бойкотировать "и в крупном и в мелочах" четыре семьи, покинувшие Израиль. Во всех этих семьях есть молодые парни и девушки призывного возраста. "Пусть лучше мой сын бежит по Мехико в поисках работы, может быть, в конце концов найдет, — сказал Михель Глан, механик обувного производства. — Но смерть в Ливане его бы нашла быстрее".

Словом, "всеобщая алия" евреев в Израиль трещит, повторяю, по всем швам в любом регионе мира.

Даже хронически лишенные работы евреи западных стран, даже самые неимущие из них не хотят переселяться в государство, не знающее с момента своего основания ни одного мирного дня, в государство, уже начинающее бряцать ядерным оружием, раздобытым с благословения американских покровителей-сообщников.

Л Ж Е Ц Ы

ЛЕГКО "ПОДДАЮЩИЕСЯ" И ЕЩЕ ЛЕГЧЕ "СОБЛАЗНЕННЫЕ"

С бежавшими из Израиля бывшими советскими гражданами мне после Вены и Рима довелось беседовать и в Мюнхене, Амстердаме, Гааге, Брюсселе, Люксембурге, Западном Берлине, Лондоне, Париже, в других западноевропейских городах. Читал много их писем родным и Антисионистскому комитету советской общественности.

Прямо скажу, не доходят до моего сердца стандартные, набившие оскомину фразы: "Я пал жертвой сионистской пропаганды", "Меня обманули сионистские агитаторы", "Раскаиваюсь в том, что поверил сионистским лжецам и их подпевалам".

В какой-то степени могу поверить таким словам в устах престарелого еврея, в чьей биографии еще ощущаются приметы ушедшей в прошлое мертвящей местечковой затхлости, кто как-то не сумел найти свое место в бурной созидательной жизни советского народа, у кого нет в нашей стране родственников, способных на примере собственной жизни показать дряхлеющему старику благотворные и неограниченные возможности человека любого возраста, любой профессии быть полноценным гражданином своей Советской Родины.

Но как можно всерьез поверить "влиянию сионистской пропаганды" на сорокадвухлетнего квалифицированного математика из Риги Виктора Яковлевича Гаухмана. Свою работу искренне называл любимой. Гордился тем, что жена слывет в научных и производственных кругах авторитетным инженером-физиком. Отец Виктора Яковлевича — научный работник, мать врач, оба участники Великой Отечественной войны, их военные и трудовые заслуги отмечены государственными наградами. Жизненный путь детей Гаухмана тоже начинался хорошо. К иудаизму, как и к любой другой религии, он относился со снисходительной иронией.

Как же мог человек с такой биографией диковинно легкомысленно "поддаться" сионистской пропаганде? Ответ напрашивается только один: по собственному желанию он внимал по ночам брехливому "Голосу Израиля", прильнув к радиоприемнику; чувствовал непреодолимую потребность тайком от родных встречаться с сионистскими подголосками из тех, кто сами переселяться "на родину отцов" не спешат, но других усиленно подзуживают; втайне лелеял тщеславные мечты о головокружительной "карьере" в духе дешевых западных бестселлеров.

В письмах к своим родным бывший рижанин и бывший математик (да, тоже бывший, ибо работает сторожем у частного хозяйчика) налегает на то, что прослыл в Израиле "диссидентом", самоотверженно обличающим сионизм. Это, по разумению Гаухмана, дает ему право на возвращение в Советский Союз. Виктор Яковлевич с такой же легкостью, с какой подал заявление на выезд в Израиль, сейчас причисляет себя к "заблуждавшимся", к "жертвам сионистской агитации", и виновником своего рокового шага готов винить кого угодно — только не себя. Трудно согласиться с этим. Тем более, что родные Виктора Яковлевича, по его же собственному признанию, сделали все от них зависящее, чтобы образумить своего сына и мужа.

С необычайной легкостью поддался слухам о райском житье-бытье "на родине отцов" и врач-психиатр Леонид Вайсман из Омска. Верю, что его одолевает неизбывная тоска по Иртышу, по каждому сибирскому утесу, по привычному с детских лет деревцу. Сочувствую ему, обреченному на нищету и безработицу. Не лучше, чем в Израиле, сложилась у него жизнь в Америке. Переезжает из города в город, живет на жалкие подачки. Как и многим другим приезжим евреям, которых дискриминируют сионисты, ему материально помогает русская церковь. Сунулся было отчаявшийся Леонид к своей тетке Лее, живущей сравнительно лучше. Она сочла своего "отравленного советской жизнью" племянника "социально беспокойным". И сразу же протянула ему руку помощи: тут же повела в кинотеатр поглядеть кинофильм, в котором аналогичному "социально беспокойному" делают бесчеловечную хирургическую операцию, превращающую его, выражаясь словами

Леонида, в безответное животное.

Грустно? Несомненно. Жалко Леонида? Безусловно.

Но ведь опытного врача-психиатра, слывшего в Омске перспективным медиком, человека всесторонне развитого и образованного, не сравнишь с Юлей и Эллой Каган, которых мать Роза Файтелевна насильно увезла девочками-несмышленицами из Бобруйска в Израиль. Кстати, Роза Файтелевна, врач-стоматолог, подобно своему коллеге Вайсману, бежала в США, где с трудом устроилась мусорщицей. Почему эти обеспеченные у нас работой по специальности медики, небезосновательно ожидавшие дальнейшего продвижения по работе в клиниках, уехали в Израиль? Ответ простой: "Голос Израиля" и сионистствующие доброхоты твердили им о небывалых заработках, которые сулит врачам в Израиле частная практика.

"Частная", "собственная", "своя" — эти заманчивые для нестойких в социальном плане некоторых советских граждан термины, сдобренные крошкой из демагогических сентенций о "национальном самоопределении" и "двойной лояльности", кружат голову Таухману, Вайсману, Каган и им подобным. А потом горькая капиталистическая действительность, приправленная параноическим шовинизмом, приводит их к прозрению — и на брошенную родину летит поток писем с жалобами на тех, кто их "сагитировал", "распропагандировал", "обманул".

В иных из этих писем следует справедливости ради отметить верный анализ коренных примет общества, на которое, не задумываясь, олим променяли жизнь в Советской стране.

"Весь поток русскоязычной информации для еврейской эмиграции на Западе (не только в Израиле) пронизан сионистским мировоззрением. Поэтому евреи, отвергающие сионизм, становятся изгоями общества, подвергаясь остракизму как со стороны господствующего в еврейских общинах сионистского руководства, так и со стороны тесно связанного с ним мира капиталистических работодателей. Словом, "кто не сионист, тот не еврей".

Какие точные формулировки, какая справедливая оценка истинного положения "непатриотичных" с сионистской точки зрения евреев в странах Запада! Каюсь, на какое-то мгновение мне подумалось, не цитирую ли я из своего блокнота записи, сделанные в Остии, Западном Берлине, Амстердаме. Не привык заниматься плагиатом и назову действительного автора приведенной цитаты. Я взял ее из письма пятидесятидвухлетнего К. Вовульского, покинувшего Белоруссию в мае 1982 года и с избытком хлебнувшего горя на чужбине.

Естественно возникает вопрос: как же мог К. Вовульский, человек несомненно развитой и начитанный, столь метко уловивший один из самых губительных и оголтелых приемов насильной вербовки сионистами евреев в свои ряды (приемов, продиктованных глубоко классово-сущностью сионизма), поверить слухам о "полнейшей политической свободе" в государстве, где у кормила власти стоят отпетые националисты? Как же мог К. Вовульский на шестом десятке жизни изменить родине, воспитавшей из него, поскольку можно судить по его пространному письму, образованного, интеллигентного человека?

А вот отрывок из письма Ефима Сойфера к своим родным в город Оргеев Молдавской ССР:

"Сионизм блестяще доказал, что националистическая идеология, достигнув своей государственности, скатывается резко вправо, придает внешней политике государства агрессивный характер. Сегодня сионизм, а с ним Израиль (но не весь народ) превратился в активного сообщника США, оказывает помощь и поставляет оружие самым реакционным режимам в Африке и Латинской Америке".

А сколько мог Сойфер прочесть об этом в советской прессе еще задолго до того, как принял решение покинуть Советский Союз и поехать к молочным рекам и кисельным берегам "исторической родины". Читал же это Сойфер! Значит, не верил. Значит, был убежден, что сионизм "блестяще доказал" свою прогрессивность и демократичность, которая столь на руку интеллектуалу Сойферу, ныне жаждущему вернуться в так легко брошенную им Молдавию.

Подавая заявление о выезде в Израиль, Мария Шмиловна Стекольщик несказанно

гордилась: ее знакомые получают из Израиля вызовы от липовых родственников, от мифических троюродных сестер и братьев, а ей в Черновцы прислали вызов настоящие — хоть и дальние — родственники. "У меня вызов на чистом сливочном масле, — убеждала она девять молодых членов своей семьи. — Вы должны поехать со мной, вы не имеете права отпускать меня одну". Сыновья, дочери, зятья, внуки наотрез отказались от "второй родины". Но это не остановило рвавшуюся на расцветающий Запад Марию Шмиловну. Она оставила самых близких родственников и помчалась к радушным израильтянам.

"А где же молодые? — окатили ее дорогие родичи холодным душем. Без молодых ты здесь не котируешься". И на вопрос, как же ей быть, Мария Шмиловна получила недвусмысленный ответ: "Можешь убираться хоть в море". Не задерживаемая гостеприимными родственниками, она уехала в Австрию. Оттуда бомбардирует брошенных ранее сыновей и дочерей просьбами немедленно выхлопотать ей советское гражданство.

Не знаю, поняла ли бывшая советская гражданка Стекольщик, что уговори она сыновей и зятьев уехать с ней в Израиль, то могла бы навсегда потерять кого-нибудь из них на захваченной ливанской земле. Если Мария Шмиловна и поняла это, все равно никто, кроме нее самой, не повинен в том, что она сознательно покинула и Родину, и рожденных ею детей, и внуков.

Уверен, что читатели поймут меня, поймут, почему я скептически отношусь к просьбам Гаухмана, Вовульского, Сойфера и других бывших советских интеллигентов безоговорочно счесть их несчастными "жертвами сионистской пропаганды", согласиться с тем, что их, доверчивых, простодушных, наивных, обманули. Если сионизм их обманул, значит, они верили в сионистские "идеалы", значит, строили свои жизненные планы на основе этих "идеалов", значит, не столь уж необдуманно решились податься на чужбину и бросить отцов, матерей, детей. Значит, ведали, что творят.

Некоторые из бежавших со "второй родины" бывших советских граждан в беседе со мной и в своих письмах более откровенно объясняют причины отказа от советского гражданства. Они говорят: "поддался соблазну", "захотелось зажить по-новому", "думалось — ведь кой-кому там живется неплохо".

Тем более удивительна самонадеянность и демагогичность, породившие в них убежденность, что поскольку соблазны оказались эфемерными и неосуществимыми, Советская власть обязана широко раскрыть перед "соблазненными" обратную дорогу в Советскую страну.

Отказавшийся от советского гражданства Илья Слуцкий додумался до такого "социологического" открытия: "Человек, привыкая в Советском Союзе к хорошему, часто теряет (в Израиле. — Ц.С.) чувство реальности как в материальном, так и в психологическом плане".

Обретя это чувство, то есть, уразумев, что ничего путного в Израиле не добьется, Слуцкий изъявил желание вернуться в Советскую страну (заставившую его... привыкнуть к хорошему), хотя является всего лишь ее бывшим гражданином. Ссылается на свое участие в Великой Отечественной войне. Однако походя, скупясь на слова, сообщает об эпизоде, который, казалось бы, должен был врезаться в малейших подробностях в память человека сердечного, благодарного, совестливого. Во временно оккупированном фашистскими захватчиками украинском городе Золотоноше Слуцкий после бегства из тюрьмы "скрывался в погребе дома одной украинской семьи". Но запомнил Слуцкий лишь одно: "Хозяин дома работал сапожником". Вот единственное, что разочаровавшийся в сионизме и крайне недовольный отношением "отдельных высокопоставленных советских чиновников" к его просьбам о восстановлении в советском гражданстве Слуцкий счел нужным сказать о простом советском человеке-интернационалисте, который с риском для жизни всей своей семьи спас Илью Слуцкого от фашистской расправы.

Чтобы у читателя не создалось превратное представление об упомянутых в этой главе людях, обязан справедливости ради сказать: они пренебрегли социалистической Родиной совсем не в результате направленных конкретно против них провокаций сионистской

агентуры. Как раз им сионистские службы не адресовали персональных посланий с заманчивыми обещаниями. Им не доставляли вещевых посылок от зарубежных просионистских "филантропов". Им не звонили по телефону измененными голосами сионистские подпевалы, выдавая себя за русских, латышей, молдаван, якобы требующих от евреев "убраться в свой Израиль". Нет, эти люди сами обдуманно и намеренно выбрали для себя судьбу изгоев в чуждом советском гражданском обществе, где упоенно рассчитывали на великолепную карьеру в том смысле, в каком ее понимают на Западе.

Не собираюсь никому навязывать свое мнение по поводу того, заслуживают ли "соблазненные", подобно Слуцкому, сионизмом и отказавшиеся от советского гражданства люди положительного отношения к своим велеречивым просьбам о восстановлении их в высоком звании гражданина великого многонационального Союза Советских Социалистических Республик.

Пусть над этим поразмыслят читатели. Хотя я не собираюсь и не имею права ни на гран преуменьшать тлетворное влияние мутных потоков лжи, лжи я еще раз лжи, способной засосать в сионистские тенета не очень-то духовно и нравственно сильного человека, падкого на "заманчивые" посулы.

С новыми для меня вариациями в исполнении сионистских лжецов я столкнулся в Париже.

"МЕЖСЕЗОНЬЕ" В СИОНИСТСКОМ СТАНЕ

— Вы приехали в Париж в очень неудачное время. В сионистских организациях сейчас... не сезон. И с иностранным писателем не станет встречаться не только руководитель организации, но и самый обыкновенный исполнитель. Можете мне поверить, — прижимает руку к сердцу моя собеседница, — такой отход от контактов с прессой распространяется даже на тех, кто не является идейным противником сионизма.

Вот какую странную тираду услышал я от весьма близкой к сионистским кругам сотрудницы издательской фирмы "Белл Франс". Она подтвердила, что "в любое другое время" могла бы без особого труда помочь мне встретиться с кем-либо из сотрудников сионистских лиг, комитетов, обществ, советов, движений, ассоциаций, которыми отнюдь не бедна французская столица. Но сейчас...

Сейчас, как и раньше, я прекрасно понимал, что киты сионистских организаций Франции вроде банкира Алена Ротшильда или популярного в аристократических кругах врача Эди Стада и "в любое другое время" тоже отказались бы беседовать с советским писателем. Но почему вдруг наложено строжайшее табу на встречи сионистских функционеров абсолютно всех рангов с журналистами.

— Сейчас со встречей никак не получится, — с любезной отчужденностью известила меня немолодая секретарша, восседавшая у двери апартаментов руководителя "Сионистского движения Франции" на авеню Турбиго, 8.

— Разве сезон еще не открылся? — позволил себе шутливо спросить я.

— Вот именно, — вполне серьезно ответила мне дама. — Вы пришли к нам в межсезонье.

Ссылка на межсезонье промелькнула и в ответе назвавшего себя "только маленьким" сионистом сотрудника "Комитета сионистского социалистического действия" на рю Дави, 6, куда я позвонил по телефону.

И другие "маленькие" сионисты твердили мне о межсезонье так настойчиво, а порой и раздражительно, словно я, тупица, не хотел взять в толк, что никак нельзя посмотреть в Париже премьеру "Комеди франсез", если сезон еще не начался и театр попросту закрыт. Или просил выдать мне корреспондентский пропуск на сессию парламента в дни, когда депутаты разъехались на каникулы. Или собирался понежиться под щедрым средиземноморским солнцем на пляже в Ницце задолго до открытия курортного сезона.

Не домогался я ни первого, ни второго, ни третьего.

Я всего лишь хотел задать кому-либо из руководителей или функционеров сионистских организаций несколько вопросов. Рассчитывал, в частности, узнать, какие имеются основания высокопарно именовать сионизм во Франции "теоретическим" и стоящим якобы далеко от присущих всему без исключения международному сионизму повседневных практических акций — таких, как применение провокационных средств при вербовке иммигрантов в "страну отцов", или действенная поддержка (и не только моральная!) милитаристской и аннексионистской политики израильского правительства, или нацеленные на социалистические страны идеологические диверсии.

Ох, до смерти не любят французские сионистские "теоретики" попадаться с поличным на практических делах! Вот один из многочисленных примеров того, как блюдут они свое благородное "теоретическое" реноме.

К изданию множества клеветнических брошюр, заквашенных в равной доле на сионизме и антисоветизме и предназначенных специально для заброски в социалистические страны, причастна главным образом так называемая "лига за репатриацию советских евреев". Уже по одному заведомо лживому термину "репатриация" можно судить о далеко идущих планах ее организаторов — американского миллионера Графмана и израильского Мирельмана. Тем более, что они сумели привлечь к финансированию этой сионистской службы многих крупных западноевропейских коммерсантов, преимущественно во Франции и Англии. Вот в этих двух странах и сосредоточила лига фабрикацию компактных брошюр, издаваемых на тончайшей, чуть ли не папиросной, бумаге — не ради одних удобств контрабандного свойства. Значительную часть клеветнической продукции аппарат лиги рассылает гражданам социалистических стран такими портативными почтовыми бандеролями.

Но только из Англии! Штемпелей французской почты вы на подобного рода отправлениях не обнаружите, хотя в фабрикацию брошюр сионисты во Франции вкладывают не меньше средств, нежели в Англии. Отчего же рассылка — даже по раздобытым эмиссарами сионистских организаций Франции адресам — идет исключительно с английской территории? Оттого, оказывается, что руководителям французского филиала лиги удалось выговорить для себя у лондонских коллег право не девальвировать "практическими мелочами" свою высокую "теоретическую" репутацию! Вот оно как.

Если бы мои беседы с заправилами сионистских организаций во Франции состоялись, я мог назвать им немало лежащих, что называется, на поверхности "текущих дел", которые начисто опровергают демагогическую трескотню о каком-то "коренном отличии" этого сионистского отряда от других отрядов международного сионизма.

Были у меня к заправилам сионистских организаций Франции и такие вполне конкретные, как говорится, вопросы по поводу грубо "практических" акций в изысканно "теоретической" упаковке:

— Почему парижское бюро информации алии на рю Рихерт, 52, призванное по своему статуту "обеспечивать всех интересующихся информацией по Израилю", занято несколько иной деятельностью, а именно: распространяет клеветническую литературу о социалистических странах и попутно вылавливает израильских беженцев с тем, чтобы выдворить их если не обратно в Израиль, то по крайней мере в страны, где, по мнению Всемирной сионистской организации, наличествует "дефицит" евреев?

— Как относятся руководители союза сионистов Франции к тому, что французский филиал "Бнай-Брита" (кстати, всячески уходящий от связей с "обычными" сионистскими организациями) резко отмежевывается от борьбы за переселение французских евреев в Израиль и настойчиво доказывает, что "историческая родина" — место исключительно для евреев восточноевропейских стран?

— Отчего же представительный совет еврейских учреждений Франции не осуждает незаконное в подчиненном ему "объединении друзей кибуцев" отношение к выходцам из Алжира и Марокко, как к неполноценным, второсортным евреям? Разве это не противоречит особенной приверженности председателя совета Адольфа Стега классовым, а не расовым

приметам сионизма?

— Почему руководители сионистов Франции не отмежевались перед лицом израильской общественности от депутата кнессета Флатто-Шарона беглого преступника, осужденного во Франции за неоднократные крупные мошенничества? Разве у вас не известно, что этого афериста окружают в Израиле ореолом активного в прошлом вожака сионистов во Франции?

— Сохраняет ли сионистская пресса Франции свою ведущую роль в "войне слов" израильского милитаризма против арабских народов? Вы ведь не забыли, конечно, признание вашего журналиста Ленемана на всемирном съезде евреев-журналистов в Иерусалиме: "Еврейские журналисты в мире, а особенно во Франции, не ждали призывов и обращений в дни июньской войны... Сионистская пресса долгие годы выполняет свои обязанности, и в значительной мере ее заслугой является то, что произошло в июне 1967 года"?

— Не расходятся ли утверждения вашей прессы об отсутствии во Франции произраильского лобби с тем фактом, что несколько организаций (главным образом руководимый Соломоном Фридрихом комитет солидарности французских евреев с Израилем и группа француско-израильского альянса) победно трубят о каждом новом проникновении своих лоббистов в среду парламентариев?

— Чем иным, как не стремлением усилить засылку сионистских эмиссаров под видом туристов в Советский Союз, можно объяснить все растущую финансовую помощь филиалов израильского "Сохнута" и американского "Джойнта" антисоветскому "Комитету поддержки евреев в СССР" — разве не этот комитет практически занимается засылкой эмиссаров?

— Известно ли "Сионистскому движению Франции", особенно активно работающему с молодежью, что юнцы из сионистской организации под идиллическим названием "Французская ассоциация университетских друзей из Тель-Авива" перешли от словесных убеждений к расправе кахановскими методами с "равнодушными к Израилю" молодыми евреями?

— В Гренобле мне рассказал житель еврейского происхождения, что местные сионисты внесли его имя в существующий у них долгие годы список "непатриотичных" евреев. Ссылаясь на злоключения своих лионских друзей, он утверждал, что такой список завели и сионисты Лиона. Что это — собственная инициатива гренобльских и лионских сионистов? Или норма для всех ваших местных организаций?

— Много ли в стране фирм, предприятий, магазинов, банков, контор, где, как это практикуется на трикотажной фабрике Або Руди в Париже, от служащих и рабочих еврейского происхождения требуют обязательной причастности к сионизму?

— Только ли потому так рьяно французские сионисты выдворяют из страны израильских беженцев, что пекутся об интересах Израиля? Не играет ли значительную роль и такой мотив, высказанный в "объединении еврейского призыва" совладельцем фирмы оптовой продажи тканей Самоэлем Вейнрадом: "Евреев же мы не найдем подметальщиками и ассенизаторами, для этого годятся только негры, арабы, на крайний случай португальцы"?

— Непрестанные распри между молодежными организациями сионизма и провал попыток централизовать все ваши сионистские институты под эгидой Союза сионистов Франции — это плод каких-либо идейных разногласий или просто борьба за престиж, за влияние, за финансовую базу?

— Почему библиотека парижского сионистского культурного центра, гордящегося своей "борьбой за возрождение среди французских евреев национальной культуры", прячет в закрытых фондах советские издания еврейской художественной литературы на идиш и мотивирует это тем, что... никто из парижских евреев все равно не знает и не стремится знать идиш?

— В какую сионистскую организацию входит Франсуа Тонье — один из французских "туристов", задержанных с поличным советскими таможенными властями при попытке ввезти в Советский Союз сионистскую литературу, материалы антисоветского содержания и

деньги плюс адреса лиц, которым все это следовало нелегально передать? Я называю Франсуа Тонье, а не какого-либо иного эмиссара французских сионистов потому лишь, что он избрал для своего "путешествия" не поезд, не самолет, а автомобиль, где под обшивкой салона был оборудован особенно вместительный и "надежный" тайник. На собственном автомобиле, рассчитывали хозяева Тонье, ему легче было бы добраться до поименованных в списке адресатов. Может быть, вместо Тонье назвать другое имя? Или имена?

ГРУСТНОЕ ПИСЬМО ПАРИЖАНКИ

Интересовало меня, естественно, и то, чем смогут объяснить лидеры сионистских организаций Франции свое терпимое, мягко говоря, отношение к потоку антисемитской литературы и нарастанию погромных вылазок профашистских элементов. Состоятельные французские сионисты в истинном, а не показном отношении к антисемитизму ничем не отличаются от своих собратьев в других странах, ибо тоже видят в антисемитских акциях средство расширения и ускорения эмиграции "простых" евреев в Израиль, поэтому я не собирался задавать вопрос на эту тему напрямую.

Рассчитывал вместо этого ознакомить моих предполагаемых собеседников с неприятательным, но искренним человеческим документом. С письмом из Франции в Венгрию от жены лионского врача к своим будапештским родственникам. Они вручили мне в Венгрии точную копию письма:

"Вы можете подумать, что я повредила умом, но, честное слово, девочки вдруг засомневались, а действительно ли моего незабвенного отца сожгли наци в газовой печи? Им в школе сказали, что Треблинка, Освенцим и каждый фашистский лагерь-ад — чисто еврейская выдумка. У нас появилась напечатанная в Париже книга с фотографиями о гуманном обращении наци с депортированными евреями. Получается, деда вывезли из Венгрии не на смерть. Теперь вы понимаете, как Якобу и мне все трудней становится воспитывать детей в антифашистском духе? Если появятся еще такие книжки и учителя не порвут их на глазах у школьников, юные перестанут нам верить, что гитлеровцы — звери.

Приезжала из Бирмингема Лиззи и сказала, что у них, в Англии, с антисемитизмом еще опасней. Там после избиения нежелательных цветных некоторые евреи получают письма: ждете, чтобы и вас так отделали? Конечно, это страшнее, чем у нас, но мне от этого не легче и не спокойнее за девочек. Я вдруг вспомнила, как мне говорили, что французская антисемитская книга переведена с английского.

Якоб и я — мы ломаем себе голову над тем, почему против антисемитизма не слышно внушительного слова наших сионистов? Ведь они у нас вроде бы энергичная часть общества, но, по-моему, тратят всю свою энергию на то, чтобы каждый раз напоминать таким, как мы: вы хотя и граждане Франции, но не забывайте, что вы прежде всего евреи, а еврейское государство — это все-таки Израиль. В Париже есть комитет, или ассоциация, которая руководит всеми сионистами во Франции. Неужели она не может сказать им, собирающим среди евреев столько средств и для деятельности у нас, и для помощи Израилю, что им надо, наконец, так выступить против антисемитизма, чтобы во Франции и следов от него не осталось. Если бы всякие правые и профашисты знали, что такое указание исходит от таких, как Ротшильд, они бы призадумались. Тем более что французский народ, можете мне поверить, презирает антисемитизм. Еще много лет назад я услышала вроде бы поговорку: признать себя антисемитом — все равно, что признать себя сифилитиком. Так говорилось о французах. А теперь я бы сказала так о сионистских политиках, которые по соображениям своей партии и, вероятно, Израиля равнодушны к антисемитизму.

Наши сионисты все время с гордостью шумят: "Америка, Америка" так неужели они не могут привлечь против неофашистов сотни тысяч американских евреев, среди которых столько всемогущих! Лиззи уверяла, что в Америке тоже наблюдается антисемитизм, но я думаю, что она из-за разгулявшихся нервов преувеличивает. Я ее понимаю. Она ведь тоже мать, а в Англии, наверно, еще больше позволяют сегодняшним последователям наци.

Чувствую, что Якоб знает больше меня про политику сионистов в этой страшной проблеме, но не договаривает, не хочет меня волновать. Неужели они молчат, потому что... Страшно выговорить, не то, что написать.

Якоб мне посоветовал просить вас, дорогие Магда и Шандор, как это ни будет для вас тяжело, написать нашим девочкам правду, как наци сожгли их деда и других родных. Вы сделаете не только большое, благодеяние нам, но очень много сделаете для девочек. А то в их понимании это далекое, далекое прошлое, какие-то древние годы, им просто не понять, что историю того страшного времени сейчас кому-то хочется истолковать превратно. И самое страшное — что общественные деятели, которые считают себя представителями евреев и в Израиле, и в Америке, и повсюду, либо еще не вполне разобрались в том, что происходит, либо разобрались, но предпочитают чего-то выжидать. Поневоле закрадывается мысль, что для сионистов в этом какая-то скрытая политика, Ох, не хотела, а опять-таки высказала свои подозрения, но скребут они мою душу. И Якоб тоже, чувствую, переполнен ими. Не просто же так он все время со вздохом говорит, что когда все наши сионисты действуют вместе, они заставляют считаться с собой самых влиятельных лиц и во Франции и за границей, что их лобби — эквивалент чего-то очень, очень сильного. Почему же мы не чувствуем их объединения и решительности в такой страшной неонацистской проблеме, которая, не думайте, дорогие, что я преувеличиваю, все опасней надвигается на нас. Уже в каком-то доме по улице Жан Муанон свою резиденцию имеет антисемитская шайка. Ее шеф (фамилия, кажется, Фредерикс) приказывает своим хулиганам писать фашистские угрозы на еврейских домах. Особенно полюбился им район Сен-Март. Многие евреи стараются выехать из этого района. Там даже подешевели квартиры, а это, помните, я вам уже писала, в Париже — фантастика. Я очень волнуюсь, хотя не знаю еще всех подробностей про шайку Фредерикса..."

Женщина, чье письмо я привел, сейчас уже, вероятно, знает многие подробности, характеризующие явно фашистскую деятельность так называемой ФАНЕ, которой руководит Марк Фредериксен. Молодчики из этой "ассоциации национальных и европейских действий" малюют на витринах принадлежащих евреям магазинов гитлеровскую свастику с надписью: "Смерть евреям!" В эсэсовских мундирах выученики новоявленного фюрера разгуливают по улицам, горланят нацистские песни, терроризируют "нечистых" французов. За поджог и разгром помещения одной из антифашистских организаций французской столицы полиция вынуждена была арестовать одиннадцать преступников из ФАНЕ, но вскоре отпустила их по причине "недостаточных улик".

В Париже мне показали листовку с перечнем глубоко враждебных французскому народу "идеалов" пронацистской ассоциации. Антисемитизм занимает в этом перечне не последнее место. Немало своих экстремистских выходов Фредериксен направляет против лиц еврейского происхождения. Казалось бы, сионистским организациям, так любящим выступать от имени еврейских общин, следовало бы ударить в набат! Нет, они выжидают, молчат, бездействуют, ведь аристократов и богачей ФАНЕ не смеет трогать.

Только коммунисты и их печать по-настоящему забили тревогу. И если все-таки состоится суд над Фредериксеном, обвиняемым в апологии насилия, разжигании расовой ненависти и подстрекательстве к расовой дискриминации (вот какой букет преступлений неонацистского вожака зафиксирован обвинительным актом!), то это прежде всего результат обращения группы коммунистов — муниципальных советников к префекту Парижа.

ФАНЕ официально распущена 3 сентября 1980 года. Но тут же сформированная на ее основе неонацистская организация ФНЕ ("Европейские национальные группы") уже месяц спустя учинила потрясшее всю Францию кровавое преступление в Париже на улице Коперника. Мне хорошо помнится эта малооживленная, тихая улица, где я долго беседовал с группой западногерманских евреев, приехавших из Маннгейма и Мюнстера прощупать, по их выражению, а не безопаснее ли евреям жить здесь, а не в ФРГ. И вот 4 октября на улице Коперника в припаркованной вблизи синагоги автомашине взорвалась бомба. Взрыв был настолько сильным, что людям на прилегающих улицах почудилась бомбежка. Четыре

человека погибли, шестнадцать ранены. Взрывная волна повредила пять жилых домов. Случись взрыв в более оживленный час, число жертв исчислялось бы, по мнению журналистов, несколькими десятками. Вчера — ФАНЕ, сегодня — ФНЕ, не в букровке суть, а в том, что эта неприкрыто террористическая организация заняла свое заслуженное место в западноевропейском "черном интернационале" террористических служб неофашизма.

Таковы подробности, не известные парижанке, писавшей письмо будапештским родственникам. Но эти и многие более существенные подробности антисемитских акций ФАНЕ прекрасно известны заправилам сионистских организаций Франции.

К сожалению, мне не удалось показать им правдивое, а главное, остро разящее сионизм письмо парижанки еврейского происхождения. Они с завидным постоянством уклонялись от встречи с советским литератором, поручая своим секретаршам убеждать его, что "сезон" у них еще не начался.

Понимаю, читатель может воспринять болтовню о межсезонье, как скверный и неумный анекдот. Но я ничего не убавил и не прибавил.

Что же в действительности крылось за этими демагогическими отговорками?

КРИЗИС, РАСКОЛ, РАЗОЧАРОВАНИЕ

Поначалу возникла такая догадка.

Унылое выжидание царит среди французских сионистов из-за того, мол, что возглавляемые бароном Ротшильдом их делегаты на XXIX всемирном сионистском конгрессе вернулись из Иерусалима подавленными и огорченными. Конгресс, приуроченный к 80-летию сионизма, открылся, рассказывали они, довольно помпезно. Не было недостатка в барабанных речах Бегина и его министров, выступали и киты международного сионизма, Шиндлер из США, лорд Фишер из Англии, высказался и Ротшильд. И все же...

"Отдельные делегаты горе-сионисты вели себя так, словно на пикнике в лесочке, давая повод всем и вся на свете толковать как им угодно о сионизме, о правительстве, о народе еврейском в Израиле, о евреях в странах диаспоры. — Так раздраженно писал об итогах конгресса ортодоксальный тель-авивский журнал "Шалом". — На виду у всего мира они позволяют себе затевать диспут: быть или не быть еврейскому государству? Они продолжают заниматься демагогией по вопросу о необходимости алии, которая действительно умирает, прежде всего, алия из России. Из других стран тоже не торопятся евреи переезжать в Эрец Исраэль. Не спешат возвратиться на родину и сотни тысяч йордим, рожденных на земле Израиля. Нашлись на конгрессе сионисты, разуверившиеся в возможности единства всех национальных сил ради успешного решения действительно тяжелых внутренних и внешних проблем Израиля..."

Вот оценки авторов других сионистских газет и журналов, преподнесенные читателям под видом "отдельных недостатков" конгресса и старательно припудренные пылью помпезных фраз о грядущих успехах международного сионизма:

— Иногда создавалось впечатление, что обсуждались не насущные задачи мирового сионизма, а неудовлетворительный отчет о состоянии дел в Израиле.

— Как могли допустить авторитетные люди из ВСО, чтобы на конгрессе, где присутствовали сионисты всего земного шара, раздавались гнусные пораженческие речи!

— Над конгрессом, порой напоминавшим судилище над сионизмом, часто веяло "Виновен" и редко добавлялось "Но заслуживает снисхождения".

— Элементы, которые злобно подсмеиваются над проверенной жизнью формулировкой "Чтобы потом было хорошо, пусть пока будет плохо", могли собрать на конгрессе большой урожай "нахес" (труднопереводимое с идиш слово, приблизительно означающее удовлетворение, наслаждение. — Ц.С.).

Вернувшиеся с конгресса делегаты французских сионистов даже не пытались скрыть своего разочарования, смешанного с изрядной растерянностью.

— Как будто собирался на свадьбу, а попал на развод, — так охарактеризовала

выступление одного из делегатов участница собрания парижского филиала женского сионистского объединения.

— Если бы Теодор Герцль восстал из гроба и услышал, как на конгрессе позволяли себе говорить о внутренней и внешней политике сионистов, стоящих у руля государства Израиль, он тут же скончался бы от разрыва сердца! — Это из записанной на собрании в "объединении друзей кибуцев" речи делегата Иерусалимского конгресса. — Сомневались, может ли Израиль быть целостным! Утверждали, что всеобщая алия не осуществляется и не может осуществиться, не хотят переселяться евреи диаспоры в Израиль! Доказывали цифрами, что количество уезжающих из Израиля превышает количество приезжающих, что даже коренные израильтяне, чьи отцы и матери родились в Эрец Исраэль, готовы кое-как ликвидировать отцовские дела и покинуть страну! Кто это, спрашивается, может выдержать!

Менее эмоционально, но в таком же тревожном духе проходило на рю Дали, 6, собрание тех, кто примыкает к так называемому "комитету социалистического сионистского действия". Особенно злобно орудующие под социалистической личиной сионисты поносили бывших граждан Советского Союза и других социалистических стран за то, что "они плюют на проблемы сионизма и продолжают оставаться чужими на земле израильской". По утверждению докладчика, их голос так и не услышали на конгрессе, ибо "заранее было известно, что они больше заняты мыслями, куда выгоднее бежать из еврейского государства".

Слух делегатов с берегов Сены особенно неприятно резали в Иерусалиме настойчивые упоминания о провале алии. Это были укоры не в бровь, а в глаз. Чего греха таить, ведь вместе с сионистами других западноевропейских стран французские тоже в свое время упоенно и браво заверяли израильских руководителей: "Сагитируем, заставим, переселим!" О том, каких именно евреев намереваются сагитировать, заставить и переселить на землю отцов — французских или восточноевропейских, — они стыдливо умалчивали. А израильские собратья покамест деликатно не спрашивали.

Потом все-таки спросили. Из Парижа последовали пространные ответы и объяснения, сводившиеся, в общем-то, к одному; как и вожак сионистских "практиков" Майкл Фидлер в Лондоне, "теоретики" в Париже считают своей первейшей обязанностью "содействовать" переезду в Израиль не своих земляков, а евреев из СССР и других социалистических стран, ибо для таковых это "не эмиграция, а репатриация на их национальную родину".

Сорвалось, однако, и с "репатриацией". И тогда, отбросив всяческие деликатности, израильские сионисты стали тыкать в лицо французским единомышленникам их торжественные обещания обеспечить всемирную алию. В Париже, между прочим, с улыбкой вспоминают о таком случае.

Французские сионисты в 1976 году раструбили по многим странам, и прежде всего в Израиле, об организованной ими произраильской манифестации парижских евреев. На эту манифестацию, крикливо названную "12 часов для Израиля" (хотя ее участники поспешили разойтись по домам спустя 25 минут), были организованно доставлены несколько сот евреев из провинции, еще так недавно "неприметных и пассивных", — вот на что хвастливо налегали организаторы манифестации. Специально подчеркнул это в своей информации для Израиля и один из организаторов манифестации — лидер "объединенного еврейского социального фонда" Клод Грос. И хотя фонд раскошелился на немалое денежное поощрение манифестантов, израильская пресса с ехидцей ответила на победные реляции: было бы, дескать, намного лучше, если бы "неприметные" и "пассивные" евреи из провинции приехали не на пару часов в Париж, а навсегда в Израиль.

Встревоженные такой отповедью парижские сионисты срочно отрядили своих посланцев в Израиль на встречу в Натании с израильтянами, которых местная пресса отнесла к "франкоязычным". Это мероприятие призвано было "укрепить узы между Израилем и еврейством Франции". Увы, в Натании парижанам пришлось выслушать уж совсем откровенные упреки в неумении обеспечить алию, из-за чего провалился план "всеобщего переселения еврейства на историческую родину". Подобные упреки, все более злые и

назойливые, руководителям французского сионизма приходилось выслушивать еще не раз накануне юбилейного конгресса.

Удивительно ли, что после иерусалимского сборища среди французских сионистов, прежде всего парижских, воцарилась особенно безрадостная атмосфера. Вот тогда-то и возникла небезосновательная догадка, что столь невеселые итоги долго рекламировавшегося и старательно подготовлявшегося юбилейного конгресса заставили руководителей сионистского стана во Франции объявить "межсезонье". Простейший способ уклониться от встреч с "чужими" и, пока еще не зарубцевались свежие раны, не давать никакой информации несионистской прессе!

ФРУКТОВЩИК КОММЕНТИРУЕТ УНЫНИЕ РОТШИЛЬДА

У читателя может возникнуть недоумение: чего это вдруг именно сионистам Франции вздумалось столь горько переживать и принимать близко к сердцу скверные итоги Иерусалимского конгресса, отразившие плачевное состояние израильской экономики, крах надежд на массовый переезд евреев в Израиль, неуверенность живущих как на военном положении израильтян в завтрашнем дне?

Нет, не вдруг и отнюдь не вздумалось. У французских сионистов были все основания с особенной остротой ощутить хронические провалы планов и программ сионистских правителей Израиля как свое собственное поражение. Они и вправду чувствовали себя побежденными. Очень живо и самобытно растолковал мне это владелец мелкой фруктовой лавочки близ синагоги в районе Марэ, отрекомендовавшийся при нашем знакомстве так: "Сионизм — нет, шекель — да". Проще говоря, еврей, не разделяющий убеждений сионистов, но тем не менее вынужденный платить в их кассу требуемый ими "шекель" — ежемесячные денежные взносы. Анализ шекелеплательщика таков:

— Мой прадед говорил моему деду, а дед — отцу: "Никогда не устраивай торжество в честь обрезания еще не родившегося мальчика. Чем больше будешь пить и плясать на таком торжестве, тем горше заплачешь, если мальчик не родится и будет некому делать обрезание". Точь-в-точь такое сейчас произошло с нашими сионистами. Как они плясали и шумели: "Эрец Исраэль расцветает! Все там богатеют! В стране воцарился мир! Скоро там не хватит места для желающих переселиться туда! Вы, евреи Франции, увеличивайте размер ваших шекелей — ведь рано или поздно вы сами попроситесь в Израиль!" Торжество в честь Израиля не имело конца. Такого шума не устраивали ни итальянские сионисты, ни английские. И вдруг ни с того ни с сего — нет, нет, я, необразованный еврей, который читает только позавчерашние газеты, смею все-таки думать, что совсем не вдруг, а и с того и с сего! — оказалось, что мальчик не родился. Некого и не за что прославлять. Деньги, которые слали и слали сионистам в Израиль из Америки, из Франции, из Дании — отовсюду, ушли в прорву. Мира там нет, все дорожает, а эти хитрые евреи не только не хотят туда переселяться, а, наоборот, стараются выбраться из "своего" государства. Как же тут не приуныть даже Ротшильдам, чьи шекели были поувесистей моих! И наши сионисты в Париже — наверно, не только в одном Париже! — сейчас прослезились над неродившимся израильским ребенком. Правильнее, знаете, было бы сказать — не израильским, а общесионистским. Ухватили суть?

Уж до того ухватил, что даже не заметил, как за две крохотные и пятнистые груши мосье "сионизм — нет, шекель — да" получил с меня, питавшегося в Париже на скромные суточные, сумму, вполне достаточную для покупки килограмма отборных груш в фирменном магазине на Больших Бульварах.

Что ж, смекалистый парижский фруктовщик верно, пожалуй, "ухватил суть" веских причин, по которым французским сионистам приходилось особенно горько оплакивать разброд на юбилейном конгрессе.

И все же не в этом была истинная суть маскировочного "межсезонья". Не из-за "сумятицы в Иерусалиме" пришлось прибегнуть французским сионистам к такому способу

спасти от диалогов с несионистами. Причины оказались сугубо своими, внутренними, касающимися именно сионистов Франции.

В ту пору в их среде начался по-настоящему беспросветный кризис. До того серьезный, что израильская пресса с несвойственной ей откровенностью назвала этот кризис "глубоким расколом еврейской общины Франции".

Общины? Старые песни сионистов?

Не прибегнула ли и на сей раз сионистская пресса к обычному фальсификаторскому приему, когда в каждой очередной попытке отождествить сионизм со всем еврейским населением той или иной страны она ловко манипулирует расплывчатым понятием "еврейская община"? Нет, в данном случае, во Франции, раскол действительно вышел за пределы сионистского клана и захватил значительное число тех евреев, которые, не будучи сионистами, поддерживали (чаще всего под тяжелым прессом запугивания и экономической кабалы!) сионизм, то есть прежде всего покорно терпели всяческие денежные поборы под видом пожертвований.

Естественно, такое расширение рамок кризиса сделало его более опасным для сионистов Франции, которые, подобно своим единомышленникам в других странах, никогда не смеют позабыть о своей ответственности перед требовательными хозяевами — монополиями и империализмом.

ПРАВО НА... МОЛЧАНИЕ

Итак, кризисный раскол. С чего же он начался?

С того, видимо, что издаваемый "центральным фондом социальной помощи евреям Франции" (помощи, конечно, сионистам Израиля! — Ц.С.) журнал "Л'арш" опубликовал "крамольную" статью, защищающую "право не проживающих в Израиле евреям свободно высказываться о проблемах государства Израиль и политике израильского правительства, даже если они не согласны с этой политикой". Трудно себе представить, но международный сионизм не признает столь элементарного права.

Не буду интриговать читателей и сразу назову имя "крамольника", приведшего своей раскольнической статьей в неслыханную ярость всю элиту сионистов Франции: сам председатель главного правления вышеупомянутого фонда Адам Ломм.

В Израиле вначале попросту отказались этому поверить! Ведь Ломм, как с грустью напомнила официальная израильская газета "Наша страна", "является видным сионистским общественным деятелем, известным своей сдержанностью и осторожностью. Сведущие люди говорят, что Ломм не стал бы выступать в этом духе, если бы не был уверен в поддержке большинства евреям Франции".

Что правда, то правда! Действительно, только уверенность в массовой поддержке французских евреям-несионистов, которым осточертела унижающая их вассальная духовная зависимость от Израиля, придала Ломму решимость заявить:

"Почему евреям разрешается высказывать мнение о Чили, Франции или США, кроме Израиля. Израиль — единственная тема, о которой мы обязаны хранить молчание, если только мы не поддерживаем полностью политику израильского правительства".

На сей раз "сведущие люди" из израильской газеты не ошиблись: мгновенно превращенный из уважаемого сионистского лидера в раскольника, Ломм имел все основания верить в поддержку евреям Франции. Его статья, словно брошенный в стоячую воду камень, всколыхнула французских евреям — пожилых и молодых, мужчин и женщин. Всколыхнула несионистское большинство и сионистское меньшинство. Уже много лет они в глубине души возмущены тем, что за малейшую, самую сдержанную критику какого-либо шага сионистского правительства Израиля любого из них шельмуют как "антипатриота, антисиониста, антисемита".

Высказанное Адамом Ломмом недоумение вызвало волну открытых сочувственных откликов французских евреям, безмерно тяготившихся навязанной им сионистскими

руководителями незавидной повинностью не смей свое суждение иметь о самых жестоких, самых антидемократичных действиях израильского правительства.

"В Южной Африке апартеид сходен с адом, этим мы вправе возмущаться, — писала семья Ришелье из Бордо. — На митинге протеста против пыток в Ольстере мы даже присутствовали и голосовали за резолюцию, осуждающую английские власти [Весьма наивное, увы, утверждение! Вправе ли, с точки зрения сионистов, "настоящий еврейский патриот" осуждать зверства расистской клики в ЮАР или выстрелы английских солдат в ирландских "мятежников"? Нет, не вправе, считает сионистская пропаганда. Более того, евреям просто не следует переживать "чужое" горе. О бесчеловечных взглядах сионистов на любую трагедию в мире, которая "не касается евреев", рассказано в главе "Для таких горе бывает и чужим". — Ц.С.]. А спросить, почему в Израиле разрушают арабские школы или бросают в тюрьму стариков палестинцев, не имеем права. Разве в этом есть логика? Или справедливость?"

С сионистской точки зрения есть.

Не столько, конечно, логика и менее того справедливость, сколько ожесточенная, фанатичная убежденность в необходимости, не брезгуя выбором средств, осуществлять неосуществимую, естественно, задачу подчинить сионистской идеологии всех евреев, не живущих в Израиле и совсем о том не помышляющих. Если не подчинить, то хотя бы заставить молчать.

Духовный диктат сионистов Израиля, безоговорочно поддерживаемый и углубляемый еврейскими финансовыми магнатами и иудаистскими духовными деятелями, тяготит, уместно здесь напомнить, не только евреев Франции. Пусть извинит мне читатель небольшое отступление, но не могу не обратиться к своим записям, сделанным в других странах Запада.

"Встретилась с двумя старыми знакомыми дамами, — рассказывает амстердамская еврейка Дорит Гринс. — У них сыновья призывного возраста. И сразу же тревога из-за военных приготовлений. Америка, слышали, опять увеличивает военный бюджет! В Вене переговоры о разоружении не двинулись ни на шаг! В Африке опять военные стычки за стычками! Говорим, волнуемся. А в Израиле?.. Мы трое смотрим друг на друга и... начинаем болтать о другом. Не дуры же мы, знаем, что Израиль фактически воюет в Ливане, что богатые израильтяне под предлогом поступления в университет отправляют сыновей в Америку или Францию, чтобы тем не пришлось воевать, а мы улыбаемся. Я хорошо знаю этих дам, а все-таки закрадывается мысль: лучше промолчать, а то вдруг ляпнешь, как в Израиле обожают, чтобы не было "ни мира, ни войны" — и пришьют тебе "антисемитку". И еще у мужа в фирме будут неприятности, ведь шеф — почетный патрон двух сионистских обществ. Возможно, мои знакомые точно так же сомневаются насчет меня. И мы улыбаемся, улыбаемся: в Израиле все-слава богу! В Израиле всегда все — слава богу..."

"Один мой знакомый фармацевт еле-еле откупился от "сыновей завета" (имеются в виду активисты "Бнай-Брита". — Ц.С.) пожертвованием — и совсем не по карману — в фонд израильских кибуцев на новых поселениях, — нахожу я в своем блокноте рассказ служащего антверпенской фондовой биржи. — А чем провинился, знаете? Стал, дурак, доказывать лектору из "Бнай-Брита", что лихорадочная инфляция в Израиле происходит из-за колоссальных затрат на вооружение. Лектор при всех обвинил фармацевта в капитуляции перед антисемитами. Хорошо еще, что — не в антисемитизме..."

Стоит ли приводить подобные рассказы, записанные мной в Мексике, Англии, Бельгии, Италии, других странах? Надеюсь, и без них читателю вполне ясно, какие тяжелые сионистские репрессии обрушиваются там на евреев, осмеливающихся усомниться в райской жизни Израиля и идеальной безошибочности его сионистских правителей.

Возвратимся во Францию.

И подчеркнем: сионистский запрет на собственное мнение об Израиле и его правителях возник в еврейских кругах Франции не внезапно, не сразу. Он иезуитски культивировался и драконовски насаждался годами. Еще в 1972 году на это обратил внимание Андре Жиссельбрехт в статье "Идеология и практика сионизма" на страницах журнала "Нувель

критик". Жиссельбрехт писал о начавшейся во Франции сразу же после израильской агрессии 1967 года циничной политической спекуляции на придуманных национально-израильских чувствах французских евреев. Эта спекуляция привела к прямому запугиванию всех высказывающихся против агрессивной политики сионизма, к приклеиванию им ярлычка "антисемита".

Как читатель мог убедиться, длительное время создавалась такая атмосфера всепрощения израильских руководителей за каждую их жестокость, за каждый их антидемократический шаг.

В нагнетании столь удушающей атмосферы немаловажную роль сыграли и религиозные деятели. Я бы погрешил против истины, сказав, что среди французских евреев так уж много убежденных приверженцев иудаизма, но и неверующих тоже гнетет и подавляет доктрина "отпущения всех грехов иудаизму", выработанная раввинами Франции. В ответ на критические замечания о многих откровенно расистских акциях израильского правительства главный раввин Франции Каплан так сформулировал эту немедленно подхваченную международным сионизмом доктрину: "Современный Израиль как бы возводит третью Святая святых. Но разве в древние века первосвященники требовали, чтобы каменщики и плотники, которые соорудили Святая святых, были чистыми?"

Какая удобная для сионистов формулировка! Уж коли Бегину, Шамиру, Аренсу и иже с ними совсем не положено быть чистыми, их цели, стало быть, вполне оправдывают любые средства, и пора, значит, кончать с "непатриотичными" оценками этих средств! И хватит цацкаться с евреями — "антисемитами", не могущими взять в толк, что возведение военных поселений на отбираемых у палестинцев землях — это не аннексия, а благочестивое сооружение оснащенной ракетными установками Святая святых!

ПОД ПРЕССОМ СИОНИСТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Особо следует остановиться на "интеллектуальной" активности, которой во Франции отличаются представители израильской ассоциации "Б'рит иврит Оламит". Ее цели, если верить официальному статуту, вроде бы невинны: насаждать иврит среди евреев в странах "рассеяния". Вскоре, правда, задачи ассоциации сформулированы были более воинственно: интенсифицировать национальную жизнь евреев этих стран. А на деле и такая формулировка оказалась камуфляжной.

Эмиссары ассоциации в действительности стремятся пробудить "голос крови" в прозаиках, поэтах, публицистах еврейского происхождения, органически и неразрывно связанных с культурой страны, где они родились, учились, работают, на языке которой мыслят и пишут. Оторвать их от этой родной культуры, заставить их почувствовать себя частицами несуществующей "всемирной еврейской нации", принудить их служить еврейскому буржуазному национализму — вот чем занимаются не покладая рук эмиссары "Б'рит иврит Оламит" на французской земле.

Потерпев множество неудач, они самоотверженно пошли на то, чтобы сузить свою программу: если, мол, намеченных к "перевоспитанию" творческих работников нельзя превратить в песнопевцев сионизма, то пусть они по крайней мере станут советологами. Что ж, тоже полезная сионистам "специальность" ведь в любом проявлении антисоветизма во Франции они играют далеко не последнюю роль!

Помимо пробуждения в творческой интеллигенции "голоса крови" и стимулирования "советологов", у "Б'рит иврит Оламит" имеется, оказывается, и третье направление деятельности. Принадлежность к столь высокоинтеллектуальной организации не мешает его членам во время пребывания в социалистических странах заниматься архигрязными делами разведчиков и провокаторов.

Вот что рассказала мне молодая пражанка, специализирующаяся в области биофизики:

— На выставке в одном из музеев со мной заговорила общительная французская туристка. "Я чувствую, что вы еврейка, — обратилась она ко мне, — и мне хочется оказать

вам: я большая поклонница Израиля, хотя всю жизнь живу в Париже". И хотя ни слова не сказала я ей о своей причастности к научной работе, она начала меня горячо убеждать: "Даже научные специалистки должны в наше время огромных эмоциональных нагрузок и нервных стрессов давать себе разрядку — жить весело, в свое удовольствие. В этом отношении Израиль — самая благодарная страна. Там молодежь очень изящно и вместе с тем твердо сбросила с себя оковы условности. Понравился тебе мужчина — сорви мимолетное удовольствие! Обстановка в Израиле этому благоприятствует: там женщины, особенно молодые, живут сегодняшним днем. Понимаете, что это сулит женщине!" Я возмущенно заявила туристке, что она напрасно растрчивает свой пыл, на сионистскую наживку я никогда не клюну. "Какая я сионистка! — с видом оскорбленной невинности воскликнула назойливая пропагандистка веселой жизни в свое удовольствие. — Я действительно еврейская патриотка, но состою во французской, слышите, не израильской, а французской ассоциации евреев-интеллектуалов, у которой одна забота напомнить мыслящим людям нашей национальности о родном языке. Здесь, в Праге, вы первая, к кому я обратилась. Что-то подсказало мне, что вы не только еврейка, но и интеллектуалка..." И, не отставая от меня, продолжала развивать начатую тему: "А разве не стоит иногда молодой женщине погрузиться в сладостный мир того, что в полицейской хронике вульгарно называется наркоманией. Поверьте мне, запретный плод очень сладок. Впрочем, и вы сами, наверно, успели в этом убедиться, не правда ли? Но в Израиле, как нигде, можно обойти запрет!.."

Беседуя в Праге с девушкой-биофизиком, я не мог определить "фабричной марки" атаковавшей ее французской сионистки. Но теперь, познакомившись с направленностью "Б'рит иврит Оламит", нисколько не сомневаюсь, что молодую пражанку пыталась спровоцировать питомица именно этой организации. Выходит, от "голоса крови" через советологию всего один шаг до наркомании и мимолетных встреч с интересными мужчинами в благоприятствующей этому израильской обстановке! Ничего не скажешь, разнообразный арсенал провокационных средств используют французские активисты сионистской ассоциации, пекущейся о родном языке.

Стремление сионистов демагогически отвлекать общественность от борьбы с подлинным антисемитизмом, по существу для них выгодным, и одновременно проводить знак равенства между антисиионизмом и антисемитизмом — этот спекулятивный маневр своевременно раскрыли и осудили французские коммунисты. Еще в 1971 году теоретический центр Коммунистической партии Франции — институт Мориса Тореза подкрепил серьезной аргументацией недвусмысленный вывод: "Критиковать идеологию сионизма и разоблачать фальсификаторов — это не значит проявлять антисемитизм (по без конца повторяемой сионистской формуле "антисиионизм-антисемитизм"). Напротив, это означает отвергать утверждение, будто все евреи — соучастники политики расизма, экспансии и агрессии, это означает выступать против доктрины "вечной ненависти" (имеются в виду измышления сионистских историков о "вечной ненависти всех народов мира против евреев". — Ц.С.), за братство народов".

С такими же справедливыми оценками провокационной практики сионистов неоднократно выступала и газета Компартии Франции "Юманите".

Тем не менее пойманные, как говорится, с поличным сионисты продолжали делать свое черное дело. Негласная, но властная сионистская цензура оголтело "искореняла" во Франции не только малейшее осуждение политики и экономики Израиля, но и любое критическое высказывание об израильской культуре.

Пресс такой цензуры испытал на себе публицист Ноэль Калеф, многие годы до того превозносившийся сионистской прессой за его обнадеживающие статьи об Израиле. Но вот он посмел на основе серьезных исследований подчеркнуть, что одна из причин, по которым пока еще не сформировалась собственная израильская культура, — это застывший в своей древней структуре язык, плохо подчиняющийся требованиям живого стиля и уводящий писателей в лоно пафоса. Какой поднялся переполох! Сколько проклятий призвано было на

голову новоявленного "антисемита" Ноэля Калефа!

Такие трансформации, такие кульбиты не редкость для пропагандистской машины сионизма во Франции, гордящегося тем, что присущий ему "теоретизм" способствует его "высокому международному авторитету", то есть придает ему особенный вес в сионистских кругах не только Западной Европы, но и Америки.

В этом есть доля правды. Действительно, стоит только французским сионистам предать кого-либо анафеме, как это приобретает международную известность...

Сколько оскорбительных нападок и угроз обрушили, например, сионисты США, Англии, Бельгии и, конечно, Израиля на французского публициста еврейского происхождения Роже Икора, предостерегшего со страниц еженедельника "Ле фигаро литерер" о чрезвычайной опасности помноженного на милитаризм и теократический дух еврейского национализма: "Все это создает страшную смесь религиозного фанатизма и расизма".

ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ ФАШИЗМА

Эта страшная смесь все гущеет и растекается. Она закономерно порождает в Израиле организации и службы, говоря о которых никак нельзя не помянуть фашизм.

— Ой, как просвечивает родство с ним, — сказала мне пожилая парижанка, жена владельца магазина близ Блошиного рынка, недавно побывавшая в Израиле. — Муж давно недоволен моим увлечением сионизмом. Он убежден, что во всех несчастьях его родственников, проживавших до войны в Польше, виноваты только сионисты. А я, правду говоря, за последние шесть лет не пропустила, кажется, ни одного собрания сионисток нашей общины. И хотя с доходами у нас в магазине сейчас не очень хорошо, муж сказал мне: "Поезжай туристкой в Израиль, посмотри все своими глазами и по совести ответь себе, можно ли верить тому, что сионисты рассказывают нам об этой стране". Так случилось, что на второй день приезда я смогла увидеть и услышать одного из нескольких десятков "главных членов" новой организации "Кахх". Когда мне сказали, что ею руководит Меир Кахане, я вначале не поверила. Не может быть, подумала я. Ведь во многих странах, и у нас во Франции тоже, столько евреев краснели от стыда, когда узнавали о новых бандитских нападениях лиги Кахане в Америке. И мы радовались, когда на собраниях нам рассказывали, что за "антигуманизм" его в Израиле не раз привлекало к ответственности. А он, оказывается, в Израиле сколотил террористическую шайку и открыто проповедует такие кровавые дела, что невольно вспоминаешь фашистскую пропаганду. И не только проповедует, но и организует разбойничьи нападения на арабские семьи. Хочет заставить их покинуть родные места и даже совсем эмигрировать из страны. Я слушала, слушала про делишки "Кахха", а потом впервые в жизни взялась за блокнот и перо. Составила маленький список террористических дел и планов кахановской организации. Только тех, о которых своими ушами слышала от израильтян, причем и от таких, которые говорили о "Каххе" с удовольствием и вовсе не осуждали израильтянцев...

Словно заподозрив меня в недоверии к ее словам, женщина торопливо пояснила:

— Почему я исписала полблокнота, а в последний вечер начисто переписала все на четырех листах? Думала, у нас в Париже моими бумагами заинтересуются, ведь наши евреи только кое-что знали о нападениях "Гуш-эмуни" на арабов. Я, правда, узнала, что "Гуш-эмуни" расправляется и с израильтянами, если они смеют сочувствовать арабам. Хорош "блок верующих", ничего не скажешь! Но все гушэмунистские делишки — это просто хулиганские выходки по сравнению с тем неслыханным зверством, что задумал Кахане вместе со своими помощниками в "Каххе". Ужас! "Армия расправляется с сопротивляющимися, а мы dokonчим то, что она недоделала, и расправимся поголовно со всеми" — вот какие инструкции дает Кахане своим "главным членам"...

— Можно ознакомиться с вашим списком? — непроизвольно вырвалось у меня.

Тут уж в разговор вмешался — и весьма решительно — муж возвратившейся из

путешествия туристки.

— Вы думаете, я сошел с ума? И хочу обанкротиться? И вижу во сне, чтобы меня вышвырнули из Парижа? Я сразу сказал ей: спрячь свой "меморандум" под три замка и никому не вздумай показывать. Нажить себе врагов — сионистов — только этого нам не доставало!

— И все-таки я показала свой список журналистке — с долей вызова продолжала женщина. — Она, правда, совсем еще молодая, пока еще ее строчки печатаются без подписи. Но настоящая журналистка. Она тут же при мне все прочитала. И пришла в ужас. Потом снова прочитала...

— Не тяни резину, — вновь вмешался в разговор муж, — а то господин Солодарь еще, не дай бог, подумает, что твоя журналистка схватила список и побежала в редакцию, чтобы напечатать его в вечернем выпуске на самой первой странице!

Женщине явно не хотелось продолжать рассказ. После длительной паузы она без прежнего оживления тихо произнесла:

— Девушка тоже не хочет калечить себе жизнь. Она взяла с меня слово, что я ради своих детей никому не скажу ни слова про... Вы понимаете — про что...

— Договаривай уже. — На сей раз муж говорил с грустной интонацией. — Расскажи, как журналистка прибежала на следующий день. Прибежала рано утром, до открытия магазина. — Но жена молчала, и он сам мне пояснил: — Журналистке показалось, что мы с женой не поняли, что играем с огнем. А, скорее всего, просто испугалась за себя. Она хоть и не еврейка, но сионисты могут испортить жизнь и ей...

— Она мне сказала, — вновь оживилась женщина, — что ни один сионист, ни один близкий сионизму человек не должен знать о нашем разговоре. Сказала так, что я поняла: ей не простят. И задрожала. Мне, еврейке, тем более не простят, если я хоть словечком, хоть намеком посмею сравнить некоторые сионистские организации Израиля с фашистскими.

Бедная женщина! Дрожащая за своих детей, не знала она, что даже израильская печать нет-нет да проговорится, что покровительствующая кахановскому "Кахху" националистическая организация "Техия" заимствовала некоторые формулировки своей программы у фашизма. Не дошел, вероятно, до скромного магазина близ Блошиного рынка тот номер газеты для избранных "Монд дипломатик", где об организаторах "Техии" было сказано: "Эти деятели без стеснения сравнивают свою партию с некоторыми фашистскими движениями Европы". И конечно, не известна моей напуганной парижской собеседнице политическая резолюция состоявшегося в июле 1980 года пленума ЦК Коммунистической партии Израиля, открыто обвинившего правительство Бегина в расширении и усилении процесса фашизации общественной жизни в Израиле. Со свойственной коммунистам бескомпромиссностью в резолюции отмечается фашистский характер предложенной 13 июля 1980 года правительством поправки к закону о "борьбе против террора". Эта поправка предусматривает трехлетнее тюремное заключение для тех, кто борется за справедливый мир на Ближнем Востоке на основе уважения законных прав палестинцев. Под ярмо изуверского закона, следовательно, попадут и арабы и евреи, считающие Организацию освобождения Палестины единственным законным представителем палестинского народа. Иными словами, законодательно подкрепляются разбойничьи планы всяких "Техий" да "Каххов".

Как видите, не шибко-то разбирающаяся в политике французская еврейка за короткое пребывание в Израиле сумела разглядеть нависающую над страной зловещую тень фашизма. Но осмелюсь встревоженная женщина поделиться хоть с кем-нибудь своими ужасными наблюдениями, сионисты не простят ей этого.

Не прощает международный сионизм и менее значительных проявлений "непатриотичного отношения" к своей идеологии.

Потому-то все ненавистней и нетерпимей для еврейского населения Франции становится навязываемая ему сионистами недостойная обязанность безропотно шагать "по израильской борозде". И годами назревал среди французского еврейства протест против принудительного выполнения этой духовно обедняющей человека обязанности.

Об этом вырвавшемся, наконец, на поверхность протесте заговорила и несионистская пресса. Ей, кстати, тоже порядком надоело ощущать на себе хваткую руку сионизма — только лишь дело коснется публикации "компрометантной" для Израиля информации.

Такое вмешательство в редакционные дела распространяется на оценки и сообщения не только политического характера. Сионисты пытаются "регулировать" работу журналистов, даже когда речь идет о столь распространенной в буржуазной печати уголовной хронике. Приведу два примера.

Зверски изуродованное тело изнасилованной дочери гражданина Франции Винера, девятнадцатилетней Веред из кибуца "Милмар Анегев", было обнаружено на дороге близ нового поселения в пустыне Негев. Потрясенные горем отец и брат вылетели в Израиль на похороны девушки. Расследование убийства оказалось, однако, настолько сложным, что похороны Веред Винер пришлось отложить. Сообщившие об этом французские журналисты тут же были названы "антисемитами".

Такой же ярлычок прилепили журналистам, проявившим интерес к более обычному для капиталистического мира кровавому преступлению. Во Франции были убиты жители израильского города Беэр-Шевы братья Хазан. Парижская полиция установила, что убийство совершено на почве конкуренции между бандами израильтян, ведущими крупную торговлю наркотиками. Израильская полиция, в свою очередь, пришла к выводу, что существует непосредственная связь между убийством братьев Хазан с убийством в израильском городе Натанин торговцев наркотиками братьев Амир. Но писать во Франции об убитых преступниках, спешно причисленных израильской пропагандой к "йордим", означает, по мнению французских сионистов, "причинение с антисемитских позиций морального ущерба Израилу". В самом деле, ведь это опровергает сионистскую пропаганду, рекламирующую Израиль, как "страну без преступности".

Если идет такой оголтелый нажим на несионистскую прессу, то каково уж французам еврейского происхождения! И страна, как мы могли убедиться, услышала их голос протеста против невыносимого духовного диктата сионистов.

НЕТЕРПИМОСТЬ К ТРЕЗВЫМ ГОЛОСАМ

Только ли этот протест привел к кризису в стане французских сионистов? Нет, имеется еще одна причина. Возможно, более даже весомая.

В еврейских кругах Франции нашлись трезво мыслящие люди, решившиеся публично высказать то, к чему втайне от сионистских лидеров и функционеров пришли многие проживающие в западных странах евреи. Вот как сформулировал выношенную ими мысль известный французский экономист Жак Атари, тут же заклеянный сионистской пропагандой как изменник делу "всемирной еврейской нации".

"Израиль должен признать необходимость создания палестинского государства, ибо без этого он никогда не будет знать мира".

Для лидеров сионистов во Франции такие слова были равносильны светопреставлению!

Но мысль Жака Атари тут же поддержали очень многие французские евреи. Один из них, Шимон Фукс, так, например, высказался на страницах журнала "Трибюн жюиф":

"Необходимо начать диалог с палестинцами, в том числе с ООП. Скажу больше: диалог нужно вести в основном с ООП. В моем выступлении по случаю Рош-Ашана (Нового года. — Ц.С.) я подчеркнул, что истинный мир невозможен, если он будет основан на несправедливости. Каждый народ на Ближнем Востоке имеет право на осуществление своих национальных чаяний, и мы должны учитывать их".

Израильские сионисты всех оттенков окончательно переполошились. В Париж с гневным укором французским сионистам, допустившим "такие позорные явления в своей среде", помчались полномочные гонцы из Тель-Авива. Подал свой голос израильский посол во Франции Меир Розен: "Я преисполнен гневом после прочтения антиизраильской статьи". Последовала серия экстренных совещаний верхушки сионистов Франции. Забыв свои распри

в борьбе за дележку обильных "добровольных" пожертвований в сионистскую кассу, руководители "Объединения еврейского призыва во Франции" и центральной комиссии алии трагически вопрошали друг друга: "Что делать с этим заступником проклятых палестинцев?!"

Действительно, что делать? Уж его-то антипатриотом и изменником никак не назовешь! Почтеннейший Шимон Фукс, главный раввин города Кольмар в Эльзасе, не только испытанный бард иудаизма и сионизма, но и связан с Израилем в прямом смысле слова кровными узами: его дети живут в Израиле. Когда же на кольмарского раввина набросились с обвинениями руководители крупнейших сионистские организаций Франции, он ответил, что письмо в "Трибюн жюиф" выразило не только его личное мнение, но и настроение большинства эльзасских евреев.

Не только эльзасских. В еврейских кругах Парижа, Лиона, Бордо, Реймса, Гавра послышались голоса в поддержку разумного предложения раввина Фукса.

Чтобы разубедить его сторонников, сионистские пропагандисты выдвинули такой довод:

— Фукс руководствуется исключительно личными соображениями — у него в Израиле дети, вот за них он и боится!

Но это подлило еще больше масла в огонь.

— О, если Фукс так боится за своих детей, значит, он действительно убежден, что без палестинского государства мира в Израиле не будет. — Такой логичный ответ прозвучал в Лионе на собрании евреев-шоферов. В экстренном порядке собрала их одна из местных сионистских организаций, чтобы добиться... осуждения "антипатриотов", выступающих за создание палестинского государства.

— И никогда не будет без этого мира на всем Ближнем Востоке, добавил человек по фамилии не то Бойгель, не то Бойгер. — Это говорю вам я — не знатный кольмарский раввин, а простой французский гражданин, чей прадед смотрел в рот раввинам.

Дальше — больше.

Не успело реакционное крыло сионистов Франции осознать нанесенный ему раввином Фуксом удар, не успели прилетевшие из Тель-Авива эмиссары отчитать редактора "Трибюн жюиф", не успел иссякнуть поток писем со всех концов страны в поддержку предложения кольмарского раввина, как ортодоксальные французские сионисты ощутили новый удар: в журнале "Нувель литтерер" появилась большая обзорная статья под заголовком "Реакция еврейских интеллигентов на палестинскую проблему".

Заголовок вроде бы нейтральный, а вот содержание обзора оказалось для сионистских заправил убийственным. "Двенадцать из пятнадцати интеллектуальных руководителей французского еврейства, которым было предложено высказаться о создании палестинского государства, заявили, — сообщил журнал, — что они поддерживают эту идею". И мотивировали свои заявления.

Причем люди они настолько именитые в сионистских кругах, что даже господин израильский посол во Франции, патетически воскликнувший "Не позволим никому вбить клин между Израилем и еврейской общиной Франции!", не посмел ни единым словом упрекнуть редактора "Нувель литтерер" Жана Франсуа Кагана в опубликовании "враждебных Израилю" заявлений. Правда, посол многозначительно пообещал "принять решительные меры". Но они коснулись "маленьких" сионистов, осмелившихся выразить свое согласие с свернувшими с пути праведного интеллектуальными руководителями французского еврейства: более шестидесяти клерков, продавцов, коммивояжеров, механиков, фотографов, шоферов под нажимом посла были уволены с работы хозяевами-сионистами.

Не помогло. Трезвые голоса заглушить не удалось. Кризис обострился.

Положение во французском еврействе создалось, по словам тель-авивской "Нашей страны", такое: "По одну сторону баррикад (какие тревожные эпитеты! — Ц.С.) — "истэблишмент", состоящий из старых руководителей общины, многие из которых занимают

свои посты (в сионистских организациях. — Ц.С.) по 20 и более лет. Они продолжают идти по "израильской борозде", проложенной Иерусалимом. По другую сторону баррикад — многочисленные группы, некоторые из которых возглавляются интеллектуальными руководителями французского еврейства, уже давно отказавшимися от сионистской линии. Раскол четко обозначился".

И тогда сионизм ввел в бой орудия главного калибра. Их олицетворяли президент координационного комитета сионистских объединений Франции семидесятилетний барон Ален де Ротшильд и его ровесник Клод Кальман, владелец огромной корпорации универсальных магазинов.

По их требованию в Париж со всей страны были вызваны более 120, как сообщает та же тель-авивская газета, еврейских руководителей, принадлежащих к "истэблишменту". Сказано весьма уклончиво. Точнее же говоря, список вызванных на совещание эмиссаров был составлен лидерами представительного комитета еврейских учреждений Франции и завизирован тремя китами сионизма — Ротшильдом, Кальманом и Стадом. Совещание "избранных" провозгласило себя полноправной экстренной конференцией еврейских общин Франции.

В принятом решении правительство Франции предупреждается (формулировку "предупреждается" привожу в переводе "Нашей страны" с французского на русский. — Ц.С.), что если будут усилены контакты с "шайкой разбойников" из ООП, произойдет "моральный развод еврейской общины с правительством".

Какая наглая угроза правительству страны, гражданами которой являются участники совещания!

Весьма характерно, как ее восприняли некоторые из тех, кто покорно проголосовал за такое решение. После голосования они, как сообщила пресса, растерянно спрашивали:

— Как понять слова "моральный развод"? Получается, что мы обязаны всегда голосовать против правительства и президента?

Удивляться не приходится. Французским сионистам не в диковинку угрожать правительству, если оно, на их взгляд, намеревается "обидеть" Израиль. Кроме прямых угроз, они прибегают и к развязыванию клеветнических кампаний против неугодивших им государственных деятелей. Это испытали на себе почти все министры иностранных дел Франции послевоенной поры.

Матерые функционеры сионизма во Франции любят с гордостью рассказывать своей молодежи, как в свое время совместно с американскими братьями основательно подготовились к тому, чтобы "как следует проучить президента Помпиду. Они подготовили ему в Вашингтоне такую изобретательную и шумную обструкцию, что Никсон вынужден был умолять сионистское лобби не начинать намеченной демонстрации.

Не останавливаются сионисты и перед клеветой на президентов Франции. Главным плацдармом они избирают израильскую прессу и сионистские газеты западных стран.

В октябре 1979 года Жискара д'Эстен вновь положительно отнесся к развитию контактов с Организацией Освобождения Палестины. В ответ на это ряд израильских газет опубликовал 19–21 октября огромную статью Эдвина Эйтана, полную грязных инсинуаций и безудержной клеветы на политическую деятельность и частную жизнь президента и членов его семьи. О содержании этой нечистоплотной публикации, доставленной израильским газетам из пресс-бюро французских сионистских служб, красноречиво говорит развязный заголовок — "Простят ли французы своего президента?".

Дальше, казалось бы, некуда. Нет, сионисты идут дальше. Позволяют себе прибегать к клеветническим нападкам на французский народ.

С этой целью в западноевропейские и американские страны спешно снаряжают натренированных лекторов и докладчиков. И на собраниях сионистских организаций (таким сборищам, естественно, дается фальшивое наименование общееврейских) ораторы, выдающие себя за "делегатов французских евреев", неистово жалуются на то, как "французский народ поворачивается спиной к ним и к Израилю". Мне довелось весной 1975

года присутствовать на заключительной части подобного собрания в Брюсселе. Гражданин Франции "лектор" именовал "нацией антисемитов". К чести большинства участников собрания, они намертво опустили глаза книзу, не скрывая того, как им стыдно слушать такие речи.

А сионистская пресса подогревает эти речи махрово антифранцузскими заголовками вроде: "Адью л'амур! Прощай, любовь к Франции!", "Французы хотят продать Израиль", "Во Франции скулят о праве палестинских разбойников на свой дом". Не решаюсь цитировать предельно оскорбительные для граждан Франции заголовки с грязными намеками на сходство их характера с натурой жриц продажной любви в злочных местах парижской площади Пигаль. Какая мерзость!

"РАСПРАВА В БУДУЩИЙ ВТОРНИК"

Подобные, с позволения сказать, методы борьбы за идеологическое господство, естественно, усиливают недовольство и раздражение общественности Франции разнузданностью французских сионистов и возрастающим проникновением израильской агентуры во все сферы жизни страны.

Тут уместно вспомнить, что еще в начале семидесятых годов число симпатизирующих Израилю французов, по данным опроса еженедельника "Пари матч", снизилось в сравнении с 1967 годом в два с половиной раза. Признать это еженедельник, более охотно публикующий фальшивки о "преследовании верующих евреев в СССР", вынужден был, подчеркиваю, в пору, когда в Западной Европе на полные обороты развернулась пропагандистская машина сионизма. Именно тогда сионисты пустились во все тяжкие для создания такой обстановки, чтобы можно было сказать словами английского журналиста Теренса Притти: "Евреи в странах Запада действуют как канал доброжелательства и связи между правительствами своих стран и Израиля".

Нет, не хотят французские граждане быть строительным материалом для прокладки столь сомнительного канала!

Вот что я услышал в Париже от врача, которого сионисты считают, как со слезами страха признала его жена, "ненадежным евреем":

— Знаете, не только еврейские круги, но все в стране, все, все уже по горло сыты истерическими криками "Антисемитизм!" по поводу всего, что сионистам неудобно — будь то диспут, книга, научная работа. Раздражает это французов, ох, как раздражает, независимо от того, как произносится — со скорбной миной или с угрожающей запальчивостью. Признаюсь, нам, французам еврейского происхождения, нередко приходится краснеть за действия сионистов. Тем более что их хитро преподносят как действия еврейских общин. А большинству тех, кого формально считают членами этих общин, даже не снились никакие сионистские намерения. Ну почему, скажите, мы с женой должны бегать по Парижу и организовывать какую-то там помощь израильским кибуцам и университетам, когда дни и ночи мы ломаем себе голову, как бы обеспечить нормальное ученье нашей дочери и ее мужа в парижских высших учебных заведениях! Не думайте, что я горячусь, но скажу вам честно, что совсем не удивлюсь, если кто-нибудь в раздражении мне выложит: вы так переживаете за израильские университеты, что не лучше ли вашей дочери учиться там? Понимаете, в какой тупик загоняет сионизм французских евреев! Конечно, не всех. Людям с хорошим пакетом хороших акций он ничего диктовать не смеет. Отдуваемся мы, кому надо каждый день работать, чтобы семья могла жить по-человечески. А потом чем-нибудь не угодишь — и с тобой начнут бороться как с "антисемитом".

— Ты расскажи, что они сделали с нашим Роже, — подсказала врачу жена.

— О, история с моим кузеном окончательно подтвердит вам, что я не преувеличиваю, — обратился ко мне врач. — Роже живет в провинции, близ Гавра. Неплохой адвокат. Поверьте, я говорю так не потому, что он мой родственник. Клиенты были очень довольны им, карьера его укреплялась. Но ему до смерти надоели контакты с

местными сионистами. Организация карликовая, а пристаёт чуть ли не каждую неделю. То внеси внеочередное пожертвование, то поставь свою подпись под какой-то демагогией, то заставь свою дочь явиться на слет молодых друзей Израиля! И Роже прямо заявил сионистам: оставьте меня раз и навсегда в покое!

— А они?

— Они-то оставили его в покое, но оставили своего адвоката и многие клиенты. И не только евреи, которым предложено было так поступить. От услуг Роже отказались и неевреи. Один признался: ему напомнили, что порядочному французу стыдно быть клиентом такого заядлого антисемита, которого бойкотирует все еврейское население города...

— Такая же расправа может случиться и с тобой, — снова вмешалась в разговор жена, — и начаться уже в будущий вторник.

— Почему же именно в будущий вторник? — удивился я.

— Потому что на будущий вторник назначен прием в парижской "ассоциации французских медиков — друзей Израиля", — ответил муж. — Я не приду... правда, я еще окончательно не решил... Но если я действительно не приду, то в среду президент ассоциации, богатейший гинеколог Миньковский, не найдет моего имени на подписном листе каких-нибудь новых пожертвований в пользу Израиля, а в четверг в клинике кто-нибудь кому-нибудь шепнет, что в сферах ближайших друзей Израиля меня считают антипатриотом. Ведь в этих сферах Миньковский персона! Особенно после того, как побывал в Израиле и его там с почетом принимали. Правда, если вы его спросите, а почему бы ему самому не переселиться в Израиль, модный гинеколог с деланной грустью посмотрит на вас и по трафарету ответит: "Я Израилю, к сожалению, не нужен, ему нужны молодые врачи, готовые энергично бороться за пациентов". Но зато Миньковский прослыл израильским ультрапатриотом. Конечно, с пребыванием в Париже. И как сыщик шарит и шарит в поисках "антисемитов". Для таких, как я, это создает прямо-таки безвыходное положение. Безвыходное!

Искренняя исповедь, выстраданная оценка!

Ее беспощадная точность становится еще более очевидной, если добавить, что с проявлениями подлинного антисемитизма французские сионисты, подобно своим собратьям в других странах, борются не очень усердно, больше для проформы. Например, с теми, кто издает соответствующую "художественную" литературу. Ведь она в конечном счете пособляет "теоретикам" не менее, чем "практикам", разжигать провокационную агитацию за переселение в Израиль. Но когда речь заходит об оскорбительных для евреев книгах, сионисты предпочитают с кроткой миной разводить руками: "Мы не в силах справиться с палестинским капиталом, это он оплачивает такие издания".

Насколько обоснованы ссылки на "палестинский капитал", можно судить по конфузу, который произошел с изданием книги "Приключения раввина Соломона и черная волна".

Издателем этой стряпни значился некий Андре Вергер. "Под этим именем скрывается палестинский агент", — утверждала сионистская пропаганда. Но вскоре было установлено: под псевдонимом Андре Вергер укрылся еврей Давид Барух. Некоторое время "издатель" промышлял выпуском самой низкопробной порнографической литературы. "Сексология", "Страсть", "Эрос" — одни названия еженедельников Баруха достаточно красноречиво отражают нравственный уровень его издательской деятельности. Однако, исповедуя "принцип" непахучести денег, сионисты с чистым сердцем принимали от него увесистые "шекели". Интересно, будет ли вносить Барух отчисления в сионистскую кассу и со своих доходов за антисемитскую книгу!

Издательская деятельность сионистов Франции весьма обширна. Тут и серия под крикливой рубрикой "Новые философы" (надо ведь подвести "философскую" базу под грязную практику "теоретиков"! — Ц.С.), и адресованные молодежи поучительные мемуары крупных сионистских эмиссаров, и главным образом антикоммунистическая клевета. Издания такой тематики выпускаются в подчеркнуто "завлекательном" оформлении.

Приведу в пример объемистую книгу "Большой исход", выпущенную издательством

"Альбин Мишель" в Париже. Авторы Кристиан Елен и Леопольд Унгер, особенно первый, частенько тачают клеветущие на социалистические страны книги. Меня поэтому и в данном опусе совершенно не удивили поклепы сионистских сочинителей на коммунистическую печать и набившие уже оскомину попытки приклеить антисемитский ярлычок некоторым газетам Советского Союза, Польши, других социалистических стран.

Но авторы так беззастенчиво и произвольно жонглируют взятыми с потолка "статистическими данными" о жизни социалистических стран, что даже привычным к методам сионистской пропаганды людям в диковинку столь откровенная подтасовка фактов и цифр. Что ж, сионистские литераторы сполна выполняют поставленное им задание: создать у читателей впечатление о якобы существующем в социалистических государствах "еврейском вопросе", разрешить который может только... переезд всего еврейского населения в Израиль. А Кристиан Елен и Леопольд Унгер орудуют особенно усердно — неспроста же их книге предпослана статья самой Голды Меир!

Пропагандистские приемы сионизма не раз уже сравнивались с методами главного гитлеровского барда Геббельса, придерживавшегося убеждения, что чем отъявленней и диковинней ложь, тем легче сочтут ее правдой. Хотелось бы воспользоваться другим сравнением, но более точного не найдешь. Вот только следует добавить небольшое напоминание сионистским литераторам: песнопения геббельсовского толка, как известно, не уберегли гитлеровское "учение" от полного краха. Трещат по всем швам и "теоретические" подпорки плана всеобщей еврейской алии — статистика, причем подлинная, а не дутая, наглядно показывает, что бегут из Израйла более охотно, нежели переезжают туда.

Многие сфабрикованные французскими сионистами книги явно рассчитаны на то, чтобы в какой-то мере предотвратить массовое бегство из Израйла. В переиздании и распространении такой продукции у французских и израильских единомышленников — хорошо отработанное взаимодействие.

Стоило, скажем, появиться в Париже яростно шовинистической книге Андре Шварц-Барта "Последний из праведников", как ее тотчас же переиздали в Тель-Авиве. Но не на иврите и не на идиш — ведь бывшие советские граждане ее не прочтут на еврейском языке. Об этом прямо было сказано в предисловии автора к русскому переводу "Последнего из праведников". Зачастую, впрочем, чтобы не затруднять израильских коллег, французские сионисты сразу выпускают свои книги и на русском языке. Естественно, это относится прежде всего к антисоветской стряпне, предназначенной также к контрабандному ввозу на советскую землю эмиссарами под туристской личиной.

Французский сионизм неуклонно расширяет сеть своей радиопропаганды. К весне 1985 года во Франции действовали 17 сионистских радиостанций. Их штат в значительной мере укомплектован специальными посланцами израильского и американского сионизма. Им выделены значительные денежные суммы для премирования "результативных борцов" за возвращение в лоно еврейства молодых людей из полуеврейских семей. Лжецы "осваивают" эфир!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСПУТ У СТАНЦИИ СЕН-ПОЛЬ-МАРЭ

Поглощенным неусыпными заботами о спешном издании антисоветской стряпни сионистам, естественно, не до забот о произведениях замечательных мастеров еврейской демократической литературы во французских переводах. Подчеркивая — во французских, я прежде всего имею в виду интересы читателей-евреев. Не владея языком идиш, они могут получить представление о творчестве Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорим, Ицхок-Лейбуша Переца только на том языке, на каком слышали с колыбельных дней на французской земле материнскую речь, на каком учились и общаются с окружающими.

Когда вышло последнее издание, скажем, Шолом-Алейхема во французском переводе? На этот вопрос я не мог получить точного ответа даже в парижской библиотеке сионистского культурного центра. Молодой сотрудник и пожилая сотрудница библиотеки сначала затеяли

спор, а затем согласились, что давненько не видели нового издания, А можно ли рассчитывать в ближайшие годы на новое издание? Вот этого уж в Париже никто не знает.

Многие вспомнили там о Шолом-Алейхеме, возможно, только после торжественной церемонии вручения Советским Союзом в дар ЮНЕСКО живописного панно известного художника Ильи Глазунова "Вклад народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию". Среди выдающихся деятелей культуры конца XIX — начала XX века, среди Чехова, Чайковского, Блока, Шаляпина, Чюрлениса изображен и Шолом-Алейхем.

Что побудило талантливого русского художника Илью Глазунова изобразить на своей сложной многофигурной композиции замечательного еврейского писателя-демократа. "Советский Союз населяет множество наций, народов, больших и малых народностей, этнических групп, сказал художник журналистам. — Каждая из них — носитель самобытной, оригинальной культуры, уходящей корнями в толщу веков".

Как не сопоставить такое подлинно интернационалистское убеждение русского художника с укоренившимся в среде международного сионизма оскорбительным пренебрежением к творчеству еврейского писателя-демократа! Сколько бы демагогически ни твердили они, что "некоторые сочинения Шолом-Алейхема дают повод к высмеиванию евреев другими народами", такое сопоставление не в пользу сионистов!

Моя встреча с библиотекарями культурного центра проходила на глазах трех просматривавших журналы посетителей — женщины и двух мужчин. Когда я вышел из библиотеки, они на улице, близ станции метро Сен-Поль-Марэ, заговорили со мной. Отрекомендовались членами "интеллектуальной сионистской организации". Не пожелав назвать ее, немолодой дантист, наиболее словоохотливый, заверил меня:

— Нашу организацию гораздо больше волнует еврейская культура, чем то, на какую точно сумму Америка даст оружие Израилю. Теперь вы понимаете, почему нас так возмутили вопросы, которые вы задавали библиотекарям? Можно подумать, что в ваших библиотеках так легко прочитать Шолом-Алейхема на русском!

— Не только на русском. На украинском и белорусском. На языках других советских народов.

— Скажите честно: вы лично часто берете в библиотеке Шолом-Алейхема?

— Зачем — в библиотеке. У меня есть много его книг в различных изданиях. Чаще всего я обращаюсь к шеститомнику, выпущенному к столетию писателя.

— Целых шесть томиков?

— Не томиков, а объемистых томов. В редакционную коллегию этого издания входили хорошо мне знакомые люди.

— Например? — последовал недоверчивый вопрос.

— Например, известные советские писатели Всеволод Иванов и Борис Полевой.

— Наверно, они уж постарались, — подхватил дантист, — чтобы ни в один том не вошло то, что у Шолом-Алейхема написано только для евреев!

— У писателя не могло быть и не было ни единой строчки, написанной "только для евреев". Это бредовая выдумка.

— Что вы все о Шолом-Алейхеме, — вмешался в разговор спутник дантиста — молодой, но уже лысоватый человек в спортивной куртке. Боже мой, разве еврейская литература ограничивается только им одним?

— Конечно, есть немало других талантливых еврейских писателей, согласился я. — Скажите, пожалуйста, кто из них особенно популярен у вас и чаще других издается?

Дантист пошептался со своими спутниками и запальчиво ответил вопросом на вопрос:

— А кто, по-вашему, заслуживает этого?

Я вспомнил прозаика Давида Бергельсона, справедливо названного советским поэтом Ароном Вергелисом продолжателем лучших традиций классической литературы на еврейском языке, возглавившим после смерти Шолом-Алейхема реалистическую школу в еврейской прозе.

— Бер-гель-сон? — насмешливо переспросила женщина. — Готова поспорить на что

удовно, что в Западной Европе ни один еврей не знает, кто он такой, ваш Бергельсон, и что он написал!

— Если вы такой тонкий знаток Бергельсона, — снова подал голос молодой человек, — то, надеюсь, хоть одно его произведение запечатлелось в вашей памяти?

Следовало бы, вероятно, назвать широко известный советским читателям роман "У Днепра", неоднократно издававшийся на многих языках народов Советской страны. Но я, не раздумывая, назвал рассказ "Джиро-Джиро", запомнившийся мне, очевидно, еще и благодаря отличному русскому переводу И. Бабея.

— О чем же этот рассказ? — испытующе спросили меня.

— О потерявшей мать маленькой итальянской девочке. Отец, полунищий официант, увез ее за границу. Тяжело ей на чужбине. И только распевая итальянские песни, девочка забывает о голоде, о подтачивающем ее туберкулезе, о страшной жизни в трущобах Нью-Йорка...

— Ясно: чистая политика! — вскричал дантист.

— Ваш Бергельсон призывает ненавидеть Штаты, — обдала меня ледяным взглядом женщина. — А заодно и друзей Штатов.

— А про то, как ужасный президент Картер прислушивается к еще более ужасному голосу еврейской общины, в рассказе не говорится? — съязвил лысоватый юнец.

Сказать своим разъяренным оппонентам, что пронизанный человеколюбием рассказ "Джиро-Джиро" написан полвека тому, я счел излишним. Да и они, ревностные "рачители" еврейской литературы, потеряли всякую охоту продолжать разговор.

Правда, перед уходом женщина набросилась на меня с окриком:

— Вы бы хотели увидеть у нас вашу пропагандистскую литературу! Не надейтесь на это!! Мы не будем издавать никого из ваших!!!

— Да, они наши! — Я, покаюсь, взорвался и продолжал еще громче: И Шолом-Алейхем наш, и его последователи! Мы, советские люди, гордимся ими. Они гуманисты. Демократы. Интернационалисты. Слышите, интернационалисты, а не шовинисты!

Ни один из прохожих не обратил внимания на мою горячность, ибо, как верно просветил меня как-то знакомый сотрудник "Юманите", спешащего парижанина на улице могут остановить только выстрел или взрыв. И никто из торопившихся в метро даже глазом не моргнул, когда дантист с угрожающим видом подбежал ко мне и сделал движение руками, словно хотел ухватить меня за ворот. Вплотную приблизившись, он вымолвил... нет, прошипел:

— Вы сказали так, как мог бы сказать знаменитый антисемит, а для вас знаменитый писатель, Илья Эренбург!

Читатель мне, конечно, поверит, что более лестных слов по своему адресу я никогда и нигде от сионистов не слышал.

"МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛАСС" ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МАДЕМУАЗЕЛЬ

Покамест господя руководящие провозглашали сионистское "межсезонье", рядовые продолжали трудиться в поте лица своего. К таковым относится Мари Джозеф Стербо из провинциального Безансона, студентка медицинского колледжа.

Назови я в Париже это имя руководителям сионизма, они, пожалуй, недоуменно развели бы руками. И я искренне поверил бы, что им действительно неведома эта заурядная единомышленница, незаметный шпунтик сионистской машины.

Однако на фактах практической деятельности мадемуазель Стербо можно воочию увидеть, сколь усердно "маленькие" французские сионисты выполняют обязательства, данные их именитыми руководителями органам международного сионизма. И в первую очередь — неуклонное обязательство любыми способами провоцировать советских граждан еврейской национальности с тем, чтобы склонить их к переезду в Израиль. Причем делается это в деловом контакте с сионистами других западных стран следовательно, в полном соответствии с планами руководящих органов международного сионизма.

"Почерк" молодой медички из Безансона, как увидит читатель, выдает ее причастность к "ассоциации молодых друзей алии". Ведь сия ассоциация открыто заявила, что успех ее работы определяется только одним: "возвращением из страны рассеяния в страну отцов (отъезд с родины на чужбину именуется "возвращением". — Ц.С.), хотя бы еще одного человека, хотя бы дряхлого старика, но лучше сильного юноши". Важно, впрочем, не то, какую именно сионистскую организацию представляет Мари Джозеф. Важны мотивы, по которым она вдруг так серьезно заинтересовалась жителем Самарканда Амнуном Гадаевым, далеко не "сильным юношей", а пожилым отцом трех детей.

Сионистская агентура сочла самаркандского точильщика "созревшим" для подачи заявления о переезде в Израиль. И это послужило сигналом к непрерывным атакам многочисленных иностранных "туристов" на Гадаева. Одновременно начали поступать на его имя письма и посылки от сионистских "попечителей" из США, Англии, Мексики, Дании, Бельгии, Израиля — подумать только, какую поистине международную популярность вдруг приобрел самаркандский житель, все реже и реже выкрикивавший "Ножи точить, бритвы править!" и все чаще участвовавший в спекулятивных комбинациях.

Гадаев вроде бы возмущался визитами "туристов" в его дом и непрошеной благотворительностью зарубежных "филантропов", присылавших ему подержанную одежду самых неожиданных размеров. Обращался даже по этому поводу с письмом протеста в местную газету. Однако вещички с чужого плеча принимал и тут же сбывал их втридорога, умело играя на пристрастии некоторых земляков к одежде с "импортным" клеймом.

Зарубежные опекуны и наставники Гадаева обрадовались, когда их "подопечный" подал заявление о выезде в Израиль. Но вскоре он явился в ОВИР и попросил вернуть ему заявление о желании выехать в Израиль. Такой неожиданный поворот заставил сионистских попечителей Гадаева с бешеной энергией усилить нажим на него. На смену письмам пошли в ход телеграммы. А наведывавшиеся в Узбекистан "туристы" от словесных увещеваний перешли к агитации печатным словом с помощью лживых книжонок и брошюрок. Это совпало с изменениями в семейной жизни до зарезу нужного "земле отцов" точильщика, забросившего точильный камень и окончательно отдавшегося призванию спекулянта и картежника. Оставив на попечении брошенной жены трех детей, в том числе безнадежного инвалида, он женился вторично.

И сразу же в одной из картотек, заведенных единомышленниками мадемуазель Стербо на провоцируемых ими иностранных граждан, появилась новая запись: отец второй жены Гадаева проживает с такого-то времени по такому-то адресу в Израиле.

Вот тут-то и обрушился на самаркандского "дорогого друга" поток почтовых отправок из Безансона. По количеству посланных Гадаеву писем Мари Джозеф постаралась превзойти всех сионистов из многих западных стран, ранее обрабатывавших очно и заочно самаркандского точильщика. Мадемуазель сулила адресату самые отборные блага израильского рая. Она жаждала ответ на любом языке, пусть даже ей не знакомом.

И Гадаев, вконец запутавшийся в сионистских тенетах и изолгавшийся в отношениях с родными и земляками, ответил на страстные увещевания своей безансонской "подруги" подачей заявления в ОВИР. Он уехал в Израиль.

Не уверен, находится ли Гадаев там ныне, ибо на третий месяц своего пребывания в стране он принял участие в осужденной сионистскими властями демонстрации перед зданием министерства абсорбции. Демонстранты протестовали против того, что их, выходцев из стран Средней Азии, так называемых бухарских евреев, сотрудники министерства и работники "Сохнута" относят к второсортным. Их отправляют на жительство преимущественно в отдаленные районы и предлагают селиться в домах, где категорически отказываются жить переселенцы более высоких категорий. "Не создавайте для нас черты оседлости!" — скандировали демонстранты. Накануне иммиграционные власти вышвырнули на улицу семью прикованного болезнью к постели Мурчибаева, которого Гадаев знал по Узбекистану. Сравнительно сносную квартиру в Абу-Кабире, где недолго проживал Мурчибаев, сочли чересчур "роскошной" для бухарского еврея.

Характерный для израильской жизни штрих: против демонстрантов резко выступили не только местные сионисты, но и заправила объединения новоприбывших — выходцев из Грузии. С точки зрения руководителей объединения, такие "неполноценные" евреи, как Амнун Гадаев, не вправе претендовать на то, чтобы их в Израиле ставили на одну доску с евреями грузинскими. Вероятно, Гадаеву и его обманутым землякам уже известно, что и грузинские евреи не смеют на "исторической родине" претендовать на то, чтобы к ним относились так же, как, скажем, к высокопородным ашкенази — уроженцам западноевропейских стран. Слабое, впрочем, утешение для "жалкого бухарца" Гадаева!

Но если он уже и бежал из Израиля, на карьере мадемуазель Мари Джозеф Стербо никак это не отразится... Она внесла свой практический вклад в дело алии, она помогла спровоцировать одну "единицу" на переезд в Израиль. И несомненно гордится этим. Ей и в голову не может прийти, что организация, в которую она входит, рекламирует свою "интеллектуальную" отрешенность от повседневных грязных дел сионизма, а значит, отрешивается и от всего, что делает заурядная сионистка из французского города Безансона.

На первый взгляд вроде и не стоило бы уделять ей столько внимания. Подумаешь, бомбардировала лживыми цидулками темную личность. Да сам Гадаев, возможно, уже с тревогой в мелкой душонке предвидел, что спекулятивные делишки в конце концов приведут его к уголовной ответственности, так что лучше, мол, заблаговременно покинуть пределы Советской страны.

Нет, я должен был все же рассказать о мадемуазель Стербо. Ведь она, французская сионистка, включилась в акцию, начатую в Самарканде американскими "туристами" — профессором Менделем Вернером, студентами калифорнийского университета Наумом и Джошуа Рубинами, нью-йоркскими жителями Самюэлем Кохэном и Бернардом Каменецки, да и другими их соотечественниками, "забывавшими" в разных местах Самарканда (от синагоги до... туалета) сионистские книжонки антисоветского направления. Эту акцию, представлявшую собой прямую антисоветскую агитацию жителей Самарканда за отъезд в Израиль, продолжили затем (и тоже под прикрытием туристских паспортов) жители Англии Дашей Роуз и Рей Грант, а вместе с ними функционеры всех американских, английских, датских, мексиканских и прочих служб сионизма, присылавших самаркандцам неожиданные письма и непрошенные посылки. И эта акция, оказывается, потребовала в конце концов еще участия и французской сионистки.

Вот вам, читатель, нагляднейший пример того, как даже в самых обычных своих делишках тесно взаимодействуют, оперативно сотрудничают и взаимно поддерживают друг друга разные отряды _международного_ сионизма. Одни у них цели, одна у них указка, один у них заокеанский хозяин!

"ГАЛИЛЕЙСКИЕ РАСТИНЬЯКИ"

То ли по оплошности какого-либо функционера, то ли по другой причине, но руководители французской лиги студентов-евреев не были своевременно извещены, что им надлежит пребывать в карантинном состоянии межсезонья. Только поэтому, очевидно, в офисе этой лиги на авеню Клементи, 68, согласились со мной побеседовать.

Мне так и не удалось установить, какой точно пост занимает в молодежной организации давно вошедшая в бальзаковский возраст авантажная мадам Аннет. Но более юные сотрудники и посетители обращались к ней на моих глазах почтительно и даже подобострастно. Следовательно, давно вышедшая из студенческого возраста дама не последняя спица в колеснице второй по численности молодежной сионистской организации в Париже.

Мадам разговаривала со мной так, словно не слышала моих вопросов. Если же я настоятельно повторял вопрос, она любезно улыбалась, кивком головы давала понять, что готова немедленно мне ответить, но тут же невозмутимо продолжала свой монолог. Вела она

себя в офисе, как наставник, как куратор, как пастырь, и это напомнило мне, что лига студентов-евреев, во-первых, подчинена непосредственно руководителям Союза сионистов Франции и, во-вторых, требовательно опекается лидерами сионистского движения Франции. Потом мне сказали, что моя собеседница даже входит в состав бюро лиги.

С первой же фразы нетрудно было заметить, с какой старательностью избегает мадам Аниет термина "сионизм" и всех производных от него слов. Не менее десятка заменителей использовала она в своем монологе. И "еврейское самосознание", и "наш национальный дух", и "ощущение своего еврейства", и "моральная верность интересам всемирной еврейской нации", и "сплоченность молодой части еврейских общин", и "пробуждение интереса к национальным традициям предков", и "осознание долга в отношении неокрепшего государства Израиль", и даже "международные заботы евреев".

Орудую этой терминологией, мадам Аннет испытывала, видимо, уверенность, что ей удалось внушить мне, насколько чужда представляемая ею махрово-сионистская лига... сионизму. В доказательство того, что лига якобы не исповедует экстремистского национализма, преподносился такой, с позволения сказать, довод:

— Раз мы преследуем цель — укрепить географически далекое нам, но по общественному пониманию и пробуждающемуся чувству долга близкое нам (поди разберись в этих словесных дебрях! — Ц.С.) еврейское государство, тем самым мы заботимся о благе всех стран, где проживают евреи...

Не так, возможно, деликатно, как следовало бы в диалоге с представительницей прекрасного пола, но мне все-таки удалось прервать увлекшуюся мадам и напомнить ей, что мы, советские евреи, хорошо знаем, какова на деле она, эта сионистская "забота", и сколько клеветы, провокаций, диверсионного вмешательства в нашу жизнь и посягательств на наши права вобрала она в себя.

Выслушав меня с закрытыми — в самом прямом смысле слова глазами, моя собеседница с прежним упоением продолжала:

— Да, наша лига помнит о каждом еврее, где бы он ни жил! А применительно к молодежным проблемам это означает, что мы призываем крепить узы молодых израильтян с молодыми евреями всех стран. И, конечно, мы во Франции гордимся тем, что помогли молодежным организациям Израиля создать почти два десятка своих представительств в Париже. Так следовало бы сделать во всех столицах Западной Европы и Америки. Это поднимает авторитет израильской общественности и укрепляет ее связи с еврейской молодежью других стран. Такую нашу точку зрения разделяет и Фронт евреев студентов Франции. Вам могут насплетничать, что в методах решения некоторых проблем мы расходимся с Фронтом. Нас даже иногда называют конкурентами. Не буду уточнять, какая доля истины есть в этом. Но могу вас заверить: когда решаются проблемы связей с израильской молодежью, мы с Фронтом абсолютно едины!

Что ж, не ставлю под сомнение пылкие заверения мадам Аннет. И без них вполне представляю себе, что в осуществлении главных задач международного сионизма обе организации студентов-сионистов стопроцентно едины. Вероятно, ненужные заверения мадам Аннет мне повторили бы и в офисе Фронта евреев студентов Франции. Но там, на бульваре Страсбург, 54, знали о провозглашенном межсезонье. Заглянуть туда я, следовательно, не мог.

...И все же несколько слов о нем обязан сказать. Меня в Париже познакомили с некоторыми документами о деятельности этой "студенческой" организации, и я мог уловить главную подробность, обнажающую ее ненасытный антисоветский аппетит. Именно на ее сборищах заговорили во весь голос о долге сионистов "катализировать осознанные разными народами Советского Союза причины катаклизмов между ними, в действительности порожденных их неравноправным положением в стране". Понятно? Сеять национальную рознь между советскими народами, натравливать их друг на друга, внушать им, что они якобы не равны в нашей стране — вот что означает эта сионистская сентенция, если снять с нее туманную словесную шелуху...

А монолог мадам Аннет все продолжался.

И вдруг она с извинительной, правда, улыбкой стала называть сионизм сионизмом, а сионистов сионистами. Вернее, не вдруг, а с того самого момента, когда перешла к жалобам. Да, самым настоящим, полным слезливого откровения жалобам на наводящих Париж молодых израильтян. Попадая во Францию туристами, они превращаются то в абитуриентов, то в дельцов, то в женихов французских девушек. Словом, создают для себя благовидный предлог не возвращаться в Израиль, где одних ждет армия, других — чиновничья работа на оккупированных палестинских территориях, третьих — неотложные поручения сионистских организаций. Причем речь идет о юношах и девушках совсем не из семей, недавно переселившихся в Израиль и почувствовавших себя обманутыми, не о тех, кого израильская пропаганда называет "йордим" — изменниками. В Париже оседают отпрыски семей коренных израильтян — сабров и старожилы — ватиким, принадлежащих преимущественно к привилегированным и состоятельным кругам израильского населения.

Скорбные стенания мадам Аннет вполне отражают, доджей сказать, недовольство французских сионистов и сочувствующих им кругов нашествием молодых беглецов из "страны отцов", предпочевших парижскую жизнь пребыванию на родине, хронически находящейся в состоянии "ни войны, ни мира". Я уже рассказывал об этом в книге "Темная завеса", адресованной молодым читателям и повествующей преимущественно о грязной охоте международного сионизма за молодыми душами. Здесь же касаюсь этого больного для французских сионистов явления для того лишь, чтобы читатель еще раз мог на конкретных фактах убедиться, как краху глобальных планов "всеобщей алии" сопутствует массовое бегство из Израиля. Бегство не только новоприбывших, не успевших осесть в стране, но и молодежи из среды коренных израильтян, на которую делают главную ставку сионисты и клерикалы.

— Осевшие у нас молодые израильтяне у себя дома говорят, что едут во Францию туристами, посмотреть мир, — обличает беглецов мадам Аннет. — Их не пугает ни повышение цен на билеты, ни астрономический налог при выезде — они, слава богу, из состоятельных семей. Сначала острят, что им надоело коптеть в Израиле — стране, поездка внутри которой на каких-нибудь сорок километров, неважно в каком направлении, может привести либо на пляж, либо в тюрьму соседней арабской страны. Потом серьезно заявляют, что учиться в израильских университетах дорого и неинтересно. Проходят месяцы, годы, а они по-прежнему заверяют парижских евреев (будь великовозрастная "студентка" правдивей, она бы сказала "парижских сионистов". — Ц.С.), что не собираются стать "йордим", то есть покинуть Израиль. Назовите их беглецами или хотя бы эмигрантами, они на вас обидятся и обзовут антисемитом. Но возвращаться в Израиль и не помышляют, их вполне устраивает полузаконный статус "хуц ли арец" — это означает "вне страны". Мы знаем, что в Соединенных Штатах "застряло" еще больше молодых израильтян, уклоняющихся от обязанности строить еврейское государство. Но французским друзьям Израиля от этого не легче, — тоскливо вздыхает моя собеседница.

Парадокс! Активная сионистка, одна из кураторов большой молодежной организации, жалуется советскому писателю на недостаточную политическую закалку молодых израильтян и признает, что ошибалась, когда наивно думала, что каждый из них во сне видит себя активным сионистом.

Однако мадам Аннет рассказывала мне все это неспроста, не из дамского стремления поболтать. Подтекст был такой: сионисты Западной Европы вынуждены усиленно развивать контакты с израильскими собратьями, а уж на плечи деятелей сионизма во Франции, по природе своей "теоретического" и "интеллектуального", ложится святая обязанность помочь Израилю вернуть в лоно сионизма свихнувшуюся с пути истинного молодежь. И не случайно моя собеседница всячески напирала на то, что сотрудники многочисленных представительств израильских молодежных организаций много почерпнут в Париже и вернуться домой идейно и организационно обогащенными, более подготовленными для работы в Израиле.

Сочтя, видимо, что я не до конца осознал, почему она так гневается на "полулегальную израильскую колонию в Париже", мадам Аннет вручила мне экземпляр франкоязычного просионистского журнала "Л'арш" ("Ковчег"):

— Прочтите статью "Израильтяне в Париже". И вы поймете, как осуждают непатриотическую израильскую молодежь парижане.

— Парижане?

Явно не желая уточнять, о каких именно парижанах идет речь, "студентка" ответила мне подчеркнуто патетически и на весьма повышенной ноте:

— А вы не знаете, что в Париже живут люди, близко принимающие к сердцу судьбу Израиля? Гораздо ближе, чем вы думаете! Думаете, если мы не говорим по-еврейски, то забыли о своей исторической родине?.. Нет, врагам сионизма молодежь мы не отдадим, нет!..

"Если ты сионист и ты молод, твое место на Голанах! Остающиеся за границей — обманщики!"

Так обращается к "подрабатывающим, стажирующимся, привыкающим, притворяющимся" в Париже молодым израильтянам журналистка Ан-Елизабет Мутэ со страниц "Ковчег". И напоминает тем, кто "не упускает возможности "сделать дело" в Париже", к чему привел подпольный бизнес многих молодых израильтян в Западной Германии — к преступному дну, к тюрьме. Толкает их на это нужда? Нет, желание "красиво" жить. Таковы, скажем, Бени и Дани, которых встретила журналистка в парижском кафе: "Одеты они были как боги с ног до головы; рубиновое кольцо у одного из них стоило шикарной квартиры в богатом северном квартале Тель-Авива, и они знали, что такие квартиры их ждут".

По этим деталям мы окончательно убеждаемся, что бегство из страны охватило и самые обеспеченные слои израильской молодежи. Они предпочитают полулегально околачиваться в Париже, Нью-Йорке, Бонне, нежели благоденствовать, как положено представителям элиты, на "родине отцов", где им приходится откупаться от призыва в воинские части для очередной карательной экспедиции.

В Париже, по наблюдениям Ан-Елизабет Мутэ, эти "галилейские растиньяки" цинично упрекают местных евреев в недостаточном внимании к Израилю, чуть что бросаются кличкой "антисемит!". Но сами, к негодованию парижских сионистов, сводят на нет их пропагандистскую брехню об израильском рае своими признаниями о том, что в действительности творится в покинутой ими стране.

А рассказывают-то они правду. И чем горше она, тем суровой мсть французских сионистов за "клевету".

Двадцатидвухлетняя девушка из Беэр-Шевы, прочно обосновавшаяся в Париже с согласия и при денежной поддержке отца, владельца обувного магазина, рассказала за столиком кафе в компании:

— На задворках нашего дома поселилась семья приехавшего из Белоруссии техника по холодильным установкам. Но у нас он почему-то работает подсобным рабочим в мебельной мастерской. Жена начала было работать ночной сиделкой по разовым приглашениям, но профсоюз объявил ей бойкот за антиизраильские настроения. И вот эту чету пришли приглашать на собрание общества защиты евреев в Советском Союзе. И муж ответил: "Нечего нам делать на таком собрании. Вот когда будет создано, наконец, общество защиты евреев из СССР в Израиле, я первым прибегу!"

В кафе посмеялись. Но девушку "за распространение антиизраильского злобного анекдота" со следующего же дня подвергли организованному остракизму. До того организованному, что она вынуждена была переехать не то в Марсель, не то в Лион.

Девушка клялась и божилась, что рассказывала не анекдот, а быль. Ей, увы, не поверили.

ВЫНУЖДЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ ИЗМЕННИКА

А ведь попадись мне в Париже на глаза тель-авивский журнал "Шалом" № 41, я, пожалуй, мог бы выручить девушку.

Но, к сожалению, уже только впоследствии я прочитал на пятой странице этого "независимого" журнала письмо недавнего израильтянина, выступившего от имени "хорошо все обдумавшей" группы переехавших в Израиль советских граждан. Все они ищут средств обороны "от обмана, надувательства, пропагандистских посулов, игры на чувствах", которым подвергают новоприбывших сионистские партии, особенно во время избирательной кампании. Автор письма выражает мнение людей, "изголодавшихся в Израиле по социальной справедливости, по избавлению от уничижительного неравенства". И приходит к выводу:

"Для борьбы с местной бюрократией и защиты интересов русских евреев (они самые бедные и самые робкие) нужна "Лига защиты репатриантов из СССР".

Название набрано прописными буквами, ибо мотивированный призыв к созданию в Израиле организации для защиты бывших советских граждан составляет существо письма. Этот призыв варьируется на все лады, рассматривается с разных сторон, аргументируется, обосновывается, доказывается.

Кем, однако?

Не написал ли столь невыгодное для израильских властей письмо убежденный антисионист, до конца разочаровавшийся в Израиле и окончательно решивший бежать? Не его ли личными невзгодами объясняются бескомпромиссно точные оценки трагического положения бывших советских граждан на израильской чужбине? Не дошел ли он до полного отчаяния и перестал владеть собой?

Нет, нет и нет. Еще задолго до обращения в журнал "Шалом" автор письма успел сделать в Израиле необычайную карьеру, ибо сразу же по приезде стал ретивым сотрудником одной из сионистских служб, специально созданный для заманивания советских граждан в "страну обетованную". Руководители службы превозносят изобретательность и инициативность нового агента, подчеркнутую неразборчивость в выборе провокационных средств. По той же причине этого человека проклинали и многие еще не вырвавшиеся из Израиля олим, и многочисленные беженцы, которых он продолжает преследовать в Риме и Вене.

Проклинает Якова Сусленского и родившая его мать. Бросив ее, больную и престарелую, в Бендерах, сынок укатил за рубеж, туда, где так высоко ценится предательская клевета на Советскую страну.

И, как видите, даже такой отпетый изменник, сразу же завоевавший признание сионистских кругов, вынужден был выступить с предложением создать в Израиле организацию для защиты тех, кого он же и его же дружки заманивают туда, лживо именуя репатриантами. Чтобы окончательно не потерять остатки доверия обманутых им людей, Сусленский счел выгодным для себя публично сказать то, о чем уже давно и много говорят с волнением бывшие советские граждане, в полной мере ощутившие свое бесправие в Израиле.

Девушка из Беэр-Шевы, выходит, поведала в парижском кафе горькую правду о жизни переселенцев в Израиле. Правду, которую с хорошей миной при плохой игре приходится признать и сионистским агентам.

ИСПОВЕДУЮЩИЕ ЛОЖЬ

По мысли Маяковского, важно знать достаточно мало, чтобы не упустить из виду главного.

Мы с вами узнали, читатель, о повседневных делах французских деятелей сионизма сравнительно много, но, к счастью, достаточно мало, чтобы не упустить главного: сионистские организации во Франции, как и в любой капиталистической стране, ощущают себя составной действующей частью международного сионизма и покорно подчиняются

решениям находящихся в США и Израиле центров своей клики. Попытки представить французских сионистов такими розовенькими чистоплюями "не от мира сего", якобы погруженными в эйфорическую интеллектуальную атмосферу высокой теории, столь же лицемерны, как и разглагольствования сионистов Великобритании о том, что они работают-де "в белых перчатках" или "под сурдинку".

Знакомые перепевы камуфляжных мотивов! Время от времени они доносятся из любой западной страны.

Французские сионисты, однако, особенно любят патетически провозглашать:

— Да разве же мы позволим себе то, на что способны штурмовые отряды раввина Кахане в Америке!

— Да разве же можно найти среди нас хотя бы одного, кто действует по примеру израильских экстремистов из "Гуш-эмуни", идущих к палестинцам на оккупированных землях с автоматами и бомбами!

— Да разве же не очевидно, что мы никогда не переступаем грани, за которой начинаются принуждение, провокации, диверсии!

Увы, очевидно совершенно противоположное.

Конечно, мне трудно из числа французских сионистов поименно назвать практических последователей Меира Кахане или эмиссаров, лично исповедующих каннибальские взгляды карателей из "Гуш-эмуни". И не в этом суть! Важно другое: вся без исключений практическая деятельность сионистов Франции, подобно делам их собратьев в других западных странах, подогревает террористов из кахановских банд, вдохновляет душегубов из "Гуш-эмуни", способствует осуществлению всех акций, намеченных Всемирной сионистской организацией, Всемирным еврейским конгрессом и Еврейским агентством для Израиля ("Сохнутом").

Эта деятельность, осуществляемая по заокеанскому сценарию, направлена на заманивание в Израиль еврейской бедноты из западных стран и всех (ни более ни менее! — Ц.С.) граждан еврейской национальности из стран социалистических. Она пронизана антикоммунизмом и ставит своей целью безоговорочное оправдание любых карательных операций Израиля против палестинцев, любых его военных нападений на арабские страны, как бы ни выпирала коричневая подкладка таких разбойничьих действий. Она укрепляет финансовую мощь международного сионизма, стоящего на страже классовых интересов капиталистических монополий и мирового империализма. Она шовинистична, антидемократична и противонародна на каждом шагу, и это закономерно выдвигает ее в авангард антисоветизма.

А если говорить о хронических попытках сионистов добиваться поддержки своих планов и поползновений от государств, где они действуют, то сионизм во Франции в этом отношении особенно разнуздан, нагл, нахрапист. Десятикратно таков он в моменты, когда государственные деятели Франции демонстрируют свое справедливое понимание того, что творит Израиль под покровительством США на Ближнем Востоке. Тут уж вздымается неистовая буря клеветы на правительство, на государство, на народ.

Как их единомышленники во всем мире, французские сионисты исповедуют ложь. А если расставить все по местам, они намного лживей большинства своих западных собратьев. Хитроумней вуалируют свои намерения, мудреней камуфлируют свои планы, лицемерней изрекают свои призывы.

Скажем, в Англии к съездам правящих партий регулярно публикуются документы, не только раскрывающие, но и хвастливо рекламирующие деятельность сионистского лобби. А попробуйте спросить французского сиониста о лобби — он взглянет на вас, как на инопланетянина.

В Голландии, например, открыто стыдят неаккуратных шекеледателей, публично шельмуют злостных неплательщиков регулярных и внеочередных "пожертвований". А во французских сионистских кругах о "шекеле" лицемерно рассуждают с отвлеченным видом, как о чем-то стародавнем, архаичном и неведомом, хотя прекрасно ведомо, что в

сионистскую кассу дерут с французского еврея более увесистую дань, нежели с голландского.

Сионистские организации во многих западноевропейских странах, допустим, в Бельгии, открыто призывают своих членов не протягивать руку помощи бежавшим из Израиля бывшим гражданам социалистических стран. Инструкции сионистов во Франции на сей счет более жестки и безжалостны (в них фигурирует зловещее слово "депортация!"), но зато засекречены.

И, наконец, Америка. Если там сионистские организации любого оттенка шумно и без стеснения поддерживают на всех перекрестках бесчеловечную расправу израильтян с арабским населением оккупированных земель, то во Франции точно такие же взгляды сионисты высказывают шепотком и только среди своих.

Вот какой густой паутиной изощренной лжи опутали свою каждодневную деятельность, свои крупные операции и мелкие делишки французские сионисты.

Это делает их особенно опасными врагами демократии и прогресса. Это таит для их жертв повышенную угрозу. Ведь, по справедливому утверждению писателя Юрия Бондарева, у всего человечества один и тот же враг — ложь.

Ложь! Слышите, господа "теоретики"?

Нет, не только "теоретики". Но и самые изощренные практики. Они нацелены на гнуснейшие провокации, сопряженные зачастую с явными попытками вмешательства во внутренние дела нашей страны. Только так можно охарактеризовать, например, засылку на территорию СССР сионистских эмиссаров под личиной жаждущих познать наши достопримечательности "туристов".

В январе 1985 года с туристскими паспортами прибыл к нам очередной парижский дуэт: преподаватель Ален Фенкелькро и служащая Доминик Нора. Перед отъездом из Франции они получили от сионистских служб список имен и адресов некоторых советских граждан, которым на законном основании отказано в разрешении на выезд: по роду работы им известны государственные секреты. Изобличенные "туристы" письменно подтвердили, что предпринимали на нашей земле провокационные попытки выжать из своих "запланированных собеседников" не только антисоветскую клевету, но попутно и сведения о новых работах советских физиков. После скандального провала парижского дуэта сионистская пропаганда провозгласила преподавателя известным писателем, а служащую — журналисткой левого направления.

Таковы грязные дела сионистских "интеллектуалов".

ТЕРРОРИСТЫ

ТАКОВЫ ИХ ДРУЗЬЯ

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу — кто ты.

Видно, памятуя это, сионистские пропагандисты из кожи вон лезут, только бы придумать и распространить очередной миф о своих неразрывных дружеских контактах чуть ли не со всем, что знаменует прогресс и демократию.

А кто же в действительности дружки сионистских правителей Израиля?

С предельной выразительностью ответил на этот вопрос Рик Зиффер, президент прогрессивного Союза бельгийских евреев — бывших участников Сопротивления.

— Взгляните на карту мира, — сказал он мне в Брюсселе, — и увидите, что израильскими флажками надо отметить на ней именно те точки, которые в современном мире напоминают о социальном смраде, о политиканской грязи и, главное, о реакционности и расизме.

В самом деле, давно связано израильское руководство с презираемым большинством народов мира расистским режимом ЮАР. Связано прочно, вплоть до совместных секретных

работ по производству и испытаниям ядерного оружия. Недаром в прессе любого направления обычным стало упоминание оси Тель-Авив — Претория. Подпирают эту расистскую ось американские монополии, крупные израильские фирмы и мультимиллионеры "двойного" гражданства на манер алмазного короля и главного мецената сионизма в ЮАР Гарри Оппенгеймера, владеющего подавляющим числом акций крупных промышленных синдикатов Израиля. Каждый алмаз, поступающий на израильские гранильные фабрики, окроплен кровью черных рабов преторийского режима.

Растут экономические и военные связи сионистских руководителей Израиля и с чилийской кликой Пиночета, чей кабинет министров, по утверждению сионистской пропаганды, "законно пришел на смену ушедшему правительству Альенде". Отборные части вооруженных сил Пиночета, охраняющие резиденцию диктатора и помогающие полиции, вооружены исключительно оружием израильского производства. Эти факты, как и связь Израиля с ЮАР, давно уже не представляют секрета.

Следует поэтому здесь коснуться тех связей Израиля с разномастными реакционными режимами и течениями, о которых сионисты пока предпочитают умалчивать.

На первый взгляд может показаться маловероятным, скажем, взаимодействие Тель-Авива с шахским режимом Ирана — ведь дипломатических отношений между ними официально не было. Однако тегеранское бюро вездесущего "Сохнута" взяло на себя роль израильского правительственного представительства в Иране и сумело тесно связать политические разведки обеих стран. Израильский Моссад помогал шахскому Саваку преследовать и уничтожать всех "подозрительных". Прежде всего сионистские разведчики поделились с шахскими проверенной на практике техникой допроса арестованных арабов. И в иранских тюрьмах сразу же резко повысился процент "признаний вины".

О связях двух охранок убедительно рассказал болгарский журналист Кольо Гергинский, которому довелось задать несколько простых вопросов арестованному после иранской революции Хасану Зане, третьему по значению чиновнику Савака. Журналист поинтересовался, с разведками каких стран, кроме США, сотрудничал Савак. И услышал в ответ:

— Мы имели связи и работали вместе со специальными службами Англии, ФРГ, Пакистана, Египта, но теснее всего с израильским Моссадом.

Корреспонденцию Кольо Гергинского я показал знакомому французскому журналисту.

— Помощь шахским приверженцам — давнишняя традиция израильской политической и военной разведки, — заметил он. — Еще в 1953 году это стало известно французской прессе. Правда, произраильскому лобби удалось предотвратить обнародование даже таких фактов, как активное участие сионистских разведчиков в свержении неугодного шаху и, конечно, Америке правительства Моссадыка. Впоследствии влияние сохнутовцев в Тегеране настолько возросло, что их бюро стало пользоваться всеми привилегиями дипломатического представительства и получило фактический доступ ко всем делам полиции и Савака. И когда 8 сентября 1978 года на тегеранской площади Жале шахские власти подавили огнем массовую демонстрацию, то зачинщиками расстрела сотен иранцев стали специально присланные из Израиля полицейские подразделения.

Не случайно вскоре в одном из домов близ площади Жале, ныне названной площадью Павших, обнаружили снаряжение и знаки израильских полицейских.

А разве могла не внести свою лепту израильская разведка в позорные попытки подавить революционное движение народа многострадальной Анголы. Еще летом 1975 года наймит империалистов Х. Роберто, намеченный ЦРУ в ангольские диктаторы, вошел в контакт с израильской секретной службой в Швейцарии. Несостоявшийся диктатор предложил сионистским руководителям Израиля "блестящие перспективы" участия в ограблении национальных богатств Анголы, если израильская разведка, а затем и воинские части активно поддержат борьбу против возглавляемых Агостиньо Нето антиимпериалистических и демократических сил Анголы. Сионистам припала по вкусу такая сделка. Ангольским раскольникам стали всячески помогать не только израильские

разведчики и военные инструкторы, но и вступившие в контрреволюционные банды наемники.

Итак, сионисты помогают расистам ЮАР осуществлять апартеид и наращивать вооружение, поддерживают оружием и деньгами фашистскую клику чилийского диктатора Пиночета, тесно взаимодействуют со сторонниками свергнутого народом иранского шаха, входят в сговор с контрреволюционными бандами в Анголе — нужно ли продолжать этот постыдный перечень преступных контактов сионизма с расистами и реакционерами на всех континентах!

Да могут ли быть иные дружки у сионистов — тут уж все идет по пословице: "Около дегтя — в деготь, около репьев — в репья". Тем более что сионистскому репейнику — верному прислужнику империализма — друзей в основном подбирают требовательные хозяева. Подбирают, исходя из своих классовых интересов.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАЯ ИДИЛЛИЯ

В погожий осенний день группа израильских студентов приехала в старинный Гейдельберг.

Зачем профессор истории Циммерман привез своих питомцев из Тель-Авива в патриархальный немецкий город? Ответ вроде бы ясен: для посещения старейшего в ФРГ Гейдельбергского университета.

Однако в послеобеденный час, когда жизнь на улицах города как бы замирает, молодые израильтяне направились не в храм науки, а в квартал уединенных вилл, спрятавшихся за высокими оградами среди зеленых садов и пышных цветников.

Юноши и девушки подходят к вилле, отличающейся от других особенно высокой каменной оградой и непомерно массивными железными воротами в готическом стиле. Сверившись с часами, профессор нажимает кнопку звонка. Отворяется массивная дубовая калитка. Пришедших точно в назначенный час посетителей встречает сам хозяин,

Элегантная одежда, в особенности сразу же бросившийся гостям в глаза безупречный узел модного галстука, в какой-то степени скрадывает 75-летний возраст Альберта Шпеера.

Нет, тут не случайное совпадение имени и фамилии! Будущих израильских историков их наставник привел в гости именно к бывшему министру вооружения и боеприпасов нацистской Германии, одному из самых близких фюреру политических деятелей фашистского рейха, члену нацистской партии с 1932 года, заявившему в свое время с полным правом: "Если у Гитлера был когда-либо друг, то это был я".

Назначенный в 1942 году имперским министром, Шпеер до самого последнего дня войны руководил всей питавшей военную машину гитлеризма промышленностью Германии и оккупированных стран. Нынешний обитатель уютной виллы в Гейдельберге был инициатором и организатором использования на принудительных работах миллионов вывезенных и поработанных иностранных рабочих. "С военнопленными нечего деликатничать", — продекларировал господин имперский министр, лично утвердив варварский план переброски истощенных военнопленных на строительство укреплений, в частности "Атлантического вала", военных заводов, стратегических автострад. Наконец, с ведома Шпеера сотни тысяч евреев, непригодных из-за полной потери сил к каторжным работам, уничтожались в печах концентрационных лагерей. Такой послужной список закономерно привел Альберта Шпеера на скамью подсудимых, когда перед Международным трибуналом в Нюрнберге предстали главные военные преступники. Гитлеровского сподвижника признали виновным в кровавых преступлениях против человечества. Он избежал виселицы, но двадцать лет провел в тюрьме.

И вот пребывающий на покое (так ли это в действительности?) Шпеер охотно дает согласие встретиться с группой молодых сионистов.

Вряд ли стоит копаться в грязной душонке отъявленного палача, чтобы установить, из каких таких соображений согласился на эту встречу Шпеер. Более важно — почему ее

инициатором стал израильский историк, почему одна из влиятельнейших в Израиле сионистских организаций санкционировала поездку студентов в Гейдельберг, почему функционер этой организации лично отбирал участников поездки?

Об идиллическом собеседовании на гейдельбергской вилле Шпеера я впервые узнал от нескольких жителей Маннгейма и Мюнстера, приехавших во Францию прощупать, как они выжили, а не спокойней ли евреям жить здесь, а не в ФРГ. Вот что я услышал от них:

— Внуки тех, кого Шпеер посылал на гибель в газовые печи, сегодня выслушивают его откровения и оправдания. Кошунство? Да. Удивительно? Нет. Может быть, среди специально отобранных израильских студентов были внуки тех сионистских лидеров, которые в годы второй мировой войны имели контакты с коллегами Шпеера...

— А разве нельзя допустить, что среди студентов были дети или внуки руководителей израильского сионизма, которые деловито торговались с канцлером ФРГ Аденауэром по поводу размеров денежной "компенсации" Израилю за замученных в Освенциме, Майданеке, Дахау евреев?

— Нет, нет, если рассуждать логически, корень совершенно в другом: вот уже не первый год сионизм всячески старается внушить молодежи, что нацисты в общем-то ничем не отличаются от "всего остального" человечества, издавна и по сей день враждебного евреям. И господин Солодарь знает это не хуже нас с вами. Он ведь напечатал в своей книге (имеется в виду "Дикая полынь". — Ц.С.) слова сионистского историка Цинтии Озик, что сегодня весь мир хочет видеть евреев мертвыми.

— Цинтия Озик — последовательница Ицхака Арапа и ему подобных! А они не устают твердить, что в годы гитлеровской оккупации все народы одинаково равнодушно относились к несчастьям евреев. Что ж, если все были одинаково равнодушны, то чем же фашистский убийца Шпеер хуже других?

— Тем более не мешает, сочли в Тель-Авиве, сионистской молодежи изучить его опыт!

Пожилой врач, произнесший, вернее, воскликнувший последнюю фразу, уловил мое чрезвычайное удивление: уж такое никак не укладывалось в моем сознании.

— Что, не верите? — с еще большим удивлением обратился он ко мне. — Могу показать вам во многих книгах и журналах утверждения сионистов, что некоторые организационные принципы третьего рейха заслуживают сегодня детального изучения и по возможности "модернизованного" частичного применения! А что, если это как раз и побудило израильских историков спокойно побеседовать со Шпеером?

Пора сообщить читателям, что беседовавшие со мной люди были необычайно возбуждены и встревожены. Ведь они приехали во Францию сразу после того, как молодчики из юношеской пронацистской банды дважды за короткий срок намалевали на их дверях свастику, сдобренную антисемитской надписью. Эти жители Маннгейма и Мюнстера разговаривали со мной на столь высокой эмоциональной ноте, что у меня, прямо скажу, появилось сомнение: а нет ли преувеличений в их рассказах о визите израильских студентов к нацистскому главарю Шпееру? Все это казалось мне настолько невероятным и фантастическим, что я твердо решил не полагаться на информацию моих собеседников и нигде не упоминать о совершенно невозможной, как мне казалось, встрече на гейдельбергской вилле.

Увы, наивное я принял решение.

Сионизм настолько неразборчив и бесстыден в выборе средств достижения своих целей, что израильская пресса без тени смущения подробно поведала о встрече на гейдельбергской вилле. И менее, конечно, подробно — о целях устроителей беседы израильских студентов-историков с Альбертом Шпеером. В целом же, судя по тону и заголовкам, тель-авивские газеты даже гордятся "многочасовой встречей молодых израильтян с личностью, которую во всем мире принято было называть вдохновителем всей огромной военной машины Гитлера".

Сказано, согласитесь, с чувством собственного достоинства, с неприкрытым оттенком похвальбы: дескать, наши израильские студенты-историки не лыком шиты — глядите, какие

выдающиеся личности соглашаются с ними беседовать!

Мой дальнейший рассказ о содержании беседы на вилле Шпеера вытекает преимущественно из интервью профессора Циммермана израильским журналистам А. Бендеру, Р. Уше и другим, а также из опубликованных в израильской же прессе впечатлений молодых участников визита к Шпееру.

Итак, что же нашел нужным сообщить профессор Циммерман, руководивший гейдельбергской встречей не просто так, а в рамках учебной программы студентов исторического факультета?

"Мы спросили Шпеера, как он, архитектор, пришел к тому, что стал соучастником преступлений. Так оно получилось, ответил Шпеер. Я не был слепым и фанатичным последователем Гитлера, я просто делал служебную карьеру. А когда служишь верой и правдой, то не думаешь о людях, думаешь только о задании, которое необходимо выполнить любой ценой..."

Что ж, такой "принцип" слепого рвения при исполнении служебных обязанностей молодые сионисты могут вполне применять на практике, пожалуй, даже без всякой "модернизации". Когда тебе приказывают вышвыривать арабов с их насиженных мест, или выплачивать темнокожим евреям половинную зарплату, или стрелять по окнам детских спален в квартирах советских дипломатов, где уж тут думать о людях, "думаешь только о задании, которое необходимо выполнить любой ценой"!

"При таком отношении к заданию, — продолжает Циммерман излагать высказывания Шпеера, — к служебным обязанностям сглаживается разница между чиновником в министерстве, директором завода и охранником концентрационного лагеря".

Мотайте на ус, молодые израильтяне! Если служите сионизму "верой и правдой", то сглаживается разница между чиновником в министерстве, директором завода и тюремщиком, изощренно пытающим в застенке несовершеннолетних палестинцев, обвиняемых в неповиновении оккупационным властям. В конце концов и тюремщик всего лишь "любой ценой" старательно выполняет свои "служебные обязанности". Как видите, взгляды гитлеровцев на служебную карьеру не требуют ни малейшей "модернизации" в стране, где владычествует сионизм.

"Шпеер был исключительно талантливым организатором, захлебывается от восторга профессор Циммерман. — Можно смело утверждать, что благодаря его способностям война затянулась на лишний год (какая высокая заслуга перед человечеством! — Ц.С.). Его нельзя обвинить в убийстве в прямом смысле слова: он организовал производство оружия для убийц и, нужно отдать ему справедливость, блестяще справлялся со своей задачей".

Нужно отдать справедливость и Циммерману. Профессор не менее блестяще справился со своей задачей — авторитетно, с исторических позиций успокоил тех, кто в Израиле богатеет на создании оружия либо добывает его в США: они, видите ли, не убийцы ливанских и палестинских женщин и детей, они всего лишь организуют производство оружия для убийц!

А как же с массовым истреблением евреев? Профессор Циммерман и тут безапелляционно принимает объяснения гитлеровского палача:

"Шпеер утверждает, что абсолютно ничего не знал об уничтожении евреев. На вопрос, как это могло случиться, что он, в ведении которого находился весь транспорт, не знал, куда направляются эшелоны с евреями, Шпеер ответил: "Я не был связан с движением поездов. Этим вопросом ведал министр транспорта".

В противоположность профессору студентку-третьекурсницу Нааму Хениг такой ответ не удовлетворил. Она спросила Шпеера, как могло случиться, что несмотря на свою близость к Гитлеру, он ничего не знал об уничтожении евреев. И услышала в ответ: "Я знал, что Гитлер хочет убить евреев, но как он планировал и осуществлял это, я понятия не имел. Поймите, я занимал чересчур высокий пост, чтобы непосредственно войти в соприкосновение со всеми этими делами. Этим занимались более низкие инстанции".

Ссылка на второстепенные, недостойные личного друга Гитлера инстанции оказалась

убедительной для пытливой студентки. И она говорит про Шпеера: "Он показался мне весьма достойным человеком. Порою я даже жалела его — ведь у меня создалось впечатление, что он честный человек".

Как видите, питомица Циммермана пошла еще дальше своего наставника: дала полную индульгенцию гитлеровскому сподвижнику.

Не названная израильскими репортерами сокурсница Наамы Хениг без обиняков заявила: "То, что произошло при Гитлере со Шпеером (имеется в виду каннибальская деятельность на посту имперского министра. — Ц.С.), может случиться с любым человеком, когда личная верность выдвигается как непреложное условие служебного или даже профессионального роста".

Совсем легко, оказывается, нацистскому извергу вызвать жалость в сердце юной сионистки. Еще легче внушить ей: хочешь без задержки взбираться вверх по служебной или профессиональной лестнице — не задумывайся над тем, как отвратительна расистская таблица деления жителей Израиля на "этнические" сорта, как лицемерна смиренная покорность далеких от религии людей всемогущим иудаистским клерикалам, как безнравственна безоговорочная поддержка сионистских террористических группировок! Делай все это без зазрения совести — и тебя сочтут вполне достойным человеком. И даже пожалеют тебя, коли переусердствуешь!

Шпеер очаровал не только Нааму Хениг и ее сокурсницу. Студент Сарор увидел в нем ревностного служаку и поклонника фюрера. "А в те годы, — делает вывод молодой историк, — поклонение фюреру обязательно выливалось в весьма реальные поступки".

Бесчеловечные преступления, унесшие миллионы жизней, именуется реальными поступками.

Среди ближайших пособников фюрера Альберт Шпеер, как и Бальдур фон Ширах — организатор и руководитель нацистской молодежной организации, гауляйтер фашистской партии и кровавый наместник Вены, был из молодых, да ранних: одним из руководителей имперского центрального комитета по планированию он стал, едва достигнув тридцатилетнего возраста. Молодым гостям Шпеера такая деталь его биографии явно импонирует — внимательно вчитавшись в их интервью израильским репортерам, нельзя не заметить этого. Что ж, начавшаяся смолodu головокружительная карьера гитлеровского дружка пробуждает, видать, в юных сионистах честолюбивые мечтания с дальним прицелом!

Весьма кстати будет напомнить молодым сионистским историкам и другую деталь красочной биографии их нового знакомца фашистской формации: среди его закадычных дружков числился повешенный по приговору Международного военного трибунала Юлиус Штрейхер — один из организаторов фашистской партии, инициатор еврейских погромов, основатель антисемитской газеты "Дер Штюрмер", "идеолог" всех кровавых антиеврейских акций гитлеризма. Не случайно, расписывая красочную биографию именитого собеседника тель-авивских студентов, сионистская пресса об этом умолчала. Не приходится сомневаться, что протеста со стороны профессора Циммермана такая "забывчивость" не вызвала.

Зато израильские репортеры не преминули сообщить, что самую юную участницу деликатной беседы (к сожалению, она осталась на страницах газет безымянной) Шпеер положительно пленил своими многозначительными намеками на свою "большую заинтересованность" сионизмом еще до захвата нацистами власти в Германии. Впоследствии заинтересованность переросла даже в "глубокие размышления над духом сионизма". Какая трогательная сентенция!

ЧЕМ ВОСХИЩЕН ГИТЛЕРОВСКИЙ СПОДВИЖНИК?

От таких откровений только один шаг до пылкого восклицания нацистского военного преступника, вызвавшего особенно бурный восторг Циммермана:

"Я поражен и восхищен творческой силой и боевым духом израильтян! Особенно восхищен Цахалом!"

Поистине высокая честь для испепеляющей арабские земли израильской армии, каковую господин бывший фашистский министр уважительно именуется, как и положено по ивритской аббревиатуре ее именовать, Цахалом!

В точности не известно, чем именно и какими конкретными операциями сумел Цахал поразить и восхитить гитлеровского сподвижника. На сей счет я услышал немало противоречивых догадок в Западном Берлине. Их высказали бежавшие туда бывшие граждане Израиля, в том числе и такие, кого принято называть коренными израильтянами. От них я узнал, что многих и многих граждан Израиля глубоко возмутило и "нежное свидание" тель-авивских студентов с одним из организаторов массового истребления евреев в гитлеровских лагерях и "горделивый тон", с каким сионистские газеты рассказали об этом. Один из встреченных мною беженцев вместе с шестью другими жителями Хайфы отправил письмо протеста в официозную тель-авивскую газету "Наша страна". Письмо, конечно, опубликовано не было.

По иронии судьбы разговор о Шпеере возник у нас неподалеку от здания рейхстага. Со старательно покрашенными автографами нашей Победы на стенах и колоннах, которые все равно навечно сохранятся в нашей памяти, но с зияющими пробоинами на куполе, рейхстаг напоминает эксгумированный обезглавленный труп.

Я рассказываю беглецам из Израиля, как весной незабываемого сорок пятого гитлеровские вояки, тщетно пытаясь отстоять рейхстаг от атакующих советских воинов, не жалели фаустпатронов, на которые так уповал гитлеровский министр вооружения и боеприпасов. Вместе с другими военными корреспондентами мне посчастливилось побывать в поверженном, еще дымящемся рейхстаге вскоре после того, как на его куполе было водружено Красное знамя Победы. И мы увидели груды обломков самого совершенного оружия из арсеналов Шпеера...

Так чем же именно сумел его восхитить израильский Цахал?

— Цахал — единственная в мире армия, в которой регулярно отбывают службу женщины, — напоминает молодая учительница музыки, сумевшая тайком бежать из страны накануне призыва в армию. — До обязательной воинской повинности женщин не додумался даже фюрер — не это ли умилило Шпеера?

— Незадолго до нашего бегства из Израиля я прочитал заметку крупным шрифтом в иерусалимской газете "Джерузалем пост", — говорит младший брат учительницы. — С гордостью газета сообщила, что по количеству военнослужащих на каждую тысячу жителей Израиль вышел на первое место в мире. Возможно, именно это пришлось по сердцу бывшему имперскому министру?

Были высказаны и иные предположения. И тут в разговор вступил самый пожилой из бывших израильтян:

— Постойте, попробуем привлечь на помощь логику. Что мог прочитать о Цахале в западногерманской прессе Шпеер накануне своей беседы с израильскими студентами? Скорее всего, о позорном скандале вокруг убийства военнопленных во время "операции Литани". Конечно! Совпадают сроки!

Все согласились с таким доводом. Им показалось весьма симптоматичным, что Шпеер восхитился Цахалом как раз через несколько дней после того, как некоторые западноевропейские газеты, в том числе и немецкие, с возмущением сообщили: один из израильских офицеров, уличенных в убийстве военнопленных, разгуливает на свободе, другой тоже уже почти прощен.

Я, признаюсь, до приезда в Западный Берлин не слышал ни о подробностях "операции Литани", ни об убийстве израильскими офицерами военнопленных. Вероятно, читателям тоже требуется короткая информация об этом.

"Операция Литани" — одна из военных карательных экспедиций частей Цахала на территории Южного Ливана, спланированная и осуществленная под руководством генерала Мордехая Гура — в ту пору начальника генерального штаба. Во время разбойничьего нападения на ливанскую землю было взято в плен несколько солдат, оказывавших карателям

вооруженное сопротивление. Одних незамедлительно убил лейтенант Даниэль Пинто, других — подполковник Ариэль Саде.

Сведения о варварской расправе, попирающей вековые традиции и многочисленные международные конвенции, просочились в оппозиционную печать. Командование Цахала всячески противилось суду над военными преступниками. Подполковника удалось выгородить. Лейтенанту же пришлось предстать перед военным трибуналом, больше привыкшим судить военнослужащих за подозрительно либеральное поведение во время карательных нападений. Трибунал вынужден был разжаловать лейтенанта Пинто в рядовые и приговорить его к 12 годам заключения. Правда, высшая судебная инстанция тут же снизила срок заключения до 8 лет.

Друзья и родственники Пинто все же подняли шум. Один из аргументов был такой: подполковник Саде не отдан под суд, хотя не только старше по званию осужденного Пинто, но и совершил более тяжелое преступление — самолично прикончил пленного араба, когда сержант и рядовые отказались его расстрелять!

После долгих проволочек начался суд и над Саде. И на первом же заседании выяснилось, что подполковник, по его признанию, покорно выполнял директиву начальника оперативного управления генерального штаба Рафаэля Эйтана, сформулированную в одном случае так: "Не нужно быть вегетарианцами. Нам не нужны пленные. Только — убивать". Усмотрев, видно, в этом смягчающее вину обстоятельство, военный трибунал применил к подполковнику более мягкое наказание: 5 лет тюремного заключения и разжалование в рядовые.

Результатами обоих процессов больше всего остался доволен генерал Мордехай Гур. Ему удалось остаться в тени, военные преступники на него не ссылались.

Все, однако, изменилось, когда Гура на посту начальника генерального штаба сменил возвысившийся генерал Рафаэль Эйтан. Вскоре же по стране стали циркулировать слухи, что не он, а Гур давал командирам инструкции о нетерпимости "вегетарианства" в отношении военнопленных. А поскольку Саде и Пинто не смели ослушаться приказа самого начальника генерального штаба, генерал Эйтан великодушно счел возможным снизить им наказание. Даниэлю Пинто он сократил срок заключения до 2 лет, а затем пошел еще дальше — "за хорошее поведение в тюрьме" освободил убийцу от наказания по истечении 16 месяцев. Друзья немедленно же переправили Даниэля Пинто за границу. Не менее великодушно отнесся новый начальник генерального штаба и к Ариэлю Саде. Срок заключения сокращен вдвое, и, главное, осужденному сохранено воинское звание майора.

С запросом по поводу произвольных действий генерала Эйтана выступил в кнессете депутат Ури Авнери. Запрос, надо признать, возымел молниеносное действие: поднялась шумная кампания протеста против... разглашения секретных данных о внутренних делах армии с требованием предать Ури Авнери суду. Вдохновители этой травли остались недовольны разъяснением главного юридического советника правительства Ицхака Замира о том, что только депутатская неприкосновенность мешает, к сожалению, подвергнуть Авнери "заслуженному наказанию".

Некоторые газеты, в том числе и западногерманские, рассказали читателям эту неприглядную историю, причем заострили внимание на укоренившихся в карательных частях Цахала случаях убийства военнопленных.

От такой информации на матерого нациста Шпеера, очевидно, повеяло чем-то заветным, привычным, незабытым. Ведь лучший друг фюрера был причастен к подобным зверским акциям, которые, как установил Международный трибунал в Нюрнберге, гитлеровское командование узаконило рядом секретных предписаний. И Шпеера не могло, конечно, не порадовать воскрешение в израильской армии столь милых его сердцу традиций.

Стоит ли, впрочем, дотошно доискиваться, что же именно восхитило Альберта Шпеера в израильской армии! Сионистского историка Циммермана, например, совершенно это не интересует. Для него важно другое.

"Д-р Циммерман убежден, — отмечает интервьюировавший его тель-авивский

журналист, — что в этом (то есть в столь высокой оценке Шпеером творческой силы и боевого духа израильтян и в его восхищении Цахалом. — Ц.С.) кроются тайные — нет, даже не мысли, а ощущения Шпеера, который раньше создал для себя стереотип еврея: паразитического, хитроватого, коварного "недочеловека".

Какая ошеломляющая неожиданность для гитлеровского министра! "Недочеловеки", беспощадное истребление которых господин министр неукоснительно планировал, сумели в рядах вдохновляемого сионистским милитаризмом Цахала возвыситься до "ощущаемого" нацистским бонзой высокого уровня. Даже до таких высочайших, с точки зрения гитлеризма, воинских подвигов, как убийство военнопленных и мирных жителей. Как же Шпееру не восхищаться!

А Циммерман, которому, по его признанию, "эта встреча раскрыла многое", спешит — также не без доли восхищения — обнаружить: "Шпеер не считает возможным возрождение нацизма".

Увы, то, что представляется Шпееру невозможным, становится печальной реальностью. Как раз в дни пребывания израильских студентов в ФРГ, молодчики из так называемой "Немецкой гражданской инициативы" учинили очередные неонацистские вылазки. Как всегда, дело не обошлось без острой антисемитской приправы. Питомцев Циммермана не взволновали, однако, такие "мелочи".

ПРЕМЬЕР-ТЕРРОРИСТ И МИНИСТР СМЕРТИ

Несомненно, ныне гитлеровский пособник нашел бы более высокие слова восхищения Цахалом — ведь "армия обороны" Израиля совершила самое кровавое из своих террористических злодеяний последних лет: обрушивает смертоносный огонь на суверенный Ливан, и, творя геноцид в традициях единомышленников Шпеера, убивает десятки тысяч ни в чем не повинных женщин и мужчин, стариков и детей, ливанцев и палестинцев.

Применение новейшего, наиболее смертоносного американского оружия в ливанской бойне, всякого рода фосфорных, пластиковых, напалмовых, кассетных бомб и прочих варварских средств убийной, как любят выражаться пентагоновские деятели, силы, напомнило мне последнее слово Шпеера на Нюрнбергском процессе. Сей ведущий "технократ" из окружения фюрера, последний раз высказываясь с позорной скамьи подсудимых, счел нужным "как бывший министр высокоразвитой промышленности вооружения" заявить: "Многие из выявленных здесь феноменов установления диктатуры были бы невозможны без применения техники (имеются в виду газовые печи, душегубки, железные "шкафы пыток" и другое техническое оснащение лагерей смерти. — Ц.С.). Гитлер использовал технику не только в целях господства над германским народом. Ему чуть не удалось благодаря техническому превосходству подчинить себе Европу (Красная Армия помешала! — Ц.С.). Чем сильнее развита техника, тем большую она таит опасность, тем больший вес имеют технические средства ведения войны".

Видимо, бегиновский министр обороны Шарон (его в самом Израиле прозвали министром смерти) и начальник генерального штаба Рафаэль Эйтан (его прозвище — беспощадный Рафуль), стараясь использовать в истреблении палестинцев этот самый "большой вес" смертоносной техники, основательно проштудировали документацию шпееровской "высокоразвитой" техники геноцида.

Вот передо мной схематичный план первого гитлеровского лагеря смерти в Дахау близ Мюнхена — плац и бараки этого фашистского ада, сохраненные как траурный мемориал, я видел в 1972 году и до сих пор содрогаюсь при малейшем воспоминании о нем. Рядом с планом Дахау передо мной увеличенный фотоснимок первого концентрационного лагеря, спешно возведенного израильскими захватчиками на окраине Бейрута. Сравниваю план со снимком и убеждаюсь: полнейшее сходство! Но шагая в ногу с техникой, израильские каратели ввели еще релейную систему сигнализации, сразу же пресекавшую попытку не только побега, но и перемещения узников из-под палящего солнца в скудную тень.

Впрочем, новейшую технику обезлюживания иудео-нацисты успешно сочетают со стародавними средствами убийства. В Сабре и Шатиле они убивали беременных палестинок и обезумевших от ужаса детей еще и штыками, ножами, кастетами. Испытанное оружие погромщиков! Некоторые французские и швейцарские журналисты именуют гнусные преступления ворвавшейся в лагерь палестинцев израильской военщины кровавыми погромами.

Что ж, с погромов, как известно, начинали и гитлеровцы...

Возвращаюсь к идиллической встрече сионистского историка Циммермана с нацистским бонзой Шпеером для того, чтобы привести симптоматичное "пророческое" предсказание гитлеровского соратника. Привожу шпееровское пророчество в изложении Циммермана, которому, по его умиленному признанию, "эта встреча раскрыла многое", — вот почему восхищенный профессор поспешил, повторяю, обнародовать: "Шпеер не считает возможным возрождение нацизма". А Бегин и Шарон сочли возможным. И возродили.

Теперь, может быть, лидер западноберлинских сионистов Хейнц Галински тоже, наконец, сочтет возможным прокомментировать фарисейское предсказание Шпеера на фоне последних злодеяний Бегина? Сомневаюсь. Ведь с одобрения главы западноберлинской еврейской общины учебная программа вечерней просионистской школы для взрослых предусматривает основательное изучение трудов Менахема Бегина. Вероятно, это в какой-то степени поможет будущим кадровым сионистам лучше уяснить, почему бывший израильский премьер вкупе со своими приспешниками превратил тотальный антиарабский терроризм в государственную политику Израиля.

Не случайно у многих слушателей пресловутой школы я видел изданные на немецком, идиш и даже на русском языке проникнутые разнузданным самохвальством и воинствующим антикоммунизмом автобиографические писания Бегина. Беглое знакомство с этими писаниями, снабженными восторженными комментариями "теоретического" бегиновского сподвижника Исраэля Эльдада, позволило мне, наконец, уточнить значительно преуменьшаемый террористический стаж господина бывшего премьера.

Одно время было принято считать, что дебютом Бегина в роли террориста было истребление почти всего населения арабской деревни Дейр-Ясин в ночь с 9 на 10 апреля 1948 года. Затем неопровержимо установили, что именно Бегин был инициатором и вдохновителем взрыва иерусалимской гостиницы "Царь Давид" 22 июня 1946 года. Тщательно продуманный и точно осуществленный ультрасионистами с провокационной целью очернить в глазах мирового общественного мнения коренных палестинцев, этот взрыв унес в могилу 95 человек. Около двухсот человек — среди них старики, женщины, дети — были тяжело ранены и остались на всю жизнь инвалидами. Кошунственная деталь: представителей капиталистических стран, чьи учреждения находились неподалеку от обреченного на разрушение отеля, сионистская агентура своевременно предупредила о предстоящем взрыве.

Но и этот взрыв, оказывается, не знаменует начало террористического стажа Бегина. Рассказывая в своих писаниях о молодости премьер-террориста, его биографы весьма недвусмысленно дают понять, что террористические акции он замыслил еще в 1940 году. В ту пору, будучи членом профашистского "Союза сионистов-ревизионистов", он занимался подрывной антисоветской деятельностью в Вильнюсе и других городах Советской Литвы.

Как видите, вот уже более сорока лет исповедует терроризм Бегин! И закономерно пришел к фашизму.

Напомним, что экс-премьер был любимым учеником и последователем основоположника "ревизионного" — вернее, террористического-сионизма Владимира (Зева) Жаботинского, которого даже один из самых реакционных сионистских лидеров Бен-Гурион называл "Зев Гитлер".

Когда Адольф Гитлер двинул свои захватнические армады на Австрию и Чехословакию, вдохновленный этой "решительностью", двадцатипятилетний Бегин предложил немедленно двинуть сионистские отряды на завоевание Палестины.

Жаботинский, понимая безнадежность этой бредовой затеи, сначала высмеивал своего сверхстарательного последователя и назвал осуществление его плана "бесполезным скрипом двери". Но менее чем через год "Зев Гитлер" все-таки решил последовать предложению Бегина и высадить военный десант европейских сионистов на берегу Тель-Авива. Жаботинский и Бегин возлагали большие надежды на своих, орудовавших в Палестине, сторонников из террористических банд "Иргун цва леуми" (национальной военной организации). Жаботинский и Бегин рассчитывали на то, что в момент вооруженного выступления иргуновцев будет создано в Нью-Йорке временное еврейское правительство. Однако командование "Иргуна" было схвачено в тот самый час, когда оно обсуждало план Жаботинского-Бегина.

Ушедший с поста израильского премьер-министра Бегин некоторое время хранил молчание. Но в начале 1985 года он направил письмо организаторам митинга памяти Жаботинского в израильском городе Афуле. Письмо воинственное, полное милитаристских и расистских призывов, открыто осуждающее сторонников вывода израильских войск из Ливана. Считая, что его соратники Шарон и Шамир, вошедшие в коалиционное правительство Переса, недостаточно "принципиальны", Бегин, очевидно, решил вернуться на политическую арену. Причем Бегин хочет остаться Бегиним.

Правда, в некоторых израильских кругах считают: "Если Бегин заговорил, так и хочется воскликнуть "Да здравствует тишина!"

ОНИ — РЕЦИДИВИСТЫ

С лицемерным возмущением признавая, что после резни в Сабре и Шатиле "весь мир осуждает Израиль", некоторые сионистские газеты и радио "Голос Израйля" начали ожесточенную травлю французских, датских, швейцарских, западногерманских и других публицистов, писателей и общественных деятелей, допустивших с точки зрения сионистских милитаристов "тенденциозные преувеличения" в высказываниях об изощренных зверствах израильских карателей в Бейруте. В большом перечне таких "антисемитов" (многие из них — еврейского происхождения) оказался и я. Сионистским "обличителям" пришлось не по вкусу и мои публикации в "Огоньке", "Комсомольской правде", и выступления по радио в дни ливанской бойни.

Представьте, я действительно заслуживаю упрека. Упрека в том, что в ту пору, не зная еще истинных масштабов изуверских преступлений израильской военщины в Бейруте, не имея еще всех точных сведений о подробностях сговора между Шароном и непосредственными исполнителями варварской резни в Сабре и Шатиле, не прочитав еще в израильской печати, что сам Бегин стал открыто называть разбойничье нападение на Ливан уже не войной "по крайней оборонительной необходимости", а войной "по выбору", не увидев еще многих документальных киносвидетельств страшных преступлений оккупантов, я тогда не сказал то, что со всей убежденностью скажу сейчас.

Все — без какого бы то ни было исключения — беспощадные расправы с мирными ливанцами и палестинцами осуществлялись не только с ведома, но по указанию бывшего министра обороты Шарона и командующего захватническими операциями в Ливане начальника генерального штаба Эйтана. И о любой смертоносной акции, прямо рассчитанной на истребление мирных арабских жителей, заранее знал Бегин. Не случайно апологеты премьер-террориста, отличающегося, по похвальной оценке посла США в Израиле Самюэля Льюиса, "выдающейся твердостью характера среди деятелей нашего поколения", превозносят его за то, что во время ливанской трагедии он, проявляя "твердый характер", стал "настоящим штабным деятелем и не стеснялся вникать в самые на первый взгляд второстепенные оперативные детали".

Такие "детали", как, скажем, преднамеренный артиллерийский обстрел и артиллерийская бомбежка ливанских госпиталей и больниц.

Вспоминаю июль 1941 года на Смоленщине. Мне довелось видеть, как самолеты с

паучьими очертаниями фашистской свастики на крыльях прицельно бомбили наши госпитали, хотя летчики не могли не видеть огромных красных крестов на белых крышах "военных объектов". Этот фашистский метод добивания раненых полностью позаимствовали у гитлеровских вояк и те, кем командовали Шарон и Эйтан, кого бросил на ливанскую землю Бегин и снабдил новейшим американским оружием Рейган. Правда, бегиновская клика и в этом случае "модернизировала" зверские гитлеровские приемы полного истребления "неполноценного" народа: если геринговские воздушные пираты прицельно бомбили полевые военные госпитали и полевые медпункты, то израильские летчики сознательно обрушивали смертоносный огонь и на стационарные, точно отмеченные на картах Бейрута, больницы, где врачи Красного Креста из разных стран оказывали медицинскую помощь мирным жителям, раненым снарядами и пулями израильских же войск.

Еще одно существенное уточнение. Я уже говорил о сорокалетнем террористическом стаже Бегина. Но было бы несправедливым недооценивать и террористический опыт Шарона. Разве учиненная в 1953 году по его приказу и при его личном участии повальная резня в палестинском селении Кибии не явилась моделью, по которой двадцать девять лет спустя была совершена ужаснувшая весь мир расправа с мирным населением Сабры и Шатилы! Разве не Шарон в 1976 году под прикрытием "гражданских беспорядков в Ливане" организовал массовое истребление палестинских беженцев в Тель-Заагаре!

Да, оба они, Бегин и Шарон, орудовали в ливанской бойне подобно опытным рецидивистам. В том числе и в кровавой оргии по "чистке" лагерей палестинских беженцев в Сабре и Шатиле, где, по неполным сведениям, было убито три тысячи жителей — среди них беременные женщины, грудные дети, дряхлые старики.

Единственное, что не удалось Бегину, это воспрепятствовать созданию в Израиле комиссии по расследованию резни в Сабре и Шатиле — очень уж единодушен был гнев мировой общественности, очень уж много израильтян вышли на демонстрации протеста (в одной из них участвовало 400 тысяч человек — около 20 процентов всего взрослого населения Израиля!) против преступления, окончательно опозорившего Израиль в глазах человечества!

Бегину и Шарону пришлось дать показания созданной комиссии. Эти показания можно охарактеризовать одним словом — ложь. Я не буду приводить множества уверток и вымыслов, которыми не погнушались военные преступники, чтобы любой ценой выгородить себя. "Не помню", "не знаю", "не слышал" — то и дело встречается в их показаниях. Хотя некоторые члены комиссии не очень-то горели желанием докопаться до невыгодной для Бегина и Шарона правды, оба они были уличены в ложных показаниях. И тогда премьер-террорист и министр смерти прибегнули к испытанному в кругу преступников-рецидивистов способу: начали топить друг друга. Бегин стал валить все на Шарона, в котором он, кстати, подозревал вероломного конкурента, затаившего желание пробраться на пост премьера. Шарон подхватил эстафету взаимного доноительства и стал валить все на Эйтана. Тот сразу же стал копать против Дрори (командующего израильскими войсками в Ливане), а Дрори избрал козлом отпущения Ярона (командующего израильскими войсковыми частями в Бейруте). Но сколько веревочке ни виться...

Лживость показаний Бегина и иже с ним вынуждена была признать даже сионистская пресса. Приведу только один из заголовков сообщений на эту тему из газеты "Наша страна" в номере от 28 сентября 1982 г.:

"Уже вечером 16 сентября командование ЦАХАЛа знало о резне".

А ведь Бегин нагло утверждал в своих показаниях, что об уничтожении жителей Сабры и Шатилы узнал, бедный, вместе со всем человечеством только утром 18 сентября. От кого? От Шарона? От Эйтана? Нет, смиренно лгал господин премьер: о кошмарном преступлении, за которое несут ответственность войска его страны, он узнал... из передачи английской радиостанции Би-Би-Си.

Свое сообщение "Наша страна" подкрепляет информацией военного корреспондента газеты "Джерузалем пост" о том, что уже утром 16 сентября командующему

подразделениями ЦАХАЛа в Бейруте официально доложили об убийстве "первых 300 гражданских лиц".

Почти все израильские газеты вынуждены были сообщить: "Шарон признал, что солдаты ЦАХАЛа по приказанию начальства запускали осветительные ракеты над территорией лагерей беженцев" — ведь задуманное Бегинем и Шароном кошмарное преступление в Сабре и Шатиле фалангисты совершали в ночное время.

Четыре с лишним месяца потребовалось пресловутой комиссии по расследованию для того, чтобы передать свой доклад... тому самому правительству, чьи античеловечные действия она расследовала. Гора родила мышь. Этого следовало ожидать, учитывая царивший в Израиле фюрерский диктат Бегина и безоговорочную поддержку его режима Вашингтоном. Установив неоспоримые факты, подтверждающие вину израильских руководителей в кровавых злодеяниях, комиссия в своем докладе говорит об их "косвенной" ответственности. Разве можно согласиться с вегетарианской оценкой роли премьера в зверском убийстве палестинских жителей Сабры и Шатилы: Бегин, мол, не обратил внимания на то, что, оказывается, заслуживало его внимания. И ему, выражаясь языком приказов, поставили на вид. Однако даже связанная по рукам и по ногам комиссия отважилась признать вину Шарона в геноциде и потребовала его отставки. Что ж, если "своя" комиссия пришла к такому выводу, то можно не сомневаться, что вполне объективное расследование привело бы Шарона на скамью подсудимых. Вот почему мировое общественное мнение встретило итоги расследования с возмущением, понимая, что комиссия, выгораживая премьер-террориста, пожертвовала министром смерти. Пожертвовала Шароном и бегиновская клика — ему пришлось подать в отставку.

Оценку, какую прогрессивные круги израильтян дали неуклюжему маневру, помогшему уйти от ответственности Бегину, Шамиру, Эйтану и другим соучастникам кровавых преступлений в Сабре и Шатиле, точно отразило решение Политбюро ЦК Компартии Израиля: оно требует суда над преступниками.

Совсем по-иному оценили зловещую роль правительственных лидеров Израиля в трагедии Сабры и Шатилы американский монополистический капитал и верная ему администрация Рейгана. Нужно ли этому удивляться — ведь к тому времени внутренний и внешний терроризм стал в США испытанным средством государственной политики. В Вашингтоне на какое-то время притворились "рассерженными" на Бегина и его клику.

ДВА САПОГА — ПАРА

"Достойным" продолжателем черных дел Бегина оказался Шамир. Именно он в конце 1940 года-под своей настоящей фамилией Езертинский был вдохновителем и автором секретного меморандума сионистских руководителей, адресованного гитлеровской клике. Меморандума, бесспорно обличающего теснейшие военные и политические связи сионизма с нацизмом. В ответ на "добрую волю правительства германского рейха и его властей по отношению к деятельности сионистов в Германии (в ту пору нацисты уже грабили, ссылали в концлагеря и уничтожали немецких евреев. — Ц.С.) и к их планам эмиграции (точнее, планам заселения Палестины своими рекрутами и изгнания арабов с их земли. — Ц.С.)" Езертинский-Шамир и его фанатичные сообщники верноподданнически докладывали гитлеровцам: "Между установлением нового порядка в Европе в соответствии с германской концепцией и подлинно национальными интересами народа, воплощением которых является "Иргун цвай леуми", могут существовать общие интересы". Что ж, Шамир сорок с лишним лет спустя с избытком использует в Ливане гитлеровский опыт насаждения "нового порядка"!

Далее в кощунственном меморандуме (он подробно приведен в книге Изаели "Палестинская проблема в политике Германии 1899–1945 гг."), подтверждающем глобальное предательство сионизма в отношении миллионов евреев, говорится: "Сотрудничество между Германией и обновленной ивритоязычностью возможно. Образование исторического

еврейского государства, на национальной и политической основе связанного с германским рейхом, отвечало бы интересам сохранения и укрепления в будущем германских позиций на Ближнем Востоке". И наконец, в результате рабского заверения в том, что "Иргун цвай леуми" тесно связана со структурой тоталитарных течений в Европе", следует циничное предложение сионистов-террористов гитлеровским бонзам "принять активное участие в войне на стороне Германии".

Стоит ли после этого вспоминать участие Езертинского-Шамира в убийстве представителя ООН в Палестине Барнадотта и множество подобных преступлений, чтобы с полным правом назвать Ицхака Шамира, как и Менахема Бегина, давним террористом. Добавим только, что в выводах комиссии израильского верховного суда, "расследовавшей" участие высших чинов государства в геноциде на территории Сабры и Шатилы, действиям Шамира дана суровая оценка.

Естественно, такой матерый террорист на посту израильского премьера пришелся вашингтонским милитаристам по вкусу больше, чем Бегин. Не случайно первая же его поездка в Вашингтон привела к укреплению стратегического сотрудничества и созданию совместного комитета для постоянной координации военных действий США и Израиля на Ближнем Востоке.

Министр обороны в шамировском кабинете Аренс также больше импонировал американским гегемонистам, нежели Шарон. Длительная работа в США сделала этого суперястреба более "гибким" и холопски послушным Вашингтону. Что ж, рвение, проявленное Аренсом в разработке военных планов расчленения суверенного Ливана и нападения на Сирию, поощряемое заокеанскими дирижерами его тяготение к "результативным наступательным операциям", позволило Аренсу заслуженно унаследовать от Шарона не только бразды правления министерством обороны, но и позорный титул министра-убийцы.

Подобно Бегину и Шарону, Шамир и Аренс — преступники-рецидивисты. Оба обуяны фанатичной жадой при американской поддержке лишить Ливан суверенитета.

Моше Аренс, распрощавшись с креслом израильского посла в Вашингтоне ради кресла министра обороны, вдохновлял резервистов из Ашдода, призываемых в армию, напутствием на "культурные" темы: "К нашему стыду, даже некоторые легковверные израильтяне вздыхают и охают о древних памятниках арабской культуры, по которым идут вперед наши танки. Ваша совесть должна быть спокойна: древняя культура арабов миф, выдумка".

Вполне спокойна совесть, видимо, и шамировского преемника Переса. Будучи в оппозиции, он безудержно критиковал и Бегина и Шамира. Но, дорвавшись до власти, с не меньшим рвением прислуживает и реакционнейшим сионистским кругам, и глашатаям неизбежности ядерной войны из Белого дома.

НА КОРИЧНЕВОЙ ПОДКЛАДКЕ

Молодые израильские историки, помните, расстались со сподвижником Гитлера в твердой уверенности: нет, не со стремительной фашизацией своей страны и не с учащающимися в Западной Европе и Америке реальными и угрожающими попытками возрождения нацизма обязаны бороться сионисты. Не с кахановскими террористами, не с западногерманскими неофашистами, не с британским расистским "национальным фронтом", не с вновь распоясавшимися американскими куклуксклановцами, не с отечественными, наконец, жестокими карателями из реакционного (даже по определению сионистской печати!) движения "Гуш-эмуним", от которого, по признанию той же печати, "отдает чем-то коричневым!".

А с кем же?

Ответ на этот вопрос студенты исторического факультета получили на семинаре "неотложных проблем истории Израиля и мирового еврейства", куда они попали с корабля на бал — прямо в Иерусалим из Гейдельберга.

Семинар прошел далеко не столь идиллично, как тихая, солидная, взаимоуважительная встреча в Гейдельберге. То и дело слышались резкие, порою даже ругательные реплики вроде "Гнусный антипатриотизм!", "Рафинированный антисемитизм!", "Злобное пренебрежение священными основами всемирной еврейской нации!".

Оказывается, тревога была забита оттого, что почти одновременно во Франции, США, Италии и других "странах рассеяния" появились публикации сторонников ассимиляции, или по сионистской терминологии "полного растворения евреев среди других народов мира". Особенный гнев в сионистских кругах вызвала статья "Еврейский истэблишмент" французского журналиста Владимира Раби, которого сионисты уже давно наделили ярлычком "воинствующего антисемита" за то, что он отрицает наличие так называемой всемирной еврейской нации. Владимира Раби, убежденного сторонника глубоко буржуазных взглядов, обвинили на иерусалимском семинаре в поддержке и пропаганде... марксистской теории национального вопроса.

Кроме неугодных сионизму научных работ и публицистических выступлений на тему ассимиляции, семинар обсуждал также "ужасную для всеобщей алии евреев в Израиль фактографию". Об одном из "ужасных" фактов сообщил посетивший Доминиканскую республику израильский журналист, чья корреспонденция была оглашена на семинаре и произвела впечатление разорвавшейся бомбы. В самом деле, как же могли израильские историки не вспылать гневом:

"Когда спрашиваешь у руководителей еврейской общины в доминиканском районе Сосоа, сколько человек она насчитывает, они отвечают вопросом: "Вы имеете в виду смешанные или чисто еврейские семьи?" После этого следует разъяснение: в Сосоа проживает всего 6–7 чисто еврейских семей, все остальные — смешанные. Почти все сто родившихся там еврейских детей вступили в смешанные браки. Даже двое детей руководителя общины Манфреда Ноймана, эмигрировавшие в Доминиканскую республику из Израиля, тоже вступили в смешанные браки... В столице республики Санто-Доминго еврейская община насчитывает около 50 семей. Большая часть — тоже смешанные..."

Питомцы профессора Циммермана ударили в набат. По их разумению, молодым доминиканским евреям надо бы поскорей переселяться в Израиль, а они, нечестивые антипатриоты, презрев историческую родину вкупе со "всемирной еврейской нацией", женятся на доминиканках! Вот это действительно устрашающие сионистов факты, а не какие-нибудь там погромные вылазки пронацистов в Западной Европе или антисемитские шабаши куклуксклановцев в Америке — нечего их опасаться, ведь сам Шпеер считает невозможным возрождение того, что стало программой его грязной жизни!

А ведь во время проведения семинара в Израиле была получена из Франции поистине отвратительная пронацистская публикация. Она появилась на страницах журнала "Экспресс", специализировавшегося на оголтелой антикоммунистической пропаганде с "левых" позиций.

"Экспресс" любезно предоставил возможность откровенно высказаться бывшему "комиссару по еврейским делам" марионеточного правительства в Виши, французскому приспешнику гитлеровцев Луи Даркье. Пригретый в свое время франкистским режимом в Испании, этот духовный собрат Шпеера в обширном интервью не только нагло отрицает истребление гитлеровцами десятков миллионов людей, среди которых было шесть миллионов евреев, но продолжает гордиться своим нацистским прошлым и несколько не сожалеет об организованной лично им депортации десятков тысяч евреев, в том числе и детей, из Франции в Освенцим и другие лагеря смерти.

Интервью заканчивается так:

— Факты показывают, что вы были причастны к геноциду, — вынужден деликатно напомнить корреспондент палачу французских евреев.

— Не было в конце концов никакого геноцида, — раздраженно взрывается Даркье. — Выбросьте этот бред из головы!

— Но бывает ли когда-нибудь, что у вас возникают угрызения совести? Не жалеете ли вы о том, что делали?

— Жалеть? О чем? Я не понимаю вашего вопроса.

Зато прогрессивная общественность Франции достаточно хорошо поняла, с какой целью реакционный журнал "Экспресс" предоставил неразужившемуся нацисту трибуну для высказывания его гитлеровских взглядов на "решение еврейской проблемы": Луи Даркье пожелал, видите ли, преподать французским (и, видимо, не только французским) читателям открытый "урок истории".

Опубликование "Экспрессом" фашистских откровений Луи Даркье вызвало во Франции волну протестов. А также недовольство правительственных кругов и президента Жискара д'Эстена, сообщил журналистам его пресс-секретарь. В многочисленных выступлениях французских общественных деятелей подчеркивалось: интервью пронациста на страницах французского журнала это не "урок истории", а злобная попытка перечеркнуть историю. Попытка с открытым расчетом вызвать волну антисемитизма во Франции.

Чем же ответили на своем семинаре израильские историки на публикацию "Экспресса", вопиюще искажающую одну из трагических страниц развязанной нацизмом второй мировой войны?

Гробовым молчанием.

ОНИ ВЕРЯТ ФАШИСТСКОМУ ОРАКУЛУ

Пусть французский единомышленник "правдивого" и "откровенного" Шпеера сколько его черной душонке угодно возрождает нацистское толкование "еврейской проблемы" в пору гитлеровской оккупации сионистского историка Циммермана и его учеников это совершенно не волнует! Шпеер ведь сумел убедить их, что нечего, мол, опасаться возрождения нацизма, оно невозможно. Вот смешанные еврейско-французские или еврейско-доминиканские браки — это действительно устрашающие факты, тут сионистам следует немедленно бить в набат!

Наверное, обрадовало Шпеера такое приятное известие из Тель-Авива: министр просвещения запрятал глубоко в долгий ящик призыв десятков представителей израильской интеллигенции к правительству ввести в школах преподавание истории фашизма. Как и многие сионистские лидеры, министр, видимо, счел совершенно бесосновательными доводы подписавших тревожное письмо группы прогрессивных литераторов и ученых:

"Молодое поколение, родившееся в Израиле, не располагает достаточным опытом для того, чтобы отличить разумные и законные патриотические чувства от лицемерного, репрессивного и фашиствующего национализма. Многие представители молодого поколения считают фашизм исключительно антисемитским явлением. Поэтому они не способны разглядеть характерные черты фашизма, когда сами евреи используют его приемы в отношении других народов (обратите внимание, читатель, уже используют, то есть практически откликаются на советы сионистской печати применять "по возможности" некоторые организационные средства третьего рейха, о чем с насторожившей меня взволнованностью рассказали жители Маннгейма и Мюнстера. — Ц.С.). Вот почему ученики в школах должны знать об условиях прихода фашистов к власти, об их методах, лозунгах и деятельности в странах, где они зверски обращались не только с еврейским, а со всем местным населением. Знать это необходимо для того, чтобы повысить сознательность народа и выработать в нем иммунитет против подобного зла".

Не хотят, однако, многочисленные сионистские историки типа Циммермана и его учеников вырабатывать в молодых израильянах иммунитет против возрождения фашистских приемов в обращении с другими народами. Не хотят, ибо не видят в этом зла. Вот почему на пресловутом семинаре призыв представителей интеллигенции об изучении в школах истории фашизма тоже был обойден молчанием.

И наконец, еще об одной известии из Израиля — оно-то уж наверняка дошло до Альберта Шпеера, несомненно жаждущего информации от сионистов, чьей творческой силой и боевым духом он, по его собственному точному признанию, "поражен и восхищен".

В начале октября 1979 года в Иерусалиме окончательно оформилась новая

политическая партия, открыто заимствующая формулировки своей программы у фашизма. Эта националистическая партия, вступившая на политическую арену под названием "Техия" ("Возрождение"), собрала в своих рядах самых крайних религиозных фанатиков и самых экстремистских генералов Цахала. Заклинания из ее манифеста, вроде того, что "знамя Израиля втоптанно в грязь" и потому-де необходима борьба за "возрождение нации", представляют собой перепев гитлеровских заклинаний накануне фашистского путча. Даже самая реакционная сионистская печать указывает, что партия "Возрождение" подразумевает такое прежде всего за счет разрушения, что она — не израильское изобретение, а подобие возникших в ФРГ прогитлеровских объединений.

Характеризуя организаторов и лидеров "Техии", французская газета "Монд дипломатик" пишет: "Эти деятели без стеснения сравнивают свою партию с некоторыми фашистскими движениями Европы". Так, например, в речи писателя Амоса Элона проскользнули мотивы, живо напомнившие лозунги гитлеровской Германии (не надо этому удивляться — уже не первый год "писатель" Амос Элон своими неистовыми криками о необходимости безжалостной тотальной борьбы с арабским населением Израиля успешно соревнуется с закоренелым профашистом "поэтом" Цви Гринбергом, проповедником "крови и железа", как единственного средства достижения в глобальных масштабах шовинистических и расовых целей сионизма. — Ц.С.). Партия "Техия" требует официальной аннексии всех оккупированных территорий. Предлагается "великолепное" в своей простоте решение проблемы беженцев: эвакуация населения лагерей в Саудовскую Аравию и другие нефтедобывающие страны, испытывающие острую нужду в рабочей силе. Что же касается арабов, проживающих на собственной территории Израиля и на оккупированных землях, то они должны либо примириться с сионизмом, либо эмигрировать".

И уж несомненно пролило бальзам на сердце Альберта Шпеера такое резюме "Монд дипломатик": "Действия крайних правых националистов и расистов, похоже, не особенно беспокоят стоящих у власти представителей блока Ликуд".

И все же не каждое, вероятно, известие из Тель-Авива доходит до безмятежно благоденствующего на гейдельбергской вилле Альберта Шпеера. Например, о том, что в те самые дни, когда большинство израильских газет поспешило обрадовать читателей, что Шпеер не считает возможным возрождение нацизма, одна-единственная газета опубликовала признание Иегуды Готфельда, главного редактора газеты "Давар": "Бациллы неофашизма существуют и у нас".

Признание осторожненькое, робкое, далеко не отражающее истинного положения в стране. Правда, и оно оказалось достаточным, чтобы Иегуда Готфельд стал бывшим главным редактором.

А если бы неосторожный журналист решился назвать вещи своими именами и сказал не только о бациллах, но и о выросших из них ядовитых организмах?!

Видимо, об этом предусмотрительно подумали и сотрудники иерусалимской англоязычной газеты "Джерузалем пост", предназначенной, как известно, информировать зарубежных читателей об израильской жизни исключительно в голубых и розовых тонах. Под напором фактов, неумолимо свидетельствующих о разгуле деятелей из "Техии" и прочих фашиствующих элементов, "Джерузалем пост" высказалась еще более осторожненько, нежели Иегуда Готфельд. Даже не высказалась, а этак туманно намекнула на "возможность возникновения израильского фашизма".

Но Циммерман и его сионистские коллеги по исторической науке не хотят внять ни робкому признанию бывшего главного редактора "Давара", ни туманным намекам "Джерузалем пост".

Им выгодно верить Шпееру — они точно рассчитали.

Корни такого расчета лежат в явлении, установленном еще Фридрихом Энгельсом: буржуазия, которой свойственно фальсифицировать всякий товар, фальсифицировала также и историю и лучше всего оплачивает то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии.

Во имя классовых интересов своих хозяев и собственной выгоды Циммерман и его ученики фальсифицируют даже исторические факты кровавой расправы гитлеризма с их отцами и матерями, закрывают глаза на опаснейшее для человечества возрождение ростков нацистской отравы на Западе и в собственной стране, поют дифирамбы именитому сподвижнику Гитлера.

Даже тем, кому не в диковинку самые неожиданные кульбиты и загогоги сионистской пропаганды, подобное кощунство представляется невероятным.

"ДРУЗЬЯ" ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

Кто же в западных странах рьяно поддерживает старания международного сионизма обелить преступные планы Бегина и Шамира, а заодно и усердных исполнителей этих планов? Чтобы читатель мог составить себе точное представление о подобных единомышленниках международного сионизма, стало быть, и бегиновской клики, назовем только одного из них, зато уж весьма, так сказать, типичного.

Аксель Шпрингер, владелец и идейный вдохновитель антидемократической, пронацистской газетной "империи" в ФРГ и Западном Берлине, названный председателем союза западногерманских журналистов (организацией далеко не левой) Эккартом Шпоо гебельсовским последышем, сеятелем вражды, проповедником реванша и войны. Яростному проповеднику антисемитизма в пору второй мировой войны, Шпрингеру еще летом 1976 года в Иерусалимском еврейском университете вручили диплом почетного доктора философии. Сделано это было не только в благодарность за политическую поддержку Акселем Шпрингером сионизма, но и в обмен на денежные подачки "короля" западногерманской реакционной прессы своим израильским коллегам.

С каких же "философских" позиций подошел недавно усопший господин почетный доктор к сионизму в дни, когда человечество содрогнулось от известия о резне в Сабре и Шатиле, о бегиновском геноциде в отношении палестинских беженцев?

Шпрингер умилил своих сионистских дружков опубликованной в одной из подвластных ему газет "Ди вельт" за его подписью (а сам король высказывался печатно только в исключительных случаях!) кричащей статьей под многозначительным заголовком "Я обвиняю". Эти слова приведены по-французски — Шпрингер с вызывающей наглостью повторяет известный всему миру заголовок знаменитой антиреакционной статьи Эмиля Золя. Кого же и в чем обвиняет Шпрингер? Всех на континенте, кто, "проявляя антисемитизм в облике антисионизма", обличает бесчеловечные злодеяния израильской военщины в Ливане.

Огромный дом Шпрингера в Западном Берлине находится на Иерусалимерштрассе. Показывая мне этот бастион неонацизма, местный врач еврейского происхождения (он вернулся после второй мировой войны из Мексики) сказал:

— У нас этот дом принято называть логовом зверя. Но, конечно, не медведя (намек на корень слова Берлин. — Ц.С.), а помеси волка с лисой. А в Израиле носятся с Шпрингером как с лучшим другом. Сначала я думал, что там попросту не знают, каким воинствующим антисемитом был Шпрингер в гитлеровские времена. Но потом понял: нацистское прошлое и пронацистское настоящее Шпрингера — для израильских руководителей круглый ноль. Будь он даже гестаповцем или надсмотрщиком в Дахау, для сионистов это ничего не значило бы, раз Шпрингеру сегодня выгодно играть роль их друга, а им выгодно принимать его дружбу. Сделка! А мы-то хорошо знаем, что для Шпрингера каждый из нас, евреев, в Западном Берлине — кость в горле.

Эти взволнованные слова вспомнились мне, когда я увидел в статье "короля" желтой прессы нарочитое подчеркивание символического значения того, что его дом находится на Иерусалимской улице. С язвительным негодованием писал он о молодом немецком профессоре, посмевавшем в таком доме назвать бегиновскую клику фашистской.

Статью Шпрингера все его газеты и журналы восприняли, естественно, как командное указание развернуть клеветническую кампанию против кругов западной общественности,

возмущенных геноцидом израильских руководителей. Заодно шпрингеровские писаки мгновенно подхватили лозунг пропагандистов западноевропейского сионизма "Теперь знаменосцами антисемитизма стали левые!" и приняли к исполнению указание председателя исполнительного комитета всемирной сионистской организации Мордехая Даяна: "Следует решительно бороться против левых течений во всех видах".

Нечего сказать, достойных адвокатов нашел Бегин! Такому защитнику, как Аксель Шпрингер, в пору было бы самому сесть на скамью подсудимых рядом со своим подзащитным. Недаром в кругах прогрессивных, выступающих против бегиновско-рейгановских авантур, израильтян в ходу такое ироническое высказывание: "Слышали, Рудольф Гесс, престарелый заместитель Гитлера, осужденный в Нюрнберге к пожизненному заключению, возвращен после лечения в английском военном госпитале в западноберлинскую тюрьму Шпандау. Оттуда рукой подать до резиденции Шпрингера. Не соединить ли их в одной камере! Гессу будет приятно: ему покажется, что воскрес его дружок Геббельс. А наш юрист-утешитель (имеются в виду юридическое образование Бегина, которым он весьма гордится, и его имя Менахем, означающее "утешитель". — Ц.С.) сможет лить бальзам на душу сразу обоих своих единомышленников".

Шутка не так уж далека от правды: Шпрингер и впрямь норовил быть поближе к Бегину. И под Новый, 1983-й, год приобрел (не в кредит, конечно, а заплатив чистоганом) квартиру в Иерусалиме. "Роскошная квартира в новом роскошном доме, — восторгается израильский репортер. — Цена от 300 до 500 тысяч долларов. Рядом отель "Кинг Джордж". Во дворе дома, построенного преимущественно для иностранцев, два бассейна, финская баня, теннисные корты..."

Владельцы строительной фирмы возвестили, что рядом с обиталищем Шпрингера вскоре будет возведен еще один такой же дом. Заявку на квартиру уже сделал другой сионистский дружок — бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер. Ему-то повезло: он будет общаться с более опытными, нежели Бегин, террористами — с теми, кто под маской "миротворцев", выводящих израильские войска из Ливана, по-гитлеровски расправляется с "подозрительным" арабским населением, кто превращает оставленные территории в мертвую пустыню.

Вот уж поистине "друзья" встречаются вновь.

Не один только экс-премьер Бегин принадлежит к завзятым израильским поклонникам Аксея Шпрингера. Нет, и других знатных сионистов приводит в восторг то, как Шпрингер всё усиливал нападки подвластной ему прессы на прогрессивные круги ФРГ и Западного Берлина, всё беззастенчивей воспекает развитие реваншизма и неонацизма. В марте 1985 года "заслуги" Шпрингера (сионисты подобострастно именуют его западногерманским газетным магнатом) были отмечены особой наградой — золотой медалью союза газетных издателей Израиля. Вручая медаль, председатель союза Шабтай Гимельфарб назвал короля продажной прессы "бескомпромиссным борцом за свободу печати".

Как видно, сионистское понимание свободы печати немногим отличается от неонацистского!

Награждение Шпрингера пришлось по вкусу руководителям израильского правительства "национального единства". Они прочувствованно поздравили Шпрингера. Как и для Бегина, он был для них "агитер бридер" — добрым братом.

НЕОНАЦИСТЫ

ЧЕРНИЛА ПАХНУТ КРОВЬЮ...

"Кровь... Кровь... Кровь..."

Так начинается палестинский поэт Салем Джебран стихотворение "Зарезанная деревня" — о жителях одной из многих арабских деревень, изведавших беспощадную

расправу израильских карателей,

Сейчас, после кровавой бойни, учиненной израильской военщиной в Ливане, в пору израильско-американской оккупации страны, эти гневные строки можно с полным правом назвать "Зарезанный город".

Таковы плоды повальной резни, предпринятой на ливанской земле кликой Бегина, того самого сионистского фанатика Бегина, который сравнительно недавно патетически восклицал: "Мы ищем еврейского Муссолини!" Теперь бегиновские поиски уже ни к чему: экс-премьеру-террористу стоит только взглянуть на себя в зеркало, чтобы увидеть сионистского Муссолини. Бегин с яростной последовательностью шел и пришел к фашизму. Недаром до того, как Рейган благословил его на ужасающие злодеяния в Ливане и подкрепил свое благословение непрерывными поставками Израилю новейшего смертоносного оружия, читатель Лев Фельдман в письме ко мне, помните, назвал Бегина рейхсфюрером. Советский еврей писал о Бегине как о тель-авивском Гитлере. Ныне все прогрессивное человечество убедилось: сионистский неонацизм во многом равнозначен гитлеровскому нацизму независимо от того, чья кандидатура на пост премьера окажется удобной Вашингтону.

Тотальная расправа сионистских орд над десятками тысяч палестинцев и ливанцев, лицемерно названная "Мир Галилее", осуществлялась человеконенавистническими, изуверскими способами, которыми творили гитлеровцы геноцид на оккупированных землях Европы. Верен этим методам и надевший маску "либерала" премьер Перес.

Все это настолько очевидно, что нет никакой необходимости анализировать и опровергать преступно клеветнические и насквозь лживые доводы, какими бегиновская клика пыталась "аргументировать" насущную необходимость (и чуть ли не священную обязанность!) обрушить на суверенный Ливан чудовищную силу новейшего американского оружия, с заведомой планомерностью истреблять мирное арабское население, сровнять с землей многие города Ливана и большинство кварталов его прекрасной столицы. Тем более что сионистская пропаганда, следуя геббельсовским приемам насаждения несусветной лжи, то и дело варьировала и попросту заменяла свои, с позволения сказать, аргументы для оправдания оголтелой и варварской израильской агрессии. К примеру, вскоре после нападения на Ливан израильская пресса перестала трубить о "законной мести" палестинцам за покушение на жизнь израильского посла в Лондоне и сквозь зубы признала, что те же, кто стрелял в посла, замыслили убийство и ряда палестинских деятелей в западных странах.

Но один "довод" неизменно наличествовал, наличествует и, без сомнения, будет наличествовать в истошных воплях израильской пропаганды по поводу "победы" израильских карателей над героическими бойцами палестинского Сопротивления. "Коммунистическая опасность", "советская угроза", "противодействие интересам восточноевропейских стран на Ближнем Востоке". - вот о чем истерически орала сионистская пропаганда еще до массивного вторжения израильских войск в Ливан.

Параноические антисоветские бредни неизменно проскальзывали в любом высказывании сионистских пропагандистов, когда они восхваляли "решительные действия" Бегина — профессионального террориста с сорокалетним стажем. И когда лезли из кожи вон, только бы обосновать, почему бегиновская клика не выводила израильские войска из Ливана и осуществляла свои явно аннексионистские планы создания некоего "пояса безопасности", а по сути, расширения территории "еврейского государства в его библейских границах". Все это сочетается с усиливающимися призывами сионистских лидеров к насаждению в Ливане того оккупационного статуса, который гитлеровцы издевательски именовали "новым порядком". Да, вместе с такими фашистскими терминами и понятиями, как блицкриг, гетто, депортация в концлагеря, тотальное истребление "неполноценной расы", война "за жизненное пространство" и многими другими словами кровавого содержания, в разбойничий лексикон сионистских оккупантов вошел и "новый порядок".

А для введения "нового порядка" сионистам спешно требуются новые, молодые кадры беспощадных карателей и профессиональных убийц. Особенно после того, как бойня в Ливане принесла агрессорам такие потери солдат и офицеров, каких израильская военщина

не знала за все предыдущие развязанные ею против арабов захватнические войны. Израиль упорно скрывает эти потери. Меня, замечу, много лет знакомого с грязными нравами израильской прессы, уж, казалось бы, она ничем не может удивить. И все-таки я был поражен бесстыдством израильских борзописцев, которые столь нагло и самозабвенно лгут, когда заходит речь о потерях израильских войск в живой силе.

Итак, сионистам нужна еврейская молодежь. За то, чтобы рекрутировать ее в свои террористические банды, они борются с таким же бешенством, с каким истребляют палестинскую молодежь. Подчеркиваю молодежь. Не случайно, пытаясь опровергнуть неоспоримые факты тотального (по гитлеровским образцам!) убийства мирных палестинцев, сионистская пропаганда нарочно умалчивает об истребленной и истребляемой молодежи. Признавая порой "непреднамеренное" и "незапланированное" истребление мирного населения в результате варварских воздушных налетов и бомбежек, сами сионисты опять-таки упоминают только женщин и стариков. И ни единым словом не пытаются даже хоть как-нибудь опровергнуть уничтожение палестинской молодежи и детей.

Наоборот, некоторые сионистские фанатики открыто мотивируют каннибальскими расчетами сбрасывание с израильских самолетов начиненных взрывчаткой кукол и других ярко расцвеченных детских игрушек: если покалеченные этими "игрушками" палестинские дети и доживут, мол, до юношеского возраста, все равно они не смогут уже встать в ряды борцов Сопротивления. Каково? До таких изуверских "расчетов" не смогли додуматься даже самые отборные эсэсовцы и гестаповцы!

Ненамного гуманней и расчеты израильских фарисеев на "сионизацию" еврейской молодежи — и израильской, и той, которая, по израильским законам (опять-таки нацистского происхождения!), проживая в других странах, имеет "двойное гражданство". Впрочем, как сможет убедиться читатель, сионизму требуются молодые люди, не столько исповедующие сионистские убеждения, сколько готовые с профессиональным рвением выполнять любые, самые кровавые задания. Вот почему, когда несколько лет назад выяснилось, что именно юноши и девушки прежде всего и больше всего бегут с "земли отцов", сионизм (не только израильский, но и международный) довел до предела свою безжалостную охоту на молодежь. А из особо проверенных либо совершенно опустившихся на чужбине молодых людей — бывших граждан социалистических стран — подбираются кадры для специальной подготовки антисоветчиков "высокой квалификации", пригодных для работы в антисоветских, антикоммунистических службах сионизма.

Нетрудно, следовательно, догадаться, что ныне охоту на молодежь сионизм развертывает с удесятенной силой, не стесняясь в выборе средств. Именно к этому призывают сейчас сионистские лидеры своих рядовых единомышленников во всем мире. В этом они видят, как сказано в резолюции одного из сионистских сборищ в Бельгии, "нужную еврейскому государству действительную помощь мирового еврейства".

Однако заправила израильского радио и прессы с плохо скрываемой нервозностью опасаются, что призывы сионистских лидеров к усилению охоты на молодежь (они высокопарно именуют подобную охоту "пробуждением в еврейской молодежи в изгнании национального самосознания во имя своего государства") будут встречены еврейским населением западных стран с такой же подчеркнутой холодностью, какая была проявлена к тому, что на идиш иронически называется "клопн ын гелтпышкыс". Дословно это переводится "колотить в денежные кружки". На деле означает — вымогательство "добровольных" пожертвований.

Да, в дни варварского разрушения Бейрута многие именитые эмиссары международного сионизма яростно колотили в денежные кружки, пытаясь выжать из еврейского населения разных стран побольше денег на нужды израильской военщины. Но так называемые простые евреи США, Англии, ФРГ, Франции, Италии, Мексики, Аргентины тогда громогласно отказались материально поддержать израильских нацистов. Не помогли и увещания гастролеров из Израиля, хотя многие из них, подобно Д. Леви, состояли там в ранге министров. Им очень хотелось по примеру Бегина, систематически выколачивавшего

из американских богачей-евреев чеки с пятизначными и шестизначными цифрами, заставить и еврейский трудовой люд раскошелиться на усиление милитаристской мощи Израиля. Не вышло. Гастролеры-агитаторы услышали: нет, ни в одной стране не хотят честные люди еврейского происхождения помогать сионистской военщине творить геноцид!

В ответ, как водится, последовали злобные обвинения в антипатриотизме и антисемитизме.

К "антисемитам" причислили даже парижского врача Миньковского. Да, упомянутого мною в разделе "Лжецы" ревностного служаку израильских сионистов. Но нацистские зверства израильских сионистов в Ливане открыли даже Миньковскому истинно фашистское обличье бегиновской клики. И прозревший врач не только поднял голос протеста против геноцида в лагерях палестинских беженцев, но и организовал комитет врачей в защиту палестинского народа. По адресу "презренного антисемита и мазохиста (?)" сионизм расточает непрерывные клеветнические оскорбления. Особенно опасаются международные сионистские службы растущего влияния Миньковского на французскую молодежь еврейского происхождения.

А ведь и на нее с новым рвением нацелились сейчас сионистские "охотники"!

Особенно изощренны и коварны они, когда вербуют кадры для своих уже существующих и заново организуемых — антисоветских организаций. Вербуя кадры антисоветчиков, усиливая "охоту на молодежь", сионистские эмиссары всех рангов вспоминают, как в подобных случаях действовали гестаповцы.

Удивляться тут не приходится. Если сионистские военачальники способны следовать примеру кейтелей и иодлей, если сионистская пропаганда охотно взяла на вооружение геббельсовское оболванивание своих сограждан фарисейской ложью, почему же сионистским вербовщикам провокаторов и террористов не воспользоваться пропитанным кровью наследием Гиммлеров и Кальтенбруннеров!

Так оно повелось еще до тотального нападения сионистских вояк на палестинцев и ливанцев, и не только на Ближнем Востоке. Но все равно, когда пишешь о сионистских провокациях, можно с полным правом воспользоваться словами Байрона, с горечью повторенными палестинским поэтом Самих ал-Касемом в его стихах: "Чернила пахнут кровью..."

ПО ГИТЛЕРОВСКОМУ РЕЦЕПТУ

Своими кровавыми оргиями в Ливане, ледящими сердце актами геноцида, безжалостным истреблением палестинских женщин и стариков, применением специально разработанных средств и способов массового убийства палестинских детей, пытками невинных узников в концентрационных лагерях под лай сторожевых собак на палящем солнце (нет, не перечислишь всего того, что позволяет поставить знак равенства между сионизмом и фашизмом!) израильская военщина повторяет бесчеловечные зверства, творимые в годы второй мировой войны эсэсовцами и гестаповцами на оккупированных землях.

Что ж, сегодняшние сионисты с готовностью и рвением приняли эстафету, начатую в ту пору лидерами сионизма. Выкупая у Гиммлера и Эйхмана крупных финансовых магнатов и необходимую им для колонизации Палестины молодежь, они и пальцем не шевельнули, чтобы попытаться спасти от гитлеровской расправы миллионы "рядовых" евреев, особенно пожилых — пресловутую "пыль". Мало того, объективное изучение трагической истории варшавского, будапештского, львовского и других крупнейших гетто неоспоримо доказывает: сионисты намеренно мешали смельчакам, пытавшимся спасти узников гетто, сознательно предавали таких смельчаков гитлеровцам.

Путь сионизма от контактов с германским нацизмом до заимствования и "совершенствования" зверских методов геноцида оказался не столь уж долгим и неожиданным. Кровавая эстафета продолжается.

Осознавая это, я обязан привести отчетливо выплывающие в памяти воспоминания многолетней давности.

Украина. Подолия. Винница. Начало двадцатых годов. Местные сионисты предпринимают отчаянные попытки затянуть в свои тенета как можно больше еврейской молодежи и даже детей — последних с помощью внешне эффектных атрибутов националистического скаутизма. Особенно пугают винницких сионистов подростки, всей душой тянущиеся к комсомолу, к ленинским идеям, к новой жизни.

Созывается очередное собрание "изменнически настроенной молодежи". За мной и старшим братом тоже примчался специальный посыльный (какая честь для ребят — двенадцатилетнего и пятнадцатилетнего!), чтобы доставить нас в здание еврейской общины, носившее вроде бы гостиничное название "Националь". Здесь поделили между собой комнаты все местные сионистские организации, а в так называемом свадебном зале происходили их сборища и заканчивавшиеся иногда потасовками дискуссии. Нас ждала сенсация! На это собрание пожаловал некто Чемеринский, широко известный на Украине сионист, последователь и даже, как многозначительно намекали, личный друг Жаботинского. Его специально привезли не то из Одессы, не то из Белой Церкви. Начал он речь спокойно, но тут же перешел на истерический тон. Ребята хмуро молчали. Раздраженный этим, Чемеринский ударил себя ладонью в грудь, отчего с носа свалилось пенсне, и патетически воскликнул: "Еврейские дети, опомнитесь! Подумайте, что вам могут дать большевики и Советская власть?!"

— Социализм, — услышали мы внятный ответ.

Кто так сказал, я, к сожалению, запамятовал, но хорошо помню, как Чемеринский, оправившись от шока, еще истеричней крикнул: "Социализм дадим вам мы! Только наш социализм национальный, еврейский, а не общий с туркестанцами и татарами! Запомните, именно так говорит сам Жаботинский: сионисты за национальный социализм! Социализм для евреев!"

Почему, ранее рассказывая о встречах в дни юности с сионистами, я не упоминал об этом махрово расистском и антисоциалистическом высказывании? Мне казалось, нельзя всерьез считать какого-то Чемеринского сионистским теоретиком. А вдруг он тогда, на собрании еврейских подростков в Виннице, нес какую-то отсебятину?

Нет, то была не отсебятина. Ныне уже доподлинно известно, что термин "национал-социализм" придумал не Гитлер, наименовав свою фашистскую банду национал-социалистической партией. Нет, оказывается, фюрера значительно опередил Теодор Герцль, основатель и первый теоретик сионизма. Прямо и без свойственных сионистским пропагандистам экивоков _он писал о противостоявшем социализму интернационалистическому социализме национальном. В деталях Герцль и Гитлер, вероятно, расходились, но общей чертой всех толкований классово чуждого трудящимся, придуманного исключительно в целях мимикрии, лицемерного понятия "национал-социализм", как точно установил автор исследования "Происхождение фашизма" П.Ф. Рахшмир, всегда и неизменно "являлась враждебность марксизму, подлинно научному социализму". И совсем не случайно, как можно убедиться по прессе двадцатых годов, Жаботинский, один из учителей Бегина и Шамира, на митингах в Киеве, Одессе, Каменец-Подольском действительно разглагольствовал, что сионисты тоже, мол, за социализм, но свой, национальный, еврейский — такой, какого недостойны "прочие народы".

А вот Бегин, выученик Жаботинского, тот уж от всяческих "теоретических" рассуждений перешел к людоедской практике национал-социалистов, к многократному повторению проклятых деяний нацистских шаек Гитлера. Подтвердил кровавый приоритет сионизма на "открытие" национал-социализма. Подтвердил право честных людей Израйля назвать разбойничьи акции израильских сионистов проявлением "иудеонацизма" — именно так отозвался о ливанской бойне один из старейших тель-авивских ученых, профессор Иешаягу Лейбовиц. А его коллега Кашер добавил к этому, что иудеонацизм приводит к

варваризации израильского общества.

Помню, в Брюсселе мне показали изданную в Израиле на русском языке книжонку, призванную обелить и даже облагородить кощунственное соглашение, по которому репарации за всех истребленных гитлеровцами в европейских странах евреев получает Израиль. В этой брошюрке упоминаются слова Гитлера, сказанные им, как я впоследствии узнал, одному из его приближенных, Раушиингу: "Мы должны развить технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц... Я имею право устранить миллионы из низших рас, которые размножаются, как черви".

Сейчас, взглядываясь в фотоснимки и кинокадры, в самой крохотной доле отражающие страшные результаты осуществляемого израильскими бандами обезлюживания палестинских и ливанских земель, я, поверьте, никак не могу отделаться от впечатления, что приведенное людоедское высказывание принадлежит Бегину. Разве не он и его преемники оправдывают творимый израильской военщиной геноцид тем, что количественный рост арабского населения ставит под угрозу "нужный государству Израиль человеческий баланс"? Расшифруем эту кощунственную бухгалтерию — ее можно было бы назвать бредовой, не будь она отражением расистского существа государственной политики правительства Израйля.

Трескотня о "человеческом балансе" объясняется одним: ультрасионистам нужно, чтобы на оккупированных Израилем территориях число исконно проживающих на своей родной земле арабов было значительно меньше числа переселенных туда евреев. Такие каннибальские вождения могли появиться только у тех, кто полностью разделяет расистскую "теорию" Гитлера о высшей и низшей расах и, воплощая ее ныне в жизнь, повышает уровень "техники обезлюживания" с помощью сообщников из Белого дома и Пентагона.

Даже в дни самого ненасытного обезлюживания Бейрута по стопроцентным гитлеровским рецептам, когда все человечество с содроганием узнало о реках крови и горах трупов в разрушенных лагерях палестинских беженцев, израильские власти сочли возможным и даже нужным опубликовать на первых страницах газет такого бесстыдного объявления: "Репарации пострадавшим от нацизма! В немецких марках! Просьба поспешить с подачей документов. Обращаться в специальную тель-авивскую контору на ул. Алленби, 94/5, при фирме "Сервис ЛТД". Когда же в Израиль начали привозить гробы с останками погибших на войне молодых военнослужащих, многим из их родителей, жен и детей новым объявлением напомнили, как лучше использовать полученные репарации: "Для лиц, в прошлом жертв нацистских преследований, санаторное проживание на выгодных условиях в отеле "Мицпе-Ям, Натания".

Назвать публикацию таких объявлений в дни бейрутской резни кощунственной — мало! У меня, по крайней мере, не хватает слов для исчерпывающей характеристики такого фарисейского поступка. Казалось, его не превзойти. Израильские сионисты превзошли. В разгар осуществленного израильянами на ливанской земле страшного геноцида в Тель-Авиве организовали международную конференцию на тему... "Геноцид". Организатор конференции Исраэль Чарни сообщил, что "из 150 докладов, предусмотренных программой конференции, подавляющее большинство посвящено "Катастрофе европейского еврейства". О геноциде в отношении арабов, разумеется, ни слова. "Главная цель конференции, — уточнил сионистский писатель Эли Визель, — выяснить, какие факторы приводят к геноциду".

Какие такие факторы? Спросили бы у Бегина и Шамира, зачем же созывать конференцию!..

НА АНТИСОВЕТСКОЙ ЗАКВАСКЕ

Помните, Генеральный секретарь ЦК Компартии Израйля товарищ Меир Вильнер на

XXVI съезде КПСС говорил о разнузданной антисоветской пропаганде, которую израильские сионисты ведут двадцать четыре часа в сутки? После ливанской бойни им, судя по обстановке в Израиле, недостаточно и двадцати четырех часов.

Немалую роль в разжигании антисоветизма сионистов сыграл вернувшийся из Нью-Йорка в Тель-Авив Хаим Герцог, бывший руководитель израильской разведки, а затем представитель Израиля в ООН. На этом посту он завоевал симпатии Белого дома и Пентагона своими оголтелыми антикоммунистическими речами. Подогретый американскими наставниками, Герцог опубликовал в наиболее влиятельных сионистских газетах статью под "загадочным" заголовком "Все понимают важность пропаганды, но...".

Но в самой статье никаких загадок не было. Антикоммунистическую пропаганду, на которую монополистический капитал подбрасывает сионистским службам десятки миллионов долларов, они ведут, раздраженно доказывая Герцог, "дилетантски, в то время как пропаганда должна занимать 365 дней в году". Словом, клеветать, провоцировать, лгать не только круглосуточно, но и без выходных! Выученик американских реакционных кругов особенно рекомендовал налечь на очернение мира социализма и вовлечение в сионистские организации молодежи, способной вести активную пропагандистскую (читай: провокационно-клеветническую!) работу.

Вторая и еще более крикливая статья Герцога на эту тему под сенсационным названием "Пропагандистский промах" появилась в июле 1982 года на страницах нескольких израильских газет.

Как известно, в ту пору мировую печать заполнили многочисленные протесты против израильского геноцида в Бейруте. К примеру, в парижской газете "Монд" (далеко не антиссионистской!) с резким осуждением зверств израильских оккупантов выступили вместе с другими французскими общественными деятелями католический священник Мишель Лелонг и протестантский пастор Этьен Матио: "Логика сионизма — перманентная война, сионизм хочет осуществить мечту Гитлера — заточить всех евреев в одно большое гетто по имени Израиль, сионизм и антисемитизм — братья-близнецы. Политика Израиля — это резня арабов, превентивные войны, провокации, государственный террор".

Чем же объясняет Хаим Герцог волну возмущений, вызванную во всем мире тотальным истреблением арабского населения Ливана? "Провалом пропагандистской работы, которую надо проводить круглые _сутки_ все 365 дней в году". Вот уж действительно: повторение — мать учения! Далее Герцог пишет: "Операцию (имеется в виду массированное нападение на суверенный Ливан. — Ц.С.) готовили, по словам министра обороны, в течение многих месяцев. Почему же не подготовили план пропагандистской работы и людей, которые могли бы своевременно претворить в жизнь этот план? А сейчас Израиль, несмотря на военные успехи, потерпел поражение в области пропагандистской. Телекамеры фотографировали разрушения в ливанских городах. Операторы иностранных телекомпаний снимали израильские танки, проходящие по разрушенным городам..." и т. д. и т. п. Словом, ставший израильским президентом Хаим Герцог по-прежнему убежден, что любые грязные дела сионизма можно скрыть от человечества только одним способом: еще больше лгать, еще изощренней клеветать, еще коварней вводить в заблуждение общественное мнение!

Особенно уповают сионисты на многоязычный брехливый "Голос Израиля". С июня 1982 года, точнее, с начала ливанской бойни, он расширил сеть и объем своей безудержной клеветы. А когда весь мир возмутился израильским геноцидом в лагерях палестинских беженцев, "Голос Израиля" стал чуть ли не часами подряд вопить, что на Израиль клеветают, что не израильская военщина творит геноцид в Бейруте. Тель-авивские радиолжецы, впрочем, уже давно доказали свою безоговорочную солидарность с циничным высказыванием Киссинджера, испытанного покровителя управляемого сионистами Израиля: "Один радиопередатчик может оказать более эффективное давление, чем эскадрилья стратегических бомбардировщиков". В ливанской бойне израильско-американские агрессоры нашли, однако, одновременное применение и бомбам и радиолжи. Прицельным бомбометанием они, подобно геринговским асам, убивают детей, а

радиоложью, подобно геббельсовским пропагандистам, пытаются обелить черные дела израильской военщины, истребляющей палестинцев новейшим американским оружием. "Разделение труда" в чисто гитлеровском духе!..

Безуспешно пытаюсь отвлечь внимание мировой общественности от кошмарного сионистского геноцида в Бейруте, Хаим Герцог, как и прочие "киты" сионистской пропаганды, особенно рьяно ратует за непрерывное разжигание антисоветизма. Об этом же вопит на все лады и Норман Подгорец, заядлый антикоммунист из "интеллектуалов", один из руководителей прессы американского сионизма. "Надо сделать так, чтобы русским стало трудно жить", — так злобно он определяет основную задачу современного сионизма и его лобби.

Кстати, о сионистском лобби. Не следует думать, что это злокачественная язва одной только американской политической жизни. Нет, своих лоббистов используют сионисты Аргентины и Мексики, Италии и Англии. Много мне рассказывали, например, в Лондоне о назойливой и достаточно результативной деятельности лоббистского общества "Консерваторы — друзья Израиля". Еще когда тори были партией не правящей, а оппозиционной, президент упомянутого общества герцог Девонширский, член тайного совета, кавалер "Военного креста", назвал "консерваторов — друзей Израиля" — ни больше ни меньше! — "нашей парламентской группой". Когда, одержав пиррову военную победу в Бейруте, израильские заправилы потерпели неслыханное морально-политическое поражение, лоббисты повсюду особенно разгулялись. В Париже, к примеру, специально прилетевший из Нью-Йорка видный сионистский деятель совещался с председателем совета представителей еврейских организаций Великобритании Гревилем Джеинером, главным казначеем "Сохнута" Акивой Левинским, председателем еврейского конгресса США Говардом Скадроном и другими сионистскими бонзами по одному только вопросу: как спешно расширить лоббистские группы при парламентах, чтобы усилить борьбу с правительствами, "изменившими" Израилю.

Словом, не так уж не прав лоббист, изрекший в рассказе известного американского сатирика Арта Бухвальда "Дворец для лоббистов" следующее: "Но вы не представляете, как расплодилось наше племя. У нас теперь имеются лоббисты, лоббистирующие лоббистов".

Их деятельность заквашена на антисоветизме, добавлю я.

ГИТЛЕРОВСКИЙ ПАЛАЧ БЛАГОДЕНСТВУЕТ

Бремен. Есть в этом западногерманском городе изысканный квартал Шваххаузер, где вблизи небольшого парка стоят особняки местных богачей, добротнo построенные в глубине садов. Одним из таких "односемейных", как говорят бременцы, домов, на Шваххаузер — ландштрассе, 180, владеет седовласый, уже разменявший восьмой десяток, почтенный коммерсант. Каждое утро крупногабаритный, солидный, как и подобает такому горожанину, автомобиль отвозит его в деловой район города — Слефог-штрассе. На здании, куда уверенно входит этот не по возрасту подтянутый старик, имеется вывеска — "Курт А. Бехер".

Да, он, гитлеровский палач, зверствовал в Белоруссии и Польше, сколотивший с помощью Кастнера и других сионистских пособников миллионное состояние на поборах с обитателей еврейского гетто в Будапеште. Создавший собственный огромный "золотой запас" зубных протезов, зверски выдранных из останков жертв Освенцима и других лагерей смерти.

"Бехер добился успеха. Деловой мир Бремена уважает его, а конкуренты боятся, — рассказывают прогрессивные западногерманские публицисты Юнге, Поморин, Биманн и Бордиен в книге "Кровавые следы". Он управляет многочисленными фирмами... Он занимает пост президента бременской Биржи зерна и фуража и бременского Совета импортеров и оптовых торговцев зерном и фуражом. Регулярными пожертвованиями он оказывает помощь "Союзу в защиту социального рыночного хозяйства". Само собой

разумеется, что он является членом "Палаты судоходства" закрытого клуба, в который входят бременские торговцы, судовладельцы и промышленники. Собственно говоря, ему давно уже нет надобности работать. В конечном счете, он ведь один из самых богатых людей во всей Северной Германии. Он еще чувствует себя не слишком старым и железной рукой правит добрым десятком предприятий".

Однажды, в марте 1980 года, за несколько минут до начала заседания руководства фирмы, установленный распорядок делового дня Курта Бехера нарушил телефонный звонок. Уже не в первый раз звонили авторы книги "Кровавые следы", домогающиеся от Бехера встречи для разговора о его прошлом. Палач в облике коммерсанта неожиданно ответил публицистам не через секретаря, а сам. Закончил он так:

— Я знаю, кое-кому казалось непонятным (и продолжает казаться чудовищным! — Ц.С.), почему эсэсовец, которым я был, остался безнаказанным. Но мне нечего сказать по этому поводу. Для меня этот вопрос исчерпан.

Но исчерпан ли этот вопрос для тысяч белорусских граждан, чьи деды и отцы были уничтожены подчиненными Бехера, усердно выполнявшими лично ему, Бехеру, адресованный специальный приказ Гимmlера от 11 июля 1941 года за № 17 о координации действий оперативных отрядов СС! Для потомков десятков тысяч замученных обитателей варшавского гетто, чье восстание в 1943 году было беспощадно подавлено при участии подчиненной штандартенфюреру Фёгеляйну и его подручному Бехеру кавалерийской части войск СС! Для детей и внуков замученных в будапештском гетто 434 352 человек, не сумевших с помощью сионистских посредников откупиться от Эйхмана и Бехера!

Как читатели уже знают, Бехеру помогли уйти от правосудия офицеры и чиновники военной администрации США в Германии. Прделано это было приблизительно тем же самым способом, каким американцы спасали от заслуженной расплаты ненавистного всему миру палача Лиона Клауса Барбье. Только Барбье пришлось бежать в Латинскую Америку, а Бехер, как видите, преспокойно процветает в ФРГ. Почему же так постыдно мирятся с этим руководители Израиля, где известны преступления Бехера хотя бы уже по одному тому, что говорилось о них на процессе его сионистского подручного Кастнера? Тем более, что о зверствах Бехера израильтянам пришлось вспомнить, когда агенты Моссада прикончили Кастнера, чересчур уж мозолившего сионистам глаза своими контактами с Бехером и Эйхманом. Об этом подробно говорилось выше.

Разве еврейской общине Бремена и просионистскому Союзу евреев ФРГ не известно, что, бросив наглый вызов общественности, Курт Бехер пригнул в своей фирме очень много подчиненных ему в прошлом эсэсовцев? Назовем гауптштурмфюрера Пикпанка, бесчинствовавших в Будапеште эсэсовских офицеров Бшера и Оберайха, гауптштурмбанфюрера Грабау, отъявленных нацистов Кетлица, Люка.

Будучи в Западном Берлине, я намеревался спросить об этом Хейнца Галински, председателя местной еврейской общины, заместителя главы Союза евреев ФРГ, одного из издателей сионистской газеты "Альгемейне юдише вохенцайтунг". Но господин Галински, которому я за год до того напомнил, к его нескрываемому неудовольствию, о встрече гитлеровского министра Шпеера с группой молодых израильских историков, предпочел со мной больше не встречаться.

Что ж, ему вряд ли на руку разоблачение и предание суду Бехера ведь это неминуемо всколыхнет неприятную для сионизма историю предательских контактов Кастнера и других венгерских сионистов с гимmlеровскими эмиссарами.

Не в интересах господина Галински, особенно сейчас, когда сионизм окончательно обнажил свое фашистское нутро, разоблачать и прочих укрывшихся от суда и весьма преуспевших гитлеровцев, чьи руки обильно обагрены кровью евреев. Не один Галински притворяется, что ничего не знает о благоденствующих в ФРГ и других западных странах нацистских палачах бехеровского "профиля". Не шибко активен и пресловутый Симон Визенталь, в прошлом гестаповский провокатор во Львове, ныне директор так называемого еврейского центра документации в Вене. А ведь сионистская пресса повсюду крикливо

рекламирует его как "самого смелого" разоблачителя утаившихся от справедливого возмездия гитлеровцев.

То и дело в сионистской печати появляются сенсационные сообщения: вот-вот в руках Визенталья окажется освенцимский убийца врач Йозеф Менгеле, лично руководивший отбором 40 000 евреев для депортации в газовые камеры. Визенталь, названный бывшим австрийским канцлером Бруно Крайским вымогателем и провокатором с темным прошлым, бесконечно обещает: "Я очень близок к тому, чтобы схватить Менгеле!" Но хотя сионисты знают, что время от времени Менгеле появляется то в Чили, то в Парагвае, то в Боливии, ни одна сионистская спецслужба в Латинской Америке ровным счетом ничего не предпринимает для его поимки. Сионисты считают, что это "частное дело фирмы Визенталья". Невыгодно им предавать суду Менгеле — уж чересчур много знает он о контактах сионистских лидеров с гитлеровцами в пору второй мировой войны.

В латиноамериканских странах сионисты давно были осведомлены, что в их краях подвизается бывший оберштурмбаннфюрер СС Герман Рауффе, конструктор автомашины-душегубки. На этом отпетом преступнике лежит ответственность за гибель 90 000 евреев. Долго он переезжал из одной страны в другую, пока не нашел надежной поддержки в Чили, где ему доверили должность консультанта пиночетовской охраны. Израильские представители, приезжающие в Сантьяго для экономических, политических и, конечно, военных контактов с хунтой Пиночета, встречали на официальных приемах Германа Рауффе и недрогнувшей рукой... чокались с убийцей их отцов и матерей, когда пиночетовские сообщники провозглашали заздравный тост.

Визенталь делал вид, что ему якобы неизвестно о пребывании Рауффе в Чили, и прикарманивал немало денег, идущих на "усиленные розыски" оберштурмбаннфюрера СС. Тот же тем временем усердно передавал гестаповский "опыт" пиночетовским карателям.

А местопребывание Герхарда Барча, бывшего начальника управления в пропагандистском ведомстве Геббельса, тоже неизвестно господину Визенталю? Что ж, можем подсказать "самому смелому" разоблачителю нацистов, где процветает Барч, отличавшийся в роли руководителя лекторской группы правления нацистской партии иступленными призывами к беспощадному истреблению "неполноценной иудейской расы". В австрийском же городе Зальцбурге Барч без всяких помех исполняет обязанности корреспондента шпрингеровских архиреакционных изданий.

Не очень-то далеко от резиденции Визенталья, в курортном городе Бад-Аусзе, на посту директора частной гимназии наслаждается безмятежной жизнью и Вильгельм Хёттль. Во время второй мировой войны Кальтенбруннер и Эйхман послали его, прошедшего выучку в гитлерюгендовском руководстве, представителем нацистской службы безопасности СД в Вену. Подобно Бехеру в Венгрии, он стал в Австрии доверенным лицом нацистского руководства по вывозу за изрядные денежные выкупы нужных сионизму богатейших евреев, владевших солидными вкладами в швейцарских банках. Как видите, и в этом случае речь тоже идет о влиятельном гитлеровце, сотруднике возглавлявшегося Эйхманом "подотдела по делам евреев". Такой подсудимый мог бы многое рассказать о секретных сделках между сионистами и нацистами, о кошунственной "купле-продаже".

ЗНАКИ ОБРЕЧЕННОСТИ

Итак, господин Галински отказался снова встретиться со мной. Конечно, это не было для меня неожиданностью.

Размышляя о том, где и как можно получить новые материалы о кровавой деятельности Курта Бехера, я вышел на оживленную Курфюрстендам, поблескивавшую витринами самых шикарных и дорогих в Западном Берлине магазинов. Неподалеку от кинотеатра, расцвеченного крикливой рекламой очередного голливудского секс-боевика, я увидел сидящего прямо на асфальте слепого музыканта с обшарпанной мандолиной в руках. Прохожим прежде всего бросалась в глаза желтая повязка на рукаве вконец обтрепанного

пиджака.

Желтая повязка! Такую при Гитлере обязаны были носить не депортированные еще в лагеря смерти евреи. Вероятно, с подобным знаком обреченности бродила по закоулкам винницкого гетто накануне гибели и моя мать.

Сейчас, когда я пишу эти строки, желтая повязка напоминает мне повязки с белыми крестами — такие заставляли носить заточенных в концлагеря мирных палестинцев наиболее усердные лагерные надсмотрщики из сионистов. Мотив: "опасные" палестинцы не имеют права затеряться в толпах узников-ливанцев. Ведь палестинцев оккупанты должны чаще пытать и лишать воды под палящим солнцем, чаще натравливать на них сторожевых собак, чаще избивать женщин и детей на глазах у мужей и отцов.

В некоторых лагерях белые кресты, наоборот, стали опознавательной повязкой для ливанцев. Впрочем, совершая геноцид в Сабре и Шатиле, бегиновские выкорыши не делали никакого различия между палестинцами и ливанцами. В развалинах разрушенной интервентами Шатилы обнаружили труп исколотой штыками и заживо погребенной женщины. В беспомощно протянутой руке несчастной жертвы кровавой оргии карателей было зажато удостоверение личности гражданки Ливана. В последние минуты женщина, нетрудно догадаться, тщетно пыталась доказать выкрикивавшим угрозы по адресу бойцов палестинского Сопротивления убийцам, что она ливанка. Но в шовинистическом угаре израильская военщина при любой возможности распространяет звериную практику обезлюживания на всех арабов.

Тогда, на Курфюрстендам, желтая повязка на рукаве слепца мандолиниста еще раз властно напомнила мне о скрывающихся от справедливого возмездия преступниках, нещадно истреблявших людей с такими повязками. Кто помогает им уйти от суда и наказания?

Частично, весьма осторожно, полунамеками на этот вопрос ответил раввин из США Шиндлер. По его свидетельству, некоторым американским евреям доподлинно известны многие укрывающиеся в США нацисты, в частности те, кто зверствовал в Белоруссии. "Но хоть и знают имена, уточняет Шиндлер, — а молчат, так как их просили не называть имен". Нетрудно догадаться, что "просили", а проще говоря, заткнули рот американским евреям американские же эмиссары сионизма.

А что уж говорить об израильских сионистах, заботящихся прежде всего о получении репараций от ФРГ за истребленных фашизмом европейских евреев! И, конечно, опасаящихся, как бы мировая общественность с возмущением не заговорила во всеуслышание о том, с каким преступным равнодушием во время второй мировой войны лидеры сионизма отнеслись к геноциду в варшавском, львовском, будапештском и других гетто, к массовому истреблению евреев в лагерях смерти.

Израильская разведка долго гордилась тем, что ей удалось в 1960 году обнаружить скрывавшегося в Аргентине Эйхмана и доставить в Израиль, где его казнили. Однако после этого у многих политических обозревателей небезосновательно сложилось впечатление, что, усиленно афишируя справедливую казнь Эйхмана, сионисты под прикрытием этой акции стали все больше и больше "забывать" о сообщниках обер-преступника. А ведь не одним только Эйхманом ограничивается внушительный список укрывшихся от правосудия убийц, с иезуитским усердием выполнявших гитлеровский план истребления "неполноценной расы".

— Такая странная "забывчивость", — говорил мне в Лондоне молодой журналист, — очевидно, одна из примет последовательной фашизации Израиля. Об угрозе нарастающей фашизации давно уже предостерегали прогрессивные силы Израиля во главе с коммунистической партией.

Мой собеседник, бесплодно искавший и не нашедший в Англии издательство, готовое опубликовать его изыскания о черных делах сионизма, с горечью продолжал:

— Не могу назвать хотя бы еще одного повинного в истреблении евреев крупного нациста, арестованного за последние годы с помощью сионистов. Боятся они невыгодных для себя новых разоблачений, еще как боятся! Многие, очень многие их связи с нацистами

до сих пор не раскрыты до конца. Приведу в пример сионистов, орудовавших в пору войны в Чехословакии. Пока опубликованы не все сведения об их циничном содействии гитлеровским оккупантам. А ведь в Чехословакии сионисты помогли депортировать в Освенцим и Майданек тысячи "обыкновенных" евреев в обмен на вывоз из оккупированной гитлеровцами страны десятков "ценных для сионизма" избранников. Не все еще обнародовано и о рабской угодливости, с какой сионисты помогли фашистам организовать и декорировать близ Праги, в Терезине, "образцовый оазис" для нескольких тысяч обманутых евреев на территории "протектората Чехия и Моравия". Ясное дело, после того как фальшивый "оазис" помпезно продемонстрировали представителям международного Красного Креста, всех евреев из Терезина отправили в газовые камеры. О нет, не всех! Фашисты позволили уехать в нейтральные страны и, конечно, в Палестину некоторым избранникам сионистов. Чудом сохранились обрывки записей жертв депортации в лагерь смерти о предательской роли сионизма в терезинской трагедии. Совсем, однако, не чудом эти разоблачающие сионизм документы очутились в Тель-Авиве. Сразу же после войны их выкрали агенты сионизма. Были, правда, попытки рассказать правду о гнусной сионистской деятельности в Терезине. Но стоило пражскому раввину Фехеру и писателю Норберту Фриду хоть слегка приоткрыть завесу над терезинской трагедией, как их причислили к "антисемитам" и обвинили в клевете на сионизм. Вы, наверно, это знаете?

— Знаю. С Фридом я беседовал.

И, перечитывая после бейрутской трагедии записи беседы с английским журналистом, могу убежденно сказать: если сионизм всегда опасался разоблачения связанных с ним нацистов, то ныне, когда израильские каратели сами творят нацистские преступления, ему тем более не хочется ворошить тайные осиные гнезда тех, чьим гнусным продолжателем он сегодня оказался. Да, сионизм смертельно боится вытащить на публичный суд замаскировавшихся убийц: своими показаниями они могли бы предать гласности постыдные деяния многих наставников нынешнего поколения сионистов. Поколения, на чьей совести геноцид и другие тягчайшие военные преступления. А за каждым военным преступлением стоят конкретные военные преступники. И каждого неизбежно ждет свой нюрнбергский трибунал.

В числе других советских военных корреспондентов мне посчастливилось в мае 1945 года присутствовать на принесшем всему миру несказанную радость подписанию акта безоговорочной капитуляции гитлеровским военным командованием. За этим неотвратимо последовал суд над главными фашистскими преступниками в Нюрнберге. И ныне, много лет спустя, именем моей матери, замученной в гитлеровском лагере смерти так же зверски, как израильские каратели убивали палестинских матерей в лагерях Сабра и Шатилы, я говорю: верю, всем сердцем верю, что ответ перед справедливым судом народов придется держать и сионистским последователям фашистов, причем не только террористу Бегину, министру смерти Шарону и их ближайшим сообщникам и восприемникам. Весьма поучительно вспомнить, что после Нюрнбергского процесса среди главных военных преступников на скамье подсудимых заслуженно оказалось и немало "второстепенных".

Есть, наконец, еще суд совести, суд памяти, суд истории, чьи приговоры человечество вечно хранит в своем сознании. Этот высший суд строго спросит и с тех, кто хоть и не приказывал бомбить Бейрут, калечить палестинских ребятишек, топтать коваными сапогами беременных палестинок, но с молчаливой покорностью выполнял варварские приказы и так же молча, с жестокостью расиста и усердием палача, творил геноцид. И не выручат тогда "молчальников" американские покровители, столь щедро снабжающие израильских вояк смертоносным оружием!..

ПОТОКИ АНТИАРАБСКОГО ЯДА

Сионистская пропаганда считает насущно необходимым систематически отравлять евреев, особенно молодежь, огромными порциями антиарабского яда, делать им очередные

прививки фанатической ненависти к палестинцам. Идут в ход все средства: от безудержной лжи по геббельсовскому "принципу" — чем чудовищней выдумка, тем легче с ее помощью оболванить массы, до "научно обоснованной" клеветы.

Готовя ливанскую бойню, сионисты с утроенным остервенением мобилизовали все неблагоприятные средства своей антипалестинской лжи и клеветы. Им не в бровь, а в глаз угодил бывший американский сенатор из штата Южная Дакота (израильская пресса в гневе и раздражении даже не назвала его имя!), отметив: "Израиль одновременно с вторжением своих вооруженных сил в Ливан открыл в Соединенных Штатах второй, великолепно скоординированный фронт по обработке общественного мнения против палестинцев". И не только в Соединенных Штатах!

Сионисты ФРГ, например, поспешили смастерить и обнародовать "научно-историческую" концепцию о том, что многовековая, сложившаяся на основе глубокой общности территории, экономики и культуры палестинская нация — понятие... несуществующее. Срочно состряпан и опубликован махрово расистский "труд" некоего Роксана — "Сионизм, Израиль и палестинцы". Сионистский "исследователь" с наглой безапелляционностью утверждает, что нехорошим, мол, антисемитам удалось внедрить в сознание человечества "миф об исконном хозяине Палестины — палестинском народе", что не может идти речи о "палестинцах как особой национально-этнической группе: Палестина всегда была только географическим понятием".

Лидеры сионизма в Израиле и других западных странах немедленно взяли на вооружение бредовую писанину Роксана, она спешно переведена с немецкого на другие языки и чуть ли не насильно всучается евреям, не разделяющим расистских убеждений сионистской клики. Цель ясна: авось этими псевдонаучными бреднями удастся хоть в малейшей мере сбить волну поистине мирового возмущения израильским геноцидом в отношении палестинцев. Ныне, когда израильская военщина пытается одновременно с установлением "нового порядка" в Ливане окончательно присвоить земли Западного берега Иордана, сектора Газа и Голанских высот, сионистские службы с пеной у рта безуспешно селятся внушить человечеству: палестинцы, дескать, к Палестине никакого отношения не имеют, ибо эта страна, по утверждению всяких роксанов, создана "исключительно усилиями энергичных и предприимчивых поселенцев-евреев". Но человечество видит, как "энергичные, предприимчивые", а главное, отъявленно жестокие и беспредельно шовинистичные сионисты творят геноцид на оккупированной земле, фарисейски объявленной ими "географическим понятием".

Нацистская эстафета продолжается. В свое время трактаты фашистских теоретиков типа параноидального антисемита Штрейхера "научно" подкрепляли людоедские рассуждения Гитлера о "недочеловеках-евреях", а нынче трактаты зоологического антиарабиста Роксана столь же научно подкрепляют расистские рассуждения нациста еврейской национальности Шамира о "недочеловеках-палестинцах".

И по приказу сионистских премьеров израильские каратели либо вывозят в Израиль, либо варварски уничтожают бесценные реликвии древней палестинской культуры — фашиствующие сионисты надеются, что получают таким путем большую возможность исступленно трубить об отсутствии культуры палестинского народа. Так утверждают не одни каратели, но даже наиболее реакционные израильские писатели, открыто поддерживающие фашизацию своего государства. Их возглавляет Яиль Даян, дочь печально знаменитого генерала Моше Даяна.

В своих расистских откровениях она превосходит отца. Он, обращаясь в конце 1969 года к жителям оккупированного Хальхуля, заявил: "Сегодня мы разрушили двадцать домов. Если этого недостаточно, мы разрушим весь город. Если вам не нравится такая политика, перед вами открыты мосты для того, чтобы уехать". Недостаточным это оказалось для дочери и последовательницы генерала-карателя, ей мало одного только изгнания палестинцев из отчего края, из родного дома. Не дожидаясь публикации своего романа, подобно предыдущим насквозь милитаристского и расистского, Яиль Даян недвусмысленно

сказала в одном из своих интервью: "Не желающие капитулировать подлежат ликвидации". А ведь, на взгляд израильских вояк, любой палестинец, стремящийся сохранить свой очаг на оккупированной территории, считается "не желающим капитулировать".

Люди всего мира читают показания очевидцев израильского геноцида, с ужасом смотрят на фотоснимки и кинокадры, запечатлевшие зверства израильских интервентов и оккупантов. Эти зверства документированы международным Красным Крестом и многочисленными ассоциациями и конгрессами юристов, о бесчеловечности израильской солдатни рассказывают даже такие средства информации, какие никак не заподозришь в антисионизме. А сионистская пропаганда по примеру вора, который, удирая, кричит: "Держи вора!" — обвиняет в жестоком обращении с пленными... обороняющихся бойцов палестинского Сопrotивления.

И это прodelывается в то самое время, когда израильская пресса хоть и скупO, хоть и весьма немногословно — признает гуманное отношение палестинцев к пленным израильтянам. Вот характерный эпизод, рассказанный, как говорится, сквозь зубы тель-авивской "Нашей страной" и другими израильскими газетами.

Израильский солдат Эфраим Талби в бою под Сайдой был взят в плен бойцами палестинского Сопrotивления. Привыкший к тому, что израильская солдатня чаще всего безжалостно добивает раненых пленных, Талби был изумлен: командир роты палестинцев Абу-Ситале приказал немедленно оказать медицинскую помощь пленному, накормить его и укрыть в недоступном израильским бомбам и снарядам месте. Когда же Сайда была захвачена израильтянами, они взяли в плен Абу-Ситале и, раненого изнывающего от жажды, обессиленного от потери крови, депортировали в концлагерь строгого режима, точнее, лагерь пыток в Адисаре. Там его, окончательно измученного нестерпимыми пытками, некоторое время спустя встретил назначенный в лагерную охрану Эфраим Талби. Не сумев сдержать нахлынувших на него чувств, израильский солдат отважился при всех обнять "жестокOго" палестинца и воскликнуть: "Вы относились ко мне, как отец к сыну!" Израильские газеты, конечно, преподнесли этот эпизод как пример гуманного отношения... израильских военнослужащих к "неисправимому палестинскому террористу".

Стоит ли удивляться такому лицемерию, если сионистская печать выдвинула "на экспорт" уж совершенно бредовую, придуманную обозревателем Довом Бен-Меиром "теорию": уничтожая палестинцев, израильская армия помогает тем самым избавиться от террора многим странам мира, в частности Италии, ФРГ, Англии, Франции, Японии. Потрясающее открытие! Оказывается, итальянская мафия, банды Баадер-Майнхоф в ФРГ, английские "истребители цветных" — все это дело рук палестинцев.

Расистские "открытия" роксанов и бен-меиров нашли отражение в учебных программах вечерних школ еврейского национального воспитания, широко насаждаемых сионистами в странах Западной Европы и Америки. Потоки антиарабского яда — вот как можно охарактеризовать учебу по этим программам.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ТОРТ, ПАХНУЩИЙ КРОВЬЮ

Перед самым отъездом из Западного Берлина повстречалась мне на улице девушка, регулярно посещающая сионистскую вечернюю школу. Вероятно, раскаиваясь в том, что во время предыдущей нашей встречи она чересчур откровенно рассказывала мне о беспросветной жизни молодых "бывших", пригретых по фальшивым документам сионистами в этом городе, девушка на сей раз подчеркнуто отрешенно молчала. Зато подруга — из вежливости, что ли — охотно пояснила мне:

— Возвращаемся с лекции. Тема — рост оборонной силы Израиля, новые виды вооружений в стране. Мне здорово влетело за вопрос: а стоит ли Израиллю терпеть неслыханную инфляцию ради того, чтобы иметь много оружия? Меня сердито поправили: "Не только иметь, но и выпускать. Ради того, чтобы создать собственный танк и продавать его дружественным странам (имелись в виду скорее всего ЮАР, Гватемала и Сальвадор.

Ц.С.), можно не распускать даже по субботам ремень на пасхальную дырку". Вы поняли? Лучше танк, чем сытная пища по субботам!

И вот израильский танк вместе с новейшим американским оружием испытан ценою крови палестинских и ливанских детей и женщин. Возможно, в Западном Берлине сионистские лекторы, гордясь участием собственных израильских танков в геноциде, уже сдабривают свои лекции такой "идиллической" бльёю:

Семидесятилетие Бегина по древнеиудейскому календарю совпало с мощной танковой атакой израильтян на укрепления палестинцев в Бейруте. В честь обоих событий юбиляру был сделан сюрприз: на интимном, как выражаются израильские газеты, торжестве гостям в особняке на улице Бальфур был подан гигантский торт, смастеренный кондитерами в виде танка "Меркава". Символический сюрприз встретили восторженно.

Правда, газеты предусмотрительно умолчали, что в тот же день бойцами палестинского Сопротивления были убиты 29 израильских танкистов. Умолчали газеты и о другом: когда гости Бегина смаковали прославляющий убойную силу израильского оружия торт, у резиденции премьер-террориста демонстрировали восемь тысяч тель-авивцев, требовавших отозвать с несправедливой войны своих сыновей, мужей, отцов. На плакатах были такие надписи: "Бегин — в отставку!", "Бегин и Шарон, перестаньте доказывать друг другу, кто из вас кровожадней!.."

В Западном Берлине, как и в ФРГ, разгулявшиеся нацисты требуют расширить перечень ограничений социальных и юридических прав евреев. Элементарных человеческих прав!

А что предпринимают руководители еврейской общины и сионистских организаций? Время от времени сигнализируют властям. А своих членов успокаивают, что нацизм возродиться не может. И призывают их к борьбе за "права" евреев в... Советской стране.

Параллельно военному разбою израильского сионизма во всех странах Запада сионистские организации и спецслужбы из кожи лезут вон, только бы раздуть там среди евреев шовинистический угар. Пытаются если не оправдать в глазах мирового общественного мнения геноцид в отношении палестинцев и ливанцев, то хоть приглушить волну справедливого гнева и возмущения, вызванную злодеяниями израильской военщины. Наряду с этим международный сионизм усиливает свои провокации с целью заманить в Израиль из других стран, в первую голову, конечно, социалистических, новые жертвы "воссоединения" и старается любыми средствами воспрепятствовать бегству израильтян с охваченной милитаристским безумием "исторической родины". Все эти фарисейские деяния пронизаны зоологическим антисоветизмом, проводятся во исполнение рейгановских планов "крестового похода" против коммунизма.

Чтобы "бывшие" (и бежавшие из еврейского государства, и "не доехавшие" туда) не стояли в стороне от этого похода, на них натравливают агентуру Моссада.

О паническом страхе любого "бывшего" перед Моссадом — израильским центром разведки и специальных операций — я неожиданно услышал от бывшего польского гражданина, сравнительно давно уже "кое-как существующего" в Западном Берлине. Увидев у него в руках израильскую газету на иврите, я спросил, какие новости он вычитал. Слабо владея ивритом, мой собеседник все-таки перевел на идиш заметку о кровавой антисемитской акции в Аргентине. И добавил с едва уловимой усмешкой не то иронической, не то растерянной:

— А Моссад считает, что это дело рук палестинцев.

— Вы как считаете?

Помолчав несколько секунд и испытующе глядя на меня, он ответил вопросом на вопрос:

— А вы знаете, что означает на иврите слово Моссад?

— Институт.

— Но совсем не благородных девиц, а... Словом, если на дворе день, мossaдовцы говорят — ночь. И все израильтяне да и многие из тех, как я, обязаны подтвердить: ночь.

Если моссадовцы говорят, что какого-то полунищего аргентинского еврея убили палестинцы, то я обязан... — Снова короткая пауза. И вдруг моего робкого собеседника словно прорвало: — Да, я, я, кому до Моссада еще дальше, чем до наследников Крупша, смею думать, что еврейскую кровь пролили сами моссадовцы!

Я вовсе не собирался публиковать этот диалог, хотя прекрасно знал, что вот уже десятилетия подряд сионисты взваливают ответственность за любую кровавую антисемитскую акцию в любой стране исключительно на палестинцев. Даже вопреки прямым результатам следствия. Но за последнее время на вопрос "Кто же истинный виновник таких акций?" зарубежная пресса все чаще и чаще отвечает: Моссад.

Не случайно многие газеты капиталистических стран перепечатали из чехословацкой газеты "Руде право" такую выдержку:

"Израильская секретная служба, — приходит к выводу на основе многих фактов "Руде право", — никогда не останавливалась перед кровавыми провокациями и совершала убийства, жертвами которых становились представители Израиля и еврейских организаций".

Для чего же Моссад идет на такие чудовищные провокации?

"Чтобы оправдать политику оптового террора, проводимую государством Израиль", — точно и недвусмысленно отвечает газета.

Да, во имя расистского оптового истребления людей "неполноценной расы" разведка еврейского государства, не задумываясь, убивает "в розницу" евреев у себя в Израиле и за рубежом. А затем начинает "справедливо мстить" палестинцам...

ФАРИСЕИ

Сионистская агентура охотится на молодых "бывших" — из них, по ее мнению, удастся воспитать кадровых антисоветчиков. Покровительство международного сионизма молодчикам, презревшим, правда, Израиль, но зато пошедшим в услужение к руководителям заокеанских антикоммунистических центров, — это тоже разновидность сионистской охоты за молодыми душами.

Всюду, где имеют возможность орудовать сионисты, такая охота ведется все изощренней, коварней, провокационной.

Тон задавали и задают сионисты Соединенных Штатов — государства, чьим ландскнехтом, субподрядчиком и жандармом на Ближнем Востоке стал Израиль. Как и всему, что "сделано в США", сионизму в американской упаковке свойственна глобальная направленность, он считает себя "опекуном" сионистских служб Западной Европы, Латинской Америки, Азии. С властью и заносчивостью богатого хозяина он на всех континентах командует сионистской охотой на молодежь.

Он и милует тех, кто, презрев "историческую родину" и бежав из военизированного Израиля, искупает это оголтелым антикоммунизмом и расизмом.

Тель-Авив и Вашингтон готовы простить все, ну абсолютно все, и тем, кто готов направить автоматное дуло на семилетнего палестинского мальчика, вышедшего вместе с родителями на мирную демонстрацию в Газе, Кто готов изуверски открыть огонь по молящимся в иерусалимской мечети мусульманам. Кто готов сровнять с землей все без исключения строения и с корнем вырвать все до одного плодовые деревья на "возвращенной Египту", а по существу, переуступленной американским войскам земле Синай. Кто готов по велению ЦРУ непрерывно снабжать оружием карателей Сальвадора и других диктаторских режимов в Латинской Америке. Кто готов снисходительно, мягко говоря, взирать на поднимающий голову неонацизм, воскрешая тем самым традиционные преступные связи сионистских лидеров с гитлеровцами в годы второй мировой войны. Кто готов тесно сотрудничать с разведкой самых презренных в мире разбойничьих правительств вроде ЮАР и Чили. Кто готов "не мешать" орудовавшим во многих странах мира израильским террористическим бандам. Кто согласен беспрекословно выполнять все, что израильская верхушка и ее покровитель Рейган требуют от любого так называемого обыкновенного

сиониста, вплоть до прямого участия в геноциде по гитлеровскому образцу.

А требуется от обыкновенного сиониста прежде всего фарисейство, да, доведенное до последней черты фарисейство.

Вспоминается мне в связи с этим упрек, брошенный мне видным лондонским сионистом Якобом Зоннтагом, редактором англоязычного "Ежеквартального еврейского обозрения":

— В "Огоньке" и других ваших изданиях я встречал слова о фарисействе сионистов. Не понимаю! Ведь фарисеи были только в древней Иудее, их политически-религиозная партия, чего греха таить, действовала исключительно в интересах богачей и, не собираюсь от вас скрывать, только наружно придерживалась благочестия и религиозного фанатизма. А фактически... А, зачем вспоминать! Фарисейство давным-давно ушло в далекое прошлое! Зачем его сегодня ворошить, не понимаю!

Запомните, мистер Зоннтаг, а заодно и герр Галински, и синьор Тас, и мосье Ротшильд, и все прочие господа лидеры международного сионизма в любой западной стране, запомните: мы говорим о сионистском фарисействе в том позорном смысле, какой сегодня вкладывает в это слово каждый честный человек, мы говорим о лицемерии, ханжестве, предательстве, мы говорим о лжи, провокациях, жестокости под личиной гуманности. И относится это не только к открыто делающим свое грязное дело сионистам, но и к их скрытно действующей агентуре.

ПАРТНЕРЫ ПО РАЗБОЮ

"Нынешняя агрессивная война Израиля против Ливана, против ливанского и палестинского народов является по существу израильско-американской".

Точная формулировка Меира Вильнера, Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Израиля напоминает: нужно во всеуслышание назвать и верного израильско-американского партнера в осуществлении ливанской бойни, в попытках насадить в Ливане "новый порядок", навязать ему послушное израильскому диктату правительство, превратить суверенную страну в американскую базу.

Имя этому, предпочитающему оставаться в тени, партнеру (или сообщнику, пособнику, соучастнику) — международный сионизм. Конечно, израильский сионизм — тоже составная часть международного, но сейчас речь идет о сионистских организациях и спецслужбах, орудующих вне Израиля. Заправляют ими — организационно и идейно — главным образом сионистские киты США из среды обладателей богатых капиталов, распоряжающихся влиятельными лоббистами, и эмиссары широко разветвленных органов разведки и пропаганды.

В дни военно-захватнических и оккупантских преступлений на ливанской земле международный сионизм привел в усиленное действие свои щупальца на всех континентах. И роль его заключается не только в провокационных попытках обелить черные дела снабженных новейшим американским оружием израильских интервентов и оградить реакционных правителей Израиля от гнева миллионов людей планеты. И не только в том, чтобы превратить военные результаты разбойничьего нападения на Ливан в политические, выгодные заправляемому сионизмом Израилю. Нет, международный сионизм поддерживал и поддерживает израильскую военщину и в чисто военном плане. Еще задолго до того, как первый израильский танк ворвался на пылающую ливанскую землю, сионистские организации Англии и Франции, ФРГ и Швеции, Бельгии и Голландии, Аргентины и Мексики, Чили и ЮАР по воле своих американских единомышленников оказывали финансовую и техническую помощь Израилю в подготовке очередной войны.

Когда Бегин ее развязал, среди голосов протеста честных людей против израильского насилия мир услышал и голос очень многих евреев граждан капиталистических стран. Но сионистские лидеры презрели этот голос. Они продолжали морально и материально поддерживать израильскую интервенцию и геноцид. И когда, скажем, во Франции тысячи

граждан еврейского происхождения клеймили Бегина и иже с ним убийцами и неонацистами, лидеры пятнадцати сионистских организаций Франции, провозгласив создание "общего фронта борьбы за Израиль", в контакте с израильским послом Розеном продолжали посылать в Израиль деньги, а также нужную армии технику и обмундирование. И в тот день, когда в Париже сотни французских евреев демонстрировали у здания израильского посольства с плакатами "Скажите Бегину и Шарону — они убийцы, они неонацисты!", барон Ален де Ротшильд, председатель совета еврейских (читай — сионистских и просионистских!) организаций Франции, заявил на пресс-конференции: "Мы не можем изменить Израилю, независимо от его способов защиты своей безопасности". Оказывается, для потомственного сионистского руководителя вооруженное нападение и геноцид — это "способ защиты".

В дни нашествия на Ливан лидеры и идеологи международного сионизма упорно "не замечали", как израильские оккупанты своими военными преступлениями эксгумируют и наполняют новым, сионистским, содержанием проклятые человечеством страшные гитлеровские понятия блицкриг, геноцид, гетто, прочесывание, депортация узников в концлагеря, тотальное истребление "неполноценной" расы, вооруженная борьба за "жизненное пространство". Неоспоримые свидетельства международных следственных комиссий и симпозиумов об израильском геноциде сионисты, например, Мексики объявили "на сто процентов антисемитскими". Старый, но не всегда эффективный прием!

После войны лидеры сионизма в западных странах продолжают "не замечать" явных попыток бегиновской клики с помощью американских эмиссаров установить в Ливане "новый порядок" (сионистский бард в Париже Поль Гиневский откровенней и точнее говорит: "еврейский порядок") в самом отъявленном гитлеровском понимании. Верховоды международного сионизма в рассуждениях о "новом порядке" проводят хвалебную аналогию между действиями израильских оккупантов в Ливане и созданными на крови миллионов людей "протекторатом Богемия и Моравия, генерал-губернаторством с центром в Кракове, марионеточными государствами Хорватия и Словакия". Какой цинизм!

Израильские органы информации и пресса международного сионизма предпочитают ничего не сообщать о традиционно проводящихся с шестидесятых годов иерусалимских международных конференциях евреев-миллионеров в поддержку Израиля. Не было, конечно, сообщений и о конференции, состоявшейся незадолго до израильского вторжения в Ливан. Известно только, что в месяцы, предшествовавшие ливанской бойне, необычайно активизировался постоянно действующий при израильском премьер-министре исполнительный комитет иерусалимских конференций. В его составе миллионеры еврейского происхождения, представляющие монополии США, Западной Европы (плюс "сверхштатный" представитель монополий Великобритании, заслуживший такую честь тем, что в этой стране организации и спецслужбы международного сионизма орудуют особенно рьяно), Австралии, Южной Азии, Юго-Восточной Азии. В сионистской печати то и дело мелькали сообщения о новых капиталовложениях банков и фирм этих регионов в израильскую экономику. Прежде всего в предприятия военно-промышленного комплекса "Таасия авирит", замыслившего вкупе с американско-израильской фирмой "Пратт энд Уиттни" производство "на уровне девяностых годов" сверхмощного самолета "Лави". Усиленно субсидируются и фирмы, осуществляющие "ускоренное жилищное строительство" — это расшифровывается отнюдь не как ускоренная реконструкция кварталов нищеты в Тель-Авиве и Иерусалиме, а как сверхспешное возведение новых военизированных поселений на Западном берегу Иордана, на исконных арабских землях.

Ливанская бойня заметно умножила сделки между израильскими богачами и монополистами капиталистических "стран рассеяния". В Тель-Авиве и из Тель-Авива снуют высшего ранга дельцы и высокопоставленные маклеры из покровительствующих сионизму корпораций США, Канады, Англии, Франции, Италии, Голландии, ФРГ, Мексики, Бразилии, Коста-Рики, ЮАР. Участились, естественно, и визиты представителей деловых кругов и министерств Израиля в эти страны. Назовем "частные визиты" именитых израильских

эmissаров во Францию, ЮАР и страны Латинской Америки. К французским богатейшим "братьям по крови" вылетел министр абсорбции Узан со свитой раввинов и кибуцников, в Коста-Рику — бывший министр обороны Эзер Вейцман. А главный секретарь движения "Такибуц гацаир" Ализа Амир совершила вояж в шесть латиноамериканских стран. С особым рвением она проверила, как там, на территории суверенных государств, беззастенчиво вербуют переселенцев в Израиль "постоянные посланцы" этой ультрашовинистической израильской организации.

Результаты такого "обмена визитами" не замедлили сказаться. Стоило только, к примеру, увеличить поставки израильского оружия ЮАР, как тут же король гигантской алмазодобывающей промышленности этой страны мультимиллионер еврейского происхождения Оппенгеймер возглавил кампанию за усиление финансовой помощи юаровских сионистских кругов армии Израиля.

И подстегнутые твердостью миллионеров, с новой силой нажимают на сенат США сионистские лоббисты. Цель одна: добиться повышения размера американской помощи Израилю до трех миллиардов долларов. Что ж, нажим дает свои результаты. Как утверждает тель-авивский журналист Кнаат, "сенат готов прислушаться к израильской проблеме". Кнаат не преувеличивает: ведь сенатская комиссия по ассигнованиям уже приняла решение подбросить Израилю в качестве безвозмездного "новогоднего подарка" сотни миллионов долларов.

Вот они, реальные плоды покрытых завесой таинственности иерусалимских конференций!

Небезосновательно, значит, жаловался мне в Западном Берлине местный журналист:

— В третий раз отправляюсь в Израиль. Но заранее знаю: и на этот раз мне не удастся узнать хоть какие-нибудь подробности о последней конференции евреев-миллионеров всего мира в Иерусалиме. (Именно эта конференция предшествовала ливанской бойне. — Ц.С.) Ультрасекретность! Разрозненные отклики в сионистской печати — только их чередование и сопоставление хоть кое-как приоткрывает таинственную завесу. Не думайте, что я стремлюсь первым раздобыть сенсацию. Причины более глубокие. Когда я слышу о конференции миллионеров в поддержку хронически агрессивного государства, невольно вспоминаю, кто же именно привел к власти Гитлера? Кто? Монополисты, банкиры, словом, верхушка военнопромышленного комплекса Германии...

Мы беседовали в Западном Берлине еще до тотального нападения Израиля на Ливан. Тогда мой собеседник не мог утверждать, что Бегина, подобно Гитлеру, привели к власти воротилы капиталистических монополий. Но теперь, когда богатейшие владельцы крупных концернов и банков (и не только еврейского происхождения, о чем мне хвастливо говорили в Лондоне сионистские активисты Зоннтаг и Менсон) рьяно помогают международному сионизму спасти политическую репутацию фашизирующегося Израиля в глазах мирового общественного мнения, а израильскому правительству выделяют крупнейшие субсидии для латания дыр в расстроеном войной государственном бюджете, можно с уверенностью сказать: владельцы монополий, памятуя о своих классовых интересах на Ближнем Востоке, помогают главарям сионизма удержаться у власти.

ЕЩЕ РАЗ О ПАРТНЕРЕ

Потому-то все большую ставку на капиталистов еврейского происхождения, действующих вкуче с заправилками международного сионизма, делают премьеры-террористы. Не случайно, прилетая в США, Бегин перед появлением в Белом доме частенько останавливался в Нью-Йорке, бастионе американского капитала. Энная теплая встреча с лидерами сионизма, с его лоббистами, с финансовыми воротилами — и только после этого приободренный израильский премьер мчался в Вашингтон. Мчался, основательно подкованный деловыми советами уолл-стритовских китов насчет того, сколько денежек и сколько оружия следует на сей раз требовать от своего стратегического союзника.

Впрочем, уже из Нью-Йорка Бегин вылетал не с пустым карманом. Сионистствующие американские толстосумы ведь неспроста обещали "вернуть расходы" израильскому правительству по операции под фарисейским названием "Мир Галилее". На банкетах в честь Бегина, Шамира, Аренса и прочих израильских суперястребов монополисты с шиком швыряли на стол чеки, на которых значится четырехзначная, а порой и пятизначная сумма. И если, скажем, отпрыск банковской династии Лазарев в филантропическом пылу отвалил (сверх плановых дотаций!) десяток-другой тысяч долларов на потребу израильского милитаризма, то для нефтяного короля Блауштейна уж как-то "не престижно" уменьшать размер своей подачки. Наоборот, самое шикарное проявление "еврейского патриотизма" в такой среде и в такой обстановке — это обязательная надбавка. Как на аукционе. Страшный аукцион! На нем израильские лидеры торгуют, по существу, жизнью палестинцев: чем больше долларов и оружия они выторгуют в США, тем больше палестинцев заплатят жизнью за очередной карательный набег израильской солдатни на оккупированные арабские земли.

С пачкой чеков и перечнем надежных обещаний новых субсидий улетал из Америки не один Бегин. И Шамиру тоже удавалось выколачивать изрядные денежки у богатых американских сионистов.

Только ли у богатых? Нет, не все поступающие из США в Израиль суммы списаны с банковских счетов еврейских богачей. Нужно учесть и скромные "шекельные взносы" рядовых клерков, мелких торговцев, даже рабочих еврейского происхождения. Многие из них не только равнодушны к Израилю, но попросту ненавидят чуждое им государство за воскрешение нацистских методов истребления "неполноценной" расы и, чего греха таить, за непрерывные поборы сионизма в его кассу. Но разве смеет обыкновенный американский еврей отказаться от очередного взноса или внеочередного "добровольного пожертвования"!

Явственно помню выражение обреченности на лице владельца крохотного галстучного магазина близ эффектного здания института востоковедения в Чикаго. Помните, затравленный сионистскими эмиссарами, он, испуганно озираясь по сторонам, жаловался мне на то, как его накануне сионисты заставили внести, как он выразился, контрибуцию в пользу военизированных скаутских отрядов:

— Если чикагские сионисты вежливо-вежливо говорят вам, что с вас по справедливой раскладке полагается столько и столько-то и по-хорошему советуют не скупиться, попробуйте не уплатить. Я боялся попробовать.

Не один он боится "пробовать".

Когда я беседовал с торговцем галстуками, американские сионисты еще старались прикрыть свои поборы каким-нибудь "благородным" мотивом: жертвуйте в фонд религиозного воспитания хасидских — выпестованных в духе ортодоксального сионизма — невест, или на опасение тель-авивского оперного театра от полного банкротства (летом 1982 года театр все равно закрыли!), или на создание нового кибуца специально для родственников американских граждан. Сегодня все эти фиговые листки сброшены. Любой американский еврей, даже тот, кто еще вчера выходил на демонстрацию протеста против зверств израильских интервентов в Ливане, обязан — так решили сионисты — чаще, нежели прежде, делать денежные взносы "на укрепление оборонных сил еврейского государства". Как и в Голландии, Бельгии, Франции, Мексике, сионисты вымогают у него сегодня "пожертвование" на зимнее обмундирование для израильских оккупантов в Ливане, завтра — на утепленные палатки, послезавтра — на "рюмку виски" орудующим под пронизывающими горными ветрами карателям.

Совершенно неожиданные формы принимает порой поддержка израильской военщины организациями международного сионизма. Поистине изумительная изобретательность!

Вот передо мной официальное сообщение израильского агентства ИТИМ о создании "еврейского центра" в самой именитой военной академии США "Вэстпойнт". Цели вроде бы самые невинные: открытие при академии синагоги, клуба, музея. А в действительности, благодаря настойчивости председателя комитета руководителей 34 крупнейших еврейских

организаций США Бермана, избранного, кстати, на этот пост в разгар ливанской войны, и при покровительстве сенатора из Мичигана Левина в "Вэстпойнте" создан центр для специализированной подготовки израильских офицеров применительно к условиям захватнической войны на Ближнем Востоке.

Аргентинские сионисты проявили инициативу в ином направлении. Решили использовать "благоприятную" обстановку — имеется в виду рост в их стране антисемитизма, с которым сами же сионисты по обыкновению предпочитают не бороться — и переселить в Израиль свыше 1500 семей бедняков и безработных. Разве специально отбираемые олим так уж рвутся на "родину отцов"? Нет, причина более веская: аргентинские евреи нужны израильскому правительству для заселения спешно созданных военных поселений на прилегающих к Ливану землях.

И совсем уже необычную форму поддержки израильских милитаристов придумали сионисты в Голландии. Они объявили призыв добровольцев для замены израильских квалифицированных производственников, призванных из резервистов в действующую армию. Охотников почти не нашлось. И сионистским эмиссарам пришлось прибегнуть к материальному поощрению и строгой моральной обработке "добровольцев".

Международный сионизм встревожен "недостаточной заинтересованностью евреев мира насущными нуждами еврейского государства". И потому стремится скоординировать "патриотическую помощь евреев стран рассеяния родине отцов" и выдвинуть обязательную для любой сионистской организации единую программу действий в поддержку скомпрометировавшего себя в глазах человечества Израиля. Много надежд и упований в этом плане возлагалось на XXX всемирный сионистский конгресс. Правление Всемирной сионистской организации намеревалось даже заставить конгресс объявить "чрезвычайное положение в еврейских общинах мира". Каково? Ради удесятирения помощи террористам с сорокалетним стажем Бегину и Шамиру пойти на чрезвычайное положение!

В Париже, как вначале предполагалось, созвать конгресс не удалось — опасались обилия в Западной Европе "антисемитов", то есть граждан самых разных национальностей (в том числе и еврейской), возмущенных кровавыми оргиями израильских вояк в Ливане и зверским насаждением "нового порядка" в этой стране. Конгресс состоялся в Иерусалиме, в декабре 1982 года.

Сионистские лидеры рассчитывали провести его помпезно — как-никак юбилейный. Однако прорывы и трещины дали знать себя еще при выборах делегатов. По существу, инсценировка выборов прошла только во Франции, Австрии и Аргентине. В остальных странах, в том числе и США, делегатов не выбирали, а подбирали. За одиннадцать дней до открытия конгрессов, по свидетельству сионистской прессы, "было еще неясно, как распределить 200 мандатов из 530".

Обстановку, в какой подобранные делегаты провели юбилейное собрание, красноречиво характеризует заголовок сообщения агентства ИТИМ о пятом дне конгресса: "Острая перепалка и драка на всемирном сионистском конгрессе". Далее приведены такие живописные подробности: "Представители Ликуда ворвались на сцену (чем не в бегиновском духе! Ц.С.). Заседание было прервано. Затем началась настоящая драка между делегатами..."

"Сионистский конгресс провалился с организационной и идеологической точки зрения" — таков короткий и выразительный приговор тель-авивской газеты "Наша страна". Были заголовки и похлеще например, "Сионистский цирк".

Не следует, однако, за деревьями не видеть леса. Мордобой, потасовки, внутривластные распри из-за портфелей, свары по поводу распределения денежных субсидий, споры из-за того, кому подчинить молодежный — главнейший! — отдел ВСО, взаимные обвинения в ответственности за провал алии, растущее бегство израильтян из страны и катастрофический упадок во всем мире "реноме" руководимого сионистами государства — все это не должно заслонять главного: конгресс от первой до последней минуты прошел под знаком яростного антикоммунизма и в особенности антисоветизма.

Поднять антисоветчину на более высокий уровень поможет, по расчетам делегатов конгресса, "расширение и укрепление еврейского национального образования вне Израиля". Расширение — понятно, что имеется в виду. А вот "укрепление" — тут уж приходится только развести руками. Где и что еще там укреплять, если в находящихся под сионистским протекторатом еврейских школах для детей (а теперь получено указание создавать детские сады, даже ясли!) и вечерних школах для взрослых шовинизм, расизм и антикоммунизм доведены в учебных программах до точки кипения. Я имел возможность увидеть это в Роттердаме, Антверпене, Западном Берлине. В одной из антверпенских еврейских школ для юношества, над которой попечительствует филиал "Бнай-Брита", запрограммирован специальный курс лекций "о перманентном антисемитизме в Болгарии, Венгрии, Чехословакии и других странах Восточной Европы". И, например, спасение болгарами в годы второй мировой войны более двадцати тысяч евреев от рук гитлеровских палачей, осуществленное под руководством коммунистического подполья во главе с товарищем Тодором Живковым, в ту пору руководившим партийной организацией густо заселенного еврейской беднотой Ючбунарского района Софии, преподносится как акт... гуманизма болгарского монарха. Что ж, международный сионизм лезет из кожи вон — только бы увеличить свой вклад в провозглашенный Рейганом "крестовый поход" против коммунизма!

Все сионистские группировки на конгрессе были на редкость едины еще и в том, что той же "Нашей страной" сформулировано так: "Сионистское движение не должно ограничиваться сбором денег для государства Израиль, оно должно объединять всех евреев и защищать Израиль".

"Защищать Израиль"! Защищать страну Азии в Нью-Йорке и Оттаве, в Лондоне и Риме, в Мехико и Буэнос-Айресе — значит, точнее говоря, из-за рубежа помогать израильской военщине усердно выполнять роль американского жандарма на Ближнем Востоке, поддерживать ее военные нападения на арабские страны, пособлять зверскому истреблению палестинского народа, посылать израильским экстремистам оружие, технику, обмундирование. И деньги, деньги, деньги!

Именно это потребовал всемирный сионистский конгресс от американских, западноевропейских азиатских, африканских, австралийских евреев. Снова и снова конгресс недвусмысленно напомнил им об обязанностях, вытекающих из провозглашенного израильским законодательством "двойного гражданства" (опять-таки понятие нацистского происхождения!). Напомнили и о "родине на всякий случай", каковой окажется, по утверждению сионистской пропаганды, Израиль для каждого еврея в дни, когда "все остальные народы" неизбежно, мол, обрушатся на "богоизбранный еврейский". Для насаждения этой "идеи" среди еврейского населения западных стран спецслужба американского сионизма, действующая под мудреным названием "центр еврейской идентификации", направляет туда своих эмиссаров. Результатом этим поездок должно стать, по заявлению руководителя "центра" Шифры Хофман, создание "музеев потенциальной катастрофы", от которой евреи всего мира смогут-де спастись только в Израиле.

Проявлено было умиленное единодушие на конгрессе и при обсуждении методов борьбы с ассимиляцией граждан еврейского происхождения. Она получила-де слишком широкое распространение, наряду с Западной Европой, в странах Латинской Америки. Потому-то принято решение "о плане действий по спасению евреев от ассимиляции". "Спасению"! Словно еврейская девушка, выходя замуж за голландца, или еврейский юноша, женись на мексиканке, делают это по насильственному принуждению.

И все же главная задача, поставленная сионистским конгрессом перед всеми организациями международного сионизма и навязываемая всему еврейскому народу стран капитализма на всех континентах — это "проявить действия, воплощающие любовь к Сиону и преданность государству Израиль". Государству, которое сейчас насаждает военными средствами "новый порядок" в Ливане, концентрирует все больше и больше войсковых подразделений вблизи Сирии, строит новые военные поселения на захваченных арабских землях, особенно рьяно усиливает с благословения Пентагона милитаристские действия в

ближневосточном регионе. Государству, тридцатипятилетие которого стало и позорным тридцатипятилетием беспрестанных военных нападений на арабские страны, тридцатипятилетием зверских расправ над палестинцами на оккупированных территориях. Все тридцать пять лет этому активно способствуют явные и тайные организации и спецслужбы международного сионизма, которые империализм выдвигает на передние рубежи раздуваемой им борьбой с силами социализма и национального освобождения.

И поневоле подумалось: не "обидел" ли я международный сионизм, называя его всего лишь третьим партнером израильско-американского альянса на Ближнем Востоке? Может быть, черные дела этого партнера, его усердное участие в чудовищных преступлениях Тель-Авива и Вашингтона дают ему право на более "высокое" место?

"НЕТ, НЕ ТЫ ПОБЕДИШЬ, РАЗРУШИТЕЛЬ!"

Если иные сионистские фарисеи из "не столь "радикальных" готовы деланно поморщиться, узнав об очередном военном преступлении израильтян, и отваживаются даже обронить словечко о том, что Бегин, а вслед за ним Шамир и Перес чересчур откровенно следуют гитлеровским методам геноцида, — все это заведомая игра, заранее продуманная инсценировка.

Ливанская бойня и все последующие провокационные и карательные акции сионизма на палестинских и ливанских землях окончательно обнажили фашистскую сущность намерений бегиновско-шамировской клики, заботливо поддерживаемой вашингтонскими покровителями. Дошло до того, что многие сионистские лидеры, горько сетуя на упорное стремление израильской молодежи любым способом — вплоть до повального бегства из страны — уклониться от военной службы на оккупированных территориях, уже поговаривают о наемниках — псах войны, готовых за определенную мзду истреблять кого угодно, как угодно, где угодно. Прямые и косвенные упоминания о необходимости укрепить израильскую армию наемниками я встречаю на страницах наиболее реакционных сионистских газет, причем не только израильских. Для этого сионизму нужны новые и новые денежные средства.

Вот почему сионистская пропаганда иступленно призывает израильское население проявить "верность общееврейскому делу" и примириться с непомерно растущей дороговизной, со стремительно скачущей инфляцией, с недостатком жилищ, с сокращением числа рабочих мест.

Во имя чего? Во имя дальнейшего роста вооружений, значительного увеличения количественного состава израильской армии и превращения новых арабских территорий в полигоны для испытания на мирных жителях новейших образцов американского оружия. Словом, печально знакомая вариация давнего лозунга милитаристов "Пушки вместо масла!". И не только вместо масла, но и вместо школ, вместо больниц, вместо пенсий, сокращенный размер которых окончательно заставит больных стариков перешагнуть за роковую черту официально признанного уровня нищеты.

Подсчитывая колоссальные средства, затраченные на бойню в Ливане, сообщая о демонстрациях протеста жен военнослужащих против растущих цен на товары первой необходимости и роста налогов, израильская пропаганда тем не менее требует от "Сохнута" и прочих сионистских служб продолжать и расширять заманивание на "историческую родину" новых жертв из числа граждан социалистических стран.

Что ждет их в перманентно воюющем Израиле, где, по словам товарища Меира Вильнера, возник настоящий моральный и политический кризис, где значительная часть населения утратила веру в правильность политики своего правительства, где ежедневно растет число бегущих из страны жителей, в том числе и коренных? На этот вопрос можно было бы красноречиво и убедительно ответить горестными письмами и слезными жалобами тысяч обманутых сионистской пропагандой бывших граждан социалистических стран. Такие письма пишут своим родным и близким старики и дети, мужчины и женщины, водители и

врачи, инженеры и учителя.

Я же отвечу выдержками из статьи сионистского журналиста Г. Гродника, опубликованной тель-авивской газетой "Наша страна" 25 июля 1982 года. Статьи торжественной, помпезной, посвященной придуманному "столетию" алии из России и Советского Союза. Даже в такой юбилейной, полной высосанных из пальца оптимистических цифр статье проскальзывают вынужденные признания и сетования: "В сущности, трудоустройством олим никто не занимается. Каждый заботится о себе и различными путями, при содействии родственников и знакомых тщетно ищет работу. Работу не по специальности удается иногда получить там, где нельзя получить квартиру... До сих пор действуют правила, что при любом сокращении штатов в первую очередь страдают новые олим... Даже естественное стремление работать по специальности, жить недалеко от места работы или желание престарелых родителей жить вблизи от своих детей считается почему-то непатриотическим поведением. Многие олим жалуются на то, что они не чувствуют себя в Израиле как дома, не чувствуют, что они нужны".

И это вынуждена признать сионистская газета, признать в напряженнейшие дни войны, когда особенно свирепствовала военная цензура. И это пишет прожженный сионист, готовый на любые фарисейские провокации, только бы заманить новые жертвы на "историческую родину", где с первых же дней новоприбывший оказывается на горькой чужбине, в стране, непрестанно охваченной военной истерией.

Очередная вспышка такой перманентной истерии — захват суверенной ливанской земли и творимый там нацистский геноцид — не только пригвоздила сионизм к позорному столбу, но и обернулась, как справедливо отмечают израильские коммунисты, бумерангом против самого Израиля, против его американских покровителей. Израильское вторжение в Ливан в пух и прах развеяло миф о "непобедимости" сионистской военщины. Ей не удалось помпезно и громогласно запланированное уничтожение Палестинского движения сопротивления. Не удался "блицкриг военного оркестра".

Мир всегда знал палестинцев многострадальных, но непокоренных. Мир всегда знал палестинцев угнетенных, но борющихся. Теперь мир с особенной очевидностью узнал палестинцев мужественных и благородных.

Бойцы Палестинского сопротивления много недель подряд мужественно обороняли осажденный израильской военщиной Западный Бейрут, обороняли, не располагая авиацией и танками, в то время как Пентагон с избытком оснастил израильских интервентов стаями новейших самолетов и армадами усовершенствованных танков. Бойцы Палестинского сопротивления проявили подлинное благородство и гуманизм, покинув пылающую ливанскую столицу во имя спасения мирного населения.

Матери и жены погибших в Ливане израильских интервентов имеют все основания с ненавистью вспоминать циничную шуточку, имевшую хождение в милитаристско-шовинистических кругах страны: если для настоящих войн с арабами требуется армия, то против сил Палестинского сопротивления достаточно двинуть военные оркестры. В действительности же израильским военным оркестрам приходится играть не победные, а траурные марши, когда на кладбищах опускают в землю доставленные из Ливана гробы. Сионистская пресса вынуждена признать, что таких людских потерь Израиль не знал ни в одной из предыдущих войн против арабов. И зачастую прямо со свежих могил женщины в траурных платьях идут в колоннах демонстрантов к резиденции премьер-министра требовать прекращения военного террора на захваченной ливанской земле.

Вместе с ними свой протест против фашистской войны выражают и некоторые военнослужащие, не желающие в угоду Вашингтону убивать беззащитных стариков, женщин, детей. Движение протеста до того встревожило военные власти, что они не решились предать суду офицеров, отказавшихся по примеру полковника Эли Гева продолжать участие в терроре и геноциде.

Пригласив полковника для беседы с глазу на глаз, Бегин, вероятно, не сомневался, что

"строптивый" будет укрощен. Однако увещевания тель-авивского фюрера не помогли: Гев не поступился своей совестью!

Израильским карателям, обратившим огромную часть цветущей ливанской земли в груды развалин и похоронившим под этими развалинами десятки тысяч жертв, бойцы Палестинского сопротивления могут сказать правдивыми словами замечательного советского литовского поэта Эдуардаса Межелайтиса: "Нет, не ты победишь, разрушитель!"

Испытанные друзья героического народа Палестины, советские люди верят, что доблестные бойцы Палестинского сопротивления с новыми силами продолжают защиту живого дела живого народа. В июне 1984 г. Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР выразили чувства солидарности с палестинскими патриотами по случаю 20-летия создания ООП.

Словами своего поэта-коммуниста Салема Джебрана каждый палестинец может сказать, что "грядущее родины живет в ее корнях", что

Если паду я в битве,
То песнь моя встанет в строй
И вместо меня, убитого,
Пойдет и продолжит бой!

ИМ НУЖЕН "НОВЫЙ ПОРЯДОК"

Израильское командование упорно не выводит свои полчища из Ливана. Обещаний было дано несметное количество, выполнение большинства из них гарантировал Вашингтон. Но мир давно знает цену этим "гарантиям". Истребляя ливанцев и захватывая арабские земли, Израиль неукоснительно выполняет планы американских империалистов. "Обезлюживание" Ливана продолжается.

Никакой неожиданности для Пентагона создавшееся положение не представляет. Оно было заранее оговорено между Шароном и Уайнбергером. Израильская пропаганда внутри страны даже не скрывает намерений милитаристского правительства оставить свои войска в Ливане и продолжать всяческие облавы, погромы, прочесывания. Не случайно Шарон цинично намекнул израильскому населению по телевидению: "Всякое бывает. Разве кто-то предполагал, что нам придется оккупировать Синай целых 15 лет". Услышав это откровение министра смерти, родственники находящихся в действующей армии военнослужащих со вздохом говорили: "Не значит ли это, что нашим войскам предстоит оставаться в Ливане целых 15 лет?" А сразу же после ухода бойцов Палестинского сопротивления из Бейрута близкий к правительственным кругам тель-авивский журналист Э. Хабер, прямо поддерживая дальнейшее развертывание интервенции, гнусно сострил: "До сих пор мы смотрели лишь киножурнал, а сам фильм еще не начинался".

И вскоре была продемонстрирована наиболее трагическая часть "фильма" совместного израильско-американского производства: по гитлеровскому образцу израильская военщина поставила Сабру и Шатилу в один скорбный ряд с Лидице, Орадуром, Треблинкой, Бабьим Яром.

"Если бы не поддержка Вашингтона, Израиль не решился бы на подобные зверства, — отмечалось в Заявлении ТАСС. — Это, по сути дела, плоды стратегического сотрудничества между США и Израилем..." Помимо геноцида, такое сотрудничество приводит к неприкрытым попыткам установить "новый порядок" на землях, где орудуют израильско-американские интервенты.

Еще в самый разгар ливанской бойни, когда бойцы Палестинского сопротивления наглядно показали израильской военщине, что бегиновский блицкриг не состоится и агрессор дорогой ценой заплатит за захват и разорение ливанской земли, сионистские правители Израиля уже открыто обсуждали зловещие детали "нового порядка" на оккупированных землях.

"Новый порядок? А почему бы и нет?" — так беззастенчиво озаглавил свою статью

сионистский публицист Эфраим Гордон.

"Не только на Западе, но и у нас в Израиле кое-кто приходит в ужас от того, что у нас обсуждается, в том числе на высшем уровне, вопрос о "новом порядке в Ливане", — искренне удивляется Гордон. На высшем уровне! И чтобы у читателей не осталось сомнений, что имеется в виду "новый порядок" в стопроцентном гитлеровском понимании, сионистский борзописец берет быка за рога: "Да, нацисты установили "новый порядок" в Европе: протекторат Богемия и Моравия, генерал-губернаторство с центром в Кракове, марионеточные государства — Хорватия и Словакия..."

Многогочие принадлежит автору — не думайте, читатель, что я обрываю фашистские подстрекательства автора. Нет, я цитирую тель-авивскую "Нашу страну" дословно — не так, как она, да и "Джерузалем пост", "Джуиш кроникл" и другие сионистские газеты "цитировали" мои очерки в "Огоньке" и книги "Дикая польнь" и "Темная завеса", основательно "подправляя" меня.

"Подражая антисемитам на Западе (речь идет не о подлинных антисемитах, оскверняющих еврейские кладбища и избивающих еврейских детей, а о тех, кто по-человечески возмущен фашистскими зверствами израильской военщины. — Ц.С.), некоторые еврей-мазохисты, в том числе и у нас в Израиле, начинают обвинять Цахал в геноциде, сравнивать гражданское население Тира и Сайды с обитателями Варшавского гетто и так далее и тому подобное. И стоило появиться на страницах израильской прессы термину "новый порядок", как сразу у этих людей стали возникать ассоциации с гитлеровским рейхом".

Нет, господин бард геноцида, ассоциации с гитлеровским рейхом возникли гораздо раньше! Ведь кровавые понятия "гетто", "депортация и концлагеря", "завоевание жизненного пространства" и даже "геноцид" были эксгумированы кликой тель-авивского фюрера еще в карательных расправах на Западном берегу Иордана, в секторе Газа, в восточном Иерусалиме. По примеру некоторых французских газет сионистский порядок неспроста стали именовать и в других странах Западной Европы "пакс гебраика", подчеркивая его аналогию с приснопамятным "пакс романа". Хотя последнее буквально означает "римский мир", но, по существу, под этими словами всегда подразумевали имперский порядок, установленный правителями Римской империи на захваченных ими чужих землях. Во время ливанской бойни многие западные публицисты к "пакс гебраика" с полным правом приплюсовывали "пакс американа".

Верно! Разве можно умалять роль Пентагона в тотальном истреблении палестинцев и ливанцев на захваченных арабских землях!

Эту роль иногда пытались и пытаются принизить... израильские сионисты. То ли хочется им таким способом подогреть миф о "непобедимости" собственной военщины, то ли это предусмотрено разработанным Рейганом и Бегинем сценарием, по которому взаимоотношения Вашингтона и Тель-Авива строятся по принципу "милые бранятся, только тешатся". Но когда в первые дни войны Хейг проболтался о неразрывном военном израильско-американском альянсе, "Джерузалем пост" поспешила напомнить тогдашнему госсекретарю, что не стоило, дескать, ему "ляпать": "Мы потеряли в последний день на ливанском фронте только один самолет и один вертолет и, говорят, еще один вертолет сбит".
Мы! Как видите, потери израильской авиации Хейг признавал американскими!

Не знаю, правда, получил ли взбучку за аналогичный ляпсус Бегин. Он разболтал, что некоторые израильские военачальники накануне массированного нападения на Ливан прошли специальную подготовку в США, разумеется, не в привилегированных колледжах для богатых шалопаев, а на секретных полигонах Пентагона. Узнав, например, что осколком палестинского снаряда убит генерал Иекутиэль Адам, сам господин Бегин, по сообщению израильского агентства ИТИМ, так разоткровенничался: "А я был уверен, что он еще находится на учебе в США. Я ведь собирался назначить его начальником Моссаса".

Рейган, впрочем, разрешал Бегину пофорсить, даже поиграть, как говорится, на равных. И снисходительно выслушивать такие, к примеру, "благородные" заявления Бегина: "Мы

готовы поделиться с американскими друзьями военными знаниями и опытом, в частности в области борьбы с зенитными ракетами, самолетами и танками". Именно так высказался он в Нью-Йорке (перед встречей с Рейганом в Вашингтоне нужно ведь подкачать лоббистов!) на заседании комитета президентов еврейских организаций США и "Магбита", ведающих распределением средств из сионистской кассы между отдельными центрами международного сионизма. Что ж, ежели израильская военщина творила зверства в Ливане "из материала вашингтонского заказчика", она обязана поделиться со снабдившим ее смертоносным "материалом" поставщиком новейшим опытом геноцида.

Позволял себе "суровые" предостережения американцам и Шарон, если порой ему казалось, что лидерам американского сионизма плюс лобби "не справиться" с администрацией США. "Мы не будем делиться военным опытом с США, если задержатся поставки оружия", — так грозно озаглавлено одно из интервью министра смерти агентству ИТИМ. Да, закружилась голова у кровожадного сионистского "ястреба".

Ни сионистские заправилы Израйля, ни рейгановская команда не скрывают своего теснейшего милитаристского альянса, осуществившего резню мирных палестинцев и ливанцев, а ныне старательно насаждающего "новый порядок" на захваченной ливанской земле.

Международный сионизм горячо одобряет каждый шаг сионистской верхушки по следам Гитлера. В связи с этим стоит сделать короткий экскурс в поучительную своим беспредельным фарисейством историю гитлеризма.

Немецкий фашизм, вспомните, намеревался от "нового порядка" на оккупированных территориях перейти к установлению "мирового порядка", основой которого, как можно судить по фашистской библии "Майн кампф", провозглашалась война и только война. Геббельс сказал проще: "Вперед по могилам!" И сегодня, открыто стремясь расширить свою территорию в никому не ведомых "библейских границах", Израиль непрерывно развязывает войну за войной и кровавым путем тотального терроризма идет к намеченным границам (и даже дальше) действительно по могилам.

Еще один постыдный прием полностью роднит нынешний сионизм с нацизмом. В упоминавшемся уже труде П.Ю. Рахшмира "Происхождение фашизма" справедливо подчеркивается одна из наиболее рафинированных фарисейских примет нацистской тактики: "Сочетая проповедь геноцида с культивированием чувства превосходства "избранной расы", нацисты преследовали и важную социальную цель: принадлежность всех "истинных" немцев к "расе господ" снимала проблему социального неравенства. Расизм должен был, таким образом, создать иллюзию ликвидации классовых антагонизмов, а соучастие в геноциде — связать широкие слои населения круговой порукой с фашистскими палачами".

Бегин полностью позаимствовал у фашистов и этот прием. Насаждая среди израильтян расовую теорию "единой еврейской нации", сионизм силится создать иллюзию устранения классового неравенства между евреем-рабочим и евреем-фабрикантом, бедняком и банкиром, безработным и чиновником. И опять-таки, подобно гитлеровцам, сионисты стараются привлечь побольше рядовых израильтян к непосредственному участию в уничтожении "чуждой расы", чтобы вместе с сионистскими главарями ответственность за геноцид легла на плечи всего еврейского населения Израйля. Налицо нацистский прием круговой поруки!

Многие западные историки небезосновательно подчеркивают: история Гитлера и немецкого фашизма — это, в сущности, история его недооценки. Чтобы такое не повторилось с шамирами, аренсами и сионистским фашизмом, люди, будьте бдительны!

Вместе со всем советским народом, великим и единым народом нашей многонациональной Родины, безгранично верным бессмертному знамени социалистического интернационализма, советские граждане еврейской национальности вполне отдают себе отчет в том, что путь, которым идет клика сионистских правителей Израйля, угрожает миру и прогрессу, таит огромную опасность для всех людей еврейского происхождения. Советские евреи клеймят позором фашиствующих сионистов, гневно требуют обуздать их и

прекратить творимый ими геноцид.

"КООРДИНАЦИЯ" ЛЖИ И КЛЕВЕТЫ

Лгать и клеветать, клеветать и лгать более чем когда-либо приходится сейчас сионистской пропаганде за рубежом.

До какого бесстыдства докатились сионистские пропагандисты, можно хоть сколько-нибудь представить себе по такому призыву редактора "Нашей страны" Ш. Гимельфарба, одного из наиболее рьяных тель-авивских борзописцев, позволяющего себе иногда в маскировочных целях "покритиковать" "ястребов": "Сейчас, когда западноевропейские государства присоединились к хору тех, кто осуждает Израиль за вторжение в Ливан, надо доказать, что истинные виновники ливанской трагедии не только палестинцы, но и коммунистические государства". Каково придумано!

Чтобы экспортируемые из Израиля лживые и клеветнические выдумки хоть кое-как сходились и не противоречили одна другой, в израильском правительстве создан пост "заместителя министра при канцелярии главы правительства для координации разъяснительной работы за рубежом". Им стал соратник Бегина по блоку Ликуд депутат кнессета Ольмерт. Правда, не все израильские и зарубежные лидеры сионизма удовлетворены созданием такого, с их точки зрения, чересчур скромного поста. Из Голландии, Бельги, Канады, Мексики, например, получены от тамошних сионистов требования создать новое министерство, специально ведающее пропагандой за рубежом. Без такого министерства им придется, дескать, худо.

Интервенция в Ливане еще раз показала, что сионизм, глубоко враждебный трудящимся, в том числе еврейского происхождения, сионизм, действующий исключительно в классовых интересах шовинистических кругов крупной еврейской буржуазии, теснейшим образом спаянной с монополистическим капиталом империалистических держав, да, этот самый сионизм орудует на Ближнем Востоке как ударный отряд империализма. Отряд, призванный подавить национально-освободительное движение в этом регионе.

Как случилось, что именно международный сионизм стал одним из наиболее опасных для мира и прогресса отрядов империализма? Объясняется ли такая зловещая роль сионизма одними его собственными стараниями или здесь действуют иные пружины? Почему именно сионисты оказались на передних рубежах борьбы против социализма и национального освобождения?

Такие и подобные им вопросы я часто встречаю в читательских письмах. Чтобы ответить на эти вопросы, особенно волнующие советских людей, когда идет ливанская бойня, обращаюсь к труду А.А. Сазонова "Критика буржуазных фальсификаций внутренней и внешней политики КПСС". Исходя из ленинского учения и документов КПСС, автор, на мой взгляд, доказательно приводит причины, по которым международный империализм выдвигает именно сионизм на передние рубежи раздуваемой империалистами борьбы с силами социализма и национального освобождения.

Сионизм по своей классовой сущности — заклятый враг рабочего класса и всех сил, выступающих против эксплуатации человека человеком и национальной дискриминации. Сионизм в сравнении с некоторыми другими буржуазно-националистическими течениями не ограничил масштабы своей деятельности рамками одной страны или одного региона, а создал и всемерно расширяет международную разветвленную сеть своих организаций и центров. Сионизм особенно злобно проповедует антисоветизм и организует подрывные акции против реального социализма, ибо неумную ярость сионистов вызывает то, что в нашей Советской стране впервые в мире покончено с национальным угнетением, что люди еврейской национальности стали равноправными гражданами и активными участниками строительства коммунистического общества. Сионизм, исходя из своей расистской идеологии, направляет острие экспансионистской агрессивной политики против национально-освободительного движения арабских народов, верным другом которых

является наша великая Советская Родина.

Как видите, уже только одни перечисленные "качества" международного сионизма вполне гарантируют империалистам, что, выдвигая сионистов в качестве своего ударного отряда, они, как говорится, промашки не дают. Они, несомненно, уверены и в том, что сионисты усердно будут делать свое черное дело и в "крестовом походе" против коммунизма, провозглашенном Рейганом. Как же может быть иначе, ведь реакционные круги сионистов Израиля при поддержке многих своих единомышленников из других стран обнажили свое фашистское обличье, встали на глубоко античеловечный, варварский путь, по которому пытались прийти к мировому господству гитлеровцы, нацисты.

И вместе с тем израильская пресса горько сетует: лидерам международного сионизма не раз приходилось расплачиваться за неумение самого Израиля пропагандистски оправдывать свои военные акции. Дело, конечно, не в неумении, а в полнейшем отсутствии мотивов, способных хоть в микроскопической дозе оправдать захватнические войны, развязанные сионистскими правящими кругами Израиля. В дни нападения на Ливан израильская пропаганда за рубежом, по мнению сионистской прессы, уже совсем провалилась, и надо, дескать, "спешно наверстать упущенное". С этой целью придумано и пущено в оборот архициничное словечко "селективная совесть". Получается так: руководствуясь селективной, то есть избирательной, совестью, можно вообще-то возмущаться геноцидом, но можно, в частности, и мириться с ним, если сионисты истребляют палестинцев.

ПОЗОР ФАШИСТАМ В СИОНИСТСКОМ ОБЛИЧЬЕ

Классово чуждая трудящимся сущность таких фарисейских кульбитов понятна израильским прогрессивным силам во главе со стойкой Коммунистической партией Израиля. Они знают: нет, не принесут эти и новые провокации мира Ближнему Востоку. Не принесут конца войнам, зачинщиками которых неизменно являются сионистские правители Израиля. Не принесут избавления от мучений и страданий героическому народу Палестины.

Есть только один выход. Его предложила ленинская партия. Советский народ знает, в чем он заключается. Вот почему каждый советский человек, независимо от национальности, слушая тревожные сообщения из Ливана и Восточного Иерусалима, с Западного берега реки Иордан и сектора Газа, снова и снова мысленно обращается к мудрым словам, прозвучавшим с высокой трибуны XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза:

"...Для подлинного мира на Ближнем Востоке должна быть прекращена израильская оккупация всех захваченных в 1967 году арабских территорий. Должны быть реализованы неотъемлемые права арабского народа Палестины, вплоть до создания собственного государства. Необходимо обеспечить безопасность и суверенитет всех государств этого региона, в том числе Израиля. Таковы основные принципы".

Эти справедливые, гуманные и подлинно демократические принципы получили дальнейшее развитие в последующих предложениях Советского государства о неотложных мерах по реальному урегулированию трагической ближневосточной проблемы. Все сказанное на XXVI съезде КПСС об этой проблеме оказалось "истинно прозорливым. В прах разбиты все фарисейские иллюзии, рекламировавшиеся империалистической пропагандой в связи с пресловутым кэмп-дэвидским "миром".

Жизнь подтвердила правильность того, что было точно и недвусмысленно сказано о провокационном кэмп-дэвидском сговоре, направленном на раскол арабского мира, на XXVI съезде КПСС.

Новое обострение обстановки в регионе и отброшенное назад ближневосточное урегулирование обусловили Израилю в сообщничестве с США зловещую возможность затеять ливанскую бойню и дойти в безудержном милитаристском рвении до фашистского геноцида.

Сообщники не прекращают захватнических и карательных злодеяний. Кровь льется.

Невинные люди гибнут. Города и селения разрушаются.

И в то же время сионистская пропаганда, угодливо следуя пропаганде "крестоносной", либо начисто отвергает проявления неонацизма в политике и практике сионизма, либо витиевато философствует о том, что неонацизм, как любое политическое течение, не может быть устранин из жизни современного общества. За подобную, с позволения сказать, философию человечество уже заплатило десятками миллионов жизней в годы развязанной гитлеровским нацизмом второй мировой войны.

Сионисты готовы любезно признать, что в их рядах имеются крикливые правые, фанатики, даже экстремисты. Но — неонацисты?! Что вы, это все, дескать, вымыслы "коммунистической пропаганды". Она, видите ли, стремится этим отвлечь внимание человечества от военной угрозы со стороны Советского Союза, других стран Варшавского Договора и вообще всех социалистических государств! К таким лицемерным маневрам прибегала, вспомним, и гитлеровская пропаганда, когда нацистам требовалось хоть в самой мизерной доле доказать народу Германии и нейтральных стран, что они, мол, вынуждены были напасть на угрожающий миру Советский Союз!

Но даже скупые материалы этой скромной книги — и те наглядно показывают читателям: говоря о прогитлеровских деяниях израильской военщины, говоря о фашиствующих молодчиках в самом Израиле, мы обязаны без обиняков признать, что черты и приметы неонацизма все глубже и явственней проникают в широко разветвленный организм сионистского стана.

"Затяжная оккупация и война в Ливане привели к сдвигу во внутренней политике Израиля дальше вправо, — отмечает товарищ Меир Вильнер. — Подняли голову экстремистски настроенные, фашистские и расистские силы". Этот вывод звучит приговором современному сионизму и, говоря словами Гёте, сердце гложет.

...Еще и еще раз посмотрел фотоснимки истерзанных палестинцев с прижатыми к груди убитыми детьми, ознакомился с последними сообщениями о кровавых оргиях израильских интервентов в Ливане — и мне, бывшему военному корреспонденту, с новой силой вспомнились страшные следы изуверских злодеяний гитлеровцев на только что освобожденных, еще дымящихся от военных пожаров землях. Между военными преступлениями, которые творили тогда гитлеровские изуверы, и военными преступлениями, которые творит сегодня израильская военщина вкуче с американцами на ливанской земле, можно и должно поставить знак равенства.

Вот почему эти главы, рассказывающие о неонацистских делах сионизма, я обязан завершить словами, которые так часто сейчас слышатся на моей Родине: позор фашистам в сионистском обличье, позор сионистам, мучающим и истребляющим палестинский и ливанский народы!

РАСИСТЫ

КРОВАВЫМ ПУТЕМ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

Немало времени прошло с ноября 1975 года, когда Генеральная Ассамблея ООН в резолюции № 3379 признала, что "сионизм представляет собой угрозу международному миру и безопасности и форму расизма и расовой дискриминации".

А если бы Генеральная Ассамблея обсуждала этот вопрос сейчас? Нет никакого сомнения, что резолюция, принятая до резни в Сабре и Шатиле, до кошмаров в лагере Ансар, до геноцида при "уходе" с захваченных ливанских земель, ныне прозвучала бы резче, была бы сформулирована острее. Ведь ныне даже в самом Израиле проводят аналогии с Германией тридцатых годов, открыто ораторствуют о неотложной нужде в "сильном человеке" фюрерского типа (Бегин и Шарон, дескать, еще не доросли!), констатируют порожденную кровавыми захватническими войнами моральную деградацию общества,

иными словами — признают наличие весьма питательной почвы для фашизма.

Будем, однако, пользоваться формулировкой резолюции Генеральной Ассамблеи и говорить о сегодняшнем сионизме как о форме расизма и расовой дискриминации.

Менее ли опасен сегодня расизм сионистов? Менее ли губительна осуществляемая сионистами расовая дискриминация арабов? Нет, они не менее опасны и губительны, они более привычны и обыденны для идеологически вскормленной сионизмом израильской военщины и более античеловечны и жестоки для ее жертв. Ведь и сегодня израильского террориста, убившего многих арабских студентов и палестинских мэров и заготовившего сорок огромных мин для взрыва в заполненной молящимися мечети, израильский суд нехотя и неторопливо приговаривает к полуторагодовому заключению привилегированного режима. И тот же самый суд по недавно принятым специальным "законам" для оккупированных территорий, как рассказывает прогрессивный израильский юрист Фелиция Лангер, обрекает арабского мальчика, бросившего камень в карателя, избившего его отца, на 10–20 лет пребывания в застенке гитлеровской модели. Ведь и сегодня сионистские правители Израиля еще активней и беззастенчивей сотрудничают с осужденной всем прогрессивным человечеством администрацией расистского режима ЮАР; причем все больше и больше растет военно-промышленное сотрудничество двух родственных режимов: от совместного производства смертоносных самолетов Израиль и ЮАР перешли к совместному производству мощных танков. Ведь и сегодня некоторые политические партии сионистов Израиля открыто и настойчиво проповедуют антиарабский геноцид, видя в этом прямой путь к включению аннексированных земель в состав государственной территории Израиля.

С того времени, когда Генеральная Ассамблея ООН официально приравняла сионизм к расизму, Международная комиссия по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов неоднократно приводила в своих мотивированных документах перечни расистских деяний израильской военщины, адекватных по своей сути методам и целям гитлеровского геноцида, в частности — в отношении евреев. Вот только два коротких отрывка из выступлений членов международной следственной комиссии, анализировавших расистский характер военных преступлений израильских войск в Ливане и лагерях палестинских беженцев:

"Применение насилия и бесчеловечное обращение с палестинцами, подозреваемыми в принадлежности к Организации освобождения Палестины, находятся в полном противоречии с принципами гуманности и международного права, — сказал шведский юрист Ханс Горан Франк. Нарушения Израилем общепризнанных норм международного права, которые касаются вооруженных конфликтов, приняли такой характер и масштабы, что их следует рассматривать как военные преступления".

"Мы видели детей в возрасте от одного до двух лет и старых людей, которым за семьдесят, потерявших ноги в результате применения кассетных бомб, — говорит американский юрист Франклин Лемб. — Нет сомнения, что Бейрут был превращен в полигон для испытания различных видов оружия. (Лемб перечислял и виды химического оружия. — Ц.С.). Мы считаем, что большинство применяемого там оружия было американского производства".

Сказано со сдержанностью и осторожностью, свойственными высказываниям профессиональных юристов. Но за этими скупыми словами горы трупов, реки крови, десятки тысяч искалеченных стариков, осиротевших детей, ставших совершенно одинокими женщин.

Нет, естественно, необходимости в дальнейшем перечислении фактов, безоговорочно подтверждающих, насколько точно, правдива и, к сожалению, до сих пор актуальна резолюция Генеральной Ассамблеи № 3379, насколько усиливаются расистские тенденции в захватнических и карательных акциях израильских сионистов против арабов.

Стоит зато подробнее поговорить о новых и все более злокачественных метастазах расизма во внутренней жизни Израиля. Так было при правительстве Бегина и Шарона, так оно продолжается при правительстве "национального единства" (в Израиле невесело острят:

"правительстве национальной трагедии") Переса и того же Шарона. Я имею в виду расовую дискриминацию, бьющую не по арабским жителям Израиля, а по евреям. Точнее, по "нечистым", "неполноценным", "второсортным" евреям. И не только по этническому, как любят выражаться клерикальные сионистские теоретики, признаку, то есть в зависимости от того, где родился и откуда приехал еврей в Израиль: родившийся на палестинской земле еврей — ультрачистый сабра, пользующийся особыми привилегиями, родившийся в Европе — получистый ашкенази, родившийся на Ближнем Востоке или в Африке — третьесортный сефард, И т. д. и т. п.

Огонь государственного клерикализма направлен прежде всего по детям, родившимся в ассимилированных "не чисто еврейских" семьях.

СЫН — "ЧИСТЫЙ", РОДИТЕЛИ "ПОЛУ..."

В Остии под Римом бежавшая из израильского города Ашкелона бывшая львовянка Ента Кипершлак очень живо и выразительно воспроизвела при мне диалог жены безработного обувщика со своим сравнительно преуспевающим сыном, администратором местного отеля:

— Сынок, ты у нас в городе афлом фаейрдекер йот (идиома, переводящаяся приблизительно так: парень прошел огонь, воду и медные трубы. — Ц.С.). У тебя в каждом вонючем дворе и в каждом важном мисраде (учреждении. — Ц.С.) знакомые. В вашем отеле останавливаются большие тузы из Тель-Авива. Так неужели ты не в силах выхлопотать для твоего отца работу, он уже третий год ходит на биржу труда как на службу.

— Мама, мое общественное положение заставляет меня быть объективным — может быть, на будущий год меня будут выбирать в городской муниципалитет. И я не имею права забывать, что ты и отец даже не ашкеназийцы. И если без хитростей, то еще не настоящие ватики (старожилы. — Ц.С.), значит, не имеете права на первую очередь при получении работы и всего остального. Я — другое дело...

— Но кто тебя родил? Я и отец!

— Но где родили? Уже здесь, в Израиле. Значит, я сабра. И не думайте равнять меня с собой. Если отпустить вожжи, то на равных со мной завтра заговорят йеменские евреи, а послезавтра, не дай бог, эфиопские. Можешь считать, что мне повезло, но в Эрец Исроэль я, слава богу, имею больше прав, чем ты с отцом. Терпите. Всегда после долгой беды приходит, наконец, удача.

Итак, сын — более ценный, более чистый еврей, нежели его родители. И это придает ему больше самоуверенности, заставляет считать себя привилегированным гражданином страны, порождает в нем безнравственное чувство этакой принципиальной снисходительности к родной матери, к родному отцу, приехавшим на "вторую родину" двадцать шесть лет тому назад.

Ента Кипершлак рассказала мне не об исключительном случае из повседневной жизни Израиля.

В Западном Берлине бежавший из Израиля бывший одессит, явно рассчитывая на мое понимание, доверительно поделился со мной таким откровением:

— Конечно, в общем и целом ко мне относились в Израиле лучше, чем к какому-нибудь задрипанному еврею откуда-то из кавказских гор. Собеседник посмотрел на меня ясным, незамутненным взором, как бы стремясь внушить мне, что хотя сионисты причинили ему много горя, но напраслины на них он возводить не собирается. И тут же, явно добываясь во мне сочувствия, темпераментно воскликнул: — Конечно, на каких-то несколько грошей это приносило мне моральное удовлетворение! Но сабры все равно глядели на меня свысока! Я для них "агурнышт мыт аништ" (в переводе — "ничто и ничего". — Ц.С.), — и, шумно вздохнув, бывший одессит заглянул мне в глаза с кротостью человека, для которого нет ничего дороже правды-матки: — И я-таки их понимаю. Они родились в Палестине, когда там главными были арабы, сумели взять верх над арабами, а я

привез туда свою семью, когда Израиль уже с головы до пят вооружен лучше многих известных государств. В этой маленькой стране все лучшие куски уже разобраны, а если вдруг появляются новые смачные куски, их, конечно, отдают настоящим евреям.

"Настоящим".

Подумать только, как расистствующий сионизм сумел за каких-нибудь одиннадцать месяцев отравить сознание человека, учившегося и работавшего в социалистической стране: громогласно возмущаясь терзавшими его в Израиле сионистскими порядками, он все-таки сам признает себя не настоящим, второсортным евреем по сравнению с евреем, участвовавшим в колонизации Палестины.

Я часто задумываюсь над откровениями бывшего одессита, заплатившего за полулегальный приют в Западном Берлине пресмыкательством своей семьи перед заправилами тамошних сионистов. И хотя мой собеседник долго и настойчиво боролся за разрешение вернуться с семьей в Советский Союз, хотя точно подметил и горячо осуждает гнетущую атмосферу и политическую бесперспективность введенного сионистскими правителями страны режима, мне — не буду кривить душой — думается: расистский яд настолько глубоко проник (возможно, помимо его воли) в сознание, что вряд ли этот бывший советский гражданин сумеет стать им снова.

Наконец, рассказ бывшей гражданки Советской Литвы Риты Фаерман, записанный мною в Вене:

— Наша семья в Хайфе подружилась с семьей, приехавшей туда из Польши раньше нас лет на шесть-семь. У меня особенно теплые отношения завязались с женой главы семьи Ядзей, полькой по национальности. Чтобы не бросаться в глаза своей "чужеродностью", она просила называть ее в магазинах и на рынке Идой. Но все равно ее мужу Иосифу, мастеру по ремонту швейных и вязальных машин, доставалось немало неприятностей из-за того, что мать его сына не еврейка.

— Счастье для Ядзи и Иосифа, — оживилась Рита Фаерман, — что среди их соседей нет выходцев из Африки. Африканские евреи так прибиты и унижены, что рады выместить свои беды на белых нарушителях канонов иудаизма. Они по любому поводу повторяют: "Среди нас вы не найдете никого, кто бы взял в жены иноверку или вышла замуж за иноверца!" И семья Иосифа и Ядзи — это для африканских евреев козырь, который они, будьте уверены, не упустят. Стоит им узнать про такую смешанную семью, как они поднимают крик: "Вот кого надо гнать со всех работ, вот кому не надо давать жилья!" — Моя собеседница замолкла, вздохнула и, словно оправдываясь передо мной, тихо добавила: — Их-таки можно понять... Им самим еще тяжелее...

— Да, нелегко Ядзе и Иосифу, — продолжала Рита Фаерман, — Если бы не большие долги, они бы давно бежали из Израиля... Ох, боюсь, как бы не распалась их семья. Иосиф, правда, человек сдержанный и деликатный, но часто и его доводили всякими укорами и попреками до того, что свое скверное настроение он вымещал на Ядзе. Она мне не раз говорила: "Иосиф меня любит, ничто меня в этом не разубедит, даже если он на меня поднимет руку. Но ведь не только чужие люди, но и сами его родственники подкалывают его за то, что я ему испортила жизнь в Израиле. Если бы не я, считают они, Иосиф получил бы кредит и открыл собственную мастерскую. Ведь у него золотые руки, он умеет ремонтировать еще и пишущие машинки, и кухонные. Больше всего его огорчает, что во дворе, да и в школе тоже нашего мальчика дразнят "паном" и "гоем". Я знаю, как только мы приехали в Израиль, родственники Иосифа стали его уговаривать развестись со мной. Но он никогда не пойдет на это, как бы ему ни пришлось мучиться".

Если Иосиф и Ядзя еще не бежали, подобно дружившей с ними семье Фаерман, из Израиля, мучиться им наверняка приходится все больше и круче. Уж очень распоясываются в стране клерикалы и светские ревнителы расовой чистоты израильского еврейства.

РАСИЗМ ПОДКРЕПЛЯЕТ КЛАССОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Как всегда у сионистов, их расовые убеждения неразрывно связаны с классовыми интересами. Состоятельным сабрам — предпринимателям, торговцам, подрядчикам, выгодно "из милости" брать на работу со сниженной зарплатой темнокожих и даже ашкеназийских олим. Особенно тяжело приходится тем новоприбывшим, чья "этническая неполноценность" помножена на незнание иврита, или, как принято выражаться в сионистских кругах, злостное нежелание овладеть языком предков. Это ощущают на себе очень многие олим из числа бывших граждан социалистических стран.

Среди них мой бывший земляк винничанин Юзеф Дюк. Случилось так, что я повстречал его, беглеца из Израиля, в Вене, а затем уже получил возможность познакомиться с его душераздирающими письмами и полными беспросветности фотоснимками, присланными на покинутую Украину еще из Израиля.

Когда Юзеф Дюк надумал податься на "историческую родину", где у него не оказалось ни одного поистине близкого человека, ему было 57 лет. За плечами — многолетний опыт высококвалифицированного маляра, специалиста по красочной росписи стен и потолков. Уже не одно поколение студентов винницкого педагогического института любителю тем, как мастерски расписал Юзеф Дюк институтский актовй зал.

Хозяйчики из этнической элиты сабра брали его на временную работу с пониженной зарплатой и не по специальности — то грузчиком, то такелажником, то на низкооплачиваемую грубую малярную работу. У подрядчика Мануэля Рами ему приходилось по десять часов работать на солнцепеке. А когда Дюк получил серьезную производственную травму, никакой денежной компенсации ему не выплатили и лечиться он должен был за собственный счет, вернее в долг. Кое-как залечив рану, изможденный старик просил прораба перевести его на более легкую работу. Тот с несвойственной ему кротостью согласился. Написал записку и мимоходом сказал Дюку, что он должен скрепить эту записку своей подписью.

Не чуя от счастья ног, бывший маляр помчался в бухгалтерию. С трудом сдерживая смех, бухгалтер подшил бумажку к финансовым документам и издевательски вежливо сказал Дюку: "Мы твою просьбу удовлетворим и не будем выплачивать тебе отпускной компенсации. Ведь ты именно об этом собственноручно подписал заявление, изложенное чистейшим ивритом".

Пользуясь незнанием Дюком иврита, маклер Аронсон заставил его подписать векселя на якобы полученные займы, уверив легковверного оле, что речь идет о предоставлении на райских условиях в кредит холодильника и прочей кухонной утвари, ибо единственное, за что Дюк смог расплатиться наличными — это чадящая керосинка.

Роль инкассатора у Аронсона выполнял здоровенный детина гангстерского типа по прозвищу Сеня. Дюк, естественно, не смог оплатить векселя, и тогда Сеня искровенил его и выбил почти все зубы. Полиция признала факт рукоприкладства, но заставить маклера оплатить стоимость зубных протезов не пожелала. А ведь пострадавшему пришлось обратиться к частному дантисту. Сунулся было Юзеф Дюк в суд, но искового заявления так и не подал. "Дело ты проиграешь, а судебные издержки суд возложит на тебя — ведь ты подаешь заявление на сабра", посоветовал ему доброжелательный полицейский.

Печальная судьба Дюка доказывает полнейшую беззащитность новоприбывшего в страну израильтянина при любом столкновении с коренными жителями страны да еще с переселенцами из Америки, которые причисляются к высшей этнической группе. Словом, и в крупном и в мелочах расовые (точнее, внутриврасовые) признаки израильтянина влияют на его судьбу.

Это, как читатель мог убедиться на печальном примере Юзефа Дюка, а также "нечестивой" семьи Иосифа и Ядзи, в любом случае на руку богатеям.

Предвижу, что, прочтя эти строки, сионистские подпевалы "уличат" меня в искажении израильской действительности на том, мол, основании, что ортодоксальный сионизм, властно, требующий беспрекословного выполнения ритуалов многотысячной давности, больше не узаконен в стране.

Наивные, вернее лицемерные отговорки! С ортодоксальными раввинами и пособляющими им сионистами экстремистского толка вынуждены считаться не только полубезработные олим, но даже предприниматели и государственные чиновники. И тем и другим, кстати, на руку распри между ортодоксальными клерикалами и так называемыми иудаистскими реформистами, допускающими такие неслыханные вольности, как богослужение на... понятном верующим с детства языке, а не на каноническом, но непонятном древнееврейском. Ущемляя права простых тружеников, или отказывая безработным в пособии, или, наконец, откровенно дискриминируя "смешанную" семью, предприниматели и чиновники в избытке находят выгодные им "правила" и у ортодоксов, и у реформистов.

От ортодоксов несколько отстали, а к реформистам не пристали так называемые консервативные клерикалы. Но и они в полной мере реакционны. Особенно жестоки они к тем, кто не признает или просто ставит под сомнение "богоизбранность" и "исключительность" евреев по сравнению с народами других рас, не только арабской. Вот почему презрительные, откровенно оскорбительные характеристики и клички поляков, украинцев, словаков как представителей "неполноценных" рас можно встретить на страницах контролируемых консерваторами сионистских газет, в радиопередачах, на телевизионных экранах.

Стремясь всячески опорочить обличающие милитаризм сионистских правителей Израиля резолюции ООН, многие израильские средства информации все чаще стали недвусмысленно подчеркивать: эти резолюции принимаются, дескать, только потому, что право голоса в ООН имеют государства, населенные людьми враждебных "богоизбранному" еврейству рас.

Вмешательство раввинов в действия правительственных учреждений, профсоюзов, судов приходится по нутру некоторым политическим партиям национального толка в Израиле. Назовем, к примеру, "Агудат Исраэл", имеющую финансово мощные филиалы в некоторых западных странах. Еще в момент создания, в 1913 году, "Агудат Исраэл" считалась ультраортодоксальной, крайне религиозной партией. Это с годами во многом способствовало ее обогащению за счет субсидий националистически настроенных еврейских богачей из разных стран. Не лишено основания предположение, что заявление нациста Ганса Хинкеля в 1935 году "Сионисты как "расовые евреи" дали нам по крайней мере официальную гарантию сотрудничать с нами в приемлемых формах" в определенной мере связано с политикой ныне процветающей "Агудат Исраэл".

Не только в Израиле. Я лично мог убедиться, как эмиссары "Агудат Исраэл", поддерживаемые местными раввинами и выполняющими роль карателей молодыми "маккабистами", запугивают далеких от националистических настроений евреев в Бельгии, Голландии, Англии, Франции, Западном Берлине. Не доказывает ли это, насколько глубоко проникают расистские тенденции в повседневную деятельность организаций международного сионизма вне Израиля.

Что же касается израильского сионизма, то его расистская практика проявляется, как читатель видел на многих страницах этой книги, не только в захвате арабских земель, не только в расправах с арабским населением. Нет, метастазы махрового расизма проникли во все поры политической, общественной, экономической жизни государства, управляемого сионистами. И от этого, наряду с арабами и другими "нечестивыми иноверцами", страдают евреи низких "этнических категорий". Прежде всего те, кто хоть в малейшей степени привержен ненавистной сионистским клерикалам и экстремистам ассимиляции, кто не намерен отрываться от языка, культуры, обычаев страны, где он увидел свет. Такое "страшное отступничество" сионистами никому не прощается.

МОЛИТВЫ И ВЗРЫВЧАТКА

Сионистские радетели расовой чистоты вместе с тем удивительно легко мирятся с

самым кощунственным унижением человеческого достоинства людей своей национальности, если это унижение напрямую не покушается на сионистские идеалы. Вот несколько необычный, но весьма убедительный пример.

Израильская пропаганда весьма гордится тем, что в Западном Берлине Хайфский городской театр показывал спектакль "Гетто" по пьесе современного израильского драматурга Иегошуа Соболя. Спектакль, посвященный вильнюсскому гетто, имеет в Западном Берлине, как утверждает израильский журналист Рингель-Гофман, успех, критика отзывается о нем с большой похвалой. "Отзывы о нем еврейской общины менее одобрительны", — мимоходом замечает журналист.

Как же трактуется на западноберлинской сцене драма израильского драматурга об уничтоженных гитлеровцами людях? На этот вопрос австрийский еженедельник "Профиль" отвечает так: "Петер Цадек (постановщик немецкого варианта пьесы) заставил еврейских актеров размышлять на немецкой сцене о том, в какой степени низость евреев стимулировала жестокость нацистов".

По меньшей мере странно отнесся автор пьесы к такому антисемитскому варианту своей пьесы. "Спектакль идет при переполненных залах", — восторгается он.

Мне хотелось бы спросить драматурга, беззаботно согласившегося на антисемитскую трактовку своей пьесы: как оценил публичные размышления о низости евреев один из лидеров международного сионизма, Хейнц Галински, возглавляющий западноберлинскую еврейскую общину? Однако, и без Соболя могу ответить: если бы Галински выразил протест, театр из Израйля не согласился бы на столь унижительные для людей еврейской национальности гастроли, а в Западном Берлине не нашлось бы для него сценической площадки. Но Галински, как говорится, службу знает. Если антисемитская трактовка пьесы устраивает театральных критиков, подчиненных концерну Шпрингера газет, лучше промолчать. Сионизм идет — Галински привык к этому — на более постыдные компромиссы.

К публичному показу "низости евреев" равнодушно относятся самые экстремистские организации израильского сионизма. Их дело призывать к усилению террора на оккупированных арабских землях, зачастую в компании с религиозными фанатиками.

Не случайно одним из самых активных лидеров расистского движения "Гуш-Эмуним", ратующего за полное "очищение Иудеи и Самарии" от коренных жителей-палестинцев, стал раввин Моше Левингер. Сочтя деятельность "Гуш-Эмуним" недостаточно "энергичной", он организовал подпольную группу террористов и вовлек в нее нескольких армейских офицеров.

В Израйле острят: "Неизвестно, хранит ли раби Леви взрывчатку там, где молитвенные принадлежности, или — молитвенные принадлежности там, где взрывчатку. И еще неизвестно, стреляет ли раби Леви в свободное от моления время или молится в свободное от стрельбы время". Шутки шутками, но подпольный терроризм (он ведь может помешать государственному) Моше Левингера зашел так далеко, что правительство вынуждено было дать санкцию на арест воинственного раввина. Впрочем, через десять дней он был отпущен на волю под денежный залог. А ряд функций подпольщиков-террористов открыто взяло на себя "Гуш-Эмуним".

Остается лишь напомнить, что бандитствующий сначала в США, а затем в Израйле Меир Кахане — тоже раввин. Правда, по официальной линии он превзошел Левингера: стал депутатом кнессета.

Излишне приводить огромный список политических партий и группировок в Израйле, ставящих во главу угла расистские взгляды и практику. Достаточно назвать ту же реакционнейшую "Гуш-Эмуним", чья генеральная задача — добиться превращения палестинского Западного берега Иордана в израильскую Иудею и Самарию, выселить палестинских арабов из отчих домов. А точнее — изгнать их с родных земель и создать там еврейские поселения, которые сами же израильяне именуют военными.

Таких поселений с 45 тысячами колонизаторов уже создано около ста. Как утверждает

сионистская печать, "в этом большая заслуга "Гуш-Эмумим". На "контролируемых территориях" сорок процентов земли, отнятой у палестинцев, объявляются государственной землей. Призывая к созданию новых военных поселений, гуш-эмумовцы требуют любыми средствами убивать палестинскую "дикую" культуру, лишать юношество университетов, а детей — школ. Правда, самих еврейских поселенцев больше волнует полнейшее разрушение экономики захваченных земель. Расистов из "Гуш-Эмумим" это мало трогает: во имя изгнания людей "низшей расы" можно, мол, многим поступиться.

Своими жесточайшими расистскими взглядами и акциями превосходит гуш-эмумовцев кахановская партия "Ках", сумевшая протолкнуть своего бандитствующего лидера в кнессет.

Словом, как видите, недостатка в партиях и группировках расистской окраски Израиль не ощущает.

И все же, как сообщило израильское агентство Итим в марте 1985 года, "бывший главный раввин Израиля Шломо Горен решил баллотироваться в кнессет на следующих выборах во главе новой партии, которая будет называться "Воинствующим религиозным лагерем".

Новая партия собирается всемерно добиваться возрождения экономики Израиля. Благое намерение. Но, оказывается, борьбу за здоровую экономику "Воинствующий религиозный лагерь" собирается начать с борьбы за... "чистоту еврейства". Это встревожило не только прогрессивных общественных деятелей Израиля, но и множество простых израильтян, которых могут заподозрить в несто процентном еврействе. Словом, стране угрожает новая вспышка расистских акций против самих же израильтян.

Корни таких вспышек неизменно одни — классовые интересы сионистской верхушки израильского общества.

Многие "либералы" из этой верхушки считают так: к "диким" антиарабским выходкам Левингера, к неприкрытым намерениям Горена объявить поход за расовую "чистоту еврейства" следует относиться иронически — мол, чем бы дитя ни тешилось...

На такую беззаботность давно уже принято отвечать печальными напоминаниями истории гитлеровского фашизма: когда в двадцатых годах зарождалась его национал-социалистская партия, ее тоже не принимали всерьез многие, кому впоследствии пришлось горько в этом раскаиваться.

РАСОВЫЕ РАСПРИ МЕЖДУ... ЕВРЕЯМИ

Историю растоптанной по расовым признакам любви (помните, еврейка из Голландии полюбила себе на горе темнокожего еврея) я рассказал еще в первом издании книги.

Прошло несколько лет. Исчезли ли расовые распри между евреями в современном израильском обществе? Увы, нет. В восьмидесятых годах они даже подогреваются "теоретическими" дискуссиями.

"Евреем по рождению является только тот, кто родился от еврейских родителей", — заявил в интервью журналу "Израиль сегодня" раввин Менахем Акоэн, депутат кнессета. И хотя Акоэн популярнее других раввинов своей "левизной", его заявление вызвало бурю протестов. Ведь даже священная иудейская книга "Галаха", возражают раввину, считает евреем по рождению того, у кого мать еврейка, и не придает никакого значения национальной принадлежности отца. Ссылкой на "Галаху" оппоненты Акоэна тем самым признают, что сына еврейского отца они все-таки не могут признать евреем по рождению. Кстати, в израильской прессе понятие "еврей по рождению" заменяется более кратким — "чистый еврей".

Подумать только, на грани двадцать первого века в государстве, кичащемся своей "американо-европейской" цивилизацией, идут яростные дебаты о "чистых" и "нечистых" гражданах страны!

Мало того, некоторые израильские газеты возвеличивают как прогрессивное новшество женитьбу иных знатных израильтян на девушках из других... этнических общин. К таковым

принадлежат заместитель министра строительства Моше Кацав из Ирана, отважившийся жениться на Циле из Польши, и заместитель министра труда Бен-Цион Рубин из ливийской общины, решившийся взять в жены девушку из Венгрии. А член кнессета Яков Гиль, чья жена принадлежит к "чуждой" ему общине, с гордостью поведал читателям: "В наших семьях не обошлось без споров с родителями. Различие в происхождениях — моем и Яфы — вызывало у них такие бурные возражения, какие могли бы возникнуть в строго религиозной семье, если бы дочь вздумала выйти замуж за неверующего парня. Но мы были упрямы и победили".

Что ж, по понятиям современного израильского общества "смешанный межобщинный" брак — это, пожалуй, в самом деле победа.

Но если сионистские фанатики могут еще примириться с межобщинным браком, то с "межрасовым" — никогда, ни за что! Вот почему на целой серии разноязычных брошюр, почти бесплатно всучиваемых всем без исключения новоприбывшим из других стран, красуется эпиграф-цитата из Второзакония: "Когда Всевышний давал народам уделы и рассеял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых". Это внушается и малограмотному человеку, и тем, кто приехал в Израиль, получив у себя на родине высшее образование! В брошюрках без обиняков подчеркивается: самый опасный симптом ненавистной сионизму ассимиляции — это смешанный брак. Представляю, как издевательски усмехнутся пестуемые сионизмом расовых дел мастера, узнав, что в молодом советском городе на Каме Брежнев значительное большинство браков составляют смешанные, национальные.

Словом, хотя основополагающий для нынешнего Израиля закон "Кого считать евреем" после многолетних дебатов вроде бы и принят, "проблема", как читатель мог убедиться, не решена. Свары между фанатичными и "умеренно религиозными" сионистами по этому поводу не прекращаются. Вот почему упомянутое мною заявление Менахема Акоэна о том, кого считать евреем по рождению, вызвало столь горячие дебаты.

К сожалению, прошло незамеченным в сионистских кругах Израиля более тревожное заявление того же Коэна — раввина и депутата кнессета: "Нынешнее положение (Коэн имеет в виду, как он выразился, экстремизм фанатиков. — Ц.С.) может привести к тому, что нерелигиозные потеряют терпение и станут агрессивными (например, ответят бойкотом на бойкот) либо решат не принимать во внимание требования религиозных и будут во всем поступать по своему усмотрению. И тогда у нас здесь будут два народа".

Раввин Коэн, гордящийся своей верностью религии, призывает "выстоять против волн фанатизма. А волны эти могут, упаси боже, затопить нас беспричинной ненавистью, вызвать братоубийственную войну, результаты которой трудно предвидеть".

До братоубийственной войны покамест еще не дошло. А "беспричинная ненависть" (вернее ненависть фанатичных израильтян к недостаточно ортодоксальным, либо, упаси боже, ассимилировавшимся израильтянам) уже не первый год налицо. Израильская пресса называет эту нарастающую ненависть, как принято у сионистов, многочисленными "смягчающими" псевдонимами — "общинная рознь", "этнические распри", "духовные несогласия".

Но фанатичная ненависть остается. Ее все большей ощущают олим, покинувшие социалистические страны. Фанатики злобно именуют многих из них "безнадёжно отравленными социалистическим строем". Существа дела это, однако, не меняет.

Клерикалы при поддержке наиболее реакционных сионистских кругов продолжают изыскивать все новые и новые "разновидности" евреев. В конце семидесятых годов стал модным, например, термин "сфаради тахор" — в противоположность обыкновенному сефарду это сефард "чистокровный".

Прочитав об этом, я сразу же вспомнил трагическую истерию парня из Марокко и ашкеназийки из Голландии. Может быть, подумалось мне, сумеет парень доказать свою принадлежность к "сфаради тахор", его бы не разлучили с любимой девушкой? Нет, нет, черный еврей в любых вариантах — третьесортный.

На сей счет у сионистских расистов неукоснительно выполняемое правило: никаких побряжек "нечистым"!

НЕВЫГОДНЫЕ СИОНИЗМУ АНАЛОГИИ

На медали вычеканена нацистская свастика, на оборотной стороне сионистская шестиконечная звезда Давида. Впрочем, трудно определить, какая сторона медали — лицевая, а какая обратная.

На сей раз привожу эти слова не в качестве распространенной метафоры, характеризующей неразрывную, трогательно взаимную связь сионизма и нацизма. Нет, мною приводится точное описание памятной медали, выпущенной по личному указанию Геббельса осенью 1934 года в честь шестимесячного пребывания в Палестине барона фон Миндельштайна, начальника еврейского отдела службы безопасности СС, по приглашению сионистов. Результаты этого визита точно определил доктор исторических наук Г.Л. Бондаревский: "В сентябре-октябре 1934 года в геббельсовском органе "Дер Анггрифф" были опубликованы 12 статей барона, в которых он выражал свое глубокое удовлетворение колонизационной деятельностью сионистов в Палестине".

Через три года сионисты пригласили в Палестину Адольфа Эйхмана к тому времени, отеснив Миндельштайна, этот злобный ультранацист стал одним из руководителей еврейского отдела нацистской службы безопасности. Впоследствии обер-палач Эйхман, один из непосредственных организаторов массового истребления евреев в годы второй мировой войны, не раз вступал в контакты с сионистскими эмиссарами.

Сионистская пропаганда до сих пор старается внушить мировой общественности, что израильские власти не пожалели сил и затрат, чтобы после войны обнаружить именно Эйхмана и судить его в Тель-Авиве как главного виновника гибели шести миллионов евреев. Ложь! Розыск Эйхмана сионисты провели особенно интенсивно по другой причине: уж очень много знал он о непосредственных связях сионистских лидеров с гитлеровским рейхом, и если бы его судили не в Израиле, показания Эйхмана прозвучали бы на весь мир как обвинительный приговор сионизму партнеру нацизма.

Разрекламировав казнь Эйхмана как окончательную расплату с нацистскими убийцами, сионизм, по существу, прекратил активный розыск других — не менее запятанных еврейской кровью — нацистских преступников. Достаточно назвать фашистского изувера, "врача и философа" Йозефа Менгеле. Израильская разведслужба Моссад точно знала многочисленные псевдонимы Менгеле, под которыми тот много лет скрывался в Парагвае и других южноамериканских странах с диктаторскими режимами. Тем не менее, Моссад поспешил первым объявить, что следы Менгеле безвозвратно утеряны и дальнейшие розыски "ангела смерти" бесполезны. Именно это и помогло вывезенному американской разведкой Менгеле безмятежно менять места пребывания и наслаждаться жизнью за счет субсидий западногерманских и латиноамериканских пронацистов.

Тем более постыдным и лицемерным выглядит хитроумный маневр израильского правительства, официально пообещавшего в мае 1985 года вознаграждение в один миллион долларов (именно долларов, а не каждодневно обесценивающихся шекелей!) за... информацию о местонахождении Йозефа Менгеле. Печальная символика просматривается в том, что израильская "премия" должна быть выплачена в американской валюте: ведь Израиль и США, как верные партнеры, в течение десятилетий не предпринимали ничего реального для поимки нацистского палача, на чьей совести уничтожение 400 тысяч заключенных.

Нетрудно представить себе, что кой-кого в Израиле взволновала "расточительность" правительства: подумать только, инфляция приближается к пятистам процентам — как же можно швыряться целым миллионом долларов! Израильтяне, всерьез принявшие крикливый вольт правительства, могут успокоиться: ЦРУ с помощью своих латиноамериканских марионеток настолько прочно опекает безопасность Менгеле, что израильскую щедрую премию никому получить не придется. Налицо — очередной дешевый (несмотря на

миллионную цифру) пропагандистский трюк сионистов. Они, сами творящие расистские преступления, не очень-то заинтересованы в поимке и предании суду гроссмейстеров гитлеровского расизма. Ни к чему сионистам напоминания, вызывающие невыгодные им аналогии.

Особенно когда напоминают приводящую их в бешенство резолюцию ООН № 3379.

А может, и не было такой резолюции? Издающийся в Тель-Авиве "беспартийный" еженедельник "Круг" утверждает: не было. В мае 1985 года он опубликовал пространный "Конспект к истории второй мировой войны". Из пункта 45-го недвусмысленно явствует, что вовсе не Генеральная Ассамблея ООН, "а СССР объявил сионизм расизмом устами АКСО". И знаете когда? Только лишь "в феврале 1985 года", то есть девять с лишним лет после опубликования резолюции ООН № 3379.

Какой нехороший Антисионистской комитет советской общественности! Взял да подменил собой все государства, входящие в ООН, и обидел не помышляющих о расизме сионистов.

Дешевую круговерть закружил "Круг". Но никого она не обманет. Сионизм — это расизм.

О Б Р Е Ч Е Н Н Ы Е

ВОТ ОНО, ИСТИННОЕ БЕСПРАВИЕ!

Положение выходцев из социалистических стран в Израиле час от часу ухудшается. И материальное и моральное. И "бывшие" все явственней ощущают свое несправие и, главное, полнейшую безвыходность из такого унижительного состояния.

Израильские газеты не очень-то охотно предоставляют свои страницы под репортажи о злключениях эмигрантов из Советского Союза. Но о бедственном положении матери четверых детей все же в марте 1985 года рассказали. И даже указали точный адрес несчастной семьи: Ор-Акива, шикун Шазар, 809/16 на четвертом этаже. Но этаж-то из-за дырявой крыши, венчающей дряхлый полуразрушенный дом, к жилью не пригоден. Единственная радость, цинично острит израильский журналист, это бесплатная дождевая вода. Мать вынуждена была с одной временной работы переходить на другую, а затем оказалась безработной. Старший сын, получив увечье на производстве, превратился в инвалида. Средний призван в воинскую часть, действующую на оккупированной ливанской территории. Ему известно, что два его брата и мать, преждевременно превратившаяся в немощную старуху, голодают.

"Тут царствует юмор со слезами, а легенда с ложью" — к такому глубокомысленному выводу приходит журналист Яков Абаев. Нет, тут от начала до конца царствует горькая правда о наплевательском отношении сионистских властей Израиля к судьбе приехавших в страну бывших советских граждан. То, о чем рискнул рассказать Абаев, — одна из многих наглядных иллюстраций к словам о "гетто для евреев из России", не раз звучавших на 5-м съезде объединения олим из СССР в феврале 1985 года. Хотя руководители объединения (их-то министерство абсорбции и сохнутовцы сумели своевременно купить, как говорится, с потрохами) старались провести съезд под сионистскую дудку, в резолюции пришлось все-таки признать: "Выходцы из СССР должны организовать в мощный кулак, который в условиях израильской деятельности пробьет стену пассивности, враждебности, бюрократической вакханалии".

Пусть у читателя не создается впечатления, что упомянутый съезд действительно представлял собой массовую организацию, более или менее полно объединяющую эмигрантов из СССР. Только закончился съезд, как посыпались резолюции протеста других "объединений и федераций" олим, голосивших о полной незаконности съезда (кстати, ему в январе того же года предшествовал другой съезд). Как видите, вражда между всякого рода

эмигрантскими организациями не только не стихает, но, наоборот, накаляется. Каждая старается урвать куш побольше из тощих подачек министерства абсорбции и Сохнута. Преуспевают в этом жалком соревновании те "объединения", чьи руководители наиболее щедры на антисоветские резолюции и заявления.

И все же ни один олимский съезд сионистам и их прихвостням из новопривывших не удается провести по своему сценарию.

В одном выступлении можно было услышать, что центры абсорбции олим из Советского Союза превращены в своеобразные гетто. В другом подчеркивалось, что еще более отчаянное, совершенно бесправное, положение фалашей — евреев, насильно вывезенных из Эфиопии, — слабое утешение для бывших советских граждан, официально поставленных на несколько (!) ступенек выше бывших эфиопских. Из третьего сионистским подголоскам пришлось узнать: "Мы понимаем, что мы нужны вам главным образом как орудие пропаганды против Советского Союза. Вы нам упорно вдалбливаете, что вся пропагандистская кампания в защиту евреев СССР строится на логике существования государства Израиль. Вы так поглощены этой логикой, что вам некогда подумать, как многие олим мучаются без квартир и работы, как инженер работает сторожем, а музыкант чернорабочим, как многие находятся прямо-таки под следствием — чистые они евреи или нечистые".

Под напором таких выступлений Герцель Гродник от имени президиума пятого съезда олим из СССР вынужден был сквозь зубы признать: "До сих пор не решена проблема обеспечения жильем, тысячи олим вынуждены проживать в центрах абсорбции и на временных квартирках. До сих пор действует правило, по которому при любом сокращении штатов в первую очередь страдают олим. Тысячи олим прибыли в страну в возрасте пятидесяти и более. Однако существующие законы не учитывают рабочий стаж при начислении пенсии. Олим из СССР еще не нашли в Израиле родину, теплую дружескую обстановку, участие в общественной жизни".

Даже журналистка Ривка Рабинович, специализировавшаяся на злобных антисоветских пасквилях, вынуждена признать, что абсорбция проваливается из-за того, что ею не занимаются добрые люди. Из-за этого вырастают, как грибы, и вскоре лопаются, как мыльные пузыри, куцые объединения работников искусств и счетных работников, объединения олим из "не чисто еврейских семей" и таких, кто не в силах овладеть хоть бы в самой незначительной степени ивритом.

ИХ ЛЕКАРСТВО ОТ БЕД — АНТИСОВЕТИЗМ

Поступательный рост безработицы стал обычным, повседневным явлением в Израиле. Вот, скажем, сообщение агентства Итим, опубликованное в печати 8 февраля 1985 года:

"Согласно данным министерства труда и благосостояния безработица в ближайшие месяцы увеличится и к июню в стране будет 125 тысяч безработных, что составляет 8,8 процента всей рабочей силы. В настоящее время резко сократилось строительство и вскоре будут уволены 5000 строительных рабочих".

Общее число безработных министерством труда и благосостояния явно занижено. Оно учитывает только тех безработных, которые зарегистрированы на бирже труда. А ведь далеко не всех новопривывших биржи труда регистрируют. Например, евреи, вывезенные из Эфиопии, совершенно открыто объявлены "не входящими в сферу обслуживания биржами труда". Даже по официальным прогнозам, число безработных к концу 1985 года составит более 150 тысяч человек, превысив 10 процентов всей рабочей силы.

К разряду рядовых, примелькавшихся читателям, принадлежат и сообщения израильской печати о закрытии предприятий со всеми вытекающими из этого последствиями.

"400 рабочих концерна "Ата" получили письма об увольнении" — с такой лаконичной выразительностью озаглавлена заметка в газете "Наша страна" от 1 марта 1985 года.

А на неделю раньше та же газета столь же лаконично сообщила: "До апреля реальная зарплата уменьшится на 21 процент",

Такие сообщения подаются на газетных страницах под гарниром из заметок об очередном повышении цен на продукты, одежду, хозяйственные товары, газеты и о — тоже очередном — сокращении бюджетных ассигнований на образование, здравоохранение и социальные нужды. Конечно, прежде всего это бьет по безработным.

О росте безработных среди израильтян бытует горькая шутка:

"Когда-то сионистские лидеры говорили (совсем не в шутку. Ц.С.), что Израилю для того, чтобы считаться цивилизованным государством, нужны собственные уголовники и собственные проститутки. Теперь уже уголовников и проституток у нас, благодарение богу, столько, что мы могли бы одолжить их другим цивилизованным государствам. И вдобавок у нас так растет безработица, что мы вправе считать себя сверхцивилизованным и сверхдемократическим государством".

Признаки усиленной цивилизации и демократизации появились и несколько из другой оперы. Мэр города Ришон-Лециона Меир Ницан выступил с публичным разоблачением: в стране постепенно вводится и быстро развертывается подслушивание телефонных разговоров. Производство подслушивающих аппаратов становится выгодным бизнесом, ибо закупка этой продукции за границей приводила к излишней утечке валюты.

Наконец, поднять до невиданного уровня цивилизацию и демократизацию израильского общества призвано, очевидно, официальное создание собственной аристократии, или, как недвусмысленно пишет Техила Офер, "своей бело-голубой знати". Стремление иметь израильскую родовитую знать обосновывается такими высокими мотивами: "У французов есть "400 семейств", носящих дворянские звания еще со времен крестоносцев. Потомки английских рыцарей, получивших благословение короля и отплывших в Америку в XVII веке на корабле "Майфлауэр", образовали основу американской знати, у которой со временем родовитость слилась с капиталом. А у нас..."

И у вас, у кучки израильских богатеев, чего-чего, а капитала хватает! А родовитость — штука несложная. И составляются родословные, вычерчиваются генеалогические древа, перечисляются "удачные брачные союзы, когда к родовитости присоединялись богатство и почет". Все это особенно пышно выглядит на фоне нищеты бедняцких кварталов, открытого пренебрежения к темнокожим и "неашкеназийским" евреям, непрекращающихся межобщинных свар среди старожил и новоприбывших.

Но независимо от общинной принадлежности по израильским трудящимся безжалостно бьет инфляция. Ее размер в 1984 году достиг рекорда — 445 процентов. Как остановить беспрепятственные инфляционные скачки?

Министерство финансов правительства "национального единения" громогласно обрадовало население: средство спасения найдено!

Спасительным поясом от инфляционных скачков названо... повышение цен. Видимо, кое-кого в Вашингтоне, который привел Израиль непомерными военными расходами на грань экономического банкротства, такое "спасение" устраивает. К сторонникам подобных мер принадлежит, например, заместитель государственного секретаря по экономическим вопросам Олджин Валлис. Поддерживая решение об очередном (в который раз!) безвозмездном пособии Израилю в размере 800 миллионов долларов, он заявил, что израильское правительство энергично (за счет трудящихся. — Ц.С.) борется с инфляцией и его следует поддержать. Поддержать, "поскольку проблема израильской экономики является в основном политической", договаривает Валлис. Теперь понятно, где собака зарыта.

Беззастенчивость американского давления на Израиль скачет не менее стремительно, чем инфляция: израильский государственный бюджет на 1985–1986 годы впервые исчисляется не только в шекелях, но и в долларах. Но трудящимся — и в первую голову олим — от этого не легче; у них нет ни ежедневно обесценивающихся шекелей, ни заманчивых долларов.

Беспросветно тяжкое экономическое положение с потрохами продавшегося

Соединенным Штатам Израиля — оборотная сторона его диктуемой опять-таки Соединенными Штатами внешней политики. Ошибочно полагать, что внешняя политика правящих сионистских кругов Израиля заключается в одном лишь стремлении заручиться американской поддержкой для аннексии захваченных территорий в обмен на обслуживание в ближневосточном регионе глобальной стратегии США. Нет, у внешней политики сионистского руководства Израиля, как предельно точно формулирует генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля товарищ Меир Вильнер, "есть и идеологическая подоплека — классовая вражда к коммунизму, и прежде всего к бастиону мира и социализма — Советскому Союзу. Израильско-американское соглашение о "стратегическом сотрудничестве" официально определяет Советский Союз как врага Израиля. В стране постоянно проводятся антисоветские кампании, которые не прекращались даже накануне 40-летия Победы над нацистской Германией".

Именно в те знаменательные для всех честных людей мира дни сионистские правители Израиля разыграли трагический фарс, оскорбляющий память шести миллионов истребленных гитлеризмом евреев. Не менее оскорбителен он для их потомков, родных и близких, для всех не просионистски настроенных людей еврейской национальности, независимо от того, гражданами какой страны они являются. Израильские власти объявили о "великодушном" посмертном предоставлении статуса граждан Израиля всем умерщвленным нацистами евреям. То, что это гражданство провозглашается памятным, не меняет беспредельно кощунственного характера новой провокационной акции сионистских правителей Израиля, предпринятой, конечно, с ведома руководителей и меценатов международного сионизма.

Многие годы я не могу примириться и никогда не примирюсь с тем, что за прах моей замученной нацистами матери израильские сионисты получают "аденауэровскую" денежную компенсацию. Получают единомышленники тех самых сионистов, которые в двадцатые годы, в Виннице, терзали мою мать за "непатриотичность пошедших по комсомольской линии" ее сыновей. А теперь сионизм, ровно ничего не сделавший для спасения узников гетто и узников лагерей смерти, хочет нажать на прахе моей матери еще и моральный капитал.

О лицемерной акции, которой сионизм "ознаменовал" 40-летие Великой Победы над фашизмом, я беседовал со многими людьми, чьи родные и близкие нашли смерть в лагерных газовых печах и в застенках гетто. Вот что я услышал:

— Не укрывшиеся ли от возмездия геббельсовские пропагандисты придумали для сионистских правителей Израиля такой гнусный маневр?

— Сионизм сделал это главным образом в расчете на молодежь. Пусть молодые думают, что гражданами Израиля сионисты назвали евреев, которых они якобы пытались спасти от нацистской расправы.

— В Речицком районе Гомельской области фашисты убили семерых моих родных. Я воевал тогда на Украине, и только несколько лет спустя узнал, что евреев со всего района согнали в "еврейское поселение", своего рода маленькое гетто, и вскоре всех уничтожили. А из выступления писателя Юрия Колесникова на пресс-конференции Антисионистского комитета советской общественности мне стало известно, что в Чечерском районе той же Гомельской области наши партизаны налетели на такое же "поселение" и спасли от гибели несколько сот человек. Если бы не прислуживавший фашистам местный сионист, который со своими подпевалами уговаривал земляков евреев не сопротивляться и не пытаться спастись, так как, мол, их не собираются уничтожать, то партизаны могли спасти гораздо больше заточенных в гетто людей. Возможно, такие же сионистские "утешители" делали свое поганое дело и в Речице. И после этого сионисты посмели назвать моих казненных родственников гражданами государства, где власть принадлежит сионизму! Я протестую. Я вижу в этом посягательство на память близких мне людей, на их и мою честь граждан Советской страны.

Задумайтесь, господа сионисты, над такими высказываниями, идущими из глубины

сердца! Советские люди не потерпят надругательства над памятью своих близких, погибших от руки тех, с кем сионистские лидеры являлись в дни войны!

МИРНЫЙ ИЗРАИЛЬ ПЕНТАГОНУ НЕ НУЖЕН

Незадолго до ливанской бойни мне довелось беседовать с группой израильских общественных деятелей разных политических убеждений, которых, однако, объединило стремление к миру, к контактам с активными борцами за мир из других стран, в том числе и социалистических. Естественно, что член Политбюро ЦК Компартии Израиля Давид Хенин в оценке очень многих явлений коренным образом расходился, например, с Орой Намир, депутатом кнессета от одной из сионистских группировок.

Но вот зашла речь об очередном огромном потоке американского оружия в Израиль. И Хенин заметил:

— Ничего удивительного в этом нет. Соединенным Штатам нужен вооруженный до зубов Израиль с перманентными военными конфликтами, с готовностью в любой момент начать новую захватническую операцию. Мирный Израиль Пентагону не нужен. Мирный Израиль не подойдет для роли американского жандарма на Ближнем Востоке. Руками мирного Израиля администрация США не сможет таскать ближневосточные "каштаны" из огня.

Я вопросительно взглянул на Ору Намир, небезосновательно предвидя, что она, по обыкновению, вспыхнет и резко "поправит" Хенина. Но она сначала выразительно вздохнула, а затем тихо обронила:

— Горькая для нас правда.

Да, правда. Соединенным Штатам и ранее нужно было, а с приходом Рейгана к власти особенно требуется милитаристски настроенное израильское правительство. Ненасытное в своем неистовом стремлении вооружаться, довооружаться, перевооружаться. Готовое выполнить любое американское задание военного характера, и не только на Ближнем Востоке, но и в Африке, в Центральной и Латинской Америке. Готовое, скажем, послать своих военных инструкторов в Сальвадор и Гондурас или помочь расистскому режиму ЮАР усовершенствовать его ядерное оружие.

Сионистские правители Израиля охотно выполняют такую неблагоприятную роль. Не случайно сионистская пропаганда твердит и повторяет на все лады, что "нельзя вести завтрашнюю войну сегодняшним оружием". Для завтрашних войн Израиль жаждет нового, стопроцентно современного оружия. И в избытке получает его от Пентагона.

В связи с этим вспоминается, что свою книгу о двусторонних союзнических соглашениях США в 1950–1978 гг. научный сотрудник Польского института международных вопросов Марек Хагмайер точно и выразительно озаглавил: "За союз — оружие". Применительно к союзу США с Израилем этот заголовок ныне можно было бы расширить так: "За союз и верную милитаристскую службу — оружие и всепрощение". Всепрощение за зверства в Ливане, за геноцид в палестинских лагерях, за террор на оккупированных арабских землях. Всепрощение за поступательную фашизацию Израиля и даже за то, что сионистская пропаганда не только не скрывает, но, наоборот, во весь голос кричит о росте антисемитизма в США, о нападениях на синагоги, об осквернении еврейских кладбищ. Американские чиновники и конгрессмены с пониманием относятся к этому они прежде всего люди дела. Они прекрасно знают, из каких побуждений сионистские заправилы Израиля отваживаются на это: им нужно любой ценой спасти алию от окончательного краха, а значит — уменьшить бегство израильтян в США и пресечь переезд туда многих из тех, кто оставил родные страны под заведомо лживым предлогом "воссоединения с родственниками на исторической родине".

Пентагону нужен Израиль до предела вооруженный, владеющий собственным ядерным оружием. Предусмотрительно не подписав связанные с этой проблемой международные соглашения, Тель-Авив идет к собственной ядерной бомбе окольными путями. Выяснилось,

например, что нужное ему для преступных замыслов редкое природное сырье израильское правительство добывает через Люксембург. Это вызвало возмущение мировой общественности. Но в Вашингтоне, естественно, весьма снисходительно отнеслись к ядерным "шалостям" милитаристских правителей Израйля.

Изо дня в день растет кабальная зависимость Израйля от планов и прихотей администрации США. Но одновременно растет и недовольство многих израильтян этой кабалой. Еще до прихода бегиновской клики к власти, когда министром обороны был печально знаменитый каратель Моше Даян, прогрессивный израильский писатель и журналист Йосеф Эльгази в очерке "Я отказался служить на оккупированных территориях" с документальной точностью воспроизвел беседу с молодым резервистом Ицхаком Лаором, тель-авивским студентом, одним из первых в стране отказавшимся нести воинскую службу на захваченной арабской земле. Эту беседу Лаор, ранее проявивший себя активистом молодежных организаций "Ноар гаовед" и "Ноар халуци лохем", завершил так:

"Правительство Израйля все больше выполняет роль сторожевого пса (это, правда, не академическое выражение, но заменить его я мог бы лишь несколькими другими, еще менее цензурными, словами) американского империализма. С одной стороны, я с тревогой думаю о судьбе палестинского народа, являющегося главным страдальцем в нынешней ситуации, а с другой стороны, как израильтянин я должен сказать, что и наша судьба может стать катастрофической из-за правительства, чья политика служит американским интересам..."

Правительство, чья политика служит американским интересам, — к израильскому это определение применимо уже стопроцентно! И рабское пресмыкание правительства перед Белым домом, наряду со сползанием к фашистским методам управления оккупированными территориями и ведением непрерывных войн, пробуждает во многих израильтянах чувство протеста. Прежде всего относится это к военнослужащим. Они воочию видят, как зверски расправляется израильская солдатня с ливанцами и палестинцами, как некоторые прибывшие на фронт резервисты теряют на этой почве рассудок и заболевают психическим расстройством. На правительство из войсковых частей обрушивается поток писем, гневных, полных возмущения.

"Нечего устанавливать "новый порядок" в Ливане, нечего проливать нашу кровь и кровь ливанцев" — так писали премьер-министру 86 солдат и офицеров из действующей армии в самый разгар ливанской бойни.

С ними перекликаются и прогрессивные круги гражданского населения. В обращении к английским и французским коллегам группа израильских ученых во главе с профессором тель-авивского университета Беньямином Коэном требовала: "Проявите трезвое мышление, спасите нас от шовинистического угара, остановите Бегина!" Остановить нужно и Переса и, вероятно, любого его преемника из сионистской клики.

А профессор Гюнтер Андерс уведомил тель-авивских коллег о своем демонстративном выходе из еврейской общины Вены: "Мне стыдно за тех израильских евреев, которые слепо идут за Бегиним точно так, как многие немцы слепо шли за Гитлером".

В подобных письмах зачастую осуждается и администрация США, подстегивающая Израйль к новым военным авантюрам, осуждаются американские военные круги, которым нужен милитаристский Израйль, неизменно готовый по указке Вашингтона развязать новую войну на Ближнем Востоке.

ПАЛЕСТИНСКИЙ НАРОД НЕ СОКРУШИТЬ!

В сознании советских людей моего поколения навсегда запечатлелись пламенные слова: земля горит под ногами фашистских захватчиков! За этими словами — отвага и мужество наших славных партизан, не дававших в тылу ни минуты покоя гитлеровским ордам на временно оккупированных наших территориях. То и дело в воздух взлетали фашистские военные эшелоны на железных дорогах, уничтожались напоровшиеся на партизанские засады банды карателей, выводились из строя кое-как пущенные в ход

электростанции и промышленные предприятия. Вспоминая подвиги молодогвардейцев, соединений Ковпака и Федорова на Украине, партизан Белоруссии, мы говорим: да, повсечасно горела советская земля под ногами фашистских захватчиков!

Израильские захватчики, не покидая под любыми предлогами суверенный Ливан, пытаются установить на его территории выгодный им и Пентагону "новый порядок" и провоцируют своими воздушными и артиллерийскими налетами войска соседней Сирии. И ливанская земля начинает гореть под ногами гитлеровских последышей, на чьих военных знаменах, правда, не паучья свастика, а сионистская шестиугольная звезда. В ответ на учащающиеся "прочесывания" (еще один проклятый гитлеровский термин, воскрешенный неонацистами Израиля!) населенных пунктов, облавы, аресты, заточения в концлагеря, кровавые расправы без суда и следствия — все больше множатся на ливанской земле отряды народных мстителей.

Они взрывают израильские штабы, выводят из строя военную технику, уничтожают карателей. Вот почему вход во все оккупантские учреждения, даже в торговые представительства (таковые созданы для планомерного экономического грабежа) охраняются усиленными караулами, из окон торчат минометные и пулеметные дула. Еще одна показательная деталь: как и гитлеровские захватчики, израильтяне в Ливане, страшась нападений народных мстителей, нещадно вырубают сады и парки.

Крепнут силы Фронта ливанского патриотического сопротивления. В дни, когда израильтяне при попустительстве вашингтонских эмиссаров завели в тупик ливано-израильские переговоры, руководство Фронта открыто заявило, что действия его боевых групп будут активизироваться по мере усиления репрессий Тель-Авива в отношении ливанских граждан. Это неизбежно приведет к тому, что возрастет число гробов, прибывающих из Ливана в Израиль, что приплюсуются новые мрачные цифры к счету, который израильтяне в конце концов предъявят фюреру сионистской формации.

С израильско-американскими оккупантами на ливанской земле борются вместе с ливанцами и палестинцы.

Организация Освобождения Палестины объединяет немало политических групп. И нельзя не сказать о поистине героической борьбе Палестинской коммунистической партии. Хотя об образовании партии впервые было объявлено на страницах нелегальной коммунистической газеты "Аль Ватан" только в феврале 1982 года, за плечами палестинских коммунистов многолетняя борьба с израильскими оккупантами на Западном берегу Иордана, в секторе Газа и Восточном Иерусалиме. Во многих оккупированных Израилем палестинских городах и селениях борьбу народных масс с захватчиками возглавляют коммунисты.

Любой палестинский коммунист может сказать палачам своей родины стучащимися в его сердце суровыми словами Тауфика Зайяда:

Я своими зубами
готов защищать
земли моей нежной каждую пядь
своими зубами!
Я другой не желаю
во веки веков!
Мои вены возьмите себе для оков
не смирюсь перед вами!

Не смирится палестинский народ перед своими угнетателями, не сломят они его волю самым усовершенствованным, самым убойным оружием.

Пентагон размещает свои войска на ливанской земле, создает военные базы в Израиле и близлежащих районах. Вновь созданное центральное командование США — так называемый Сентком — создаст новую угрозу палестинцам, ливанцам, всем арабским народам, всему Ближнему Востоку. На это палестинские патриоты отвечают сплочением сил,

готовностью еще шире развернуть борьбу с оккупантами. Им придают уверенность чеканные строки советско-палестинского коммюнике, опубликованного после переговоров в Москве 11–13 января 1983 года: "СССР будет и дальше твердо поддерживать борьбу палестинского народа за осуществление его неотъемлемых национальных прав, за установление мира на Ближнем Востоке".

Вдохновленный этой братской поддержкой, палестинский народ самоотверженно продолжает освободительную борьбу. Борьбу не с еврейским населением Израиля, а с израильской военщиной, захватившей его земли, с израильскими карателями, лишившими его человеческих прав. В том, что именно так настроены палестинцы, убеждает и палестинская поэзия — она ведь неизменно и правдиво отражает дух народа, его чаяния. Хотя пересказанные прозой стихи многое утрачивают, хочу все же сослаться на искреннее стихотворение Рашида Хусейна "Трудная любовь". Разве может палестинский поэт ненавидеть евреев, издевавших жестокость и садизм гитлеровских палачей, разве может он ненавидеть еврейских детей за вину их отца. Стихотворение пронизано ненавистью не к евреям, а к сионистским угнетателям, оно воспекает поистине трудную любовь палестинца к еврейским детям, познавшим невзгоды из-за варварства сионистских правителей Израиля. И стократ сильней ощущаешь благородство такой любви, когда вспоминаешь сотни убитых и покалеченных израильской солдатней палестинских детей!

"ЗОНЫ", "ПОСТЫ", "СОВЕТНИКИ"...

Тормозя и симулируя псевдоотход из Ливана, Израиль создает "зоны безопасности" и размещает их все-таки по ту сторону границы. Эти "зоны" столь оснащены новейшим вооружением, что в любой момент могут быть превращены в зоны массированного нападения. Как тут не вспомнить циничное изречение первого израильского премьера о том, что границы Израиля — там, где находятся его солдаты. К тому же после "вывода" воинских частей израильские военачальники оставили своих офицеров и солдат не только в пограничной зоне, но и в глубине юга Ливана. Правда, их предусмотрительно назвали "советниками". Своими "советами", а главным образом поставкой оружия, они разжигают братоубийственную войну между ливанцами. Гражданскую войну, которая по замыслу тель-авивских и Вашингтонских стратегов должна привести к самому желанному для сионизма результату — разделу и присоединению плодородных ливанских земель к Израилю.

Ливанцам же израильские оккупанты, следуя испытанным гитлеровским приемам, оставляют выжженную землю. Не знаю, имеются ли в израильской армии колонны факельщиков, выполнявшие в войсках третьего рейха зловещую роль опустошителей оставленных чужих земель, но такая роль могильщиков у израильтян возложена на бульдозеристов в военной форме. Стерев с лица земли развалины домов и обугленные остатки садов, они последними "отходят" с ливанской земли. Правда, предварительно мастерски выполняют функции последних мародеров: не брезгают ничем, что может пригодиться в собственном хозяйстве.

Лицемерие и фальшь истошных криков сионистских правителей Израиля об "отводе" своих полчищ с ливанской земли, как о гуманном акте доброй воли, беспощадно разоблачены Заявлением ТАСС от 8 июня 1985 года. В нем говорится, что "уход агрессора с захваченных земель — это в любом случае не добродетель, а его безусловная обязанность. К тому же на поверку оказывается, что, будучи вынужденным отвести свои войска из некоторых районов Ливана, Тель-Авив и не помышляет освободить всю оккупированную израильскими войсками ливанскую территорию".

Каково это "освобождение" — можно судить по тому, что оно проводится, когда жерла смертоносных орудий "Нью-Джерси", американского линкора-убийцы (это прозвище корабль заслужил еще в пору разбойничьей расправы войск США с вьетнамцами), нацелены на мирные города и селения Ливана.

Заявление ТАСС вскрывает подлинные замыслы израильских расистов:

"Израиль ведет дело к фактическому сохранению своего контроля над значительной частью территории Ливана под предлогом создания на ливанском юге "зоны безопасности", где будут находиться на его содержании вооруженные формирования ливанских предателей, а также постоянные израильские "посты наблюдения". Более того, Тель-Авив нагло заявил, что оставляет за собою "право" совершать вооруженные карательные рейды в глубь Ливана".

Так оно и оказалось. Израильские содержанки — банды ливанских предателей то и дело провоцируют вооруженные столкновения с регулярными частями народно-патриотических сил Ливана. "Посты наблюдения" превратились в посты нападения. Наконец, израильская военщина периодически возвращается на оставленные ею территории для новых "прочесываний", новых расправ, новых арестов "подозрительных". Даже в заверениях израильских генералов упоминания об отводе войск перемежаются с упоминаниями о "передислокации".

"Прибегая к обманной тактике "уходя — остаться", — говорится в заявлении ТАСС, — Израиль вновь предстает перед всем миром как агрессор, грубо попирающий нормы международного права и игнорирующий решения ООН, которые обязывают его уважать суверенитет и территориальную целостность Ливана, убрать свои войска из этой страны — полностью и без всяких условий".

Полностью и без всяких условий! Твердо и решительно поддерживает Советский Союз требования ливанского народа, его правительства о незамедлительном и безусловном выводе войск Израиля с истерзанной израильскими карателями ливанской земли. Наше правительство, выражая чувство всего многонационального народа Советской Родины, никогда не примирится с ухищрениями и обманом сионистских властей Израиля, стремящихся "уходя — остаться" на ливанской земле.

В БЕЗДОННОЙ ТРЯСИНЕ

В Остии встретил я бывшего гражданина Советской Украины — экономиста, недавно бежавшего из Израиля, где он с семьей прожил, или, как он выражается, промучился всего шесть месяцев, или, как подчеркивает его жена, целых полгода. Попытайся я хотя бы сжато воспроизвести печальный рассказ бесчестно обманутого мифическими израильскими родственниками бывшего житомирянина обо всем, что выпало на его долю в государстве, где правят сионисты, это заняло бы по меньшей мере десятка два страниц.

Особенно горько говорил он о нетерпимом для воспитанного советским строем человека моральном климате сегодняшнего Израиля. Жажда любым способом положить в карман лишнюю ассигнацию, углубляющееся равнодушие к "чужим", то есть общественным, интересам, истерическая, связанная зачастую с потерей человеческого достоинства, погоня за "собственным" делом — пусть мизерным, жалким, никчемным, но обязательно "своим", таким, что непременно дает право ощущать себя хозяином другого, "нанятого" человека, — вот что нравственно убивает многих бывших советских граждан в руководимой сионистами стране, где общественное положение личности определяется размером банковского счета. Кто мечтает о современном супермаркете, кто о местечковой лавчонке, но обязательно своей! Кто о шикарном баре, кто о тесном буфетике, но только своем! Кто о терапевтической клинике, кто о зубопротезной мастерской в одном помещении с часовщиком, но зато уж своей!

Мой остийский собеседник, как и многие другие встречавшиеся мне беженцы из Израиля, привел десятки разительных фактов, показывающих, как погоня за материальным благополучием заканчивается для большинства новоприбывших полным крахом.

Назову его Григорием Исааковичем Лойферманом — подлинное имя вынужден видоизменить, ибо этот, лишивший себя родины человек, укрылся в Риме без разрешения итальянских властей и живет там на птичьих правах. Страх на него наводят, правда, не столько итальянские власти, сколько итальянские сионисты, особенно агенты так

называемого "Сохнута", еврейского агентства, раскинувшего свои щупальца по всему западному миру. Для сохнутовцев беглец из Израиля, как известно, йордим, изменник, беглец из страны отцов. С такими, как он, у сохнутовцев разговор короткий: либо мы тебя по-хорошему вернем в Израиль, либо устроим тебе в Италии "сладкую" жизнь — с временной работы тебя погонят, из временно снятой комнатенки вытурят, детей даже временно ни в одной школе учить не будут.

Рассказ этого беженца из Израиля заставляет вспомнить произведение советского писателя Александра Евдокимовича Корнейчука, чьим идейно-художественным принципам я стремлюсь следовать в своей скромной драматургии.

Григорий Исаакович из израильской прессы узнал о моей книге "Дикая полынь". По ругани сионистских журналистов Лойферман сообразил, что многие страницы "Дикой полыни" посвящены не только вредоносной деятельности сионистов в Киеве, Виннице, Каменец-Подольском и других городах родной мне Украины, но и дружной борьбе с ними украинской, русской и еврейской молодежи. И вдруг спросил меня:

— А о пьесе "Банкир" вы, конечно, написали? Нет?! Даже не верится. Неужели же вы, драматург, не вспомнили, как здорово показан в этой пьесе Александра Корнейчука советский патриотизм двух поколений семьи простого украинского еврея! Без всяких выдумок и прикрас сумел Корнейчук рассказать о дружбе советских интернационалистов — украинцев и евреев. А как показаны сказочные, — да, да, сегодня это для меня далекая сказка! — плоды превращения бесправного, забитого еврея-бедняка из царской черты оседлости в советского гражданина! У него есть права на все, на все в своей социалистической стране! Особенно горько мне вспоминать пьесу Корнейчука на чужбине — ведь я показал себя неблагодарным сыном своей единственной родины. Неблагодарным!..

И беженец рассказал мне...

Мне ли? Чувствовалось, что ему обязательно и безотлагательно необходимо поделиться с кем-нибудь своими радостными воспоминаниями, что ими и подобными им эмоциями воскрешает он в своем сердце потухшие надежды и утверждает себя как личность, у которой не все еще потеряно, что в эти минуты он, человек без родины, сердцем не на чужой итальянской земле, а на родной украинской.

— Если я вам скажу, что мой дедушка по материнской линии одессит Гдаль Давидович был завзятый театрал, я сильно-сильно преувеличу. И если в летнее воскресенье он пошел на спектакль какого-то гастролировавшего в Одессе театра, то только потому, что коллектив городского железнодорожного агентства устроил утренний, как тогда говорили, культпоход. Бабушка недовольно ворчала. По ее мнению, лучше было бы потратить выходной день на гостящего внука, то есть на меня, и поехать с мальчиком на Ланжеронский пляж. Но дедушка не хотел отделяться от коллектива и, вздохнув, а затем еще сильнее вздохнув, пошел на спектакль. Но каким он вернулся из театра! Оживленным, радостным, со следами слез на лице — бабушка не верила своим глазам. И тут же окончательно огорошил ее: он купил за наличные билеты на следующий спектакль, на вечерний. Дешевых уже не было, и деду пришлось заплатить за все шесть мест в ложе. Три места для нас, а остальные, дед не сомневался, оторвут с руками соседи, когда узнают, какая замечательная пьеса "Банкир".

— Тогда, перед войной, — как бы сбросив с себя апатию и обреченность, оживленно продолжал мой собеседник, — мне шел двенадцатый год. Впервые я попал — не без стычки с капельдинерами — на "взрослый" спектакль. Не все было мне понятно на сцене в деловых спорах между советским "банкиром" — директором банка из старых партизан с молодым директором фабрики из беспризорников. Но зато остальное я хорошо понял, все понял. А особенно то, из-за чего на спектакле всплакнули многие дедушкины сверстники. Это биография Абрама Моисеевича Шапиро — Советская власть сделала его из нищего местечкового "мишуреса" (на идиш — человек на побегушках. — Ц.С.) главным бухгалтером. Это многолетняя дружба Шапиро с храбрым украинским партизаном Ступой — до сих пор помню его фамилию. Это рассказ Шапиро о его, как говорится, жизненном пути и, главное, клятва, которую он дает, когда получает известие с дальневосточной

границы о подвиге его сына Яши в момент нападения белояпонцев. Знаете, я небольшой поклонник того, что у вас, драматургов, называется монологом. Как зритель, я в театре больше люблю споры и объяснения между действующими лицами...

Лойферман вдруг замолк. Не успел я спросить, что с ним, как он сам объяснил мне:

— Целых три года не был в театре, с того самого дня, как покинул советскую землю. А бывало, из Житомира в Киев ездил на спектакли... Ну ладно, вернемся к "Банкиру". Знаете, монолог. Шапиро я бы сейчас читал вслух тем неблагодарным родине людям, что, как я, загораются желанием найти вторую родину в Израиле. Почему я не повторил самому себе этот честный монолог перед тем, как пошел получать визу на выезд?! Пять раз, десять раз! Может, я вовремя одумался бы и не сделал несчастной мою семью, особенно младшего сына. Не могу смотреть мальчику в глаза. Как светло жилось ему дома. Увидел он портрет своей мамы на районной Доске почета — и прямо засиял. В Израиле в первые же дни замкнулся: узнал, что для него, мальчика из семьи советских олим, места в летнем лагере нет. Эти лагеря только для скаутских отрядов — и то если над ними патронируют влиятельные сионистские или религиозные организации. И мой сынишка вспомнил, как дома меня упрекала жена: "Наш фабком обижается, почему это Женька каждое лето выезжает в лагерь твоего управления. У нашей фабрики лагерь, все говорят, лучше вашего"... На такие "мелочи жизни" мы дома не обращали внимания. Забывали, что из таких "мелочей" складывается то многое, что дал нам советский строй. А вот корнейчуковский главбух из Шполы Абрам Шапиро, бывший голодный местечковый "мишурес", помнил. Хорошо помнил. И, наверное, детям и внукам наказал помнить.

...По возвращении в Москву я перечитал "Банкира". Уверен, читатели не посетуют, если я приведу здесь без сокращений отрывок из пьесы — эпизод, до сих пор памятный раненому сердцу бывшего гражданина Советской Украины.

Действие происходит у "банкаира" Романа Степановича Кручи. Марина Ивановна Тайга, директор большого универмага, только что ознакомилась с телеграммой от командования дальневосточной воинской части Абраму Моисеевичу Шапиро с благодарностью за сына: дважды раненный, парень не оставил пулемета и бил без промаха. И в присутствии Макара Ивановича Ступы Шапиро беседует с Тайгой:

"_Шапиро_. Я написал ответ на эту телеграмму и пришел к Роману Степановичу, как к партийному товарищу, проверить политически, так как писал я от души старого беспартийного человека... Я прочитаю вам, Марина Ивановна. Может, что-нибудь не так, так прошу сказать. (Надел очки, читает.) "Командиру Н-ской части от Абрама Моисеевича Шапиро. Я получил Вашу телеграмму сегодня утром и в течение дня прошла передо мной вся моя жизнь. Когда умер мой отец, водовоз в нашем местечке Шпола, мать повела детей к раввину и старый ребе нам сказал: "В талмуде сказано: бедняк подобен трупу. Идите, дети, в мир, ищите денег и помните всю жизнь, что вся сила в деньгах. Будете хорошо искать бог вам поможет". И мы пошли... Через несколько лет я стал вояжером, бегал от местечка к местечку, от села к селу... Дождь, град, мороз, ветер, собаки злые на панских дворах — ничто не могло меня остановить. Всю Украину и Польшу вдоль и поперек измерил я своими ногами. Я всегда искал денег, и, казалось, вот-вот, еще год, еще два — и я смогу открыть собственную маленькую лавочку. А годы шли. Я бегал все быстрее и быстрее. Хозяин мой, ребе Могильник, подгонял меня: "Быстрее, Абрамчик, быстрее! Еще год — и ты откроешь свою лавочку". Но чем быстрее бегал я, тем скорее богател ребе Могильник, а у меня начало останавливаться сердце. Не раз от жары падал я в степи, но деньги гнали меня, заставляли ползти на животе до первой хаты. Пришла война... потом ребе Могильник бежал, а я стал агентом в губпродкоме... Простите, товарищ командир, я вспомнил страшный кусок своей жизни. Ребенком благословил меня старый раввин искать деньги, и с той минуты они на мою душу накинули аркан, тащили по степям, гнули шею, уничтожали во мне человека, волочили в болоте лжи, жульничества... Как червяк ползал я в ногах у Могильника. Почему мой сын, бухгалтер, стал героем? Почему его душа бесстрашна, чиста? Потому что контокоррент его души не зависел и никогда уже не будет зависеть от контокоррента денежного... Сегодня я

долго плакал, закрывал глаза и видел раны сына и слезами обмывал их. Ваша благодарность за сына влила в меня, старика, новые силы. Я прошу вас передать...

Ступа (не выдержал старый партизан и торжественно произнес). Смирно! (Посмотрел на всех и подтянулся по-военному.)

Шапиро"...передать товарищу Ворошилову, что, если на нашу родину нападут враги, мы, старики, просим его рассчитывать на нас в полной форме. Мы не отстанем от наших сыновей и будем биться по самой полной форме. С благодарностью Абрам Моисеевич Шапиро".

_Тайга (взволнованная, подошла). Дайте руку, Абрам Моисеевич.

Шапиро (ответил на рукопожатие, отвернулся). Я... я... сейчас... (_И вышел._)

За ним медленно пошел Ступа.

Тайга. Пойдем к нему".

По-корнейчуковски взволнованно и вместе с тем с большой внутренней сдержанностью выписана эта правдивая сцена. Скуп драматург на ремарки, заменяя их выразительными многоточиями. Как всегда точно наделяет он фамилией Могильник местечкового лавочника, издевательски подгоняющего в могилу молодого Абрама Шапиро, ревностного исполнителя ехидных раввинских заветов.

"С АРКАНОМ НА ДУШЕ"

Эпизоды "Банкира", связанные с отцом и сыном Шапиро, живо напомнили мне не только беседу в Остии с бывшим житомирянином, но и обширную серию горестных излияний бежавших из сионистского "рая" бывших моих соотечественников. С еще большей отчетливостью понял я, как жестоко поплатились они за неблагодарность и предательство в отношении столько сделавшей для них Советской Родины.

Сразу же я представил себе, как разбогатевшие наследники шполянского лавочника Могильника, модернизировавшись в Израиле на ультрасовременный лад, сегодня столь же безжалостно волочат "в болоте лжи, жульничества" — только уже не в дореволюционном местечке, а в американизированном на дешевый лад Израиле! — выходцев из таких семей, какой была когда-то семья полубившегося Александру Корнейчуку советского патриота Абрама Моисеевича Шапиро из Шполы. И, вероятно, какой-нибудь из многочисленных израильских раввинов (сейчас он не трясется в бричке, подобно своему давнему шполянскому коллеге, а лихо мчит в автомобиле модной марки) так же фарисейски утешает и наставляет на путь погони за деньгами эксплуатируемых сегодняшним израильским Могильником еврейских бедняков.

Уже не в Остии, а в Лондоне я услышал рассказ бывшего гражданина Белоруссии, приведенный мною в тексте пьесы "Пелена":

— Мою дочь, студентку, я просто-таки обманом заставил уехать со мной в Израиль. Сочинил байку, что скоро раскроется моя растрата государственных денег и я попаду в тюрьму. А в Израиле ко всем нашим болячкам и бедам прибавилась еще одна: кто-то донес, что моя дочка не вполне "чистая" еврейка. Ну, в раввинате тут же заложили в компьютер все ее биографические данные плюс показания "доброжелателей", и машина выдала не совсем положительный, с точки зрения верующих, ответ. Дочь получила повестку с вызовом в раввинат. А накануне мне по протекции устроили прием у одного чиновника министерства религии, не такого уж, правда, важного, но зато чем-то обязанного тем людям, которые попросили его выслушать меня. Беседа, как вы понимаете, оказалась для меня очень неприятной. Я разволновался и, не выдержав бездушных поучений чиновника, прямо спросил его: "Что, в Израиле все религиозные? Все убеждены, что в субботу не должны ходить автобусы? И всех волнуют чистые и нечистые?.." Он, конечно, оборвал меня...

— И что все-таки ответил вам?

— О, я хорошенько запомнил слова чиновника! С недовольной гримасой он сказал мне: "Вижу, к чему ты клонишь. Сам прекрасно знаю: неверующих — большинство. Хочешь

спросить, почему же они должны подчиняться меньшинству? Могу объяснить: таковы наши традиции. Так было у евреев во все времена, так будет во веки веков. Могу дать тебе совет. Постарайся приобрести положение в обществе и стать одним из тех, кого меньше. И тоже сможешь приказывать и щедро платить". Понятно вам?

Да, вполне понятно, что циничные поучения чиновника израильского министерства религии перепевают на сионистский лад елейные наставления шполянского раввина сиротам из семьи Шапиро. Мне понятно, как изо дня в день приходится обманутым парням и девушкам ощущать на себе в Израиле гнет незыблемого и основополагающего для буржуазного общества правила "Вся сила в деньгах". Это заставляет переехавших в Израиль людей труда с первых же дней ловчить и изворачиваться, к кому-то подлаживаться, кого-то ублажать, в угоду сионистам сочинять душераздирающие небылицы о жизни на покинутой родине, поступаться принципами морали и строить планы накопления "черного капитала" денег, нажитых путем обмана и темных махинаций. Так порождается насущная необходимость воспитывать в детях двоедушие и двуличие, наставлять их: "Не рассказывай здесь никому, как дома ты каждое лето выезжал в лесной пионерский лагерь; в школе притворяйся, будто больше всего интересуешься богословием и историей сионизма; громко ругай арабов самыми последними словами — это поможет нам поскорей получить жилье".

Такая неприглядная картина жизни трудового люда Израиля, жизни "с арканом на душе" возникла в моем сознании совсем не произвольно. Просто мне, повторяю, вспомнились многочисленные беседы с бежавшими из "страны обетованной" бывшими гражданами социалистических стран и вынужденные признания израильской прессы.

Отрывок из "Банкира" приведен здесь совсем, поверьте, не для того, чтобы лишний раз показать, сколь интернационалистично по своей сути прекрасное творчество Александра Корнейчука. В этом и без того твердо убеждены все, кому знакома его драматургия и публицистика. Очевидна и неиссякаемость крупномасштабного духовного заряда пьес Александра Евдокимовича, их насыщенность неприкрашенной правдой жизни и, главное, их сегодняшняя неотъемлемая принадлежность к нашему идеологическому арсеналу.

Монолог Абрама Шапиро из правдивой пьесы Корнейчука напоминает, как, покидая советскую Родину ради сионистского "рая", люди еврейской национальности обретают в Израиле очень многое... из того, от чего их освободила Октябрьская революция. В поисках "второй родины" они попадают на чужбину. Вывод убийственный, но единственно верный!

Он дает точный ответ на вопрос, почему это вдруг в самые беспросветные дни прозябания на чужбине бывший мой соотечественник, вспомнил нравственный урок спектакля, увиденного сорок лет тому в детском возрасте. Оказывается, "бедняк подобен трупу" не только в заброшенном еврейском местечке деспотической царской России. Нет, и в конце XX века на земле подвластного сионизму государства многие иммигранты попадают в тиски бесправия, классового гнета и прочего, что было приметам жизни для "подобных трупу" людей в проклятой дооктябрьской черте оседлости.

И пламенное слово персонажей корнейчуковской пьесы (далеко не самой выдающейся в наследии замечательного драматурга) сегодня не только воспекает дружбу советских народов. Оно властно напоминает, в какую страшную, бездонную трясику неизменно попадают те, кто под ядовитым воздействием вражеской пропаганды и собственных шкурных, антипатриотических помыслов забывают все прекрасное, все нетленное, что дала им советская Родина. Эти люди обрекают себя на беспросветное существование.

БЕДА ОДНА НЕ ХОДИТ...

"По всему миру разбросаны евреи. В буржуазных странах даже после такой трагедии, какую пережили евреи, подвергшись нечеловеческим мукам и страданиям от фашистских разбойников, "еврейский вопрос" и поныне является разменной монетой в руках буржуазных дипломатов".

Эти слова тоже принадлежат писателю-интернационалисту Александру Корнейчуку.

Приведены они не в пьесе, а в статье "Шолом-Алейхем". Совсем коротка эта статья, однако выразительно показывает, почему замечательный еврейский писатель-гуманист (а сионисты причисляют его к пособникам антисемитов!) своим творчеством выходит за национальные границы. "Силу его таланта, — говорит Корнейчук, — нужно искать в его исключительной любви к человеку труда. В труде видел Шолом-Алейхем красоту человека, красоту его сердца, его души. Он ненавидел тупых, жестоких мироедов-эксплуататоров — еврейскую буржуазию".

Всем, кто ищет счастья в сионистском "раю", следовало бы призадуматься над тем, почему Корнейчук, говоря о Шолом-Алейхеме как о певце еврейского трудового люда останавливается на широко известном читателям и зрителям образе Тевье-молочника. Когда замечательный мастер украинского театра М.М. Крушельницкий готовился к раскрытию этого образа на сцене, Корнейчук спросил его: "В чем вы видите зерно образа?" И талантливый актер ответил талантливому драматургу: "В исключительной силе мужества и благородной мудрости простого человека труда".

Как чужды эти жизненосные понятия сионизму, воспевающему человека войны, карателя, угнетателя! И как близки мысли Крушельницкого советским гражданам еврейской национальности, верным своей великой Родине, ее прекрасным идеалам подлинного интернационализма!

"На груди лучших сынов и внуков Тевье, — писал Корнейчук, ордена, звезды Героев Советского Союза". Это было сказано вскоре после Победы советских людей над германским фашизмом. Победы, за которую советские евреи, как подчеркивает Корнейчук, сражались вместе со всеми народами нашей Родины. А сейчас следует сказать также о сынах и внуках мужественного, глубоко человеческого Тевье, отмеченных наградами своего государства за подвиги на фронте труда, за борьбу, направленную на выполнение величественных пятилетних планов Советской страны.

Раздумывая над этим, еще глубже осознаешь беспросветную обреченность шовинистических и расистских "идеалов" деятелей сионизма. Их, силившихся внушить попавшим в Израиль бывшим гражданам социалистических стран, что "все остальные народы" традиционно враждебны "богоизбранному еврейскому", приводят в бешенство искренние слова Шолом-Алейхема о близком и родном ему русском языке. Их, пропагандирующих необходимость полнейшего равнодушия евреев ко всему "нееврейскому" во всем мире, несомненно, приведет в ярость и стихотворение "Сердце" моего сотоварища по советской литературе еврейского поэта Хаима Бейдера. Поэт отвечает тем, кто призывает: "Оставь все жалости другим! За всех болеть — не наболеться!" такими строками:

Нет, быть холодным и глухим
К людской беде
Не может сердце!
Его за горы, океан
По долгу совести и чести
Зовут страдания всех стран
Делить заботы с миром вместе.
Беда одна не ходит. С ней
Другая... Ждать ее повтора?
Стучится в сердце боль детей
И кровь Бейрута, Сальвадора...
И будь то близко ль,
Далеко,
Но не смирюсь с чужой бедой я
Пусть больно сердцу оттого
И ни минуты нет покоя.

На взгляд сионистов, только "антипатриота" и "антисемита" может волновать кровь Бейрута и Сальвадора, настоящему еврею нет никакого, дескать, дела до боли и страданий "чужих" народов и стран.

Такое равнодушное, мягко говоря, отношение ко "всем остальным", якобы неизменно враждебным еврейству, народам мира представляет собой вместе с зоологическим антикоммунизмом один из краеугольных камней бесчеловечной идеологии современного сионизма. И чтобы подчеркнуть необратимую ненависть к евреям со стороны чуть ли не всего человечества, сионистская пропаганда идет на чудовищные измышления, противоречащие историческим фактам и здравому смыслу. Мне довелось встречать на страницах сионистской прессы такие, например, кощунственные "перлы": национальной политике социалистических стран противопоставляется "терпимое и осмысленное", словом, без пяти минут гуманное отношение к евреям со стороны... властей российской монархии. Словно русский народ единодушно, с полной осознанностью и громогласно не поддержал гневные слова Владимира Ильича Ленина: "Позор проклятому царизму, мучившему и преследовавшему евреев!"

Погромы, черта оседлости, антисемитские процессы типа дела Бейлиса — все это, конечно, выглядит вполне "гуманным" только в сравнении с планомерным, обдуманым геноцидом, которому обрекает сионизм палестинский народ. Позорное, убийственное для сионизма сравнение! Конечно же, он во сто крат мучительней и беспощадней преследует палестинцев, нежели царизм евреев.

Тем не менее сионисты, хотя и ощущают негодование человечества их геноцидом в отношении палестинцев, продолжают лицемерно выступать в защиту... советских евреев. Весной 1983 года, в те самые дни, когда в Токио международный общественный трибунал обоснованно и точно, исходя из документов и свидетельских показаний, еще и еще раз установил полную ответственность бегиновской клики за тотальное истребление палестинцев на ливанской земле, сионисты провели в Иерусалиме третью, так называемую брюссельскую, конференцию в защиту советских евреев. Предполагалось созвать ее в Париже. Но, страшась гнева значительной части западноевропейского еврейства, возмущенного кровавой интервенцией в Ливане и подготовкой к новым военным провокациям на Ближнем Востоке, сионисты предусмотрительно запрятали свой антисоветский шабаш от евреев Западной Европы.

КРУГИ АДА В ИЗРАИЛЬСКОМ "РАЮ"

Израильская военщина даже не пытается скрыть свою усиленную подготовку к вооруженному нападению на Сирию. В провокационных традициях пресловутого "Мира Галилея" такая подготовка преподносится как очередная "вынужденная мера" в ответ на придуманные сионистской пропагандой агрессивные намерения Сирии напасть на Израиль. В действительности же эти "намерения" выражаются только в одном: сирийцы укрепляют свои средства противовоздушной обороны, чтобы положить конец бесчисленным провокационным полетам израильских истребителей и бомбардировщиков в небе Сирии.

Нагнетая антисирийскую истерию среди израильского населения, и без того уже подавленного непрекращающимися потерями Цахала в Ливане, сионистская пропаганда адресует даже к детям. Напуганные, видно, растущим участием школьников в антивоенных демонстрациях и митингах, высокопоставленные военные чины стали приезжать в школы. В одной из тель-авивских средних школ выступил с воинственной, насквозь пронизанной густопсовым расизмом речью небезызвестный генерал Эйтан один из тех израильских руководителей, которым милее всего, по их признанию, мертвый араб. Эйтан старательно доказывал мальчикам и девочкам, что расположившиеся в долине Бекаа сирийские подразделения в составе межарабских сил мирного урегулирования угрожают... безопасности государства Израиль.

В разгар оголтелой сионистской шумихи о неизбежности "превентивной" войны с

Сирией и готовности к ней израильской армии весь мир услышал голос нашей социалистической Родины, внушительный, уверенный, правдивый.

"Лицемерие израильских экспансионистов не знает предела, сказано в опубликованном 31 марта 1983 года Заявлении Советского правительства. — Совсем недавно под той же ширмой "защиты безопасности" они совершили варварскую агрессию против Ливана, убили десятки тысяч мирных жителей, по существу, оккупировали большую часть этой суверенной страны. Теперь точат ножи против Сирии...

То, что сейчас удар намереваются провести против Сирии, связано с тем, что эта страна является главным препятствием на пути реализации захватнических замыслов руководства Тель-Авива. Сломить Сирию, заставить ее отказаться от противодействия империалистическим проискам — давнишняя цель Тель-Авива. И не только его".

Да, не только Тель-Авива, но и Вашингтона, и подпевающего ему международного сионизма, чьи цели совпадают с агрессивными планами США.

"Когда израильская военщина огнем и мечом проходит по арабским землям, — говорится в Заявлении Советского правительства, — всем известно, что этот меч вложил ей в руки Вашингтон. Неисчислимыми жертвами, тяжелыми страданиями обернулось для арабских народов стратегическое соглашение Вашингтона и Тель-Авива...

Тель-Авиву пора прекратить играть с огнем. Советский Союз вновь подчеркивает, что не силой оружия, не путем войны, а только с помощью политических усилий всех заинтересованных сторон, путем справедливого, всеобъемлющего урегулирования могут быть обеспечены законные права и интересы всех народов Ближнего Востока".

Заявление Советского правительства беспощадно обнажило перед лицом всего мира лицемерные попытки израильского правительства найти и оправдать благовидный предлог для нападения на Сирию. Обычные для сионизма провокационные приемы! Разбойничьи нападения на Ливан израильская военщина тоже преподносила как "вынужденные" меры защиты безопасности Израиля". Этой варварской демагогии никто уже не верит.

Израильским любителям военных провокаций, несомненно, известно полное единодушие, озарившее советско-сирийские переговоры в Кремле на высшем уровне. В коммюнике о переговорах, проходивших 19 июня 1985 года, сказано:

"М.С. Горбачев подчеркнул, что в Советском Союзе высоко ценят последовательную антиимпериалистическую политику Сирии, твердо отстаивающей национальные интересы и законные права арабов.

Х. Асад подтвердил поддержку Сирией советских предложений по ближневосточному урегулированию".

К новым милитаристским планам сионистских правителей Израиля и отборных, прошедших американскую выучку "ястребов" из министерства обороны (как фарисейски звучит слово "оборона" в сионистском понимании!) с понятной тревогой относятся и обширные круги израильского населения. Ведь очень многие семьи еще не дождались сыновей, мужей, братьев, посланных в Ливан карать палестинцев и ливанцев. Оттуда, из оккупационных частей, продолжают приходить гробы и крайне невеселые песенки, вроде такой вот "Солдатской колыбельной":

Прилетит аэроплан,
Полетим с тобой в Ливан.
Повоюем там в горах
И вернемся все в гробах.
А пока мы мерзнем тут
И пока мы гибнем тут,
Шамир, мирно засыпай,
Спи спокойно, баю-бай...

А в другой песенке из грустного фольклора израильских интервентов тем же шамирам

и аренсам лукаво напоминают об умных парнях, догадавшихся своевременно дезертировать: "Лучше сесть на срок в тюрьму, чем навечно в землю лечь".

Растущее дезертирство вынуждены признать израильские газеты. Правда, они расходятся в цифрах. Редакторы из пессимистов утверждают, что из интервентских войск дезертировало более пяти тысяч человек. Оптимисты же спешат обрадовать читателей, что бежало только около пяти тысяч.

Пока тель-авивские жандармы Вашингтона готовят армию к новым военным нападениям, специалист по "возвращенным" территориям Шарон ужесточает военное положение на оккупированных землях Западного берега Иордана и сектора Газа. Шарон наглядно спешит доказать, что и на новом посту, ведая в кабинете министров режимом на "контролируемых" территориях, он продолжает оставаться "министром смерти". По его приказу каратели стреляют в женщин и детей, протестующих против заточения в лагеря их мужей и отцов. Детская кровь пролилась в Рамаллахе, Эль-Вире, других городах и селениях.

Терроризируя арабское население, Шарон рассчитывает таким путем выполнить поставленные профашистской кликой изуверские задачи: "разредить" (да, существует такой термин в антипалестинских планах сионизма!) арабское население на захваченных землях и поскорее заселить евреями уже созданные и вновь создаваемые полувоенные поселения. С этими двумя генеральными задачами израильских аннексионистов тесно соприкасается третья — не менее постыдная: усилить поиск в арабской среде квислингов для создания иллюзорной картины идиллического сотрудничества палестинцев и их сионистских угнетателей.

Но ничего у израильских карателей не получается. И не получится, как бы сионисты ни увеличивали число кругов ада в израильском "раю" для арабов. Как бы оголтело ни демонстрировали израильские милитаристы неправомерное "право богоизбранной нации" на особое, дозволенное лишь одной ей, каннибальское решение национального вопроса!

ВРАГИ МИРНОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Сионизм всегда был враждебен марксистско-ленинскому учению о национальном вопросе. Еще юношей мне довелось прочесть построенную на передергивании цитат и искажении фактов брошюрку сионистского теоретика Д. Пасманика "Национальный вопрос перед судом социал-демократов". В ней безудержно фальсифицировалась марксистская теория нации и национальная программа рабочего класса. Позднее я понял, что уже тогда сионисты, покорные воле еврейской буржуазии, старались восстановить трудящихся евреев против принципов пролетарского интернационализма.

Подогретая рейгановским призывом к "крестовому походу" против коммунизма, яростная ненависть сионизма к идеям социалистического интернационализма удесятирилась. Исторический пример победоносного воплощения этих бессмертных идей в многонациональном Советском Союзе стал одной из главных мишеней клеветы сионистских пропагандистов. Их выводит из себя губительное для всех без исключения разномастных врагов марксизма-ленинизма реальное явление нашей советской жизни, отмеченное в докладе Юрия Владимировича Андропова "Шестьдесят лет СССР":

"Впервые в истории многонациональный состав страны превратился из источника ее слабости в источник силы и процветания".

Несказанной радостью наполняет наши сердца, сердца всех советских патриотов такое животворное решение национального вопроса в поистине огромнейшем Советском государстве. В то же время в крохотном Израиле не только лишают элементарных человеческих прав палестинцев, но и стимулируют хроническую конфронтацию между привилегированными и второсортными "этническими группами" еврейского населения. Особенно это сказывается на положении бывших советских граждан из Бухары, Грузии, Северного Кавказа — они "неполноценные" евреи.

Неумолимо обличает сионистскую экспансию каждый новый шаг миролюбивой

внешней политики Советского государства. О зарождении этой поистине ленинской, поистине справедливой, поистине прогрессивной политики напомнил Юрий Владимирович Андропов на торжественном заседании 21 декабря 1982 года:

"В тот самый день, 30 декабря 1922 года, когда в Москве были приняты Декларация и Договор об образовании СССР, на конференции в Лозанне по поручению Ленина было заявлено, что, руководствуясь интересами всеобщего мира, советские республики считают "своим настоящим долгом... всеми своими силами содействовать установлению режима политического равенства между расами, уважения права народов на самоопределение и на полную политическую и экономическую независимость всех государств".

Так просто и понятно была изложена суть принципиально новой внешней политики, которую последовательно начала проводить первая в мире страна социализма".

Ближневосточная внешняя политика Советского государства неизменно бьет по захватническим замыслам США подчинить своим имперским интересам Ближний Восток, по холуйским стремлениям сионистских правителей Израиля превратить свое государство в послушного американского жандарма. Напрасно усердствуют и шамиры и аренсы: арабские народы, поддержанные социалистическими государствами и большинством неприсоединившихся стран сорвут американско-израильские милитаристские и колонизаторские планы.

Полное понимание огромнейшего значения борьбы нашей страны за справедливое и всеобъемлющее урегулирование на Ближнем Востоке демонстрирует палестинский народ. Это нашло новое весомое подтверждение на московских переговорах советских и палестинских руководителей в январе 1983 года. Результаты этих переговоров и принципиальную ближневосточную политику СССР, ее роль в борьбе за правое дело палестинского народа высоко оценила 16-я сессия Национального Совета Палестины — высшего органа Палестинского движения сопротивления.

Как и палестинцы, советские люди глубоко возмущены бредовой, базирующейся на махровом расизме, идеей сионистов: изгоняя с оккупированных земель арабское население, истребляя его, добиться превращения "великого Израиля от Нила до Евфрата" в одно национальное государство. Одержимые такими, откровенно пронацистскими планами, сионисты в какой-то мере уповают и на так называемый "план Рейгана" по ближневосточному урегулированию — ведь этот губительный для арабского мира план представляет собой неприкрытое продолжение и углубление кэмп-дэвидского сговора.

...И НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ!

По возрасту я уже, как говаривал Шолом-Алейхем, "еду с ярмарки".

Почему же я, далеко не молодой писатель, торопящийся осуществить скромные, но бесконечно дорогие творческие замыслы, отложил в сторону незавершенные пьесы и рассказы и счел своим непреложным долгом рассказать об увиденных во многих странах Европы и Америки неприглядных действиях сионистов? Почему я посчитал обязательным для себя включить в книгу документальные записи о трагической судьбе бывших граждан социалистических стран, ввергнутых сионистами в пучину бедствий на "второй родине" и бежавших оттуда без оглядки? Почему я стремлюсь поделиться с читателями увиденными мною документальными свидетельствами и живыми фактами, властно подтверждающими, что на горе сионистам Израиль, как веско утверждает Коммунистическая партия этой страны, "не является единым реакционным блоком милитаристов и проимпериалистов, что в Израиле, как во всякой капиталистической стране, существует классовая и политическая дифференциация, что нет тождества, а, наоборот, существует противоречие между политикой правящих кругов Израиля и истинными интересами народов Израиля"?

Отвечаю искренне, не кривя душой, ничего не преувеличивая и не преуменьшая.

Вот уже более шести десятков лет вижу, какие неисчислимы несчастья приносят сионисты людям моей национальности. Как уже знает читатель, еще подростком в

двадцатых годах мне на Украине впервые довелось увидеть двоедушие сионизма, увидеть горести моих земляков жертв этого двоедушия.

Я не забыл этого, как и не мог забыть каждого нового доказательства вредности сионистской теории и практики делу мира и социализма. О некоторых из них, увиденных мною на войне и после войны, увиденных и в дни борьбы прогрессивного человечества за разрядку напряженности, я рассказал в этой книге. Повторяю, только о некоторых и, может быть, не наиболее кощунственных. Не рассказал, скажем, о сделке сионистского эмиссара в оккупированной Чехословакии Роберта Мандлера с нацистскими гауляйтерами. А ведь по цинизму и кровавым последствиям злодеяния Мандлера и его помощников оставляют далеко позади предательство лидера венгерских сионистов Режё Кастнера и его сотрудничество с нацистами, описанное в этой книге.

Я не забыл гневные слова о сионистской идеологии и ее тернистых плодах, услышанные мною от таких замечательных деятелей литературы и искусства, как Самуил Яковлевич Маршак, Илья Григорьевич Эренбург, Исаак Осипович Дунаевский, Самуил Абрамович Самосуд, Лев Моисеевич Квитко, Александр Григорьевич Тышлер, Лев Абрамович Кассиль, Дмитрий Яковлевич Покрасс, Леонид Осипович Утесов.

Я не забыл недетскую печаль в глазах детишек, увезенных с насиженных мест в Израиль. Поверившие сионистской пропаганде, либо сладко возмечтавшие о свободном предпринимательстве по западному подобию в стране, где власть в руках сионистов, родители лишили своих детей детства. Да и сами они тоскливо и бесперспективно смотрят на дальнейшую свою жизнь. Где бы ни встречал я беженцев из сионистского "рая", их неизбывная грусть и горькие сетования неизменно воскрешают в моем сознании глубоко душевную и поистине человеческую мысль Михаила Светлова, выходца из бедняцкой еврейской семьи в царской черте оседлости, чей большой поэтический талант был спасен и вызван к жизни исключительно нашим советским строем:

"Разве есть граница между деревом и почвой, на которой оно растет?.."

Великолепной актрисе, жемчужине еврейской сцены Иде Каминьской, задумавшей было осесть в Израиле, но с трудом выдержавшей там всего несколько месяцев, вероятно, незнакомы эти слова Светлова. Но, травимая на старости лет за "измену Израилю", Каминьская нашла в себе мужество честно написать своим друзьям в Варшаву: "Дерево нельзя пересаживать на чужую для него почву". А сионисты пересаживают. И даже насильственно.

Я не забыл и никогда не забуду еще многих, очень многих сионистских злодеяний. Не в силах забыть. Не вправе!

На XXV съезде КПСС было сказано: "Мы — за создание условий для развития отношений со всеми странами Ближнего Востока, у нас нет предубеждений против какой-либо из них".

Чем же ответили правящие Израилем сионисты на такую миролюбивую и доброжелательную позицию Советской страны? На то, что Советский Союз стремится обеспечить безопасность и независимость всех государств Ближнего Востока?

Оголтелым антисоветизмом! Именно он, по словам главы делегации Компартии Израиля на XXV съезде КПСС товарища Меира Вильнера, стал знаменем правящих сионистских кругов.

Правдивые эти слова еще и еще раз напомнили мне о злом антисоветизме, пронизавшем всю деятельность сионизма.

И я поступил бы безнравственно, умолчав о воинственных и глубоко античеловечных планах международного сионизма, о недобрых сионистских делах, воочию увиденных мною во многих странах за многие годы! Нацеленные против мира на планете, планы и дела всяческих "двойных" и даже "тройных" несут новые горести, новые беды людям моей национальности.

КРАХ СИОНИСТСКИХ ПЛАНОВ

"Израиль приближается к краю пропасти".

"Государство, считающее миром перманентную войну, обрекает себя на крах".

"Сионизм затягивает петлю на собственной шее".

"Израилю уже не верит не только Восток, но и Запад".

"Не пора ли израильским руководителям серьезно призадуматься над своим экономическим и политическим положением?"

Закрывающие в себе серьезные предупреждения сионизму, эти строки я выписал из западных газет, причем далеко не антисионистских.

И все же политика и практика сионизма становится все более реакционной, милитаристской, расистской.

Захватнические операции израильской военщины сопровождаются разнузданным аннексионистским разгулом сионистской пропаганды. Подпевая, разнокалиберным руководителям израильской военщины, она преподносит кэмп-дэвидские соглашения уже как... недопустимую уступку арабам и проявление израильско-американской "мягкости".

Практика международного сионизма последних лет еще и еще раз подтвердила, насколько глубоко жизненно и правдиво подчеркивает КПСС, что антикоммунизм — это главное идейно-политическое оружие империализма, основным содержанием которого является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма. Безудержное применение этого отравленного ядом расизма и милитаризма оружия неустанно разоблачает Коммунистическая партия Израиля, возглавившая все крепнувший в стране Демократический фронт. "Коммунистическая партия Израиля считает, — говорится в резолюции XVIII съезда КПИ, — что пролетарский интернационализм был и остается краеугольным камнем мирового коммунистического движения и его надо беречь как зеницу ока".

С трибуны XXVI съезда КПСС человечество услышало исчерпывающий и точный анализ ближневосточной проблемы:

"Добиваясь господствующего положения на Ближнем Востоке, США встали на путь Кэмп-Дэвида, на путь раскола арабского мира и организации сепаратного сговора между Израилем и Египтом. Американской дипломатии не удалось превратить этот сепаратный антиарабский сговор в широкое соглашение капитулянтского типа. Но она преуспела в другом: произошло новое обострение обстановки в регионе. Ближневосточное урегулирование оказалось отброшенным назад".

Столь тревожная обстановка еще более углубила всесторонний политический, экономический, нравственный — кризис в той стране региона, которой управляют сионисты, бессовестно продающие интересы простых израильтян за долларовую похлебку. Не случайно на страницах сионистской печати, когда заходит речь о кризисном положении Израиля, все чаще мелькают зловещие слова: крах, развал, тупик, обострение, поражение.

Что же обычно предпринимают в такой обстановке озлобленные своими неудачами империалисты и их пособники? Проверенный жизнью бескомпромиссный ответ на такой вопрос дан в документах XXVI съезда КПСС:

"События последнего времени еще и еще раз подтверждают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против стран социализма все более изощренно и коварно".

Именно так поступают и сионисты Израиля. Они стали действовать против социалистических стран особенно изощренно и коварно, особенно безотчетно и оголтело. Такая атмосфера царит, естественно, не только среди сионистов Израиля, но и в любом ответвлении международного сионизма. С удесятенной яростью ополчился он против выдвинутых на форуме советских коммунистов незыблемых, продиктованных искренним миролюбием и высоким интернационализмом основных принципов ближневосточного урегулирования.

Эти принципы, как известно, предусматривают прекращение израильской оккупации

всех захваченных в 1967 году арабских территорий, реализацию неотъемлемых прав арабского народа Палестины, вплоть до создания собственного государства, а также необходимость обеспечить безопасность и суверенитет всех государств этого региона, в том числе и Израиля.

Человечество знает: Израиль преступно нарушил ясное и недвусмысленное решение Организации Объединенных Наций, предусматривавшее создание на бывшей подмандатной территории Великобритании на Ближнем Востоке двух суверенных государств палестинского и еврейского. Но нельзя забывать и о другом важнейшем документе ООН, столь же преступно игнорируемом сионистскими правителями Израиля.

Речь идет о протоколе, подписанном в Лозанне Комитетом ООН по делам палестинских беженцев и представителями израильского правительства. Этот протокол, утвержденный ООН в качестве ее резолюции, предусматривает неотъемлемое право палестинских беженцев на возвращение в Палестину, в свои родные города и селения. За возвращающимися беженцами сохраняется право на все их движимое и недвижимое имущество. Если же изгнанные с родной земли палестинцы решили не возвращаться на родину, то израильские власти обязаны выплатить им материальную компенсацию за оставленное в Палестине имущество и землю.

Повторяю, представители Израиля подписали этот протокол — таково было неперемное условие приема Израиля в ООН.

Израильские власти и лидеры международного сионизма давно и упорно бравируют своим пренебрежением резолюциями и документами ООН, касающимися международных обязательств Израиля. Не менее вызывающе относятся сионисты и к миротворческим силам ООН на Ближнем Востоке. В дни ливанской бойни израильские средства информации открыто бахвалились тем, что захватнические войска Израиля "как нож масло" разрезали миротворческие части и вышли к Бейруту. Сионистская пропаганда даже не пыталась скрыть человеческие жертвы, понесенные при этом силами ООН. Что ж, в этом отношении ближневосточный жандарм США недалеко ушел от своих вашингтонских хозяев.

Да, сионистским правителям Израиля по душе кровавая роль ближневосточного жандарма, предначертанная далеко идущими экспансионистскими планами вашингтонской администрации Рейгана. Вот почему множатся разбойничьи налеты израильских вооруженных сил на истерзанный Ливан. Вот почему изо дня в день зверски орудуют на палестинской земле сионистские террористы. Вот почему международный сионизм всячески поддерживает "необъявленную", но ведущуюся Израилем войну за захват новых арабских территорий, за истребление палестинцев, за осуществление притязаний американского капитала на владычество в ближневосточном регионе.

Сионистская пропаганда пытается отвлечь население Израиля от тяжелой действительности неумолчным шумом о растущей военной поддержке Рональда Рейгана. Понимая, что монополистический еврейский капитал США в силах продиктовать президенту свои железные условия (а Рейгана не очень-то приходится уговаривать!), израильские сионисты с иронической снисходительностью относятся к любому нелестному для них высказыванию прессы или видного политического деятеля США: не раз, мол, слышали, ну и что! По привычке обозвали антисемитом известного обозревателя Джеймса Рестона, со страниц "Нью-Йорк таймс" сказавшего: "Американский народ устал от израильских требований". И словно в пику ему поспешили раструбить, что подведомственное высшим сионистским инстанциям "Общество еврейского воспитания" сумело добиться от военных властей США права на регулярное проведение воспитательной работы среди американских военнослужащих еврейского происхождения.

— Америка нас не оставит, Америка нас выручит, Америка нам поможет!

Этот назойливый мотив израильской пропаганды неизменно воскрешает в моей памяти беседу в Остии под Римом с изстрадавшим много горя в зарубежных скитаниях бывшим советским фармацевтом. Ныне Аркадий Зельманович за треть ставки подпольно служит в "фирме" по сбыту беспатентных противозачаточных средств, а по воскресеньям участвует в

жалком торжище на печально знаменитой римской барахолке Порто-Поргезе — тщетно пытается сбыть привезенные из дому янтарные изделия и гусиный пух для подушек.

— Об американской помощи, американской выручке много всяких криков и толков я слышал за четырнадцать месяцев мучений в Израиле, — сказал мне Аркадий Зельманович. — И знаете, как я это оцениваю? Точно так, как мой покойный отец. А он был гораздо умнее своего единственного сына. Он прожил всю свою жизнь уважаемым человеком в Баку, а я уже пятый год валандаюсь по странам западного "рая" на птичьих правах. Он видел в Баку летом двадцатого года Первый съезд народов Востока, а я видел здесь, как после милого разговора в "Джойнте" и американском консульстве молодой одессит Валерий Пак выбросился из окна на тротуар!.. Так вот отец велел мне крепко запомнить слова Джона Рида, которые лично сам слышал на том съезде. И я запомнил — можете проверить по стенограмме! Отвечая кому-то, кто сильно надеялся на то, что "Америка все пришлет, все даст", Джон Рид сказал так: "Дядя Сэм никогда не дает чего бы то ни было даром. Он является с мешком, набитым соломой, в одной руке и с кнутом — в другой. Кто принимает обещания дяди Сэма за чистую монету, тот вынужден будет платить за них потом и кровью".

Потом и кровью! Столь дорогой ценой будут, разумеется, расплачиваться не сионистские лидеры и знатные клерикалы, а израильские трудящиеся, обогащающие своим трудом тех, кого Вашингтон подзуживает на новые милитаристские и захватнические акции. Уже сейчас сыновья и дочери рабочих и рядовых служащих, лишённые средств на бегство из страны, нередко отдают жизнь в бесчисленных кровавых операциях израильской армии, гибнут, как точно выражаются израильские коммунисты, за долларовую похлебку. А израильские банкиры и предприниматели, спекулянты и террористы, исповедуя циничное кредо "Ма ихпат ли!" ("Мне-то какое дело!"), боятся от роскоши, стремясь перешеголять один другого изысканными виллами, быстроходными яхтами, суперавтомобилями. Буржуазия Тель-Авива неистово соревнуется, например, в "модном" импорте домашней челяди из Филиппин вышколенной, умелой и, главное, безропотной. От удовлетворения любых прихотей, самых изощренных и безрассудных, не останавливает израильских богачей и разъедающий страну жестокий кризис. Кризис, дающий все новые и новые метастазы.

Не случайно от западноберлинского журналиста, посетившего Тель-Авив, я услышал:

— Напоминаю вам: я не левый. Но не могу не сказать, что тельавивцы из аристократических районов роскошествуют так безотчетно, так нагло, что в сравнении с нищим существованием обитателей районов трущоб среди крыс и нечистот это напоминает пир во время чумы.

Подчеркиваю, такой кощунственный пир кучки израильских богачей сопряжен с разгулом бешеного антисоветизма, достигшего своего апогея, когда инфляция в стране перевалила за отметку 480 процентов. Когда число беглецов из страны — йордим, преимущественно коренных жителей, стало заметно перекрывать число обманутых сионистской агентурой новоприбывших — олим. Когда количество не вернувшихся в страну из зарубежных командировок, туристских поездок и после учебы израильтян достигло в этом маленьком государстве 37 000 человек в год (в 1984 году эта цифра возросла). Когда окончательно зашли в тупик тщетные попытки реализовать кэмпдэвидский стговор о предоставлении мифической автономии проживающим на захваченных Израилем территориях палестинцам. Когда с новой силой разгорелась их освободительная борьба против захватчиков.

Что же практически извлек для себя Израиль, реализуя гигантскую программу очернения социализма? Что принес разнузданный антисоветизм не знающей мирных дней стране, где нравственно разрозненных, классово чуждых, разговаривающих на 81 языке выходцев из 102 стран тщетно пытаются превратить в единую "еврейскую нацию"?

Стала ли менее острой угроза войны на Ближнем Востоке? Нет, захватническая политика и террористическая практика сионистских правителей Израиля все более обостряет

такую угрозу. Это вынужден был признать даже матерый сионист Нахум Гольдман, в недавнем прошлом многолетний президент Всемирного еврейского конгресса. А то, что сионистские фанатики объявили Гольдмана... антисемитом, только повышает значение его нелегкого признания.

Уменьшились ли темпы роста инфляции? Нет, непрерывно растут и достигли в 1985 году мирового рекорда!

Увеличилось ли число возвратившихся в страну йордим? Нет, застряло на нуле, хотя перечень рекламируемых льгот для вернувшихся беглецов намного превышает куцые льготы, формально предоставленные олим. Хотя сионистские организации вне Израиля, не стесняясь в способах, выживают "израильских антипатриотов" из стран, куда они бежали. Хотя международный сионизм предаст анафеме тех, кто забыл, что их место в Ливане, в действующих частях израильской армии. Хотя израильская пропаганда назойливо предостерегает: и думать не думайте о выезде из Израиля, вы попадете в обстановку страшного антисемитизма! Особенно отрицательно оценивает израильская печать положение евреев в США, именует их белыми неграми.

Стабилизировалось ли положение олим, еще не покинувших Израиль? Нет, появляются новые грозные признаки дестабилизации вроде растущей грызни между так называемыми землячествами. К примеру, заправили многих землячеств бывших советских граждан поспешили согласиться с чиновниками из министерства абсорбции, что олим с Северного Кавказа еще не доросли до уровня полноценных израильтян.

Сглаживаются ли расовые противоречия между различными "этническими" группами израильтян-старожилов? Нет, заметно обостряются. За последнее время сотни "третьесортных" темнокожих евреев обратились в международный Красный Крест с просьбой объявить их своими подопечными и переселить в страны Африки и Азии.

Снизилось ли число молодых людей, категорически отказывающихся от прохождения военной службы на оккупированных территориях? Нет, повысилось. Даже некоторые кадровые военнослужащие, подобие перенесшему 180-часовое пребывание в карцере и приговоренному к трехлетнему тюремному заключению солдату Альгази, предпочитают самый суровый приговор военного трибунала участию в террористических расправах с палестинцами.

Улучшилось ли тяжелое положение израильской бедноты? Нет, ухудшилось. Это неопровержимо подтверждает появление новых кварталов нищеты, где живут отверженные израильского общества. Один из таких кварталов — Катаны — в Иерусалиме пресса именует "гетто нищих". А в официальных документах каждый такой квартал называется зоной социального отчаяния. В стране их, по правительственным данным (явно заниженным!), уже 119.

Я мог бы беспредельно расширить перечень подобных вопросов и на основе фактов дать на них правдивые ответы, наглядно показывающие неминуемую обреченность всех сионистских планов.

"РАЗВЕ ЭТО ДЕМОКРАТИЯ?"

Рассказывая о "прелестях" жизни израильского общества, я сравнительно часто ссылаюсь на тельавивскую русскоязычную газету "Наша страна". Эта газета прежде всего рассчитана на заманенных из Советского Союза олим, не владеющих ни ивритом, ни идиш. Как нетрудно догадаться, на "Нашу страну" сионистская пропаганда возложила нелегкую миссию "успокаивать" бывших советских граждан, обнадеживать их тем, что "после того, как сейчас довольно плохо, потом будет очень хорошо". Авторы газеты, предводительствуемые махровым антисоветчиком Шабтаем Гимельфарбом, личным другом покойного Акселя Шпрингера, из кожи вон лезут — только бы как-нибудь выполнить возложенную на них нелегкую задачу "умиротворять" подавленных печальной израильской действительностью новоприбывших, "отвлекать" их от повседневных горестей.

И если уж "Наша страна" иногда позволяет себе слегка приоткрывать завесу и говорить о катастрофическом положении бывших советских граждан, значит, как говорится, податься некуда.

В последние месяцы 1985 года-месяцы, по выражению израильских журналистов, тощие — "Наша страна" вынуждена была неоднократно признать, что не имеющие постоянной работы олим (а таких большинство) не только живут "ниже установленного учреждениями социального страхования уровня бедности", но практически лишены возможности лечиться даже при самых тяжелых заболеваниях.

Работники медицинских учреждений страховой кассы Купат-Холим (кстати, дважды бастовавшие осенью в знак протеста против учащающихся сокращений и многочисленных задержек с выплатой заработной платы) не оказывают большинству олим, прежде всего безработным и пенсионерам, элементарной медицинской помощи.

Думаю, читатели не посетуют на то, что я приведу без малейших изменений и сокращений письмо (вероятно, израильская цензура основательно подредактировала его!), которое пришлось опубликовать "Нашей стране". Напечатанное 4 октября 1985 года под заголовком "Не для нас" письмо подписали бывшие советские граждане Манаширов Исаак, Яакоби Авраам, Элишакова Сара, Михаил Мегрелишвили, Михаэли Моше, Айзенберг Хаим:

"Мы — приехавшие из Советского Союза, некоторые из тех, которые заболели здесь тяжелой болезнью — хроническим гнойным воспалением кишечника, по-латыни "колитис ульцероза". Сначала нам говорили, что медицине неизвестно ее происхождение и радикальные средства ее лечения [Впоследствии медики признали, что эпидемия этой болезни результат массового потребления беднейшей частью населения удешевленных, то есть полугнилых овощей и фруктов. — Ц.С.]. В разных больницах страны нас на всякий случай лечили только таблетками "преднисон" в гигантских дозах. Такое лечение дало отрицательные результаты: многие из нас распухли, и лечение пришлось прекращать.

Примерно два-три месяца назад некоторые из нас пришли к врачу гастрологического отделения больницы д-ру Н. Шемеш. Он сообщил нам, что появилось новое радикальное средство лечения болезни "колитис ульцероза". Дал нам по несколько флаконов этого нового средства "колиофам", которое больница получила от фирмы для опыта и проверки его действия на больных. После принятия этого лекарства мы получили облегчение, а для тяжело больного Мегрелишвили оно оказалось особенно действенным. Это лекарство распространяется фармакологической фирмой "Хеврат Кацат", адрес которой: дерех Жаботинский № 100, Петах-Тиква.

Доктор Шемеш, узнав о хорошем результате лечения этим лекарством, написал для Мегрелишвили специальное письмо в Купат-Холим (учреждение социального страхования. — Ц.С.), чтобы в дальнейшем он, а также и мы могли покупать это лекарство в Купат-Холиме на общих основаниях. Однако в ответ на письмо д-ра Шемеша, в Купат-Холим заявили Мегрелишвили, так же, как и нам, что применять это лекарство к нам у них нет возможности, что закупать его для нас, как это практикуется в отношении многих других лекарств, Купат-Холим не будет. Получается, что именно мы, тяжело больные и получающие мизерное пособие, лишены возможности пользоваться этим спасительным лекарством.

Покупать его за свой счет мы, конечно, не можем. В месяц каждому больному нужны минимум четыре флакона. Каждый стоит 50.000 шекелей (цена приведена в старом шекельном исчислении. — Ц.С.). А флакона хватает только на одну неделю. Мы, пенсионеры из Советского Союза, и без того материально не обеспечены. Мы ошеломлены такой цифрой. Для привилегированных членов Купат-Холима есть любые лекарства. А подход к нам равен ограблению. Это издевательство над неимущими и тяжело больными нужно покончить немедленно.

Мы надеемся, что наш вопль и страдания найдут нужный отзвук в руководстве Купат-Холима, чтобы обеспечить нас лечением, как других вообще".

Нашло ли письмо шестерых обнищавших и больных олим ожидаемый ими отзвук?

Приравняют ли "подопытных кроликов" к "другим вообще", то есть к избранным, могущим рассчитывать на медицинское обслуживание? В течение четырех месяцев "Наша страна" об этом не сообщила.

Зато вынуждена была опубликовать еще одно — не менее трагичное — письмо о новом "достижении" израильского здравоохранения. На сей раз оно выразилось в следующем: из всех без исключения больниц были организованно выдворены несколько десятков находившихся там на постельном режиме подростков из олимских семей. Прежде всего такая участь постигла детей, нуждающихся в онкологическом лечении.

Перелистывая номера "Нашей страны" в поисках отклика на письмо шестерых олим, я то и дело наталкивался на завуалированные полупризнания чиновников министерства абсорбции о непрерывно ухудшающемся материальном положении бывших граждан социалистических стран. Правда, министерство абсорбции обвиняет в создавшемся кризисе пресловутый Сохнут. От этого влачащим жалкое существование людям не легче: они дошли до грани полного обнищания.

Даже из редакционной статьи под крикливым названием "В ожидании большой алии" можно узнать, что израильские организации, обязанные помочь новоприбывшим "как-нибудь перебиться", выделяют обманутым людям "пособия в суммах, которых хватает на хлеб и воду, но не выше". Один из тех, кто получает такое "пособие", скрывшийся под инициалами Е.Г. (сионисты могут безжалостно расправиться с "недовольными"!), в письме под заголовком "Разве это демократия?" горько иронизирует по поводу "недостатков", которые приходилось "терпеть" новоиспеченным израильтянам в бытность гражданами социалистических стран:

"Там эпидемия дизентерии не может произойти из-за забастовки работников муниципалитета. Там врачи не бастуют, работники электростанций и транспорта не прекратят работу и не парализуют жизнь в стране по своей прихоти".

Там, добавлю, не встретишь на газетных страницах такого, весьма распространенного в израильской прессе, заголовка: "Занятия в школах возобновились. Надолго ли?". Там руководители министерства финансов не будут восторгаться тем, что "за минувшие две недели сентября цены возросли всего лишь на 3,2 процента". Там телевизионные зрители не становятся жертвами "культурного империализма".

Это явление, столь типичное для израильской жизни, имеет, правда, глубокие французские корни.

"Культурным империализмом" впервые назвал министр культуры Франции Жак Ланг нашествие телевизионной и кинематографической продукции, обрушившееся из США на французских зрителей. Особенно усилилась грубейшая обработка французов в духе "непревзойденного американского образа жизни" с вводом в действие телеканала частной компании "Франс-5". Поток аморальных, прославляющих культ силы и насилия кинокартин. Бесконечные "полицейские" и "политические" серии с традиционным кровопролитием. "Ослепительные", но совершенно бездумные шлягеры, воспевающие в блеске огней и показной мишуры все тот же самый американский образ жизни. Такие программы французы сразу же метко окрестили "телевидением кока-колы".

Но все это далеко не шутка и представляет собою большую морально-политическую опасность. Как подчеркнула газета французских коммунистов "Юманите", передача одного из важнейших средств массовой информации в руки частного капитала попирает права и демократические свободы, еще более ограничивает возможности доступа прогрессивных сил к массовой аудитории. У французского государственного телевидения мало средств и возможностей, чтобы сопротивляться мощному наступлению "телевидения на американский манер".

А вот Израилю для насаждения с экранов "культурного империализма" совершенно не понадобилась частная телевизионная компания. Там уже давным-давно программы государственного телевидения заполонила мутным потоком американская продукция.

Я внимательно прочитал опубликованные в израильской прессе шестнадцать

еженедельных перечней телевизионных передач в августе, сентябре и октябре 1985 года. И без особого труда установил: у израильских телезрителей нет ни единого "выходного" вечера, когда они были бы свободны от американской кинопродукции.

Нередко в один вечер телевидение Израиля потчует зрителя сразу двумя американскими фильмами из двух соответствующих сериалов. Так было, например, 9 сентября: без перерыва запустили на телеэкраны по очередной серии многочастных "полотен" — "Эллис Эйланд" и "Рашель в опасности". В субботу 8 октября зрителей угостили картинами "Черное чудовище" из многосерийного фильма "Американский герой" и "Проблемы на Бродвее" из цикла "Убийство росчерком пера". Иногда составители телепрограмм даже не утруждают себя и зрителей названием фильма, а ограничиваются (например, в пятницу 16 августа) исчерпывающим обозначением — "Ковбойский фильм". Через весьма короткие промежутки времени повторяется показ фильмов откровенно антисоветского содержания — таких, как пресловутая многочастная "Третья мировая война". Наконец, без объявления в еженедельном перечне программ заполняют домашние экраны хроникальные "политические короткометражки". И о трагедиях Чили и Сальвадора, о зверствах на ливанской земле, о борьбе никарагуанцев за свою свободу израильские зрители информируются с позиций Белого дома и Пентагона.

Даже сионистская печать иногда осмеливается посетовать на чрезмерное обилие американской кинопродукции. Проболтавшись о вложениях иностранного капитала в израильское телевидение, тель-авивский журналист Маковер робко замечает: "Большая часть передач — покупные фильмы". Конечно, любой израильский школьник понимает, что словом "покупные" в этой фразе предусмотрительно заменено слово "американские". Маковер продолжает: "Телевидение больше транслирует, чем творит". И как закономерный результат "меч сокращений навис над израильским телевидением". В конце 1985 года 362 телеработника пополнили ряды израильских безработных.

Пытаясь хоть как-нибудь выйти из телевизионного тупика, сионистская пропаганда сама себя втянула в своеобразный капкан. Она, конечно, сознает свою непреложную обязанность поддерживать то, что выше было названо "культурным империализмом", то есть содействовать все большему проникновению на израильское телевидение кинопродукции, прославляющей хваленый американский образ жизни, помогающей воспитывать из израильской молодежи "рэмбовидных" суперменов. Но в то же время иные идилически сусальные фильмы с традиционным "хеппи энд" стимулируют в израильтянах желание бежать из хронически воюющего Израиля в "благополучную" Америку.

А пока суд да дело, на телеэкранах жителей Израиля льются потоки крови, гремят взрывы и залпы, занимаются порнографией обольстительные голливудские красотки-наркоманки. Зрителей, упивающихся такими "произведениями искусства", сионизму гораздо легче глушить расистской отравой.

В одной американской упряжке вместе с телевидением идет и реакционное крыло израильской художественной литературы. Еще до сдачи в издательство очередной новинки-романа или повести шовинистического толка меценаты из израильских богатеев выплачивают автору "надбавку к гонорару". Особенно популярна среди меценатов и руководителей сионистских организаций писательница Яиль Даян, достойная дочь "ястреба из ястребов" Моше Даяна, кахановского предтечи, от которого в свое время попытались отмежеваться даже архимилитаристские киты вроде Бен-Гуриона.

Постыдная расистская "слава" Яиль Даян зажглась еще несколько лет назад, когда она в жанре художественной прозы обвинила в антипатриотизме группу выпускников израильского университета. Они демонстративно начертали на своих дипломах "Долой войну на истощение" и с грустной иронией говорили друг другу при расставании: "До встречи в списках убитых". Обращаясь к одной из выпускниц, Мириам, прославленный палестинский поэт Муин Бсису писал:

Яиль Даян,

разъезжающая на бронетранспортере
с пишущей машинкой на коленях,
да пребудет она романисткой,
о которой напишут критики
американских газет...
В списках убитых израильтян
меж именами Рахили и Савла
можно вписать название романа
или строчку рассказа...
Лицо романистки
возникнет на книжной обложке,
когда на твое лицо, Мириам,
обрушатся комья земли.

Яиль Даян особенно яростно проклинает "изменнически настроенную" еврейскую молодежь "стран рассеяния" за игнорирование призыва сионистов переехать на "родину отцов". Попутно романистка-террористка выступает в "защиту" молодых советских евреев, которых "враждебная еврейству Москва" отвлекает от заманчивой возможности стать пушечным мясом израильской военщины и найти свой конец на горящей под ногами оккупантов земле Ливана. Точным эпиграфом к "художественным произведениям" Яиль Даян и ее единомышленников могли бы стать циничные слова Голды Меир: "Палестинцы? Такого народа не существует".

Такая идеология и вытекающая из нее расистская практика вполне устраивают администрацию и монополистические круги США. Вот почему представитель Вашингтона в Совете Безопасности ООН в конце января 1986 года сорвал (в который раз!) принятие резолюции, осуждающей бесчинства Израиля на оккупированных арабских землях. Вот почему в то же самое время Белый дом "подбросил" Тель-Авиву еще полтора миллиарда долларов сверх запланированных в государственном бюджете колоссальных сумм.

Однако крупные подачки США не могут остановить массовое бегство израильтян (в том числе и старожилов) из страны. По сообщениям американской газеты "Нью-Йорк таймс", число беглецов составило в 1984 году почти 10 тысяч. В 1985 году это число значительно увеличилось. Растут и ряды "йордим" — тех, кто так и не доехал до "земли обетованной" и предпочел ее скитаниям по городам Западной Европы. Эти люди обречены на бесправие и мучения, они лишены жилья, работы и даже документов, дающих им право где-либо обосноваться. Вот до чего довело их кратковременное пребывание в Израиле!

Чтобы как-нибудь компенсировать утечку населения, сионистские правители Израиля и руководители служб международного сионизма с новой силой разворачивают вербовку олим. Если раньше она проводилась под предлогом воссоединения семей, то сейчас сионисты оголтело вопят о "священной обязанности" евреев всех стран "репатриироваться на землю отцов".

Какая лицемерная демагогия! Как можно говорить о репатриации людей, никогда в жизни не ступавших ранее на израильскую территорию, людей, для которых Израиль никогда не был родиной! Помню, с каким негодованием говорили в Остии бывшие граждане социалистических стран, сознательно "не доехавшие" до Израиля:

— Службы итальянского социализма упорно именуют нас израильскими репатриантами. Нет у них оснований называть нас так.

— По собственной вине мы утратили гражданство тех стран, откуда мы уехали. Но репатриантами на израильский лад никогда не станем!

— Сколько бы нас на чужбине ни преследовали сионистские агенты, "репатриироваться" в Израиль мы не будем. Мы прекрасно понимаем, зачем израильским властям нужны такие "репатрианты", как мы: им не хватает людей для военных поселений на захваченной арабской земле!

Против развертывания в Израиле новых военных поселений выступает Демократический фронт во главе с Коммунистической партией Израиля. О ее деятельности в стране, находящейся в состоянии перманентной войны с арабами, убедительнее всего можно сказать словами приветствия Центрального Комитета КПСС XX съезду Коммунистической партии Израиля:

"Советские коммунисты хорошо знают, как последовательно и мужественно ваша партия, объединившая в своих рядах патриотов и интернационалистов — евреев и арабов, отстаивает жизненные интересы трудящихся, выступает за демократию и социальный прогресс, добивается сплочения всех антивоенных сил страны.

Широкое признание получила борьба Компартии Израиля за установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, против агрессивных действий сионистских правящих кругов, которые стремятся аннексировать захваченные арабские земли, навязать неравноправные сепаратные сделки. Наши партии едины в том, что ближневосточное урегулирование должно быть всеобъемлющим, учитывать законные права и интересы всех государств и народов этого региона — арабских, Израиля, палестинского народа. Такое урегулирование может быть достигнуто только путем коллективных усилий, путем созыва международной конференции с участием всех заинтересованных сторон, в том числе ООП — единственного законного представителя арабского народа Палестины.

Активно выступая против вовлечения Израиля в глобальное "стратегическое сотрудничество" с американским империализмом, в реализацию смертоносных планов "звездных войн", израильские коммунисты вносят свой вклад в обуздание сил милитаризма, предотвращение ядерной войны, сохранение мира на земле.

Мы высоко ценим неустанную борьбу Компартии Израиля, твердо стоящей на позициях марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, против проводимой реакцией политики антисоветизма и антикоммунизма".

ЗА ГРАНЬЮ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

...Когда завершалась работа над предыдущим изданием этой книги, мне на глаза попались несколько номеров издающегося в Иерусалиме журнала "Израиль сегодня". Это издание заполнено преимущественно перепечатками "самого актуального" из наиболее реакционных и влиятельных сионистских газет.

Перелистывая сию печатную продукцию, я в одном из номеров наткнулся на публикацию Менахема Бегина под интригующим заголовком "Альтернативы войны" — отрывки из речи перед курсантами военного училища. Произнес ее Бегин 8 августа 1982 года, накануне пирровой победы израильских полчищ в Ливане. Премьер-террорист доказывал будущим израильским офицерам, что ливанская бойня — это "тенденция жизни". Ни больше, ни меньше!

В другом номере я обратил внимание на заголовок "Рекорд Рафуля". Статья, вышедшая, кстати, из недр "пресс-сервиса Всемирной сионистской организации", восхваляет "честного и бесхитростного солдата" Рафаэля Эйтана, начальника генерального штаба израильской армии. Он, убийца пленных, заслуженно побил рекорд длительности пребывания на столь высоком посту [Правда, сионистскому кабинету министров все-таки пришлось в конце концов убрать рекордсмена Эйтана — никак уж нельзя было скрыть его прямую причастность к преступлениям в лагерях Сабры и Шатилы. Да и суперястребы разглядели в новом начальнике генерального штаба Моше Леви еще больше патологической ненависти к арабам, нежели в беспощадном Рафуле.].

Не задерживаясь особенно над обычным сионистским чтивом, я отложил журнал и собрался было продолжить работу. Но этому помешала внезапно вспыхнувшая, пока еще неясная догадка: а ведь я когда-то где-то уже читал нечто подобное? Память отчетливо подсказала: надо обратиться к материалам Нюрнбергского процесса главных немецко-фашистских военных преступников!

Так я и сделал.

И убедился: нет, не случайно все вычитанное в иерусалимском журнальчике четко ассоциируется в сознании читателя с показаниями подсудимых на Нюрнбергском процессе!

Не хочется засорять заключительные страницы книги сличением грязных цитат из "доводов" гитлеровских подручных с не более чистыми материалами сионистской прессы. Суть-то ведь не в текстуальном совпадении, а в самом _духе и направлении_ высказываний главарей нацизма и лидеров сионизма. Дух один. Направление одно. И кичливые сентенции Бегина о не имеющей альтернативы разбойничьей войне против Ливана воспринимаются без всякой, поверьте, предвзятости, как вариации увертливых показаний фашистских военачальников Кейтеля и Йодля, пытавшихся на суде "облагородить" цели гитлеровских захватнических войн. И без малейшей нарочитости в читательском сознании сплавляются воедино заявления Эйтана о тотальном истреблении палестинцев, как об единственном способе решения палестинской проблемы, с людоедскими взглядами нацистского "идеолога" антисемитизма Штрейхера, инициатора еврейских погромов в фашистском рейхе. И слышатся геринговские нотки в лицемерных заверениях Шамира о полнейшей (!) непричастности сионистской верхушки Израиля к геноциду.

Какую грань античеловечности и вандализма сегодня пересек сионизм, если первые же попавшиеся, вполне, можно сказать, привычные откровения его лидеров и похвалы по его адресу обоснованно ассоциируются с показаниями гитлеровских сподвижников, пытавшихся на скамье подсудимых оправдать свои злодеяния!

Нацистские сподвижники Гитлера и неонацистские заправилы сионизма схожи в своих взглядах на истребление "враждебных рас". В связи с этим остается только напомнить, что первые закончили свой бесславный жизненный путь на эшафоте в Нюрнберге. Что ждет вторых?..

В этой книге не раз уже говорилось о многих взглядах и действиях сионистских заправил семидесятых-восьмидесятых годов, удручающе идентичных тому, что исповедовали и творили нацистские правители тридцатых-сороковых. Обязан, однако, подчеркнуть еще одно убийственное для сионизма полнейшее совпадение идеологии и практики его сегодняшних лидеров с проповедями и, главное, преступными делами нацистских бонз. Эту преступную тождественность воочию видишь, когда обращаешься к документам Нюрнбергского процесса главных немецко-фашистских военных преступников.

Те в показаниях Международному трибуналу с тупым упорством пытались представить своим сообщником... весь немецкий народ. Словно не было пламенного Эрнста Тельмана и его неколебимых соратников. Словно в самые беспросветные дни гитлеровского владычества не действовали смелые борцы антифашистского подполья. Словно сотни тысяч честных граждан Германии не стали жертвами гестаповских расправ. Гитлеровским сподвижникам хотелось, чтобы суд народов расценил их как представителей роковым образом поверившего фюреру немецкого народа.

Не случайно, стало быть, сионистские правители, а с ними и лидеры международного сионизма позаимствовали у нацистских идеологов и этот лживый прием: они селятся изобразить себя идейным рупором абсолютно всех евреев и в Израиле и вне его. Всякого рода шамиры и аренсы тщатся доказать, что сионист и еврей — понятия идентичные, что военные преступления сионизма и вообще всю его античеловечную практику и бездуховную идеологию одобряет все еврейство в целом и каждый еврей в отдельности. Не рассчитывают ли палачи Сабры, Шатилы и Айн аль Хильвы на то, что подобная демагогия поможет им оправдаться перед неминуемым судом народов!

Нет, с первых же дней зарождения сионизма образовалась глубокая пропасть между ним и широкими массами трудящихся евреев. И особенно углубляет эту пропасть каждый новый варварский шаг сионистских правителей Израиля и международного сионизма по пути агрессии и расизма. Не только вне Израиля люди еврейского происхождения на всех континентах негодуяюще осуждают кровавые преступления израильской военщины в Ливане и оккупированных арабских землях. В самом Израиле, несмотря на диктаторские приемы

сионистских заправил, несмотря на нажим заокеанских хозяев, все больше граждан достойным образом оценивают грязную войну в Ливане и требуют от израильского правительства положить ей конец. "Массы выступили против нее, чего не было никогда раньше. Наша партия на этот раз не была одинока", подчеркивает Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля Меир Вильнер.

Различные общественные круги организовали "Комитет против войны в Ливане". Активнее стало действовать движение "Мир — сегодня". Разумеется, поднял свой гневный голос Демократический фронт за мир и равноправие. В этот Фронт, как можно судить по его предвыборному Обращению, озаглавленному "Мир — реальная возможность", входят: Коммунистическая партия Израиля, организация Черные Пантеры, "Левые социалисты Израиля", главы местных арабских советов, местные демократические органы, инициативный комитет друзей, различные круги и отдельные еврейские и арабские деятели. И налицо примеры того, как стремительно растет число израильтян, протестующих против захватнической политики правительства, против ведущейся при прямой поддержке США и международного сионизма захватнической войны.

20 000 израильтян вышли на первую массовую демонстрацию протеста против ливанской бойни;

100 000 человек приняли участие во второй бурной антивоенной демонстрации в Тель-Авиве;

400 000 граждан Израиля (более четверти взрослого населения страны!) вышли на улицы в рядах участников демонстрации против резни в лагерях Сабра и Шатила;

1116 военнослужащих (по данным марта 1985 года) предпочли тюремное заключение прохождению воинской службы на оккупированных территориях Ливана.

Гляжу на предвыборное Обращение Демократического фронта, украшенное символическим изображением голубя мира, и спрашиваю:

А как же повели себя так называемые парламентские противники Бегина из других сионистских партий — ведь на выборах они с пеной у рта критиковали возглавляемый им блок Ликуд?

На этот вопрос дает исчерпывающий ответ товарищ Вильнер:

"8 июня 1982 года, сразу же после начала агрессии, фракция Демократического фронта за мир и равноправие, в центре которого стоят коммунисты, внесла в кнессете предложение о вотуме недоверия правительству. За это предложение проголосовали только члены нашей фракции — четыре депутата. Остальные, в том числе депутаты от главной "оппозиционной" партии труда, проголосовали за войну".

Да, все без исключения сионисты проголосовали за войну.

Такова истинная цена "межпартийных разногласий" в сионистском стане. Таков реальный результат предвыборных обещаний всякого рода сионистских лидеров, алчущих урвать свой кусок на правительственной кухне. Трижды прав бывший польский адвокат, испытавший на себе прелести израильской демократии. "Разные сионистские группировки — это только разные масти, — твердо сказал он мне, — а карты одни и те же. Это неудивительно для государства, которое более чем за тридцать лет существования не приняло своей конституции. Ее подменяют сионистские скрижали и приказы Вашингтона".

Представим себе, читатель, что кнессет в ответ на протесты многих израильтян все-таки вынужден будет для проформы обратить внимание на страшный бактериологический полигон израильских карателей в Дженине, Хеброне, Наблусе и других оккупированных арабских территориях. То, что оккупанты творят там, стоит в одном ряду с трагедией Сабры и Шатилы. Тысяча палестинских девушек отравлены бациллами "таинственной" болезни, которая должна привести их к бесплодию. Оккупантам не угодно, чтобы рождались дети — будущие палестинские патриоты, бойцы Сопrotивления. Каннибальские расчеты карателей именно таковы вспомните, с какой целью израильские летчики бросали на ливанскую землю начиненные взрывчаткой детские игрушки: из покалеченного ребенка не вырастет боец.

Чем же может закончиться разговор об этом в кнессете? Без сомнения, только одним: сионисты всех мастей проголосуют за бактериологические зверства с такой же легкостью, с какой проголосовали за войну.

А потом будут снова и снова демагогически выдавать свое собственное сионистское единство за мифическое, надуманное "национальное единство" всех израильтян. Будут любыми провокациями создавать идиллическую иллюзию согласия всего еврейства с бездуховностью и бесчеловечностью сионистов.

В том, что современный сионизм придерживается такой гнусной, предельно искажающей правду тактики, меня еще и еще раз убедили елейные и лицемерные высказывания некоторых известных его деятелей, с которыми мне довелось за рубежом беседовать, — такими, как редактор трех сионистских изданий в Италии Луччиано Тас, главный раввин Великобритании, Австралии и Новой Зеландии Иммануэль Якобовиц, председатель еврейской общины Западного Берлина Хейнц Галински, главный редактор старейшей сионистской газеты "Джуиш кроникл" Готфрид Полл. Естественно, они говорили со мной достаточно сдержанно, не раскрывая во всей неприглядной полноте коренных практических задач сионистского движения и, главное, неразборчивых методов осуществления этих задач. И тем не менее, слушая их, я с новой силой убедился: коварен сионизм, беспощаден, злобен. Он считает своим противником каждого, кому по сердцу прогресс, демократия, мир. Но трижды враждебен он любому трудящемуся, мечтающему о мире и подлинном прогрессе еврею, повторяю, любому — и моему советскому соотечественнику, и проживающему на Западе в вольготной для антисемитизма атмосфере.

Вот почему я обязан вновь опубликовать эти документальные записи — небольшую толику того, о чем непременно следует рассказать во весь голос всем, кто справедливо, от чистого сердца не ставит знака равенства между сионистами и евреями.

Вот почему я обязан еще и еще раз сказать о кровавых злодеяниях сионизма. Особенно тяжелы они для арабских народов Палестины и Ливана, беспощадно истребляемых сионистскими вояками при поддержке американских покровителей и сообщников. Бомбы израильской авиации и крупнокалиберные снаряды американских военных кораблей, использующих пиратский опыт разбоя у берегов Кореи, Вьетнама, Гренады, сеют смерть, разрушение. Мучительно думая об этом, еще сильнее осознаешь непреложный долг каждого советского гражданина еврейской национальности внести свой вклад в правое дело борьбы с фашиствующим сионизмом, превратившим Ближний Восток в один из опаснейших очагов кровавого насилия и военных пожаров.

В одном строю со всеми равноправными гражданами многонационального государства советские евреи — на стороне правого дела. Да, правому делу отдают они все сердце, все помыслы, всю силу презрения к жалким отщепенцам, предавшим свою социалистическую Родину.

И вместе со всеми советскими народами они возмущены новыми преступными деяниями сионистских правителей Израиля в конце первой половины восьмидесятых годов. Бандитский воздушный налет на столицу суверенной арабской страны Туниса, принеший гибель свыше 70 тунисцам и палестинцам. Варварская бомбардировка ливанского поселка Бар-Элиас с многочисленными жертвами из среды мирных жителей. Чуть ли не ежедневные жестокие репрессии против населения формально "освобожденных" районов Ливана.

Все эти преступления осуществляются не только с полного одобрения, но при прямом покровительстве, даже при действенной помощи "стратегических союзников" из Вашингтона. Не случайно президент США Рейган, упомянув в своем выступлении на сессии ООН "региональные конфликты", счел возможным перед лицом международного сообщества осудить принятую еще десять лет назад этим сообществом известную резолюцию о сионизме, как о форме расизма и расовой дискриминации. Столь же не случайно США вместе с Израилем провели в районе Восточного Средиземноморья особенно крупные военно-морские маневры. Эта милитаристская "репетиция", подчеркивающая растущее военно-стратегическое сотрудничество двух агрессоров, была проведена в

обстановке строгой секретности. Характерная "деталь"!

На советско-ливийских переговорах в октябре 1985 года Михаил Сергеевич Горбачев назвал положение на Ближнем Востоке одной из самых кровотокающих ран в современной мировой обстановке. Ни Израиль, ни США не проявляют доброй воли к заживлению этой раны. Они, наоборот, разжигают военное напряжение в регионе, подтверждая этим справедливость оценки, которую дает действиям империализма на политической арене Программа Коммунистической партии Советского Союза: "Цитадель международной реакции — империализм США. Именно от него прежде всего исходит угроза войны".

Разумом и сердцем осознаем мы, почему, перечисляя "некоторые из бесчисленных злодеяний, которые навсегда останутся позорнейшими страницами истории империализма", Программа КПСС называет попрание законных прав палестинского народа, интервенцию в Ливане.

Эта книга не имеет пролога. Не нужен, стало быть, и эпилог. Да и возможен ли он, покуда сионизм творит свои черные дела, покуда заквашенным на сионизме проискам врагов мира и прогресса должны изо дня в день активно противостоять люди доброй воли, прежде всего, повторю снова, люди еврейской национальности.

Чем же закончить книгу, в которой я не рассказал и сотой доли того, что можно было бы поведать о ядовитой деятельности сионистов, их оборотистых приспешников, их агрессивных покровителей? Покровителей до крайности щедрых — когда речь идет о разжигании антикоммунизма, финансовые воротилы "крестоносного" империализма не скупятся.

...Вспыхнул экран телевизора. Начался спектакль "Тевье-молочник" по широко известному, изданному в нашей стране на многих языках циклу рассказов Шолом-Алейхема. Что-то не встречал я названия этого классического произведения еврейской литературы в программах израильского телевидения и в репертуаре израильских театров. А в спектакле нашего Центрального телевидения многомиллионная аудитория советских зрителей увидела Тевье в прекрасном по выразительности и взволнованности исполнении выдающегося советского актера Михаила Александровича Ульянова.

Как много дорогого мне, безмерно святого, радостного и грустного пробудили в душе живые шолом-алеихемские образы, мысли, слова!

Вспомнилась мне родная Украина, живительная красота ее ласковой природы, столь близкая сердцу Шолом-Алейхема и его любимого героя — человека честного труда и горькой правды Тевье-молочника. Вспомнил, с какой восторженностью говорил мне почти сорок лет назад писатель-коммунист Александр Корнейчук о правдивом образе Тевье, воопроизведенном на сцене замечательными мастерами нашего многонационального театра. Вспомнил, как русским и украинским друзьям моей юности по прочтении "Тевье-молочника" сразу же стало ясно, почему Шолом-Алейхем, признанный Горьким и Коцюбинским, признанный трудящимися многих и многих национальностей, так не по душе еврейским богатеям, а махрово шовинистичным сионистам представляется чуть ли не антисемитом, на что, помните, мне намекал антверпенский богач Брахфельд.

Разве же может сионизм признать еврейского писателя-демократа, понимающего вместе со своим Тевье, какая цельная, сильная личность его дочь — простая девушка Годл, горячо полюбившая революционера и последовавшая за ним в далекую ссылку! Разве могут сионисты согласиться с Шолом-Алейхемом, что его дочери, связавшие свою судьбу с тружениками-бедняками, гораздо счастливее своей младшей сестры Бейлки, вышедшей замуж за богатого подрядчика! Разве способны примириться еврейские националисты с тем, как Тевье иронически воспринимает возможность прокатиться в Палестину за счет богача-зятя и как грустно прощается с родным украинским селом, ибо привязан к земле, где родился и трудился, где по-настоящему дружит с соседями-крестьянами!

Царскому уряднику, выселяющему его из села, Тевье гневно бросает в лицо: "Скажи-ка мне, ваше благородие, а знаешь ли ты, что я живу тут гораздо больше тебя? А сколько раз я, бывало, ходил к тебе, господин начальник, за крестьян хлопотать, чтобы ты их не обижал?"

Очень многие слова Тевье-молочника властно стучатся в наше сердце и сейчас. Над ними следует призадуматься всем, кто еще не уяснил, в чем же преимущественно проявляются корни моральных страданий, корни удушающего бесправия, какие выпали на долю людей, попавших в Израиль. Оторвавшись от могучего дерева истинной Родины ради химерических благ придуманной сионистами "родины отцов", превратили они себя в обреченных на неизбывную тоску, неисчислимы беды, душевную опустошенность.